

Том 31. № 1

2026

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

Россия на пути к империи
К 95-летию профессора Руслана Григорьевича Скрынникова (1931–2009)

Russia on Its Way to Empire
For the 95th Anniversary of the Professor Ruslan Grigoryevich Skrynnikov (1931–2009)

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 31. No. 1

2026

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, Yu.A. Nikitina, I.V. Smetanina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *A.A. Khabarova*

Passed for printing on Mar. 23, 2026.

Date of publication: May 21, 2026. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 25.7. Published pages 27.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies). Order 37. «С» 6.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, Ю.А. Никитина, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование *А.А. Хабаровой*

Подписано в печать 23.03.2026 г.

Дата выхода в свет: 21.05.2026 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 27,6.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.). Заказ 37. «С» 6.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfir.jvolsu.com>

Англоз. сайт: <https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026
Том 31. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2026
Volume 31. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2026. Vol. 31. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

**Topic of the issue: "Russia on Its Way to Empire." For the 95th Anniversary
of the Professor Ruslan Grigoryevich Skrynnikov (1931–2009)**

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the
Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Giryа* (Saint
Petersburg);

Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen,
Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvár Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan*
(Danang, Vietnam);
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

Dr. Sc. *P.V. Sedov* (Saint Petersburg),
Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* (Volgograd),
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* (Volgograd)
take the position of the Executive Editors
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026. Т. 31. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

**Тема номера: «Россия на пути к империи». К 95-летию профессора
Руслана Григорьевича Скрынникова (1931–2009)**

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ассист. *А.С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысиков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Тацров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

Выпускающими редакторами номера являются:

д.и.н. *П.В. Седов* (г. Санкт-Петербург),
д.и.н., проф. *И.О. Тюменцев* (г. Волгоград),
к.и.н., доц. *Н.В. Рыбалко* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова (Седов В.П., Тюменцев И.О., Рыбалко Н.В.)	6
--	---

МАТЕРИАЛЫ

К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Р.Г. СКРЫННИКОВА

Седов П.В. Руслан Григорьевич Скрынников – ученый и преподаватель	8
Смирнов А.С. Научные труды Р.Г. Скрынникова, опубликованные в 2009–2025 годах	12

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ

РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Вовин А.А. Береста и пергамен: к эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси в XIII–XV веках	17
Введенский А.М. Списки Новгородской первой летописи младшего извода. Место Троицкого списка	29
Грязнов А.Л., Поляков И.А. Опыт атрибуции летописных памятников из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (по данным описей и реестров XVII–XVIII вв.)	36

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНАСТЫРЕЙ В РОССИИ

Башнин Н.В. Вклады Ивана IV и князей Палецких в Кирилло-Белозерский монастырь: власть и память	56
Сергеев А.В. Вклады в Кирилло-Белозерский монастырь как отражение социально-политической эволюции княжеских фамилий в XVI веке	75
Целуйкина Е.С. Формуляр вкладных записей приходных и записных книг Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII века	86
Сазонова Т.В. Насельницы Горицкого Воскресенского монастыря во второй половине XVI – XVII в.: их происхождение, причины и обстоятельства пострига	99
Абеленцева О.А. Повседневная составляющая обеспечения вертикальных связей Успенского Тихвинского монастыря с властями Новгородского уезда в 1620–1650-е годы	112

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ

Корзинин А.Л. Царский удел и владения земщины в послеопричный период (1573–1584 гг.)	122
Тюменцев И.О. Избирательный земский собор 1598 г.: «перепрочтение» источников	135
Павлов А.П. К вопросу о классификации жилицких списков первой половины XVII века	156
Рыбалко Н.В. Организация сбора денежных доходов государевой казны Перми Великой в 1605–1608 годах	167
Раздорский А.И. Воронежские таможенные и кабацкие книги 50–70-х гг. XVII в. как исторический источник	182
Камаурали Е.В. Служилое землевладение Оскольского уезда в контексте государственных дозорных и землеустроительных писцовых описаний первой половины XVII века	191
Ладыгин Д.Ю. «Служилый город» как профессиональный резерв для проведения военных и административных мероприятий в период обороны Смоленска 1609–1611 годов	203

РОССИЯ И ЕВРОПА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Магилина И.В. Политическое значение «Московии» в оценке Энтони Ширли в трактате «Peso político de todo el mundo» 1622 года	213
Алексеев А.И. «Подробная летопись истории России от древнейших времен до Полтавской баталии», так называемые «Записки» графа А.А. Матвеева и «Краткое описание блаженных дел императора Петра Великого» П.Н. Крекшина	223
Базарова Т.А. Остров Котлин – морские ворота петровского Санкт-Петербурга: к истории становления торгового порта	232
Иванюк С.А. Расспросные речи как источник по организации разведки русской армии во время Северной войны (по материалам РГАВМФ)	244

ПУШКИНЫ И РОССИЯ XVII ВЕКА

Седов П.В. «В родню свою неукротим»: Гаврила Григорьевич Пушкин и его потомки в XVII веке	254
Вовина-Лебедева В.Г. «Кто подкупал напрасно Чепчугова?» (дополнительный комментарий к драме А.С. Пушкина «Борис Годунов»)	264

CONTENTS

In Memory of Ruslan Grigoryevich Skrynnikov (<i>Sedov P.V., Tyumentsev I.O., Rybalko N.V.</i>)	6
---	---

MATERIALS

FOR THE SCIENTIFIC BIOGRAPHY

OF R.G. SKRYNNIKOV

<i>Sedov P.V.</i> Ruslan G. Skrynnikov: A Scientist and Teacher	8
<i>Smirnov A.S.</i> Scientific Works by R.G. Skrynnikov, Published in 2009–2025	12

HANDWRITTEN DOCUMENTS

OF THE RUSSIAN STATE

<i>Vovin A.A.</i> Birch Bark Documents and Parchment Charters: North-West Rus Charters Evolution in 13 th – 15 th Centuries	17
<i>Vvedenskiy A.M.</i> Lists from the Novgorod First Chronicle of the Younger Edition. The Place of the Trinity List	29
<i>Gryaznov A.L., Poliakov I.A.</i> Experience of the Attribution of Chronicle Monuments from the Library of Kirillo-Belozersky Monastery (Based on the Inventories and Registers of the 17 th – 18 th Centuries)	36

FROM THE HISTORY

OF MEDIEVAL MONASTERIES IN RUSSIA

<i>Bashnin N.V.</i> The Contributions of Ivan IV and the Princes Paletsky to the Kirillo-Belozersky Monastery: Power and Memory	56
<i>Sergeev A.V.</i> Donations to the Kirillo-Belozersky Monastery as a Reflection of the Socio-Political Evolution of Princely Families in the 16 th Century	75
<i>Tseluykina E.S.</i> The Form of the Contribution Records of the Coming Books and Notebooks of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the End of the 16 th – Beginning of the 17 th Century	86
<i>Sazonova T.V.</i> Nuns of the Goritsky Resurrection Convent in the Second Half of the 16 th – 17 th Centuries: Origin, Causes, and Circumstances of Taking the Veil	99
<i>Abelentseva O.A.</i> Daily Component of Ensuring Vertical Ties of the Assumption Tikhvin Monastery with the Authorities of Novgorod District in the 1620s–1650s	112

POWER AND SOCIETY IN RUSSIA OF THE 16th – 17th CENTURIES

<i>Korzinin A.L.</i> The Tsar's Appanage and the Possessions of the Zemschina in the Post-Oprichnina Period (1573–1584)	122
<i>Tyumentsev I.O.</i> The Electoral Zemsky Sobor of 1598: A “Rereading” of the Sources	135
<i>Pavlov A.P.</i> On the Question of Classification of Zhileckie Lists of the First Half of the 17 th Century	156
<i>Rybalko N.V.</i> Organization of the Collection of Monetary Income for the Sovereign Treasury in Great Perm in 1605–1608	167
<i>Razdorsky A.I.</i> Voronezh Customs and Tavern Books of the 50–70s of the 17 th Century as a Historical Source	182
<i>Kamarauli E.V.</i> The Service Land Ownership of Oskol County in the Context of State Patrol and Land Management Scribal Descriptions of the First Half of the 17 th Century	191
<i>Ladygin D.Yu.</i> “Servant City” as a Professional Reserve for Conducting Military and Administrative Activities During the Defense of Smolensk in 1609–1611	203

RUSSIA AND EUROPE

OF THE 17th – EARLY 18th CENTURIES

<i>Magilina I.V.</i> The Political Significance of “Muscovy” as Assessed by Anthony Shirley in His Treatise “Peso politico de todo el mundo” (1622)	213
<i>Alekseev A.I.</i> “A Detailed Chronicle of the History of Russia from Ancient Times to the Battle of Poltava,” the So-Called “Notes” by Count A.A. Matveyev and “A Brief Description of the Blessed Deeds of Emperor Peter the Great” by P.N. Krekshin	223
<i>Bazarova T.A.</i> Kotlin Island – The Sea Gate of Peter the Great's Saint Petersburg: On the History of the Formation of the Trading Port	232
<i>Ivanyuk S.A.</i> Interrogation Speeches as Information on the Organization of the Intelligence of the Russian Army During the Great Northern War (Based on the Materials of the Russian State Archive of the Navy)	244

THE PUSHKIN FAMILY AND RUSSIA

OF THE 17th CENTURY

<i>Sedov P.V.</i> “Indomitable to His Kin”: Gavril Grigorievich Pushkin and His Descendants in the 17 th Century	254
<i>Vovina-Lebedeva V.G.</i> “Who Was It Who Tried to Pay Off Chepchugov?” (Additional Commentary on the Drama by A.S. Pushkin, “Boris Godunov”)	264

IN MEMORY OF RUSLAN GRIGORYEVICH SKRYNNIKOV

ПАМЯТИ РУСЛАНА ГРИГОРЬЕВИЧА СКРЫННИКОВА

Говорят, что понятие научной школы слишком расплывчато, чтобы ему можно было дать однозначное определение. Может быть. Но мы, ученики Руслана Григорьевича, считаем, что нас объединяет не только круг научных интересов и благодарная память об Учителе, но и ясное понимание общности истоков нашего исследовательского пути, особый, предельно доказательный подход к работе с историческими фактами и их интерпретацией.

Глубина и одновременно масштабность и филигранность изложения научных трудов Руслана Григорьевича получили признание во всем мире, о чем свидетельствуют издания его трудов на русском, английском, венгерском, немецком, итальянском, французском, польском, китайском, японском языках¹. Юбилейные сборники научных трудов в честь Р.Г. Скрынникова выходили в Санкт-Петербурге, Киеве, Волгограде, Будапеште, Лейдене². Это уже тринадцатое издание в честь нашего Учителя и в память о нем.

¹ Рыбалко Н. В. Библиография работ профессора Руслана Григорьевича Скрынникова // *Canadian-American Slavic Studies*. 2013. Vol. 47, no. 3. P. 284–306.

² Россия от Ивана Грозного до Петра Великого : сб. тр., посвящ. 35-летию науч. и пед. деятельности проф. Р.Г. Скрынникова / отв. ред. В. И. Ульяновский. СПб. ; Киев, 1993. 110 с. ; Средневековая Русь : сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Р.Г. Скрынникова / сост. А. С. Лавров, С. В. Лобачев. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. 176 с. ; Россия XV–XVIII столетий : сб. науч. ст. Юбилейное издание / сост. и ред. И. О. Тюменцев. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. 292 с. ; «В кратких словесах многой разум замыкающее...» : сб. науч. тр. в честь 75-летия проф. Руслана Григорьевича Скрынникова / пригл. ред. В. Г. Ананьев // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 450 с. ; Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. памяти проф. Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / под ред. Д. Свака, И. О. Тюменцева. Будапешт ; Волгоград, 2011. 288 с. ; *Canadian-American Slavic Studies*. 2013. Vol. 47, no. 3. P. 249–370 ; *Canadian-American Slavic Studies*. 2013. Vol. 47, no. 4. P. 371–532 ; *Canadian-American Slavic Studies*. 2014. Vol. 48, no. 1–2. P. 1–250 ; *Canadian-American Slavic Studies*. 2015. Vol. 49, no. 2–3. P. 141–404 ; *Canadian-American Slavic Studies*. 2015. Vol. 49, no. 4. P. 405–527.

Семинар Р.Г. Скрынникова на историческом факультете Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета воспитал не один десяток учеников – докторов и кандидатов наук, научных сотрудников архивов, библиотек, музеев, которые продолжают работать в рамках направлений его научной школы и следовать ее основным принципам. Данное издание отражает широкий спектр научных интересов Руслана Григорьевича в изучении истории России XV–XVII вв.: проблемы источниковедения, истории опричнины, Смуты начала XVII в., истории церкви, Государева двора, служилого сословия, в том числе и специального интереса ученого к роду Пушкиных.

Авторы статей специального выпуска Вестника Волгоградского государственного университета, посвященного 95-летию нашего дорогого Учителя, – прямые ученики («дети»): студенты, аспиранты, докторанты Р.Г. Скрынникова; те, кто учился у Руслана Григорьевича, слушал его лекции и имел счастье с ним общаться; ученики учеников («внуки»); третье поколение учеников («правнуки») – сохраняют благодарную память о необычайной щедрости его творческой натуры ко всем нам.

К нашему глубокому сожалению, многие ученики Руслана Григорьевича и активно сотрудничавшие с ним коллеги, работающие за рубежом, из-за сложной геополитической ситуации не смогли принять участие в настоящем издании. Искренне надеемся, что все вскоре изменится и мы по-прежнему сможем работать вместе на благо нашей общей науки, как это делал наш дорогой Учитель.

Выпускающие редакторы номера
д.и.н. П.В. Седов, д.и.н. И.О. Тюменцев, к.и.н. Н.В. Рыбалко

www.volsu.ru

МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Р.Г. СКРЫННИКОВА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.1>

UDC 930.1(470+571)-05

LBC 63.1(2)6-81

Submitted: 01.10.2025

Accepted: 12.11.2025

RUSLAN G. SKRYNNIKOV: A SCIENTIST AND TEACHER

Pavel V. Sedov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The distinguished Russian historian, Professor R.G. Skrynnikov (1931–2009), successfully combined the talents of a scholar with the gifts of a teacher and mentor. Having authored dozens of books, he laid the foundation for a school of thought whose traditions his students pass on to future generations of researchers. The fundamental principle of his school of thought is meticulous attention to sources and historical facts. His extensive scholarly legacy has become firmly established in Russian historiography and has been continued in the works of his students.

Key words: R.G. Skrynnikov, Leningrad State University, memoirs, biography, historian, study of Russian history.

Citation. Sedov P.V. Ruslan G. Skrynnikov: A Scientist and Teacher. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 8–11. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.1>

УДК 930.1(470+571)-05

ББК 63.1(2)6-81

Дата поступления статьи: 01.10.2025

Дата принятия статьи: 12.11.2025

РУСЛАН ГРИГОРЬЕВИЧ СКРЫННИКОВ – УЧЕНЫЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Павел Владимирович Седов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Выдающийся российский историк, профессор Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009) счастливо сочетал талант ученого и дар преподавателя-наставника. Автор десятков книг, он заложил фундамент научной школы, традиции которой ученики передают следующим поколениям исследователей. Основным принципом научной школы Руслана Григорьевича является пристальное внимание к источнику и историческому факту. Обширное научное наследие ученого прочно вошло в отечественную историографию и нашло продолжение в работах его учеников.

Ключевые слова: Р.Г. Скрынников, Ленинградский государственный университет, мемуары, биография, ученый-историк, изучение истории России.

Цитирование. Седов П. В. Руслан Григорьевич Скрынников – ученый и преподаватель // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 8–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.1>

Мои самые первые воспоминания о Руслане Григорьевиче относятся к сентябрю 1977 года. На первом семинарском занятии первого курса исторического факультета Ленинградского университета он в самом начале знакомства со вниманием расспрашивал о наших интересах. Помнится, я ответил, что меня интересует военная история XVIII в., и Руслан Григорьевич сказал: «Все мы прошли через это». А через несколько недель Руслан Григорьевич предложил прочитать главу его книги, чтобы обсудить ее. Вероятно, я тогда мало что понял из прочитанного, но, видя, что студент старался читать внимательно, профессор предложил участвовать в его спецсеминаре.

Так на первом курсе я оказался среди аспирантов и студентов, с которыми в дальнейшем нас связала судьба. В еженедельных спецсеминарах были свои правила. Даже самый неопытный участник после прослушанного сообщения должен был обязательно задать докладчику вопрос, это нас нервировало и одновременно мобилизовало. После обсуждения непременно следовала получасовая практика чтения скорописи XVI–XVII вв. (в основном по фототипическим копиям Угличского дела 1591 г.), старшие товарищи помогали «новобранцам». Потому, на старших курсах, архивы открывали перед нами документы XVI–XVII вв. почти как своим знакомым.

Ключевая мысль спецсеминара, которую Руслан Григорьевич при каждом случае подчеркивал, была обращена к анализу источников. На обсуждениях и в личных беседах главный вопрос состоял в том, откуда мы это знаем, каковы обстоятельства появления сведений, где это опубликовано, можно ли проверить точность воспроизведения текста. В лекциях Руслана Григорьевича речь, в сущности, шла о том же.

Некоторые однокурсники нам «по-белому завидовали». На наших первых незрелых опусах Руслан Григорьевич не оставлял живого места: над отпечатанными тогда еще на машинке строчками его бисерным и поначалу для нас не всегда читаемым почерком были не просто исправления, а попытка развернуто показать, как ту же самую мысль можно выразить яснее. Помню, что студенты других научных руководителей удивлялись

такому вниманию к нашим скромным персонам, поскольку у некоторых курсовые работы возвращались без помет и без существенных пожеланий. Р.Г. Скрынников принадлежал к блистательной плеяде преподавателей исторического факультета, лекции которых старались не пропускать даже самые нерадивые студенты.

На старших курсах и в аспирантуре Руслан Григорьевич неизменно требовал каждые две недели отчета: что сделано, какие успехи. При таком отношении, даже если ученик один, это требует массу времени. Когда после спецсеминара мы гурьбой шли вслед за Русланом Григорьевичем по коридору факультета к выходу, беседа продолжалась. Припоминаю, с какой сдержанной приветливостью профессор благодарил гардеробщика за выданную шляпу и как мы стояли за Русланом Григорьевичем в узком проходе-выходе из факультета, пока один из студентов, идущих навстречу, наконец не согладался уступить преподавателю право выйти на улицу. Эта интеллигентность Руслана Григорьевича вызывала у нас искреннее уважение.

Потом были встречи с Русланом Григорьевичем у него дома. С утра, до лекций в университете, он писал, по его словам: летом с шести утра, зимой с семи, а вторая половина дня была отдана Университету. В аспирантские годы он наставлял нас: «Выделяйте каждую неделю хотя бы два дня, которые непременно должны быть полностью отданы написанию текста» или «Две машинописные страницы каждый день, это не так много». Хорошо помню квартиру у станции метро «Петроградская» с дореволюционной, весьма импозантной мебелью в кабинете и картинами по стенам. Большой стол был неизменно завален бумагами. Руслан Григорьевич писал от руки или печатал на машинке на небольшом, стоявшем рядом столике. Он усаживал посетителей на широкий диван, инкрустированный бронзовыми накладками, а сам садился на стул напротив. Со временем беседы стали не только на сугубо исторические, но и на общие темы: 1980–1990-е гг. давали к тому немало поводов.

Наш Учитель играл на скрипке в оркестре университета, собирал монеты и марки.

Иногда заставлял его за отдохновением, когда перед началом беседы он с явным удовольствием перебирал пинцетом марки или с гордостью коллекционера показывал полный комплект серебряных рублей Петра I – от самого юного портрета царя до зрелого государя. В последние годы он, по рекомендациям врачей, занимался танцами.

Лекции Руслана Григорьевича были яркими, запоминающимися. Он любил образные выражения, которые позволяли яснее усвоить главную мысль: «Донское казачество – это острие копья, направленное против Турции». Несмотря на многолетний преподавательский опыт, он готовился к лекциям и, когда в перерывах между ними я пытался улучшить минуточку и поделиться результатами своей работы, деликатно смотрел на часы, показывая, что занят, что перед лекцией ему надо сосредоточиться.

В наши студенческие годы труды Р.Г. Скрынникова по истории XVI в. уже были фактом историографии [5–8]. Участникам спецсеминара нашего поколения он рекомендовал брать темы «вперед», нацеливая на сюжеты XVII в., а потом и начала XVIII столетия. Мы были невольными свидетелями того, как в 1980-е гг. вызревало новое понимание Смуты. Сначала это были рекомендации перечитать известную статью А.А. Зимина, в которой провозглашалось, что вся Смута была Первой крестьянской войной [1]. «И без всякой развернутой аргументации», – добавлял Руслан Григорьевич. Затем была статья Учителя о движении «разбоев», в которой на фактическом материале пересмотрена устоявшаяся в историографии мысль о начале Крестьянской войны [4]. И наконец, на наших гла-

зах появилась книга о восстании Ивана Болотникова, где главными участниками стали не крестьяне и холопы, а служилые люди, дворяне, дети боярские, стрельцы и казаки «украинных» городов [9]. Так началось переосмысление привычного для того времени понимания Смуты.

Ученики Р.Г. Скрынникова продолжили эту тематику и общее понимание событий начала XVII в., в чем читатель этого выпуска журнала может убедиться. В беседах со мной Руслан Григорьевич на вопрос о том, кому же принадлежит приоритет в создании новой концепции, ответил: с А.Л. Станиславским мы «двигались параллельно». И, как мы теперь знаем, неодинаковыми путями.

В лекциях Руслан Григорьевич нередко цитировал пушкинские строки, относящиеся к истории XVI и XVII вв., написал статью о Пушкиных в годы Смуты [2]. Поэтому неслучайно две статьи этого выпуска журнала посвящены представителям рода Пушкиных в начале XVII в. и событиям, которые стояли за строками пушкинского «Бориса Годунова». На наших глазах появилась книга о последних годах жизни поэта и преддвуэльной истории [3].

Исследовательский талант и разносторонние интересы Р.Г. Скрынникова делали его увлекательным собеседником не только на профессиональные темы. Он избегал излишних споров и обычно не стремился настаивать на собственной точке зрения, предлагая собеседнику обдумать свое мнение. Не помню, чтобы Руслан Григорьевич громко смеялся, но, когда к тому случался повод, на его лице могла вспыхнуть улыбка. В нашей памяти навсегда сохранится образ чуткого собеседника и мудрого Учителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимин А. А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 97–113.
2. Скрынников Р. Г. Борис Годунов и предки Пушкина // Русская литература. 1974. № 2. С. 131–133.
3. Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб.: Блиц, 1999. 372 с.
4. Скрынников Р. Г. Народные выступления в 1602–1603 гг. // История СССР. 1984. № 2. С. 57–70.
5. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 418 с.
6. Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 343 с.
7. Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, 1973. 136 с.
8. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 222 с.
9. Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 243 с.

REFERENCES

1. Zimin A.A. Nekotorye voprosy istorii krestyanskoj vojny v Rossii v nachale XVII v. [Some Issues of the History of the Peasant War in Russia at the Beginning of the 17th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1958, no. 3, pp. 97-113.
2. Skrynnikov R.G. Boris Godunov i predki Pushkina [Boris Godunov and Pushkin's Ancestors]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1974, no. 2, pp. 131-133.
3. Skrynnikov R.G. *Duel Pushkina* [Pushkin's Duel]. Saint Petersburg, Blic Publ., 1999. 372 p.
4. Skrynnikov R.G. Narodnye vystupleniya v 1602–1603 gg. [Popular Uprisings in 1602–1603]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1984, no. 2, pp. 57-70.
5. Skrynnikov R.G. *Nachalo oprichniny* [The Beginning of the Oprichnina]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1966. 418 p.
6. Skrynnikov R.G. *Oprichnyj terror* [Oprichny Terror]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1969. 343 p.
7. Skrynnikov R.G. *Perepiska Groznogo i Kurbskogo. Paradoksy Edvarda Kinana* [Correspondence Between Ivan the Terrible and Kurbsky. Paradoxes of Edward Keenan]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 136 p.
8. Skrynnikov R.G. *Rossiya posle oprichniny* [Russia After the Oprichnina]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. 222 p.
9. Skrynnikov R.G. Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov [Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century. Ivan Bolotnikov]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 243 p.

Information About the Author

Pavel V. Sedov, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-0108>

Информация об авторе

Павел Владимирович Седов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-0108>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.2>

UDC 930.2(470+571)

LBC 63.1(2)-81

Submitted: 07.01.2026

Accepted: 30.01.2026

SCIENTIFIC WORKS BY R.G. SKRYNNIKOV, PUBLISHED IN 2009–2025

Alexandr S. Smirnov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This work is a bibliographic list of R.G. Skrynnikov's published works from 2009 to 2025 and can be used as reference material for researchers studying the history of medieval Russia in the 16th to early 17th centuries and studying the scientific legacy of Professor R.G. Skrynnikov.

Key words: Ruslan Grigorievich Skrynnikov, bibliography, historiography of Russian history, 16th century, 17th century.

Citation. Smirnov A.S. Scientific Works by R.G. Skrynnikov, Published in 2009–2025. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 12–16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.2>

УДК 930.2(470+571)

ББК 63.1(2)-81

Дата поступления статьи: 07.01.2026

Дата принятия статьи: 30.01.2026

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Р.Г. СКРЫННИКОВА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2009–2025 ГОДАХ

Александр Сергеевич Смирнов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Работа представляет собой библиографический список опубликованных трудов Р.Г. Скрынникова за период с 2009 по 2025 г., может быть использована в качестве справочного материала для исследователей по истории средневековой России XVI – начала XVII столетий и изучения научного наследия профессора Р.Г. Скрынникова.

Ключевые слова: Руслан Григорьевич Скрынников, библиография, историография истории России, XVI век, XVII век.

Цитирование. Смирнов А. С. Научные труды Р.Г. Скрынникова, опубликованные в 2009–2025 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 12–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.2>

Исследовательский путь доктора исторических наук, профессора Руслана Григорьевича Скрынникова (08.01.1931–16.06.2009) начался в 1957 г., с момента публикации первой статьи по теме его кандидатской диссертации – экономической истории развития новгородского поместья в конце XV – первой половине XVI в. [4]. В настоящее время в литературе имеется составленный его учениками ряд перечней трудов Р.Г. Скрынникова, обоб-

щивших его работы и заложивших основы для анализа научно-исследовательской, экспертной, преподавательской и научно-просветительской деятельности ученого [1–7].

При жизни Р.Г. Скрынниковым опубликовано 66 монографий, из них 12 были переведены на иностранные языки в Европе, Азии и Америке: 3 – на английский, 3 – на венгерский, 2 – на немецкий, 2 – на польский, 1 – на китайский, 1 – на японский языки. Моногра-

фии получили 38 рецензий, из которых 15 вышли на русском языке и 23 рецензии подготовлены иностранными исследователями в зарубежных изданиях, что свидетельствует о широком резонансе проведенных Р.Г. Скрынниковым научных изысканий и международном признании результатов его научной деятельности. Профессионализм и многогранность историка ярко иллюстрируют серии, в которых вышли монографии: «Жизнь замечательных людей», «Из истории мировой культуры», «Историческая библиотека», «Страницы истории нашей Родины», «Смутное время» и другие. Среди изданий есть и специальные подарочные [3; 7].

После ухода ученого его труды продолжают быть востребованы читателями. В 2009–2025 гг. нам удалось выявить 12 монографий, опубликованных на русском языке, и одну в переводе на английский язык, вышедших общим тиражом более чем 3 750 печатных экземпляров в 5 издательствах России, Венгрии, а также международной корпорации Brill (Нидерланды и США), в том числе в новых сериях «Библиотека патриотической литературы», «Документальный триллер», «Лучшие политические биографии», «Жизнь Пушкина», «Русская история», многие из которых доступны в онлайн-формате на страницах интернет-библиотек и в формате аудиокниг, что расширяет аудиторию читателей. Монографии имеют широкий тематический охват, включая общую концепцию исторического развития Российского общества и Русской Православной Церкви IX–XVII вв., эпоху кризисов – опричнины и Смутного времени, проблемы освоения Сибири, возрождения государственности, роль отдельных личностей в истории России XVI–XVII столетий, исторические аспекты, связанные с личностью А.С. Пушкина, и другие.

Представленный список переизданных за период с 2009 по 2025 г. монографий Р.Г. Скрынникова дополняет опубликованные ранее в юбилейных сборниках списки трудов ученого, свидетельствуя о том, что богатое литературное наследие Р.Г. Скрынникова в настоящее время продолжает быть не только историографией для настоящих и будущих поколений историков, но и идет в ногу со временем, отвечая запросам современного общества.

Список научных трудов Р.Г. Скрынникова, опубликованных с 2009 по 2025 год

1. Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. – М.: Министерство обороны, 2009. – 328 с. – (Библиотека патриотической литературы).
2. Скрынников Р. Г. Государственная земельная собственность и ее влияние на формирование дворянского сословия // Место России в Европе и Азии : сб. науч. тр. / Будапештский ун-т им. Лоранда Этвеша, Рос. Акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; ред. Д. Свак [и др.]. – Будапешт; М.: Центр русистики Будапешт. ун-та: ИНИОН РАН, 2010. – 298 с. – С. 241–255.
3. Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. – 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 328 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей).
4. Скрынников Р. Г. История Российская. IX–XVII вв. – М.: Русская перспектива, 2014. – 496 с.
5. Skrynnikov R. G. Reign of Terror: Ivan IV / by Ruslan G. Skrynnikov; transl. by Paul Williams, in Cooperation with the Bronze Horseman Literary Agency. – Leiden; Boston: Brill cop., 2015. – 590 p. – (Перевод на английский язык издания: Царство террора [Об опричнине Ивана Грозного] / отв. ред. И.П. Шаскольский; рец. А. Я. Дегтярев, Д. С. Лихачев. – СПб.: Наука, 1992. – 576 с. – (РАН)).

Рецензия:

Diana Ordubadi über: Ruslan G. Skrynnikov: Reign of Terror: Ivan IV; transl. by Paul Williams. In cooperation with The Bronze Horseman Literary Agency. Leiden, Boston, MA: Brill, 2015. XXIX, 590 S. – Eurasian Studies Library, 6. – URL: https://www.dokumente.ios-regensburg.de/JGO/erev/Ordubadi_Skrynnikov_Reign_of_Terror.html

6. Скрынников Р. Г. Три Лжедмитрия. Самозванцы на царском троне. – М.: Родина, 2021. – 430, [1] с. : ил., портр. – (Русская история).
7. Скрынников Р. Г. Иван Грозный : подробная биография. – М.: Родина, 2022. – 446, [1] с. – (Лучшие политические биографии).
8. Скрынников Р. Г. Ермак. Покоритель Сибири. – М.: Родина, 2022. – 286, [1] с. : ил., портр., факс. – (Русская история).
9. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. – М.: Родина, 2022. – 430, [1] с. – (Русская история).

10. Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина : реконструкция трагедии. – М.: Родина, 2022. – 478, [1] с. : ил., портр., факс. – (Документальный триллер).

11. Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина : реконструкция трагедии. – М.: Родина, 2023. – 478, [1] с. : ил., портр., факс. – (Жизнь Пушкина).

12. Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский : подробные биографии. – М.: Родина, 2023. – 366, [1] с. – (Русская история).

13. Скрынников Р. Г. Иван Грозный : подробная биография. – М.: Родина, 2024. – 446, [1] с. – (Русская история).

14. Скрынников Р. Г. Смутное время. Крушение и возрождение царства. – М.: Родина, 2025. – 478, [1] с. – (Русская история).

Литература о жизни и трудах Р.Г. Скрынникова (2009–2025)

1. Тюменцев И. О. Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова // Единорог : материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. – М.: Квадрига, 2009. – С. 294.

2. Дворниченко А. Ю., Тюменцев И. О., Павлов А. П., Филюшкин А. И., Алексеев А. И., Ананьев В. Г., Корзинин А. Л. Памяти Р.Г. Скрынникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб. : СПбГУ, 2009. – Серия 2. Вып. 4. – С. 155–161.

3. Алексеев А. И., Вовина В. Г. и др. Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова // Российская история. – М.: Наука, 2010. – № 1. – С. 203–205.

4. Свак Д. Руслан Григорьевич и Иван Васильевич // Русская парадигма русофобские заметки русофила. – СПб.: Алетейя, 2010. – 171, [4] с. (С. 49 – 62). – (Серия “Русский Мир”).

5. Свак Д. Р.Г. Скрынников: историк и мир – мир историка (опыт реконструкции) // Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. памяти проф. Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. – Будапешт; Волгоград: Russica Pannonicana, 2011. – С. 7–19.

6. Сили Ш. Р.Г. Скрынников и концептуальная проблема присоединения Сибирского ханства к России. Опыт дискуссии в поздней советской исторической науке // Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. памяти проф.

Р. Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. – Будапешт; Волгоград: Russica Pannonicana, 2011. – С. 20–39.

7. Ульяновский В. И., Лобачев С. В., Ананьев В. Г., Тюменцева Н. Е. Список основных печатных трудов профессора Р.Г. Скрынникова // Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. памяти проф. Р. Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. – Будапешт; Волгоград: Russica Pannonicana, 2011. – С. 40–54.

8. Дворниченко А. Ю. Р.Г. Скрынников – исследователь Смутного времени // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 10. – С. 66–70.

9. Тюменцев И. О. Руслан Григорьевич Скрынников: основные вехи творческого пути // Canadian – American Slavic Studies. – Vol. 47, no. 3. – 2013. – P. 251–262.

10. Тюменцев И. О. Руслан Григорьевич Скрынников: штрихи к портрету учителя // Canadian – American Slavic Studies. – 2013. – Vol. 47, № 3. – P. 275–284.

11. Рыбалко Н. В. Библиография работ профессора Руслана Григорьевича Скрынникова // Canadian-American Slavic Studies. – Vol. 47. – № 3. – 2013. – P. 284–306.

12. Петров А. В. О некоторых методологических аспектах науки о русской древности // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология = Bulletin of Udmurt university. Series History and Philology : науч. журн. – Ижевск : Удмурт. гос. ун-т. – 2022. – Т. 32, вып. 1. – С. 23–32.

Юбилейные сборники, изданные в честь Р.Г. Скрынникова (2009–2025)

1. Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. памяти проф. Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / под ред. Д. Свака и И.О. Тюменцева. – Будапешт; Волгоград: Russica Pannonicana, 2011. – 288 с.

2. Canadian-American Slavic Studies. Essays in Honor of Ruslan Grigor'evich Skrynnikov. Guest Editors: Chester Dunning, Gyula Szvák, and Igor O. Tyumentsev. – 2013. – Vol. 47, no. 3. – P. 249–370.

3. Canadian-American Slavic Studies. Essays in Honor of Ruslan Grigor'evich Skrynnikov. Guest Editors: Chester Dunning, Gyula Szvák,

and Igor O. Tyumentsev. – 2013. – Vol. 47, no. 4. – P. 371–532.

4. Canadian-American Slavic Studies. Essays in Honor of Ruslan Grigor'evich Skrynnikov. Guest Editors: Chester Dunning, Gyula Szvák, and Igor O. Tyumentsev. – 2014. – Vol. 48, no. 1–2. – P. 1–250.

5. Canadian-American Slavic Studies. Essays in Honor of Ruslan Grigor'evich Skrynnikov. Guest Editors: Chester Dunning, Gyula Szvák, and Igor O. Tyumentsev. – 2015. – Vol. 49, no. 2–3. – P. 141–404.

6. Canadian-American Slavic Studies. Essays in Honor of Ruslan Grigor'evich Skrynnikov. Guest Editors: Chester Dunning, Gyula Szvák, and Igor O. Tyumentsev. – 2015. – Vol. 49, no. 4. – P. 405–527.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Н.В. Рыбалко, кандидату исторических наук, доценту кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета за помощь в составлении списка работ Р.Г. Скрынникова.

ACKNOWLEDGMENTS

I would like to express my gratitude to N.V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and International Relations at Volgograd State University, for her assistance in compiling a list of R.G. Skrynnikov's works.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиографический указатель трудов Р.Г. Скрынникова (сост. В.И. Ульяновский, С.В. Лобачев, Н.Е. Тюменцева, В.Г. Ананьев) // «В кратких словесах многой разум замыкающе...»: сб. науч. тр. в честь 75-летия проф. Руслана Григорьевича Скрынникова. Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 38–55.

2. Основные труды Руслана Григорьевича Скрынникова (сост. В.И. Ульяновский) // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого : сб. тр., посвящ. 35-летию науч. и пед. деятельности проф. Руслана Григорьевича Скрынникова. СПб.; Киев: [б. и.], 1993. С. 5–23.

3. Рыбалко Н. В. Библиография работ профессора Руслана Григорьевича Скрынникова // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47, № 3. P. 284–306.

4. Список научных трудов Руслана Григорьевича Скрынникова (машинописный) // Личный архив Р. Г. Скрынникова. 1978. 25 дек.

5. Список печатных трудов профессора Р. Г. Скрынникова // Средневековая Русь : сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Р. Г. Скрынникова / сост. С. В. Лобачев, А. С. Лавров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 166–174.

6. Ульяновский В. И. Список основных печатных трудов профессора Р. Г. Скрынникова // Россия XV – XVIII столетий : сб. науч. ст. Юбилейное издание: к 70-летию Руслана Григорьевича Скрынникова / сост. и ред. И.О. Тюменцев. СПб; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – С. 17–27.

7. Ульяновский В. И., Лобачев С. В., Ананьев В. Г., Тюменцева Н. Е. Список основных печатных трудов профессора Р. Г. Скрынникова // Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. памяти проф. Р. Г. Скрынникова в честь его 80-летия / под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград: Russica Pannonicana, 2011. С. 40–54.

REFERENCES

1. Ulyanovskij V.I., Lobachev S.V., Tyumenceva N.Ye., Ananyev V.G., eds. Bibliograficheskij ukazatel trudov R.G. Skrynnikova [Bibliographic Index of Works by R. G. Skrynnikov]. *«V kratkikh slovesakh mnogoj razum zamykayushche...»: sb. nauch. tr. v chest 75-letiya prof. Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova: Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshikh vremen do XX veka. T. II.* [“In Short Words Much Understanding Is Concluded...”. Collection of Scientific Papers in Honor of the 75th Anniversary of Professor R.G. Skrynnikov: Transactions of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century. Vol. 2]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008, pp. 38–55.

2. Ulyanovskij V.I., ed. Osnovnye trudy Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova [The Main Works of Ruslan Grigorevich Skrynnikov]. *Rossiya ot Ivana Groznogo do Petra Velikogo: sb. tr., posvyashch. 35-letiyu nauch. i ped. deyatelnosti prof. Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova* [Russia from Ivan the Terrible to Peter the Great. Collection of Works Dedicated to the 35th Anniversary of Professor R. G. Skrynnikov's Scientific and Pedagogical Activity]. Saint Petersburg; Kiev, s.n., 1993, pp. 5–23.

3. Rybalko N.V. Bibliografiya rabot professora Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova [Bibliography of Works by Professor R. G. Skrynnikov]. *Canadian-American Slavic Studies*, 2013, vol. 47, no. 3, pp. 284-306.
4. Spisok nauchnykh trudov Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova (mashinopisnyj) [List of Scientific Works of R. G. Skrynnikov (Typewritten)]. *Lichnyj arkhiv R. G. Skrynnikova* [R. G. Skrynnikov's Personal Archive], 1978, Dec. 25.
5. Spisok pechatnykh trudov professora R. G. Skrynnikova [List of Printed Works by Professor R. G. Skrynnikov]. Lobachev S.V., Lavrov A.S., eds. *Srednevekovaya Rus: sb. nauch. st. k 65-letiyu so dnya rozhdeniya prof. R. G. Skrynnikova* [Medieval Rus'. Collection of Scientific Articles for the 65th Anniversary of the Professor R. G. Skrynnikov's Birth]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1995, pp. 166-174.
6. Ulyanovskij V.I. Spisok osnovnykh pechatnykh trudov professora R. G. Skrynnikova [List of the Main Printed Works of Professor R. G. Skrynnikov]. Tyumentsev I.O., ed. *Rossiya XV – XVIII stoletij: sb. nauch. st. Yubilejnoe izdanie: k 70-letiyu Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova* [Russia of the 15th – 18th Centuries. Collection of Scientific Articles. Anniversary Edition: For R.G. Skrynnikov's 70th Anniversary]. Saint Petersburg, Volgograd, Izd-vo VolGU, 2001, pp. 17-27.
7. Ulyanovskij V.I., Lobachev S.V., Ananyev V.G., Tyumenceva N.Ye. Spisok osnovnykh pechatnykh trudov professora R.G. Skrynnikova [List of the Main Printed Works by Professor R.G. Skrynnikov]. Svak D., Tyumentsev I.O., eds. *Rusistika Ruslana Skrynnikova: sb. st. pamyati prof. R.G. Skrynnikova, v chest ego 80-letiya* [Ruslan Skrynnikov's Russistics. Collection of Articles in Memory of Professor R.G. Skrynnikov, in Honor of His 80th Birthday]. Budapest, Volgograd, Russica Pannonicana, 2011, pp. 40-54.

Information About the Author

Alexandr S. Smirnov, Assistant Lecturer, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, aleksandr_smirno@mail.ru, a.smirnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3304-2549>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Смирнов, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, aleksandr_smirno@mail.ru, a.smirnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3304-2549>

www.volsu.ru

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.3>

UDC 930.22
LBC 63.216

Submitted: 18.08.2025
Accepted: 03.12.2025

BIRCH BARK DOCUMENTS AND PARCHMENT CHARTERS: NORTH-WEST RUS CHARTERS EVOLUTION IN 13th – 15th CENTURIES

Alexei A. Vovin

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Since the 1950s, the question of the origin of the private documents in Rus' has remained unresolved in historiography. Finding an answer to this question and studying the early stages of the evolution of Rus' documentary culture are hampered by both the extreme fragmentariness of charter material before the early 15th century and the difficulty in dating some early documents that have survived in late copies. At the current stage of historiography's development, it seems possible to use birch bark letters, whose formula is similar to the documents on parchment, to address these issues. The former number, although slowly but steadily, is growing. *Methods and materials.* A diplomatic formula analysis of deeds of this type is used in their development, employing paleographic techniques. The entire known collection of wills with a special type of formula – "manuscripts" – common in northwestern Rus' in the 13th – 15th centuries is drawn upon. The analysis involves comparing birch bark letters, written entirely or partially according to a manuscript formula, with known documents of this type that have survived in parchment originals or in later paper copies. *Results.* The main outcome is a new concept for the evolution of manuscript formulas in Northwestern Rus', which were brief in the 12th – 14th centuries and became more complex from the late 14th century onward. Furthermore, it has been established that the displacement of birch bark by parchment, which coincided with a change in manuscript formulas, occurred during the spread of paper in Rus'. However, as a result, unlike in Northeastern Rus', a tradition of written documents did not develop in the Northwest. This raises questions for future research: to what extent are these two processes interconnected, and is there a specific social underpinning?

Key words: testament, rukopisaniye, birch bark letters, medieval private charters, Novgorod, Pskov.

Citation. Vovin A.A. Birch Bark Documents and Parchment Charters: North-West Rus Charters Evolution in 13th – 15th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 17-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.3>

УДК 930.22
ББК 63.216

Дата поступления статьи: 18.08.2025
Дата принятия статьи: 03.12.2025

БЕРЕСТА И ПЕРГАМЕН: К ЭВОЛЮЦИИ ФОРМУЛЯРА РУКОПИСАНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ В XIII–XV ВЕКАХ

Алексей Александрович Вовин

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Вовин А.А., 2026

Аннотация. *Введение.* В историографии с 1950-х гг. остается нерешенным вопрос о времени возникновения частного акта на Руси. Получению ответа на него и изучению ранних этапов эволюции документальной культуры Руси препятствуют как крайняя фрагментарность актового материала до начала XV в., так и сложности с датировками отдельных ранних грамот, дошедших в поздних копиях. На настоящем этапе развития историографии представляется возможным привлечь для решения указанных проблем берестяные грамоты, чей формуляр близок к пергаменным актам, а количество пусть медленно, но неуклонно растет. *Методы и материалы.* Использован формулярный дипломатический анализ актов рассматриваемого типа в развитии с применением приемов палеографии. Привлечена вся известная совокупность распространенных на Северо-Западе Руси в XIII–XV вв. завещаний с особым типом формуляра – «рукописаний». *Анализ.* Проведено сопоставление берестяных грамот, целиком или отчасти написанных по формуляру рукописаний, с известными документами этого типа, дошедшими в пергаменных оригиналах или в поздних бумажных списках. *Результаты.* Основной итог – новая концепция эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси, краткого в XII–XIV вв. и усложненного с конца XIV столетия. Кроме того, установлено, что вытеснение бересты пергаменом, накладывающееся на смену формуляра рукописаний, происходит во время распространения на Руси бумаги. Однако в результате, в отличие от Северо-Востока Руси, традиции актов на бумаге на Северо-Западе не складывается. Таким образом, ставятся вопросы для будущих исследований: насколько взаимосвязаны эти два процесса, нет ли под ними определенной социальной подоплеки?

Ключевые слова: завещание, рукописание, берестяные грамоты, средневековый частный акт, Новгород, Псков.

Цитирование. Вовин А. А. Береста и пергамен: к эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси в XIII–XV веках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 17–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.3>

Введение. Исследователи XIX в. проделали огромную работу по постепенному накоплению, археографическому описанию и изданию основного массива древнерусских актов. В начале XX в. происходит фактически рождение дипломатики русского средневекового акта. В 1903 г. выходит большая работа А.А. Шахматова о двинских грамотах [15], ставшая первым большим специальным изысканием по палеографии, языку и дипломатике этой группы документов. В это же время создается школа А.С. Лаппо-Данилевского по изучению частноправовых документов русского Средневековья. Своеобразный итог всей дореволюционной дипломатике подведен в вышедшем в 1920 г. «Очерке дипломатики частных актов» [11]. Новый виток изучения русского средневекового частного акта произошёл уже в советской историографии.

В 1937 г. вышли две программные статьи ученика А.С. Лаппо-Данилевского С.Н. Валка, заложившего современные основы изучения частноправовых документов. В них впервые четко было проведено разделение на две независимые традиции: написанные на пергамене от третьего лица (за исключением завещаний) акты Северо-Запада и бумажные документы Северо-Востока, составлявшиеся от первого

лица. Помимо этого, С.Н. Валк сформулировал концепцию развития частного акта на Руси, согласно которой ее зарождение следует относить к достаточно позднему времени, не ранее XIII в., а период до конца XV в. предложил считать начальным, поскольку в это время в документах еще сохранялись следы доактовых элементов в оформлении сделок. Древнейшие известные новгородские акты, «Купчую Антония Римлянина», «Духовную Антония Римлянина» и «Данную Варлаама Хутынского», которые ранее датировали XII в., С.Н. Валк счел поздними подделками [4; 5]. С последним не согласился М.Н. Тихомиров, выдвинувший свои аргументы в пользу их подлинности [13]. В получившемся споре, известном как «Спор о времени возникновения древнерусского акта», в ход пошли аргументы самого разного рода: палеографические, дипломатические и текстологические, однако ни одна из сторон не получила явного преимущества.

Важнейшей вехой в историографии стал выход в 1949 г. под редакцией С.Н. Валка «Грамот Великого Новгорода и Пскова» (далее – ГВНП-1949) [8]. Это издание на долгие годы стало настольной книгой всех специалистов по истории Новгорода и Пскова XII–XV веков.

Спустя всего два года, в 1951 г., произошло другое событие, определившее современное состояние нашего знания об актовой традиции Северо-Запада: в Новгороде была найдена первая берестяная грамота.

Привлечение берестяных грамот для уточнения бытования и развития актов началось сразу после обнаружения первых грамот. Так, две первые (БГ 28, 42¹) берестяные грамоты, содержащие текст с формуляром завещания («рукописания»), были обнаружены уже в 1952 г., а два года спустя опубликованы, причем они сразу были определены А.В. Арциховским как «духовные завещания» [2, с. 29–30, 42]. А Л.П. Жуковская заложила традицию сравнительного изучения пергаменного и берестяного акта. Сопоставив вышеупомянутые берестяные грамоты (БГ 28, 42) с древнейшим, несомненно подлинным новгородским завещанием, известным как «духовной Климента» [9, № 134²], она нашла их схожими, поскольку все три грамоты начинались одинаковой клаузулой – «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Отметим, что Л.П. Жуковская не обратила внимание на то, что формуляры № 134 и БГ 42 (БГ 28 сохранилась намного хуже) после этого значительно расходятся: в первой (XIII в.) идет краткий формуляр («Се азъ, рабъ | Б(о)жии Климѧтъ, [д]аю роукописанье с(ва) т(о)моу Гергью»), в то время как во второй (конец XIV – начало XV в.) он значительно распространеннее и полностью соответствует формуляру пергаменных актов XV в. [10, с. 52–59]. Впрочем, вряд ли можно в чем-либо упрекнуть Л.П. Жуковскую – количество известных берестяных актов в момент написания ее книги еще исчислялось единицами, был неизвестен ряд актов на пергамене. Тут важно отметить постоянную пополняемость фонда берестяных грамот, неизбежно заставляющую нас пересматривать представление о них и их роли в истории частного акта.

Л.В. Черепнин предложил уже расширенный взгляд на берестяные грамоты как исторический источник с особенным вниманием к использованию их в качестве частного акта. К моменту написания его книги была известна почти треть от современного числа найденных берестяных грамот. Л.В. Черепнин последовательно сравнил разные типы актов, в том числе завещания («рукописания») на бересте с пер-

гаменными. Исследователь полагал, что эти два вида материальных носителей актов были равнозначны. С точки зрения Л.В. Черепнина, завещание могло составляться как на бересте, так и на пергамене, впрочем, в центре его работы лежит другая проблематика. Его подход скорее не дипломатический, а социальный, он исследовал не эволюцию формуляра, а набор всех берестяных грамот (не только завещаний), в которых прослеживаются сюжеты, связанные с наследованием как практикой [14, с. 364–380].

В.Ф. Андреев опубликовал в 1986 г. монографию о новгородских частных актах, ставшую итогом его многолетних трудов. Исследователь поставил во главу угла задачу «проследить эволюцию формуляра» как ключ к пониманию истории развития частного акта. В отношении северо-западных завещаний он первым пришел к выводу, что этот тип акта следует обозначать его самоназванием, то есть понятием «рукописание». В.Ф. Андреев высказал предположение, что в XII–XIII вв. рукописания на пергамене были еще редки, но с ними сосуществовали многочисленные берестяные завещания, для которых был характерен краткий формуляр, не содержащий порой даже имени наследника. Исследователь пришел к выводу, что количество ранних завещаний слишком мало, всего три (в их число он включал и «духовную Антония Римлянина», считая ее, вслед за М.Н. Тихомировым, подлинной), чтобы проследить эволюцию формуляра рукописаний. Тем не менее на данный момент с учетом новых имеющихся в нашем распоряжении актов подход В.Ф. Андреева представляется перспективным и требует лишь привлечения тех актов, которые самому В.Ф. Андрееву были еще неизвестны [1, с. 99–110].

В.Л. Янин опубликовал в 1991 г. монографию, посвященную новгородским актам. Ему удалось уточнить датировку многих грамот, включая «духовную Климента». Он полагал вслед за М.Н. Тихомировым и В.Ф. Андреевым, что «духовная Антония Римлянина» – список с подлинника, что делало ее первым известным новгородским завещанием [18, с. 204–207]. К 80–90 гг. XX в. был найден целый ряд северо-западных частных актов не только на бересте, но в бумажных списках

с несохранившихся пергаменных оригиналов, неизвестных во время издания ГВНП-1949, что выявило необходимость в осуществлении нового издания Грамот Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП-2025).

Такое издание, подготовленное И.Ю. Анкудиновым, Т.В. Кругловой, П.В. Лукиным, С.В. Полеховым, А.Б. Постниковым, Е.Р. Сквайрс, А.В. Толстиковым и И.С. Юрьевой при участии С.Ю. Агишева, наконец, увидело свет в 2025 г. [9]. В него вошли уже 492 грамоты на пергамене и бумаге (по сравнению с 348 в ГВНП), а также впервые наряду с пергаменными и бумажными в приложении были включены 30 берестяных грамот, составленных по формуляру актов. Из них относительное большинство, 11 единиц, – завещания. Это обстоятельство стало решающим для настоящей работы, сделав ее возможной. Соединение всех северо-западных завещаний, включая берестяные, дает в руки исследователей материал для выстраивания истории эволюции формуляра северо-западных рукописаний. Хотя все берестяные грамоты, изданные в ГВНП-2025, уже были введены в научный оборот ранее, отсутствовала общая перспектива, появившаяся только после выхода публикации. Настал момент, когда нужно заново сверить все имеющиеся в нашем распоряжении акты в попытке пролить свет на раннюю историю северо-западного частного акта.

Методы и материалы. Настоящее исследование задумано и осуществлено с использованием, прежде всего, классических приемов дипломатики: расчленения формуляра документа на отдельные клаузулы и сравнения их со всей совокупностью известных актов исследуемого типа. В этом смысле мы идем следом за В.Ф. Андреевым, видевшим в изучении эволюции формуляра ключ к пониманию развития частного акта. Разница в том, что нам известно больше и берестяных, и пергаменных рукописаний, чем было доступно ему. Учитывая специфику берестяных грамот, которые в большинстве случаев представляют собой лишь фрагменты рукописаний разной степени сохранности, особенный акцент в работе сделан на сравнительном изучении начального протокола акта, так как эсхатокол в большинстве случаев утрачен.

Помимо собственно приемов дипломатики в работе использованы методы палеографии в тех случаях, когда было необходимо оценить количество возможных пропущенных в берестяной грамоте знаков и оценить ее возможный размер, исходя из соотношения количества букв на единицу длины в сохранившемся фрагменте грамоты.

При отборе материала мы следуем в основном за издателями ГВНП-2025, лишь в нескольких случаях не соглашаясь с ними. Всего в нашем распоряжении было 34 рукописания, дошедших в пергаменных оригиналах или бумажных списках. К ним нужно прибавить 11 рукописаний на бересте. Вопрос о подлинности или подложности «духовной Антония Римлянина» представляется отдельной научной проблемой, которую можно и нужно заново рассмотреть при помощи инструментов дипломатики, но уже после достижения основной цели настоящей работы – установления общих закономерностей развития формуляра северо-западных рукописаний.

Анализ. К XV в. на Северо-Западе Руси складывается тип формуляра завещаний, которые, исходя из самоназвания, вслед за В.Ф. Андреевым мы предлагаем называть рукописаниями. Всего сохранилось 34 таких акта XV в.: № 142, 145, 149, 153, 168, 188, 206, 216, 239, 244, 255, 256, 266, 272, 297, 298, 236, 343, 353, 368, 370, 381, 382, 384, 385, 442–444, 450, 455, 464, 467, 472, 480, часть из которых дошла в пергаменном подлиннике, а остальные – в более поздних бумажных списках. Из них (в том порядке, в котором они приведены выше) пять происходят из Новгорода, три из Обонежья и Заонежья, семнадцать из Подвинья и девять из Пскова. При беглом взгляде на количественное распределение становится очевидно, что оно случайно (новгородских меньше, чем двинских или псковских и т. п.) и вряд ли отражает какую-либо закономерность. В то же время географическая пестрота позволяет говорить о сложившейся к XV в. единой традиции рукописаний, распространенной на всем Северо-Западе Руси.

Приведенные выше акты объединяет почти неизменный формуляр. Их протокол состоит из двух клаузул: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се яз, ИМЯРЕК, пишу рукописание при своем животе»; эсхатокол из одной:

«а на то послух Бог и отец мой душевный ИМЯРЕК». Последнюю часть протокола «при своем животе» может дополнять или заменять формула «отходя сего света». Вряд ли можно согласиться с В.Ф. Андреевым, сделавшим на основе количественного сопоставления этих двух формул вывод о том, что завещания «в большинстве случаев составлялись непосредственно перед смертью автора завещания» [1, с. 102], речь опять-таки скорее идет о случайном распределении в немногих сохранившихся актах. В трех псковских рукописаниях второй половины XV в. (№ 450, 455, 464) вместо «пишу рукописание» находим «учиних ряд животу своему и отчине своеи» (№ 455), однако в том же самом акте № 455 в распорядительной части сам документ называется уже «рукописание»: «А хто вымет на се рукописание послед сего рукописания и мое рукописание: или строи мои, или уи мои, или иное племя мое – а то рукописание не в рукописание». То есть для составителя «ряд» и «рукописание» синонимичны и взаимозаменяемы. Учитывая, что протокол остальных псковских рукописаний, в том числе более ранних, идентичен распространенному в других землях Северо-Запада Руси, представляется, что и № 450, 455, 464 принадлежат к той же традиции рукописаний, а их несколько измененный протокол – результат ее дальнейшего местного псковского развития.

Помимо приведенных выше 34 актов издателя ГВНП-2025 включили в публикацию под наименованием духовных два двинских акта (№ 344, 349) и один псковский (№ 478). Мы не включили их в приведенный выше перечень из 34 рукописаний по разным причинам, которые должны быть пояснены.

Два двинских акта (№ 344, 349) В.Ф. Андреев отнес ко второй из выделяемых им трех групп, назвав этот тип «духовные-данные» по причине смешения черт формуляра «духовных» и данных. Причем характерной особенностью актов этого типа В.Ф. Андреев считал то, что они всегда составлены в пользу какого-либо монастыря либо церкви, а другие наследники не упоминаются [1, с. 105–106]. Рассмотрим формуляр этих двух грамот: «Во имя ѿца и сына и святаго духа. Се азъ, рабъ б(о)жии ИМЯРЕК, даль есмь в домъ с(ва)т(о)му Николи». Пред-

ставляется, что есть только две черты, хоть как-то роднящие эти акты с рукописаниями. Во-первых, это invocatio «Во имя ѿца и сына и святаго духа», в данных Северо-Запада не встречающееся, а во-вторых, то обстоятельство, что акт составлен от первого как все рукописания, а не от третьего лица – как подавляющее большинство актов Северо-Запада. Впрочем, известна еще как минимум одна данная от первого лица (№ 289): «Се азъ, Филикс, отдал есми в дом Покрову Пречистей Богородицы да Михаилу архангелу вотчину». Однако этого явно недостаточно, чтобы считать № 344, 349 духовными, как это сделали вслед за В.Ф. Андреевым издатели ГВНП-2025. Во-первых, если рассматривать в качестве классифицирующего признака самоназвание, то перед нами, несомненно, данные, а не рукописания. Во-вторых, отсутствуют уже устоявшиеся в рукописаниях формулы «уходя сего света» или «при своем животе», которые в случае завещания как бы маркируют горизонт наступления правовых последствий акта, то есть перехода права собственности на имущество, который происходит после смерти наследодателя. Для завещания, таким образом, существенно, делается ли оно «на всякий случай» или в ожидании смерти. Для данных-вкладных, подразумевающих переход права собственности непосредственно в момент составления акта, а не после смерти дарителя, такие уточнения лишены смысла и в данных не встречаются. Для рукописаний же, напомним, формулы «уходя сего света» или «при своем животе» к тому времени уже неотъемлемый элемент формуляра. Само содержание, наконец, № 344, 349 не несет никакой отсылки к гипотетической смерти дарителя, что никак не позволяет отнести их не только к рукописаниям, но и к завещаниям вообще.

Псковский акт (№ 478) из копийной книги Елеазарова монастыря – один из последних обнаруженных псковских актов [12]. Перед нами, несомненно, завещание: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, рабъ Божии Ефросин инок, ходя при животе своем, учиних крепость манастирьскому житию и отчине своеи, и исадом своим, и клетем на городе, и всему сполу, что ни есть». При этом нет сомнения, что формуляр далек от рукописаний, более того, в отличие

от вышеупомянутых псковских актов конца XV в. (№ 450, 455, 464), в которых само слово рукописание в тексте все же встречалось, пусть и не в протоколе, здесь оно отсутствует. По этой причине № 478 выпадает из нашего рассмотрения, хотя его особенности должны быть как-то прокомментированы.

Итак, особенности формуляра № 478 могли быть следствием дальнейшей эволюции псковских рукописаний, незаметной по другим сохранившимся актам, или же быть результатом влияния какого-то внешнего формуляра. Таким внешним фактором для актов Северо-Запада была «низовская» традиция. Ее влияние прослеживается и в некоторых других рукописаниях из нашего списка, так в № 244, 370 встречается клаузула «где мне что дати и взяти», заимствованная, несомненно, из делопроизводства Северо-Востока Руси, по понятным причинам ставшего с конца XIV в. более копируемым в Подвинье. Представляется, что еще три двинских завещания, входившие в ГВНП-1949 (*номера в этом издании* – № 263, 265, 271), но не вошедшие в ГВНП-2025, должны быть упомянуты в контексте изучения завещаний Северо-Запада Руси. Это духовные, а не рукописания, их формуляр явно иной: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аз раб божий ИМЯРЕК (своим целым умом и смыслом – только в ГВНП-1949 № 263. – А. В.) пишу духовную, у кого мне что взяти и кому ми что дати». Именно дипломатические особенности этих трех грамот стали основанием для В.Ф. Андреева [1, с. 100], а вслед за ним и для издателей ГВНП-2025 [9, с. 665–666], чтобы уточнить датировку актов, отнеся ее к уже «московскому» периоду истории Новгорода. Такой подход, однако, не представляется до конца убедительным. Ведь дипломатика, ставящая перед собой целью определение специфики бытования различных элементов акта во времени, не может использовать эти же особенности формуляра для датирования самих актов. Иными словами, дипломатика нуждается в датировках, не связанных с самой дипломатикой. Таким образом, хотя и нельзя исключать возможность того, что ГВНП-1949 № 263, 265, 271 были составлены после утраты Новгородом самостоятельности, но также равновероятной будет и более ранняя датировка XV веком.

Подведем предварительные итоги: северо-западные рукописания XV в. демонстрируют удивительную стройность формуляра. При общей плохой сохранности документального наследия Руси этого периода из 492 известных на 2025 г. пергаменных и бумажных актов этого региона 34, то есть около 7 %, составляют рукописания. При этом предыдущий период, если говорить об актах на мягких материалах, зияет пустотой. Есть только рукописание Климента (№ 134), чья датировка была убедительно уточнена В.Л. Яниным серединой 50-х гг. XIII в. [18, с. 211–212]. Его формуляр действительно расходится с таковым в актах XV в.: «Въима ГѸ(т)ца и С(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха. Се азъ, рабъ | Б(о)жии Климантъ, [д]аю роукописанье с(ва)т(о)моу Гергью | и игоуменуу Варламоу и всеи братьѣ». Можно отметить как сходства так и различия с актами XV века. К первым нужно отнести *invocatio* «Въима ГѸ(т)ца и С(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха», начало следующей клаузулы «Се азъ, рабъ | Б(о)жии ИМЯРЕК» и присутствие самого слова «рукописание» в протоколе акта. Дальше начинаются различия: отсутствует формулы «при своем животе» или «уходя сего света», основной наследник назван уже в клаузуле, содержащей слово «рукописание» («[д]аю роукописанье с(ва)т(о)моу Гергью»). Сложно, однако, сделать какие-либо серьезные обобщения, поскольку № 134 – единичный документ, хронологически оторванный от основной массы аналогичных северо-западных актов на почти полтора столетия. Для реконструкции эволюции формуляра рукописаний нужно эту лакуну заполнить, и сделать это возможно только при помощи тех новгородских берестяных грамот, которые были написаны по формуляру рукописаний.

Как уже говорилось во введении, в историографии неоднократно использовали берестяные акты для изучения пергаменных и наоборот. Однако каждый археологический сезон приносит новые грамоты, таким образом, требуется периодическая сверка наших обобщенных знаний о северо-западных актах. Прежде чем приступить к подробному рассмотрению берестяных актов нужно еще раз подчеркнуть один хорошо известный факт, имеющий решающее значение в деле изучения изменений формуляра во времени. Речь идет

о датировке, которая в случае с берестяными грамотами обретает точность, недоступную большинству пергаменных актов. Благодаря своей археологической природе, берестяные грамоты имеют достаточно точную датировку, возникающую как следствие применения вилки из стратиграфических и нестратиграфических методов датирования. Точность получаемого результата варьируется всего в пределах нескольких десятилетий, что кажется невозможным уровнем точности в случае большинства пергаменных рукописаний, с редкими исключениями в виде тех из них, которые могут быть датированы по упоминаемым персоналиям.

Рассмотрим берестяные акты, опубликованные в ГВНП-2025 как «духовные», в хронологическом порядке. БГ 818 датируется стратиграфически 1160–1180 гг., а внестратиграфически 1140–1180 гг.: «Оу Пьсоковънѣ 5 коунъ и гривъ|на. Оу Өимѣ 5 коунъ. Оу Завида | 5 гривънъ. Въ тоулѣ 4 гривъ|нѣ серебра. А се даю въхо братоу». В первом издании была определена В.Л. Яниным, А.А. Зализняком и А.А. Гиппиусом как черновик завещания и, что важно, как целый документ [17, с. 40]. Строго говоря, прямых указаний на то, что это черновик, а тем более черновик завещания, нет. Вероятно, в грамоте перечислены должники и суммы, которые они задолжали. А затем клаузула передачи «этого всего» брату. Это, несомненно, мог быть черновик рукописания с опущенным протоколом, поскольку подобные перечни должников известны нам в распорядительной части завещаний, причем такой перечень есть и в «духовной Климента» (№ 134), которая оказывается к БГ 818 хронологически ближайшей. Стоит отметить, что в «духовной Климента» 1255–1257 гг. подобный перечень должников занимает лишь незначительную часть, причем во второй половине грамоты, в то время как первая состоит из различных по смыслу и форме сложных предписаний, стилистически и синтаксически более сложным языком по сравнению с БГ 818, таких как: «То же юсмь не даромъ даль –| платилъ за мен[е] Данило и Воиньискоу|пѣлитовьскыи» или «А же|намоѧпострижетьсявъ чернице – юстьѣ[и] | чимъсапострици; и дворягородьскыиѧ | даю». Представляется,

что наряду с предположением о том, что БГ 818 была черновиком рукописания, можно с той же долей вероятности допустить, что это древнейшее известное нам северо-западное завещание, дошедшее полностью, а отразившийся в нем перечень должников – ранняя форма рукописания на бересте, еще не включавшая ничего, помимо собственно распорядительной части: своеобразное проторукописание, возможно сопровождавшее последнюю волю умирающего, выраженную устно при свидетелях, переходный этап в истории развития завещания. Наконец, нетрудно предположить, что перед нами и не завещание вовсе и даже не документ, а, например, письмо с перечислением должников. Кажется, что выбрать из приведенных трех вариантов затруднительно, и БГ 818 должна считаться первым рукописанием или его черновиком весьма условно.

Таким образом, первой берестяной грамотой, содержащей формуляр рукописания, стоит считать БГ 138, датируемую самым началом XIV в., то есть отстоящую от «духовной Климента» примерно на половину столетия. Это опять-таки целый документ с незначительными утратами. Последнее обстоятельство особенно важно: отсутствие эсхатокола не может быть объяснено плохой сохранностью грамоты. В «духовной Климента», заметим, привычная для актов XV в. формула эсхатокола «А на то послух Бог и отец мой душевный ИМЯРЕК» также отсутствует, хотя эсхатокол как таковой все же есть. Протокол БГ 138 выглядит неразвитым на фоне актов XV в.: отсутствует *invocatio*, вторая клаузула – краткая: «Се азо, рабо Б(о)жи Селивьстро, напсахъ роукописание». Затем сразу следует «список должников», которым документ и обрывается. В этом смысле действительно БГ 818 и 138 близки, своей лаконичностью БГ 138 выделяется не только на фоне актов XV в., но и «духовной Климента» XIII века. В любом случае среди всех известных рукописаний как на бересте, так и на пергамене БГ 138 стоит несколько особняком (возможно вместе с БГ 818), представляя собой самый краткий и, вероятно, архаичный вариант завещания.

Более показателен формуляр двух хронологически следующих БГ 580 (1340–1360 гг.) и БГ 369 (вторая половина XIV в.). От обеих грамот сохранились лишь отрывки, отражаю-

шие в разной степени особенности формуляра рукописаний середины – второй половины XIV в.: «...А Улеана, впишу рукъписание синь|[мъ свои]мъ Василею, Ивану» (БГ 580). Левая сторона утрачена, что не помешало В.Л. Янину и А.А. Зализняку убедительно реконструировать вторую строчку и предположить, что перед сохранившимся именем завещательницы шла стандартная формула «Аз, раба божия» [16, с. 44]. Отметим также, что invocatio в грамоте отсутствовало, если только содержащий начало первой строки левый верхний край грамоты не выдавался далеко налево. При этом вторая клаузула протокола «впишу рукъписание синь|[мъ свои]мъ Василею, Ивану» близка к таковой в «духовной Климента» (№ 134): отсутствуют клаузулы «при своем животе» и «отходя сего света», присутствует слово рукописание, у которого грамматически появляется «адресат» – основные наследники, стоящие в дательном падеже. Таким образом, протокол, содержащий самоназвание акта, как бы сливается с распорядительной частью, содержащей имена наследников, чего в актах XV в. не происходит никогда, там это неизменно разные клаузулы, причем зачастую разделенные другими формулами начала распорядительной части.

БГ 369 («[...Свя]таго Д(у)ха. Се азъ, рабъ Б[ожи...] | [...сы]ну своему Кондрат[у...] | [...] бѣлѣиу Петра в Лав[...] | [...С]емена Шюбиница з[...]») сохранилась несколько хуже, у нее отсутствуют и правый, и левый края. Тем не менее, благодаря сохранившемуся обрывку intitulatio примерно понятен размер утраченного левого края. Справа сделать это несколько сложнее, поскольку не понятно, какой тип формуляра использовался в грамоте: краткий, как в «духовной Климента» и БГ 580, где клаузула с самоназванием содержала уже имя наследника, или пространный, встречаемый в актах XV века. Думается, что на этот вопрос ответить можно, если сравнить БГ 369 с другим берестяным рукописанием – БГ 1077, созданным, вероятно, чуть позднее (конец XIV – начало XV в.). «Во имѣ Оца и С(ы)на и С(вя)гто Дха. Се азъ, рабъ Б(ожи)и Афанась, пишу | рукописание при своемъ животѣ. Приказываю живо|тъ свои с(ы)ну своему Ондръю...» – протокол полностью соответствует пространному формуляру актов XV в.,

эсхатокол (если таковой был) утрачен вместе со значительной частью грамоты. Начальная, то есть верхняя часть грамоты сохранилась почти полностью, при этом, поскольку пространный формуляр XV в. занимает много места, имя главного наследника («Ондръю») находится только примерно посередине третьей строки грамоты, относительно первой строки под словами «Дха. Се азъ». В БГ 369 же имя наследника («Кондрат[у...]») стоит во второй строке под словами первой строки «Се азъ, рабъ Б[ожи...]», то есть получается, что по сравнению с БГ 369 в БГ 1077 имя наследника сдвинуто почти на целую строку, что, конечно, само по себе уже свидетельствует в пользу краткости формуляра БГ 369. Это соображение можно подкрепить и некоторыми усредненными подсчетами.

Суммарную длину утраченных боковых сторон БГ 369 можно оценить, если найти отношение длины предполагаемого утраченного отрывка формуляра в знаках к среднему количеству букв на сантиметр в БГ 369 (назовем k). Таким образом, можно, в некотором приближении, установить длину целой грамоты. Естественно, чем больше была длина утраченного отрывка, то есть чем длиннее формуляр, тем длиннее должна была быть сама грамота. Длина БГ 369 составляет 12,6 см [3, с. 67], в среднем на ее строке умещается 15 знаков (четыре строки 16, 15, 14, 14 знаков). Количество букв на один сантиметр (k) для БГ 369 приблизительно равно 1,2 (15/12,6 см).

Утраченный отрывок, длину которого нам нужно подсчитать, начинается с буквы «Б» (не включительно) в слове «Божий» («Се азъ, рабъ Б[ожи]»), а заканчивается буквой «у» в слове «сыну» («[...сы]ну своему Кондрат[у...]» – «н» перед «у» только угадывается в грамоте). В качестве примера возьмем БГ 1077, из пространного формуляра которого можно получить краткий простым удалением двух формул:

«Во имѣ Оца и С(ы)на и С(вя)гто Дха. Се азъ, рабъ Б(ожи)и Афанась, пишу | рукописание при своемъ животѣ. Приказываю живо|тъ свои с(ы)ну своему Ондръю...», где весь интересующий нас отрывок выделен жирным шрифтом, а дополнительные клаузулы пространного формуляра – курсивом и подчеркиванием; удаление последних дает краткий формуляр, соответствующий таковому в БГ

580. При всей понятной неточности подобных подсчетов из-за неизвестной длины имени наследодателя («Афанась» из БГ 1 077 не самое короткое, но и не самое длинное возможное имя, годится для усредненного примера) и индивидуальных особенностей орфографии и графики писцов, представляется, погрешность не должна быть слишком велика. Итак, произведенные по фотографиям грамот подсчеты таковы: в заданном интервале пространный формуляр БГ 1 077 оставляет 61 знак, а гипотетический краткий – 25. При делении на наш коэффициент 1,2 получаем для пространного и краткого формуляров прибавку в 51 и 21 см соответственно. То есть, если формуляр БГ 369 был кратким, то ее длина составляла около 33 см, а если длинным – около 63 см. Если первый размер укладывается в статистическую норму для большинства берестяных грамот вообще, то второй значительно ее превышает (кажется, максимальные значения имеют БГ 893 – 52,1 см [17, с. 90], БГ Торж. 17 – 55,5 [17, с. 131]). Акт на бересте такого размера до сих пор не найден, и это вряд ли только причуды археологической фортуны. Берестяной акт длиной 0,6 м должен был быть неудобен во всем – составлении, чтении, перемещении и хранении, а к тому же еще и такой кусок бересты непросто получить. Одним словом, все вышесказанное явно свидетельствует в пользу того, что БГ 369 имела краткий формуляр, сходный с таковым в «духовной Климента» и БГ 580. Их главной общей видовой чертой стало объединение во второй клаузуле «рукописания» и имени главного наследника в дательном падеже: «[д]аю роукописанье с(в\а)т(о)моу Гергью | и игоуменуоу Варламоу и всеибратъ» («духовная Климента», № 134, 1255–57, пергамен, оригинал), «[пишу рукъписанье синъ|[мъ свои]мъ Василею, Ивану» (БГ 580, 1340–1360 гг., береста), «[пишу рукописание?] сы]ну своему Коньдрат» (БГ 369, 1350–1400 гг., береста).

На этих трех актах, однако, история краткого формуляра завершается. Все хронологически следующие за ними акты на бересте (БГ 42 – 1380–1400 гг., БГ 1077 – 1380–1400 гг., БГ 519/520 – 1480–1410 гг., БГ 28 – конец XIV в. – 1400-е гг., БГ 692 – 1-я четверть XV в., БГ 1122/1123 – 1410–1450 гг.) содержат уже полноценный пространный формуляр,

полностью (в сохранившихся местах) соответствующий таковому в пергаменных актах XV века. Представляется, что настало время подвести итоги.

Результаты. Рукописания как тип завещания возникают на Северо-Западе Руси не позднее середины XIII века. Можно выделить как минимум два этапа развития этого вида актов. В ранний период середина XIII – вторая половина XIV в. для рукописаний характерен сокращенный протокол, в котором сразу в клаузуле «пишу / даю рукописание» указывается и имя основного наследника в дательном падеже, используемого в качестве косвенного дополнения сказуемого. В этот период, по всей видимости, параллельно бытовали берестяные и пергаменные рукописания, хотя выявление функциональных особенностей каждого вида носителя является отдельной задачей, которая будет решена в следующих публикациях. Помимо этого раннего типа формуляра встречается (только на бересте) в этот период еще один более архаичный тип завещания, состоящий только из клаузулы «пишу рукописание» и следующего за ней списка должников. Возможно, перед нами угасающий тип еще более древнего вида актов, не требовавшего даже имени наследника, который был либо очевиден, либо фиксировался устно. В целом рукописания, содержащие ранние варианты формуляра, не перешагнули условный рубеж 1400 года. Все известные нам рукописания XV в. как на бересте, так и на пергамене составлены уже по новому, пространному формуляру. В нем старая клаузула «пишу рукописание ИМЯРЕКу» разделяется на две. К первой части добавляется формула «при своем животе» либо «отходя сего свету» или обе эти формулы вместе. Имя наследника становится частью следующей клаузулы «приказываю живот свой ИМЯРЕКу». Помимо этих изменений в целом рукописания XV в. обретают усложненный формуляр, не прослеживающийся в предыдущий период. Появляются клаузулы, описывающие определенные условия пожизненного использования имущества, возникает принцип субституции, указания на два типа собственности «одерень» и в «веки» [6; 7]. Показательно при этом, что берестяные акты, составленные по этому формуляру, известны только для первой половины XV столетия, и хотя более поздние берестяные

грамоты вообще нам известны, рукописаний среди них нет.

По всей видимости, всю эволюцию северо-западных рукописаний можно представить не только как изменение формуляра, но и как постепенное вытеснение бересты пергаменом. Необходимо отметить, что этот процесс протекал параллельно с распространением на Руси бумаги в самых разных областях книжности. При этом на Северо-Западе, где бумага в конце XIV – первой половине XV в. уже несомненно в употреблении, она не использовалась в делопроизводстве. Как уже говорилось выше, количество северо-западных актов на бумаге – статистическая погрешность. Единственным рукописанием на бумаге можно условно счесть № 145 (вторая четверть XV в.), впрочем, издатели ГВНП-2025 сочли его «пробой пера», то есть, видимо, черновиком. Из оставшихся рукописаний примерно половина дошла в пергаменных оригиналах, остальные – в бумажных списках XVI–XVIII вв., которые в подавляющем большинстве (№ 222, 223, 244, 249, 252, 253, 255, 256, 265, 272, 381, 382, 384,

442–444, 455, 467) называют свой оригинал «харатейной грамотой». Таким образом, можно утверждать, что в отличие от Северо-Востока Руси на Северо-Западе традиция завещаний (да и вообще частных актов) на бумаге не прослеживается. Таким образом, постепенный отказ от бересты не может объясняться технологическим развитием. Скорее, предпочтение в пользу пергамена было связано с большей надежностью последнего и, следует с осторожностью предположить, что изменился сам процесс составления завещаний в первую очередь в том, кто был непосредственно в него вовлечен. Это, впрочем, тема для отдельной публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее под такой общепринятой хронологической нумерацией приводятся берестяные грамоты.

² Здесь и далее под такой нумерацией приводятся документы из ГВНП-2025.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л.: Наука, 1986. 143 с.
2. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М.: Изд-во АН СССР, 1954. 91 с.
3. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958–1961. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 118 с.
4. Валк С. Н. Древнейшие новгородские акты // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Л.: Облоно, 1937. С. 48–52.
5. Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 285–318.
6. Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 1 (31). С. 105–116.
7. Вовин А. А., Срединская Н. Б. О рецепции римского права в частных актах северо-западной Руси XIII–XV вв.: Теория и практика сравнительного источниковедения // ВИД. Вып. XLI. СПб.: СПб ИИ РАН, 2022. С. 161–209.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: ЯСК, 2025. 856 с.
10. Жуковская Л. П. Новгородские грамоты на бересте. М.: Учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1959. 135 с.
11. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк дипломатики частных актов. СПб.: Север. звезда, 2007. 131 с.
12. Постников А. Б. Псковские харатейные грамоты Елеазарова монастыря XV в. (новые открытия). М.; Псков: Древлехранилище, 2024. 316 с.
13. Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси // Исторические записки. Т. 17. М.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 225–244.
14. Черепнин Л. В. Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М.: Наука, 1969. 438 с.

15. Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. акад. наук, 1903. Ч. I, II. 184 с.
16. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983. М.: Наука, 1986. 312 с.
17. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 гг. М.: Рус. слов., 2004. 288 с.
18. Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 381 с.

REFERENCES

1. Andreyev V.F. *Novgorodskij chastnyj akt XII–XV vv.* [Novgorod Private Document, 12th – 15th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 143 p.
2. Arcihovskij A.V. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1952 goda)* [Novgorod Birchback Letters (Excavation Season 1952)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1954. 91 p.
3. Arcihovskij A.V. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1958–1961* [Novgorod Birchback Letters (Excavation Season 1958–1961)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963. 118 p.
4. Valk S.N. Drevnejshije novgorodskie akty [Old Russian Novgorod Documents]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik. Vyp. 2* [Novgorod Historical Collection. Iss. 2], Leningrad, Oblono, 1937, pp. 48–52.
5. Valk S.N. Nachalnaya istoriya drevnerusskogo akta [Early History of Old Russian Documents]. *Vspomogatelnye istoricheskiye discipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1937, pp. 285–318.
6. Vovin A.A., Sredinskaya N.B. Recepciya rimskogo prava v Severo-Zapadnoj Rusi XIV–XV vv.: vdova i imushchestvo pokojnogo muzha [Reception of Roman Law in Fourteenth-Fifteenth Century North-West Russia: Widow and Property of Deceased Husband]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2022, no. 1 (31), pp. 105–116.
7. Vovin A.A., Sredinskaya N.B. O recepcii rimskogo prava v chastnyh aktah severo-zapadnoj Rusi XIII–XV vv.: Teoriya i praktika sravnitel'nogo istochnikovedeniya [To Reception of Roman Law in Private Documents of North-West Russia in 13–15 cc.; Theory and Practice of Comparative Source Studies]. *VID. Vyp. XLI* [Auxiliary Historical Disciplines. Iss. 41]. Saint Petersburg, SPbII RAN, 2022, pp. 161–209.
8. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Documents of Great Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949. 407 p.
9. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Documents of Great Novgorod and Pskov]. Moscow, YaSK, 2025. 856 p.
10. Zhukovskaya L.P. *Novgorodskie gramoty na bereste* [Novgorod Birch Bark Letters]. Moscow, Ucheb.-ped. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR, 1959. 135 p.
11. Lappo-Danilevskij A.S. *Ocherk diplomatiki chastnogo akta* [To Diplomatic of Private Document]. Saint Petersburg, Sever. zvezda Publ., 2007. 131 p.
12. Postnikov A.B. *Pskovskie haratejnye gramoty Eleazarova monastyrya XV v. (novye otkrytiya)* [Pskov Parchment Documents from Eleazarov Monastery 15 c. (New Findings)]. Moscow, Pskov, Drevlehranilishche, 2024. 316 p.
13. Tihomirov M.N. O chastnyh aktah v drevnej Rusi [To Private Documents in Old Russia]. *Istoricheskie zapiski. T. 17* [Historical Notes. Vol. 17]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1945, pp. 225–244.
14. Cherepnin L.V. *Novgorodskie gramoty na bereste kak istoricheskij istochnik* [Novgorod Birchback Letters as Historical Source]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 438 p.
15. Shahmatov A.A. *Issledovaniye o dvinskih gramotah XV v.* [Study on Dvina Land Documents of 15 c.]. Saint Petersburg, Otd-niye rus. yaz. i slovesnosti Imperat. akad. nauk, 1903, pt. I, II. 184 p.
16. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod Birch Bark Letters (Excavation Season 1977–1983)]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 312 p.
17. Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1997–2000 gg.* [Novgorod Birchback Letters (Excavation Season 1997–2000)]. Moscow, Rus. slov. Publ., 2004. 288 p.
18. Yanin V.L. *Novgorodskie akty XII–XV vv. Hronologicheskij kommentarij* [Novgorod Documents. Chronological Comments]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 381 p.

Information About the Author

Alexei A. Vovin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Source Studies, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, avovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5089-9999>

Информация об авторе

Алексей Александрович Вовин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, avovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5089-9999>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.4>

UDC 94(47)

LBC 63.3(2)43

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 11.12.2025

LISTS FROM THE NOVGOROD FIRST CHRONICLE OF THE YOUNGER EDITION. THE PLACE OF THE TRINITY LIST

Anton M. Vvedenskiy

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article offers a new solution to an important issue of Russian chronicles – the relation of the Trinity list of the Novgorod First Chronicle of the younger edition to two other lists of the chronicle – Commission and Academic. In previous historiography, there is no consensus on the relationship of the three lists of the Novgorod First Chronicle of the younger edition. *Methods and materials.* The analysis is carried out using the comparative textual method of studying texts. The secondary readings of the lists in the section from the beginning to the middle of article 6523/1015 are considered in pairs. Lists of other closely related chronicles are used to identify secondary readings. *Analysis.* Textual observations on the general text of all three lists of the Novgorod First Chronicle of the younger edition are presented. *Results.* Based on a continuous textual analysis, it is shown that the compiler of the Commission List used two of his sources alternately (interspersed): a common protograph with the Trinity List and a common protograph with the Academic List. The areas of borrowing have been identified for the compilers of the Commission List. The compiler of the Commission List from 854 to the middle of article 945 He used the text of his common protograph with the Trinity List and then, until 971, a common protograph with the Academic List. Article 980 begins with borrowing from the common protograph with the Trinity List and continues up to article 983 with the text of the common protograph with the Academic List. In article 986, the compiler of the Commission List again draws on a text in common with the Trinity List. Starting with article 987, the compiler of the Com may have used one of his sources, or perhaps both, but it is very difficult to establish this for sure. This type of work with sources is not unique in the Russian chronicles. The observations open up the possibility of fully using the text of the Trinity List of the Novgorod First Chronicle of the younger edition in scientific research.

Key words: Novgorod First Chronicle, Russian chronicles, Shakhmatov, history of the 15th century, textology, Novgorod.

Citation. Vvedenskiy A.M. Lists from the Novgorod First Chronicle of the Younger Edition. The Place of the Trinity List. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 29-35. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.4>

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)43

Дата поступления статьи: 18.08.2025

Дата принятия статьи: 11.12.2025

СПИСКИ НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ МЛАДШЕГО ИЗВОДА. МЕСТО ТРОИЦКОГО СПИСКА

Антон Михайлович Введенский

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье предложено новое решение важного вопроса русского летописания – отношение Троицкого списка Новгородской первой летописи младшего извода к двум другим спискам летописи – Комиссионному и Академическому. В предшествующей историографии нет консенсуса о взаи-

моотношении трех списков Новгородской первой летописи младшего извода. *Методы и материалы.* Анализ проводится с использованием сравнительно-текстологического метода изучения текстов. Парно рассматриваются вторичные чтения списков на участке от начала до середины статьи 6523/1015 г. Для выявления вторичных чтений привлекаются списки других близкородственных летописей. *Анализ.* Представлены текстологические наблюдения над общим текстом всех трех списков Новгородской первой летописи младшего извода. *Результаты.* На основе сплошного текстологического анализа показано, что составитель Комиссионного списка использовал попеременно (чересполосно) два своих источника: общий протограф с Троицким списком и общий протограф с Академическим. Определены участки заимствования составителям Комиссионного списка. Составитель Комиссионного списка с 854 г. по середину статьи 945 г. пользовался текстом своего общего протографа с Троицким списком, далее, до 971 г., общим протографом с Академическим. Статья 980 г. начинается с заимствования из общего протографа с Троицким списком, а продолжается вплоть до статьи 983 г. текстом общего протографа с Академическим. В статье 986 г. вновь составитель Комиссионного списка привлекает текст общий с Троицким. Начиная же со статьи 987 г. составитель Комиссионного списка, возможно, использует какой-то один из своих источников или оба, но точно установить это весьма затруднительно. Такой характер работы с источниками не является уникальным в русском летописании. Наблюдения открывают возможность полноценного использования текста Троицкого списка Новгородской первой летописи младшего извода в научных исследованиях.

Ключевые слова: Новгородская первая летопись, русское летописание, Шахматов, история XV века, текстология, Новгород.

Цитирование. Введенский А. М. Списки Новгородской первой летописи младшего извода. Место Троицкого списка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 29–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.4>

Введение. На данный момент мы располагаем девятью списками Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛ), три из которых – ранние, а остальные – XVIII–XIX веков. Списки НПЛ отражают текст новгородской владычной летописи, которая велась непрерывно на протяжении нескольких веков. Все поздние списки восходят к трем ранним: два из которых – Комиссионный (далее – Ком) и Академический (далее – Ак) – рукописи 1440-х годов. Обе рукописи хорошо датируются по филиграммам. Т.В. Гимон отметил их схожесть и выдвинул гипотезу, что они «независимо друг от друга восходят к общему протографу... представляют собой две копии новгородской летописи, созданные почти в одно и то же время для двух разных новгородских монастырей» [2, с. 34]. Третий же список – Троицкий (далее – Тр) XVI века. Он содержит текст лишь от начала до середины статьи 6523/1015 г., и имеет в последней годовой статье добавления, заимствованные из текста Новгородской пятой летописи. Несмотря на то что Тр относится к XVI в., как показал А.А. Шахматов, он восходит к более раннему списку новгородской владычной летописи, который следует датировать временем около 1433–1434 гг. [1, с. 77;

5, с. 280–282], то есть протограф Тр был создан на десятилетие раньше Ком и Ак.

Исследователи по-разному трактовали взаимоотношение текстов трех списков. А.А. Шахматов предлагал сложную схему, в ней Тр и Ком имели общий протограф, который исследователь датировал 1433 г., сам Ком в свою очередь был одним из источников Тр (то есть второго, чуть более позднего протографа Тр), а данный второй протограф Тр и Ком стали источником Ак [5, с. 283, 300]. А.Г. Бобров пришел к более простому выводу: «По всей видимости, Км. и Тр. восходят к общему протографу, который, в свою очередь, явился оригиналом и для протографа Ак» [1, с. 77]. Другие исследователи игнорировали данный вопрос. Т.В. Гимон в своей докторской диссертации, посвященной новгородскому летописанию, не использовал текст Тр, правда, отметил, что это «не исключает в будущем привлечения к анализу и Троицкого списка» [2, с. 37].

Методы и материалы. Основной метод, применяемый в данной работе, следует охарактеризовать как сравнительно-текстологический, основоположником которого в российском летописеведении был А.А. Шахматов. Для определения взаимоотношений между тремя списками НПЛ следует выделить

и рассмотреть попарно вторичные чтения списков на участке от начала до середины статьи 6523/1015 г., то есть до того момента, когда Тр переходит на свой иной источник. Списки НПЛ на данном участке отразили киевский по происхождению свод 1090-х гг., список с которого попал в конце XI в. в Новгород и стал основой для новгородской владычной летописи. Для выявления вторичных чтений следует использовать текст Повести временных лет, сохранившийся в 6 основных списках: Лаврентьевском, Троицком, Радзивилловском, Академическом, Ипатьевском и Хлебниковском (далее – ЛТРАИХ) и отражающий текст Киевской летописи 1110-х гг., в основе которой лежит свод 1090-х годов. В связи с этим тексты НПЛ и ПВЛ очень близки, что дает возможность определить вторичные чтения более надежно. Кроме того, важную роль при текстологическом анализе списков НПЛ играет первая подборка Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК1) – протограф, который был создан около 1411 года. Составитель НК1 использовал два источника – текст новгородской владычной летописи, который предшествует дошедшим до нас спискам НПЛ, и текст ПВЛ в редакции конца XII века. Все указанные ниже летописные цитаты даны в случае со списками НПЛ по рукописям (вместо Ак до статьи 6453/945 г. цитируется текст ближайшей копии Ак – Толстовского (далее – Ак (То) по изданию [4]); НК1 – по рукописи, а ПВЛ – по [6].

Анализ. В небольшом введении, предшествующем анналистической части, не так много возможностей для сравнения, так как в Ком читается лишь завершение вводной части, которая совпадает с текстом Ак (То). Однако в Тр сходный текст содержит пропуски, которые могли появиться уже при создании списка, а не протографа Тр.

На участке от начала анналистического повествования под 6362/854 г. до середины статьи 6453/945 г. (конец описания первой мести Ольги древлянам) можно обнаружить 5 примеров, в которых чтения Тр и Ком совпадают и имеют вторичный характер, в отличие от Ак (То), списков ПВЛ и/или НК1, которые в этих случаях содержат первичное чтение.

1. В начале статьи 6362/854 г. в Тр и Ком читается: «владеюще кождо родомъ... вто-

рому имя Щек». В Ак (То), ЛТИ: «владеюще кождо родомъ», в Ак (То), ЛТРАИХ, НК1: «(а) другому Щек».

2. В сюжете о походе руси на Византию в той же летописной статье в Тр и Ком находим: «таци/тацѣ святѣи Богородици ризу изънесъше». В других, интересующих нас летописях, вместо «таци/тацѣ»: в Ак (То) – «тако же», в НК1 – «таже и», в ЛТРАХ – «таже».

3. В сюжете о хазарской дани в Тр и Ком: «и рѣша: «плати намъ дань». В Ак (То), ЛТРАИХ и НК1 первичное «платите», так как хазары обращаются к полянам и правильность множественного числа в глагольной форме не должно вызывать сомнения.

4. В рассказе о походе Олега на Византию в Тр и Ком читается «И увидѣвше же, убояшася греци». В Ак (То), ТРАИХ и НК1 вместо «увидѣвше», везде читается «видѣвше».

5. В сообщении о гибели князя Игоря только в Тр и Ком про древлянского князя Мала читается – в Тр: «бѣ бо ему имя Маль князю нашему», в Ком: «бѣ бо имя князю нашему деревскому Маль», в Ак (То), ЛТИХ, НК1: «бѣ бо имя ему Маль, князю деревскому». Очевидно, что добавление слова «нашему» следует считать нововведением, связанным с попыткой изменить изначальное пояснение летописца к статусу древлянского князя на продолжение прямой речи древлян.

В приведенных примерах 1, 2 и 4 доказать вторичность чтений Тр и Ком можно лишь исходя из того, что в ПВЛ и НК1, наряду с Ак (То), содержатся иные чтения. Так как мы не располагаем данными, что составитель Ак (То) мог использовать текст какого-либо списка ПВЛ или НК1, то выявленные нами чтения типа Ак (То) = ПВЛ = НК1 следует считать первичными, а Тр = Ком – вторичными.

На летописном отрезке – от 6362/854 г. до середины статьи 6453/945 г. – находятся два чтения, сближающий текст Ком с Ак, и отличающий его от Тр. Оба чтения содержатся еще только в НК1, а в списках ПВЛ – отсутствуют.

1. В известии о походе на Византию в Ком и Ак (То) сообщают «Бысть в Гречко/Греческой земле цесарь», а в Тр и НК1 – «Бысть в Грецѣх цесарь».

2. В Тр в рассказе о призвании варягов Рюрик и его братья взяли «дружину много и прииде к Новугороду», а в Ком и Ак (То) –

«дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду». НК1 в этом случае следует за НПЛ в начале предложения: «дружину много», но продолжает по ПВЛ: «и пришед старѣиши Рюрик, сѣде...», что не позволяет точно сказать, читалось ли слово «предивну» в том раннем виде НПЛ, которым пользовался составитель НК1. Скорее всего, перед нами все же вторичное чтение Ком и Ак, где, возможно, первичное «прииде» было ошибочно переосмыслено как «предивну».

Таким образом, на данном летописном отрезке встречаются не только общие первичные чтения Ком и Тр, но также дважды – Ком = Ак.

На участке со второй мести Ольги летописной статьи 6453/945 г. до статьи 6479/971 г. перед нами – обратная картина: 9 общих чтений Ком и Ак имеют вторичный характер.

1. В описании второго посольства к Ольге древлян в Ком и Ак читаем: «и послаша (их) по Олгу», в Тр, НК1 и ЛРАИХ: «и послаша по ню».

2. В рассказе о начале битвы с древлянами в Ком и Ак: «потягнѣмъ, дружино, и мы по князи», а в Тр, НК1 и ЛРАИХ: «потягнем, дружино, по князи». Явно вторичное добавление местоимения «мы» в Ком и Ак.

3. В рассказе о деятельности Ольги, при указании, что в Пскове стоят ее «сани» (так во всех интересующих нас летописях), в Ком и Ак – «санки».

4. В повествовании о поездке Ольги в Константинополь в Ком и Ак сказано, что император увидел Ольгу «смыслену въ премудрости и удививъ(ся)», а в Тр, НК1 и ЛРАИХ «въ премудрости» отсутствует.

5. Резюмируя мудрость Ольги, император говорит (Тр, НК1 и ЛРАИХ): «Преклюкала мя еси Ольга». Вместо краткой резолюции в Ком читаем: «прѣдстоящимъ ту велможамъ своимъ: «упремудри мя Олга словесы своими, бѣ же она мудра словесы цесарь же паки Чемыскыи слышавши глаголы ея», а в Ак: «к боляром своимъ: “упремудри мя Ольга своими глаголами”». Конечно, составитель Ком внес свои добавления, однако общий источник Ком и Ак, содержащий вторичные чтения, очевиден, и, как и в предыдущем примере, речь идет о «премудрости» русской княгини.

6. В завершении истории о поездке Ольги сообщается в Тр, ЛРИХ и НК1, что «она же хотящи домови», в Ком вместо этого: «Олга, княгынѣ руская хотящи възвратитися къ странѣ своеи», а в Ак: «Она же паки хотящи възвратитися ко граду своему».

7. Чуть далее по тексту, интересующие нас разночтения вновь касаются *(пре)мудрости* княгини. В Ком и Ак Ольга ищет «добра и (пре)мудрости», а в Тр, НК1 и ЛРАИХ: «доброе (пре)мудрости».

8. В описании похода Святослава Игоревича на Константинополь под 6479/971 г. на месте краткого текста Тр, НК1 и ЛРАИХ: «и повелѣ схоронити, и рече единъ: “Искуси...”», в Ком и Ак читается: «нъ (и) толико (отрокомъ повелѣ поимати / рече отрокомъ своимъ съхраните), рече же (единъ от ту предстоящих цесарю / от сущих ту у цесаря единъ еще цесарю): “Искуси(мъ)...”». Как и в сюжете об Ольге, вторичность и изначальную общность текстов Ком и Ак вряд ли можно подвергнуть сомнению.

На этом участке текста лишь под 6475/967 г. обнаруживается общее чтение Тр и Ком: «омыя купелью святою», в Ак, НК1 и ЛРАИХ – «омыся купелью святою», которое вполне можно объяснить независимым пропуском «с» в списках НПЛ.

Таким образом, текст НПЛ на участке от 6362/854 до 6479/971 г. можно разделить на две части: первая – до середины статьи 6453/945 г. – содержит вторичные общие чтения Ком и Тр, а вторая часть – со второй половины статьи 6453/945 г. – насыщена общими вторичными чтениями Ком и Ак. Важно отметить, что в обоих фрагментах не удалось выявить ни одного общего чтения Тр и Ак.

На участке, содержащем текст с 6480/972 г. по 6485/977 г., выявить общие вторичные чтения списков НПЛ не удалось.

Статьи же 6488/980 г. и 6491/983 г. показывают следующую картину. В начале летописной статьи 6488/980 г. только в Тр и Ком полоцкий князь назван Ровѣголду / Ровоголод, в Ак, НК1 и ЛРАИХ правильно – Рогѣволод. В той же статье Ак, НК1 и ЛРАИХ содержат текст: «паки языки/языком своими лъстяху». В Тр и Ком – общий пропуск – нет слова «языком».

Однако ближе к концу летописной статьи 6488/980 г. встречается уже общее добав-

ление в Ком и Ак. Во фразе, которая читается в Тр, ЛРАИХ и НК1: «велии (бо) Господь и велья крепость его», в Ком и Ак после «Господь» стоит «нашь». Можно было бы считать это независимым добавлением в обоих списках, но уже в статье 6491/983 г. в рассказе о первых варягах-мучениках в Тр, НК1 и ЛРАИХ читается: «и розьяша двор около его». Вместо «розьяша» находим в Ком «обоидоша», а в Ак «объступиша». И в следующем предложении только в Ком и Ак читается характеристика крика киевлян: «велиимъ гласом», в остальных летописях подобная характеристика отсутствует.

В статье 6494/986 г. вновь начинается участок с вторичными общими чтениями Ком и Тр. В Речи философа в Ком и Тр читаем: «распятие прия волею въскресь». Ни в Ак, ни в НК1 и ЛРАИХ нет слова «волею». Это явное нововведение. В рассказе философа о жизни Авраама только в Ком и Тр опущено слово «Бог» во фразе «заповеда ему Бог (Господь)». В Тр и Ком в сюжете о дочери фараона она «изыде» купаться, а в Ак – «иде», в НК1 и ЛРАИХ – «сниде». В том же рассказе философа в Ак, НК1 и ЛРАИХ: «еда (егда) украдут», а в Ком и Тр: «да како украдут».

Начиная со статьи 6495/987 г. ситуация изменяется. В небольшом фрагменте сюжета об испытании вер сначала в Ком и Ак (То) читается: «сия (глаголы – Ком) слышавъ, цесарь рад бывъ», а в Тр, НК1 и ЛРАИ – «се/си слышавъ цесарь радъ бывъ». Через несколько строк уже в Ком и Тр фигурирует «церковный клирос», когда в других летописях, в том числе и Ак, явно первичное «церковь и клирос». После этих разночтений, вплоть до того момента, когда текст Тр начинает представлять собой текст Новгородской пятой летописи, выявлять вторичные чтения Ком и Ак или Ком и Тр становится затруднительно. В Корсунской легенде под 6496/988 г. вместо «градъ ваю славный» в Ком и Ак читается «градъ ваш славный», но можно считать, что перед нами общее независимое изменение в Ком и Ак. Далее картина мало меняется, и вторичные общие чтения с высоким уровнем достоверности выделить не удается.

Текстологический разбор трех списков НПЛ и их сравнительный анализ со списка-

ми ПВЛ и НК1 показал, что тексты списков НПЛ с начала повествования до начала статьи 6495/987 г. можно разбить на несколько отрезков. В основе этого разделения лежит поочередная смена общих вторичных чтений: с одной стороны – Ком и Ак, а с другой – Ком и Тр.

На участке от начала анналистического повествования под 6362/854 г. до середины статьи 6453/945 г. – 5 фрагментов, в которых Ком и Тр дают общие вторичные чтения. Начиная со второй мести Ольги летописной статьи 6453/945 г. до статьи 6479/971 г. обнаруживается, наоборот, уже 9 общих чтений Ком и Ак, которые имеют вторичный характер. На участке, содержащем текст с 6480/972 г. по 6485/977 г., выявить общие вторичные чтения не удастся. Статья 6488/980 г. распадается на две части: в начале выявляются общие чтения Ком и Тр, а в конце – общие чтения Ком и Ак, которые продолжают также и в статье 6491/983 года. В статье 6494/986 г. вновь начинается участок с вторичными общими чтениями Ком и Тр. С 6495/987 г. картина становится не совсем ясной, так как есть трудности в выявлении вторичных чтений.

Результаты. Принимая во внимание, что не удастся выявить ни одного общего вторичного чтения списков Ак и Тр при существовании вторичных чтений Ком и Тр, а также Ком и Ак, и учитывая, что время создания Ком и Ак стоит относить к одному десятилетию, а создание протографа Тр датировать на 10 лет раньше, следует сделать вывод. Составитель Ком использовал попеременно (чересполосно) два своих источника – общий протограф с Тр и общий протограф с Ак (см. стемму).

Таким образом, составитель Ком с 854 г. по середину статьи 945 г. пользовался текстом своего общего протографа с Тр, далее, до 971 г., – общим протографом с Ак. Статья 980 г. начинается с заимствованием из общего протографа с Тр, а продолжается вплоть до статьи 983 г. текстом общего протографа с Ак. В статье 986 г. вновь составитель Ком привлекает текст общий с Тр. Начиная же со статьи 987 г. составитель Ком, возможно, использует какой-то один из своих источников, а возможно, оба, но точно установить это весьма затруднительно.

Такая чересполосная работа была несколько раз отмечена в летописании на другом материале и не должна нас удивлять. А.А. Шахматов показал, что составитель Летописца Переяславля Суздальского на участке, содержащем Повесть временных лет, использовал свои два источника (Повесть временных лет первой редакции и Повесть временных лет второй редакции) попеременно [5, с. 124–148]. Схожим образом поступил и составитель протографа Радзивилловского и Академического списка Повести временных лет, который, как и составитель Летописца Переяславля Суздальского, выписывал из обоих своих источников поочередно [3, с. 86–87]. Моменты перехода и в Летописце Переяславля Суздальского, и в протографе РА, не всегда можно четко определить. Такую же ситуацию мы видим и при анализе текста списков

НПЛ. Вполне вероятно, что, имея перед глазами оба списка, составитель Ком, несмотря на то что на определенном участке придерживался чтений одного из своих источников, вполне мог заглядывать и в другой. Это не позволяет со стопроцентной уверенностью говорить о том, что составитель Ком использовал строго один источник на всем протяжении выделяемого нами участка. Несмотря на определенные трудности, можно вполне уверенно говорить о характере работы со своими источниками составителя Ком. Наше исследование, как представляется, позволяет по-новому взглянуть на данные Тр и более надежно привлекать его текст в исследования по новгородскому летописанию. Скорее всего, изначально, Тр был доведен до 1430-х гг., а составитель Ком использовал свои источники попеременно вплоть до известий за XV век.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.
2. Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление : дис. ... д-ра ист. наук / Гимон Тимофей Валентинович. М., 2014. 426 с.
3. Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. Т. 26. Р. 63–126.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 580 с.
5. Шахматов А. А. Обзор летописей и летописных сводов XI–XVI веков // *История русского летописания*. Т. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 17–573.
6. *The Povest' vremennykh let. An Interlinear Collation and Paradosis* / compiled and ed. By D. Ostrowski; Associate editor D. J. Birnbaum; Senior Consultant H. G. Lunt. Cambridge (Mass): Harvard Ukrainian Research Institute, 2004. 2171 p.

REFERENCES

1. Bobrov A.G. *Novgorodskiye letopisi XV veka* [15 c. Novgorod Chronicles]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000. 287 p.
2. Gimon T.V. *Novgorodskoye letopisaniye XI – serediny XIV v. kak sociokulturnoye yavleniye: dis. ... d-ra ist. nauk* [Novgorod Chronicle of the 11th – Mid-14th Centuries as a Sociocultural Phenomenon. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2014. 426 p.
3. Gippius A.A. O kritike teksta i novom perevode-rekonstrukcii «Povesti vremennykh let» [On the Criticism of the Text and the New Translation-Reconstruction of The Tale of Bygone Years]. *Russian Linguistics*, 2002, vol. 26, pp. 63-126.
4. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 580 p.
5. Shakhmatov A.A. Obozreniye letopisey i letopisnykh svodov XI–XVI vv. [Review of Chronicles and Annals of the 11th – 14th Centuries]. *Istoriia russkogo letopisaniia*. T. 2 [History of Russian Chronicling. Vol. 2]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 17-573.
6. Ostrowski D., Birnbaum D.J., Lunt H.G., eds. *The Povest' vremennykh let. An Interlinear Collation and Paradosis*. Cambridge (Mass), Harvard Ukrainian Research Institute, 2004. 2171 p.

Information About the Author

Anton M. Vvedenskiy, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation; Associate Professor, HSE University, Soyuza Pechatnikov St, 16, 190121 Saint Petersburg, Russian Federation, 3103104@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4046-8292>

Информация об авторе

Антон Михайлович Введенский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, 16, 190121 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 3103104@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4046-8292>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.5>

UDC 930.253

LBC 63.2

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 16.12.2025

EXPERIENCE OF THE ATTRIBUTION OF CHRONICLE MONUMENTS FROM THE LIBRARY OF KIRILLO-BELOZERSKY MONASTERY (BASED ON THE INVENTORIES AND REGISTERS OF THE 17th – 18th CENTURIES)

Anatoly L. Gryaznov

The Antiquities Research Center, Vologda, Russian Federation

Ivan A. Poliakov

National Library of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the 15th – 17th centuries, Kirillo-Belozersky Monastery was one of the largest ideological and book centers of North-Eastern Rus', where outstanding scribes worked and where valuable historical and literary monuments were created and copied. The monastery's book collection provided copies of the Typographical, Vologda-Perm, Pskov II, and other chronicles. An important aspect of studying chronicles is the problems of their place of creation and history of existence. *Methods and materials.* As part of the study, all surviving book inventories of the Kirillo-Belozersky Monastery of the 17th – 18th centuries were analyzed in order to determine the dynamics of replenishment of the library with historical monuments and to correlate the books mentioned in them with the manuscripts that have survived to this day. *Analysis.* It was established that by the end of the 17th century, more than 20 manuscripts were listed in the "Chronicles" section of the monastery's inventories of property. In 1703, according to the discovered register, they were transferred to the Moscow Printing House, from where they later ended up in the library of the Synodal Printing House, which is recorded in the "Universal Catalog" of 1727. *Results.* Based on a comparison of the inventories of the Printing House Library of the 18th century, the transfer register of 1703, and the inventories of property of the 17th century. It was possible to determine the history of the existence of more than 10 chronicle monuments that came from the library of the Kirillo-Belozersky monastery. *Authors' contribution.* A.L. Gryaznov – research of historiography, history of existence of chronicle monuments in the 18th – 21st centuries, and history of formation of the Typographic Library. I.A. Poliakov – research of historiography, history of existence of manuscripts in the 17th – early 18th centuries in the library of Kirillo-Belozersky Monastery, and identification of their attributive features. *Funding.* The study was completed with the help of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01271, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01271>.

Key words: Kirillo-Belozersky Monastery, chronicles, library, historical monument, book collection, inventory of property.

Citation. Gryaznov A.L., Poliakov I.A. Experience of the Attribution of Chronicle Monuments from the Library of Kirillo-Belozersky Monastery (Based on the Inventories and Registers of the 17th – 18th Centuries). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 36-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.5>

УДК 930.253

ББК 63.2

Дата поступления статьи: 18.08.2025

Дата принятия статьи: 16.12.2025

ОПЫТ АТРИБУЦИИ ЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ ИЗ БИБЛИОТЕКИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ (ПО ДАННЫМ ОПИСЕЙ И РЕЕСТРОВ XVII–XVIII вв.)

Анатолий Леонидович Грязнов

Научно-исследовательский центр «Древности», г. Вологда, Российская Федерация

Иван Анатольевич Поляков

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В XV–XVII вв. одним из крупнейших идеологических и книжных центров Северо-Восточной Руси был Кирилло-Белозерский монастырь, в котором работали выдающиеся книжники, создавались и переписывались ценнейшие исторические и литературные памятники. Из книжного собрания обители происходили списки Типографской, Вологодско-Пермской, Псковской II и других летописей. Важным аспектом изучения летописей являются проблемы места их создания и истории бытования. *Методы и материалы.* В рамках исследования были проанализированы все сохранившиеся книжные инвентари Кирилло-Белозерского монастыря XVII–XVIII вв. с целью определить динамику пополнения библиотеки историческими памятниками и соотнести упомянутые в них книги с дошедшими до нашего времени рукописями. *Анализ.* Было установлено, что к концу XVII в. в разделе «Летописцы» в описях имущества монастыря числилось более 20 рукописей. В 1703 г., согласно обнаруженному реестру, они были переданы в Печатный приказ, откуда позднее попали в библиотеку Синодальной типографии, что зафиксировано в «Каталоге универсальном» 1727 года. *Результаты.* На основании сопоставления инвентарей Типографской библиотеки XVIII в., передаточного реестра 1703 г. и описей имущества XVII в. удалось определить историю бытования более 10 летописных памятников, происходивших из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. *Вклад авторов.* А.Л. Грязнов – исследование историографии, истории бытования летописных памятников в XVIII–XXI вв., истории складывания Типографской библиотеки. И.А. Поляков – исследование историографии, истории бытования рукописей в XVII – начале XVIII в. в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, выявление их атрибутивных признаков. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01271, <https://rscf.ru/project/24-28-01271/>.

Ключевые слова: Кирилло-Белозерский монастырь, летописи, библиотека, исторический памятник, книжное собрание, опись имущества.

Цитирование. Грязнов А. Л., Поляков И. А. Опыт атрибуции летописных памятников из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (по данным описей и реестров XVII–XVIII вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 36–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.5>

Введение. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря являлась одним из крупнейших книжных собраний средневековой Руси. Она начала формироваться сразу после основания обители и к концу XV в. насчитывала более 200 рукописей [10, с. 3–13; 28, с. 24]. В Кириллове работали выдающиеся книжники, создавались и переписывались ценнейшие исторические и литературные памятники, а сам монастырь являлся идеологическим и книжным центром Северо-Восточной Руси [25]. В этот период количество книг многократно выросло: в 1635 г. только в книгохранильнице монастыря числились 1 333 книги, а еще ряд рукописей и печатных изданий хранился в ризнице, церквях, московском подворье и принадлежавших монастырю селах [14, с. 536].

Главным источником в исследовании книжного собрания Белозерской обители являются описи строений и имущества монастыря. Основной массив рукописей, входивших в XVII в. в ее книжное собрание и упомянутых в описях, находится на хранении в ОР РНБ

(см. список сокращений). Фонд № 351 составляет рукописная часть библиотеки, переданная в 1859 г. из монастыря в Санкт-Петербургскую духовную академию, а в 1918 г. – в Государственную публичную библиотеку. Более 200 рукописей также поступили из СПбДА в 1918 г. в составе собрания новгородского Софийского собора (покинули обитель во второй половине XVIII в.). Ни в один из этих комплексов полностью не попал важный раздел монастырской библиотеки – исторические памятники, хотя традиция летописания в Кирилло-Белозерском монастыре широко известна с XV века.

Задачей данного исследования является рассмотрение истории бытования летописных и исторических памятников, упоминаемых в описях монастырского имущества XVII–XVIII вв., и атрибуция их с известными сейчас рукописями. Вне рамок его остается сама летописная традиция, а также ряд исторических текстов XV–XVI вв., бытовавших в монастыре в составе келейных сборников-конволютов.

Методы и материалы. Описи имущества и строений Кирилло-Белозерского монастыря, включающие описания рукописей и печатных изданий, стали объектом изучения с середины XIX века. С 1998 г. началось комплексное изучение и публикация описей монастыря. К настоящему времени в научный оборот введены тексты описей 1601, 1615, 1621, 1635, 1771–1773 гг. [13; 14; 18; 19]. В комментариях к описи 1601 г. отмечено наличие в ней ряда исторических сочинений, в том числе «хронографов, летописцев, пасхалий, родословцов» [18, с. 283], из которых удалось атрибутировать «Летописец в коже...» (ОР ГИМ. Синодальное собр. № 792) [18, с. 132, 310]. Летописные своды и краткие летописцы, созданные или находившиеся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, привлекают внимание исследователей с XIX века¹. Выводы о месте их составления или хранения преимущественно делались на основании анализа экстракстов на самих рукописях, результатов кодикологического или текстологического исследования без привлечения монастырских описей. Отдельно следует отметить исследование О.Л. Новиковой, в котором была проанализирована судьба рукописей исторического содержания из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVIII в. [12].

Нами проанализированы сохранившиеся до настоящего времени описи имущества и строений Кирилло-Белозерского монастыря 1601, 1615, 1621, 1635, 1668, 1731–1733, 1771–1773 гг. [13; 14; 18–21]. Особое внимание было уделено библиотечным инвентарям, созданным в 1646, 1664 и 1766 гг. [15–17]. Формуляры описанных летописных и других исторических памятников из разных реестров последовательно сравнивались между собой. Это позволило определить, в какой промежуток времени та или иная рукопись попала в библиотеку или, наоборот, выбыла из нее. Был составлен список предполагаемых «кирилловских» летописцев из фондов ОР РНБ, НИОР БАН, НИА СПбИИ РАН, ОР ГИМ, РГАДА, ОР РГБ и других архивохранилищ. Все кодексы были просмотрены *de visu*.

Анализ. В начале XVII в. летописные памятники хранились в «верхней» книгохранильной палатке, поэтому оказались отделены друг от друга вследствие форматной

расстановки. В описи 1601 г. зафиксировано семь летописных памятников: пять в разделе «в полдесть» и два в разделе «в четверть» [18, с. 132, 134]. К 1621 г. летописные памятники были выделены в раздел «Летописцы». В него вошли две рукописи «в десть», пять рукописей «в полдесть» и две «в четверть» [19, с. 171, 358]. Согласно описи 1635 г., рукописи находились на том же месте, а количество кодексов выросло еще на два: три – «в десть», пять – «в полдесть», три – «в четверть» [14, с. 298]. К 1646 г. помимо двух летописцев в библиотеке появились еще два списка Хронографов, список Степенной книги и «Святцы в четъ, с летописью» [16, л. 45 об. – 46].

За период с 1646 по 1664 г. книжное собрание Кириллова монастыря значительно увеличилось в размерах, была проведена перестановка. В описях 1664 и 1668 гг. раздел «Летописцы» насчитывал уже 21 рукопись, среди которых были зафиксированы «в десть»: четыре летописца, четыре списка Хронографов, два списка Степенной книги; «в полдесть»: четыре летописца в кодексах и три в тетрадах; «в четверть»: четыре летописца [17, л. 96 об. – 98; 20, л. 564 об. – 566].

А.А. Романовой опубликованы «Книги раздаточные» за 1690–1694 гг., в которых фиксировались рукописи и издания, выдаваемые «на руки» братии [26]. В них несколько раз упомянуты: книги «Летописцы писменные» в десть, два из которых имели отличительные признаки (у одного – заставки, прописанными золотом; у другого – заставки и жуки медные), «Летописцы» в полдесть, Хронограф в десть и в полдесть, Степенные книги в десть [26, с. 362–364, 366–368, 372–374, 378–379, 381–382].

В материалах к описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1731–1733 гг. сохранилась опись книгохранильницы, выполненная в 1729 году. В ней не отмечена ни одна обозначенная выше рукопись. Единственный исторический памятник упомянут в конце описи – «Книга гранограф писмянная в полдесть в красной коже» [21, л. 390]. В дополнительных статьях после текста инвентаря отмечены поступившие в 1700–1730-е гг. книги: «Книга писмянная в полдесть Гранограф в белой коже, заставки медные» и «Книга писмянная в полдесть в черной коже

Гранограф, по обрезау крашена суриком», выделенные в июле 1708 г. из рухляди монаха Гедеоны; «Книга историческая в десть», вложенная архимандритом Иринархом в ноябре 1731 г. [21, л. 400, 402, 409]. В реестре 1766 г., вошедшем в опись имущества 1771–1773 гг., по наименованиям выделяются лишь несколько летописных произведений в разделе «в четверть» – два летописца: «846. 1. Летописец писменный, в ырхе, застежки медные», «973. 1. Летописец, в белой коже, без дощек, ветх»; три Хронографа: «819. 1. Гранограф, в красной коже, по обрезау кеноварем, застежки медные», «820. 2. Гранограф, в красной коже, застежки медные», «821. 3. Гранограф, скорописной, в белой коже, без дощек» [13, с. 68, 73; 15, л. 76–77, 81].

Таким образом, к 1729 г. в Кирилло-Белозерском монастыре не осталось ни одной рукописи, упомянутой в разделе «Летописцы» в описях XVII века. Все памятники, перечисленные в инвентарях 1731–1733, 1766 и 1771–1773 гг., попали в книгохранилищу в XVIII веке. Именно с одним из них – Хронографом, отмеченным в описи 1766 г. под № 624, вкладом архимандрита Иринарха в ноябре 1731 г., – можно отождествить рукопись, которая попала позднее в собрание А.И. Мусина-Пушкина и, по мнению А.Г. Боброва, содержала список «Слова о полку Игореве» [1].

В описи 1731–1733 гг. сохранилась копия реестра рукописей, выданных властями монастыря стольнику Лукьяну Никифоровичу Кологривову в 1703 г. в рамках исполнения указа от 24 мая 1703 г. о присылке в Москву исторических книг для работы над «исправлением... нового летописца» – Хронографической редакции Латухинской Степенной книги. Согласно перечню, в Москву были переданы 20 (21²) рукописей [21, л. 406 об. – 407 об.]. Все они остались в Типографской библиотеке³ и позднее были отмечены в «Каталоге универсальном», составленном Иваном Максимовичем в 1727 г. (далее – «Каталог» 1727 г.). Среди «книг раритетных» в нем зафиксированы 15 летописных и хронографических произведений, происходивших из Кирилло-Белозерской обители [6, л. 8 – 8 об.]. В их состав вошли 8 рукописей форматом в лист («десть»): № 45.1, 45.2, 48, 49, 50, 51, 52, 54⁴ – и 7 рукописей форматом в четверть («полдесть»):

№ 55, 56, 57, 58, 59, 63, 64 (табл. 1). Вторая часть описи книг Типографской библиотеки 1727 г. посвящена менее значимым, по мнению составителя, рукописям. В разделе «Книги славянские писменные в четверть по векам» под заголовком «Книги без подписания веков» записаны три летописца Кирилло-Белозерского монастыря, имеющие только краткие описания: «Летописец Кирилова монастыря; Другий такой же; Третий такой же» [7, л. 36]. Порядковые номера из первой части «Каталога универсального» использовались при составлении реестров библиотеки Синодальной типографии второй половины XVIII в. и вошли в работы историографов.

В конце XVIII – XIX в. библиотека Синодальной типографии была расформирована, и в настоящее время ее части хранятся в ОР ГИМ, РГАДА, РГИА и ОР РГБ. Перемещение рукописей началось в 1786 г. с издания указа Синода о передаче ряда книг из Типографской библиотеки в Синодальную. Для исполнения указа в 1788 г. был составлен перечень документов, в который вошли все упомянутые рукописи под обозначенными номерами [22, с. 242–243]. В 1823 г. Синодальное собрание получило новую опись, выполненную по форматному принципу, в результате чего рукописи из Типографской библиотеки получили новые шифры.

Изучение научной литературы и сплошной просмотр рукописей исторического содержания из Синодального собрания ОР ГИМ позволил точно отождествить 10 кодексов с книгами, упомянутыми в «Каталоге» 1727 г. (табл. 1).

Таким образом, 8 из 18 кодексов, упомянутых в инвентаре 1727 г., в Синодальном собрании не были обнаружены. Степенные книги из Кирилло-Белозерской монастыря, записанные в реестре под № 45.1 и № 45.2, в конце XVIII в. не были перемещены и, согласно пометам на перечне 1788 г., оставлены в Типографской библиотеке [22, с. 242]. Оба памятника в настоящее время находятся в фонде Рукописного отдела библиотеки Московской Синодальной типографии (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 347, 348). Рукопись под № 55 отождествляется с Кирилло-Белозерским списком Вологодско-Пермской летописи [23, с. 4–5]. В первой

половине XIX в. летописный памятник находился в составе Синодального собрания под № 788. В дальнейшем он был передан в Археографическую комиссию [24, с. I, примеч. 1] и на сегодняшний день хранится в одноименной коллекции в СПбИИ (НИА СПбИИ. К. 11. № 251). Рукопись под № 50 – «Летописец» князей Кемских – около 1791 г. была присвоена А.И. Мусиным-Пушкиным и вместе с его коллекцией рукописей погибла в московском пожаре 1812 г. [8, с. 105].

Судьба четырех рукописей Кирилло-Белозерского монастыря из Типографской библиотеки неизвестна. Кодекс под № 48 в лист, включавший в свой состав список Стоглава и летопись до 1613 г., согласно помете в инвентаре XIX в., «...отдан г. Карамзину 1804 года марта 28 дня» [22, с. 243]. Однако среди книг Н.М. Карамзина в ОР РНБ исторический сборник с подобным составом и внешними характеристиками обнаружен не был. Упоминание о нем также отсутствует в «Истории государства Российского» (использованные Н.М. Карамзиным летописные памятники в настоящее время определены [9]).

Рукопись под № 54 в «Каталоге» 1727 г. вместе с № 49 (ОР ГИМ. Син. 135) и № 55 (НИА СПбИИ. К. 11. № 251) в 1798 г. была передана в Патриаршую библиотеку [22, с. 243]. Она была ошибочно отождествлена с рукописью ОР ГИМ. Син. 793 – Владимирским летописцем, отличающимся по содержанию [22, с. 243].

В настоящий момент не выявлены и рукописи под № 63 и № 64. По-видимому, летописный текст из № 64 был близок к тексту из рукописи ОР РНБ. Кир.-Бел. 98 (начинается с 6745 г. и заканчивается 7004 г., тогда как в Кир.-Бел. 98 записи охватывают период с 6745 по 7002 г.) [11, с. 175].

Определив местонахождение большей части исторических рукописей, упомянутых в «Каталоге» 1727 г., сопоставим его с передаточным реестром 1703 г. (табл. 2).

Передаточный реестр 1703 г. дополняет перечень кирилловских книг Типографской библиотеки, составленный на основании указаний «Каталога» 1727 г. о происхождении рукописей. Эти «новые» рукописи также удалось обнаружить в «Каталоге» 1727 года. Первой в реестре 1703 г. идет «Книга Царства в дествь,

писана на харатии на две грани, в ней же житие Бориса и Глеба в лицах» – один из «Селивестровских сборников», хорошо известный в научной литературе. В конце XVIII в. он был оставлен в Типографской библиотеке и сейчас хранится в соответствующем фонде (РГАДА. Ф. 381. № 53).

Записанные в конце передаточного реестра 1703 г. «Две тетрати писмяные в четверть» можно отождествить с «летописцами малыми вкратце, упомянутыми во второй части «Каталога» 1727 г. [7, л. 35 об.] Один из них («без начала и конца») в 1804 г. был отдан в пользование Н.М. Карамзину [22, с. 253]. «Книгу Гранограф в двух переплетах» без указания формата из реестра 1703 г. можно соотнести с обозначенным в «Каталоге» 1727 г. в разделе «полдестей» «№ 54 Летописцем от создания мира...». Под этим же обозначением мог быть записан и «№ 63 Летописец с листа 180, потом разныя статьи...». На данный момент иных вариантов для отождествления этих рукописей не обнаружено.

В передаточном реестре 1703 г. присутствуют лишь краткие описания рукописей, что затруднило атрибуцию. Например, «Книга Летописец писмянная. В дествь» может быть одинаково отождествлена с рукописями № 50 и № 52 «Каталога универсального» 1727 года. Любую из этих рукописей также можно соотнести с «Книгой Гранограф. Писмянная в дествь». Рукопись ОР ГИМ. Син. 938 была условленно соотнесена с наименованием «Книга Летописец писмянной в четверть. У исподней доски прописано толк Софии Премудрости Божии». В современном виде указанный текст на внутренней стороне нижней крышки переплета отсутствует. Возможно, под этим названием в Типографскую библиотеку поступил обнаруженный на данный момент «Летописец в четвь» с деревянным переплетом (табл. 3).

Определив местонахождение большей части летописных памятников, переданных в первую четверть XVIII в. из монастыря в Москву, можно сопоставить сведения из реестров XVIII в. с самой полной описью книгохранилища XVII в. – описью 1664 г., в которой в разделе «Летописцы» насчитывается 21 книга (табл. 3).

В ходе сопоставления описи 1664 г. с реестром 1703 г. и «Каталогом» 1727 г. удалось

атрибутировать 12 наименований из раздела «Летописцы» с дошедшими до нашего времени рукописями. Не удалось точно сопоставить три Хронографа в десть и один Хронограф в полдесть из описи 1664 г. с данными из реестра 1703 года. Ни один из них не был обнаружен в современных собраниях, хранящих рукописи из Типографской библиотеки. Спорным представляется и соотнесение статьи «Две тетрати, одна в полдесть, а другая в четь, в черной коже, от Козмографии вкратце» с двумя необнаруженными летописцами «в полдесть» и «в четь». В любом случае по неизвестным обстоятельствам ряд рукописей из раздела «Летописцы» покинули библиотеку до второй трети XVIII в.: ни одна из них не упомянута в описи 1729 года.

Для определения времени попадания того или иного памятника в библиотеку было проведено сопоставление всех описей имущества XVII в. (табл. 4).

Результаты. В ходе исследования удалось определить историю бытования полутора десятка рукописей исторического содержания из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, сохранившихся до нашего времени. Полученные сведения уточняют гипотезу Р.П. Дмитриевой о перемещении книг в Москву: большая часть рукописей из раздела «Летописцы» покинула книгохранительницу в 1703 г. и оказалась в Типографской библиотеке.

Сопоставление дошедших до нашего времени рукописей с данными реестров позволило установить время поступления того или иного памятника в библиотеку Кирилло-Белозерского монастыря. Большая часть известных летописцев, связанных с монастырем и созданных в XVI в., попала в книгохранительницу до 1601 г. и хранилась в ней до начала XVIII века. Однако два значимых кодекса – ОР ГИМ. Син. 154 (XV–XVI вв.) и «Летописец» князей Кемских (середина XVI в.) – упоминаются в реестрах только с 1621 года. В 1620–1660-е гг. библиотека пополнилась рядом ценных исторических памятников: списками Хронографов и Степенной книги редакции Ионы Думина. Между 1646 и 1664 гг. старец Феофил Пирожников вложил в монастырь сборник, содержащий список Стоглава и летописец. По-видимому, рукопись представляла собой значимый исторический источник: в первой четверти XVIII в. она была

перемещена в Типографскую библиотеку, а затем передана Н.М. Карамзину для работы над «Историей государства Российского». Современное местонахождение рукописи неизвестно. Возможно, одним из неатрибутированных Хронографов, попавших в собрание в этот период, была рукопись, обозначенная в «Каталоге» 1727 г. под № 54. Время поступления двух рукописей, записанных в «Каталоге» 1727 г. под № 63 и 64, неизвестно.

Отсутствие упоминания в описи 1601 г. «Летописца» князей Кемских и рукописи ОР ГИМ. Син. 154 позволяет поставить вопрос о принципах хранения летописных памятников. Например, предполагаемый составитель «Летописца» князь Феодосий (в миру – князь Федор Иванович Нащокин-Кемский) умер не позднее 1555 г., а род князей Нащокиных-Кемских пресекался в 1570-е годы. Согласно реестрам, рукопись князя Кемского попала в монастырь в период 1601–1621 гг., однако сведения о ней не отмечены во вкладных книгах. Мог ли кодекс находиться в монастыре, но не в книгохранительнице, церквях или ризнице – неизвестно. Отметим, что в комплексе вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря отразилась лишь малая часть поступивших в библиотеку исторических произведений. За XVI в. в них указан вклад епископа Рязанского и Муромского Касьяна 1655/56 г. (ОР РНБ. Кир.-Бел. 1/6 и ОР ГИМ. Син. 86) [2, л. 41]; за XVII в. – дьяка Никифора Шипулина 1635/36 г. [3, л. 184 – 184 об.] (табл. 2); за XVIII в. – вклад архимандрита Иринарха 1731 г. [4, л. 346]. За первую половину XVII в. в них зафиксированы вклады книгами старцев Еустафья (Рожнева) и Феофила (Пирожникова), но не упомянуты летописные памятники, попавшие в книгохранительницу.

Дальнейшей задачей исследования станет поиск неатрибутированных рукописных памятников и сведений об их создании и бытовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор историографии, посвященной проблеме летописания в Кирилло-Белозерском монастыре в XV–XVII вв., см. в: [5; 12; 14, с. 503–533; 28, с. 7–14].

² Одна позиция – «Гранограф» «в двух переплетах» [21, л. 407 об.].

³ Обнаруженный реестр подтвердил выводы А.В. Сиренова об изъятии многих рукописей из значимых русских монастырей в 1703 г. [27, с. 8].

⁴ При осмотре «Летописца» под № 54, попавшего в раздел «в полдесть», составитель реестра отметил, что наименование и формат рукописи отличаются: «А по смотру явилася о Казанском взятъе, в десть».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук.

ОР ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Атрибуция рукописей по «Каталогу универсальному» 1727 г.

Table 1. Attribution of manuscripts according to the Universal Catalogue of 1727

«Каталог универсальный» 1727 г. [6, л. 8 – 8 об.; 7, л. 36]	Современный шифр	Формат	Атрибутивные признаки
№ 45.1 Другая такая ж [Книга Степенная] с приложением на конце жития и подвигов князя Александра Невского (Степенная книга)	—	Десть	—
№ 45.2 Третья сей же подобная	—	Десть	—
№ 48 Летописец, в нем же с начала Стоглав о разных церковных делах, а с листа сто семьдесят шестоаго начинается Летописец Российскаго государства, даже до возведения на престол царский богозбранного благоверного государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея России самодержца, который коронован июля 11 дня 7121 лета	—	Десть	—
№ 49 Летописец от сотворения мира через вся веки даже до царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России самодержца	Син. 135	Десть	К внутренней стороне нижней крышки переплета приклеен лист бумаги XVI–XVII вв. с записью: «Летописец Кирилова монастыря». По нижним полям л. 2–5 запись XVII в.: «Книга Кириллова монастыря». По нижним полям л. 14–17 запись XVII в.: «Книга Летописец Кирилова монастыря». На верхнем обрзе истлевшая запись черными чернилами XVII–XVIII вв., характерная для рукописей из библиотеки монастыря
№ 50 Летописец Российскаго государства от начала российских князей до дней царя и великаго князя Иоанна Василиевича, писан в лето 7057. В котором прежде начинания истории отвне написано: «кому бог вручит сию книгу временник рекше летописец, помяни мя грешнаго инока Феодосиа», а на другом месте приписано иною рукою сице: «А устрои сей книзе летописцу князь Федор Иванович Кемской во иноцех Феодосей»	—	Десть	—
№ 51 Летописец о Александре Великом и о кесарях римских и царех греческих до царства Романова иже царствова в Константинополи в лето 6428. Сию книгу в Кириллов монастырь дал Кассиан, владыка Рязанский и Муромский в лето 7065	Син. 86	Десть	На л. I записи XVI–XVII вв.: «Царства Римския», «Книга Кирилова монастыря о рождении житии Александра Македонского». На л. III об., 1–4, 639–642 вкладные записи Касьяна, епископа Рязанского и Муромского
№ 52 Летописец от начала князей Русских до великаго князя Ивана Васильевича по 6994 лето. На конце история о Александре Великом	Син. 154	Десть	На внутренней стороне верхней крышки переплета записи XVII в.: «Книга летописец Кириллова монастыря», «Переплетена вновь, без начала». По нижним полям л. 1–5 запись XVII в.: «Летописец Кириллова монастыря Белозерского»

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

«Каталог универсальный» 1727 г. [6, л. 8 – 8 об.; 7, л. 36]	Совре- менный шифр	Формат	Атрибутивные признаки
№ 54 Летописец от создания мира, через вся веки до царя Михаила Феодоровича всея России самодержца. А по смотру явилася о Казанском взятъе, в деств	—	Деств	—
№ 55 Летописец от начала Руския земли до великаго князя Ивана Василиевича всея России самодержца по 7047-е	—	Полдеств	—
№ 56 Летописец такой же до пленения царя казанскаго Едигермагмета и взятъя града Казани в лето 7061-е	Син. 486	Полдеств	На внутренней стороне верхней крышки переплета запись XVII в.: «Летописец Кирилова монастыря». По нижним полям л. 1–4 запись XVII в.: «Сия книга летописец Кириллова мона- стыря Белозерского». На л. 553 об. запись XVII в.: «Сия книга летописец Кириллова монастыря Бело- зерского»
№ 57 Летописец такой же по рождение великому князю Василию сына его Ивана Василиевича в лето 7038-е августа в 5 день	Син. 789	Полдеств	На внутренней стороне верхней крышки пер- еплета запись XVI–XVII вв.: «Летописец». По нижним полям л. 1–5 запись XVI– XVII в.: «Книга летописная Кирилова монастыря з Белоозера». На верхнем обресе запись «Летописец» черными чернилами XVII–XVIII вв., ха- рактерная для рукописей из библиотеки монастыря
№ 58 Синопис князей русских от первого князя Рурика до царя и великого князя Ивана Василиевича по 7082 лето а в на- чале самые имена великих князей русских и с сынами их т от котораго князя которые князи произошли. Потом Реэстр царей ор- динских от Батыя до Зеди-Салтана. Таже родословие князей литовских, а промеж тем и иная оглавления	Син. 939	Полдеств	На внутренней стороне верхней крышке переплета запись XVII–XVIII вв.: «Ле- тописец». По нижнему полю л. 1–5 запись XVII в.: «Книга летописец Кирилова монастыря Белозерского». На внутренней стороне нижней крышки переплета запись XVII в.: «Кирилова монастыря родословец»
№ 59 Летописец Аркадиевской. В нем собрание многих вещей, между сими о великом князе Владимире Всеволодовиче Мономахе и откуда князи великие русские прияша царским венцем поставлятися в лето 6622. По сем разные грамоты татар- ские на Русь даваемые. Кончит же взятием от турков Константинополя	Син. 792	Полдеств	По нижним полям л. 1–8 запись XVI– XVII вв.: «Летописец Аркадьевской, в нем же царское поставление, Кирилова монастыря Белозерского»
№ 63 Летописец с листа 180, потом раз- ные статьи. Меж сими о ризе господне како и откуда прииде в Москву, сказание и роспись Китайскому государству	—	Полдеств	—
№ 64 Перечневая выписка от прихождения Батыева в лето 6745 на Рускую землю, князей, митрополитов и действ всяких по 7004 лето	—	Полдеств	—

Окончание таблицы 1

End of Table 1

«Каталог универсальный» 1727 г. [6, л. 8 – 8 об.; 7, л. 36]	Современный шифр	Формат	Атрибутивные признаки
«Летописец Кирилова монастыря»	Син. 938	Четверть	По нижним полям л. 1–7 запись XVII в.: «Книга летописец Кирилова монастыря, что на Белеозере»
«Другий такой же»	Син. 940	Четверть	На л. 1 записи XVI–XVII вв.: «Летописчик Волинского», «Летописец Волинских». По нижним полям л. 1–7 запись XVII в.: «Книга летописец Кирилова монастыря, что на Белеозере»
«Третий такой же»	Син. 941	Четверть	На л. 1 запись XVI в.: «Летописец». По нижним полям л. 1–40 запись XVI в.: «Летописец Кирилова монастыря Бело-зерского»

Таблица 2. Сопоставление рукописей из «Каталога универсального» 1727 г. с передаточным реестром 1703 г.

Table 2. Comparison of manuscripts from the Universal Catalogue of 1727 with the Transfer Register of 1703

Передаточный реестр 1703 г.	«Каталог универсальный» 1727 г. [6, л. 8 – 8 об.; 7, л. 35 об., 36, 39 об.]	Современный шифр
Книга Царства в деств, писана на харатии на две грани, в ней же житие Бориса и Глеба в лицах * ¹	№ 142 Царство Давида о Сауле и иных житий	РГАДА. Ф. 381. № 53
Книга Летописец русской. В начале царские вопросы и соборные ответы. Скорописная в деств	№ 48 Летописец, в нем же с начала Стоглав о разных церковных делах...	Неизвестно
Книга Летописец писмянная. В деств	№ 50 Летописец Российского государства...	Утрачено
Книга Летописец, он же и Гранограф. Скорописная	№ 49 Летописец от сотворения мира через вся веки даже до царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России самодержца	ОР ГИМ. Син. 135
Книга Степенная царское родословие. Скорописная в деств	№ 45.1 Другая такая ж [Книга Степенная] с приложением на конце жития и подвигов князя Александра Невского	РГАДА. Ф. 381. № 348
Книга Летописец. Скорописной в полдеств	№ 58 Синописис князей русских от первого князя Рурика до царя и великого князя Ивана Василиевича по 7082 лето...	ОР ГИМ. Син. 939
Книга Александрия да Римские царства. Писмянная в деств * ²	№ 51 Летописец о Александре Великом и о кесарях римских и царех греческих до царства Романова...	ОР ГИМ. Син. 86

Примечание. *¹ – Сборник патристический и агиографический. Пергамен. Первая половина XIV века. С 1601 г. упоминается в описях Кирилло-Белозерского монастыря, в описях 1635–1668 гг. не входил в раздел «Летописцы» и записывался в отдельном разделе: «Две книги Царства, одна Касьяновская, на бумаге, другая з деянием на хартие, в деств, обе писмяные, у одное застешки и жуки медные» (например, см.: [17, л. 92 об. – 93]). Атрибутивные признаки и литературу см.: [18, с. 305]. *² – Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции. Бумага. XVI век. С 1601 г. упоминается в описях Кирилло-Белозерского монастыря, в описях 1635–1668 гг. не входил в раздел «Летописцы» и записывался в отдельном разделе: «Две книги Царства, одна Касьяновская, на бумаге, другая з деянием на хартие, в деств, обе писмяные, у одное застешки и жуки медные» (например, см.: [17, л. 92 об. – 93]).

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Передаточный реестр 1703 г.	«Каталог универсальный» 1727 г. [6, л. 8 – 8 об.; 7, л. 35 об., 36, 39 об.]	Современный шифр
Книга Летописец старинной. Писмянной в полдесть * ³	№ 56 Летописец такой же до пленения царя казанского Едигермагмета и взятъ града Казани в лето 7061-е	ОР ГИМ. Син. 486
Книга Степенная царское родословие. Писмянная в десть	№ 45.2 Третья [Книга Степенная] сей же подобная	РГАДА. Ф. 381. № 347
Книга Граногаф. Писмянная в десть	№ 52 Летописец от начала князей Русских	ОР ГИМ. Син. 154
Книга Гранограф в двух переплетах	Возможно: № 54 Летописец от создания мира, через вся веки до царя Михаила Феодоровича всея России самодержца. А по смотру явилася о Казанском взятъ, в десть	Неизвестно
	Возможно: № 63 Летописец с листа 180, потом разныя статьи. Меж сими о ризе господне како и откуда прииде в Москву, сказание и роспись Китайскому государству	Неизвестно
Книга Летописец русской. Писмянная в полдесть	Возможно: № 55 Летописец от начала Руския земли до великаго князя Ивана Василиевича всея России самодержца по 7047-е	НИА СПбИИ РАН. К. 11. № 251
Книга Летописец старинной. Писмянная в полдесть	№ 64 Перечневая выписка от приходе-ния Батыева в лето 6745 на Рускую землю, князей, митрополитов и действ всяких по 7004 лето	Неизвестно
Книга Летописец писмянной в полдесть. Вкратце о русских князех	№ 57 Летописец такой же по рождение великому князю Василию сына его Ивана Василиевича в лето 7038-е августа в 5 день	ОР ГИМ. Син. 789
Тетрадь писмянная в полдесть. Летописец. В ней же и о создании церкви Святыя Софии иже в Константинограде	№ 59 Летописец Аркадиевской...	ОР ГИМ. Син. 792
Книга Летописец писмянной в четверть. У исподней доски прописано толк Софии Премудрости Божии	«Летописец Кирилова монастыря»	ОР ГИМ. Син. 938
Книга Летописец писмянная в четверть	«Другий такой же»	ОР ГИМ. Син. 941
Книга Летописец скорописная в четверть	«Третий такой же»	ОР ГИМ. Син. 940 * ⁴
Две тетради писмянные в четверть От летописца вкратце	Летописец малой вкратце Другой без начала и конца	Неизвестно

Примечания. *³ – суммарно в реестре 1703 г. упомянуто 6 летописцев «в полдесть», 3 из которых по описанию можно достаточно точно атрибутировать: ОР ГИМ. Син. 789, 892, 939. Два «Летописца старинных» и «Летописец русской» могут относиться к любой из рукописей под № 55, 56, 63 «Каталога» 1727 года.

*⁴ – манеру письма данной рукописи можно определить как «скорописную».

Таблица 3. Сопоставление рукописей из передаточного реестра 1703 г. с описью 1664 г.

Table 3. Comparison of manuscripts from the Transfer Register of 1703 with the inventory of 1664

Опись 1664 г. [17, л. 96 об. – 98]	Передаточный реестр 1703 г.	Современ- ный шифр	Комментарий
Книга Летописец князей Кемских писмянной в десте, переплетен вновь	Книга Летописец писмян- ная. В десть	Рукопись утрачена	№ 50 в реестре Типографской библиоте- ки 1727 года. Вместе с другими памят- никами из коллекции графа А.И. Му- сина-Пушкина сгорел в 1812 году
Книга Летописец писмян- ной в десть, без начала, переплетен вновь	Книга Гранограф. Писмян- ная в десть	ОР ГИМ. Син. 154	Летопись Авраамки и Псковская летопись. 2°. XV–XVI века. № 52 в реестре Типографской библи- отеки 1727 года. Атрибутивные признаки см. в табл. 1
Книга Летописец си- иречь Гранограф, на- писан вново, в десть, в тритцать три строки, за- стешки и жуки медные, Филиповской	В реестре 1703 г. и описа- нии книгохранильницы 1729 г. не упоминается	Возможно, ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1445	Хронограф 3-й редакции. 2°. 1620– 1630-е годы. По л. 1–9 стертая полистная запись XVII в.: «Даяние... книга Летописец Грано- граф Кирилова монастыря общая». Современный переплет изготовлен в конце XVIII–XIX вв., библиотечные записи Кирилло-Белозерского мона- стыря утрачены. Без титульного листа текст рукописи написан в 33 строки. Возможно, по- ступил к М.П. Погодину из библио- теки П.М. Строева
Книга Хронограф пис- мянной в десть, даяние Никифора Шипулина, в красной коже, застешки медные, две заставки прописаны золотом	Возможно, «Книга Грано- граф в двух переплетах». В описании книгохрани- тельницы 1729 г. не упо- минается	Не обнару- жен	Хронограф был вложен в Кирилло- Белозерский монастырь патриаршим дьяком Никифором Шипулиным в 1635/36 г. вместе с «Правилами святых отцов» и списком Степенной книги (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 347) [3, л. 184 – 184 об.]
Книга Хронограф пис- мянная в десть, в двадцать восемь строк, в красной коже, застешки медные	Возможно, «Книга Грано- граф в двух переплетах». В описании книгохрани- тельницы 1729 г. не упо- минается	Не обнару- жен	—
Книга Хронограф скоро- писная в десть, в черной коже, застешки медные, Феофиловской Пирож- никова	Книга Летописец он же и Гранограф. Скорописная	ОР ГИМ. Син. 135	Хронограф редакции 1617 года. 2°. 1620–1630-е годы. № 49 в реестре Типографской библи- отеки 1727 года. Атрибутивные при- знаками см. в табл. 1. Рукопись написана скорописью. По вкладным книгам известно не- сколько вкладов старца Феофила Пирожникова, сделанных в 1630-е гг. [3, л. 379 – 379 об.]. «Скорописный» Хронограф среди них не отмечен
Книга Хронограф ско- рописной в полдесть, застешки медные, Еу- стафьевской Рожнева	Возможно, «Книга Грано- граф в двух переплетах». В описании книгохрани- тельницы 1729 г. не упо- минается	Не обнару- жен	Вклад инок Евстафия (в миру – слуга дьяка Василия Иларионова Евтихий Козмин сын Рожнов) 1630/31 г. [4, л. 414 об.]

Продолжение таблицы 3

Continuation of Table 3

Опись 1664 г. [17, л. 96 об. – 98]	Передаточный реестр 1703 г.	Современ- ный шифр	Комментарий
Книга Степенная, царское родословие, писмянная, в десь, Никифоровская Шипулина, заставка прописана золотом, заставки медные	Книга Степенная царское родословие. Писмянная в десь	РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 347	Степенная книга редакции Ионы Думина. 2°. Первая треть XVII века. На л. I запись XVIII в.: «Взята от Федора Поликарпова». По нижним полям л. 1–17 запись XVII в.: «Книга Степенна царского родословия иже в рустей земли во благочестии просиявших скифетродержателей дана вкладом в Кирилов монастырь что на Белеозере». На верхнем обрезе истлевшая запись черными чернилами XVII–XVIII вв.: «Летописец», характерная для рукописей из библиотеки монастыря, поверх которой выполнена запись XVIII в.: «Степена». На верхней крышке переплета сохранились два медных замка, на л. 1–2 две полихромные заставки старопечатного стиля с золотом. Степенная книга была вложена в Кирилло-Белозерский монастырь патриаршим дьяком Никифором Шипулиным в 1635/36 г. вместе с «Правилами святых отцов» и списком Хронографа [3, л. 184 – 184 об.].
Книга Степенная, царское родословие, скорописная, в десь, в черной коже, заставки медные, Феофиловская Пирожникова	Книга Степенная царское родословие. Скорописная в десь	РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 348	Степенная книга редакции Ионы Думина. 2°. Первая половина XVII века. На л. I запись XVII в.: «Кириллова монастыря Степенна[я] [кни]га». По нижним полям л. 1–8 запись XVII в.: «Пирожниковых. Сия книга летописец Кирилова монастыря Белозерского казенная». На верхнем обрезе истлевшая запись XVIII в.: «Степенна», выполненная не в Кирилло-Белозерском монастыре. На верхней крышке переплета сохранились два медных замка. По вкладным книгам известно несколько вкладов старца Феофила Пирожникова, сделанных в 1630-е гг. [4, л. 379–379 об.]. Степенная книга среди них не отмечена
Книга Летописец русской скорописная в десь, в черной коже, в начале царские вопросы, Феофиловская Пирожникова	Книга Летописец русской. В начале царские вопросы и соборные ответы. Скорописная в десь	Не обнаружен	№ 48 в реестре Типографской библиотеки 1727 года. Возможно, в начале XIX в. находился в библиотеке Н.М. Карамзина

Продолжение таблицы 3

Continuation of Table 3

Опись 1664 г. [17, л. 96 об. – 98]	Передаточный реестр 1703 г.	Современ- ный шифр	Комментарий
Две тетради, одна в пол- десть, а другая в четь, в черной коже, от Козмо- графии вкратце	Возможно, «Книга Лето- писец старинный. Пис- мянная в полдесть» и одна рукопись из «Две тетради писмянные в четверть. От летописца вкратце»	Не обнару- жены / ОР РНБ. Соф. № 1518	Описание «тетради... в четь, в черной коже, от Козмографии вкратце» близко к характеристикам рукописи ОР РНБ. Соф. 1518, находившейся в Кирил- ло-Белозерском монастыре в 1766 и 1771–1773 годы. В инвентаре 1729 г. рукопись не обнаружена. Сборник-конволют исторического со- держания. 8°. Конец XVI века. На верхней доске переплета накле- йка с записью XVIII в.: «№ 518». На внутренней стороне верхней крышки переплета запись XVIII в.: «№ 518». Записи соответствуют № 518 из раз- дела описи Кирилло-Белозерского монастыря 1771–1773 гг. «в восьмую долю листа»: «Гранограф, в черной коже, без застежек» [13, с. 75]. На л. I запись XVII в.: «Книги от Гра- новрафа и от Космография Кирилова монастыря». Кожаный переплет типа «в сумку»
Три книги Летописцов писмянных в полдесть, застешки медные, одна вновь переплетена	Книга Летописец писмен- ной в полдесть. Вкратце о русских князех	ОР ГИМ. Син. 789	Типографская летопись. 4°. XVI век. № 57 в реестре Типографской библи- отеки 1727 года. Атрибутивные при- знаки см. в табл. 1
	Книга Летописец старин- ной. Писмянной в пол- десть	ОР ГИМ. Син. 486	Кирилло-Белозерский летописец. 4°. Вторая половина XVI века. № 56 в реестре Типографской библи- отеки 1727 г. Атрибутивные признаки см. в табл. 1
	Книга Летописец руской. Писмянная в полдесть	«Одна вновь переплете- на» – НИА СПБИБИ РАН. К. 11. № 251	Кирилло-Белозерский список Во- логодско-Пермской летописи. 4°. Середина XVII века. На внутренней стороне верхней крышки переплета запись киноварью XVI–XVII вв.: «Сия книга Летопи- сец». На л. 1 записи XVI–XVII вв.: «Книга Летописец от начал [створения зем- ли]», «Книга Летописец Кирилова монастыря», «Переплетен вновь». По нижним полям л. 2–11 запись XVII в.: «Книга летописец от начальства Рус- ския земли Кириллова монастыря, что на Белеозере». На л. 564 записи XVII в.: «Сия книга Кириллова монастыря Летописец Русския земли», «Сия кни- га Лета 7196-го году»

Окончание таблицы 3

End of Table 3

Опись 1664 г. [17, л. 96 об. – 98]	Передаточный реестр 1703 г.	Современ- ный шифр	Комментарий
Четыре книги Летописца писмяных, в четъ, в них два в коже, а два в досках	«в коже» – «Книга Летописец скорописная в четверть»	«в коже» – ОР ГИМ. Син. 940	Летописец вкратце. 8°. Вторая половина XVI века. В реестре Типографской библиотеки 1727 г.: «Третий такой же». Атрибутивные признаки см. в табл. 1. Кожаный переплет типа «в сумку»
	«в коже» – один из: «Две тетради писмянные в четверть От летописца вкратце»	«в коже» – ОР ГИМ. Син. 941	Краткий летописец. 8°. XVI век. В реестре Типографской библиотеки 1727 г.: «Другой такой же». Атрибутивные признаки см. в табл. 1. Кожаный переплет типа «в сумку»
	«в досках» – Книга Летописец писмянная в четверть	«в досках» – ОР ГИМ. Син. 938	Краткий летописец. 8°. Конец XVI века. В реестре Типографской библиотеки 1727 г.: «Летописец Кирилова монастыря». Атрибутивные признаки см. в табл. 1. Переплет – доски в коже
	«в досках» – «Книга Летописец писмянной в четверть. У исподней доски прописано толк Софии Премудрости Божии»	Не обнаружен	–
Книга Летописец в полдесть, поволочен бывал отласом голубым	Книга Летописец. Скорописной в полдесть	ОР ГИМ. Син. 939	Летописец вкратце. 4°. XVI век. № 58 в реестре Типографской библиотеки 1727 года. Атрибутивные признаки см. в табл. 1. Переплет – доски в черной коже, обтянутой истлевшей тканью
Тетрадь, в коже, писмянная, в полдесть, Летописец и поставление царское, ветха	Тетрадь писмянная в полдесть. Летописец. В ней же и о создании церкви Святыя Софии иже в Константинополе граде	ОР ГИМ. Син. 792	Летописный сборник («Аркадьевский летописец»). 4°. Середина XVI века. № 59 в реестре Типографской библиотеки 1727 года. Атрибутивные признаки см. в табл. 1. Современный переплет и переплетные листы датированы XVIII веком

Таблица 4. Сопоставление рукописей из раздела «Летописцы» в описях XVII в.

Table 4. Comparison of manuscripts from the “Chronicles” section in the inventories of the 17th century

1601 г.	1621 г.	1635 г.	1646 г.* ⁵	1664 г.* ⁶	Современный шифр
—	Летописец Кемских в десть	Книга Летописец князей Кемских писменной, в десть	Книга Летописец князей Кемских писменной, в десть	Книга Летописец князей Кемских писменной в десте, переплетен вновь	Утрачен
—	Другой без начала	Книга Летописец же писменной, в десть, без начала	Книга Летописец же писменной, в десть без начала	Книга Летописец писменной в десть, без начала, переплетен вновь	ОР ГИМ. Син. 154
—	—	Книга Летописец сиречь Гранограф, написан вново, в десть, в тридцать в три строки, и переплет новой же, Филипповской	Книга Летописец, сиречь гранограф, написан вново, в десть в тридцать в три строки, и переплет новой же, Филипповской	Книга Летописец сиречь Гранограф, написан вново, в десть, в тридцать три строки, заставки и жуки медные, Филипповской	Возможно, ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1445
—	—	—	Книга Гранограф в десть, писменной Никифора Шипулина	Книга Хронограф писменной в десть, даяние Никифора Шипулина, в красной коже, заставки медные, две заставки прописаны золотом	Не обнаружен
—	—	—	—	Книга Хронограф писменная в десть, в двадцать восемь строк, в красной коже, заставки медные	Не обнаружен
—	—	—	—	Книга Хронограф скорописная в десть, в черной коже, заставки медные, Феофиловской Пирожникова	ОР ГИМ. Син. 135
—	—	—	Да книга Гранограф в полдесть, скорописной	Книга Хронограф скорописной в полдесть, заставки медные, Еустафьевской Рожнева	Не обнаружен
—	—	—	Книга Степенная царское родословие в десть, Никировская Шипулина	Книга Степенная, царское родословие, писменная, в десть, Никифоровская Шипулина, заставка прописана золотом, заставки медные	РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 347

Примечания. *⁵ – в описи 1646 г. в разделе «Летописцы» также упомянута «Книга Святцы в четъ, с летописью, Якимовская, в затылок» (л. 45 об.). Эта рукопись в описи 1664 г. числится в разделе № 19 «Книги Святцы с тропари и кондаки» (л. 49). Современный шифр не установлен. *⁶ – в таблице отсутствуют ссылки на опись 1668 г., так как в разделе «Летописцы» она повторяет сведения из описи книгохранильницы 1664 года.

Окончание таблицы 4

End of Table 4

1601 г.	1621 г.	1635 г.	1646 г.* ⁵	1664 г.* ⁶	Современный шифр
—	—	—	—	Книга Степенная, царское родословие, скорописная, в десть, в черной коже, заставки медные, Феофиловская Пирожникова	РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 348
—	—	—	—	Книга Летописец русской скорописная в десть, в черной коже, в начале царские вопросы, Феофиловская Пирожникова	Не обнаружен
—	—	—	—	Две тетради, одна в полдесть, а другая в чет, в черной коже, от Козмографии вкратце	Не обнаружены. «В четверть» — похожа на ОР РНБ. Соф. 1514
4 книги Летописцы в полдесть	Ч е т ы р е книги Летописцы в полдесть	Пять книг Летописцы писменные в полдесть	Пять книг Летописцев писмяных, в полдесть	Три книги Летописцев писмяных в полдесть, заставки медные, одна вновь переплетена	ОР ГИМ. Син. 789; ОР ГИМ. Син. 486; НИА СБИБИ РАН. К. 11. № 251
—	—	—	—	Книга Летописец в полдесть, поволочен бывал отласом голубым	ОР ГИМ. Син. 939
Летописец в коже, в ней же царское поставление, в полдесть	Летописец в коже, в ней же Царское поставление, в полдесть	—	—	Тетрадь, в коже, писмяная, в полдесть, Летописец и поставление царское, ветха	ОР ГИМ. Син. 792
Летописец Волинского в коже, в четверть	К н и ж к а Летописец Волинского в коже, в чет	Три книги Летописцы писменные, в четверть, в коже	Четыре книги Летописцы писменные, в четверть, два в них в коже, два в досках	Четыре книги Летописца писмяных, в чет, в них два в коже, а два в досках	ОР ГИМ. Син. 940
Книжка Летописец в чет	Книжка Летописец в четверть же	—	—	—	ОР ГИМ. Син. 938; ОР ГИМ. Син. 941; четвертый — не обнаружен

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров А. Г. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 528–553.
2. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1-й редакции // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). К. 115. № 1074. 524 л.
3. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря 2-й редакции // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 351. № 78/1317. 450 л.
4. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря 3-й редакции // ОР РНБ. Ф. 351. № 87/1325. 845 л.
5. Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотеки XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастыря и Троице-Сергиевой лавры) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1968. Т. 23. С. 140–170.
6. Каталог книг и рукописей библиотеки Московской типографии 1727 г. Ч. 1 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 310. № 1285. 86 л.
7. Каталог книг и рукописей библиотеки Московской типографии 1727 г. Ч. 2 // ОР РГБ. Ф. 310. № 1287. 43 л.
8. Козлов В. П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М.: Наука, 1988. 272 с.
9. Муравьева Л. Л. Летописные источники «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина (т. IV–V) // Исследования по источниковедению истории СССР Дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. С. 4–36.
10. Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб.: Синод. тип., 1897. 328 с.
11. Новикова О. Л. Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 172–234.
12. Новикова О. Л. К истории бытования книг исторической тематики из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVIII столетия // К 70-летию Людмилы Алексеевны Тимошиной : сб. ст. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2025. С. 146–217.
13. Описание Кирилло-Белозерского монастыря 1771–1773 гг.: в 3 т. Т. 3. Вологда: Древности Севера, 2020. 288 с.
14. Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг. Тексты и исследования. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2021. 600 с.
15. Опись библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря 1766 г. // ОР РНБ. Ф. 351. № 106/1342. 120 л.
16. Опись книгохранилищ Кирилло-Белозерского монастыря 1646 г. // Архив СПбИИ РАН. К. 260. Оп. 2. № 59. 54 л.
17. Опись книгохранилищ Кирилло-Белозерского монастыря 1664 г. // ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Q. 299. 135 л.
18. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб.: Петер. Востоковедение, 1998. 384 с.
19. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1621 года. Краткая и пространная редакции. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024. 704 с.
20. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1668 года // ОР РНБ. Q.IV.393. 1164 л.
21. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1731–1733 гг. // ОР РНБ. Ф. 351. № 100/1336. 905 л.
22. Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзор пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М.: Синод. тип., 1916. 282 с.
23. Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 26. 413 с.
24. Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). № 577–819. М.: Тип. ГАУ при СМ СССР, 1970. 212 с.
25. Розов Н. Н. Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки // Труды ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л.: ГПБ, 1961. Т. 9 (12). С. 177–188.
26. Романова А. А. К истории библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря: «книги роздаточные». 1690–1694 гг. // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 354–394.
27. Сиренов А. В. О работах по «исправлению» печатного летописца в 1703 г. // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2009. Вып. 4. С. 8–15.

28. Шибаев М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 479 с.

REFERENCES

1. Bobrov A.G. Proiskhozhdeniye i sudba Musin-Pushkinskogo sbornika so «Slovom o polku Igoreve» [The Destiny of the Musin-Pushkin Collection and The Tale of Igor's Campaign]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Saint-Petersburg, 2014, vol. 62, pp. 528-553.
2. Vkladnaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1-j redakcii [The Book of Gifts of The Kirillo-Belozersky Monastery. 1st Edition]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* (hereinafter – Arkhiv SPbII RAN) [Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, no. 1074. 524 l.
3. Vkladnaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya 2-j redakcii [The Book of Gifts of The Kirillo-Belozersky Monastery. 2nd Edition]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki* (hereinafter – OR RNB) [Manuscript Department of the National Library of Russia], f. 351, no. 78/1317. 450 l.
4. Vkladnaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya 3-j redakcii [The Book of Gifts of The Kirillo-Belozersky Monastery. 3rd Edition]. *OR RNB* [Manuscript Department of the National Library of Russia], f. 351, no. 87/1325. 845 l.
5. Dmitriyeva R.P. Svetskaya literatura v sostave monastyrskikh bibliotek XV i XVI vv. (Kirillo-Belozerskogo, Volokolamskogo monastyrya i Troice-Sergievoj lavry) [Secular Literature in Monastic Libraries 15th – 16th cc.]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1968, vol. 23, pp. 140-170.
6. Katalog knig i rukopisej biblioteki Moskovskoj tipografii 1727 g. Ch. 1 [The Book and Manuscript Inventory of the Library of the Moscow Printing House. 1727. Pt. 1]. *Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* (hereinafter – OR RGB) [Manuscript Department of the Russian State Library], f. 310, no. 1285. 86 l.
7. Katalog knig i rukopisej biblioteki Moskovskoj tipografii 1727 g. Ch. 2 [The Book and Manuscript Inventory of the Library of the Moscow Printing House. 1727. Pt. 2]. *OR RGB* [Manuscript Department of the Russian State Library], f. 310, no. 1287. 43 l.
8. Kozlov V.P. *Kruzhok A.I. Musina-Pushkina i «Slovo o polku Igoreve»*. *Novye stranicy istorii drevnerusskoj poemy v XVIII v.* [The Circle of A.I. Musin-Pushkin and The Tale of Igor's Campaign]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 272 p.
9. Muravyeva L.L. Letopisnye istochniki «Istorii Gosudarstva Rossijskogo» N.M. Karamzina (t. IV–V) [The Chronicle Sources of “Russian History” by N.M. Karamzin]. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR Dooktyabrskogo perioda* [Research on Source Studies of the USSR]. Moscow, In-t istorii SSSR AN SSSR, 1982, pp. 4-36.
10. Nikolskij N.K. *Opisaniye rukopisej Kirillo-Belozerskogo monastyrya, sostavlennoye v konce XV veka* [Description of the Manuscripts of the Kirillo-Belozersky Monastery, Compiled at the End of the 15th Century]. Saint Petersburg, Sinod. tip., 1897. 328 p.
11. Novikova O.L. Kelejnoe letopisaniye v Kirillo-Belozerskom monastyre v pervoj polovine XVI v. [Cell Chronicle in the Kirillo-Belozersky Monastery in the First Half of the 16th Century]. *Letopisi i hroniki. Novye issledovaniya. 2008* [The Chronicles. The New Investigation. 2008]. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2008, pp. 172-234.
12. Novikova O.L. K istorii bytovaniya knig istoricheskoy tematiki iz biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyrya v konce XVIII stoletiya [On the History of the Existence of Books on Historical Subjects from the Library of the Kirillo-Belozersky Monastery at the End of the 18th Century]. *K 70-letiyu Lyudmily Alekseevny Timoshinoj: sb. st.* [On the 70th Anniversary of Lyudmila Timoshina]. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2025, pp. 146-217.
13. *Opisaniye Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1771–1773 gg.: v 3 t. T. 3* [The Description of Kirillo-Belozersky Monastery. 1771–1773. In 3 Vols. Vol. 3]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2020. 288 p.
14. *Opisi stroenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1615 i 1635 gg. Teksty i issledovaniya* [The Description of Kirillo-Belozersky Monastery. 1615, 1635]. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2021. 600 p.
15. Opis biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1766 g. [The Description of the Library of Kirillo-Belozersky Monastery. 1766]. *OR RNB* [Manuscript Department of the National Library of Russia], f. 351, no. 106/1342. 120 l.
16. Opis knigohranitelnicy Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1646 g. [The Description of the Library of Kirillo-Belozersky Monastery. 1646]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 2, no. 59. 54 l.

17. Opis knigohranitelnicy Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1664 g. [The Description of the Library of Kirillo-Belozersky Monastery. 1664]. *OR RNB* [Manuscript Department of the National Library of Russia], f. 487, inv. 2, Q. 299. 135 l.
18. *Opis stroenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1601 goda* [The Description of Kirillo-Belozersky Monastery. 1601]. Saint Petersburg, Peterb. Vostokovedenie Publ., 1998. 384 p.
19. *Opis stroyenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1621 goda. Kratkaya i prostrannaya redakcii* [The Description of Kirillo-Belozersky Monastery. 1621]. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2024. 704 p.
20. Opis stroyenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1668 goda [The Description of Kirillo-Belozersky Monastery. 1668]. *OR RNB* [Manuscript Department of the National Library of Russia], Q.IV.393. 1164 l.
21. Opis stroyenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1731–1733 gg. [The Description of Kirillo-Belozersky Monastery. 1731–1733]. *OR RNB* [Manuscript Department of the National Library of Russia], f. 351, no. 100/1336. 905 l.
22. Pokrovskij A.A. *Drevneye pskovsko-novgorodskoye pismennoye nasledie: Obozreniye pergamennykh rukopisej Tipografskoj i Patriarshej bibliotek v svyazi s voprosom o vremeni obrazovaniya etikh knigokhranilishch* [Ancient Pskov-Novgorod Written Heritage]. Moscow, Sinod. tip., 1916. 282 p.
23. *Polnoye sobraniye russkikh letopisej* [The Complete Collection of Russian Chronicles] Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959, vol. 26. 413 p.
24. Protasyeva T.N. *Opisaniye rukopisej Sinodalnogo sobraniya (ne voshedshih v opisaniye A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva). № 577–819* [Description of the Manuscripts of the Synodal Assembly. No. 577–819]. Moscow, Tip. GAU pri SM SSSR, 1970. 212 p.
25. Rozov N.N. Iz istorii Kirillo-Belozerskoj biblioteki [The History of the Kirillo-Belozersky Monastery Library]. *Trudy GPB im. M.E. Saltykova-Shedrina* [Works of the State Public Library]. Leningrad, GPB, 1961, vol. 9 (12), pp. 177–188.
26. Romanova A.A. K istorii biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyrya: «knigi rozdatochnye». 1690–1694 gg. [On the History of the Library of the Kirillo-Belozersky Monastery: “Distribution Books”]. *Knizhnye centry Drevnej Rusi. Knizhniki i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Book Centers of Ancient Rus’. Scribes and Manuscripts of the Kirillo-Belozersky Monastery]. Saint Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2014, pp. 354–394.
27. Sirenov A.V. O rabotakh po «ispravleniyu» pechatnogo letopisca v 1703 g. [On the Work of “Correcting” the Printed Chronicle in 1703]. *Vestnik SPbGU. Seriya 2* [St Petersburg University Journal. Series 2], 2009, iss. 4, pp. 8–15.
28. Shibaev M.A. *Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XV veka* [The 15th c. Manuscripts from the Kirillo-Belozersky Monastery]. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2013. 479 p.

Information About the Authors

Anatoly L. Gryaznov, Senior Researcher, The Antiquities Research Center, Samoilov St, 18, 160002 Vologda, Russian Federation, rubicon-2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9183-2010>

Ivan A. Poliakov, Candidate of Sciences (History), Head of the Manuscript Department, National Library of Russia, Sadovaya St, 18, 191069 Saint Petersburg, Russian Federation, ivan669@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>

Информация об авторах

Анатолий Леонидович Грязнов, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский центр «Древности», ул. Самойло, 18, 160002 г. Вологда, Российская Федерация, rubicon-2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9183-2010>

Иван Анатольевич Поляков, кандидат исторических наук, заведующий Отделом рукописей, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ivan669@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНАСТЫРЕЙ В РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.6>

UDC 94(470)«08/16»
LBC 63.3(2)45

Submitted: 18.08.2025
Accepted: 15.11.2025

THE CONTRIBUTIONS OF IVAN IV AND THE PRINCES PALETSKY TO THE KIRILLO-BELOZERSKY MONASTERY: POWER AND MEMORY

Nikita V. Bashnin

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The scientific literature shows that the Kirillo-Belozersky Monastery was large and significant in medieval Russia. Scientists have repeatedly addressed the study of contributions and the social composition of contributors to this monastery. It was found out that Ivan IV made the largest monetary donations, but the fate of material contributions was not the subject of special study. *Methods and materials.* Information about contributions is available in the contributions and feed books. The original icons, chasubles, and vessels are described in more detail in the inventories of buildings and property of 1601, 1615, 1621, 1635, and 1668. Comparative and retrospective methods were used to analyze these sources. *Analysis.* The analysis of the sources shows that the land, material, and monetary contributions to the monastery were not something unshakable. So, the depositor could take the money and transfer it to another monastery; in turn, the monks could sell the received material assets, or they could leave them in the sacristy, and, of course, according to the royal will, the monastery could either receive grants or lose them. Ivan IV Vasilyevich was the largest and most famous contributor to the Kirillo-Belozersky Monastery. The article compares information about his contributions in the contribution book of 1559/60–1620s and inventories of buildings and property of the 17th century. In the world of things of the Kirillo-Belozersky Monastery of the 17th century, some particularly significant material contributions of Ivan IV were in second place after the personal items of Kirill Belozersky. The contributions of the representatives of the Paletsky princes' family were less valuable in monetary terms, but mentions of them, along with the names of depositors, are found in the inventories of the 17th century. *Results.* In the second half of the 16th century – first third of the 17th century, the Kirillo-Belozersky Monastery was for the tsar, boyars, and princes (who were active in the 1560s – 1580s) not only a place of removal but also a kind of meeting place and, to some extent, a place of reconciliation. Elder Bogolep Paletsky will outlive Tsar Ivan Vasilyevich, and their contributions will be located in the same temples and in the same monastery. The memory of depositors and contributions of the 1560s will be kept in the Kirillo-Belozersky Monastery in the 17th century, although it will transform, disappear, and reappear, and some things will be repaired, updated, or irretrievably used for the needs of the monastery.

Key words: medieval monasteries, Kirillo-Belozersky Monastery, contributions, Ivan IV, Princes Paletsky, source studies.

Citation. Bashnin N.V. The Contributions of Ivan IV and the Princes Paletsky to the Kirillo-Belozersky Monastery: Power and Memory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 56–74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.6>

ВКЛАДЫ ИВАНА IV И КНЯЗЕЙ ПАЛЕЦКИХ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ВЛАСТЬ И ПАМЯТЬ

Никита Викторович Башнин

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В научной литературе показано, что Кирилло-Белозерский монастырь являлся крупной и значимой обителью в Средневековой Руси. Ученые неоднократно обращались к изучению вкладов и социального состава вкладчиков в этот монастырь. Выяснено, что наиболее крупные денежные пожертвования сделал Иван IV, однако судьбы материальных вкладов не были предметом специального изучения. *Методы и материалы.* Сведения о вкладах есть во вкладных и кормовых книгах. Более подробно вкладные иконы, ризы и сосуды описаны в описях строений и имущества 1601, 1615, 1621, 1635 и 1668 годов. В работе использованы историко-сравнительный и ретроспективный методы. *Анализ.* Проведенный анализ документов показывает, что земельные, вещественные и денежные вклады в монастырь не были чем-то незбылемым. Так, вкладчик мог забрать деньги и передать их в другую обитель, в свою очередь, иноки полученные материальные ценности могли продать, а могли и оставить в ризнице и, конечно, по царской воле монастырь мог как получить пожалования, так и лишиться их. Иван IV Васильевич был самым крупным и именитым вкладчиком Кирилло-Белозерского монастыря, в статье проведено сравнение сведений о его вкладах во вкладной книге 1559/60–1620-е гг. и описях строений и имущества XVII века. В мире вещей Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. некоторые, особо значимые материальные вклады Ивана IV были на втором месте после личных предметов преп. Кирилла Белозерского. Вклады представителей рода князей Палецких были менее ценные в денежном эквиваленте, но упоминания о них вместе с именами вкладчиков имеются в описях XVII века. *Результаты.* Кирилло-Белозерский монастырь во второй половине XVI – первой трети XVII в. являлся для царя, бояр и князей (активно действовавших в 1560–1580-х гг.) не только местом удаления, но и своеобразным местом встречи и в какой-то степени примирения. Старец Боголеп Палецкий пережил царя Ивана Васильевича, а их вклады находились в одних храмах и в одном монастыре. Память о вкладчиках и вкладах 1560-х гг. сохранялась в Кирилло-Белозерском монастыре в течение всего XVII в., она трансформировалась, исчезала и появлялась вновь, а некоторые вещи были отремонтированы, обновлены или использованы для нужд обители.

Ключевые слова: средневековые монастыри, Кирилло-Белозерский монастырь, вклады, Иван IV, князья Палецкие, источниковедение.

Цитирование. Башнин Н. В. Вклады Ивана IV и князей Палецких в Кирилло-Белозерский монастырь: власть и память // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 56–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.6>

Введение. Кирилло-Белозерский монастырь в XVI–XVII вв. являлся одной из крупнейших монашеских общин в Русском государстве [5; 12; 13; 14]. Местоположение монастыря, его обширные духовные и хозяйственные связи, внимание к нему со стороны царя Ивана IV – все это способствовало росту вкладов и благосостояния обители во второй половине XVI века. В Смуту Кириллов монастырь выдержал осаду, а при царе Алексее Михайловиче обзавелся новыми крепостными стенами.

Дискуссия. И.П. Сахаров опубликовал кормовую книгу Кирилло-Белозерского монастыря и подсчитал, что Иван Грозный вложил

в обитель 24 282 руб. [20, с. 47]. Н.К. Никольский писал: «...Всматриваясь в среду кирилловских вкладчиков, мы прежде всего встречаемся с любопытным фактом, что крупнейшим жертвователем был Иван IV. Щедрость его, без сомнения, стояла в связи с его неспокойною совестью и особым благоволением к обители преподобного Кирилла, молитвами которого современники приписывали рождение Иоанна» [13, с. 158]. Таким образом, историк впервые пришел к аргументированному выводу о том, что из великих князей и царей именно Иван IV пожертвовал наибольшую сумму в обитель – 28 201 руб. (с учетом неясных

записей 29 307 руб. 4 алт. 1 ден.), при этом «от крупных вкладчиков (по преимуществу от боярства) 44 тысячи и от мелких вкладчиков только 14 1/2 тысяч» [13, с. 167–168, 214].

Согласно исследованию С.Ю. Шокарева, «подсчеты, охватывающие максимум сведений о вкладах (учитывая дублирование 2 000 рублей и сомнительные 4 700 рублей), дают 24 870 рублей 20 алтын 3 деньги без учета стоимости разного рода “рухляди”, и 31 781 рублей 20 алтын 3 деньги с ее учетом. Сюда входит и ежегодный вклад в 58 рублей 10 алтын 4 деньги (2 916 рублей)» [24, с. 85]. Историк повторил мысль Н.К. Никольского о царевкладчике, расширив ее примерами из истории других монастырей: «Анализ вкладных и кормовых книг показывает, что Иван Грозный являлся крупнейшим жертвователем среди русских правителей. Он первым начал давать в монастырь столь крупные денежные вклады и делал это с завидной регулярностью. Создается впечатление, что преемники Ивана Грозного также не могут сравниться с ним по объему денежной “милостыни” монахам, однако, этот тезис требует проверки на конкретном материале» [24, с. 118].

З.В. Дмитриева подготовила к публикации вкладную книгу Кирилло-Белозерского монастыря [2] и опубликовала ряд исследований о вкладчиках [3; 4; 6–11]. А.И. Алексеев издал текст вкладной книги из келарского обиходника 1560-х гг. [1]. В целом обнаруженные к настоящему моменту историками сведения о вещевых вкладах Ивана IV и других лиц лаконичны.

Методы и материалы. А.И. Алексеевым, Н.В. Башниным, З.В. Дмитриевой и М.Н. Шаромазовым выявлены и введены в научный оборот описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601, 1615, 1621, 1635 и 1668 гг., а также вкладные, кормовые и приходо-расходные книги второй половины XVI – первой четверти XVII века. В поминальной документации содержатся фактические сведения непосредственно о самих вкладах (иконы, книги, церковная утварь, богослужебные одежды, ткани, деньги, другие предметы и ценности) и вкладчиках (имена, чин), указаны даты. Однако эти данные часто лаконичны при описании внешнего вида вложенного предмета, дают сведения только о факте вложения в монастырь вещей, но не по-

зволяют узнать, как дальше «жили» эти вклады и где они хранились, таким образом во вкладных книгах зафиксировано имущество, полученное монастырем в определенное время.

Описи строений и имущества представляют собой учетно-передаточный документ, который содержит описание монастыря и его богатств на определенную дату. Именно поэтому в источниках данного вида зафиксированы подробные описания разных вещей, в том числе полученных обителем от вкладчиков. Наличие пяти описей Кирилло-Белозерского монастыря за XVII в. позволяет выявить и сопоставить описание одного и того же предмета по нескольким хронологическим срезам и увидеть, как он перемещался внутри имущественного комплекса монастыря или находился на одном месте. Например, при описании икон указано, кто был вкладчиком образа, что дает возможность сопоставить эти сведения с записями из вкладных книг второй половины XVI века. Таким образом, для анализа данных источников были использованы историко-сравнительный и ретроспективный методы.

Анализ. Итак, Р.Г. Скрынников отметил, что до осени 1573 г. Симонов, Чудов, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри пользовались расположением Ивана IV. Однако царь начал ругать «монахов за то, что они ищут покровительства и дружбы его крамольных бояр, из корысти “гоняются” за ними и лукаво оправдываются тем, что без боярских “даяний” их обители оскудеют» [21, с. 14]. Очевидно, развитие этого направления внутренней политики было закреплено в соборном приговоре 1580 г., нормы которого, как полагает Р.Г. Скрынников, предусматривали «возможность отчуждения у церкви одной из самых богатых категорий земель – бывших “княженических вотчин”» [21, с. 73]. Ученый отметил, что царь в 1580 г. изъял у Кирилло-Белозерского монастыря села Горинское и Петровское в Пошехонском уезде, принадлежавшие кн. А.Д. Палецкому (погиб на войне в 1579 г.). Также Иван IV забрал село Зенково в Коломенском уезде, принадлежавшее ранее Василию Хотяинцеву. По мнению Р.Г. Скрынникова, «кирилловыские старцы пользовались особым благоволением Грозного, поэтому он велел заплатить им значительные суммы за отобранные земли. Таким образом, выкуп

в описанных случаях осуществлен был не родичами-вотчинниками, а казной» [21, с. 73].

Согласно вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря, за села кн. А.Д. Палецкого иноки в мае 1580 г. получили 2 тыс. руб., за село В. Хотяинцова – 500 руб., а также «за то государево царское даяние по князе Ондрее по Палецком и по всех его родителей в Кирилове манастыре игумен и старцы кормы кормят, доколе благоволит Бог и манастырь стоит. А игумен Козма и все старцы соборные в тех денгах государю царю за своими руками и отпис дали» [2, л. 34 об.]. Вероятно, ранее села были переданы монастырю на помин души, а Иван IV, выкупив их, подчеркнул необходимость поминания. В списке земельных приобретений Кирилло-Белозерского монастыря, составленном Н.К. Никольским, в архивных разделах описей 1601, 1621, 1635 и 1668 гг. сведений об этих земельных владениях не выявлено [13, с. I–XCIII; 15; 16; 17]. Поэтому пока остается неясно, когда и на каких основаниях Кирилло-Белозерский монастырь получил эти земли, однако очевидно, что после выкупа Иваном IV сел они больше не вернулись в монастырскую собственность. Итак, государство получило земельные владения, а монастырь – деньги и обязательство поминать вкладчиков.

Других фактов изъятия монастырских сел на государя в анализируемой вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря нет, однако встречаются случаи замены вкладов на деньги или другие предметы. Так, епископ Суздальский Афанасий (Палецкий) дал в монастырь атлас, но «тот отлас взял государь. А в то место дал камку на беле земле з золотом» [2, л. 43]. Судя про предыдущей записи, это произошло, когда «лета 7070 втораго дал владыка Афонасей же вкладу 100 рублей, да стихарь дал камчат 10 рублей, да отлас дал на ризы, цена 20 рублей» [2, л. 42 об.]. Каков мотив Ивана IV при обмене атласа за 20 руб. на камку, сказать затруднительно.

В другом случае становится известно, что кн. Давыд Данилович Хромой дал в монастырь село Однолетово, однако кирилловские старцы его продали за 160 руб. [2, л. 67 – 67 об.]. В другом списке вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря тоже указана цена в 160 руб. [1, с. 36]. Однако из купчей 1538/39 г. ясно, что этот населенный пункт находился

в Звенигородском уезде в Угожском стане и вместе с 11 деревнями был продан Саввино-Сторожевскому монастырю за 200 руб. [19, № 8]. В связи с чем такая разница в цене, непонятно. Во вкладной книге также встречаются факты продажи вложенного «платья», так Василий Живляк «дал платия, и на платие взяли 34 рубли 18 алтын» [2, л. 127 об.]. Был выявлен и обратный случай, когда монастырь последовательно выкупал землю. Так, Василий Иванов сын Хлопов в 1576/77 г. продал игумену Козме «от Москвы за десять верст, полчетверть сельца Петровского» за 50 руб., а после этого получил уже от строителя Христофора еще 30 руб. [2, л. 139].

Приведенные примеры, а также другие подобные случаи, зафиксированные во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря, не отрицают наблюдения Р.Г. Скрынникова о том, что выкуп сел Иваном IV был произведен в контексте общероссийской внутренней политики конца 1570-х гг., но наталкивают на мысль о том, что земельные, вещественные и денежные вклады в монастырь не были чем-то незыблемым. Так, вкладчик мог забрать деньги и передать их в другую обитель, в свою очередь иноки полученные материальные ценности могли продать, а могли и оставить в ризнице и, конечно, по царской воле монастырь мог как получить пожалования, так и лишиться их. Причины этих событий могут быть самыми разными и требуют специальных изысканий, особенно, когда речь идет о крупных земельных владениях. В большинстве случаев вкладные книги дают перечень вкладов и не всегда сообщают об их дальнейшей судьбе. Так, З.В. Дмитриева для сравнительного анализа использовала приходо-расходные книги [6]. Она также проанализировала сведения о вкладах крестьян и старцев [7], вместе с Т.В. Сазоновой собрала и представила сведения о поступлениях в обитель от стариц из Горницкого монастыря [11], совместно с А.П. Павловым – о вкладах Годуновых и Шереметевых [9; 10].

Выше было отмечено, что Иван IV Васильевич был самым крупным и именитым вкладчиком Кирилло-Белозерского монастыря, поэтому проведем сравнение сведений о его вкладах во вкладной книге 1559/60–1620 гг. и описях строений и имущества XVII в. в таблице 1.

Таблица 1. Сведения о вкладах Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь по вкладной книге 1559/60–1620-х гг. и описям строений и имущества 1601, 1621, 1635 и 1668 гг.

Table 1. Information about Ivan IV contributions to the Kirillo-Belozerskiy Monastery according to the contribution book of 1559/60–1620s and inventories of buildings and property of 1601, 1621, 1635 and 1668

Вкладная книга 1559/60–1620-х гг.	1601 г.	1621 г. (пространная редакция)	1635 г.	1668 г.
Да государь пожаловал, дал в монастырь ризы игуменские, да стихарь игуменской подризной, да патрахель, да поручи, да пояс, да стихарь дьяконской, да уларь, да поручи. А ризы, и стихари, и поручи камка бела золотная, сажена жемчугом с камением, с яхонты и с ыным камением, кресты и дробницы золоты. Цена всему тому 6 000 рублей. Да после того государь пожаловал, дал в монастырь игумену Варламу з братию 4 700 рублей денег	Ризы большие царские камка бела круги золотные. Оплечье отлас таусинен, сажено жемчугом болшим; а в узорех в оплечье 21 камень червчеты яхонты, иные в них невелики, да 56 камней лазоревы яхонты по тому же, иные невелики, да 6 алмазов невелики, да камень изумруд, да тумпаз, все в гнездех в серебряных; да яхонт болшой лазорев пришит шелком; около оплечья поднишь низана жемчугом болшим. Назади в кресте каммень яхонт червчат да 4 изумруды, назади же звезда сажена жемчугом, а в ней камень яхонт лазорев. Круживо у риз сажено жемчугом по отласу по таусинному. Стихарь дьяконской, камка золотная; ердань и поручи отлас таусинен, сажено жемчугом. На оплечье 27 камышков лазоревы болших и малых, 32 камени бирюзы болших и малых, 5 камней черлены, 35 камней маленькие черлены, 3 зерна на спнех, 2 раковины, а на них резаны	+ Патрахель болшая царские дачи на отласе на вишневе, а на ней восемь образов святителей на златых дробницах, а дробницы на патрахели все золоты, а около низано жемчугом да дватцать пугвиц золотых резь с финифтом, да двенатцать кистей кишены золотом да шелк червчат, ворки низаны жемчугом, а в нем пять камней яхонты лазоревы. Поручи отлас таусинной, низаны жемчугом, на них две дробницы болшие золоты, а на них Спасов образ да Пречистые Богородицы Воплощение, а дробницы меньшие все золоты с финифты; да у них двенатцать пугвиц, все золоты. Да уларь на таусинном отласе, а на нем восемь крестов златых с чернью навожено, да тринатцать дробниц золотых с чернью же, да в тритцати вошты местех на дробницах по четыре камышки червцов и бирюзок, на одной дробнице два места порожни. А около	+ А у тех болших риз фелонь обьярь золотная, жалованные государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца. А на тех ризах, и на патрахили, и на поручах, и на дьяконском стихаре, и на уларе, и на поручах жемчуг, и каменье, и дробницы сажено вновь, а снято с старых болших риз, дающие блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии	

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Вкладная книга 1559/60–1620-х гг.	1601 г.	1621 г. (пространная редакция)	1635 г.	1668 г.
	травы, золочены, 28 дробниц басмяны серебряны золочены. На поручех 49 камышков невелики розными цветы, да 3 места порозжи. Да под пазухами и около подолу круживо шелк черн з золотом да серебром, делано в крушки. Да назади крест кован золот, около сажено жемчугом в две ряд. А пожаловал те ризы и стихарь блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси	крестов и дробниц и весь уларь сажан жемчугом, а у него десеть кистей шелк червчат з золотом, ворворки жемчугом низаны. Да поручи отлас таусинен сажан жемчугом, дробницы серебряны золочены, шеснапцать пугвиц серебряны золочены сканные. А пожаловал те ризы, и патрахель, и стихарь, и уларь, и поручи блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси. А та патрахель, и поручи, и уларь в прежних переписных книгах не написано		
– Лист в рукописи утрачен, вероятно, на нем был текст с записью об этом вкладе	Потыр золот, а в нем весу шесть гривенок и восемь золотник. Блюдо дискосное, звезда, копые, лжица все золоты, а в них весу полчетверты гривенки. А пожаловал те сосуды, дал блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси	+ И после переписных книг ис тех сосудов при игумене Матфее на серебряные сосуды на позолоту на блюдо дискосное, да на звезду, да на два блюда выносные, да на два кадила, да на чашу на панахидную вынято звезду да копейцо весом семнапцать золотников. Пожаловал те суды блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси	+ Да на тех же сосудех два покровца, у одного окладник камка червчатая, средник отлас цветной з золотом, у другога камка двоелишная, и те сосуды в древяном ставе	? Два блюда серебряны да звезда серебряны золочены, в них весу три фунта безо шти золотников. Пожаловал те сосуды блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Вкладная книга 1559/60–1620-х гг.	1601 г.	1621 г. (пространная редакция)	1635 г.	1668 г.
	В казну жо приносил келарь Елуферей Ибратцов 2 ковша серебряны. Один ковш гладкой с пелостою, на нем подпись имя государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, весу в нем 7 гривенок бесчети, царские дачи старые. А другой ковш лоцен с пелостою, а на пелости резаны звезри и травы, золочены, на дне в ковшу на кленне орел двоглавы, лит, серебрян золочен, а на ковше подпись имя князя Ивана Кубенского, весу в нем 7 гривенок с полугривенкою. А сказал про них келарь Елуферей, что те ковши держат на погребу, а носят в них здравную чашу государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси. А далих блаженныя памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, как был впервые в Кирилове монастыре	А сказал про них келарь старец Елуферей, что те ковши держат на погребу, а носят в них царскую здравную чашу. А дал их блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, как был впервые в Кирилове монастыре	Велужбеу болшего чашника. Ковш болшей гладкой серебряной данье государя царя и великого князя Иван Васильевича всеа Руси, весу в нем семь гривенок с полугривенкою. Ковш другой болшой серебряной лоцатой, пелесть и мишень чеканная, подпись и пелесть и мишень золочена. Данье князя Ивана Ивановича Кубенского. Весу в нем восемь гривенок без четверти	Да на погребу два ковша серебряных здравных. Один гладкой, на нем подпись: Даяние государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси; весу в нем три фунта триграты девять золотников. Другой лоцат, подпись резная на стеблю, наделка на чеканное дело, внутри орел пластаной, стебель, и орел, и подпись золочены. Даяние князя Ивана княж Иванова сына Кубенского, весу в нем четыре фунта безо штиграты золотников
Лета 7076-го царь государь князь великий Иван Васильевич всеа Руси прислал с архимандритом с Асафом Каменского монастыря деисус с празники и с пророки и велель поставити в кельи свои, да послал государь (с) старцом	Ковш серебрян с пелостою, на нем подпись государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, весу в нем 3 гривенки без полу-2 золотника, старые дачи государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси	+ И тот ковш выдан в церковь на оклад	-	-

Окончание таблицы 1

End of Table 1

Вкладная книга 1559/60–1620-х гг.	1601 г.	1621 г. (пространная редакция)	1635 г.	1668 г.
с Мисаилом в келью образ Похвала Пречистыя, а оба те образа на золоте. Да послал государь в келью свою сыгуменом Кирилом образ Пречистыя со Младенцом Одегитрей с крылци, обложен серебром, венци (с) сканью и с камнем и ж жемчуги. Да ковш государь послал в церков вода святити, серебрян, а в нем потянуло полтретьятцать рублевъ	–	Книга Евангелие писмяное тетр, в десть, прописаны заставницы золотом, обложено отласом золотным по вишней земле со крестом, застешки серебряные позолочены. Даяние государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси	+	Книга Евангелие тетр писмяное, в десть, евангелисты в лицах, заставицы и слова и строки прописаны золотом, промеж евангелисты сетки тафта алая, позолочено отласом золотым со крестом, а крест посреди шит золотом же, застежки медные золочены. Даяние государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси
–	–	Книга Псалмы Давыдовы в полдесть, даяние государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, писмяные	–	Книга Псалмы Давыдовы писмяная, в полдесть, царь Давыд в лицах, заставица писана золотом, даяние государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси

Примечание. Составлено по: [2, л. 10 – 10 об., 20 об. – 21, 35 – 35 об.; 15, с. 155, 173, 174; 16, с. 242 – 243, 261, 281, 330; 17, с. 343, 347, 363 – 364, 390, 415 – 416; 18, л. 307, 325 – 329 об.].

При составлении описей обители писцы не всегда обозначали имена вкладчиков, в том числе и Ивана IV. Так, в 1601 г. при описании Успенской церкви у иконы Богородицы Одигитрия, «что явилася чудотворцу Кирилу», был зафиксирован золотой крест с мощами, который по сказке старца Леонида был «государские дачи»; здесь же была «чепь золота гнутая из государские дачи» [16, с. 42–43]. У образа Кирилла Белозерского, написанного по преданию Дионисием Глушицким, был «крест воротной вольяшной золот, из государские дачи, а у него во главе камышек червец» [16, с. 44]. И еще один крест «резан на кости», обложен золотом и с жемчугом «государские дачи» [16, с. 44]. Здесь же был привешен камень «яхонт лазорев на чепочке», который привез игумен Варлаам и старец Леонид из Москвы «царские дачи» [16, с. 44]. Очевидно, что большинство таких вещей были вложены Иваном IV, хотя среди них к 1601 г. могли уже быть вклады царя Федора Ивановича или Бориса Годунова. Для решения этого вопроса необходимо самостоятельное исследование, поэтому для представления в таблице и последующего анализа были выбраны только записи, в которых иноки безусловно атрибутировали вещи Ивану IV. В тех случаях, когда описание вещи повторяется в других описях, в ячейке поставлен знак «+», в случае наличия новых сведений, они полностью приведены.

Итак, сведения о царских вкладах, представленные в таблице 1, позволяют сделать следующие наблюдения. Прежде всего, видно, что привлеченная для исследования вкладная книга не всегда содержит данные о тех вкладах, которые в описях зафиксированы как пожертвования Ивана IV, так, в ней нет сообщений о богослужебных сосудах и книгах. Во вкладной книге, опубликованной А.И. Алексеевым сведений о Евангелие и Псалмах Давида, вложенных царем, также нет [1]. При этом книги, пожертвованные царем, упоминаются только в описях 1621, 1635 и 1668 годов. Отметим, что богато украшенное Евангелие (в 1635 г. оно было в разделе «Книги Евангелия в десть, писмяные имянные, по кельям их не дают» [15, с. 281]) названо сразу после книг Кирилла Белозерского в 1621, 1635 и 1668 гг., но в 1601 г. на его месте было Евангелие письма Гурия Тушина [16, с. 121]. Заметим, что Псалмы Давидовы, вложенные Иваном IV, упоминаются в 1621

и 1668 гг., но не названы в 1635 г., при этом в этой описи названа аналогичная книга «Дмитрия Ивановича Годунова с лица» [15, с. 287], которая не упоминается в 1621 и 1668 году.

Безусловно, один из самых значимых вещественных вкладов Ивана IV – это ризы стоимостью 6 тыс. рублей. В 1601 и 1615 гг. ризница не описана, в 1621 (добавлены сведения о «патрахели», уларе и поручах), в 1635 и 1668 г. ризы, вложенные Иваном IV, описаны сразу после риз Кирилла Белозерского, что свидетельствует о материальной ценности вклада и памяти о вкладчике. Привлечение описей дает возможность более ясно представить, каким был царский вклад (усыпанный десятками драгоценных камней), очень лаконично описанный во вкладной книге. В 1668 г. зафиксировано, что именно к этим ризам была добавлена фелонь – вклад царя Алексея Михайловича. Приведенные сведения позволяют утверждать, что в мире вещей Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. некоторые особо значимые материальные вклады Ивана IV были на втором месте после личных предметов преп. Кирилла Белозерского.

Сведения о двух серебряных ковшах имеются только в описях, они среди подобной утвари названы на первом месте. Описаны они в каждой описи несколько иначе, при этом в 1601 и 1621 гг. подчеркнуто, что они вложены в монастырь во время первого посещения обители Иваном IV. Вкладная книга сведений об этом событии не содержит. Еще один ковш, подаренный царем, в 1621 г. значится как переданный для переделки на оклады, а в последующих описях сведений о нем нет. Итак, даже вклад грозного царя не был неприкосновенен и по решению игумена был рационально использован. Здесь стоит заметить, что при Василии Шуйском Кирилло-Белозерский монастырь лишился некоторых вещественных вкладов Ивана IV, которые были изъяты. Например, в описи 1621 г. находим такую запись: «Стопа серебряная с покрывшкою и с руковяткою, а на покрывшке и на подонье личины, весу шесть гривенок двенадцать золотников. Из государевы дачи, взято на царя Василья» [17, с. 415]. Здесь заметим, что из пяти описей только в документе 1615 г. ни разу не упоминается непосредственно имя Ивана IV, хотя и отмечены многократно, очевидно, его

вклады с указанием «царские дачи» (это выражение или его варианты встречаются 29 раз; выражение «государевы дачи» в этом документе использовано только один раз: «Да у цаты же 2 запонки золоты с яхонты и з жемчюжки, а сказал Леонид, что те запонки государевы дачи» [15, с. 95]). При этом в 1615 г. встречаются имена других вкладчиков, например: «Образы 12 миней месячных в киотех, писаны на цках на золоте, вкладные старца Галасеи Тресисоломы, а киоты резаны золочены» [15, с. 118].

Таким образом, описи строений и имущества XVII в. дополняют сведения из вкладной книги 1559/60–1620-х гг. и содержат уникальные данные о характеристиках царских вкладов и других лиц.

Для того чтобы выяснить, есть ли подобные закономерности в отношении к вкладам других менее знатных вкладчиков в описях XVII в., обратимся к упоминаниям рода Палецких. Этот выбор объясняется тем, что они

были современниками Ивана IV, при этом один из них – Афанасий (Палецкий), его имя в миру не известно, он был иноком и занимал высокое место в духовной иерархии [13, с. 175–176; 22, стб. 55, 655; 23]. В 1539–1551 гг. Афанасий (Палецкий) – игумен Кирилло-Белозерского монастыря, после – архиепископ Суздальский (1551–1564), в 1566–1568 гг. – архиепископ Полоцкий, а затем на покое в Кирилло-Белозерском монастыре [22, стб. 55, 655]. При игумене Афанасии (Палецком) 15 февраля 1546 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил грамоту о беспошлинном провозе и продаже 10 тыс. пудов соли сверх 10 тыс. пудов, на которые уже было разрешение [16, с. 333]. Согласно подсчетам Н.К. Никольского, архиепископ Афанасий вложил деньгами и вещами в пересчете на деньги 654 руб. 23 алтына [13, с. 175–176]. Представим подробные сведения о вкладах архиепископа Афанасия в порядке их записи во вкладную книгу 1559/60–1620-х гг. в таблице 2.

Таблица 2. Вклады архиепископа Афанасия (Палецкого) в Кирилло-Белозерский монастырь в 1550–1560-х гг.

Table 2. Contributions of Archbishop Athanasius (Paletsky) to the Kirillo-Belozersky Monastery in the 1550s and 1560s

Год	Вклад
–	Суждальской владыка Афонасей вкладу дал 100 рублей игумену Матфею з братиею, и за то давание за него молити Бога
1558/59	Лета 7067-го Афонасей, иже владыка Суждальской, прислал на монастырское строение после пожару 50 рублей денег до 10 рублей на келию. Владыка же Афонасей дал 130 четвертей ржи по 5 алтын четь, пол-18 рубля, да 20 четвертей гороху, четверть по 2 гривны, 4 рубли
1559/60	Лета 7068-го Афонасей же владыка Суждальской дал игумену Феокисту з братиею 200 четвертей ржи по 5 алтын четверть, 30 рублей, да 56 чети гороху по 2 гривны четь, 11 рублей 2 гривны
1563/64	Лета 7070 втораго дал владыка Афонасей же вкладу 100 рублей, да стихарь дал камчат 10 рублей, да отлас дал на ризы, цена 20 рублей
1565, декабрь	Лета 7074-го месяца декабря архиепископ Полотцкый Афанасей прислал в Кирилов монастырь с Москвы (с) старцем Никодимом игумену Кирилу з братиею вкладу 50 рублей
1568, мая 17	Лета 7076 мая 17 архиепископ Афонасей, приехав ис Полотцка, дал игумену Кирилу з братиею вкладу 81 рубль денгами, да за 19 рублей с судов серебряных в четвере 3 ковши, да кубец, да судно 10 рублей, в котором изо Твери приехал в Кирилов монастырь. Да того же судна парус и снасть 5 рублей. А кои отлас дал владыка Суждаский Афонасей, и тот отлас взял государь. А в то место дал камку на беле земле з золотом
–	Да что владыка же Афанасий, едучи в Полоцк, прислал с старцем с Никодимом в монастырь 50 рублей на снаряд к ризам, и на те денги куплено жемчюгу, и золота, и серебра на ризи. И стали ризы 70 рубле
–	Да владыка же Афонасей дал 2 книги Богослова да Деонисей Арпагит, да шубу соболью, да сосудов медных и оловяных. Всего на 22 рубля
1566	Лета 7072-го владыка Афонасей Суждальской дал вкладу 10 рублей. Да он же дал отлас цветной, а цена ему 20 рублей (в ркп. эта запись зачеркнута)
Итого денежных поступлений: 451 рубль	

Из таблицы 2 видно, что за одно десятилетие архиепископ Афанасий сделал не менее 9 вкладов, пожертвовал значительную сумму денег, а также зерно, различные вещи и книги. Безусловно, богатство его вкладов не идет в сравнение с царскими пожалованиями, однако они тоже были значимы и в какой-то степени копируют царские пожалования: деньги, ризы, сосуды. Для того чтобы понимать, как они бытовали в монастыре, проведем сопоставление сведений из вкладной книги 1559/60–1620-х г. и описей XVII века. При повторении описаний предметов в ячейке поставлен знак «+», новые сведения приведены полностью. В описи 1615 г. нет сведений о вещах, связанных с архиепископом Афанасием.

Из таблицы 3 видно, что не во всех случаях сведения о вкладах архиепископа Афанасия в источниках разного происхождения совпадают. Книг, вложенных в 1560-х гг., в описях XVII в. не значится, однако в 1601 и 1621 гг. упоминается Псалтырь, которая, вероятно, была личной книгой иерарха, а после его смерти вошла в состав монастырской библиотеки. Не ясно, почему эта книга не упомянута в 1635 и 1668 гг., и по какой причине в 1635 г. появляется книга «На еретики на новгородские же писменная, владыки Афонася, в полдесть» [15, с. 297]. Возможно, эти случаи так же, как и с книгами Ивана IV, указывают на непостоянство состава монастырской библиотеки, подвижность книжного фонда, выдачу томов читателям и требуют дальнейшего тщательного изучения. Так, А.С. Усачев привел аргументы о принадлежности архиепископу Афанасию (Палецкому) сборника сочинений Дионисия Ареопагита [23].

Ризы, которые были частично созданы на средства архиепископа Афанасия и были оценены в 70 руб., зафиксированы в трех описях и отсутствуют в 1668 году. Они в 1621 г. подверглись ремонту и были переделаны. Очевидно, что к этим ризам в монастыре также относились со вниманием и памятью, хотя они и не были такими дорогими, как богослужебные одежды, вложенные Иваном IV. Этот факт подчеркивает значимость не только стоимости вещественного вклада, но и ценность памяти о человеке, который пожертвовал что-то в обитель.

По какой-то причине наиболее устойчиво связывали имя архиепископа Афонасия и хранили в монастыре потир вплоть до 1668 года.

При этом вкладная книга не дает точных сведений об этом вкладе. Знаменательно, что так же, как и с ризами, когда часть расходов взял на себя монастырь, в 1621 г. к этому потиру был доделан богослужебный комплект. Очевидно, что связь этого человека с обителью способствовала вкладам от других представителей рода Палецких.

Вклады в Кирилло-Белозерский монастырь других представителей рода Палецких: кн. Дмитрия Федоровича, кн. Семена Дмитриевича, кн. Василия Дмитриевича, кн. Андрея Дмитриевича и кн. Бориса Дмитриевича представлены в таблице 4 в порядке их записи во вкладной книге 1559/60–1620-х годов.

Как видим, в Кирилло-Белозерский монастырь поступили преимущественно деньги в отличие от вкладов архиепископа Афанасия, которые были не только денежными, но и вещественными. Ряд денежных пожертвований были за здоровье и за упокой членов семей вкладчиков. Н.К. Никольский, собрав сведения о вкладах князей Палецких, пришел к выводу что всего они передали в Кирилло-Белозерский монастырь вместе с Ф.И. Сукиным, кн. И. Ромодановским и кн. С. Гундоровым 1 025 руб. денег и вещей на 400 руб. [13, с. 178–179]. Обращение к пяти описям Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. не дает сведений о вещественных вкладах князей Палецких. Единственным исключением является кн. Б.Д. Палецкий, который принял постриг в этой обители и в иночестве стал Боголепом. Сведения о вещах, вложенных им в монастырь, представлены в таблице 5, при этом в описи 1668 г. данных о предметах, связанных с этим человеком, не выявлены.

Из таблицы 5 видно, что с именем этого инок связывали три предмета, причем в нескольких случаях атрибутирование этих предметов возможно только при сопоставлении разных описей. Так, еще при жизни Боголепа (насильственно пострижен по приказанию Ивана IV в 1583 г., скончался 6 июля 1608 г. [12, с. LI, примеч. 4, LXXVI, примеч. 7.]) в описи 1601 г. в ц. Успения первым был описан образ Пречистой Богородицы, которая «явилася чудотворцу Кирилу», после чего следует уточнение о том, что над этой чудотворной иконой в киоте находятся другие образы и первым среди них назван образ Богородицы «данья» Боголепа Палецкого [16, с. 42–44]. В 1615 г. эта икона была перемещена, а в 1635 г. она названа уже без имени вкладчика.

Таблица 3. Бытование вкладов архиепископа Афанасия (Палеевского) в Кирилло-Белозерском монастыре второй половины XVI – XVII в.
Table 3. The existence of the contributions of Archbishop Athanasius (Paletsky) in the Kirillo-Belozersky Monastery in the second half of the 16th – 17th centuries

Вкладная книга 1559/60–1620-х гг.	Опись 1601 г.	Опись 1621 г.	Опись 1635 г.	Опись 1668 г.
Да вкладыка же Афонасей дал 2 книги Богослова да Деонисей Аронагит	–	–	–	–
–	Псалтырь в десть, писменная, вкладыки Афонасия Суздальскаго	+	–	–
–	–	–	Книга На еретики на новгородские же писменная, вкладыки Афонасия, в полдесть	–
Да что вкладыка же Афанасий, едучи в Полоцк, прислал с старцем с Никодимом в монастырь 50 рублей на снаряж к ризам, и на те денги куплено жемчугу, и золота, и серебра на ризи. И стали ризы 70 рублей	Ризы камка бела круги золоты, травы шелк зелен, да лазорев, да ал; оплечье бархат черн, дробницы серебряны золочены сажены жемчугом; назади крест, дробницы серебряны сажены жемчугом, туто же у креста 4 жемчуги скатные; звезда сажена жемчугом, а в ней 9 дробниц. А дал те ризы Афонасей Суздальский	+ А дал те ризы архиепископ Офонасей Суздальской. И с тех риз оплечье снято и положено на новые на отласные ризы при игумене Матфее. А на те ризы положено оплечье жемчужное, сажено вново. А жемчуг из монастырьские казны. *** Ризы отлас золот по червчатому земле травы мелкие, шелк лазорев да бел; оплечье на них бархат черн, низано жемчугом, дробницы серебряны золочены; назади крест, дробницы серебряны золочены, около сажено жемчугом, да у того же креста четыре жемчуги скатные; звезда сажена жемчугом, а в ней девять	Ризы камка бела круги золотные, травы шелк лазорев, да зелен, да ал; оплечье по таусинному отласу, сажено жемчугом; крест и звезда жемчужная, круживо бархат черн, шито золотом и сажено жемчугом. Даяние архиепископа Афонасия Суздальского	–

Окончание таблицы 3

End of Table 3

Вкладная книга 1559/60–1620-х гг.	Опись 1601 г.	Опись 1621 г.	Опись 1635 г.	Опись 1668 г.
		дробниц мелких; кружимо тканю з золотом, и с се-ребром, и с шелком черным. А снято то оплечье с Офонасьевских риз архи-епископа Суздальского. А отлас и кружимо взято из монастырьские казны.		
–	Стихарь бархат дымчат рыт, ердань бархат золотной да шелк червчет да зелен, уларь того же бархату. Дал в мо-настырь владыка Афонасей Суздальской	–	–	–
Лета 7076 майя 17 архиепископ Афонасей, приехав ис Полоцка, дал игумену Кирилу з братиею вкладу 81 рубль денгами, да за 19 рублев с судов серебряных в чет-вере 3 ковшы, да кубец	Потыр золот, а в нем весу три гривенки восемь золот-ник. Дал архиепископ Афо-насей Полоцкой	+	+	+

Примечание. Составлено по: [2, л. 42 об, 43; 15, с. 243, 262, 297; 16, с. 125, 139, 145, 155; 17, с. 346, 364, 365, 390, 391; 18, л. 307 об.].

Таблица 4. Вклады князей Палецких в Кирилло-Белозерский монастырь в 1550–1560-х гг.

Table 4. Contributions of the Paletsky princes to the Kirillo-Belozersky Monastery in the 1550s and 1560s

Год	Вклад
—	Князь Дмитрий Федорович Палецкой в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу, и игумену Афонасью з братиею, или кто по нем иный игумен будет, вкладу дал кадило серебряно 20 рублей в весу. И доколе князь Дмитрий жив, за него молити Бога, и за его княгиню, и за их чядо. А пошлет Бог по их души, ино написати их в сенаники
1559/60	Лета 7068-го царя и великого князя боярин князь Дмитрий Феодорович Палитцкой в дом Пречистой и чудотворцу Кирилу и игумену Варлааму з братиею, или кто по нем иный игумен будет, дал вкладу 200 рублей в наследие вечных благ. И нам, игумену Варлааму з братиею, или по нем будет иный игумен, доколе князь Дмитрией жив, и нас за него Бога молити и за его дети на молебнех в октениях во вседневных поминати о их здравие на Дмитриев день Селунскаго октября в 26 день, обедня собором, собором служити и молебен пети, и на братию во вся годы по большому корму давати. А Бог пошлет по княж Дмитриеву душу, и на преставление его на братию по вся годы по большому же корму давати. Да князь Дмитрий же Федорович игумену Варлааму з братиею дал по своей княгине иноке Марфе 100 рублей, и на ее преставление корм кормити. Да князь Дмитрий же Федорович дал 100 аршин шиды, цена 5 рублей
—	Князь Дмитрий Федорович Палетцкой, да князь Иван Ромодановской, да князь Семен Гундоров, княж Давыдовы приказщики Палетцкого, дали в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу и игумену Матфею з братиею по князе Давыде по Палетцком двести рублей денег. И за то даяние князя Давыда написали во все сенаники без выгладки. А кормити по нем на год два корма, доколе и монастырь стоит
1561/62	Лета 7070-го дал в дом Пречистой и чудотворцу Кирилу и игумену Васьяну з братиею князь Семен Дмитриевич Палецкой по своей княгине Феодоре сто рублей
1565/66	Лета 7070-четвертаго князь Василей да князь Ондрей, да князь Борис Дмитриевичи Палеткого дали Пречистой в дом и чудотворцу Кирилу по брате своем Семене Дмитриевиче 100 рублей. Да они же дали по князе Семене да по князе Феодоре по братие по своей пол-80 рублей. И всего их даяния по братие 150 рублей. И за то даяние по князе Семене да по князе Феодоре на всяк год 2 корма кормити на их преставление. Да оне же дали по брате своем по князе Феодоровиче 50 рублей. И за то даяние написали в оба сенаника без выгладки
—	Князь Дмитрий Федорович Палецкой в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу игумену Афонасью з братьею, или кто по нем иный игумен будет, вкладу дал кадило серебряно, а ввесу 20 рублей. И доколе князь Дмитрий жив, ино за него Бога молити и за его княгиню, и за их чада. А Бог пошлет по их души, ино написати в сенаники
Итого денежных средств: 825 рублей	

Примечание. Составлено по: [2, л. 47 об. – 49, 99, 112, 115 об. – 116, 221 – 221 об.].

В описи 1601 г. образ Спаса без указания имени вкладчика назван в церкви Успения рядом с местным образом Кирилла Белозерского в киоте с другими пядницами [16, с. 46–47]. Как выясняется по описи 1615 г., он был вложен Боголепом Палецким. В 1615 г. эта икона значится перемещенной в церковь Кирилла Белозерского и поставленной рядом с гробницей преподобного, после чего своего положения не меняла в 1621 и 1635 годах.

Также с именем Боголепа в монастыре связывали ширинку, которая в описи 1635 г. упоминается без уточнений и атрибутирована вкладчику на основании совпадения ее описания с предыдущими описями. Очевидно, Боголеп Палецкий был видным старцем в Кирилло-Белозерском монастыре и два его вкладных образа неслучайно занимали важные места в сакральном пространстве храмов.

Таблица 5. Вклады князей Палецких в Кирилло-Белозерский монастырь (по описям строений и имущества 1601, 1615, 1621, 1635 гг.)

Table 5. Contributions of the Paletsky princes to the Kirillo-Belozersky Monastery (according to the inventories of buildings and property in 1601, 1615, 1621, 1635)

1601 г.	1615 г.	1621 г. (пространная редакция)	1635 г.
Образ Пречистые Бого- родицы с Превечным Младенцем. Венцы и оклад золотной, а в венцах шесть камней да семь жемчюгов на спнех; поднизь и оже- релейцо сажено жемчю- гом; по полям писаны святы на серебре, около поль низано жемчюгом в два ряда. Данье старца Боголепа Палицкого	Образ Пречистые Бого- родицы с Превечным Младенцем Одегитрие. Венцы и оклад золот- ной, а в венцах 6 каме- ней: 3 яхонты лазоревы, да 2 лалы, да червец; да 7 жемчюгов на спнех. Поднизь и ожерелейцо сажено жемчюгом, по полям писаны святы на серебре, около поль низано жемчюгом в два ряда. Данье старца Бо- голепа Палицкого. А стоял над Пречистою Богородицею над чюд- отворною до киота на правой же стороне	+	Образ Пречистые Бого- родицы с Превечным Младенцем Одегитрие. Венцы и оклад золот- ной, а в венцах шесть камней, три камени яхонты лазоревы да два лалы, да червец, да семь жемчюгов на спнех. Поднизь и ожерелейцо сажено жемчюгом, по полям писаны святы на серебре, около подниза- но жемчюгом в два ряда
Образ Спасов. Венец сканной золочен, а в нем два камышка червцы да две бирюзы; около плеч оклад серебрян резан с чернью, а по полям оклад серебрян золочен чеканной, по полям же святы на серебре че- канны золочены	Образ Спасов Вседер- жатель. Венец сканной золочен, а на нем 2 ка- мешка червцы да 2 би- рюзы. Около плеч оклад серебрян резан с чер- нью, а по полям оклад серебрян золочен чекан- ной, по полям же святы на серебре чеканны зо- лочены. Даяние старца Боголепа Палицкого. А стоял тот образ в церкви в Успении Пречистые Богородицы на правой стороне над месным образом над Борисом и Глебом у ризничьих две- рей. Стоит тот образ над чудотворцом з гробом	+	Да у тех же у местных образов Кирила чюдот- ворца и у Пречисты Бо- городицы пядница образ Спас Вседержитель, да- яние Боголепа Палицко- во, обложен серебром. Венец сканной золочен, на нем два камешка червцы да две бирюзы; около плеч оклад сере- брян резан с чернью, а по полям оклад сере- брян золочен чеканной, по полям же святы на серебре чеканные зо- лочены
Ширинка тафта бела шита золотом, и сере- бром, и шолки. Дал Бо- голеп Палецкий	—	Ширинка тафта бела шита золотом, и сере- бром, и шолки, даяние Боголепа Палецкого.	Ширинка тафта бела шита золотом, и сере- бром, и розными шелки, накищивана шелк червчат

Примечание. Составлено по: [15, с. 64, 112, 207, 256; 16, с. 44, 47; 17, с. 252, 309, 384].

Во вкладной книге также зафиксированы сведения о вкладыях с упоминанием представителей рода Палецких. Так, в 1567/68 г. «князь Михайло Иванович Воротынской прислал с старцем з Дорофеем к игумену Кирилу з братию 100 рублей по князе Василие по Дмитриевиче по Палетцком, и за то даяние написали его в седневной сенаник и в вечной без выгладки» [2, л. 49 об.]. Сохранились сведения и о другой ситуации, когда боярин и князь Д.Ф. Палецкий вместе с государевым казначеем Ф.И. Сукиным вложили «в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу и игумену Афонасию з братиею, или кто по нем иной игумен будет» по князю М.И. Кубенскому «и по его родителех в Дмитровском уезде село Куликово и з деревнями за шестьсот рублей да двести рублей денгами» [2, л. 51 – 51 об.]. В 1586/87 г. в Кирилло-Белозерский монастырь приходил «послужилец» кн. Б.Д. Палецкого, которого «в миру звали Ильею, а прозвище Жук, а во иноцех Иев» и дал «въкладу хлеба, и денег, и платья, и лошадей, и всякие рухляди, всего на 50 рублей» [2, л. 176 об.].

Н.К. Никольский замечает, что о преследовании кн. Палецкий «Грозным Курбский умалчивает, но в числе опальных, за которых Иоанн IV делал вклады в Кириллов монастырь значатся» кн. Д.Ф. Палецкий и кн. А.Д. Палецкий [13, с. 178, примеч. 4]. Согласно вкладной книге, Иван IV за два вклада дал на поминание кн. Дмитрия Палецкого 260 руб., его имя было названо после Ивана Хабарова, кн. Михаила Черкаского и кн. Александра Воротынского [2, л. 19, 20]. Как выше было сказано, в мае 1580 г. села кн. Андрея Палецкого были куплены царем за 2 тыс. рублей. В 1581/82 г. государь сделал вклад из различных вещей в Кирилло-Белозерский монастырь по Иване Висковатом, Василию Умному, «по Воротынских», кн. Михаилу Кубенскому, Ивану Хабарову (в ин. Иоасаф) и кн. Андрею Палецкому [2, л. 34 об. – 36]. За последнего «государь пожаловал, дал 13 пугвиц серебряных, а цена им 4 рубли; да понагея раковины морские резь Живоначальные Троицы да Воплощение, обложено серебром с камешки» [2, л. 36]. На память этой группы лиц, согласно желанию государя, нужно было «корм кормити один в году по всех по них, oprичь их кормов» [2, л. 36]. Отметим также, что кн. и боярин Дмитрий Федорович

Палицын по распоряжению Ивана IV на помин жены кн. В.В. Шуйского княгини Анастасии привез в Кириллов 200 руб. [2, л. 45 об.].

Результаты. Приведенные сведения показывают сложную взаимосвязь личных отношений между вкладчиками, пересечение религиозных чувств и материальных расчетов, выраженных во вкладыях, соединение жизни вкладных вещей и памяти о лицах, которые их пожертвовали в обитель. Как удалось показать, вкладная книга содержит некие стартовые сведения о вкладыях, тогда как изучение динамики возможно с привлечением описей строений и имущества. В этих учетно-передаточных документах содержатся как открытые сведения о вкладыях и лицах, их сделавших, так и скрытые. Например, в описи 1621 г. выражение из «государевы дачи» встречается семь раз при описании церковного убранства, например: «В церкви же Кирила чудотворца в олтаре престол облочен камкою лазорева. Спереди у престола отлас цветной шолк желт да багров. Пелена аксамит на шолке червчат да черн, крест шит серебром. Из государевы дачи» [17, с. 307]. Однако, кто скрывается за понятием «государь», сказать сразу нельзя. В описях при указании того, что вещь поступила в монастырь от вкладчика, используются понятия: «вкладной / вкладные», «дал вкладом», «дал вкладу», «вкладных денег», «вкладного платья», «дачи», «данья» и др.

Кирилло-Белозерский монастырь во второй половине XVI – первой трети XVII в. являлся для царя, бояр и князей (активно действовавших в 1560-х–1580-х гг.) не только местом удаления, но и своеобразным местом встречи и в какой-то степени примирения представителей высшей власти. В обитель делали вклады те люди, которые потом станут опальными, при этом на помин их души будет делать пожертвования и сам Иван IV Грозный. Старец Боголеп Палецкий переживет царя Ивана Васильевича, а их вклады будут находиться в одних храмах и в одном монастыре. Память о вкладчиках и вкладыях 1560-х гг. будут хранить в Кирилло-Белозерском монастыре в XVII в., хотя упоминания о них будут трансформироваться, исчезать и появляться в письменных источниках, а некоторые вещи будут отремонтированы, обновлены или использованы для нужд обители.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117.
2. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1559/60–1620-е гг. // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Кол. 115. Ед. хр. 1074. 524 л.
3. Дмитриева З. В. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря (1559/60–1620-е гг.) // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8, вып. 5 (59). URL: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1/?ysclid=lpd29by4x1899076868>
4. Дмитриева З. В. Вклады белозерских крестьян в Кирилло-Белозерский монастырь во второй половине XVII века // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: Русь, 2000. С. 21–22.
5. Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 343 с.
6. Дмитриева З. В. Записи о денежных вкладах в приходе-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря (вторая половина XVI – первая треть XVII в.). // Мавродинские чтения. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2008. С. 302–306.
7. Дмитриева З. В. Старцы-вкладчики Кирилло-Белозерского монастыря (1540–1610-е годы) // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб.: Искусство России, 2018. С. 238–255.
8. Дмитриева З. В. Цены на зерно по вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря (1570–1610-е гг.) // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX вв. М.: Новый хронограф, 2021. С. 70–82.
9. Дмитриева З. В., Павлов А. П. Вклады Годуновых в Кирилло-Белозерский монастырь // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 18–29.
10. Дмитриева З. В., Павлов А. П. Вклады Шереметевых в Кирилло-Белозерский монастырь в XVI веке // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 11–21.
11. Дмитриева З. В., Сазонова Т. В. Вклады горицких стариц в Кирилло-Белозерский монастырь (вторая половина XVI – начало XVII века) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 8–20.
12. Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Т. 1. Вып. 1. Об основании и строениях монастыря. СПб.: Синод. тип., 1897. 423 с.
13. Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1395–1625). Т. 1. Вып. 2. О средствах содержания монастыря. СПб.: Синод. тип., 1910. 696 с.
14. Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. (1397–1625). Т. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / подгот. изд. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 434 с.
15. Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг.: Тексты и исследования / сост. Н. В. Башнин, З. В. Дмитриева; отв. ред. М. Н. Шаромазов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2021. 600 с.
16. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. Комент. изд. / сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб.: Петербург. востоковедение, 1998. 384 с.
17. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1621 года. Краткая и пространная редакции / сост. Н. В. Башнин, З. В. Дмитриева; отв. ред. М. Н. Шаромазов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024. 704 с.
18. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 550. Q. IV. 393 л.
19. Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века / Сост. Л. А. Тимошина, С. Н. Кистерев. М.: Архив русской истории, 1992. 94 с.
20. Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русского языка и славянской археологии Императорского археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 46–105
21. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Очерки политической и социальной истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 224 с.
22. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. 1064 стб.
23. Усачев А. С. Книга «владыки Офонасия»: о владельце сборника сочинений Дионисия Ареопажита РНБ. Соф. № 1188 // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М.: Наука, 2012. С. 92–99.

24. Шокарев С. Ю. «А дача его образы, и книги, и милостынные денги... – а имянно всего не исписать»: объем и динамика денежных вкладов Ивана Грозного в монастыри // *Одиссей. Человек в истории*. 2023. № 2 (31). С. 69–133.

REFERENCES

1. Alekseev A.I. Pervaya redakciya vkladnoj knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1560-e gg.) [The First Edition of the Contribution Book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1560s)]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2010, no. 3–4 (19–20), pp. 17–117.
2. Vkladnaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1559/60–1620-e gg. [The Contribution Book of the Kirillo-Belozersky Monastery of 1559/60–1620s]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, dep. item 1074. 524 l.
3. Dmitriyeva Z.V. Vkladnaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1559/60–1620-e gg.) [Contribution Book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1559/60–1620s)]. *Istoriya. Elektronny nauchno-obrazovatelny zhurnal* [History. Electronic Scientific and Educational Journal], 2017, vol. 8, iss. 5 (59). URL: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1/?ysclid=lpd29by4x1899076868>
4. Dmitrieva Z.V. Vklady belozerskih krestyan v Kirillo-Belozerskij monastyr vo vtoroj polovine XVII veka [The Contributions of Belozersky Peasants to the Kirillo-Belozersky Monastery in the Second Half of the 17th Century]. *Zazhitochnoye krestyanstvo Rossii v istoricheskoy retrospektive (Zemlevladieniye, zemlepolzovaniye, proizvodstvo, mentalitet). XXVII sessiya simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Prosperous Peasantry of Russia in Historical Retrospect (Land Ownership, Land Use, Production, Mentality). The 27th Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe]. Moscow, Rus Publ., 2000, pp. 21–22.
5. Dmitriyeva Z.V. *Vytnye i opisnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XVI–XVII vv.* [Selected and Inventory Books of the Kirillo-Belozersky Monastery of the 16th–17th Centuries]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin, 2003. 343 p.
6. Dmitriyeva Z.V. Zapisi o denezhnyh vkladah v prihodo-raskhodnyh i vkladnyh knigah Kirillo-Belozerskogo monastyrya (vtoraya polovina XVI – pervaya tret XVII v.) [Records of Monetary Contributions in the Parish-Expense and Contribution Books of the Kirillo-Belozersky Monastery (The Second Half of the 16th – First Third of the 17th Century)]. *Mavrodinskiye chteniya* [Mavrodinsky Readings]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2008, pp. 302–306.
7. Dmitriyeva Z.V. Starcy-vkladchiki Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1540–1610-ye gody) [Elders-Depositors of the Kirillo-Belozersky Monastery (1540s – 1610s)]. *Istoriik i istochnik: sb. st. k yubileyu Sergeya Nikolaevicha Kistereva* [Historian and Source. Collection of Articles Dedicated to the Anniversary of S. N. Kisterev]. Saint Petersburg, Iskustvo Rossii Publ., 2018, pp. 238–255.
8. Dmitriyeva Z.V. Ceny na zerno po vkladnoj knige Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1570–1610-ye gg.) [Grain Prices According to the Contribution Book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1570–1610s)]. *Tradicionnye i novatorskiye puti izucheniya socialnoj istorii Rossii XII–XX vv.* [Traditional and Innovative Ways of Studying the Social History of Russia of the 12th–20th Centuries]. Moscow, Novy Khronograph Publ., 2021, pp. 70–82.
9. Dmitriyeva Z.V., Pavlov A.P. Vklady Godunovyh v Kirillo-Belozerskij monastyr [Godunov's Contributions to the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Saint Petersburg Historical Journal], 2021, no. 2 (30), pp. 18–29.
10. Dmitriyeva Z.V., Pavlov A.P. Vklady Sheremetevykh v Kirillo-Belozerskij monastyr v XVI veke [The Sheremetevs' Contributions to the Kirillo-Belozersky Monastery in the 16th Century]. *Vestnik arhivista* [Archivist's Bulletin], 2023, no. 1, pp. 11–21.
11. Dmitriyeva Z.V., Sazonova T.V. Vklady gorickih staric v Kirillo-Belozerskij monastyr (vtoraya polovina XVI – nachalo XVII veka) [Contributions of the Goritsky Elders to the Kirillo-Belozersky Monastery (The Second Half of the 16th – Beginning of the 17th Century)]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Saint Petersburg Historical Journal], 2020, no. 3 (27), pp. 8–20.
14. Nikolsky N.K. *Kirillo-Belozerskij monastyr i yego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII veka. T. 1. Vyp. 1. Ob osnovanii i stroeniyah monastyrya* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure Before the Second Quarter of the 17th Century. Vol. 1. Iss. 1. About the Foundation and Buildings of the Monastery]. Saint Petersburg, Sinod. tip., 1897. 423 p.
13. Nikolsky N.K. *Kirillo-Belozerskij monastyr i yego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII veka (1395–1625). T. 1. Vyp. 2. O sredstvakh soderzhaniya monastyrya* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure Before the Second Quarter of the 17th Century (1395–1625). Vol. 1. Iss. 2. On the Means of Maintaining the Monastery]. Saint Petersburg, Sinodalnaya tipografiya, 1910. 696 p.

14. Nikolsky N.K. *Kirillo-Belozerskij monastyr i yego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII veka (1397–1625). T. 2. Upravleniye. Obshchinnaya i kelejnaya zhizn. Bogoslužheniye* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure Before the Second Quarter of the 17th Century (1397–1625). Vol. 2. Management. Communal and Private Life. The Divine Service]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin, 2006. 434 p.
15. Bashnin N.V., Dmitrieva Z.V., Sharomazov M.N., eds. *Opisi stroenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1615 i 1635 gg. Teksty i issledovaniya* [Inventories of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1615 and 1635. Texts and Research]. Moscow, Saint Petersburg, Alyanc-Arkheo Publ., 2021. 600 p.
16. Dmitrieva Z.V., Sharomazov M.N., eds. *Opis stroyenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1601 g. Komment. izd.* [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1601. Comment. ed.]. Saint Petersburg, Peterburg. vostokovedeniye, 1998. 384 p.
17. Bashnin N.V., Dmitrieva Z.V., Sharomazov M.N., eds. *Opis stroyenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1621 goda. Kratkaya i prostrannaya redakcii* [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1621. Short and Lengthy Editions]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2024. 704 p.
18. Opis stroyenij i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1668 g. [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1668]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 550. Q. IV. 393 l.
19. Timoshina L.A., Kisterev S.N., eds. *Savvin Storozhevskij monastyr v dokumentah XVI veka* [Savvin Storozhevsky Monastery in Documents of the 16th Century]. Moscow, Arkhiv russkoy istorii, 1992. 94 p.
20. Sakharov I.P. Kormovaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [The Food Book of the Kirillo-Belozersky monastery]. *Zapiski Otdeleniya russkogo yazyka i slavyanskoj arkheologii Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Department of Russian Language and Slavic Archeology of the Imperial Archaeological Society]. Saint Petersburg, 1851, vol. 1, pp. 46-105.
21. Skrynnikov R.G. *Rossiya posle oprichniny. Oчерki politicheskoy i socialnoj istorii* [Russia After the Oprichnina. Essays on Political and Social History]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. 224 p.
22. Stroyev P.M. *Spiski iyerarkhov i nastoyatelej monastyrej Rossijskoj cerkvi* [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1877. 1064 cols.
23. Usachev A.S. Kniga «vladyki Ofonasya»: o vladeltse sbornika sochineniy Dionisiya Areopagita RNB. Sof. № 1188 [The Book of the “Lord Ofonasy”: About the Owner of the Collection of Works by Dionysius the Areopagite Russian National Library No. 1188]. *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 2007–2008 gody* [Archeographic Yearbook for 2007–2008]. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 92-99.
24. Shokarev S.Yu. «A dacha yego obrazy, i knigi, i milostnynye dengi... – a imyanno vsego ne ispisat»: obyem i dinamika denezhnykh vkladov Ivana Groznogo v monastyri [“His Donations Included Icons, Books, and Alms Money... – But It Is Impossible to Describe Everything”: The Volume and Dynamics of Ivan the Terrible’s Monetary Contributions to Monasteries]. *Odisej. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History], 2023, no. 2 (31), pp. 69-133.

Information About the Author

Nikita V. Bashnin, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Medieval History of Russia, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodakaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, nvbashnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2209-8750>

Информация об авторе

Никита Викторович Башнин, доктор исторических наук, заведующий Отделом средневековой истории России, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, nvbashnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2209-8750>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.7>

UDC 929.7

LBC 63.2

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 06.12.2025

DONATIONS TO THE KIRILLO-BELOZERSKY MONASTERY AS A REFLECTION OF THE SOCIO-POLITICAL EVOLUTION OF PRINCELY FAMILIES IN THE 16th CENTURY

Anton V. Sergeev

Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article analyzes the records of the donation books of the Kirillo-Belozersky Monastery in the context of studying the socio-political evolution of princely families in the Muscovite state of the 16th century. *Methods.* The study is based on the method of prosopography. *Materials.* The article is based on factual material extracted from the monastery donation books, as well as other sources. *Analysis.* Unlike many other monasteries of the Muscovite state, the archives of the Kirillo-Belozersky Monastery contain not one, but four donation books of different editions compiled in the 16th–18th centuries. A comparison of the records of princely donations showed that in later editions, due to abbreviations during copying, some important biographical information about individuals was lost. Therefore, it is crucial to prioritize the analysis of early edition texts when examining donation entries. In the donation books, most entries do not have dates, which complicates the determination of the dynamics of donations. Dating in these cases was carried out using biographical information about the contributors. The donation entries were used to identify princely families closely associated with the monastery, the social status of the contributors, their baptismal and monastic names, death dates, and marital information. The types of contributions and editing features of the donation books were also elucidated. *Results.* It was concluded that the dynamics of donations reflect the sociopolitical evolution of princely families in the 16th and early decades of the 17th centuries. Furthermore, unpublished editions of the donation books of the Kirillo-Belozersky monastery contain information about a number of individuals from princely families unknown from other sources.

Key words: princes, Kirillo-Belozersky Monastery, donations, Donation books, manuscripts, social status.

Citation. Sergeev A. V. Donations to the Kirillo-Belozersky Monastery as a Reflection of the Socio-Political Evolution of Princely Families in the 16th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 75-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.7>

УДК 929.7

ББК 63.2

Дата поступления статьи: 18.08.2025

Дата принятия статьи: 06.12.2025

ВКЛАДЫ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ КНЯЖЕСКИХ ФАМИЛИЙ В XVI ВЕКЕ

Антон Вадимович Сергеев

Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья содержит анализ записей вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря в контексте изучения социально-политической эволюции княжеских фамилий в Московском государстве XVI века. *Методы.* Основным методом исследования является просопографический – изучение биографи-

ческих характеристик группы исторических деятелей. *Материалы.* Изучен фактический материал, извлеченный из монастырских вкладных книг, а также иных источников. *Анализ.* В отличие от многих других обителей Московского государства, в архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранилась не одна, а четыре вкладных книги разных редакций, оформленных в XVI–XVIII веках. Сравнение записей о княжеских вкладах показало, что в поздних редакциях из-за сокращения при переписке исчезли некоторые важные биографические сведения об отдельных лицах. Таким образом, при анализе вкладных записей во внимание прежде всего следует принимать тексты ранних редакций. Во вкладных книгах у большинства записей отсутствуют даты, что затрудняет выяснение динамики вкладов. Датировка в этих случаях осуществлена с помощью биографических сведений о вкладчиках. По вкладным записям определены тесно связанные с монастырем княжеские фамилии, социальный статус вкладчиков, крестильные и монашеские имена, даты смерти, сведения о брачных союзах, а также выяснены виды вкладов, особенности редактирования вкладных книг. *Результаты.* Сделан вывод о том, что динамика вкладов отражает социально-политическую эволюцию княжеских фамилий в XVI – первых десятилетиях XVII века. Кроме этого, неопубликованные редакции вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря содержат неизвестные по другим источникам сведения о ряде лиц княжеских фамилий.

Ключевые слова: князья, Кирилло-Белозерский монастырь, вклады, вкладные книги, рукописи, социальный статус.

Цитирование. Сергеев А. В. Вклады в Кирилло-Белозерский монастырь как отражение социально-политической эволюции княжеских фамилий в XVI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 75–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.7>

Введение. Под социально-политической эволюцией княжеских родов на протяжении XVI – первых десятилетий XVII в. в настоящей статье понимаются изменения численности фамилий, положения в составе «правлящей элиты», политической роли в жизни Русского государства. Изучение этого процесса тесно связано с историко-биографическими исследованиями. Ценным источником необходимых сведений являются монастырские вкладные книги. Задачи настоящей статьи: осуществить датировку вкладных записей, определить виды и динамику княжеских вкладов в Кирилло-Белозерский монастырь (далее – КБМ); уточнить биографии князей, княгинь; установить особенности вкладных книг КБМ как исторического источника. Приведенный ниже порядок рассмотрения вкладов по группам княжеских фамилий («Князья служилые», «Князья Оболенские» и др.) соответствует разделам Дворовой тетради 1550-х годов. Запись князей в этом памятнике осуществлялась в соответствии с их статусом в середине XVI в. [11, т. 1, с. 53–260].

Методы и материалы. Метод решения указанных выше задач – просопографический, а основными источниками исследования являются вкладные книги [11, т. 1, с. 9]. Ведение вкладных книг в монастырях Московского государства было предписано решением Стоглавого собора 1551 г. [7]. К сожа-

лению, во многих случаях эти ценные памятники до нашего времени не дошли. Счастливым исключением является комплекс из четырех вкладных книг КБМ. Один из списков ранней редакции этих памятников опубликован А.И. Алексеевым [2]. Ценные наблюдения над особенностями ведения этой учетно-хозяйственной документации сделаны З.В. Дмитриевой [7]. В частности, отмечена практика сокращения текста при переписывании монахами документов данного вида. Следовательно, при использовании вкладных книг КБМ необходимо опираться на наиболее полные редакции вкладных записей. Примером указанного подхода является работа о вкладах Годуновых [8]. Она основана на данных из другой рукописи первой редакции вкладной книги, содержащей более подробные записи в сравнении с опубликованной [2].

Создание второй редакции вкладной книги КБМ происходило между 1618 и 1640 гг. [3]. Третья редакция 1680-х гг. имеет наибольший объем [4]. Записи о вкладах вносились в нее до 1775 года.

Анализ. Во вкладных книгах не у всех записей поставлены даты, что затрудняет определение динамики вкладов. Датировку можно осуществить с помощью биографических сведений о вкладчиках. Кроме того, следует учесть, что в опубликованную редакцию включены записи до начала 1560-х гг. [2, с. 20–23].

Если сведений о вкладе в этом тексте нет, то он должен был поступить после 1560 года.

О более высоком статусе КБМ в сравнении с другими региональными обителями свидетельствует стоимость «вечного поминания». Между 1525 и 1532 гг. она была установлена игуменом Феодосием «з братиею» в размере 50 руб. [2, с. 26, 66], тогда как в Ростовском Борисоглебском, Ярославском Толгском монастырях составляла около 30 руб. [13, с. 53; 14, с. 83].

В общей сложности за XVI в. вкладные книги содержат записи о вкладах в КБМ представителей более 40 княжеских фамилий из Оболенских, Ростовских, Суздальских, Ярославских, Стародубских, Белозерских и других Рюриковичей, а также Гедиминовичей.

Князья служилые. Большие вклады давали князья, принадлежавшие к первостепенной знати государева двора, крупнейшие землевладельцы. Некоторые из них сохраняли части своих прежних удельных княжеств (Воротынские), а другие получили во владение целые волости, иногда даже уезды (Бельские, Мстиславские, Глинские). В Дворовой тетради и других реестрах государева двора XVI в. им было присвоено особое наименование «Князья служилые» [11, т. 1, с. 52–53].

Вероятно, через вдову князя Андрея Ивановича Старицкого княгиню Евфросинию Андреевну (*Хованскую*) установились связи между КБМ и домом удельных князей Старицких. Сама княгиня внесла крупный вклад (100 руб.) в обеспечение поминания отца (князя Андрея Федоровича Хованского), матери (княгини-инокини Варсонофьи) и брата (князя Ивана Андреевича). Примерно такую же сумму (90 руб.) «пожаловал» Иван Грозный по князю Андрею Ивановичу Старицкому, его княгине Евфросинии (в инокинях Евдокии), их сыну Владимиру, а также внукам князя Василия и «дву дочерех» князя Владимира [4, л. 19 об.]. Этот вклад, вероятно, следует датировать 1573 г. – по времени кончины сына князя В.И. Старицкого Василия [10, с. 33].

Сокращение текста переписчиками подтверждается сравнением записей вкладных книг первой и третьей редакций. Так, вкладная запись князя И. Хованского, приблизительно датированная 1550 г.: «Месяца апреля дал князь Иван Хованской 20 рублев. А написали

в сенаники: 3 имяна во вседневной на пять лет, а в вечной сенаник без выгладки. А за его здравие Бога молити. А Бог пошлет по душу, ино его написати в оба сенаника по тому же» [2, с. 59]. В рукописи третьей редакции эта запись сжата в одно предложение: «Князь Иоанн Хованской дал вкладом дватцать рублев» [4, л. 109].

Противоположный пример – другая поминальная запись Хованских 1567/68 годов. В ней сообщается о родстве с Белозерскими Рюриковичами князьями Согорскими: «князя Даниила Василиевича Хованского сожителница его княгини Соломония, во иноцех Александра, дочь князя Константина Ахметекевича Согорскаго дала вкладом вотчину свою в Пошехонском уезде село Тутаново з деревнями и с пустошми и со всеми угодьи» [4, л. 109]. В первом браке, заключенном до 1542 г., княгиня Соломония была супругой князя Андрея Юрьевича Пронского [12, с. 49]. Из этой записи определяется приблизительное время кончины князя Д.В. Хованского, выясняется имя, принятое при пострижении княгиней, подтверждается ее принадлежность к линии князя Ивана Ахметека Ивановича, а не его брата князя Ивана Лыско. В книге первой редакции эта запись приведена в сокращенном виде без упоминания князя Константина, а во второй отсутствует [3, л. 115]. Вероятно, при оформлении книги третьей редакции не ограничили только сведениями из первой, но использовали иные источники (грамота из копийной книги или другая вкладная книга первой редакции, но с более подробными записями) [7; 9, с. 131].

О родстве князей Хованских и Пронских свидетельствует поминальный вклад (50 руб.) княгини Евфросинии Старицкой «по сестре по своей по княгине Проньского» [2, с. 29]. В рукописях второй и третьей редакций сообщается имя «сестры»: «Княгиня ж Евфросиния по сестре своей княгине Фотиние Пронского дала вкладом пятьдесят рублев» [3, л. 28 об.; 4, л. 36 об.]. К сожалению, из текста неясно, подразумевалась сестра родная, двоюродная или троюродная. Княгиня Фотиния была женой боярина князя Даниила Пронского [12, с. 54, 58, 80].

Вклад царя «по князе Михайле *Черкасском* сто тритцать рублев» можно датировать

1571 г. [4, л. 19 об.]. Князь Михаил Темрюкович погиб около этого времени [17, с. 425, 434].

Вкладные записи отражают устойчивость статуса неизменно пользовавшихся расположением Ивана Грозного князей *Глинских*. Один из первых вкладов был сделан между 1536 и 1556 гг.: «По князе Михайле Лвовиче Глинском дали на помин пятьдесят восемь рублей» [4, л. 65]. Князь М.Л. Глинский умер в заключении в 1536 г., но поминальный вклад по нему мог поступить позднее, например, от его сына князя Василия [17, с. 86, 88]. В данном случае снова имеет место редукция текста переписчиком. В первой редакции записано: «По князе Михайле Лвовиче Глинском дали 58 рублей. И за то даяние написан в оба сенаника без выкладки, доколе монастырь стоит» [2, с. 49].

Датирован 1559/60 г. крупный денежный вклад царя по боярину князю М.В. Глинскому: «Лета 7068 царь государь и великий князь Иоанн Василиевич всея Руси пожаловал по князе Михайле Василиевиче Глинском да по княгине его Феодотии, во инокинях Феодосии, четьреста рублей» [4, л. 65]. Вероятно, в записи указана вторая супруга князя М.В. Глинского – княжна Евдокия Федоровна Скопина. Она приняла постриг после смерти мужа и прожила в монашестве до 1570 г. [11, т. 2, с. 193–195, 252]. Несовпадение имен княгини можно объяснить как ошибкой переписчика, так и распространенной в XVI в. двуименностью. В данном случае Феодотия могло быть крестильным (молитвенным) именем княгини.

Интересна запись, свидетельствующая о родстве князей Глинских и Ярославских Рюриковичей Судских: «Князя Иоанна Феодоровича Судского княгини Агрипины по зяте своем по князе Василие Михайловиче Глинском дала двести рублей денег. Да по дщери своей по княгине Ирине дала пятьдесят рублей» [4, л. 65]. В публикации книги первой редакции этой записи нет, поэтому датировать ее следует временем после 1560 года. Князь В.М. Глинский (молитвенное имя Прокопий) умер в 1564 г. [11, т. 1, с. 431]. Вероятно, вскоре скончалась княгиня И.И. Судская. Далее следует дополнение: «И князь Михайло Василиевич и княгини его инокиня Феодосия и князь Михайло Лвович, и князь Василий Михайлович, и княгини его Ирина в синодики написаны. А помин по них

сентября 28, июня 11, августа 3 день. Понахиды поют и литургии служат собором» [4, л. 65 – 65 об.]. Вклад княгини Агрипины в КБМ мог поступить около 1564 года.

Знатнейшей фамилией в Московском государстве являлись Гедиминовичи *Бельские* [11, т. 1, с. 55–56]. Поминальный вклад (50 руб.) «по князе Иоанне Феодоровиче Белском» его супруги княгини Ксении датируется временем гибели князя И.Ф. Бельского в 1542 г. [2, с. 29, 67; 4, л. 66]. Князь И.Ф. Бельский был женат на сестре князя П.М. Щенятева [15, с. 356–357].

Небольшой вклад (10 руб.) был дан около 1551 г. старшим братом князя Ивана боярином князем Дмитрием Федоровичем по супруге «княгине иноке Александре» [4, л. 66 об.]. Жена князя Д.Ф. Бельского перед смертью приняла постриг под именем Александра (в миру ее звали Марфой). Она была дочерью боярина И.А. Челяднина [2, с. 50, 76].

После гибели в мае 1571 г. семьи князя И.Д. Бельского царь в 1575/76 г. «по боярине по князе Иоанне Димитриевиче Бельском пожаловал в Ростовском уезде село Спасское и Фатьяново с деревнями да в Московском уезде селцо Пирогово с пустошами» [4, л. 66; 17, с. 427]. Эта запись дополняет сведения о землях князя И.Д. Бельского. Для уточнения родословной Бельских важна еще одна запись: «болярин Иоанн Димитриевич, а имя ему Леонтий, и по отце его иноке Изосиме, и по матери его иноке Александре и по сожителнице его княгине Марфе, и их дети князь Василий младенец, князь Иоанн младенец, князь Феодор младенец, княжна Анна младенец, княжна Анастасия в синодики написаны. А помин по них и по их родителях сентября 2, генваря 13, мая 24, июня 20» [4, л. 66 – 66 об.].

В КБМ давали также вклады нетитулованные Бельские – Богдан Яковлевич и др. Переписчик объединил их записи с княжескими [4, л. 66 – 66 об.].

После пресечения Бельских первенство в Боярской думе перешло к *Мстиславским* [17, с. 429]. В ранней редакции вкладной книги отмечен вклад князя Ивана Федоровича, данный до 1560 г. [2, с. 30]. В ходе начавшейся после смерти Ивана Грозного политической борьбы знатнейший из бояр князь И.Ф. Мстиславский был пострижен и отправлен в КБМ. Около 1586 г. в обитель поступил поминальный вклад

(50 руб.) от его сына Федора «по отце своем князе Иоанне, во иноцех Иосифе» [4, л. 79].

В КБМ располагалась фамильная усыпальница князей *Воротынских*, поэтому большое число крупных пожертвований от них неслучайно [3, л. 37–41]. В 1548/49 г. 100 руб. в обитель внес князь Владимир Иванович [4, л. 81]. Известный воевода князь Михаил Иванович в 1553/54 г. дал 300 руб. «по брате своем князе Владимире Иоанновиче». Супруга князя В.И. Воротынского княгиня Марья «в дом Пречистые Богородицы и чудотворцу Кирилу дала вотчину свою в Бежецком Верху селцо Тереботун з деревнями и с пустоши. И за то вотчинное даяние и по приказу построена над князем Владимиром Иоанновичем церковь каменная великаго князя Владимира Киевскаго» [4, л. 81 – 81 об.]. Княгиня Марья происходила из княжеской фамилии Телепневых-Оболенских [11, т. 2, с. 205]. В КБМ Воротынскими было также передано немало вкладов вещами [4, л. 81 об. – 82 об.].

В 1557/58 г. князь Михаил Иванович дал 200 рублей. От него же в 1566/67 г. поступили в обитель 150 руб. и «того ж году» еще 100 руб. [4, л. 83].

Младший из братьев Воротынских князь Александр «по сожителнице своей княгине Ирине» внес в КБМ 50 руб. [4, л. 82 об.]. Около 1566 г. царь «по князе Александре Иоанновиче Воротынском» пожертвовал большую сумму 250 руб. деньгами, а также вещи [4, л. 83].

Спустя значительное время после гибели князя М.И. Воротынского в 1573 г. его сын боярин князь Иван Михайлович в 7114 (1605/06) г. «по отце своем по князе Михаиле Иоанновиче да по брате князе Логине Михайловиче» передал КБМ 200 руб. [4, л. 83 об.; 17, с. 475–477]. По этой записи устанавливается молитвенное имя умершего в июле 1584 г. князя Дмитрия Михайловича [11, т. 1, с. 604].

От князя Петра *Щенятева* в КБМ поступил вклад по отцу «князе Михайле Даниловиче да по брате своем князе Василии Михайловиче сто пятьдесят рублей да евангелие напрестолное, да образ Спаса Христа в приписи чудотворцы обложен серебром за пятьдесят рублей» [2, с. 31; 4, л. 128]. Боярин князь П.М. Щенятев погиб в опале в 1566 г. [17, с. 297–298]. Тем не менее Иван Грозный дал по нему в обитель большой вклад – 500 руб. [4, л. 20].

Во второй трети XVI в. приобрела большое влияние в Московском государстве ветвь *Оболенских* Рюриковичей, но тесных связей с КБМ у них не установилось [11, т. 1, с. 97–100; 17, с. 118]. Наиболее видные князья давали в обитель разовые, как правило небольшие вклады. Так, монахом стал старший из сыновей князя И. Репни Василий. От него «на гроб чудотворца Кирилла» был передан «покров с чудотворцевым образом» [2, с. 62; 4, л. 121]. Брат князя В.И. Репнина боярин князь Петр Иванович принял постриг перед кончиной. Он пожертвовал КБМ только 5 руб. [2, с. 52; 4, л. 121]. В Московском государстве имела место практика завешания сравнительно небольших вкладов для поминания в разных монастырях [1, с. 92]. Вероятно, вклад в КБМ был назначен князем Петром в духовной грамоте. Вкладная запись сообщает его иноческое имя Пафнотий. Связи Репниных с КБМ не были тесными. Косвенно это обстоятельство подтверждает пострижение князя В.И. Репнина в Корнильево монастыре, а не в КБМ [11, т. 1, с. 83].

Князь Ф.В. Лопата-Телепнев погиб в бою под Казанью в 1530 г., но поминальный вклад (50 руб.) по нему помечен 1558/59 г. [4, л. 125 об.]. В ранней редакции эта вкладная запись не датирована [2, с. 36].

Загадку представляет запись о князе Максиме *Пенинском*, давшем в КБМ 10 руб. [2, с. 52; 4, л. 212]. В данном случае, по-видимому, указано крестильное, а не мирское имя. Однозначно определить, кто из Пенинских подразумевался, нельзя [11, т. 2, с. 208–209].

По последнему из князей *Стригинных-Оболенских* Ивану Александровичу дали в 1555/56 г. поминальный вклад (50 руб.) «по духовной грамоте» душеприказчики «князь Димитрей Иванович Курлятев с товарищи» [2, с. 46; 11, т. 1, с. 87].

Наряду с князем Д.И. Курлятевым видное положение в государевом дворе заняли князья Немые [11, т. 1, с. 76]. Боярин князь Иван Васильевич Немой «обложил образ Пречистые Богородицы за дватцать пять рублей. Да после ево дано дватцать ж пять рублей» [2, с. 36; 4, л. 184]. В общей сложности вкладов Немых хватило для записи в синодики и кормовую книгу князя Ивана и его сына князя Дмитрия [4, л. 184]. В начале 1560-х гг. боярин князь Д.И. Немой попал в опалу и был

насиленно пострижен в Иосифо-Волоколамском монастыре, где и умер [11, т. 1, с. 76]. Все же в 1560/61 г. «царь государь и великий князь Иоанн Василиевич всяя Руси по князе Дмитрии Немом пожаловал пятьдесят рублей» [4, л. 184].

По казненному в опале за попытку отъезда в Литву в 1564 г., не имевшему близкой родни князю Петру *Горенскому* Иван Грозный дал 50 руб. [4, л. 217 об.; 11, т. 1, с. 79, 434; 17, с. 207, 241].

Еще при жизни в два приема по себе и супруге внес 100 руб. князь Осип Тимофеевич *Тростенский* [2, с. 30; 4, л. 176]. В рукописи третьей редакции вклад датирован 1559/60 г., тогда как князь Осип скончался 1 августа 1557 г. [11, т. 1, с. 89].

От князя Никиты Васильевича Оболенского (Тюфякина?) поступил в 1569/70 г. не большой вклад (10 руб.) [4, л. 108 об.].

В XVI в. с князьями *Ростовскими* в КБМ связано всего три вклада. Около 1538 г. по жене княгине Марье и по себе дал 25 руб. боярин князь А.А. Хохолков [2, с. 51, 77; 4, л. 107].

Супругой другого видного Ростовского Рюриковича боярина князя Андрея Дмитриевича была сестра Ивана Ивановича Хабарова Ирина. После смерти мужа она постриглась под именем Марины [11, т. 1, с. 106]. Поминальный вклад (50 руб.) по ней внес ее брат [2, с. 33; 4, л. 171 об.].

Жена князя Василия Федоровича Бахтеярова (во иноцех Варлама) княгиня Софья («во святом крещении нареченная Фекла») дала 50 руб. по умершему около 7107 (1598/99) г. супругу [4, л. 107 об.]. В данном случае уникально сообщение о молитвенном имени княгини.

Немного вкладов поступило от имевших большой «политический вес» князей *Суздальской* ветви Рюриковичей.

Вероятно, около 1560 г. от боярина князя Федора Ивановича *Скопина-Шуйского* было передано «паникадило сребрено за двенадцать рублей» [4, л. 60]. В книге первой редакции соответствующей записи нет, и можно заключить, что указанный вклад был дан в КБМ после 1560 года. Князь Ф.И. Скопин умер в 1558/59 г. [11, т. 2, с. 252]. Возможно, паникадило предназначалось монастырю по завещанию, но душеприказчики задержались с его доставкой в обитель.

Наиболее влиятельный среди князей Суздальских в 1550-х гг. боярин князь Александр Борисович *Горбатый* в 1559/60 г. в КБМ «по сожителнице своей и по своей душе дал вкладом сто рублей» [2, с. 31; 4, л. 157]. Сложно однозначно интерпретировать запись «По княгине Марии Горбатого дано десять рублей» [2, с. 61, 79; 4, л. 244]. В данном случае речь может идти о супруге кого-то из князей Горбатовых-Шуйских или Мосальских-Горбатовых.

В 1587 г. был сослан и вскоре погиб знаменитый военачальник боярин князь Иван Петрович Шуйский. Поминальный вклад по нему (100 руб.) поступил в 1588 г. [16, с. 58–59]. Вкладчиками КБМ являлись дед и отец князя И.П. Шуйского. Между 1542 и 1564 гг. они сделали денежные вклады на общую сумму 432 руб. [2, с. 34].

От *Ярославской* ветви Рюриковичей КБМ досталось немало пожертвований в XVI веке. Князь Давыд Данилович Хромой передал в обитель «вотчину свою село Однолетово» [2, с. 36; 4, л. 217]. Он скончался около 1535/36 г., и вклад, вероятно, поступил тогда же [11, т. 2, с. 263]. Власти КБМ продали полученное село за 160 рублей.

Тесные связи с КБМ князей *Кубенских* объясняются размещением в обители погребений некоторых лиц этой фамилии. Лидирующие позиции среди князей Ярославских в 1540-х гг. занимали братья князья Иван и Михаил Кубенские. Вклады по боярину князю И.И. Кубенскому поступили в 1546 г. [2, с. 32; 4, л. 68]. Князь Иван был казнен в опале 21 июля 1546 г., но от царя по нему был дан в КБМ крупный денежный вклад – 100 руб. [4, л. 20; 11, т. 2, с. 268]. Боярин князь Михаил Иванович пережил брата ненадолго. Он умер в 1549/50 г. и похоронен в КБМ. Его душеприказчики боярин князь Д.Ф. Палецкий и Ф.И. Сукин передали в обитель «по князе Михайле Иоанновиче Кубенском и по его родителех в Дмитровском уезде село Куликово з деревнями за шесть сот рублей, да денгами дали 200 рублей» [2, с. 31–32]. Поминальные вклады по князю М.И. Кубенскому поступали также от царя [4, л. 20, 67 об.].

Вкладчиками КБМ являлись претендовавшие на старшинство в ветви Ярославских Рюриковичей князья *Пенковы* [2, с. 31, 60; 4, л. 73–73 об.]. Князь Иван Данилович был женат на родной сестре правительницы Елены

Глинской княжне Марье Васильевне, а другим браком на дочери боярина князя Андрея Михайловича Шуйского. Супругой его брата князя Василия стала княжна из ветви Тверских Рюриковичей Анна Осиповна Дорогобужская [11, т. 1, с. 146–149].

Вниманием царя пользовались князья *Судские*. В КБМ Иван Грозный «пожаловал по князе Иоанне Феодоровиче Судском» 200 р. [4, л. 69]. Вклады денежные и вещевые поступили в обитель также от самого князя И.Ф. Судского и его супруги [2, с. 37; 4, л. 69].

В 1555/56 г. царем был дан поминальный вклад (50 руб.) по не оставившему мужского потомства князю Семену Федоровичу *Алабышеву* [2, с. 45, 74].

Связи с КБМ князей *Прозоровских*, *Сицких*, *Ушатых*, вероятно, были обусловлены относительной близостью к обители их вотчин в Ярославском Заволжье. В начале 1550-х гг. умер князь Ф.А. Прозоровский. По видимому, в соответствии с завещанием его сыновья, князья Михаил и Никита, сделали поминальный вклад в 1551/52 г. 200 руб. «по отце своем по князе Федоре Андреевиче, а во иноцех Феодосей» [2, с. 40; 4, л. 118].

На княжне Ирине Прозоровской женился родной брат известного воеводы, покорителя Астраханского ханства князя Юрия Ивановича Шемякина Пронского князь Никита. Этот союз длился недолго вследствие преждевременной смерти супругов в середине 1550-х гг. [12, с. 58]. Вероятно, около этого времени мать княгини Ирины княгиня Агриппина внесла в КБМ поминальный вклад (50 руб.) [2, с. 40]. Во вкладной книге третьей редакции эта запись воспроизведена искаженно: «Княгиня Агриппина Прозоровских по княгине Ирине дочери князя Никиты Шемякина Пронского дала вкладом пятьдесят рублей» [4, л. 118]. От княгини Агриппины в КБМ поступили еще два других вклада [2, с. 40; 4, л. 118–118 об.].

Племянник князя Ф.А. Прозоровского князь Василий Иванович в 1565/66 г. внес в КБМ по отцу князю Ивану Андреевичу 27 руб. [4, л. 119].

Мало определенных сведений о судьбах в период опричнины сыновей князей И.А. и Ф.А. Прозоровских [11, т. 1, с. 523]. Поминальный вклад (50 руб.) в КБМ жены князя Михаила Федоровича княгини Елены «по

сожителе своем» не датирован в рукописи третьей редакции. Переписчик опустил важное указание «дала вкладу в 75-м году при игумене Кириле» [3, л. 95]. 9 марта 1570 г. в КБМ поступил большой поминальный вклад (100 руб.) от князя Ивана Андреевича Шуйского «по княгине иноке Александре Прозоровской» [4, л. 118 об.]. Возможно, в этой записи подразумевается княгиня Елена (Алена), принявшая монашество после смерти мужа под именем Александры. Снова переписчиком пропущено уточнение «и за те денги и за прежнее давание княгиню иноку Александру написали в оба сенаника в вседневной и в вечной», то есть от княгини в обитель уже делались вклады [3, л. 95 об.].

В 1571/72 г. в КБМ дали вещевой вклад братья князя Василий и Андрей Александровичи «по отце своем Александре и матери Пелагии» [4, л. 118 об.].

Таким образом, можно датировать кончину князей Михаила Федоровича и Александра Ивановича Прозоровских временем опричнины – 1566/67 и 1571/72 гг. соответственно. Крупные вотчины Прозоровских в Ярославском уезде были взяты в дворцовые земли «на государя». Их удалось вернуть только внукам князя А.И. Прозоровского князьям Семену и Матвею Васильевичам в XVII в. [11, т. 2, с. 9, 12].

В КБМ принял постриг князь Семен («во иноцех Серапион») Федорович *Сицкий*. Он умер 7 марта 1555 г. [2, с. 37]. Это редкий для XVI в. случай, когда время кончины указано точно. Еще при жизни им был дан большой денежно-вещевой вклад на сумму свыше 200 рублей. В поздней редакции запись о вкладе князя С.Ф. Сицкого помечена 1568/69 г., что, очевидно, неверно, а сообщение о его смерти «Лета 7063-го месяца марта 7 день» потеряно [4, л. 126 об.].

Крупный вклад (100 руб.) сделала вдова брата князя С.Ф. Сицкого князя Юрия Меньшого княгиня Мария в 1540-х гг. [2, с. 44]. В рукописи третьей редакции эта запись сильно сокращена, а сумма вклада показана 150 руб. [4, л. 126 об.].

Небольшие пожертвования, вероятно, данные по завещаниям, поступили от княгини Ксении, князя Ивана Юрьевича Сицких, княгини Феодоры по мужу князю Василию Чулкову

Ушатому, а также по князю Ивану Ушатому и его жене княгине-инокине Киликее (Мятлевой?) [2, с. 51, 60, 61, 65; 4, л. 127 об., 210, 213].

Около 1589 г. на воеводстве в Астрахани умер князь Петр Иванович Хворостинин. Его старшие братья дали в КБМ поминальный вклад (50 руб.) в 7100 (1591/92) г. [4, л. 128 об.; 11, т. 1, с. 634].

Связи с КБМ поддерживал наиболее видный из *Стародубских* Рюриковичей во второй трети XVI в. боярин князь Дмитрий Федорович *Палецкий*. Его дочь княжна Ульяна была выдана замуж за брата Ивана Грозного князя Юрия Васильевича. В 1560 г. от царя в КБМ поступил поминальный вклад (50 руб.) «по племяннике своем по князе Василии Юриевиче» [4, л. 12]. Иван Грозный дал два крупных денежных вклада – 120 и 130 руб., а также вещи и «в Бежецком Верху в Ыногостицкой волости» село Вильгошье с деревнями по самому князю Д.Ф. Палецкому [4, л. 70].

При жизни боярин князь Д.Ф. Палецкий передал в КБМ ряд вкладов деньгами и вещами на несколько сотен рублей по двоюродному брату князю Давыду Федоровичу и своей супруге [2, с. 31, 46, 60; 4, л. 70 об.].

Между 1564 и 1579 гг. в сражениях Ливонской войны из пяти сыновей князя Д.Ф. Палецкого погибли четверо. По убитому в 1564 г. князю Федору 50 руб. было «на помин дано». В 1565/66 г. князья Василий, Андрей, Борис Дмитриевичи Палецкие по братьям князьям Семене и Федоре внесли в обитель 175 руб. «да чарку золоту за семдесят пять рублей». В 1567 г. от ран умер князь Василий. Поминальный вклад (100 руб.) по нему передал в КБМ князь М.И. Воротынский [4, л. 70 об. – 71]. В сентябре 1579 г. в бою под крепостью Сокол погиб князь Андрей. Его большие вотчины в Пошехонском уезде села Горинское и Петровское были взяты «на государя», а в КБМ дан большой поминальный вклад (2 000 руб.). Царский вклад «по князе Димитрие Феодоровиче Палецком и по его княгине иноке Марфе, по их детех князе Симеоне, князе Василие, князе Феодоре, князе Андрее, князе Борисе в Костромском уезде вотчину их село Стретенское з деревнями и с пустошми» помечен 1582/83 г. [4, л. 70]. Младший сын князя Д.Ф. Палецкого постригся в КБМ и сделал крупный вклад: «Князь Борис Димитриевич

Палецкой, во иноцех Боголеп, к иконе чудотворца Кирилла приложил пелену з жемчюги и з дробницы за триста рублей» [4, л. 71]. В монастыре он прожил до 1608 г. [11, т. 2, с. 371].

Два вклада в КБМ поступили от *Ромодановских*. По умершему в 1551 г. князю Андрею Нагаю было дано 10 руб. [2, с. 59; 11, т. 2, с. 353]. В 1563/64 г. 50 руб. внес князь Федор Борисович. В 1569/70 г. по его родному брату князю Ивану «во иноцех Мардарии дано вкладом шатер да платья и всякия рухляди на пятьдесят рублей» [4, л. 123].

Сыновья князя Ивана Александровича *Кривоборского* князья Андрей, Василий, Иван, Федор, Василий Меньшой по отцу дали в КБМ поминальный вклад 50 руб. в 1559/60 г. [2, с. 50]. После 1560 г. князь В.И. Кривоборский «з братиею» «по отце ж своем и по матери княгине Евдокие дали вкладом в Белозерском уезде на реке Суде селцо Старой Погост з деревнями и с починки» [6, с. 55–56]. По супруге Ольге князь Василий Иванович пожертвовал в обитель 50 руб. [4, л. 156].

Близкими соседями КБМ являлись князья Кемские из *Белозерской* ветви Рюриковичей. Несмотря на скромные достижения на службе, их благосостояние было хорошим и князья имели возможность делать в обитель значительные вклады [2, с. 35–36, 61; 4, л. 124–124 об.]. Как установил А.Л. Грязнов, связи Кемских с КБМ были настолько тесными, что они хранили в этой обители свой архив [5, с. 177–199]. В XVI в. разовые вклады делали князья Андомские, Вадбальские (Чесноковы), Согорские [2, с. 51, 52; 4, л. 185–185 об., 210 об.].

В КБМ были даны вклады по двум наиболее видным князьям ветви *Тверских* Рюриковичей. 1559/60 г. помечены вклады 50 руб. по умершему около 1540 г. князю Василию Андреевичу Микулинскому и 150 руб. по его племяннику, скончавшемуся в 1559 г., знаменитому воеводе князю Семену Ивановичу [2, с. 30; 4, л. 72; 11, т. 2, с. 403–404].

Из *Рязанских* Рюриковичей вклады в КБМ давал боярин князь Иван Иванович Турунтай *Пронский*. В 1555/56 г. от него поступили в обитель 106 руб., а также «двор на Москве». Брат (двоюродный, троюродный?) князя В.А. Старицкого князь Петр Данилович передал КБМ 50 рублей. Погибший в период опричнины их родственник князь Василий Фе-

дорович Рыбин при продаже вотчинного села КБМ «не донял 10 рублей», обеспечив поименование отца [2, с. 45, 65; 4, л. 120; 12, с. 58–59].

В период опричнины на короткое время повысился статус князей *Вяземских*. Единственный вклад, поступивший в КБМ от этой фамилии, относится к 1570/71 г.: жена князя Василия Вяземского княгиня Агриппина внесла «по сожителю своему» 50 руб. [4, л. 121]. Вероятно, в записи указан старший брат известного опричника, оружничего князя Афанасия, князь Василий Иванович Волк [11, т. 2, с. 454].

Результаты. Большинство князей, делавших вклады в КБМ в XVI в., имели высокий общественный статус, близких родственников в Боярской думе или сами являлись боярами и окольничими (Бельские, Глинские, Хованские, Щенятевы, Мстиславские, Воротынские, Горбатые-Шуйские, Курлятевы, Репнины, Немые, Микулинские, Пронские, Пенковы, Кубенские, Сицкие, Ушатые, Прозоровские, Палецкие и др.). Особый случай – это не преуспевшие на службе князья Кемские. Малочисленность вкладов князей Оболенских, Ростовских, Суздальских объясняется тем, что во второй трети XVI в. они сохраняли крупные вотчины в «родовых гнездах» и вносили пожертвования в свои местные обители.

Неоднократно поступали в КБМ значительные вклады от Ивана Грозного по опальным князьям.

Динамика княжеских вкладов отражает социально-политическую эволюцию княжеских фамилий. Максимум пожертвований, среди которых преобладали денежные, приходится на вторую треть XVI века. Этот период являлся временем благополучия для большинства князей. Заметное сокращение числа вкладов в последних десятилетиях XVI в. объясняется уга-

санием многих фамилий вследствие войн, репрессий Ивана Грозного, эпидемий, а также снижением благосостояния остальных. Из 19 вышеперечисленных влиятельнейших княжеских фамилий к 1600 г. остались только 8, численный состав которых заметно уменьшился (Мстиславские, Воротынские, Репнины, Сицкие, Ушатые, Прозоровские, Пронские, Хованские). Указанный факт свидетельствует о переживавшемся князьями кризисе [11, т. 2, с. 112–117]. Рост числа вкладов произошел после Смуты начала XVII в. и был обусловлен замещением угасших княжеских фамилий вкладчиков Трубецкими, Одоевскими, Голицыными, Черкасскими, Приимковыми-Ростовскими и др. [4, л. 26, 92 – 96 об., 107 – 107 об., 112–115, 117, 170 об.]. Сохранили связи с КБМ князья из фамилий, переживших кризисные десятилетия (Ф.И. Мстиславский, И.М., А.И. и И.А. Воротынские, Шуйские, Сицкие, Прозоровские) [4, л. 27, 59 об. – 60, 79 – 79 об., 84–91, 119, 126 об. – 127].

Данные вкладных книг позволяют выделить основные виды вкладов, делавшихся князьями. Помимо денег вносились предметы церковного обихода: иконы, сосуды и др. Реже передавали коней, зерно, овес [2, с. 31, 37, 42, 43, 60, 61, 62]. Нетипичное пожертвование сделала княгиня М. Воротынская, отдав властям КБМ кабалу на князя Д.И. Немого-Оболенского в 210 руб., «а в тех денгах князь Дмитрий Иванович заложил половину своего села» [2, с. 42–43]. Передача вотчин происходила нечасто и, как правило, князьями, не имевшими сыновей (И.Ф. Судским, М.И. Кубенским, В.И. Воротынским) [2, с. 31, 37, 42]. Случаи пострижения князей в КБМ малочисленны: С.Ф. Сицкий, Б.Д. Палецкий, И.Ф. Мстиславский, И.П. Шуйский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / сост.: С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.: Памятники ист. мысли, 1998. 638 с.
2. Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4. С. 17–117.
3. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 351. Д. 78/1317. 451 л.
4. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 351. Д. 87/1325. 799 л.

5. Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда: Древности Севера, 2019. 603 с.
6. Грязнов А. Л., Сергеев А. В. Реконструкция и картографирование родового землевладения на примере Стародубских Рюриковичей // Историко-географический журнал. Екатеринбург. 2023. Т. 2, № 2. С. 46–67.
7. Дмитриева З. В. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря (1559/1560 – 1620-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 5 (59). URL: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1>
8. Дмитриева З. В., Павлов А. П. Вклады Годуновых в Кирилло-Белозерский монастырь // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 18–29.
9. Енин Г. П. Описание документов XIV–XVII вв. в копиях книг Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.: РНБ, 1994. 452 с.
10. Панова Т. Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Федер. гос. учреждение «Гос. ист.-культ. музей-заповедник “Московский Кремль”», 2010. 71 с.
11. Сергеев А. В. Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII века: в 2 т. СПб.: ДЕАН, 2023. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 656 с.
12. Сергеев А. В. Князья Пронские в Русском государстве XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование // Российская генеалогия. М.: Старая Басманная, 2023. Вып. 14. С. 38–100.
13. Сергеев А. В. Письменные памятники Ярославского Толгского монастыря как источник биографических сведений о представителях княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 2017. Ростов Великий: Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2018. С. 45–62.
14. Сергеев А. В. Представители княжеских фамилий XVI–XVII в. во вкладных и кормовых монастырских книгах из коллекции А.А. Титова // История и культура Ростовской земли. 2014. Ростов Великий: Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2015. С. 75–84.
15. Сергеев А. В. Представители княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII веков во вкладных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Вып. 4. М.: Добрая мысль, 2017. С. 326–374.
16. Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с.
17. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 571 с.

REFERENCES

1. Kisterev S.N., Timoshina L.A., eds. *Akty Suzdalskogo Spaso-Evfimyeva monastyrya 1506–1608 gg.* [Acts of the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery of 1506–1608]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 1998. 638 p.
2. Alekseev A.I. Pervaja redakcija vkladnoj knigi Kirillova Belozerskogo monastyrya (1560-e gg.) [First Redaction of the Donation Book of Kirillo-Belozersky Monastery (1560s)]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2010, no. 3/4, pp. 17–117.
3. Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Donation Book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Otdel rukopisej Rossijskoy natsionalnoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 351, d. 78/1317. 451 l.
4. Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Donation Book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Otdel rukopisej Rossijskoy natsionalnoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 351, d. 87/1325. 799 l.
5. Grjaznov A.L. *Belozerskiye akty XIV–XVI vv. Issledovaniye i perechen* [Belozersk Acts of the 14th – 16th Centuries. Research and List]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2019. 603 p.
6. Grjaznov A.L., Sergeev A.V. *Rekonstrukciya i kartografirovaniye rodovogo zemlevladieniya na primere Starodubskih Ryurikovichej* [Reconstruction and Mapping of Clan Land Ownership Using the Example of the Starodub Rurikovichs]. *Istoriko-geograficheskij zhurnal* [Historical and Geographical Journal]. Yekaterinburg, 2023, vol. 2, no. 2, pp. 46–67.
7. Dmitrieva Z.V. Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1559/1560–1620-e gg.) [Donation Book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1559/1560–1620s)]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Istoriya»* [Electronic Scientific and Educational Journal “History”], 2017, vol. 8, iss. 5 (59). URL: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1>
8. Dmitrieva Z.V., Pavlov A.P. Vklady Godunovyh v Kirillo-Belozerskij monastyr [Gifts of the Godunovs to the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2021, no. 2, pp. 18–29.

9. Enin G.P. *Opisaniye dokumentov XIV–XVII vv. v kopijnykh knigah Kirillo-Belozerskogo monastyrya, hranyashchihsya v otdele rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki* [The Description of Documents of the 16th–17th Centuries in the Copy Books of the Kirillo-Belozersky Monastery, Kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Saint Petersburg, RNB, 1994. 452 p.
10. Panova T.D. *Nekropoli Moskovskogo Kremlja* [Necropolises of the Moscow Kremlin]. Moscow, Feder. gos. uchrezhdeniye «Gos. ist.-kult. muzey-zapovednik “Moskovskiy Kreml”», 2010. 71 p.
11. Sergeev A.V. *Knyazheskiye familii v Moskovskom gosudarstve vtoroy trety XVI – nachala XVII veka: v 2 t.* [Princely Families in the Moscow State of the Second Third of the 16th – Early 17th Centuries. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, DEAN, 2023, vol. 1. 704 p.; vol. 2. 656 p.
12. Sergeev A.V. Knjazja Pronskiye v Russkom gosudarstve XVI–XVII vv.: istoriko-genealogicheskoye issledovaniye [Princes Pronsky in the Russian State of the 16th – 17th Centuries: Historical and Genealogical Research]. *Rossijskaja genealogiya* [Russian Genealogy]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2023, iss. 14, pp. 38-100.
13. Sergeev A.V. Pismennyye pamjatniki Jaroslavskogo Tolgskogo monastyrya kak istochnik biograficheskikh svedenij o predstaviteljah knjazheskikh familij Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Written Monuments of the Yaroslavl Tolgsky Monastery as a Source of Biographical Information About Representatives of the Princely Families of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries]. *Istorija i kultura Rostovskoj zemli. 2017* [History and Culture of the Rostov Region. 2017]. Rostov Velikiy, Gos. muzey-zapovednik «Rostovskij Kreml», 2018, pp. 45-62.
14. Sergeev A.V. Predstaviteli knjazheskikh familij XVI–XVII v. vo vkladnykh i kormovykh monastyrskikh knigah iz kollekci A. A. Titova [Representatives of Princely Families of the 16th – 17th Centuries in the Monastery Donation and Commemoration Books from the Collection of A.A. Titov]. *Istorija i kultura Rostovskoj zemli. 2014* [History and Culture of the Rostov Region]. Rostov Velikiy, Gos. muzey-zapovednik «Rostovskij Kreml», 2015, pp. 75-84.
15. Sergeev A.V. Predstaviteli knyazheskikh familij Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov vo vkladnykh knigah Iosifo-Volokolamskogo monastyrya [Members of the Princely Families of Muscovy 16th – 17th Centuries in Donation Books of Joseph Volokolamsk Monastery]. *Prepodobnyj Iosif Voloczkiy i ego obitel. Vyp. 4* [St. Joseph of Volokolamsk and His Monastery. Iss. 4]. Moscow, Dobraya mysl Publ., 2017, pp. 326-374.
16. Skrynnikov R.G. *Rossiya nakanune «smutnogo vremeni»* [Russia on the Eve of the “Troubled Time”]. Moscow, Mysl Publ., 1981. 205 p.
17. Skrynnikov R. G. *Tsarstvo terrora* [The Kingdom of Terror]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 571 p.

Information About the Author

Anton V. Sergeev, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Industrial Safety, Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Constitution Square, Bld. 1A, Room 1-N, 314A, 196247 Saint Petersburg, Russian Federation, Sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>

Информация об авторе

Антон Вадимович Сергеев, доктор исторических наук, заведующий кафедрой промышленной безопасности, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, пл. Конституции, д. 1А, помещ. 1-Н, помещ. 314А, 196247 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.8>

UDC 94:904(47+57)«15/16»

LBC 63.3(2)44-37

Submitted: 20.02.2026

Accepted: 23.03.2026

THE FORM OF THE CONTRIBUTION RECORDS OF THE COMING BOOKS AND NOTEBOOKS OF THE JOSEPH-VOLOKOLAMSK MONASTERY AT THE END OF THE 16th – BEGINNING OF THE 17th CENTURY

Evgeniya S. Tseluykina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The study of the process of folding the form of contribution records against the background of the restrictive state policy of the 1580s and during the period of increasing crisis at the end of the 16th century – beginning of the 17th century contributes to the development of the problem of the formation of memorial practice in the Russian medieval state. *Methods and materials.* Coming books of the 1581/82, 1588, 1588/89, 1589/90, 1592, 1601/02, 1605/06, 1607, 1607/08, 1610/11, 1612/13 years have been preserved in the archive of the Joseph-Volokolamsk Monastery. They were compared with the Notebooks (*Zapisnye knigi*) of the monastery at the end of the 16th century – beginning of the 17th century. A form analysis of the data of the certificates and contributions was carried out. *Analysis.* On the basis of the abstract form of this letter, the mandatory elements of the form of the contribution records of the coming books and notebooks were developed. The contribution records of the coming books are characterized as short and detailed. Contribution records have been identified, the sources of which are grant certificates (*dannye gramoty*) or contribution certificates (*vkladnye gramoty*). *Results.* The study showed that the contribution records for the coming book reflect an agreement between the monastery and the contributor. Most of the records had a short form that met the needs of business accounting documentation: the action, the name of the contributor, and the amount. However, since the end of the 1580s, the act form of contribution records has also been distributed in the coming books. It was found that the coming books and notebooks were kept in parallel. Accordingly, further study of the commemorative practices of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the end of the 16th century – beginning of the 17th century should be carried out on the basis of economic documentation. *Funding.* The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the project FZUU-2026-0006 “Development of methods and algorithms in the field of historical 3D reconstruction and development of technologies for creating virtual excursions.”

Key words: Joseph-Volokolamsk Monastery, Time of Troubles, contribution to the monastery, commemorative practices, economy books, notebooks, form analysis.

Citation. Tseluykina E.S. The Form of the Contribution Records of the Coming Books and Notebooks of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the End of the 16th – Beginning of the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 86-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.8>

УДК 94:904(47+57)«15/16»

ББК 63.3(2)44-37

Дата поступления статьи: 20.02.2026

Дата принятия статьи: 23.03.2026

ФОРМУЛЯР ВКЛАДНЫХ ЗАПИСЕЙ ПРИХОДНЫХ И ЗАПИСНЫХ КНИГ ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Евгения Сергеевна Целуйкина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Изучение процесса складывания формуляра вкладных записей на фоне ограничительной политики государства 1580-х гг. и в период нарастания кризисных явлений в конце XVI – начале XVII в. способствует разработке проблемы формирования поминальной практики в средневековой Руси. *Методы и материалы.* В архиве Иосифо-Волоколамского монастыря сохранились приходные книги 1581/82, 1588, 1588/89, 1589/90, 1592, 1601/02, 1605/06, 1607, 1607/08, 1610/11, 1612/13 гг., они были сопоставлены с записными книгами монастыря конца XVI – начала XVII в., проведен формулярный анализ. *Анализ.* На основании абстрактного формуляра данной грамоты были установлены обязательные элементы формуляра вкладных записей приходных и записных книг. Вкладные записи приходных книг разделены на краткие и подробные. Выявлены вкладные записи, источниками которых послужили данные или вкладные грамоты. *Результаты.* Исследование показало, что вкладные записи приходной книги отражают факт соглашения между монастырем и вкладчиком. Большинство записей имели краткий формуляр, отвечающий потребностям хозяйственной учетной документации и включающий действие, имя вкладчика и сумму. Однако с конца 1580-х гг. в приходных книгах распространяется и актовый формуляр вкладных записей. Было установлено, что приходные и записные книги велись параллельно. Соответственно, дальнейшее изучение коммеморативных практик Иосифо-Волоколамского монастыря конца XVI – начала XVII в. необходимо осуществлять и на материале хозяйственной документации. *Финансирование.* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта FZUU-2026-0006 «Развитие методов и алгоритмов в области исторической 3D реконструкции и разработки технологий создания виртуальных экскурсий».

Ключевые слова: Иосифо-Волоколамский монастырь, Смутное время, вклад в монастырь, коммеморативные практики, хозяйственные книги, записные книги, формулярный анализ.

Цитирование. Целуйкина Е. С. Формуляр вкладных записей приходных и записных книг Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 86–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.8>

Введение. В средневековой Руси монастыри являлись главными центрами коммеморации. Культура поминовения усопших в монастырях сопровождалась вкладами «на помин души», поступавшими в обители от различных категорий лиц. Размеры и количество вкладов оказывали значительное влияние и на материальное благосостояние обителей.

В Иосифо-Волоколамском монастыре вклады определяли политическую, социально-экономическую и культурную роль самой обители в XVI веке. Монастырская вотчина на 2/3 состояла из земельных вкладов, а вкладное имущество и деньги оставались в общемонастырском владении [3, с. 93].

Поминальные практики, разработанные в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XV – начале XVI в., уже в 1530–1540-х гг. были распространены в качестве образцовых среди других монастырей. Развитие коммеморационных обрядов обусловило возникновение учетной документации, в которой сохранялись все данные, необходимые для соблюдения условий поминальной сделки вкладчика и монастыря. Появление вкладных книг современные исследователи в большинстве случаев связывают с решениями Стоглавого собора

1551 г. (см.: [10]). Там был поставлен вопрос об ограничении влияния церкви: Иван IV установил возможность покупки монастырями земли лишь со своего разрешения [19, с. 376–378]. Кульминацией государственной политики стали Соборные приговоры 1580 и 1584 гг., когда были запрещены земельные вклады в монастыри «на помин души» и отменены церковные и монастырские тарханы [23, с. 120–132]. Все это, а также сложная общегосударственная экономическая ситуация 1570–1580-х гг. вызвали изменение условий хозяйствования Иосифо-Волоколамского монастыря и привели к нарастанию внутреннего кризиса, усиливавшегося в связи с событиями Смутного времени. Осада и разграбление монастыря тушинцами в 1608–1610 гг. парализовали деятельность обители.

Историография. Система поминовения усопших, разработанная в Иосифо-Волоколамском монастыре, хорошо изучена в литературе (обзор исследований см.: [3]). Вопросы о количестве и составе вкладов, поступавших, в частности, в Волоцкую обитель, о системе их учета, об особенностях поминальных кормов и служб разработаны немецким исследователем Л. Штайндорфом [24; 25]. На основании Оби-

ходника Евфимия Туркова (1580-е гг.) историк установил порядок внесения вклада в различные учетные и поминальные документы обители и отобразил его в виде схемы, где вклад в зависимости от суммы сначала вносили в записные или вкладные книги, а затем в различные синодики и списки [24, с. 67–69]. По мнению Л. Штайндорфа, одновременно использовалось сразу 12 видов коммеморативных документов: сначала вклад вносили в записные книги (до 50 руб.) или вкладные книги (более 50 руб.), затем их переписывали в различные синодики и списки [24, с. 67–69]. Однако в последней трети XVI в., а именно с этого периода сохранились приходо-расходные денежные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, казначеи стали записывать сведения о вкладах и в приходные книги.

Рассматривая вклады Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XVI – первой трети XVII в., З.В. Дмитриева пришла к выводу, что приходо-расходные книги не являлись первичным источником вкладных книг [4, с. 302]. Как установил С.В. Стрельников, во вкладные книги почти полностью переписывались вкладные грамоты, опускались только рукоприкладства [22, с. 24–25]. Исследуя материалы Тихвинского монастыря середины XVII в., С.В. Стрельников выявил, что 82,35 % вкладов из вкладной книги дублировались в приходной книге [20, с. 159]. В рамках дискуссии о «соотносительных актах» ученый предположил, что вкладные грамоты из монастырских архивов оказались там после выполнения монастырем своих обязательств перед вкладчиком [21].

В одном из недавних исследований О.А. Абеленцева установила порядок фиксации имен вкладчиков Тихвинского монастыря в середине XVII в.: сначала составляли черновые записи в тетрадах и столбцах, затем денежные вклады переписывали в черновые приходные книги (в виде столбца), далее писали черновые приходные и вкладные книги в форме тетрадей и только после этого оформляли «беловые» приходные и вкладные книги [1].

Таким образом, в современной историографии установлена связь приходо-расходных денежных книг с вкладными книгами, источниками которых служили вкладные грамо-

ты. Среди коммеморативных источников Иосифо-Волоколамского монастыря оказались хорошо исследованы конечные (синодики, кормовые книги) и начальные (вкладные, записные книги) поминальные документы. Однако приходо-расходные денежные книги, которые также можно отнести к начальным, не были учтены.

Методы и материалы. К исследованию были привлечены 2 Записные книги Иосифо-Волоколамского монастыря: середины XVI – начала XVII в. (хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (далее – ОР ГИМ)) и последней четверти XVI – начала XVII в. (хранится в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА)), опубликованные А.Л. Корзининым и В.С. Безродновым [5; 6]. Их составляли соборные старцы, а хранили келари или казначеи [10]. Записные книги были использованы в исследовании для сопоставления количества записей, структуры и состава формуляров с вкладными записями казначейских приходных денежных книг обители за 1581/82 [14], 1588 [12], 1588/89 [13], 1589/90 [16], 1592 [15], 1601/02 [17], 1605/06 [7], 1607 [11], 1607/08 [18], 1610/11 [8], 1612/13 [9] годы. Для выявления формуляра вкладных записей, переписанных с вкладных грамот, был проведен формулярный анализ вкладных грамот 1589/90 года.

Анализ. Передача вклада (чаще в виде земельного владения) фиксировалась в соглашении, которое приобретало форму данной или духовной грамоты, а в ответ вкладчик получал вкладную грамоту или память. Второй экземпляр вкладной грамоты оставался в монастыре, например «отпись» игумена Евфимия, данная Б.Ф. Годунову около 1584 г. [2, № 375, № 379].

Анализ вкладных записей приходных книг позволяет предположить, что текст некоторых записей был переписан с грамот (данных или вкладных). Об этом можно судить исходя из следующего отрывка приходной книги 1607 г.: «...такова ему и вкладная дана а в укладной печат(ь) игуменская Иосифова монастыря» [11, л. 11].

Формуляр данной грамоты. Для того чтобы выделить элементы абстрактного формуляра данной грамоты, передаваемой в Ио-

сифо-Волоколамский монастырь в конце XVI в., был проведен формулярный анализ наиболее позднего известного документа – данной грамоты старца Феодорита Васильевича Шереметева 1589/90 года. Было установлено, что в общем виде формуляр включает: начальный протокол (кто делает вклад и кому), основную часть (что дает, куда, по кому и на каких условиях) и конечный протокол (см. табл. 1). Исходя из абстрактного формуляра данной грамоты, можно выявить вкладные записи, которые были переписаны в приходные и записные книги.

Формуляры вкладной записи приходной книги и записной книги в 1580–1608 годов. Записная книга из ОР ГИМ содержит 79 вкладов, которые датируются 1580–1613 гг., из них лишь 9 продублированы в приходных книгах этого периода. В Записной книге из РГАДА зафиксированы 112 вкладов за исследуемый период, из которых 17 встречаются и в приходных книгах. Примечательно, что за период конца 1608 – 1613 г. в записных книгах обнаружен лишь 1 вклад.

Приходная книга 1581/82 г. содержит 61 запись о вкладах, 1588 г. – 10 записей, 1588/89 г. – 12 записей, 1589/90 г. – 26 записей, 1592 г. – 23 записи, 1601/02 г. – 19 записей, 1605/06 г. – 33 записи, 1607 г. – 21 запись, 1607/08 г. – 28 записей, 1610/11 – 4 записи, 1612/13 г. – 14 записей. Всего в приходных книгах, сохранившихся за период 1581–1613 гг., насчитывается 251 вкладная запись.

Важно отметить, что и в записных, и в приходных книгах резко снизилось количество вкладных записей, сделанных в конце 1608 – 1613 г., что объясняется изменениями в военно-политической обстановке в данный период. Можно предположить, что в связи с этими условиями формуляр вкладных записей также приобрел иной вид. Поэтому вкладные записи, зафиксированные в конце 1608 – 1613 г., будут рассмотрены ниже.

В Записной книге из ОР ГИМ сохранилась запись о вкладе старца Ф.В. Шереметева (его данная грамота представлена выше). В Приходной книге 1589/90 г. этот вклад не зафиксирован.

В Записной книге не сохранился актовый формуляр: отсутствует конечный протокол, запись начинается с даты, элементы начального

протокола (интитуляция и инскрипция) оказались в основной части. При этом объект вклада, назначение и обязательства монастыря соответствуют этим же элементам формуляра в данной грамоте. В качестве обязательств вкладчика указывается лишь на необходимость дачи данной грамоты на то село, которое должно перейти в монастырь после смерти его жены. Однако в удостоверительной части представлено решение царя об обмене земель. Таким образом, запись в Записной книге сделана не только после получения монастырем данной грамоты от старца Феодорита 1589/90 г., но и после получения жалованной грамоты от царя Федора Ивановича 2 июля 1590 г. [2, № 388]. Можно сделать вывод, что эта вкладная грамота была переписана в Записную книгу не дословно, а, скорее, пересказана.

Вывявленные формуляры данной грамоты и записи вклада Записной книги, источником которой является данная грамота, позволяют определить, какие записи приходных книг могли быть переписаны с грамот. Такие записи содержат как минимум дату, имя вкладчика, объект и назначение вклада, а главное – обязательства монастыря.

Анализ вкладных записей приходных книг показал, что минимальная по содержанию вкладная запись имеет краткий формуляр, отвечающий потребностям хозяйственной учетной документации, с обязательными элементами: действие, имя вкладчика и сумма. Запись практически всегда содержала дату, социальное положение вкладчика, назначение вклада (имя лица, по которому совершен вклад, или количество душ) и обязательства монастыря («написать в синаник»), реже – сумму, полученную с продажи владного имущества и сразу включенную в сумму вклада, суммы прежних вкладов, особенности доставки денег до монастыря.

В Приходной книге 1581/82 г. все вкладные записи имеют краткий делопроизводственный формуляр, например: «Остафей Михайлович Пушкин дал вкладу 100 рублей» [14, с. 203]. В Приходной книге 1601/02 г., в том числе из-за плохой сохранности документа, большинство вкладных записей также характеризуются как краткие, например: «того ж дни дал вкладу ж ошашковец Тимофей Захаров сын два рубля денег» [17, л. 10а].

Таблица 1. Индивидуальный формуляр данной грамоты старца Ф.В. Шереметева 1589/90 г.

Table 1. The individual form for the grant certificate (*dannaya gramota*) of Elder F.V. Sheremetev, 1589/90

Элемент формуляра	Текст источника
<i>Начальный протокол</i>	
Институция	Се яз, старец Федарит Васильевич Шереметев
Инскрипция	Игумену Левкее з братьею, и хто по нем в том монастыре иный игумен будет
<i>Основная часть</i>	
<i>Наррация</i>	
Действие	дал есми... вотчину
Место назначения вклада	в дом пречистые богородицы в Осифов монастырь
Объект вклада	1) свою куплю в Коломенском уезде в Кульневском стану сельцо Рудино да село Бурухино и з хлебом з земельным... куда изстари к той вотчине потягло, ходил плуга и соха, и коса, и топор, по старым межам. 2) Да старице своей Каптелине дал есми свою вотчину куплю в Московском уезде селцо Губино со всеми ж угоды... да к тому ж сельцу Губину луг отхожей на Москве на реце против села Печатникова Ондрышева монастыря да старицы на Каптелинина живота ей владети
Назначение вклада	1) по своих родителей, по отце своем по иноке старце Восьяне да по матери моей по старице по иноке Еупраксеи, и по своей душе, и по своей старице Каптелине. 2) А бог по душу ее сошлет, и то селцо Губино и луг по старице Каптелине в дом пречистые богородицы Осифов монастырь впрок без выкупа
<i>Диспозиция</i>	
Обязательства монастыря	1) А писати им родители мои в литейной сенаник. А кормити им по отце по моем по два корму в году за упокой, корм на Васильев день Кесарейского, а другой на Полуехтов день, а по матери моей по старице Еупраксее корм на Евдоксин день, а другой в великой четверк, да молити им бога за меня, да за старицу Каптелинину о здравьи по вся дни дакуды бог живот мой продлит. А бог по душу мою сошлет и по старицу мою, и им кормити по моей душе по два корму в году – на память святого мученика Федара Стратилата февраля в 8 день, а в другоредь, как бог по душу мою сошлет. 2) А поминати нас и кормити из тех из трех сел покаместа монастырь Иосифов стоит, из сенаников нас и родителей наших не выгладити. А кормити им по старице Каптелине по дворжды в год – на память преподобные Ксеньи генваря в 24 день, а в другоредь, как ее бог по душу сошлет. А написати им родители мои в литейной сенаник
Обязательства вкладчика	А та мою вотчина, опричь Осифова монастыря, не продана никому и не заложена ни у кого, ни в чем, ни по душе ни по ком не отдана, ни в приданные ни за ким не записана. И роду моему и племяни да тое вотчины дела нет. А хто учнет в ту вотчину вступатись, – и мне, старцу Федариту, та вотчина очищати, и убытка Осифова монастыря игумена и старцов не доведеть никоторого
<i>Корроборация</i>	
Свидетели	А на то послуши: Федар Перфирьев сын Павлов да Второй Дмитриев сын Нелаев да Ондрей Семенов Малого
Писец	А данную писал Семейко Моисеев сын Стерледев
Удостоверение	У даной рука старца Федарита Васильевича Шереметева
<i>Конечный протокол</i>	
Датум	лета 7000 девеноста осмаго

Примечание. Составлено по: [2, № 387].

В Приходной книге 1588 г. обязательства монастыря содержат 4 записи, в книге 1588/89 г. – 12 записей, при этом только одна была переписана с грамоты (табл. 2). На актовое происхождение этой записи указывают инскрипция, назначение вклада, развернутое обязательство.

В 1589/90 г. только 13 записей включают обязательства монастыря, в 1592 г. таких записей было 7, в 1605/06 г. – 5, в 1607 г. – 7, в 1607/08 г. – 10.

Примечательны записи о вкладе Иосифа Пашина в 1607 году. В Приходной книге 1607 г. зафиксирован вклад от 6 января, формуляр которого представлен в следующем порядке: датум, действие, место назначения вклада, подробная интитуляция, сведения о предыдущем вкладе

и сумма текущего вклада [11, л. 1]. В Записной книге запись об этом вкладе содержит дату, условия, при которых был дан вклад, интитуляцию, действие, сведения о предыдущем вкладе и сумму текущего вклада [5, с. 331]. Несмотря на то что конец записей совпадает, различия в интитуляции и нарушения структуры записи в Записной книге указывают на разные источники записи.

Запись о вкладе Иосифа Пашина по племяннику Ивану от 5 марта 1607 г. в Записной книге включает сокращенные сведения о присутствовавших лицах, то есть формального вида. В Приходной книге этот элемент формуляра отсутствует, но подробнее раскрыты обязательства монастыря, а именно в какие синодики необходимо записать имя (табл. 3).

Таблица 2. Индивидуальный формуляр вкладной записи старца Измайла Сназина от 4 ноября 1589 г. в Приходной книге

Table 2. The individual form for the contribution record of Elder Izmail Snazin dated November 4, 1589 in Coming book

Элемент формуляра	Текст источника
Датум	Того ж месяца в 4 день
<i>Наррация</i>	
Действие	дал
Место назначения вклада	ко пречистой богородице в дом, в Осифов монастырь
Инскрипция	игумену Левкее з братиею
Интитуляция	старец Измайло Сназин
Назначение вклада	своем животе по душе своей на вечной помянок
Сведения о предыдущем вкладе	к первой своей даче к петинатцети рублем
Объект вклада	35 рублей
<i>Диспозиция</i>	
Обязательства монастыря	И как бог по душу по Измайлову сошлет, ино его написати в вечные сенаники и поминати его по монастырскому обычаю
Сведения о предыдущем вкладе	А первая его дача написана в прежних годах

Примечание. Составлено по: [13, с. 58].

Таблица 3. Сравнение обязательства вкладных записей в Приходной и Записной книгах на примере вклада Иосифа Пашина от 5 марта 1607 г.

Table 3. Comparison of the obligations of contribution records in the Coming books and Notebooks on the example of the contribution of Joseph Pashin dated March 5, 1607

Элемент формуляра	Приходная книга 1607 г.	Записная книга
Обозначение вклада	За то платя	И за ту дачю
Действие монастыря	написали Ивана	написати Ивана
Срок	на урочные лета	–
Название списка для поминания	в летеинои список да в сорокоустной список да в налойной сенаник	в сенаники
Действие монастыря (продолжение)	и поминает его по монастырскому обычаю	и поминают ег(о) по м(о)н(а)стырскому обычаю

Примечание. Составлено по: [5, с. 331; 11, л. 5 об. – 6].

Иная ситуация складывается с записью вклада Афанасия Федоровича Зиновьева от 5 января 1608 года. Этот вклад в Приходной книге 1607/08 г. содержит в себе одновременную запись о 4 вкладах (по брату, по племяннику, на корм и по другому племяннику), а в Записной книге – о 2 вкладах (по брату и по племяннику). Однако запись из Записной книги имеет развернутый формуляр: кроме основных элементов, он содержит также инскрипцию, развернутую запись о присутствовавших при вкладе лицах и подробно прописанные обязательства монастыря. В Приходной книге 1607/08 г. обязательства монастыря содержатся для всего вклада по брату и по племяннику вкладчика, имеют подробную роспись о списках для записи имен и стандартную формулировку о действиях монастыря. Третья часть вклада предназначалась «на

корм», но подобные записи в записных книгах не фиксировали. Четвертая часть вклада поступила 20 июня 1609 г., но вписана в Приходную книгу 1607/08 г., что, вероятно, связано с осадными условиями, в которых находился монастырь в конце 1608 – конце 1609 года. Этот вклад в записных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря обнаружить не удалось (табл. 4).

Несмотря на то что запись Приходной книги 1607/08 г., в отличие от записи в Записной книге, не включает сведения о присутствовавших при вкладе лицах, имеет более краткое изложение обязательств монастыря и в целом содержит нарушения актовой структуры, она все равно является одной из самых подробных записей и вполне могла быть переписана с грамоты с сокращениями и дополнениями для делопроизводственных нужд.

Таблица 4. Сравнение формуляров вкладных записей в Приходной и Записной книгах на примере вклада Афанасия Федоровича Зиновьева от 5 января 1608 г.

Table 4. Comparison of forms for the contribution records in the Coming books and Notebooks on the example of the contribution of Afanasy Fedorovich Zinoviev dated January 5, 1608

Элемент формуляра	Приходная книга 1607/08 г.	Записная книга
Датум	1) Того ж м(е)с(я)ц въ 5 д(е)нь 2) – 3) – 4) Да в 117-м году июня въ 20 д(е)нь	1) Лета 7116-го году генваря в 5 д(е)н(ь) * 2) того же дни 3) – 4) –
<i>Наррация</i>		
Действие	1) дал вкладу 2) дал 3) дал 4) дал	1) Дал вкладу 2) дал вкладу 3) – 4) –
Инскрипция	1) игумену Арсению з братиею	2) игумену Арсению з братею
Место назначения вклада	1) в дом Пр(е)ч(и)стые Б(огоро)дицы и къ чюдотворцу Иосифу	1) в дом Пр(е)ч(и)стой б(огороди)це и чюдотворцу Иосифу
Институция (имя вкладчика)	1) Афонасеи Федорович Зинов(ь)ев 2) Да Офонасей ж 3) Да Офонасеи ж 4) Афонасей жа	1) Афонасей Федорович Зиновьев 2) Да Афонасей жа Федорович Зиновьев 3) – 4) –
Присутствующие лица	–	1) при игумене Арсении, да при келаре старце Леониде Маркелове, да при старце Моисее Неплюеве, да при казначее старце Гавриле ржевитине, да при старце Ефреме Нашекине и при всех с(о)борных старцах

Примечание. * – в примечании публикации указана дата 5 января 1598 г., что, очевидно, является опечаткой, так как вклад сделан 5 января 1608 года [18, л. 17 – 17 об.].

Note. * – the publication note indicates the date January 5, 1598, which is obviously a typo, since the contribution was made on January 5, 1608 [18, l. 17-17 r.].

Окончание таблицы 4

End the Table 4

Элемент формуляра	Приходная книга 1607/08 г.	Записная книга
Назначение вклада	1) по убиенна по брате своем по Матвее Федорове с(ы)не Зинов(ь)еве ж на вечнай поминак 2) по племяннике своем по Василе Матвееве с(ы)не Зинов(ь)еве 3) на корм 4) по племяннике своем по Матвее	1) по брате своем по убиенном по Матвее Федоровиче же Зиновьеве на вечнай поминак 2) на вечнай поминак по племянник(е) своем по Василье Матфееве с(ы)не Зиновьеве 3) – 4) –
Объект вклада	1) 50 рублей денег 2) 5 рублей денег 3) 3 рублей денег 4) 15 рублей денег	1) 50 рублей денег 2) 5 рублей денег 3) – 4) –
Диспозиция		
Обязательства монастыря	1) и 2) И мне игумену Арсению за братиею за тот их вклад Матвея Зинов(ь)ева и с(ы)на его Васил(и)я написати в повседневные списки и в вечные сенаники. и поминати их по м(о)н(а)стырскому обычею покулева и монастыр(ь) Пр(е)ч(и)стые стоит	1) и мне, игумену Арсению з братею, за то ево вклад брата его Матфея Федоровича Зиновьева написати в повседневные, и в литейные, и в налойные, и в сорокоустные, и в вечные сенаники и в кормовые книги, и корм по нем кормити на его преставление сентября 11 д(е)нь... а из повседневных списков, и из вечных сенаников его, и из кормовых книг не выгладити, доколе и м(а)н(а)стырь стоит 2) и мне, игумену Арсению з братею, за тот вклад племянника Афонасьева Василя Матфеевича написати в повседневные, и в литейные, и в налойные, и в сорокоустные списки, и в вечныя сенаники, и поминати ево по м(о)н(а)стырскому обычею, а как исполнится по Василие пятьдесят рублей и нам ево тогда написати в кормовые книги и корм по нем учинити

Примечание. Составлено по: [5, с. 337; 18, л. 17 – 17 об.].

Вкладные записи в период осады, оккупации и после оккупации монастыря (конец 1608 – 1613 г.). В конце лета – начале осени 1608 г. началась осада Иосифо-Волоколамского монастыря тушинцами, что повлекло изменения в хозяйственной деятельности. Доступ к монастырю был ограничен, затруднена передача внешних вкладов, как и получение доходов в целом. За этот период сохранились приходные книги 1610/11 и 1612/13 годов.

При анализе вкладных записей 1610–1613 гг. за основу были взяты элементы формуляра вкладных записей, сложившиеся в конце XVI – начале XVII века (см. табл. 5).

Анализ составных частей условного формуляра вкладных записей показал, что вкладчики в 1610–1613 гг. не присылали деньги в монастырь, а приносили их лично или передавали монастырской администрации за пределами обители. Место назначения вклада – Иосифо-Волоколамский монастырь – не зафиксировано в записях о вкладах монастырских иноков. Лица, присутствовавшие при вкладе (игумен и соборные старцы), не названы вовсе, что можно связать с сокращением численности монастырской администрации. Назначение вклада и обязательства монастыря перед вкладчиком не всегда имеются в записи.

Таблица 5. Условный формуляр вкладных записей в приходных книгах 1610–1613 гг.

Table 5. The conditional form for the contribution records in the coming books of 1610–1613

Элемент формуляра	Комментарий
Датум	Зафиксирована во всех вкладных записях
Наррация	
Действие	«Дал вкладу», «дал». Таких формулировок, как «прислал», не зафиксировано. Во вкладах на пострижение присутствует действие «постригся... дал»
Место назначения вклада	«В дом Пречистые богородицы и к чудотворцу Иосифу», «к пречистой богородицы в Осифов монастырь», или место не зафиксировано
Присутствующие лица	Не зафиксированы ни в одной записи
Институция (имя вкладчика)	Имя вкладчика зафиксировано во всех случаях, кроме одного – вклада жены казака Алексея Мошкаренька, похороненного в монастыре. Не всегда встречается информация о социальном статусе вкладчика
Объект вклада (сумма)	Была указана в рублях, алтынах и деньгах. Имущество, которое вносили в качестве вклада, почти всегда было указано с денежным эквивалентом
Назначение вклада	По себе («как преставитца»), по умершим («по сыне», «по брате», «по снохе», «по старце», «по его душе»); на пострижение («на платье»). Назначение вклада было указано не во всех записях
Диспозиция	
Обязательство монастыря	«Написать в сенаники», «поминати по монастырскому обычаю», «на вечный поминак». Здесь же можно узнать назначение вклада, если оно не было обозначено ранее: «написали родителей его в сенаники», «постригли». Обязательства монастыря не всегда были указаны

Примечание. Составлено по: [8; 9].

Обязательными элементами формуляра были датум, действие, институция (имя вкладчика) и объект вклада (сумма). Зафиксирован лишь один вклад, который можно охарактеризовать как переписанную грамоту, – вклад старца Варлаама Шуйского: «Того же м(е)с(я)ца в 16 день дал вкладу в дом Пр(е)ч(и)стые б(огороди)цы и к чюдотворцу Иосифу старец Варлаамъ Шуйской 5 рублей денег а как преставитца и намъ ево написати в сенаники и поминати по м(о)н(а)ст(ы)рскому обыч(а)ю» [8, л. 2 об. – 3]. Примечательно, что этот вклад для послеоккупационного периода – один из самых крупных среди монастырских.

Результаты. Исследование показало, что вкладные записи приходной книги отражают факт соглашения между монастырем и вкладчиком: вкладчик передает монастырю землю, деньги или движимое имущество, а монастырь обязуется за это внести определенные имена в синодики и осуществлять поминание их душ. Вкладные грамоты в конце XVI – начале XVII в. переписывались в при-

ходные книги так же, как их содержание переносилось во вкладные книги. Выявленный на основании этого абстрактный формуляр вкладной записи приходной книги состоит: 1) из начального протокола (датума); 2) наррации; 3) диспозиции. Наличие позиции конечного протокола (датума) в начале записи было необходимо для соблюдения формы строгой отчетности, характерной для монастырских хозяйственных книг.

Наррация содержит в себе сначала определение действия («дал вкладу» или «прислал»), затем место назначения. Только после этого следует запись о вкладчике: в документе часто фиксировали его социальный статус либо должность, имя и сумму вклада, а также назначение вклада – по душам вкладчика, его родственников, на пострижение и др. Если вклад делал лично вкладчик, то запись могла содержать информацию о соборных старцах, присутствовавших при даче.

Диспозиция включала обязательства монастыря по отношению ко вкладчику или лицу, за которого вклад был внесен. В данном слу-

чае было указано обязательство монастыря (или просьба вкладчика по отношению к монастырю) о внесении имени в синодик, о назначении корма и поминальных служб, о выдаче подтверждающих документов. Наличие диспозиции и ее развернутый характер наиболее явно демонстрируют факт переписывания грамоты в книгу.

Однако чаще всего формуляр вкладной записи был упрощен до минимально необходимых элементов: датум, действие, имя вкладчика, сумма и назначение вклада.

Несмотря на то что о наличии вкладных записей в приходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря последней четверти XVI в. давно известно, сами приходные книги не были учтены среди документов поминального делопроизводства. В связи с этим необходимо скорректировать «путь от вклада до поминания», представленный Л. Штайндорфом. Приходные книги, отсутствующие в схеме исследователя, должны стоять на одной ступени с записными на основании того, что в них содержится большое количество вкладов, которые не были внесены в записные книги вовсе. В 11 приходных книгах за период 1580–1613 гг. зафиксировано около 94 % вкладных записей, которые не встречаются в записных книгах. В записных книгах середины XVI – начала XVII в. сохранилось око-

ло 87 % записей, не встречающихся в приходных книгах 1580–1613 годов. Все это позволяет сделать вывод, что приходные и записные книги велись параллельно.

Таким образом, ограничительная государственная политика в отношении церкви вызвала изменения не только в хозяйственной жизни, но и в формуляре учетных документов. Вклады как один из основных источников доходов монастырей в начале 1580-х гг. фиксировали в приходных книгах, но формуляр был кратким и содержал лишь сведения о дате, вкладчике и сумме вклада. С конца 1580-х гг. до 1608 г. четко прослеживается усложнение формуляров вкладных записей, которые стали включать элементы актового формуляра, что служит свидетельством переписывания вклада из грамоты в хозяйственную книгу. К краткому формуляру возвращались в исключительных случаях (в период голода или в условиях военных действий), однако несколько записей этих книг также включают диспозицию, необходимую для поминальной учетной документации, а не для хозяйственной. Соответственно, дальнейшее изучение коммеморативных практик Иосифо-Волоколамского монастыря необходимо осуществлять на материале не только синодиков, кормовых, вкладных и записных книг, но и вкладных записей приходных книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абеленцева О. А. Особенности фиксации данных о вкладах в делопроизводстве Успенского Тихвинского монастыря середины XVII в. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 669–684. DOI: 10.28995/2073-01012024-3-669-684
2. Акты феодального землевладения и хозяйства. В 3 ч. Ч. 2 / подгот. к печ. А. А. Зимин ; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: АН СССР, 1956. 663 с.
3. Алексеев А. И., Васильева Е. А., Масиель Санчес Л. К., Шевченко Э. В. Иосифов Волоколамский (Волоцкий) в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь // Православная энциклопедия. В 64 т. Т. 26. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2011. С. 91–122.
4. Дмитриева З. В. Записи о денежных вкладах в приходо-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря (вторая половина XVI – первая треть XVII в.) // Мавродинские чтения. 2008. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 302–306.
5. Книга записи вкладов и дач Иосифо-Волоколамского монастыря последней четверти XVI – начала XVII в. // Безроднов В. С., Корзинин А. Л. Иосифо-Волоколамский монастырь. Синодики, вкладные, записные и кормовые книги XVI – середины XVII века. В 3 т. Т. 2. М.: Сам полиграфист, 2025. С. 290–402.
6. Книга Записная вкладов Иосифо-Волоколамского монастыря середины XVI – начала XVII в. // Безроднов В. С., Корзинин А. Л. Иосифо-Волоколамский монастырь. Синодики, вкладные, записные и кормовые книги XVI – середины XVII века. В 3 т. Т. 2. М.: Сам полиграфист, 2025. С. 452–493.
7. Книги приходные денежные помесечные казначей Иосифа Москвитина 7114 (1605/06) года, 1 сентября 1605 г. – 1 сентября 1606 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 15. Л. 1–38.

8. Книги приходные денежные помесячные казначая Иосифа Пашинина 7119 (1610/11) г. // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 21. 31 л.
9. Книги приходные денежные помесячные казначая старца Иосифа Пашинина 7121 (1612/13) года // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 22. Л. 1–16.
10. Кузьмин А. В., Стрельников С. В. Вкладные книги // Православная энциклопедия. В 64 т. Т. 8. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2004. С. 613–617.
11. Отрывок прихода-расходной книги Иосифова Волоколамского монастыря, 1 января – 6 июня 1607 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 1036. 18 л.
12. Приходная книга казначая Ефрема Нашокина, 24 мая – 27 ноября 1588 г. // Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. (далее – ВХК). М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 9–20.
13. Приходная книга казначая Никифора Марина, 1 декабря 1588 – 30 ноября 1589 гг. // ВХК. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 44–61.
14. Приходная книга казначая Никифора Марина, 1 мая 1581 – 18 мая 1582 гг. // Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1980. С. 182–204.
15. Приходная книга казначая Паисия Мичурина, 1 января – 31 декабря 1592 г. // ВХК. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 182–198.
16. Приходная книга казначая Паисия Мичурина, 11 декабря 1589 – 1 декабря 1590 гг. // ВХК. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 102–127.
17. Приходная книга казначая старца Левкия Акишева за 7110 год // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 12. Л. 1 – 56 об.
18. Приходные денежные помесячные книги казначая Гаврилы Ржевитина, 1 сентября 1607 г. – 1 сентября 1608 г. // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 19. Л. 1 – 52 об.
19. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. С. 253–402.
20. Стрельников С. В. К вопросу о дублетности информации о вкладах в монастырской документации // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 155–165.
21. Стрельников С. В. К вопросу о соотносительных актах (на примере вкладных грамот) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 133–134.
22. Стрельников С. В. К изучению источников вкладных книг XVI–XVII вв.: вкладные грамоты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 2. С. 21–28.
23. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
24. Штайндорф Л. Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI веке // Археографический ежегодник за 1996. М.: Наука, 1998. С. 65–78.
25. Штайндорф Л. Что было нового в культуре поминания в Иосифо-Волоцком монастыре? Пересмотр вопроса // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1. С. 25–32.

REFERENCES

1. Abelentseva O.A. Osobennosti fiksatsii dannykh o vkladakh v deloproizvodstve Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya serediny XVII v. [Peculiarities of Fixation of Data on Deposits in the Records of the Dormition Tikhvin Monastery in the Middle of the 17th Century]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2024, no. 3, pp. 669–684. DOI: 10.28995/2073-01012024-3-669-684
2. Zimin A.A., Cherepnin L.V., eds. *Akty feodalnogo zemlevladieniya i khozyaystva. V 3 ch. Ch. 2* [Acts of Feudal Land Tenure and Economy. In 3 Parts. Part 2]. Moscow, AN SSSR, 1956. 663 p.
3. Alekseyev A.I., Vasilyeva E.A., Masiel Sanches L.K., Shevchenko E.V. Iosifov Volokolamskiy (Volotskiy) v chest Uspeniya Presvyatoy Bogoroditsy monastyr [Joseph-Volokolamsk (Volotsk) Monastery in Honor of the Dormition of the Most Holy Theotokos]. *Pravoslavnaya entsiklopediya. V 64 t. T. 26* [The Orthodox Encyclopedia. In 64 Vols. Vol. 26]. Moscow, Tserkov.-nauch. tsentr «Pravoslav. entsikl.», 2011, pp. 91–122.
4. Dmitriyeva Z.V. Zapisi o denezhnykh vkladakh v prikhodo-raskhodnykh i vkladnykh knigakh Kirillo-Belozerskogo monastyrya (vtoraya polovina XVI – pervaya tret XVII v.) [Records of Monetary Contributions in the Coming-Expensive and Contribution Books of the Kirillo-Belozersky Monastery (Second Half of the 16th –

First Third of the 17th Century)). *Mavrodinskiye chteniya*. 2008 [Mavrodinsky Readings. 2008]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2009, pp. 302-306.

5. Kniga zapisi vkladov i dach Iosifo-Volokolamskogo monastyrya posledney chetverti XVI – nachala XVII v. [Book of Records of Contributions and Endowments of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the Last Quarter of the 16th – Early 17th Century]. Bezrodnov V.S., Korzinin A.L., eds. *Iosifo-Volokolamskiy monastyr. Sinodiki, vkladnye, zapisnye i kormovye knigi XVI – serediny XVII veka. V 3 t. T. 2* [The Iosifo-Volokolamsk Monastery. Synodics, Contributions, Notebooks and Feed Books of the 16th – Middle 17th Century. In 3 Vols. Vol. 2]. Moscow, Sam poligrafist Publ., 2025, pp. 290-402.

6. Kniga Zapisnaya vkladov Iosifo-Volokolamskogo monastyrya serediny XVI – nachala XVII v. [Record Book of Contributions of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the Middle 16th – Early 17th Century]. Bezrodnov V.S., Korzinin A.L. *Iosifo-Volokolamskiy monastyr. Sinodiki, vkladnye, zapisnye i kormovye knigi XVI – serediny XVII veka. V 3 t. T. 2* [The Iosifo-Volokolamsk Monastery. Synodics, Contributions, Notebooks and Feed Books of the 16th – Middle 17th Century. In 3 Vols. Vol. 2]. Moscow, Sam poligrafist Publ., 2025, pp. 452-493.

7. Knigi prikhodnye denezhnye pomesyachnye kaznacheya Iosifa Moskvitina 7114 (1605/06) goda, 1 sentyabrya 1605 g. – 1 sentyabrya 1606 g. [Monthly Monetary Coming Books of Treasurer Iosif Moskvitin for the Year 7114 (1605/06), September 1, 1605 – September 1, 1606]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (hereinafter – RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 15, l. 1-38.

8. Knigi prikhodnye denezhnye pomesyachnye kaznacheya Iosifa Pashinina 7119 (1610/11) g. [Monthly Monetary Coming Books of Treasurer Iosif Pashinin for the Year 7119 (1610/11)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 21, 31 l.

9. Knigi prikhodnye denezhnye pomesyachnye kaznacheya startsa Iosifa Pashinina 7121 (1612/13) goda [Monthly Monetary Coming Books of Treasurer, Elder Iosif Pashinin for the Year 7121 (1612/13)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 22, l. 1-16.

10. Kuzmin A.V., Strelnikov S.V. Vkladnye knigi [Contribution Books]. *Pravoslavnaya entsiklopediya. V 64 t. T. 8* [The Orthodox Encyclopedia. In 64 Vols. Vol. 8]. Moscow, Tserkov.-nauch. tsentr «Pravoslav. entsikl.», 2004, pp. 613-617.

11. Otryvok prikhodo-raskhodnoy knigi Iosifova Volokolamskogo monastyrya, 1 yanvarya – 6 iyunya 1607 g. [Excerpt from the Coming-Expensive Book of the Joseph-Volokolamsk Monastery, January 1 – June 6, 1607]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, inv. 1, d. 1036. 18 l.

12. Prikhodnaya kniga kaznacheya Yefrema Nashchokina, 24 maya – 27 noyabrya 1588 g. [Coming Book of Treasurer Efrem Nashchokin, May 24 – November 27, 1588]. *Votchinnye khozyaistvennye knigi XVI v. Prikhodnye i raskhodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya 80–90-kh gg.* (hereinafter – VKhK) [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Income and Expense Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 80s – 90s]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1987, pp. 9-20.

13. Prikhodnaya kniga kaznacheya Nikiforina Marina, 1 dekabrya 1588 – 30 noyabrya 1589 gg. [Coming Book of Treasurer Nikifor Marin, December 1, 1588 – November 30, 1589]. *VKhK* [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Income and Expense Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 80s – 90s]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1987, pp. 44-61.

14. Prikhodnaya kniga kaznacheya Nikifora Marina, 1 maya 1581 – 18 maya 1582 gg. [Coming Book of Treasurer Nikifor Marin, May 1, 1581 – May 18, 1582]. *Votchinnye khozyaistvennye knigi XVI v. Prikhodnye i raskhodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya 70–80-kh gg.* [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Income and Expense Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 70s – 80s]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1980, pp. 182-204.

15. Prikhodnaya kniga kaznacheya Paisiya Michurina, 1 yanvarya – 31 dekabrya 1592 g. [Coming Book of Treasurer Paisiy Michurin, January 1 – December 31, 1592]. *VKhK* [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Income and Expense Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 70s – 80s]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1987, pp. 182-198.

16. Prikhodnaya kniga kaznacheya Paisiya Michurina, 11 dekabrya 1589 – 1 dekabrya 1590 gg. [Coming Book of Treasurer Paisiy Michurin, December 11, 1589 – December 1, 1590]. *VKhK* [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Income and Expense Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 70s – 80s]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1987, pp. 102-127.

17. Prikhodnaya kniga kaznacheya startsa Levkiya Akisheva za 7110 god [Coming Book of Treasurer, Elder Levkiy Akishev for the Year 7110 (1601/02)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 12, l. 1-56 r.

18. Prikhodnye denezhnye pomesyachnye knigi kaznacheya Gavrily Rzhevityna, 1 sentyabrya 1607 g. – 1 sentyabrya 1608 g. [Monthly Monetary Coming Books of Treasurer Gavril Rzhavitin, September 1, 1607 – September 1, 1608]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 19, l. 1-52 r.

19. Stoglav. Gorskiy A.D., ed. *Rossiyskoye zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 t. T. 2. Zakonodatelstvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Russian Legislation of the 9th – 20th Centuries. In 9 Vols. Vol. 2. Legislation of the Period of Formation and Strengthening of the Russian Centralized State]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985, pp. 253–402.
20. Strelnikov S.V. K voprosu o dubletnosti informatsii o vkladakh v monastyrskoi dokumentatsii [On the Issue of Duplication of Information About Contributions in Monastic Documentation]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2016, no. 2, pp. 155–165.
21. Strelnikov S.V. K voprosu o sootnositelnykh aktakh (na primere vkladnykh gramot) [On the Issue of Correlative Acts (On the Example of Contribution Charters)]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*, 2017, no. 3 (69), pp. 133–134.
22. Strelnikov S.V. K izucheniyu istochnikov vkladnykh knig XVI–XVII vv.: vkladnye gramoty [Towards the Study of Sources of Contribution Books of the 16th – 17th Centuries: Contribution Charters]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2*, 2008, iss. 2, pp. 21–28.
23. Cherepnin L.V. *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobors of the Russian State in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 417 p.
24. Shtaindorf L. Sravneniye istochnikov ob organizatsii pominaniya usopshikh v Iosifo-Volokolamskom i Troitse-Sergievom monastyryakh v XVI veke [Comparison of Sources on the Organization of Commemoration of the Dead in the Joseph-Volokolamsk and Trinity-Sergius Monasteries in the 16th Century]. *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1996* [Archaeographic Yearbook for 1996]. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 65–78.
25. Shtaindorf L. Chto bylo novogo v kulture pominaniya v Iosifo-Volotskom monastyre? Peresmotr voprosa [What Was New in the Culture of Commemoration in the Joseph-Volotsk Monastery? A Reconsideration of the Question]. *Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2014, no. 1, pp. 25–32.

Information About the Author

Evgeniya S. Tseluykina, Candidate of Sciences (History), Assistant Lecturer, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tseluikina.eugenia@gmail.com, es_tseluikina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4381-287X>

Информация об авторе

Евгения Сергеевна Целуйкина, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tseluikina.eugenia@gmail.com, es_tseluikina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4381-287X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.9>

UDC 94(47).04+05

LBC 63.3(2)45

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 11.01.2026

NUNS OF THE GORITSKY RESURRECTION CONVENT IN THE SECOND HALF OF THE 16th – 17th CENTURIES: ORIGIN, CAUSES, AND CIRCUMSTANCES OF TAKING THE VEIL

Tatyana V. Sazonova

Saint Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with ways of forming the sisterhood of one of the Russian Orthodox convents in the 16th – 17th centuries – Goritsky Resurrection Nunnery. *Methods and materials.* This task is possible due to the analysis of a set of documents identified in the Russian State Archives of Ancient Documents; the Archives of the St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences; the State Archives of Vologda Region; the Department of Manuscripts of the National Library of Russia; the Department of Manuscripts of the State Library of Russia; and the Department of Written Sources of the State Historical Museum, including property inventories, accounting books, and detective cases. The relevance of the work stems from the fact that research on the formation of Orthodox monastic sisterhoods has not yet been undertaken. The generalization of the reasons for entering the monastery and the reasons for taking the veil by women in the second half of the 16th – 17th centuries should stem from the analysis of specific cases of individual convents, since each of them had its own peculiarities. *Analysis.* The Goritsky Convent represents a social cross-section of 17th-century Russian society. Representatives of the highest nobility, landowners, townspeople, and local peasant women lived in it. During the period under review, the Goritsky Convent was under care of the Kirillo-Belozersky Monastery. Since the Kirillovsky Monastery was often used as a place of detention for the disgraced, the Goritsky Convent, which was subordinate to it, also became a place of residence for exiled representatives of the upper strata of society. Some women considered the nunnery, not least, as a place for a quiet stay in old age or infirmity. For poor or difficult women, it was important to get permission to enter the nunnery without a contribution. Some of the nuns found themselves in the nunnery against their will. Some were forced to take a veil by their husbands, who decided to get rid of their unloved wives in this way. Sources indicate that in some cases, wives went to a nunnery by agreement with their ex-husband, while the latter undertook obligations to ensure her welfare. In other cases, husbands created unbearable living conditions for their wives and beat or even mutilated them. The church authorities prevented violent acts by husbands and punished clergymen who performed the ceremony of taking the veil without the consent of a woman. The Goritsky Convent is also known as a place of exile for women who have committed criminal or religious crimes, as well as nuns who led an inappropriate lifestyle. Among them were also representatives of the elite, like Princess Anna Khilkova, as well as the most ordinary women. Living at the convent could be part of a chain of punishments: the perpetrators could be sent here from another convent and, if they persisted, transferred to the next one. In addition, non-Orthodox prisoners could be held in the nunnery, for whom the convent became a place of detention or internment.

Key words: Russian Orthodox Church, monasticism, veil, Belozerye region, Goritsky Convent.

Citation. Sazonova T.V. Nuns of the Goritsky Resurrection Convent in the Second Half of the 16th – 17th Centuries: Origin, Causes, and Circumstances of Taking the Veil. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 99-111. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.9>

НАСЕЛЬНИЦЫ ГОРИЦКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVII в.: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОСТРИГА

Татьяна Викторовна Сазонова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье предпринята попытка показать пути формирования общины одного из русских женских православных монастырей во второй половине XVI – XVII в. – Горицкого Воскресенского. *Методы и материалы.* Благодаря историческому анализу комплекса документов по истории Горицкого монастыря второй половины XVI – XVII в., включающего опись монастырского имущества, приходо-расходные книги, сыскные дела Горицкого монастыря, многочисленные указные грамоты и другие документы о пострижении, которые отложились в РГАДА, Архиве СПБНИИ РАН, Государственном архиве Вологодской области, отделе рукописей РНБ и РГБ, отделе письменных источников ГИМ, возможно решение поставленной задачи. Обобщение причин нахождения в монастыре и пострига женщин второй половины XVI – XVII в. должно проистекать из анализа конкретных случаев по отдельным обителям, поскольку монастыри имели свои особенности. *Анализ.* Горицкий монастырь представляет собой социальный срез русского средневекового общества – в нем проживали и представительницы высшей знати, и помещицы, и посадские, и местные крестьянки. В рассматриваемый период Воскресенский Горицкий монастырь находился под опекой Кирилло-Белозерского монастыря. Поскольку кирилловский монастырь часто использовался как место содержания опальных, то и подначальная ему воскресенская обитель стала местом пребывания ссыльных представительниц высших слоев общества. Многие рассматривали монастырь как место для спокойного пребывания в старости или в немощи. Для бедных или оказавшихся в сложной ситуации женщин было важным добиться позволения постричься в монастырь без вклада. Ряд насельниц пребывали в обители не по своей воле. Некоторые женщины вынуждены были постричься по воле мужей, решивших таким образом избавиться от нелюбимых жен. Источники указывают, что в одних случаях жены уходили в монастырь по соглашению с бывшим мужем, причем последний брал обязательства по обеспечению ее проживания. В других случаях мужа создавали для жен невыносимые условия жизни, били их или даже увечили. Церковные власти препятствовали насильственным действиям мужей и наказывали священнослужителей, которые совершали обряд пострижения без согласия женщины. Горицкий монастырь известен также как место ссылки женщин, совершивших уголовные или религиозные преступления, или монахинь, которые вели неподобающий образ жизни. Среди них были как представительницы элиты, например княгиня Анна Хилкова, так и самые обычные женщины. Пребывание в Горицком монастыре могло быть частью цепи наказаний: провинившихся могли направить сюда из другого монастыря и в случае упорства перевести в следующий. Кроме того, в монастыре могли оказаться пленные татарки, то есть лица неправославного вероисповедания, для которых обитель становилась местом заключения или интернирования.

Ключевые слова: Русская православная церковь, монашество, постриг, Белозерский край, Горицкий монастырь.

Цитирование. Сазонова Т. В. Насельницы Горицкого Воскресенского монастыря во второй половине XVI – XVII в.: их происхождение, причины и обстоятельства пострига // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 99–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.9>

Введение. Горицкий монастырь находится на берегу Шексны в Белозерье в Вологодской области. Он был основан в первой половине XVI в. и длительное время являлся особножительным. Главными источниками существования монастыря была государева хлебная и де-

нежная руга, также вклады. Внутреннее устройство монастыря можно рассматривать как отражение общества того времени с его социальной и имущественной дифференциацией.

Монастырь выполнял функции богадельни, места пребывания незамужних, а также

вдовых женщин, места ссылки и, конечно, «государева богомолья» [26]. В монастыре находились монахини, слуги, ссыльные женщины, часть из которых должна была принять постриг – всех их можно условно считать насельницами, потому как они населяли обитель, то есть жили в монастыре.

В историографии и популярной литературе Горицкий монастырь обычно упоминается как место невольного пребывания женщин из знатных семейств [17]. В настоящей статье предпринята попытка показать, кто и почему оказывался в монастыре, по возможности установить причины и обстоятельства пребывания и пострижения.

Поскольку по истории женских монастырей сохранилось значительно меньше источников, чем по истории мужских, любой материал, касающийся конкретных случаев женских пострижений, имеет большую ценность даже в той ситуации, когда он отрывочен или когда мы не можем понять исход того или иного дела, вставить его в контекст подобных.

Чаще всего оказывается возможным лишь наметить существование того или иного явления. Чтобы проследить его развитие, обычно нужен материал не одного монастыря. Однако женские обители, в особенности те, которые, как Горицкий монастырь, можно считать средними по размеру и значению, малоизучены. Даже общая численность монахинь в горицкой обители может быть определена лишь приблизительно. Нам известно, что государева руга в Горицкий монастырь давалась на 70 монахинь. Но мы не можем из этого делать вывод, что такова была реальная численность насельниц. На практике в отдельные годы все могло быть по-разному. Не дают необходимых сведений и подсчеты упоминаний той или иной монахини в источниках, поскольку такие упоминания в принципе редки и порой за целые десятилетия неизвестно ни одного подобного случая. Следует учитывать также, что Горицкий монастырь был особножительным, то есть у монахинь не было общего хозяйства, сопровождавшегося подробной документацией.

Методы и материалы. Документов по истории женских монастырей XVII в., как уже было отмечено, сохранилось значительно меньше, чем по истории мужских. Это объяс-

няется иным характером хозяйства и другим уровнем их внешних связей. Тем не менее опись монастырского имущества, приходо-расходные книги, сыскные дела по поводу насельниц Горицкого монастыря, многочисленные указные грамоты и другие документы о пострижении отложились в РГАДА, Архиве СПБ ИИ РАН, Государственном архиве Вологодской области, отделе рукописей РНБ, отделе рукописей РГБ, отделе письменных источников ГИМ (см. список литературы). Опись имущества, приходо-расходные книги и указные грамоты с протокольной точностью фиксировали факты пострижения и некоторые обстоятельства последнего и в этом смысле заслуживают доверия. Их анализ дает возможность рассмотреть судьбы ряда женщин, связанных с монастырем, и, по словам источника, «быть им в лицах».

Основным методом исследования является антропологический подход. Автор ставит своей задачей проследить индивидуальные судьбы насельниц. При таком подходе внимание автора обращено не к неким усредненным данным, а к многообразной картине пополнения обители.

Дискуссия. Полноценное исследование того, как формировалось монастырское сестричество в средневековой России, до сих пор не предпринималось. В историографии и популярной литературе часто подчеркивается, что Горицкий монастырь был местом пребывания представительниц элиты Русского государства начиная с княгини Ефросиньи Андреевны Старицкой. В истории монастыря, составленной в XIX в. в самой обители, утверждается, что «ряд именитых стариц не прерывался и в XVII столетии» [18, с. 305]. Швейцарская исследовательница Нада Бошковска во всеобъемлющем труде о русской женщине XVII в. кратко рассмотрела причины пострига, указав, что в монастырях могли оказаться нежеланные жены, нелюбимые дочери, заболевшие, душевнобольные, бездетные и бедные. По ее словам, монастыри «слыли свалкою нелюбимых жен» [1, с. 380–381].

Анализ. Среди пострижениц Воскресенского Горицкого монастыря было немало представительниц из числа родни членов Государева двора и даже царской, а также родственниц других служилых людей высокого

и среднего ранга. Летописные сведения об основательнице монастыря великой княгине Ефросинии Андреевне Старицкой, матери двоюродного брата Ивана IV Владимира Андреевича Старицкого, дополняются материалами вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря. Княгиня Ефросинья была убита в 1569 г. по приказу царя. Одновременно с ней в монастыре жила и, вероятно, вместе с ней погибла инокиня Александра, в миру княгиня Соломонида Константиновна Хованская [27]. Известны документы, связанные как с прибытием в Горицы в 1584–1586 гг., так и отъездом в 1604 г. Анны Колтовской, четвертой жены Ивана IV Грозного, в иночестве старицы Дарьи [28]. В 80-е гг. XVI в. в Горицах пребывала также старица Агафья, вдова астраханского царевича Михаила Кайбулатовича. В 1597/98 г. во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря упоминается старица Софья, в миру княгиня Соломонида Григорьевна Голицына, урожденная Желябужская [13, с. 13].

Переходя к XVII в., отметим, что в 1606–1609 гг. в Горицах проживали: инокиня Ирина – дочь князя Ивана Федоровича Мстиславского, старица Параскева – Пелагея Михайловна Соловая, вторая жена царевича Ивана Ивановича, старица Марья Скуратова. Известен документ о пострижении там в 1651 г. княжны Марфы Андреевны Шаховской, в иночестве Максимиллы, по-видимому, дочери московского дворянина Андрея Федоровича Шаховского. Несколько монастырских документов 2-й половины XVII в. связано со старицей Досифеей, в миру княжной Евдокией Яковлевной Черкасской, дочерью боярина князя Якова Куденетовича Черкасского [32; 35].

Основательница обители княгиня Ефросиния Старицкая не просто искала убежища на случай политического краха, она видела делом жизни обустройство нового монастыря, в котором «обет свой положила» [14, с. 368; 27, 379–383]. Данный случай пострижения был формой скрытой царской опалы, хотя, согласно летописному свидетельству, Ефросиния сама просила царского разрешения постричься. После того, как в 1563 г. ушла из мира, она создала в обители золотошвейную мастерскую, благодаря которой Горицы стали одним из центров

женского рукоделия [31, с. 64, 65]. Но монастырь не смог уберечь княгиню. Она погибла в ходе репрессий Ивана IV против ее сына, князя Владимира Старицкого [30, с. 262, 490].

Инокиня Дарья, еще одна жертва царского гнева, прибыла в Горицкий монастырь из Покровского Суздальского монастыря. В 1584–1586 гг., уже после смерти Ивана IV, она сама подала челобитную о переводе в Горицы, возможно, желая занять опустевшее после смерти Е.А. Старицкой место его покровительницы [28, с. 141, 142]. Но на этом она не успокоилась и в 1604 г. добилась возможности переселиться из Гориц в Тихвинский Введенский монастырь, чтобы там «общину устроить» [28, с. 143, 144, 147, 148]. Как видим, насильно постриженная бывшая царица имела возможность дважды выбрать место монашеского подвига по своему желанию.

Наряду с насильственными пострижениями представительниц знати известны случаи добровольного удаления от мира. Так, боярская дочь инокиня Досифея постриглась в кремлевском Вознесенском монастыре, а потом (не позднее 1679 г.) переехала из Москвы в Горицы, где занялась обустройством обители [21; 41]. Ее отец был одним из богатейших земельных собственников страны, и его дочь не только позволяла себе щеголять в Горицком монастыре в богатых монашеских одеждах, но и трудилась на благо обители, используя свои связи и денежные средства.

В Горицком монастыре постригались женщины из семей белозерских служилых людей. Данные грамоты указывают, например, что, возможно, там постриглась жена сына боярского Истома Буракова (давшего вклад в обитель в 1569/70 г.), а также мать, сестра и жена белозерского помещика Киприана Ашушкина (вклад 1684 г.) [2, л. 98–100; 3, л. 453 об., 454]. На это же указывают и другие дворянские фамилии в перечнях горицких стариц второй половины XVII в.: Евфимия Варсобиная, Марфа Ендоурова, Марфа Моложенинова [19, с. 282; 21].

Нередко причина пострига определялась принадлежностью к среде духовенства. В приходных книгах упоминаются вклады за пострижение в Горицком монастыре женщин из семей священников и монашествующих: в 1651 г. – за Фомаиду, племянницу строителя

Никитского монастыря Павла; в 1654/55 г. – за Макриду, дочь архимандрита Кириллова монастыря Митрофана, и за Улиту, дочь монаха Ферапонтова монастыря Афанасия; в 1658 г. – вклад Варсонофии, вдовы слуги Кириллова монастыря Осипа Новгородца, в миру Варвары Семеновы дочери; вклад Фотиньи, вдовы священника Тимофея Кощеевского, в миру Федосьи Ивановой дочери; вклад попадьи Федосьи Ивановой из Чуровской волости. В документах упоминаются старицы Романа и Юлиана Кулюксины – вероятно, родственницы иконописца Кириллова монастыря Нектария Кулюксина [21; 24; 25].

Разумеется, в числе монахинь были и крестьянки. Сохранилась память бобыля Чаромского погоста Кириллова монастыря Петра Иванова об отпуске своей жены Мавры в Горицкий монастырь в связи с ее болезнью в 1676 году. В горицких документах монахини зачастую перечисляются с прозвищем, аналогом фамилии, происходящим от крестьянских волостей Белозерья: Марфа Андожская, Досифея Боровлянка, Еликонида Вогнемка и т. д. [21; 24; 25]. Также встречаются прозвища, которые указывают на принадлежность к посаду: Анисья Белозерка, Александра Каргополка, Досифея Вологжанка, Марфа Моложанка. Во вкладных книгах Кириллова монастыря упоминаются даяния горицких монахинь родом из Каргополя, в том числе представительниц каргопольского рода посадских людей Мохнаткиных [13, с. 14, 18].

Горицкий монастырь был единственным женским в Белозерье, только здесь могли принять постриг женщины из округи и ближних уездов. Сохранились данные грамоты в Кирилло-Белозерский монастырь, куда завещались земельные угодья, а за это женщин (обычно это жены или матери вкладчиков) должны были постричь в Горицкий монастырь, и там их «покоить», то есть обитель воспринималась как богадельня, желанное место в старости, вдовстве или болезни. Иногда сами женщины делали земельные пожалования, например, старица Агафья, вдова царевича Михаила Кайбулатовича, в 1586/87 г. дала вкладом деревню Оладыно в Коломенском уезде и село Юрцево в Ростовском уезде стоимостью в 500 руб., за что ее должны были «покоить» в Горицком монастыре [4,

л. 623, 623 об.]. Известен случай, когда сам государь Алексей Михайлович в 1651 г. указал «постричь княжну Марфу княж Андрееву дочь Шеховского, а на вклад дано ей нашего великого государя жалованья сто рублей денег» [35]. Правда, причина пострига в данном случае неизвестна.

В обычае было, что при пострижении мужа в Кирилло-Белозерский монастырь его жена, а также другие родственницы постригались в соседнем Горицком. В упомянутых выше случаях с женщинами из семей белозерских служилых людей в 1569/70 г. сын боярский Истома Бураков дал вкладом в Кириллов монастырь деревню Панфилово в Посельской волости Городецкого стана Угличского уезда «по своей душе и по своих родителей», оговорив свой постриг «в Кирилове монастыре, а жену мою пожаловать постричь у Воскресения Христова в девичи монастыри в Горах» [3, л. 453 об., 454]. Белозерский дворянин Киприан Ашушкин в 1684 г. обменял свои вотчины в Белозерском и Московском уездах на вотчину Кирилло-Белозерского монастыря в Дмитровском уезде, оговорив, что после его смерти или пострига его жену и сестру примут в Горицкий монастырь, где уже жила его мать [2, л. 98 – 100 об.].

Хотя по обычаю постриг в Горицкий монастырь сопровождался вкладом, бывали исключения. В 1673 г. патриарх Питирим распорядился о безвкладном пострижении и содержании в Горицком монастыре крестьянской девки Федосьи Гавриловой, которая «скорбит болезнию и кормится Христовым именем, а учена-де она грамоте, а отца и матери и сродников у нее никою нет» [34]. В данном случае патриарх счел необходимым пояснить причину отсутствия вклада.

Без вклада в монастырь принимали родственниц воинов, павших на государственной службе. Так, в 1677 г. безвкладно была принята «безместная» (то есть не устроенная в монастыре) уже постриженная Ираида Руднева, родные которой служили царю Алексею Михайловичу «многие годы и побиты на нашего великого государя службах» [38]. В 1683 г. Василиса, вдова Костянтина Перфульева, жаловалась, что у нее «обещание... постричься на Белеозере в Горицком девичи монастыре, а вкладу ей за бедностью дать нечево», так

как ее четыре сына погибли «на наших великих государей службах, а пятой сын ранен, изрублен тяжелыми раны». Указом царей Ивана V и Петра I она получила разрешение в будущем быть постриженной «на убылое место» [6].

Однако известны случаи пострижений, когда уход в монастырь не был желанной целью женщины. В ситуации вынужденного пострига социальная принадлежность не играла роли: жены служилых людей, крестьян или посадских одинаково могли стать монахинями или в наказание за свое поведение, или оказавшись жертвами произвола своих мужей.

На постриге могла настаивать семья из-за недостойного поведения или болезни ее членов. Так, в документе 1659 г. упоминается помещицы дочь Анна Довотчикова, которая «в девках плутала и от отца с мужиком бегала, и от того стыда ради она и пострижена» [16]. Пострижение могло произойти из-за болезни, например слепоты: в 1676 г. бобыль Чаромского погоста Кириллова монастыря Петр Иванов отпустил жену свою Мавру в Горлицкую обитель «за немощь, что очми скорбна, постричься» [20]. В этом случае нельзя сказать, была ли болезнь действительной причиной или лишь поводом пострига.

Но имеется много прямых свидетельств пострига жен по воле мужей, не желавших с ними жить. В 1654 г. монахиня Анисья, в миру жившая в селе Старом Никольском Авнежской волости Вологодского уезда, жаловалась, что ее бывший муж крестьянин Терентий Нестеров «не похотел» с ней жить, и она «по договору с ним» постриглась в монашество, причем он «дал на себя запись» давать ей «погодно корм по полторы четверти ржи да овса по тому же» [42]. В данном случае «договор» означал не добровольность пострижения, а обязательство мужа содержать свою бывшую жену.

Развод (как и заключение брака) был делом духовной власти, и светское законодательство его не предусматривало. Решение постричься было главной причиной, по которой супруги могли получить благословение не жить более вместе. Поэтому желавшие разойтись с женами мужья прибегали зачастую к жестоким способам, чтобы заставить жену уйти в монастырь.

Вынужденность пострижения нередко была связана с тем, что муж жил с другой. Чтобы избавиться от жены, применялось как прямое физическое насилие, доходившее до членовредительства, так и лишение пропитания. В 1659 г. вологжанка Анютка Иванова дочь била челом архиепископу Маркеллу на своего мужа Григорья Прокопьева сына, который «пьет безобразно», живет «с чюжими», а ее «бьет и мучит без вины напрасно». 20 июля, по ее словам, он «збил меня з двора в одном сараненьке», заявив: «а ко мне-де не приходи, мой-де грех, а твой де-рок». Григорий обещал ее убить, если она вернется, поэтому Анютка «от таковы муки и от позорно-во житья» согласилась принять монашеский постриг [39]. В 1655/56 г. такая участь постигла Наталью, жену помещика Андрея Иванова сына Арамейкова. Согласно ее челобитной архиепископу, она «от ево налоги и от напрасные муки, и от ево беззаконного житья постриглась» [43].

Примерно в это же время белозерец Иван Мещеренинов, прожив 12 лет с женой Каптелиной, сестрой вологодского помещика Ивана Хлюденева, завел себе любовницу, дворовую девку Матренку, а жену свою «возненавидел» и стал добиваться ее ухода в монастырь. Если верить ее челобитной, он ее «мучил всякими муками, и ноги переломал, и голову испробил, и саблею рубил, и огнем жег, и ногу де-правую прочь отломил; и ныне-де она от него, Ивана, стала глуха и слепа и ничем не владеет». В 1668/69 г. Каптелина постриглась в монашество, причем Мещеренинов лишь под давлением бывшего зятя Хлюденева согласился внести за нее вклад и оплатить приобретение кельи и коровы [7].

Однако, если женщина проявляла твердость и при этом у нее находились сильные защитники, готовые принять участие в рассмотрении этого дела (например, как в данном случае, поручиться за ее мужа), она имела шанс сохранить брак. Известен случай, когда в 1647 г. вологжанка Марина Васильева дочь била челом архиепископу Маркеллу на своего мужа Якима Ширинкина, который, по ее словам, «не поит меня, не кормит, <...> и одежи и обуви на меня не кладет». Все это он делал, желая побудить ее уйти в монастырь. Однако Марина заявила архиепископу:

«...Мне, государь, постричися не хочет<ся> и кормитца нечем». Ей удалось добиться проведения розыска, в результате которого Яким обязался «жить <...> с нею, как иные мужи з женами живут», предполагалось, что он ее «поит, и кормит, и одевает, и обуваит, а силою ее не постричь, руки ноги не изломить, и глаза не выколоть». В этом деле за Якима поручились «ямской староста Петр Никитин» и вологодские ямщики. Если бы он не выполнил своего обещания, ямщики должны были выплатить пеню, «что государь архиепископ укажет» [5]. По-видимому, Яким был вынужден считаться со своими поручителями, хотя окончательный исход дела нам не известен.

Церковь негативно относилась к практике насильственного пострижения, наказывая причастных к этому священнослужителей. Так, в 1686 г. в Спасо-Каменный монастырь под надзор был прислан Иоаким, бывший строитель Новонысомского монастыря Пензенского уезда, «за ево плутовство, что он ездил с Москвы в князь Михайлову деревню Вологодского Болховского постригать жену ево княгиню Ксенью беззаконно, поневоле» [40]. Тем не менее, как было показано, на деле случаи если не насильственного, то вынужденного пострижения были далеко не единичны.

Отдельным вопросом является использование монастырей в качестве мест заключения. Для некоторых женщин Горицкий монастырь служил местом ссылки по религиозным и уголовным делам. В 1636 г. туда была послана «под начал» к игуменье «новокрещенная жонка немка Огрофенка». Перейдя в православие, она веру «ныне нарушила и впредь в православной крестьянской вере быть не хочет». Монастырь в этом случае становился местом перевоспитания. Патриарх Иоасаф предписал властям Кирилло-Белозерского монастыря послать в Горицкий монастырь «черного попа или старца духовна и искусна добра, которой бы божественных писаний доволно исполнен, и велели ему тое новокрещеную жонку немку Огрофенку в духовне с игуменьею и с сестрами навещати» [37].

На жительство в Горицкий монастырь отправляли мусульманок. В 1657 г. в Горицах находилась касимовская царица Фатима. О ней известно, что, уже находясь там, с раз-

решения «собора» она трижды брала займы деньги, в общей сложности на 21 рубль [22]. В 1658 г. по распоряжению патриарха Никона Фатима получила возможность вернуться в Касимов. Перед отъездом она вернула долг [25, л. 2]. 21 февраля 1658 г. при отъезде Фатиме, ее приказным и «людям» горицкие старицы поднесли «белозерской рыбы и братин корелчатых чашек и ложек репчатых и шадровых» на 1 рубль 30 алтын [23, л. 15 об., 16; 25, л. 14, 14 об.]. Таким образом, Фатима пребывала в монастыре именно как царица со своей свитой и на свой счет. Однако содержание иноверки в православном монастыре следует оценивать как своего рода ссылку.

В 1657 г. в Кириллов и Горицкий монастыри прислали крымских полоняников Магомета Дюденева, Ахмета Мевлекова, жонку Батьму Батаулову да девку Апшейку Бовбекову. Очевидно, двух мужчин заключили в Кириллове, а женщину в Горицком монастыре. Их предписывалось кормить «монастырской рядовой пищей», а если пленники «учнут бити челом о крещении в православную веру», то власти монастырей должны написать об этом в Москву [36].

Наконец, в монастыри заключали, как известно, староверов. В 1681 г. в Горицкий монастырь была сослана «раскольница» Анна Хилкова, которая, несмотря на все предписанные строгости и усиленный контроль, в 1685 г. сбежала оттуда [29, с. 7–14].

Частым явлением был перевод провинившихся инокинь в другую обитель, который при определенных обстоятельствах означал тоже своего рода ссылку. В 1665 г. в Горицы прибыла бывшая игуменья Рождественского монастыря, «что на Москве у Трубы», Ираида Еганова. Ее предписывалось «держатъ под крепким началом и с монастыря никуды спускать» [37]. В 1667 г. в Горицкий монастырь была сослана старица Покровского Суздальского монастыря Параскева по обвинению, что она «игуменья была непослушна» [15]. В декабре 1682 г. крылошанки московского Вознесенского монастыря Евфимия и Петранида «за бисчинное и растленное их житие посланы под начал» в Горицкий монастырь. Через два года горицкая игуменья Евфимия била челом патриарху, что «ссыльная Петранида живет у них в монастыре не в послушании

и не по монастырскому чину, многих себе подобных и непостоянных смущает и приводит на всякие мятежи», и просила выслать ее в иной монастырь. Тем не менее патриарх приказал оставить обеих в Горицах, ужесточив им содержание [33].

Известны случаи, когда наказанием за уголовное преступление являлась ссылка в монастырь и пострижение, а иногда им заменялась смертная казнь [11]. Так, в ноябре 1676 г. из приказа Большого Дворца была послана в Горицкий монастырь «жонка Анница Иванова», которая «в убийственном деле была окопана пять дней», но вместо смерти было велено ее «по ее обещанию постричь тотчас» и держать «под крепким началом» [8]. В 1697 г. в Горицкий монастырь была прислана Фетюшка Леонтьева дочь, «дворовая жонка» стольника князя П.А. Голицына. «По розыскному делу в убийстве мужа ее Аврамки Иванова» она подлежала смертной казни, но царь Петр I ради «поминовения блаженных памяти» своих брата и матери велел бить ее кнутом и постричь в Горицком монастыре, «и быть ей там безвыходно». По Соборному уложению за умышленное убийство мужа полагалась смертная казнь. Однако в самодержавной России царская воля была высшим законом, и в данном случае пострижение оказалось милостью [12].

Похожий случай имел место в 1699–1700 годах. Аринка Андреева дочь, вдова солдата Преображенского полка Дмитрия Шемарулина, «за воровство ее» вместо смертной казни была бита кнутом и сослана в Горицкий монастырь, где должна была находиться «до кончины живота ея». Однако она оттуда, видимо, сбежала, и 1 июня 1700 г. ее поймали уже в Москве с краденой шубкой и треухом. После этого она была опять «бита на козле кнутом» и отправлена обратно в Горицкий монастырь, чтобы «держаться под самым крепким началом в монастырских трудах до кончины живота ее и смотреть того накрепко, чтоб она ис того монастыря не ушла и впредь на Москву не являлась» [9].

Наконец, еще один случай попадания в обитель отмечен в июне 1685 года. По грамоте царей Ивана V и Петра I из Москвы в Горицкий монастырь была прислана «за воровские непристойные слова жонка Паран-

ка». Что это были за непристойные слова, неизвестно, но, поскольку они именуются также «воровскими», в них, видимо, содержался (или подозревался) некий выпад против власти. Если бы Паранка пожелала принять постриг, «о пострижении ее велели учинить по своему рассмотрению», если же «объявится хотя в малом каком воровстве или в непристойных словах», ее следовало «держаться в тюрьме с великим бережением». После пострижения за ней необходимо было следить, чтобы «она тем не освободилась, и в той свободе ис того монастыря куды не ушла, и над собою какова дурна не учинила» [10]. Таким образом, сам факт пострижения менял жизнь заключенной в монастыре, из колодницы она превращалась в монахиню, что предполагало определенную свободу. Вероятно, Паранка постриг не приняла и не успокоилась, так как в июле 1686 г. из Москвы пришла грамота с требованием «жонку вдову черкаску Паранку» отправить в Вологду, так как она подлежала ссылке в Сибирь [11]. В данном случае царская воля допускала постриг, но в конце концов было принято решение о более строгом наказании.

Результаты. Исследование комплекса сохранившихся документов показало, что Горицкий монастырь в XVII в. пополнялся женщинами, происходившими из самых разных социальных слоев – от крестьянок и жительниц городов до представительниц высшей знати. Для первых монастырь был ближайшим или даже единственным возможным местом пострига. Среди причин принятия монашества, которые отразились в источниках, известны: постриг супруга, желание отца сбыть с рук неустроенных дочерей, стремление обрести материально обеспеченную старость. Особым случаем был постриг по воле мужа, желавшего избавиться от нелюбимой жены. Для родственниц монастырских насельников и священников монастырская стезя являлась в XVII в. естественной и закономерной. Согласно материалам Горицкого монастыря, вклады за пострижение составляли от 5 до 10 рублей. Безвкладное пострижение было возможно по прямому распоряжению царя.

Для ряда женщин Горицкий монастырь стал местом ссылки. Причиной могло быть как неподобающее поведение монахинь из ме-

нее отдаленных от Москвы монастырей, так и неподчинение церковным властям по религиозным причинам. В ряде случаев монастырь становился местом пребывания женщин, совершивших государственное или уголовное преступление. Наконец, в Горицах могли оказаться женщины неправославного вероисповедания, для которых монастырь становился местом заключения или интернирования.

Столь различные мотивы пострижения или просто содержания в горицкой обители во второй половине XVI – XVII в. позволяют сделать вывод о том, что удаление «от мира» за монастырские стены не означало разрыва связей с ним. Монастырь оставался неотъемлемой частью московского общества и государственных институтов средневековой России, пронизанных религиозной идеей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бошкова Н. Мир русской женщины XVII века. СПб.: Алтейя, 2014. 524 с.
2. Данная грамота К.М. Ашушкина в Кирилло-Белозерский монастырь. 1684 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). AI 16. № 46. Л. 98–102.
3. Данная грамота И.В. Буракова в Кирилло-Белозерский монастырь. 1569/1570 г. // ОР РНБ. AI 17. № 889. Л. 453 об. – 454.
4. Данная грамота старицы княгини Агафьи в Кирилло-Белозерский монастырь. 1586/1587 г. // ОР РНБ. AI 17. № 947. Л. 623 – 623 об.
5. Дело о конфликте между Якимом и Мариной Ширинкиными. 1647 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Колл. 117. Оп. 1. Д. 170. 6 сст.
6. Дело о пострижении в монашество вдовы В. Перфульевой. 1684 г. // Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6106. 6 сст.
7. Дело о пострижении в монашество К. Мещерининовой. 1667 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 683. 12 сст.
8. Дело о пострижении в монашество помилованной А. Ивановой. 1676 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 392. 2 сст.
9. Дело о ссылке А.А. Шемарулиной в Горицкий монастырь. 1700 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 11577. 6 сст.
10. Дело о ссылке женки Паранки в Горицкий монастырь. 1685 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 471. 4 сст.
11. Дело о ссылке женки Паранки в Сибирь. 1686 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 491. 3 сст.
12. Дело о ссылке женки Фетюшки в Горицкий монастырь. 1697 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 624. 2 сст.
13. Дмитриева З. В., Сазонова Т. В. Вклады горицких старцев в Кирилло-Белозерский монастырь (вторая половина XVI – начало XVII века) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 8–20.
14. Дополнения к Никоновской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 13. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 544 с.
15. Жалованная грамота патриарха Иоасафа. 1667 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 196 (Собр. Мазурина). Оп. 2. № 79. 1 сст.
16. Изветная челобитная игуменьи Горицкого монастыря Мавры архиепископу Маркеллу. 1659 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1590. 15 сст.
17. Кабачин И. Обитель опальных княгинь. М.: Перо, 2019. 412 с.
18. Летопись Горицкого монастыря // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 288–355.
19. Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1994. Вып. 1. С. 261–287.
20. Память бобыля Чаромского погоста П. Иванова. 1676 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 6. Д. 65. 1 сст.
21. Приходные книги Горицкого монастыря. 1683–1685 гг. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 873. 11 л.
22. Приходо-расходная книга Горицкого монастыря. 1656–1658 гг. // РГАДА. Ф. 1441. Д. 1615. 14 л.
23. Приходо-расходная книга Горицкого монастыря. 1658–1659 гг. // РГАДА. Ф. 1441. Д. 1616. 42 л.
24. Приходо-расходные книги Горицкого монастыря. 1650–1656 гг. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 869. 39 л.
25. Приходо-расходные книги Горицкого монастыря. 1658–1659 гг. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 870. 32 л.

26. Сазонова Т. В. «Выбрать в игуменьи старицу добру и искусну»: Мавра Волоцкая – игуменья Воскресенского Горицкого монастыря // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 7–18.
27. Сазонова Т. В. Княгиня Евфросинья Старицкая – основательница Горицкого монастыря // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 7 (23). СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 377–383.
28. Сазонова Т. В. Штрихи к портрету царицы инокини Дарьи Колтовской // Новгородский исторический сборник. 2023. Вып. 20 (30). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. С. 140–149.
29. Сазонова Т. В. «...Чинила Святейшей Церкви противность»: княгиня Анна Хилкова в Горицком монастыре // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 7–18.
30. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: АСТ, 2005. 496 с.
31. Сокровища Русского Севера: из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника / авт.-сост. Е. Г. Щурина. Мытищи: Кирилло-Белозер. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2014. 108 с.
32. Указная грамота патриарха Иоакима в Кирилло-Белозерский монастырь. 1681 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 484. Д. 64. Ст. 78. 100 сст.
33. Указная грамота патриарха Иоакима в Кирилло-Белозерский монастырь. 1684 г. // РГАДА. Ф. 196 (Собр. Мазурина). Оп. 2. № 112. 1 сст.
34. Указная грамота патриарха Питирима в Кирилло-Белозерский монастырь. 1673 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 360. 1 сст.
35. Указная грамота царя Алексея Михайловича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1651 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. № 64. 1 сст.
36. Указная грамота царя Алексея Михайловича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1657 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. № 56. 1 сст.
37. Указная грамота царя Алексея Михайловича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1665 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. № 74. 4 сст.
38. Указная грамота царя Федора Алексеевича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1676 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 395. 1 сст.
39. Челобитная вологжанки А. И. Прокопьевой архиепископу Маркеллу. 1659 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 479. 1 сст.
40. Челобитная игумена Иоасафа архиепископу Гавриилу. 1686 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 1707. 1 сст.
41. Челобитная игуменьи Горицкого монастыря Марфы архиепископу Симону. 1679 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5308. 2 сст.
42. Челобитная старицы Анисьи архиепископу Симону. 1655 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 591. 1 сст.
43. Челобитная старицы Настасьи архиепископу Маркеллу. 1656 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 420. 1 сст.

REFERENCES

1. Boshkovska N. *Mir russkoj zhenshchiny XVII veka* [The World of the Russian Woman of the 17th Century]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2014. 524 p.
2. Dannaya gramota K.M. Ashushkina v Kirillo-Belozerskij monastyr. 1684 g. [The Contribution Letter from K.M. Ashushkin to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1684]. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki* (hereinafter – OR RNB) [National Library of Russia, Depot of Manuscripts], AI 16, no. 46. l. 98-102.
3. Dannaya gramota I.V. Burakova v Kirillo-Belozerskij monastyr. 1569/1570 g. [The Contribution Letter from I.V. Burakov to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1569/1570]. *OR RNB* [National Library of Russia, Depot of Manuscripts], AI 17, no. 889, l. 453 r. - 454.
4. Dannaya gramota staricy knyagini Agafyi v Kirillo-Belozerskij monastyr. 1586/1587 g. [The Contribution Letter from Nun Princess Agafya to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1586/1587]. *OR RNB* [National Library of Russia, Depot of Manuscripts], AI 17, no. 947, l. 623-623 r.
5. Delo o konflikte mezhdru Yakimom i Marinoj Shirinkinyami. 1647 g. [The Inquiry of a Conflict Between Yakim and Marina Shirinkins]. *Sankt-Peterburgskij institut istorii RAN* (hereinafter – SPbII RAN) [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 170. 6 scrolls.
6. Delo o postrizhenii v monashestvo vdovy V. Perfulyevoy. 1684 g. [The Case of Taking a Veil by V. Perfulyeva]. *Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 6106. 6 scrolls.

7. Delo o postrizhenii v monashestvo K. Meshcherininovoj. 1667 g. [The Case of Taking a Veil by K. Meshcherinova]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 683. 12 scrolls.
8. Delo o postrizhenii v monashestvo pomilovannoj A. Ivanovoj. 1676 g. [The Case of the Taking a Veil by Pardoned A. Ivanova. 1676]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 392. 2 scrolls.
9. Delo o ssylke A.A. Shemarulinoj v Gorickij monastyr. 1700 g. [The Case of A.A. Shemarulina's Exile to the Goritsky Nunnery. 1700]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 11577. 6 scrolls.
10. Delo o ssylke zhonki Paranki v Gorickij monastyr. 1685 g. [The Case of Paranka's Exile to the Goritsky Nunnery. 1685]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 471. 4 scrolls.
11. Delo o ssylke zhonki Paranki v Sibir. 1686 g. [The Case of Paranka's Exile to Siberia. 1686]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 491. 3 scrolls.
12. Delo o ssylke zhonki Fetiushki v Gorickij monastyr. 1697 g. [The Case of Fetiushka's Exile to the Goritsky Nunnery]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 624. 2 scrolls.
13. Dmitriyeva Z.V., Sazonova T.V. Vklady gorickikh staric v Kirillo-Belozerskij monastyr (vtoraya polovina XVI – nachalo XVII veka) [Donations of Goritsky Nuns to the Kirillo-Belozersky Monastery (The Second Half of the 16th – Beginning of the 17th Century)]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 3 (27), pp. 8-20.
14. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi [Additions to the Nikon Chronicle]. *Polnoe sobraniye russkikh letopisej. T. 13* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., 2000. 544 p.
15. Zhalovannaya gramota patriarkha Ioasafa. 1667 g. [Commendation Letter from Patriarch Joasaph]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (hereinafter – RGADA) [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 79. 1 scroll.
16. Izvetnaya chelobitnaya igumenyi Gorickogo monastyrya Mavry arkhiepiskopu Markellu. 1659 g. [Denunciation letter of Mavra, Abbess of the Goritsky Nunnery, to Archbishop Markell. 1659]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 1590. 15 scrolls.
17. Kabachin I. *Obitel opalnyh knyagin* [The Convent of the Disgraced Princesses]. Moscow, Pero Publ., 2019. 412 p.
18. Letopis Gorickogo monastyrya [Chronicle of the Goritsky Nunnery]. *Kirillov. Istoriko-kraevedcheskiy almanakh. Vyp. 1* [Kirillov. Historical and Local History Almanac. Iss. 1]. Vologda, Rus Publ., 1994, pp. 288-355.
19. Otpisnaya kniga Voskresenskogo Gorickogo devichyego monastyrya otpischikov Kirillova monastyrya chernogo popa Matveya i starca Gerasima Novgorodca igumenye Marfe Tovarishchevykh [The Handover Book of the Voskresensky Goritsky Nunnery Written by Black Priest Matvey and Monk Gerasim of Novgorod, to Abbess Marfa Tovarishcheva]. *Kirillov. Istoriko-kraevedcheskiy almanakh* [Kirillov. Historical and Local History Almanac]. Vologda, Rus Publ., 1994, iss. 1, pp. 261-287.
20. Pamyat bobylya Charomskogo pogosta P. Ivanova. 1676 g. [Memorial by P. Ivanov, Bobyl of Charomsky Churchyard. 1676]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 6, d. 65. 1 scroll.
21. Prikhodnye knigi Gorickogo monastyrya. 1683–1685 gg. [Income Books of the Goritsky Nunnery. 1683–1685]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 873. 11 l.
22. Prikhodo-raskhodnaya kniga Gorickogo monastyrya. 1656–1658 gg. [Income and Expense Book of the Goritsky Nunnery. 1656–1658]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 1441, d. 1615. 14 l.
23. Prikhodo-raskhodnaya kniga Gorickogo monastyrya. 1658–1659 gg. [Income and Expense Book of the Goritsky Nunnery. 1658–1659]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 1441, d. 1616. 42 l.
24. Prikhodo-raskhodnye knigi Gorickogo monastyrya. 1650–1656 gg. [Income and Expense Books of the Goritsky Nunnery. 1650–1656]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 869. 39 l.
25. Prikhodo-raskhodnye knigi Gorickogo monastyrya. 1658–1659 gg. [Income and Expense Books of the Goritsky Nunnery]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 870. 32 l.
26. Sazonova T.V. «Vybrat v ygumenyi staritsu dobru i iskusnu»: Mavra Volotskaya – igumenya Voskresenskogo Goritskogo monastyrya [“To Elect a Good and Skillful Abbess”: Mavra Volotskaya, Abbess of the Goritsky Convent]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2021, no. 4, pp. 7-18.
27. Sazonova T.V. Knyaginya Evfrosinya Starickaya – osnovatel'nica Gorickogo monastyrya [Princess Euphrosyne Staritskaya – Founder of the Goritsky Nunnery]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*.

Вып. 7 (23) [Proceedings of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Iss. 7 (23)]. Saint Petersburg, Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2022, pp. 377-383.

28. Sazonova T.V. Shtrikhi k portretu caricy inokini Daryi Koltovskoj [Strokes to the Portrait of the Tsarina Nun Daria Koltovskaya]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. 2023. Вып. 20 (30) [Novgorod Historical Collection. 2023. Iss. 20 (30)]. Veliky Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2023, pp. 140-149.

29. Sazonova T.V. «...Chinila Svyatejshej Cerkvi protivnost»: knyaginya Anna Khilkova v Gorickom monastyre [“...She Was Doing the Opposite to the Holy Church”: Princess Anna Khilkova in the Goritsky Nunnery]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2025, no. 3, pp. 7-18.

30. Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publ., 2005. 496 p.

31. Shchurina E.G., ed. *Sokrovishcha Russkogo Severa: iz sobraniya Kirillo-Belozerskogo muzeya-zapovednika* [Treasures of the Russian North: from the Collection of the Kirillo-Belozersky Museum-Reservate]. Mytishchi, Kirillo-Beloz. ist.-arhitekt. i hudozh. muzej-zapovednik, 2014. 108 p.

32. Ukaznaya gramota patriarkha Ioakima v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1681 g. [Order of Patriarch Joachim to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1681]. *Otdel pismennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [State Historical Museum. Department of Written Sources], f. 484, d. 64, scroll 78. 100 scrolls.

33. Ukaznaya gramota patriarkha Ioakima v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1684 g. [Order of Patriarch Joachim to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1684]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 112. 1 scroll.

34. Ukaznaya gramota patriarkha Pitirima v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1673 g. [Order of Patriarch Pitirim to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1673]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 360. 1 scroll.

35. Ukaznaya gramota caria Alekseja Mihailovicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1651 g. [Order of Tsar Alexei Mikhailovich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1651]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 64. 1 scroll.

36. Ukaznaya gramota caria Alekseja Mihailovicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1657 g. [Order of Tsar Alexei Mikhailovich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1657]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 56. 1 scroll.

37. Ukaznaya gramota caria Alekseja Mihailovicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1665 g. [Order of Tsar Alexei Mikhailovich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1665]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 74. 4 scroll.

38. Ukaznaya gramota caria Fiodora Alekseevicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1676 g. [Order of Tsar Fyodor Alekseevich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1676]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 395. 1 scroll.

39. Chelobitnaya vologzhanki A. I. Prokopyevoy arkhiepiskopu Markellu. 1659 g. [Petition of Vologda resident A. I. Prokopieva to Archbishop Markell. 1659]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 117, inv. 1, no. 479. 1 scroll.

40. Chelobitnaya igumena Ioasafa arkhiepiskopu Gavriilu. 1686 g. [Petition of Abbot Joasaph to Archbishop Gabriel. 1686]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 117, inv. 1, d. 1707. 1 scroll.

41. Chelobitnaya igumenyi Gorickogo monastyrya Marfy arkhiepiskopu Simonu. 1679 g. [Petition of Martha, Abbess of the Goritsky Nunnery, to Archbishop Simon. 1679]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 5308. 2 scrolls.

42. Chelobitnaya staricy Anisyi arkhiepiskopu Simonu. 1655 g. [Petition of Nun Anisya to Archbishop Simon. 1655]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 591. 1 scroll.

43. Chelobitnaya staricy Nastasyi arkhiepiskopu Markellu. 1656 g. [Petition of nun Nastasia to Archbishop Markell. 1656]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 420. 1 scroll.

Information About the Author

Tatyana V. Sazonova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Сазонова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.10>

UDC 94(47).044+281.093+271

LBC 86.372.24–64

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 13.01.2026

DAILY COMPONENT OF ENSURING VERTICAL TIES OF THE ASSUMPTION TIKHVIN MONASTERY WITH THE AUTHORITIES OF NOVGOROD DISTRICT IN THE 1620s–1650s

Olga A. Abelentseva

Institute of History of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The daily vertical ties between the Assumption Tikhvin Monastery and the secular and ecclesiastical authorities of the Novgorod district were largely determined by the annual cycle of Christian holidays, when visits to government representatives with traditional gifts were required. Such visits were not motivated by a need for the authorities' assistance in any particular matter. However, the size of the offerings and the range of recipients demonstrate the degree of interest of the monastery authorities in their assistance. The purpose of this study is to characterize the routine component of the process of maintaining vertical ties. *Methods and materials.* The monastery archives contain expense books, lists of the monastery elders' and servants' travel expenses, and lists of gift distributions, which allow for an analysis of the components of this process. The preservation of the column lists is not satisfactory for all periods. Their absence is compensated by the presence of copies in the expense books as included documents. Rough lists of travel expenses allow for the identification of their routes, noting minor expenses at stops in populated areas. The data was obtained through a comparative analysis of the aforementioned sources. *Analysis.* Traditionally, the trip took place at the end of the Nativity Fast, when gifts of fish were distributed. Before Lent, bread was distributed, and after the end of the Apostles' Fast, sturgeon was distributed. Also obligatory were visits to the authorities in Moscow and Veliky Novgorod with water blessed on the patronal feast day of the monastery's main church, the Dormition Cathedral. Icons of the Mother of God were also presented at this time. Communication with the authorities also entailed the presentation of small sums or offerings to all persons related to the Novgorod voivode and metropolitan authorities, from the guards and doorkeepers down. *Results.* An analysis of the sources allowed us to establish the frequency of obligatory etiquette contacts, identify the circle of individuals, in addition to government officials, with whom the monastery maintained horizontal ties, and demonstrate in detail the implementation of the principle of hierarchy in everyday communication. Lists of offering distributions also provide a valuable prosopographical source, allowing us to clarify data on the tenure of certain individuals in their positions.

Key words: Assumption Tikhvin Monastery, Novgorod district, Novgorod voivode, Novgorod metropolitan, history of everyday life, vertical ties.

Citation. Abelentseva O.A. Daily Component of Ensuring Vertical Ties of the Assumption Tikhvin Monastery with the Authorities of Novgorod District in the 1620s–1650s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 112–121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.10>

ПОВСЕДНЕВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕРТИКАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ УСПЕНСКОГО ТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ С ВЛАСТЯМИ НОВГОРОДСКОГО УЕЗДА В 1620–1650-е ГОДЫ

Ольга Алексеевна Абеленцева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Повседневные вертикальные связи Успенского Тихвинского монастыря со светскими и духовными властями Новгородского уезда во многом определялись годовым кругом христианских праздников, когда следовало посещать представителей властей с традиционными дарами. Такие визиты не были связаны с потребностью в содействии властей в каком-либо деле. Однако размеры подношений и круг одаряемых лиц показывают степень заинтересованности монастырских властей в их содействии. Цель исследования – охарактеризовать рутинную составляющую процесса поддержания вертикальных связей. *Методы и материалы.* В архиве обители сохранились расходные денежные книги, росписи расходов монастырских старцев и слуг в поездках, росписи раздач подношений, позволяющие проанализировать составляющие названного процесса. Степень сохранности росписей в столбцах не для всех периодов удовлетворительна. Их отсутствие компенсируется наличием копий в расходных книгах в качестве включенных документов. Черновые росписи расходов в поездках позволяют установить их маршруты, отмечая мелкие расходы на остановках в населенных пунктах. Данные получены путем сравнительного анализа названных источников. *Анализ.* Традиционно поездка совершалась в конце Рождественского поста, когда одаряли рыбой. Перед Великим постом развозили хлеба, после окончания Петрова поста – осетров. Вместе с тем обязательными были поездки к властям в Москву и в Великий Новгород с водой, освященной на престольный праздник главного храма монастыря Успенского собора, тогда же подносили иконы Богоматери. Общение с властями предполагало также одаривание небольшими суммами или подношениями всех лиц, относящихся к органам власти новгородского воеводы и митрополита, начиная от сторожей и придверников. *Результаты.* Анализ источников позволил установить частотность обязательных этикетных контактов, выявить круг лиц, помимо представителей властей, с которыми монастырь поддерживал горизонтальные связи, в деталях показать реализацию принципа иерархичности в повседневном общении. Росписи раздач подношений также являются ценным просопографическим источником, позволяющим уточнить данные о пребывании на должностях дьяков, подьячих и членов воеводского и митрополичьего дворов.

Ключевые слова: Успенский Тихвинский монастырь, Новгородский уезд, новгородский воевода, новгородский митрополит, история повседневности, вертикальные связи.

Цитирование. Абеленцева О. А. Повседневная составляющая обеспечения вертикальных связей Успенского Тихвинского монастыря с властями Новгородского уезда в 1620–1650-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 112–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.10>

Введение. Поддержание вертикальных связей являлось неотъемлемой частью жизни любого средневекового монастыря, так как от лояльности властей зависело благосостояние обителей. В России общество средневекового и раннего Нового времени было пронизано многовекторными связями, формы поддержания которых носили традиционный характер, постепенно выработанный в процессе христианизации. Контакты монастыря с властями могли быть вызваны как насущны-

ми потребностями (судебные тяжбы, уплата налогов), так и этикетными (например, поздравления с праздниками). В историографии при рассмотрении взаимоотношений властей с монастырями, как правило, остаются вне поля зрения процессы, сопутствовавшие повседневному взаимодействию, – затраты и усилия, прилагавшиеся монастырями для их обеспечения. Исключение составляют исследования о подношениях, почестях и посулах, выплачивавшихся должностным лицам для получения

монастырями желаемых ими результатов во время ведения дел в приказах [30–32]. Цель данной статьи – охарактеризовать рутинную сторону повседневного общения на примере контактов Успенского Тихвинского монастыря со светскими и духовными властями Новгородского уезда, на территории которого находился монастырь.

Методы и материалы. В архиве Успенского Тихвинского монастыря за XVII в. имеются источники для изучения процессов обеспечения взаимодействия обители с властями. Это расходные книги, росписи расходов в поездках и раздач подношений, отписки. Данные этих документов в некоторых случаях дополняют друг друга. Росписи расходов в поездках сохранились в основном в чистовиках, где данные о ежедневных расходах, например, на приобретение продуктов и конского корма, складывались и записывались одной суммой. Особую ценность представляют немногие дошедшие до нас черновики, в которых фиксировался ежедневный расход, в том числе в дороге, что позволяет отчасти проследить маршруты поездок. Беловики росписей оформлялись после возвращения командированного в монастырь. Используемый формуляр росписей расходов не предусматривал указание даты их составления. Иногда писалась дата начала поездки и/или даты отдельных расходов. На оборотах чистовиков встречаются пометы монастырских дьячков о том, в какой месяц росписи были скопированы в расходную денежную книгу. Если поездка была длительной, то роспись вносилась в книгу в конце следующего месяца или еще позже как включенный документ. Росписи раздач подношений сохранились в архиве монастыря, начиная с 1650-х годов. Тогда они датировались только сентябрьским годом, а в 1660-х иногда указывался месяц или полная дата [21, л. 1–2].

Для первой половины XVII в. основным источником сведений о поездках являются расходные книги. Подсчеты за 1623–1633 гг. показали, что в столбцах сохранилось менее 4 % росписей расходов в поездках по всем направлениям из числа скопированных в книги [1]. В следующее десятилетие степень сохранности росписей повышается – из росписей расходов в поездках в Великий Новгород

в столбцах сохранилось 40 из 126 (32 %). В записях об этикетных выплатах как правило не используется обозначающая их терминология. В основном писали, что такому-то лицу даны деньги или другое подношение. Изредка дары называли гостинцами или почестью, но суммы были несопоставимыми с почестями при деловых контактах. Выявление и сравнительный анализ данных ранее названных документов позволяют установить степень регулярности обязательных поездок в Великий Новгород, маршруты движения, а также некоторые особенности отношений монастырских старцев и слуг с вышестоящими.

Анализ. В XVII в. в России сложились свои этикетные нормы общения с властями и благодетелями. Такое общение, как уже было сказано, во многом было привязано к годовому кругу христианских праздников, в которые монастырская братия преподносила представителям властей, вкладчикам, просто мирянам и духовенству положенные корма и дары.

Наибольшее число визитов монастырских старцев и слуг совершалось в уездный центр – Великий Новгород. Здесь происходило взаимодействие с воеводой, дьяком, подьячими, новгородским митрополитом и людьми его двора и двора воеводы.

Маршруты поездок. До Великого Новгорода ездили тремя маршрутами в зависимости от сезона и цели поездки. Тяжелые грузы летом везли водным путем – по рекам Тихвинке, Сяси, Ладожскому озеру и далее по Волхову. Этот маршрут был сопряжен с преодолением водных препятствий, основными из которых были пороги на реках Волхове, Сяси и Паше. Подъем одного судна, вероятно, в зависимости от его размеров на известном Ладожском пороге на Волхове стоил 6–10 алтын, а спуск – 3–4 алтына [9, л. 49 – 49 об.]. Подъем на пороге у Кулейки на реке Сяси стоил 8 денег при найме четырех человек [28]. Осенью 1632 г., когда монастырские старцы ездили в Великий Новгород за новым игуменом Сергием на нескольких судах, на Ладожском пороге был уплачен рубль, а на Сяси – 16 алтын 4 деньги [7, л. 99 об., 102]. Если приходилось двигаться против течения, то нанимали так называемых тяглецов, давая им «на лапти». Второй маршрут был частично сухопутным. На лошадях

ехали до Пчевжи, Оскую и Грузина, где пересаживались на суда. По пути оплачивали корм лошадям. Наем одного судна до Великого Новгорода в 1651/52 г. стоил 10 алтын [25]. Для поездок без груза летом, а зимой по санному пути, обходились конным транспортом. На этом маршруте упоминаются населенные пункты вдоль Волхова – Пчевжа, Осуй, Высокое, река Питьба, Ковалево и Волховец [26].

Для приезда слуг и старцев у монастыря имелось подворье на Федорове улице Плотницкого конца Торговой стороны. Согласно переписной книге Великого Новгорода 1646 г., двор монастыря стоял на тяглом месте [5, с. 88], то есть обязан был принимать постояльцев. Царскую указную грамоту с освобождением от постоя монастырь получил только в 1663 г. на том основании, что «стояльцы, не проча себе то их монастырское подворье, хоромы огноили, и всякое дворовое строенье обожгли, и в саду деревья перерубили» [3, с. 104–106]. В 1669 г. новгородский подьячий Иван Алексеев предложил монастырю купить для осадного времени двор его покойного отца на Софийской стороне в Большом городе, так как «у новгородских у всех монастырей в том городе подворья покуплены, а у иных построены» [6, л. 2–3].

Знакомство с широким спектром единовременных и регулярных выплат, вносимых монастырскими старцами в процессе общения, следует начать с выплат приворотникам, придверникам и сторожам. Если представители монастыря хотели обратиться по какому-либо делу в органы власти или к кому-то лично, то сперва надо было попасть в приказ или во двор к нужному человеку. Без небольшой платы войти было невозможно – сторожа и приворотники были не только в приказах, но и на боярских, дьячих и митрополичьем дворах и в митрополичьей канцелярии. Эти платежи делались в процессе любого взаимодействия – и делового, и во время праздничных визитов. Оплата одному сторожу или приворотнику составляла от 2 до 4 денег. Например, в одном случае названо даже имя митрополичьего сторожа в Великом Новгороде – Гриши, ему заплатили 4 деньги, в других случаях сторожу митрополита платили то 2, то 4, но причины дифференцированного подхода в расходных книгах не поясняются. Сторожа

в митрополичьем дворе платили 4 или 8 денег. Иногда в росписях сумму на такие расходы указывали в целом в рамках одной поездки: «Да в розряде вышло сторожом и митрополичим придверником 2 алтына» [13, л. 37]; «В розрядех сторожем, и митрополичим келейником, и боярским и дьячим приворотником вышло 7 алтын 4 деньги» [7, л. 100].

Сразу после приезда в город старца или монастырского слуги следовало отнести гостинцы властям. Цена дара, возможно, зависела от статуса прибывшего. Так, по приезде игумена Герасима было куплено «6 пирогов больших да свежие рыбы на три рубли без чети, отнесены пироги и рыба митрополиту и воеводам, и дьяком в гостинцах» [22]. Слуга Демид Гаврилов по приезде отнес гостинцы на более скромную сумму: «Купил боярину и воеводе князю Петру Александровичу пирог, дал 5 алтын, да рыбу, дал 3 алтына 2 деньги. Дьяку Богдану Федоровичу купил пирог, дал 4 алтына, рыбу, дал 2 алтына 4 деньги» [27]. Иногда такие подношения называли кормом: «Дьяку Микифору Шипулину отнесено корму пирог да рыбы на 12 алтын на 2 деньги» [8, л. 63].

Следующая категория одаряемых, о которой не следовало забывать во время визитов, – это челядь высоких лиц, или «люди», как их называют в росписях расходов. Предположительно, размер выплаты зависел от числа людей и места их патрона в иерархии. Например, людям новгородского воеводы Павла Ивановича Волынского дали 7 алтын, а всем вместе людям дьяков Ивана Софопова и Федора Дружинина 8 алтын [8, л. 129]. На воеводском дворе также одаряли «жильцов». Например, в июне 1637 г. двум «малым жильцом» воеводы дали 4 деньги, а в декабре всем жильцам – 4 алтына [23, л. 2; 24].

Несколько выше в этой иерархии стояли дворецкие воеводы и митрополита, им давали от 5 до 16 алтын. Выплата дворецкому воеводы в одном случае названа почестью: «Боярскому дворецкому дано почести 5 алтын» [24]. Иногда упоминаются небольшие выплаты казначею воеводы, истопникам и келейникам митрополита. Встречаются и записи о подношениях родственникам должностных лиц, например: «Митрополичю зятю Леонтию отнесено с образом на оклад 5 рублей» [22, л. 1].

Приходящих с гостинцами и так называемыми «подачами», то есть кушаньями со стола воеводы или митрополита, также следовало одарить в ответ: «От преосвященного митрополита Афония приходили с столом, дано носакон 3 алтына» [24]. Носаки – это, вероятно, носильщики. Не только владычному, но и любому, посланному с гостинцем, следовало дать некоторую сумму: «От гостинцов митрополичим и всем отколе приносили вышло 3 алтына 4 деньги» [29].

Довольно затратным делом были традиционные ежегодные раздачи подношений к праздникам. Нами проанализированы данные росписей за 1650–1662 гг., относящиеся ко времени пребывания на Новгородской кафедре митрополитов Никона и Макария. Обязательные поездки в Великий Новгород совершались четыре раза в год. На Рождество Христово следовало дать корм воеводе, дьяку, митрополиту, а также одарить их дворовых и других представителей властей. Объем кормов и даров определялся местом персоны в служилой иерархии. Например, в январе 1663 г. во время русско-польской войны от монастыря был привезен корм воеводе боярину князю И.Б. Репнину – 16 четвертей ржаной муки, по 2 четверти овса и солода, по бочке лососей и сига; полковому боярину князю Б.А. Репнину – 5 четвертей ржаной муки, 3 овса, 1 солода, бочку сига и 10 лососей; дьяку воеводы С. Углицкому – 4 четверти муки ржаной, по четверти овса и солода, 50 сига и 5 лососей; дворцовому дьяку Н. Арцыбашеву – 2 четверти муки, 1 овса, 30 лососей и 3 сига; полковому дьяку Е. Клочкову – по четверти муки и овса, 10 сига и 2 лосося; дворовым воеводы и дьяка поднесли 20 сига и 1 лосося. В росписи перечислены 37 подъячих столов Разрядного, Большого прихода, Поместного, Судного, Ямского, Монастырского стола Дворцового приказа, Денежного, Съезжей избы. В общей сложности им подарили 171 сига (от 10 до 2 человеку) и 12 лососей (по одному старшим подъячим). Сравнение росписей разных лет показывает, что число одаряемых подъячих в столах менялось. Первому в списке каждого стола, как правило, дарили 7–10 сига и лосося, иногда таких подъячих было 2–3 в одном столе. Возможно, число рыб могло

зависеть и от их размера. Не были забыты приказные сторожа, городничий и приставы. По 5 сига получили четверо новгородских посадских людей. В этой же части документа упомянуты федоровские соборяне – клирики храма Федора Стратилата на Федорове улице, на которой находилось монастырское подворье. Далее в росписи перечислены должностные лица митрополичьего двора, Софийского собора и клирики, всего 43 позиции начиная от митрополичьего дворецкого, дьяка и софийского протопопа до сторожей, конюхов и водовоза. Им было роздано 265 сига и 13 лососей. По 2 четверти ржаной муки получили дворецкий и дьяк. Роспись подношений показывает место каждого лица в этой иерархии в восприятии монастырских властей и возможности одаряемых ходатайствовать о решении дел перед митрополитом. Например, митрополичьи крестовые священники получили по 3 сига, а истопники 4 [19, л. 1–4]. В росписи не упомянут владыка, так как в январе 1663 г. Новгородская митрополичья кафедра была вакантна. По данным росписей митрополиты Никон и Макарий получали в качестве рождественского корма 8 четвертей муки ржаной и по 2 пшеничной, солода и овса, по бочке сига и лососей, что несколько меньше, чем было дано воеводе [18; 20, л. 1].

Одарять также надо было тех, кто приходил «славить Христа», то есть поздравлять. В росписи расходов монастырского казначея старца Гавриила в Новгороде от декабря 1637 г. упомянуты визиты софийского протопопа с клириками, двух станиц певчих дьяков, подьяков, отроков и халдеев. Всего им было дано 26 алтын [23, л. 2]. Данная выплата софийским христославцем была, скорее всего, разовой за их приход на двор монастыря, так как славленные деньги священники и дьяконы Софийского собора брали у обители регулярно в установленном размере – 2 рубля в год. В монастырском архиве имеется много отписей в их получении [4]. От второй половины XVII в. сохранились челобитные, подававшиеся митрополиту от клириков и приказных людей о выплатах денег или рыбы, положенных по статусу. Заявители ссылались при этом на традицию («преже сего велось») или «святительский указ» [4, л. 12, 54, 67, 68, 113, 117,

124, 132–133, 135]. Порядок получения даров отражен в челобитной подьячего Казенного приказа от 11 января 1687 г. Тарас Иванов пожаловался митрополиту, что не получил наравне с другими подьячими рыбу на том основании, что он «в росписи не написан». На обороте челобитной резолюция митрополита «велеть рыбы давать против своей братии подьячих с Тихфина монастыря стряпчему по вся годы» [8, л. 108 об.]. Помета на другой челобитной о славленных деньгах от софийских пономарей, псаломщиков и предельских дячков показывает, что выплаты шли от всех подведомственных владыке монастырей – «велеть им дать славлено против иных монастырей» [8, л. 67 об.].

Новгородский воевода и дяки одаривались кроме рождественского корма еще и кормом ввозным. Например, в ноябре 1645 г. воеводам князю боярину С.А. Урусову заплатили 10 рублей, а другому воеводе князю Г.П. Борятинскому – 5 рублей. Такая же сумма была дана новому дяку Л. Талызину [11, л. 13 – 13 об.].

В начале Великого поста принято было преподносить хлеба властям и прочим лицам, с которыми поддерживали общение. Точные даты в росписях раздач не указаны, но А.И. Забелин писал, что к царю представители монастырей приходили с хлебами, капустой и квасом во вторник первой недели Великого поста, а к царице – в субботу [2, с. 402–404]. В росписях Успенского Тихвинского монастыря капуста и квас не упоминаются. Перечень одаряемых хлебами персон был приблизительно тот же, что и в Рождество, но в него добавлены монастыри: Юрьев, Хутынский, Антонов, Вяжицкий, Духов, Деревянницкий, Кириллов, Ковалев и Клопский, а также протопопы Знаменского и Никольского соборов. Все монастыри получили по одному хлебу, тогда как воеводе, дяку и митрополиту полагались «двойные» хлеба, то есть их статус оценивался выше. Всего в феврале 1657 г. было роздано 159 хлебов [14]. Подношения властям новгородских обителей от Успенского Тихвинского монастыря были скорее исключением, чем правилом, так как традиция одаривания в Великом Новгороде строилась на том, что платили властям подчиненные, являясь источником дополнительных доходов.

После окончания Петрова поста в Великом Новгороде властям и нужным людям дарили осетров или их части – «четвертины» и «косяки». В 1659 г. по целому осетру преподнесли митрополиту, воеводе, дяку воеводы и дяку дворцовому. Митрополичьим дворецкому и дяку досталось по «небольшому осетрику». Еще одного дяка одарили четвертиной. Хутынскому, Юрьевскому и Антоновскому архимандритам подарили по «четвертине небольшой». Остальным – игуменам, подьячим и нескольким новгородским посадским людям – досталось по «косяку», то есть по куску [17]. Вес подношения зависел от улова. В фрагменте одной из росписей 1650-х гг. содержится указание монастырским слугам, как именно следует делить осетров: «А буде токо малые осетрики попадут на своей тони, или на деньги купить, и где писаны четвертины, и в те места роздати с малых осетриков половины, а роздати смотря по рыбе, сколько ея добудетца» [16, л. 2].

После праздника Успения – престольного праздника главного храма обители – в Великий Новгород и Москву возили освященную воду. Такие визиты, вероятно, совершались повсеместно. В Успенский Тихвинский монастырь с освященной водой приходили священники храмов Тихвинского посада и окрестных монастырей, получая в ответ небольшую денежную сумму. Как правило, росписи расходов в поездках со святой водой озаглавлены так: «Память старцу Варсонофию как послан был в Великий Новгород со святыми успенскими водами» [29]. Освященную воду, по видимому, везли в бочке, так как по приезду покупались так называемые воцанки – небольшие сосуды из воска, в которые разливали воду. Кроме воды в воцанках тогда же дарили иконы. Митрополит и воевода получали образа на красном золоте, дяк, дворецкие, казначей и архимандриты крупных монастырей – на двойном золоте, остальные – просто на золоте или «на краске» [15, л. 1].

Денежные подношения делались и в особых случаях, например, в 1624 г. при поставлении игумена Вассиана: «Да в Новгороде в митрополичьи дворе выдал под игуменскую настольную митрополиту, и приказным, и дяком, и подьячим, и протопопу з братьею, и певчим дяком и подьяком восм рублей 21 ал-

тын 4 денги» [12, л. 46]. В приведенной записи расходы указаны суммарно, всего было уплачено 8 рублей 65 копеек, что значительно меньше, чем при поставлении следующего игумена Сергия в октябре 1632 г., когда монастырское подворье от имени митрополита Киприана сперва посетил его стряпчий Петр Аулов с сообщением («скаской») о том, что по царской грамоте Сергий будет поставлен в игумены, за что получил 1,5 рубля. Второй раз тот же Аулов приходил «от митрополита с столом», предположительно, с предложением оплатить трапезу, так как в последствии «за стол» уплатили 10 рублей. Затем подворье посетили митрополичий кравчий Михаил Матфеев и подьячий Парфей Иванов, первый получил 3 руб. «зводного» (скорее всего, имеется ввиду возведение в статус игумена), а второй «от настольной писчево рубль». 10 руб. дали за поставление и пошлины за настольную грамоту, 8 алтын 2 денги певчим дяком. Всего 26,25 рублей. Вторичное поставление Сергия игуменом в мае 1640 г. обошлось в меньшую сумму – настольная грамота, взводное, писчее – 13 рублей. При этом 6,61 руб. было потрачено на оклад для икон, отнесенных «на приезде» митрополиту Аффо-

нию и воеводе боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову [10, л. 36 об. – 37].

Результаты. Комплексное изучение росписей раздач монастырских подношений и росписей расходов в поездках в Великий Новгород позволило установить перечень обязательных праздничных пездок представителей монастыря к уездным властям и круг лиц, которых следовало одарить. В росписи были включены прежде всего члены властной иерархии разных уровней, а также статусные представители духовенства (главы крупных монастырей) и близкий круг общения (духовенство соседних с монастырским подворьем храмов, посадских людей, услугами которых пользовались). Росписи представляют интерес для специалистов, изучающих структуру уездных органов власти. Это ценный просопографический источник, позволяющий уточнить данные о пребывании отдельных лиц на должностях в приказах. Практика подачи челобитных о получении праздничных выплат свидетельствует о том, что традиционные дары не были просто проявлением расположения монастырских властей к клирикам, приказным, дворовым людям воеводы и митрополита, а одним из источников их содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абеленцева О. А. Включенные документы в составе расходных денежных книг Успенского Тихвинского монастыря 1623–1633 гг. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2 (26). С. 8–22. DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00025
2. Забелин И. А. Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст.: в 2 т. Т. 1. М., 1895. 759 с.
3. Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 2. 1644–1675 гг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 458 с.
4. Отписи в получении денег и челобитные. 1657–1691 гг. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 132. Оп. 1. Карт. 8. Д. 248. 150 л.
5. Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 665 с.
6. Письмо подьячего Ивана Алексеева архимандриту Ионе. Апрель 1669 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 12. Д. 72. 3 л.
7. Расходная книга казначея старца Авраамия. 1632/33 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 29. 186 л.
8. Расходная книга казначея старца Авраамия. 1632/33 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 32. 136 л.
9. Расходная книга казначея старца Гавриила. 1640/41 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 73. 84 л.
10. Расходная книга казначея старца Гавриила. 1640/41 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 68. 116 л.
11. Расходная книга казначея старца Гавриила. 1645/46 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 88. 35 л.
12. Расходная книга казначея старца Иринарха. 1623/24 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 7. 46 л.
13. Расходная книга казначея старца Иринарха. 1629/30 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 24. 38 л.
14. Росписи раздач хлебов. Февраль 1655 и 1657 гг. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 4. Д. 67. 2 л.; Д. 69. 3 л.
15. Роспись раздачи икон. Август 1661 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 6. Д. 262. 2 л.

16. Роспись раздачи осетров. 1650-е гг. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 4. Д. 53. 2 л.
17. Роспись раздачи осетров. Июнь 1659 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 5. Д. 196. 1 л.
18. Роспись раздачи рождественского корма и рыбы. 1650–1652 гг. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. Д. 29. 1 л.
19. Роспись раздачи рождественского корма и рыбы. 1660/61 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 7. Д. 136. 4 л.
20. Роспись раздачи рождественского корма и рыбы. 1660/61 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 6. Д. 303. 4 л.
21. Роспись раздачи рождественского корма и рыбы. 26 декабря 1662 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 7. Д. 135. 2 л.
22. Роспись расходов игумена Герасима. 6 июля 1635 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. Д. 26. 1 л.
23. Роспись расходов казначея старца Гавриила. Декабрь 1637 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. Д. 68. 3 л.
24. Роспись расходов казначея старца Гавриила. Июнь 1637 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. Д. 58. 1 л.
25. Роспись расходов келаря старца Леонида. 1651/52 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. Д. 125. 1 л.
26. Роспись расходов слуги Григория Аврамова. Июнь 1652 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. Д. 166. 1 л.
27. Роспись расходов слуги Демида Гаврилова. 1636 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. Д. 34. 1 л.
28. Роспись расходов слуги Юшки Павлова. 1656/57 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 4. Д. 238. 1 л.
29. Роспись расходов старца Варсонофия. Август 1636 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. Д. 41. 1 л.
30. Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–150.
31. Седов П. В. Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // Новгородский исторический сборник. 1999. Вып. 7 (17). С. 130–163.
32. Седов П. В. Практика взаимодействия с «добрыми людьми» в Москве во второй половине XVII в. (по материалам Антониево-Сийского монастыря) // Российское государство в XVI – начале XVIII века: сб. ст. к 70-летию А.П. Павлова. Вып. 7 (23). СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 384–412.

REFERENCES

1. Abelentseva O.A. Vkluychennyye dokumenty v sostave raskhodnykh denezhnykh knig Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrja 1623–1633 gg. [Documents Included in the Expenditure Books of the Assumption Tikhvin Monastery 1623–1633]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 2 (26), pp. 8–22. DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00025
2. Zabelin I.A. *Domashnii byt russkogo naroda v XVI–XVII st.: v 2 t. T. 1* [Domestic Life of the Russian People in the 16th – 17th Centuries. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, 1895. 759 p.
3. *Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrja. Vyp. 1. Akty i materialy pistovogo dela. Ch. 2. 1644–1675 gg.* [The Materials on the History of the Assumption Tikhvin Monastery. Vol. 1. The Acts and Materials on the Scribal' Work. Pt. 2. 1644–1675]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2020. 458 p.
4. Otpisi poluchenii deneg i chelobitnye. 1657–1691 gg. [Acknowledgments of Receipt of Money and Petitions. 1657–1691]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* (hereinafter – Arkhiv SPbII RAN) [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 8, d. 248. 150 l.
5. Pistsovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII nachala XVIII vv. [Scribe and Census Books of Novgorod the Great, 17th – Early 18th Centuries]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 665 p.
6. Pismo podyachego Ivana Alekseyeva arkhimandritu Ione. Aprel, 1669 g. [Letter from Clerk Ivan Alekseev to Archimandrite Jonah. April, 1669]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 12, d. 72. 3 l.
7. Raskhodnaya kniga kaznacheya startsa Avraamiya. 1632/33 g. [Expense Book of the Treasurer Elder Abraham. 1632/33]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 2, d. 29. 186 l.
8. Raskhodnaya kniga kaznacheya startsa Avraamiya. 1632/33 g. [Expense Book of the Treasurer Elder Abraham. 1632/33]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 2, d. 32. 136 l.

9. Raskhodnaya kniga kaznacheya startsa Gavriila. 1640/41 g. [Expense Book of the Treasurer Elder Gabriel. 1640/41]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 2, d. 73. 84 l.
10. Raskhodnaya kniga kaznacheya startsa Gavriila. 1640/41 g. [Expense Book of Treasurer Elder Gabriel. 1640/41]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 2, d. 68. 116 l.
11. Raskhodnaya kniga kaznacheya startsa Gavriila. 1645/46 g. [Expense Book of Treasurer Elder Gabriel. 1645/46]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 2, d. 88. 35 l.
12. Raskhodnaya kniga kaznacheya startsa Irinarkha. 1623/24 g. [Expense Book of Treasurer Elder Irinarch. 1623/24]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 2, d. 7. 46 l.
13. Raskhodnaya kniga kaznacheya startsa Irinarkha. 1629/30 g. [Expense Book of Treasurer Elder Irinarch. 1629/30]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 2, d. 24. 38 l.
14. Rospisi razdach khlebov. Fevral 1655 i 1657 g. [List of Bread Distributions. February 1655 and 1657]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 4, d. 67. 2 l.; d. 69. 3 l.
15. Rospis razdachi ikon. Avgust 1661 g. [List of Icon Distribution. August 1661]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 6, d. 262. 2 l.
16. Rospis razdachi osetrov. 1650-e gg. [List of Sturgeon Distribution. 1650s]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 4, d. 53. 2 l.
17. Rospis razdachi osetrov. Iyun 1659 g. [List of Sturgeon Distribution. June 1659]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 5, d. 196. 1 l.
18. Rospis razdachi rozhdestvenskogo korma i ryby. 1650–1652 gg. [List of Distribution of Christmas Food and Fish. 1650–1652]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 3, d. 29. 1 l.
19. Rospis razdachi rozhdestvenskogo korma i ryby. 1660/61 g. [List of Distribution of Christmas Food and Fish. 1660/61]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 7, d. 136. 4 l.
20. Rospis razdachi rozhdestvenskogo korma i ryby. 1660/61 g. [List of Distribution of Christmas Food and Fish. 1660/61]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 6, d. 303. 4 l.
21. Rospis razdachi rozhdestvenskogo korma i ryby. 26 dekabrya 1662 g. [Christmas Food and Fish Distribution Register for December 26, 1662]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 7, d. 135. 2 l.
22. Rospis raskhodov igumena Gerasima. 6 iyulya 1635 g. [List of Expenses of Abbot Gerasim. July 6, 1635]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 2, d. 26. 1 l.
23. Rospis raskhodov kaznacheya startsa Gavriila. Dekabr 1637 g. [List of Expenses of the Treasurer Elder Gabriel. December, 1637]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 2, d. 68. 3 l.
24. Rospis raskhodov kaznacheya startsa Gavriila. Iyun 1637 g. [List of Expenses of the Treasurer Elder Gabriel. June, 1637]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 2, d. 58. 1 l.
25. Rospis raskhodov kelarya startsa Leonida [List of Expenses of the Cellarer Elder Leonidas. 1651/52]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 3, d. 125. 1 l.
26. Rospis raskhodov slugi Grigoriya Avramova. Iyun 1652 g. [List of Expenses of Servant Grigory Avramov. June, 1652]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 3, d. 166. 1 l.
27. Rospis raskhodov slugi Demida Gavrilova. 1636 g. [List of Expenses of Servant Demid Gavrilov. 1636]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 2, d. 34. 1 l.
28. Rospis raskhodov slugi Yushki Pavlova. 1656/57 g. [List of Expenses of the Servant Yushka Pavlov. 1656/57]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 4, d. 238. 1 l.

29. Rospis raskhodov startsa Vasonofiya. Avgust 1636 g. [List of Expenses of the Elder Vasonofy. August 1636]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 132, inv. 1, cart. 2, d. 41. 1 l.

30. Sedov P.V. Podnosheniya v moskovskikh prikazakh XVII veka [Offerings in Moscow Orders of the 17th Century]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 1996, no. 1, pp. 139-150.

31. Sedov P.V. Podnosheniya v sisteme voyevodskogo upravleniya Novgoroda XVII v. [Offerings in the System of Voivodeship Administration of Novgorod in the 17th Century]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod Historical Collection], 1999, iss. 7 (17), pp. 130-163.

32. Sedov P.V. Praktika vzaimodeistviya s «dobrymi lyudmi» v Moskve vo vtoroy polovine XVII v. (po materialam Antonievo-Siiskogo monastyrya) [The Practice of Interaction with “Good People” in Moscow in the Second Half of the 17th Century (Based on Materials from the Antonievo-Siysky Monastery)]. *Rossiiskoye gosudarstvo v XVI – nachale XVIII veka: sb. st. k 70-letiyu A.P. Pavlova. Вып. 7 (23)* [The Russian State in the 16th – Early 18th Centuries. Collection of Articles for the 70th Anniversary of A.P. Pavlov. Iss. 7 (23)]. Saint Petersburg, Moscow, Staraya Basmannaya, 2022, pp. 384-412.

Information About the Author

Olga A. Abelentseva, Candidate of Sciences (History), Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, oaabelen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9978-230X>

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Абеленцева, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, oaabelen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9978-230X>

www.volsu.ru

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.11>

UDC 94 (47)

LBC 63.3(2)44-303

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 13.01.2026

THE TSAR'S APPANAGE AND THE POSSESSIONS OF THE ZEMSHCHINA IN THE POST-OPRICHNINA PERIOD (1573–1584)

Alexander L. Korzinin

North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper focuses on the territories that were included in the sovereign's appanage after the abolition of the oprichnina and the possessions that remained in the zemshchina – the national land fund. The article examines the controversial issue of the consequences of the court policy in the post-oprichnina period (1573–1584). *Methods and materials.* The source base of the research is the act documents of the monastery chanceries, acts of secular landowners, and documents of the central state institutions (Razryadny and Pomestny Prikaz). The article uses the methodology of source study analysis of act documents and methods of paleographic and archaeographic analysis. *Analysis.* It was established that from the former oprichnina possessions, Yaroslavl, Rostov, Suzdal, Starodub Ryapolovsky, Staritsa, Kozelsk, Belev, Peremyshl, Likhvin, Rzheva Volodimerova, Klin, Dvina, Kholmogory, Kargopol, Vologda, Ustyug Veliky, and Sol-Vychevodskaya were included in the appanage. Of the cities that had not previously been in the oprichnina, Dmitrov, Zubtsov, Yuryev-Polskoy, Pereyaslavl-Zalessky, Porkhov, Pskov, and its suburbs Sebezh, Krasny, and Opochka were included in the appanage. Previously, Galich, Uglich, Kostroma, Maly Yaroslavets, Medyn, Vyazma, Mozhaisk, Borovsk, Beloozero, and the lands of Veliky Novgorod, which were part of the oprichnina, on the contrary, formed the possessions of the zemshchina. The zemshchina also included Moscow, Kolomna, Kashira, Serpukhov, Tver, Bezhetsky Verkh, Kostroma, Gorodets, Uglich, Ryazan, Tula, Aleksin, Kaluga, Vorotynsk, Meshchevsk, Vereya, Ruza, Dorogobuzh, Belaya, Vodskaya, Shelonskaya, Derevskaya, Bezhetskaya pyatinas of the Novgorod land, Toropets, Rzheva Pustaya, Kola district, Perm, and Vyatka. *Results.* The study showed that the sovereign's appanage arose even before the accession of the baptized Khan Simeon Bekbulatovich to the grand princely throne. Probably, by February 16, 1574, Kargopol was included in the appanage, by January 6, 1575, Ustyug Veliky, and by May 6, 1575, Varzuga. The post-oprichnina land policy in its scale, territorial coverage, and land resettlement was slightly inferior to the oprichnina. Therefore, in the opinion of the author of the article, those researchers who consider the post-oprichnina period to be the “second edition” of the oprichnina are closer to the truth.

Key words: Ivan the Terrible, appanage court, land policy, monasteries, service landowners, oprichnina, terror.

Citation. Korzinin A.L. The Tsar's Appanage and the Possessions of the Zemshchina in the Post-Oprichnina Period (1573–1584). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 122–134. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.11>

ЦАРСКИЙ УДЕЛ И ВЛАДЕНИЯ ЗЕМЩИНЫ В ПОСЛЕОПРИЧНЫЙ ПЕРИОД (1573–1584 гг.)

Александр Леонидович Корзинин

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье реконструирован состав городов, включенных после отмены опричнины в государев удел (1573–1584 гг.), и владения, оставшиеся в земщине – общегосударственном фонде земель. Рассмотрен дискуссионный вопрос о последствиях политики двора в послеопричный период. *Методы и материалы.* Источниковой базой исследования является комплекс актовых документов монастырских канцелярий, акты светских землевладельцев, документы центральных государственных учреждений (Разрядного и Поместного приказов). В статье использована методика источниковедческого анализа актовых документов, методы палеографического и археографического анализа. *Анализ.* Установлено, что из прежних опричных владений в удел были включены Ярославль, Ростов, Суздаль, Стародуб Рязановский, Старица, Козельск, Белев, Перемышль, Лихвин, Ржева Володимирова, Клин, Двина, Холмогоры, Каргополь, Вологда, Устюг Великий, Соль-Вычегодская. Из городов, ранее не бывавших в опричнине, в уделе оказались Дмитров, Зубцов, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Порхов, Псков и его пригороды Себеж, Красный, Опочка. Ранее находившиеся в опричнине Галич, Углич, Кострома, Малый Ярославль, Медынь, Вязьма, Можайск, Боровск, Белоозеро, земли Великого Новгорода, в послеопричный период, напротив, образовывали владения земщины. Земщине также принадлежали Москва, Коломна, Кашира, Серпухов, Тверь, Бежецкий Верх, Кострома, Городец, Углич, Рязань, Тула, Алексин, Калуга, Воротыньск, Мещевск, Верей, Руза, Дорогобуж, Белая, Водская, Шелонская, Деревская, Бежецкая пятины Новгородской земли, Торонец, Ржева Пустая, Кольский уезд, Пермь, Вятская земля. *Результаты.* Проведенное исследование показало, что государев удел возник еще до возведения на великокняжеский престол крещеного хана Симеона Бекбулатовича. Вероятно, уже к 16 февраля 1574 г. в удел был зачислен Каргополь, к 6 января 1575 г. Устюг Великий, к 6 мая 1575 г. Варзуга. Послеопричная земельная политика по своим масштабам, охвату территорий и земельным переселениям незначительно уступала опричнине. Поэтому, по мнению автора статьи, ближе к истине те исследователи, которые считают послеопричный период «второй редакцией» опричнины.

Ключевые слова: Иван Грозный, удельный двор, земельная политика, монастыри, служилые землевладельцы, опричнина, террор.

Цитирование. Корзинин А. Л. Царский удел и владения земщины в послеопричный период (1573–1584 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 122–134. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.11>

Введение. Один из наиболее дискуссионных в исторической науке вопросов касается исследования территорий, включенных в 1573–1584 гг. в удел Ивана Грозного, и городов, которые остались в земщине – общегосударственном фонде земель. Реконструкция удельных и земских городов тесно связана с решением других важных проблем: выяснению причин повторного разделения страны на земщину и удел осенью 1575 г., изучению масштабов и последствий данной политики.

Методы и материалы. К настоящему времени состав городов и уездов государева удела в целом установлен, однако среди ученых

существуют разногласия относительно некоторых городов и хронологии их вхождения во двор.

Л.М. Сухотин считал, что в состав удела входили Шелонская пятина, Дмитровский уезд, может быть, Ярославский уезд и земли Старицкие и Ржевские с резиденцией в Старице [51, с. 59].

П.А. Садиков установил включение в удел Порховского уезда Шелонской пятины Новгородской земли (в 1576 г.), Себежа, Красного, Опочки, Белева, Козельска, Перемышля и Лихвина (в 1577 г.) [40, с. 461–462]. По мнению историка, в государев удел входил Карельский уезд, примыкавший к заонежским погос-

там Онежской пятины [42, с. 42–43, 334]. Ученый относил к удельным городам и Переяславль-Залесский, ошибочно ссылаясь на Кирилло-Белозерскую тарханную грамоту 9 марта 1577 г., в которой Переяславль якобы значится «дворовым» городом [42, с. 166]. В действительности, в указанной жалованной грамоте дворовыми фигурируют только Вологда, Пошехонье, Ростов, Дмитров, Каргополь и Поморье [41, с. 280–283].

В.И. Корецкий обратил внимание на то, что самым ранним документом, упоминавшим о городах, включенных в государев удел, является грамота от 19 ноября 1575 г., где приведен титул Ивана Грозного: «государь князь Московский, Ростовский и Псковский» [28, с. 40]. Корецкий обосновал включение в государев удел Двины [28, с. 40; 55, с. 155–156], Пошехонского, Каргопольского, Вологодского уездов (к 9 марта 1577 г.) [28, с. 40; 41, с. 280–281], Порхова (к 20 мая 1575 г.) [28, с. 41] и Порховского уезда Шелонской пятины Новгородской земли (к 30 марта 1576 г.) [36, с. 571; 29, с. 303; 56, с. 186–187]. По мнению Корецкого, Старица стала резиденцией удела весной 1576 г., по крайней мере, уже к марту 1577 г., времени составления боярского списка 1577 г. [28, с. 40]. С точки зрения ученого, первое упоминание о Дмитровском уезде в составе удела относится к 14 февраля 1576 г., поскольку в грамоте от этого времени косвенно говорится об управлении Старицей из Дмитрова [28, с. 40–41]. Корецкий справедливо полагал, что до 29 марта 1576 г., скорее всего, в феврале – начале марта 1576 г., в удел царя вошли районы Зубцова и Ржевы Володимировой [28, с. 43]. Кроме этого, территорию удела к 1576 г. составляли земли дворцовых волостей Аргуновской в Переяславль-Залесском уезде и Суряжской в Ростовском уезде [6, с. 358; 14, с. 537; 30, с. 190–192; 28, с. 40]. Реконструируя владения земщины, Корецкий отмечал, что сохранились грамоты великого князя Симеона Бекбулатовича, правившего в земщине, адресованные в Кострому, Ярославль, Шую, Владимир, Белоозеро, Муром, Мценск, пятины Новгородской земли [28, с. 42].

С.М. Каштанов уточнил время вхождения в государев удел ряда территорий. По его мнению, Старица оказалась в уделе уже в 1575/76 г. [26, с. 429, примеч. 18]. Ученый

ссылаясь на жалованную тарханную и несудимую грамоту Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю от 29 августа 1578 г. на владения в Дмитровском уезде [9, с. 407]. По мнению исследователя, Порхов стал удельным в конце 1575/76 г. [26, с. 431]. Каштанов полагает, что в уделе находилась Шелонская пятина Новгородской земли [26, с. 434, 436, 454]. В состав земщины, с точки зрения ученого, также входили Белоозеро, Обонежская и Водская пятины Новгородской земли, Кострома, Галич, Владимир, Муром, Мценск, Шуя, Суздаль, Тверь [26, с. 436, 445, 454–455, 460]. Таруса, Лух находились в уделе валашского воеводы Богдана Александровича [26, с. 441].

По наблюдениям А.А. Зимина, «царь Иван свой удел составил преимущественно из старых земских территорий (Ростов, Ярославль, Шелонская пятина, Дмитров, и, очевидно, Зубцов) и только частью из опричных, попавших в опричину сравнительно поздно (Старица и Белоозеро)». По мнению исследователя, столицей удела являлась Старица [22, с. 157].

По версии Р.Г. Скрынникова, Иван Грозный включил в свои владения весь Двинской уезд, Ростов, Псков (к 19 ноября 1575 г.), Порховский уезд (зимой 1575/1576 г.), Дмитров и Старицу (к 1576 г.), Зубцов и Ржев (к началу марта 1576 г.), Ярославль (к 30 декабря 1582 г.) [46, с. 25–28, 64].

А.Л. Станиславский и С.П. Мордовина сомневались в причислении к царскому уделу Ярославля, Порховского уезда и Шелонской пятины Великого Новгорода. Однако при этом они относили к уделу Переяславль-Залесский (некритично восприняв информацию П.А. Садикова), а также Рязань и Вязьму на основании косвенных данных (поскольку рязанскими помещиками были дворовые Биркины и Дмитриевы, а вяземскими – Годуновы, Бельские, Шуйские, Черемисиновы, ранее служившие в опричнине [35, с. 155–156]).

В общей оценке развития Русского государства в послеопричное время мнения историков также разошлись. Одни авторы (С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, П.А. Садиков, А.В. Беляков) утверждали, что опричнина просуществовала до самой смерти Ивана Грозного и что случай с поставлением на великое княжение хана Симеона – один из ее

эпизодов [15, с. 213; 39, с. 68, 74–75; 42, с. 43–44; 48, с. 180–182]. Их оппоненты (Л.М. Сухотин, С.Б. Веселовский, Р.Г. Скрынников, А.А. Зимин, В.И. Корецкий, Я.С. Лурье) полагали, что это не так, поскольку «вторая редакция» опричнины возникла только в 1575 г., но в более мягкой форме, нежели первая. Кроме этого границы нового удела были гораздо менее обширными, чем опричные владения [18, с. 196–199; 21, с. 38–42; 28, с. 46, 49–50; 34, с. 482–484; 46, с. 39; 51, с. 58–59].

Источниковой базой для исследования послужил весь комплекс сохранившихся до нашего времени актов документов: жалованных, тарханно-несудимых, указных грамот царя Ивана Васильевича, великого князя Симеона Бекбулатовича, заверенных дворовыми либо земскими дьяками центральных государственных учреждений, кроме этого, ввозные и послушные грамоты на поместные земли светских владельцев. Привлечены сведения из массовых статистических документов – писцовых книг Русского государства последней четверти XVI века.

Анализ. Для решения спорных проблем удельной политики Ивана IV после отмены опричнины начнем с реконструкции земских владений. В боярском списке, составленном, как убедительно доказал А.Л. Станиславский, в земщине в феврале – марте 1577 г. [49, с. 107–109], земскими городами указаны Дмитров, Коломна, Кашира, Серпухов, Таруса, Рязань, Тула, Алексин, Калуга, Воротынский, Мещевск, Белев, Боровск, Малый Ярославль, Медынь, Верей, Руза, Можайск, Вязьма, Дорогобуж, Белая, Тверь, Водская, Шелонская, Деревская, Бежецкая пятины Великого Новгорода, Торопец, Ржева Пустая [50, с. 195–202]. Заметно, что в перечне земских городов отсутствуют Ярославль и Переяславль-Залесский, которые, видимо, к этому времени уже перешли в удел. Косвенно о принадлежности к удельным городам Старицы и Пскова свидетельствуют пометы боярского списка 1577 г. о высылке из этих городов служилых людей [50, с. 201, 202].

6 декабря 1573 г. Ярославль еще находился в земщине. В грамоте за приписью земского дьяка З. Олтуфьева от 6 декабря 1573 г. запрещалось втягивать слободку Ярославского Спасо-Преображенского монастыря

в мирские проторы и разметы [16, с. 52; 42, с. 358]. Принадлежность к земщине ряда городов была убедительно доказана П.А. Садиковым, а именно Пустоозера (в 1573/1574 г.) [42, с. 319, 335, 374], Ваги (3 марта 1577 г.) [42, с. 337, примеч. 3, с. 369, 372], Белоозера (в апреле – июле 1576 г.) [14, с. 526–528; 26, с. 445], Бежецкого Верха, Городца, Углича, Твери, Москвы (в марте 1577 г. – июле 1578 г.) [41, с. 285; 42, с. 293, 340, примеч. 2, с. 359], Костромы (в 1575 г., 7 июля 1576 г., 1577 г., 29 октября 1582 г.) [42, с. 164, 293, 353], Кольского уезда [42, с. 373], Вятской земли [42, с. 373–374], Перми [42, с. 374–375].

Принадлежность к земщине либо ко двору городов и уездов косвенно устанавливается на основании заверения земскими либо дворовыми дьяками жалованных и льготных грамот, выданных различным монастырям на земли в разные уезды Русского государства. Например, нахождение Перми в земщине (в августе 1580 г., ноябре, декабре 1581 г.) подтверждается тем, что грамоты туда подписывал глава земского Поместного приказа А.Я. Щелкалов [1, с. 397–399; 17, с. 62–63; 19, с. 183].

В 1582/83 г. дьяк А.Я. Щелкалов подписал жалованную грамоту царя Ивана Никольскому монастырю на владения в Пусторжевском уезде [38, л. 427 об.]. Следовательно, Ржева Пустая в 1582/83 г. находилась в земщине. 17 декабря 1583 г. дьяк Афанасий Щелкалов подписал указную грамоту М. Судимонтову в Колу об освобождении Соловецкого монастыря от некоторых повинностей [7, с. 220]. 25 октября 1584 г. он же подписал указную грамоту В. Ржевскому в Романов о взятии оброка с земель Богоявленского Острожского монастыря [10, с. 360].

Документы, выданные в канцелярии великого князя Симеона Бекбулатовича, распространялись на территорию земщины. В январе 1576 г. подьячий М. Елисеев справил послушную царя Симеона князю Д.И. Засекину на вотчину в Ильмехотском стане Владимирского уезда [6, с. 356]. 7 января 1576 г. дьяк Симеона Бекбулатовича М. Елисеев подписал послушную грамоту вдове и детям Ф. Сунбулова на вотчину в Кобыльском стане Рязанского уезда [4, с. 342]. 9 февраля 1576 г. подьячий С. Карпов справил ввозную Симеона Бек-

булатовича С.К. Меркулову на поместье в Чернском стане Мценского уезда [4, с. 205]. 14 марта 1576 г. земский дьяк Б. Ксенофонтов подписал указную грамоту царя Симеона в Шую об упорядочении сбора ямских денег и других налогов [4, с. 127]. 27 марта 1576 г. земский дьяк С. Лихачев скрепил указную грамоту Симеона Бекбулатовича в Муроме С. Аксентьеву о порядке сбора налогов с поместья И. Любоникова [33, с. 472]. 2 апреля 1576 г. дьяк У. Горин скрепил указную грамоту великого князя Симеона Л. Ошанину на Белоозере об освобождении крестьян Кирилло-Белозерского монастыря от налогов [6, с. 357]. 7 июля 1576 г. земский дьяк К. Горин подписал наказ Симеона Бекбулатовича о продаже двора в Костроме на посаде [41, с. 278–279].

О включении Порхова и Порховского уезда в государев удел в 1576 г. свидетельствуют указания в писцовой книге 1576 г. Шелонской пятины Новгородской земли [29, с. 303–304; 36, с. 557, 582, 636].

30 ноября 1576 г. Ярославль еще ведался в земском приказе Большого дворца [42, с. 359, примеч. 2]. Однако уже к октябрю 1577 г. город с уездом попал в государев удел. Дворовый дьяк С. Карпов в октябре 1577 г. подписал указную грамоту в Ярославский уезд приказчику дворцового села Давыдково С. Губареву. Обысканный список велено было прислать в дворцовый приказ Б. Верещагину и С. Карпову [16, с. 55]. Станным на первый взгляд может показаться указание на подписание дьяком А.Н. Мясным 21 февраля 1578 г. наказа ярославским городовым приказчикам об отказе вотчин Ярославскому Толгскому монастырю и князю И.Ф. Жировому-Засекину [35, с. 156; 41, с. 293–294]. Поскольку речь в грамоте шла о приписании ранее принадлежавшего князю Жировому села Прокшино к дворцовому селу Давыдок, можно допустить, что дьяк Андрей Мясной служил в то время дьяком дворцового Поместного приказа. 12 декабря 1579 г. дьяку дворцового Ямского приказа М. Башеву должен был быть прислан список с грамоты для удостоверения порядка ямской повинности с вотчины Ярославского Спасо-Преображенского монастыря в Ярославском уезде [16, с. 60]. Дворовый дьяк (дьяк «дворцового Дворца») Ф. Лазарев 15 июня 1581 г. подписал указную

грамоту Д. Балакшину и П. Матюшкину в Ярославль о соблюдении жалованной грамоты Ярославского Спасо-Преображенского монастыря [16, с. 62]. В 1581 г. ранее 14 февраля дворовый дьяк И. Стрешнев подписал копию с писцовых книг Ярославского уезда [3, с. 188]. В 1581 г. ранее 22 марта он же подписал писцовую выпись на поместье И.У. Видова в Служне стане Ярославского уезда [3, с. 37].

Старица и Дмитров оказались в уделе к 1 марта 1576 года. В этот день в Старице дворовый дьяк И.Д. Собакин подписал ввозную грамоту Г.М. Ельчанинову на поместье в Повельском стане Дмитровского уезда [5, с. 94]. Дворовый дьяк И. Стрешнев 29 августа 1578 г. скрепил жалованную тарханно-несудимую грамоту Иосифо-Волоцкому монастырю на вотчины в Дмитровском и Старицком уездах [9, с. 410].

Клин в августе 1575 г. находился в земщине, но уже к концу февраля его забрали в удел. 20 августа 1575 г. по царскому приказу князь Д.А. Друцкий с дьяком земского Поместного приказа К.Ф. Гориным выдал льготную грамоту Чудову монастырю на владения в Клинском уезде [11, с. 104–105]. 5 марта 1577 г. дворовый дьяк А.В. Шереметев подписал ввозную грамоту М.А. Изъединову с сыном Иевом на поместье в Клинском уезде [3, с. 76].

27 февраля 1577 г. дьяк А. Шереметев подписал ввозную грамоту Д.И. Шипунову на поместье в Ухтомской волости дворцового Пошехонского уезда [3, с. 297]. 9 марта 1577 г. он же скрепил жалованную тарханно-несудимую грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю на вотчины в дворцовых Вологодском, Пошехонском, Ростовском, Дмитровском уездах [42, с. 280–283].

В 1578 г. Суздаль еще оставался земским. 1 февраля 1578 г. земский дьяк приказа Большого прихода С. Лихачев подписал жалованную проезжую грамоту Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на беспоплиный проезд судна от Суздаля до Астрахани [8, с. 376]. 3 марта 1578 г. дьяк Лихачев заверил жалованную подтверждающую грамоту Суздальскому епископу Варлааму на вотчину в Суздальском, Владимирском и Московском уездах [1, с. 368].

В 1579/80 г. Суздаль был «взят во двор», вотчины стародубских князей отчуждены

в обмен на денежную компенсацию. Дворовый дьяк И. Стрешнев выдал 200 руб. княгине Ульяне, вдове князя Силы Гундорова, а ее вотчину отдал в поместье князю Ф. Шаховскому [8, с. 437]. 24 февраля 1580 г. Б. Дементьеву сыну, дьяку дворового приказа Большого дворца, должны были быть переданы обыскные книги о незаконном вывозе крестьян Покровского Суздальского девичьего монастыря [25, с. 62; 42, с. 82–83]. В 1580/81 г. дворовый дьяк И. Стрешнев подписал ввозную грамоту А.М. Молвянинову на поместье в Стародубском стане Суздальского уезда [12, с. 259].

Переяславль-Залесский стал удельным к 8 июня 1580 года. В этот день дворовый дворцовый дьяк М. Дербенев в Александровой слободе по приказу царя Ивана IV заверил приказчику дворцового села Ильинское Ч. Большеву грамоту в Переславский уезд о ненарушении владельческих прав Ярославского Спасо-Преображенского монастыря [16, с. 61]. Дьяк дворового Поместного приказа А.В. Шереметев после 1579/80 г., но до 29 апреля 1581 г. подписал выписку с даточных книг на поместье в Переяславском уезде [52, с. 371].

Юрьев-Польский в 1574–1575 гг. упоминался в земщине. Земский дьяк приказа Большого прихода С. Лихачев в 1574/75 г. подписал память о размере вотчины И.Г. Нагово в Юрьев-Польском уезде [20, с. 22–23]. 18 июня 1575 г. дьяк земского Поместного приказа К.Ф. Горин скрепил льготную грамоту И.Г. Нагому на владение в Тихотине стане Юрьев-Польского уезда [20, с. 24]. Юрьев-Польский был включен в государев удел к 24 февраля 1580 года. В этот день дьяк дворового приказа Большого дворца П. Сульдешев скрепил указную грамоту дворцового села Симы приказчику И. Трусову в Юрьевский уезд о проведении обыска о незаконном вывозе крестьян [25, с. 61, 62; 42, с. 82–83].

Каргополь был взят во двор раньше других городов, вероятно, уже к началу 1574 года. 16 февраля 1574 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил грамоту от Ивана IV, разрешавшую обителю вносить дань и оброк с каргопольских монастырских вотчин в Москву в Четвертной приказ [43, л. 545–547; 42, с. 332].

В грамоте от 6 января 1575 г. в Москве указан Четвертной приказ, куда нужно было земским приказным властям привозить и сда-

вать оброк властям Устюжского Михайло-Архангельского монастыря [54, с. 158–159]. П.А. Садиков на основании этой грамоты относил Устюг к числу дворовых городов в начале 1575 г. [42, с. 332–333]. Однако более надежные сведения о принадлежности Устюга Великого к государеву уделу датируются 1581/82 г.: дворовый дьяк Т. Федоров скрепил подписью грамоту Троице-Сергиеву монастырю на право беспошлинной торговли и провоза соли в Холмогорах, Двине, Каргополе, Устюге, Тотьме [44, с. 244–245].

6 мая 1575 г. волощанам Варзужской волости было указано сдавать оброк в государеву казну в дворовую Четверть дьяка А. Демьянова [45, с. 33].

7 ноября 1576 г. была дана отпись излюбленного судьи Н. Ермолина о присылке в Москву оброка «в цареву и великого князя Казну в Двинской Четвертной приказ» к дьякам А. Шереметеву и У. Айгустову [2, с. 74–75].

Соль Вычегодская вошла в удел к 25 декабря 1578 года. В этот день дворовые дьяки А. Арцыбашев и С. Васильев взяли «в государеву цареву и великого князя Казну в Четвертной приказ с Вычегодские Соли с посадку <...> оброку ямских и пищальных денег») [37, с. 11; 42, с. 345, примеч. 3].

Сравним между собой территории, находившиеся в опричнине в 1565–1572 гг., с владениями, включенными в состав удела в 1574–1584 гг. (см. таблицу).

Из таблицы видно, что земли государева удела по своему объему незначительно уступали территории опричнины. Из прежних опричных владений в удел были зачислены Ярославль, Ростов, Суздаль, Стародуб, Рязань, Старица, Козельск, Белев, Перемышль, Лихвин, Ржева Володимирова, Клин, Двина, Холмогоры, Каргополь, Вологда, Устюг Великий, Соль-Вычегодская. Из городов, ранее не бывавших в опричнине, в уделе оказались Дмитров, Зубцов, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Порхов, Псков и его пригороды Себеж, Красный, Опочка. Следует согласиться с мнением исследователей о том, что включение в удел в 1577 г. территорий на западе и северо-западе страны (Порхова с уездом, Пскова и его пригородов, Новгородского уезда Шелонской пятины) было вызвано их военно-стратегиче-

Земли опричнины и государева удела

Lands of the oprichnina and the sovereign's appanage

Опричнина (1565–1572 гг.)	Государев удел (1574–1584 гг.)
Каргополь (1565 г.)	Каргополь (возможно, к 16 февраля 1574 г.)
Устюг Великий (1565 г.)	Устюг Великий (возможно, к 6 января 1575 г.)
–	Варзуга (к 6 мая 1575 г.)
Вага, Двина, Пинега, Мезень (1565 г.)	Двинской уезд (к 19 ноября 1575 г.)
Ростов (1569 г.)	Ростов (к 19 ноября 1575 г.)
–	Псков (к 19 ноября 1575 г.)
Часть Ржевского уезда: волости Вселуцкая, Кличен, Дубенская, Жилгостицкая, Волговская, Ртищевская, Старый Туд, Езжинская (1565 г.)	Ржева Володимирова (к 29 марта 1576 г.)
–	Зубцов (к 29 марта 1576 г.)
–	г. Порхов и Порховский уезд Шелонской пятины Новгородской земли (к 30 марта 1576 г.)
–	Дмитров (к 30 декабря 1576 г.)
Тотьма (1565 г.)	–
Балахна (1565 г.)	–
Старая Русса (1565 г.)	–
Козельск (1565 г.)	Козельск (1577 г.)
Перемышль (1565 г.)	Перемышль (1577 г.)
Белев (1565 г.)	Белев (1577 г.)
Лихвин (1565 г.)	Лихвин (1577 г.)
–	Себеж (1577 г.)
–	Красный (1577 г.)
–	Опочка (1577 г.)
Пошехонье (1569/70 г.)	Пошехонье (к 27 февраля 1577 г.)
Часть Клинского уезда: Круговская волость (Круг Клинский) (1565 г.)	Клин (к 5 марта 1577 г.)
Вологда (1565 г.)	Вологда (к 9 марта 1577 г.)
Старица (1567 г.)	Старица (к 11 марту 1577 г.)
Холмогоры (1565 г.)	Холмогоры (к 2 апреля 1578 г.) [6, с. С. 362–364]
Соль-Вычегодская (1565 г.)	Соль-Вычегодская (к 20 декабря 1578 г.) [42, с. 345, прим. 3]
Ярославль (1569 г.)	Ярославль (к 12 декабря 1579 г.)
–	Юрьев-Польский (1579/80 г.)
Часть Стародуб-Ряполовского уезда	Стародуб Ряполовский (к 24 февраля 1580 г.)
Галич (1565 г.)	–
Часть Угличского уезда	–
Кострома (1567 г.)	–
Суздаль (1565 г.)	Суздаль (к 24 февраля 1580 г.)
Часть Переславль-Залесского уезда (1568 г.)	Переяславль-Залесский (1580/81 г.)
Малый Ярославль (1565 г.)	–
Медынь (1565 г.)	–
Юрьевец Повольский (1565 г.)	–
Вязьма (1565 г.)	–
Можайск (1565 г.)	–
Часть Боровского и Верейского уездов (1567 г.)	–
Часть Белозерского уезда (1569/1570 г.)	–
Торговая сторона Новгорода (1570 г.)	–
Часть Шелонской пятины Новгородской земли (1570 г.)	–
Бежецкая пятина Новгородской земли (1570 г.)	–
Обонежская пятина Новгородской земли (1570 г.)	–

Примечание. Составлено по: [6, с. 362–364; 13, с. 128; 18, с. 156–177; 23, с. 194–212; 24, с. 362–363; 27, с. 180; 31, с. 322–323, примеч. 400; 42, с. 65, 157–191, 339–340, 345, примеч. 3, 352, 377; 47, с. 217–218, 302–303, 350–352, 409; 53; 56, с. 185].

ческим положением накануне похода Ивана Грозного в Ливонию в 1577 г.: царь, видимо, стремился иметь в своем тылу земли, населенными преданными ему людьми [28, с. 42; 35, с. 156; 42, с. 334].

В удел, напротив, не входили, как прежде в опричнину, Галич, Углич, Кострома, Малый Ярославец, Медынь, Вязьма, Можайск, Боровск, Белоозеро, земли Великого Новгорода. Вероятно, выбор царем северных территорий (Двины и Двинского уезда, Вологды, Каргополя, Холмогор) был связан с промысловыми богатствами этого края пушной, рыбой, солью, необходимостью пополнять за счет оброчных поступлений удельную казну [47, с. 217–218]. Вместо разоренного в 1570/71 г. опричниками Великого Новгорода и новгородских земель в удел забрали другой важный пограничный город на северо-западе России – Псков и прилегающие к нему пригороды [42, с. 334]. Районы развитого княжеского землевладения (Суздаль, Ростов, Ярославль, Стародуб-Ряполовский, Пошехонье), как и во времена опричнины, после 1572 г. вновь были включены в царскую часть владений. Реконструкция государева удела 1574–1584 гг. свидетельствует о том, что многочисленные города с уездами в составе удельной территории вполне сопоставимы с опричными владениями.

Результаты. Проведенное исследование показало, что государев удел возник еще до возведения на великокняжеский престол

крещеного хана Симеона Бекбулатовича осенью 1575 г., как ранее считалось в историографии. Вероятно, уже к 16 февраля 1574 г. в удел был зачислен Каргополь, к 6 января 1575 г. Устюг Великий, к 6 мая 1575 г. Варзуга. Образование удела последовало за созданием Особого двора Ивана Грозного. Первые упоминания об «Особном» дворе, дворовых детях боярских относятся к февралю – марту 1573 г. [32, с. 53].

Удельные северные земли, богатые природными ресурсами, послужили первоначальной экономической базой для существования Особого двора. В дальнейшем с дворовых территорий, как и во времена опричнины, вероятно, выселялись местные землевладельцы, их недвижимость раздавалась в поместья дворовым из Особого двора [35, с. 156]. О фактах перераспределения земских земель в пользу дворовых детей боярских косвенно свидетельствует наличие у них владений в тех уездах, которые ранее находились в опричнине, а после появления Особого двора в уделе Ивана Грозного [32, с. 55–56].

Послеопричная земельная политика по своим масштабам, охвату территорий и земельным переселениям незначительно уступала опричнине. По своей сути раздел государства на земщину и государев удел был аналогичен делению страны на земщину и опричнину. Поэтому, на наш взгляд, ближе к истине те исследователи, которые считают послеопричный период «второй редакцией» опричнины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 1. 1334–1598 гг. 551 с.
2. Акты Лодомской церкви Архангельской епархии / подгот. к печ. М. Г. Курдюмов // Русская историческая библиотека. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 25. С. 1–312.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. М.: Археогр. центр, 1997. Т. 1. 431 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. Т. 3. 680 с.
5. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2008. Т. 4. 632 с.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб.: Тип. II Отд-ния Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598 гг. 491 с.
7. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон; отв. ред. А.И. Копанев. Л.: Наука, 1990. 328 с.
8. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.: Памятники ист. мысли, 1998. 640 с.

9. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / подг. А. А. Зимин. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Ч. 2. 663 с.
10. Антонов А. В. К истории Богоявленского Островского монастыря // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 354–360.
11. Антонов А. В. Клинические акты XV–XVI века // Русский дипломатарий. М.: Археогр. центр, 1998. Вып. 4. С. 53–110.
12. Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2002. Вып. 8. 652 с.
13. Анхимюк Ю. В. Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. М.: Археогр. центр, 1992. Вып. 2. С. 121–129.
14. Архив П. М. Строева / под ред. С. Ф. Платонова, М. Г. Курдюмова // Русская историческая библиотека. Пг.: Тип. Гл. упр. делов, 1915. Т. 32. 896 с.
15. Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб.: Нестор-история, 2022. 408 с.
16. Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М.: Синод. тип., 1896. Т. 1. 215 с.
17. Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII вв. Л.: Путь к знанию, 1924. 182 с.
18. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 538 с.
19. Дополнения к актам историческим / подгот. Я. Бердникова. СПб.: Тип. II Отд-ния Е. И. В. канцелярии, 1846. Т. 1. 400 с.
20. Дьяконов М. А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московского государстве. Вып. 2. Грамоты и записи. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1897. 129 с.
21. Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 333 с.
22. Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Сборник IV. Казань: [б. и.], 1970. С. 141–164.
23. Зимин А. А. Опричнина. М.: Территория, 2001. 448 с.
24. Ивина Л. И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV–первой трети XVII в. (на примере Угличской земли) // Средневековая и Новая Россия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 354–367.
25. Катаев И. М., Кабанов А. К. Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1905. 666 с.
26. Каштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды Московского государственного историко-архивного института. М.: [б. и.], 1961. Т. 16. С. 427–462.
27. Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 2. // Археографический ежегодник за 1960 год. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 129–200.
28. Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 32–50.
29. Корецкий В. И. Материалы по истории земского собора 1575 г. и о постановлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // Археографический ежегодник за 1969 г. М.: Изд-во АН СССР, 1971. С. 296–304.
30. Корецкий В. И. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю : (Из истории монастырского землевладения XIV–XVI вв.) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М.: [б. и.], 1959. Вып. 21. С. 173–219.
31. Корзинин А. Л. Государев двор в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 663 с.
32. Корзинин А. Л. К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573–1575 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 49–60.
33. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 559 с.
34. Лурье Я. С. Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 468–519.
35. Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 г. М.: [б. и.], 1977. С. 153–193.
36. Новгородские писцовые книги. СПб.: Сенат. тип., 1905. Т. 5. 696 с.
37. Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище. Вологда: Тип. Вологод. губ. правления, 1903. Вып. 6: 1533–1651 гг. 155 с.
38. Писцовая книга Пусторжевского уезда писца И. Зубова 1583 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8183. 834 л.
39. Платонов С. Ф. Иван Грозный // Сочинения. В 2 т. Т. 2. СПб.: ИНТФ «Стройлеспечать», 1994. С. 5–86.
40. Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н. Г. Савич. М.: Ин-т истории СССР, 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 441–666.

41. Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. М.; Л., [б. и.], 1940. Т. 3. С. 113–303.
42. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 593 с.
43. Сборник грамот и других актов, списанных К.М. Бороздиным с подлинников, хранящихся в Кирилло-Белозерском монастыре // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 11. Д. 112. 1283 л.
44. Сборник Коллегии экономии / под ред. А. С. Лаппо-Данилевского. СПб.: Рос. гос. акад. тип., 1922. Т. 1. 968 с.
45. Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII в. / под ред. И. А. Андреева, Н. И. Ульянова. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 191 с.
46. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Очерки политической и социальной истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 224 с.
47. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 572 с.
48. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1854. Кн. 2. Т. 6. С. 1–344.
49. Станиславский А. Л. Опыт изучения боярских списков конца XVI–XVII вв. // История СССР. 1971. № 4. С. 97–110.
50. Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.
51. Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград: [б. и.], 1935. Вып. V–VI. 200 с.
52. Федотов-Чеховский А. А. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1860. Т. 1. 407 с.
53. Фролов А. А. К вопросу о взятии в опричнину волостей Ржевского уезда // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.: [б. и.], 2013. С. 34.
54. Шляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг: Тип. И.Н. Лагирева, 1912. Ч. 1. 274 с.
55. Шмидт С. О. Неизвестные документы XVI в. (по истории Российского государства) // Исторический архив. 1961. № 4. С. 149–158.
56. Юшков А. А. Акты XIII–XVIII вв., предоставленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М.: Унив. тип., 1898. Ч. 1 (1257–1613 гг.). 415 с.

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie* [Historical Acts]. Saint Petersburg. Tip. Ekspeditsii zagotovleniia gos. bumag, 1841, vol. 1, 1334–1598. 551 p.
2. Kurdiunov M.G., ed. *Akty Lodomskoy tserkvi Arkhangel'skoy yeparkhii* [Acts of the Lodom Church of the Arkhangel'sk Diocese]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka* [Russian Historian Library]. Saint Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1908, vol. 25, pp. 1-312.
3. Antonov A.V., Baranov K.V., eds. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII v.* [Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Centuries]. Moscow, Arkheogr. tsentr, 1997, vol. 1. 431 p.
4. Antonov A.V., ed. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. T. 3.* [Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Centuries]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2002, vol. 3. 680 p.
5. Antonov A.V., ed. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII v.* [Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Centuries]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2008, vol. 4. 632 p.
6. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiyey Imperatorskoy Akademii nauk* [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya E. I. V. kantseliarii, 1836, vol. 1, 1294–1598. 491 p.
7. Liberzon I.Z., Kopanov A.I., eds. *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severa Rossii kontsa XV – XVI v.: Akty Solovetskogo monastyr'ia 1572–1584 gg.* [Acts of the Socio-Economic History of the Russian North at the End of the 15th – 16th Centuries: Acts of the Solovetsky Monastery 1572–1584]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 328 p.
8. Kisterev S.N., Timoshina L.A., eds. *Akty Suzdalskogo Spaso-Yevfim'yeva monastyr'ia 1506–1608 gg.* [Acts of the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery 1506–1608]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 1998. 640 p.
9. Zimin A.A., ed. *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vekov* [Acts of Feudal Land Ownership and Economy of the 14th – 16th Centuries]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, pt. 2. 663 p.
10. Antonov A.V. K istorii Bogoyavlenskogo Ostrovskogo monastyr'ia [On the History of the Ostrovsky Epiphany Monastery]. *Russkiy diplomatariy* [Russian Diplomatarium]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2003, iss. 9, pp. 354-360.

11. Antonov A.V. Klinkiye akty XV–XVI veka [Klin Acts of the 15th – 16th Centuries]. *Russkiy diplomatiy* [Russian Diplomatarium]. Moscow, Arkheogr. tsentr Publ., 1998, iss. 4, pp. 53–110.
12. Antonov A.V. Chastnye arkhivy russkikh feodalov XV – nachala XVII veka [Private Archives of Russian Feudal Lords of the 15th – Early 17th Centuries]. *Russkiy diplomatiy* [Russian Diplomatarium]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002, iss. 8. 652 p.
13. Ankhimiuk Yu.V. Zapisi letopisnogo kharaktera v rukopisnom sbornike Kirillo-Belozerskogo sobraniia – novy istochnik po istorii oprichniny [Chronicle Records in the Manuscript Collection of the Kirillo-Belozersky Digest Are a New Source on the History of the Oprichnina]. *Arkhirusskoy istorii* [Archive of Russian History]. Moscow, Arkheogr. tsentr Publ., 1992, iss. 2, pp. 121–129.
14. Platonov S.F., Kurdumov M.G., eds. Arkhiv P.M. Stroyeva [Archive of P.M. Stroyev]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Tip. Gl. upr. udelov, 1915, vol. 32. 896 p.
15. Belyakov A.V. *Simeon Bekbulatovich: primer adaptatsii vykhodtsev s Vostoka v Rossii XVI v.* [Simeon Bekbulatovich: An Example of Adaptation of People from the East in Russia in the 16th Century]. Saint Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2022. 408 p.
16. Vakhrameyev I.A. *Istoricheskiye akty Yaroslavskogo Spasskogo monastyria* [Historical Records of the Yaroslavl Spassky Monastery]. Moscow, Sinod. tip., 1896, vol. 1. 215 p.
17. Vvedenskiy A.A. *Torgovy dom XVI–XVII vv.* [Trading House of 16th – 17th Centuries]. Leningrad, Put k znaniyu Publ., 1924. 182 p.
18. Veselovskiy S.B. *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Research on the History of the Oprichnina]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1963. 538 p.
19. Berednikov Ya., ed. *Dopolneniya k aktam istoricheskim* [Additions to Historical Acts]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya E. I. V. kantseliarii, 1846, vol. 1. 400 p.
20. Dyakonov M.A. *Akty, otnosyashchiyesya k istorii tyaglogo naseleniya v Moskovskogo gosudarstve. Vyp. 2. Gramoty i zapisi* [Acts Relating to the History of the Tax-Paying Population in the Muscovite State. Iss. 2. Charters and Records]. Yuryev, Tip. K. Matisena, 1897. 129 p.
21. Zimin A.A. *Vkanun groznykh potriasiy: Predposylki pervoy krestyanskoy voyny v Rossii* [On the Eve of Terrible Upheavals: Preconditions for the First Peasant War in Russia]. Moscow, Mysl Publ., 1986. 333 p.
22. Zimin A.A. Ivan Grozny i Simeon Bekbulatovich v 1575 g. [Ivan the Terrible and Simeon Bekbulatovich in 1575]. *Iz istorii Tatarii. Sbornik IV* [From the History of Tatarstan. Collection 4]. Kazan, s. n., 1970, pp. 141–164.
23. Zimin A.A. *Oprichnina*. Moscow, Territoriya Publ., 2001. 448 p.
24. Ivina L.I. Evoliutsiya sostava uyezdnogo dvoryanstva vo vtoroy polovine XV – pervoy trety XVII v. (na primere Uglichskoy zemli) [Evolution of the Composition of the District Nobility in the Second Half of the 15th – First Third of the 17th Century (On the Example of the Uglich Land)]. *Srednevekovaya i Novaya Rossiya* [Medieval and New Russia]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1996, pp. 354–367.
25. Katayev I.M., Kabanov A.K. *Opisaniye aktov sobraniya grafa A.S. Uvarova* [Description of the Acts of the Collection of Earl A.S. Uvarov]. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1905. 666 p.
26. Kashtanov S.M. O vnutrenney politike Ivana Groznogo v period «velikogo knyazheniya» Simeona Bekbulatovicha [On the Domestic Policy of Ivan the Terrible During the “Great Reign” of Simeon Bekbulatovich]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Works of the Moscow State Historical and Archival Institute]. Moscow, s. n., 1961, vol. 16, pp. 427–462.
27. Kashtanov S.M. Khronologicheskiy perechen immunitetnykh gramot XVI veka. Ch. 2 [Chronological List of Immunity Charters of the 16th Century. Pt. 2]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1960 god* [Archaeographic almanac for 1960]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 129–200.
28. Koretskiy V.I. Zemskiy sobor 1575 g. i chastichnoye vrozhdniye oprichniny [The Zemsky Sobor of 1575 and the Partial Revival of the Oprichnina]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1967, no. 5, pp. 32–50.
29. Koretskiy V.I. Materialy po istorii zemskogo sobora 1575 g. i o postanovlenii Simeona Bekbulatovicha «velikim knyazem vseia Rusi» [Materials on the History of the Zemsky Sobor of 1575 and on the Decree of Simeon Bekbulatovich “The Grand Prince of All Rus”]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1969 g.* [Archaeographic Almanac for 1969]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1971, pp. 296–304.
30. Koretskiy V.I. Pravaya gramota ot 30 noyabrya 1618 g. Troitse-Sergiyevu monastyryu: (Iz istorii monastyrskogo zemlevladieniya XIV–XVI vv.) [Charter of November 30, 1618 to the Trinity-Sergius Monastery (From the History of Monastic Land Ownership in the 14th – 16th Centuries)]. *Zapiski Otdela rukopisey GBL* [Notes of the Manuscript Department of the State Library of the Russian Empire]. Moscow, s. n., 1959, iss. 21, pp. 173–219.
31. Korzinin A.L. *Gosudarev dvor v dooprichny period (1550–1565 gg.)* [The Sovereign’s Court in the Pre-Oprichnina Period (1550–1565)]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2016. 663 p.

32. Korzinin A.L. K izucheniyu Osobogo dvora Ivana Groznogo v 1573–1575 gg. [On the Study of the Special Court of Ivan the Terrible in 1573–1575]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*, 2017, no. 1 (67), pp. 49–60.
33. Likhachev N.P. *Razryadnye dyaki XVI v.* [Rank Clerks of the 16th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007. 559 p.
34. Lurye Ya.S. Voprosy vnutrenney i vneshney politiki v poslaniyakh Ivana IV [Issues of Domestic and Foreign Policy in the Messages of Ivan IV]. Likhachev D.S., Lurye Ya.S., eds. *Poslaniya Ivana Groznogo* [Messages of Ivan the Terrible]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950, pp. 468–519.
35. Mordovina S.P., Stanislavskiy A.L. Sostav osobogo dvora Ivana IV v period «velikogo kniazheniia» Simeona Bekbulatovicha [The Composition of the Special Court of Ivan IV During the “Grand Reign” of Simeon Bekbulatovich]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1976 g.* [Archaeographic Almanac for 1976]. Moscow, s. n., 1977, pp. 153–193.
36. *Novgorodskie pistsovyye knigi* [Novgorod Cadastre Books]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1905, vol. 5. 696 p.
37. *Opisaniye sobraniya svitkov, nakhodyashchikhsya v Vologodskom yeparkhialnom drevlekhranilishche* [Description of the Collection of Scrolls in the Vologda Diocesan Antiquities Repository]. Vologda, Tip. Vologod. gub. pravleniya, 1903, iss. 6: 1533–1651 gg. 155 p.
38. Pistsovaya kniga Pustorzhevskogo uyezda pistsa I. Zubova 1583 g. [The Scribe’s Book of Pustorzhevsky District of the Scribe I. Zubov, 1583]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, book 8183. 834 l.
39. Platonov S.F. Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Works in 2 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, INTF «Stroylespechat» Publ., 1994, pp. 5–86.
40. Savich N.G., ed. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The Discharge Book of 1475–1598]. Moscow, In-t istorii SSSR, 1982, vol. 2, pt. 3, pp. 441–666.
41. Sadikov P.A. Iz istorii oprichniny XVI v. [From the History of the Oprichnina]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow, Leningrad, s. n., 1940, vol. 3, pp. 113–303.
42. Sadikov P.A. *Ocherki po istorii oprichniny* [Essays on the History of the Oprichnina]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 593 p.
43. Sbornik gramot i drugih aktov, spisannykh K.M. Borozdinym s podlinnikov, khranyashchikhsya v Kirillo-Belozerskom monastyre [Collection of Charters and Other Acts Copied by K.M. Borozdin from the Originals Stored in the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Nauchno-istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 11, d. 112. 1283 l.
44. Lappo-Danilevskii A.S., ed. *Sbornik Kollegii ekonomii* [Collection of the College of Economy]. Saint Petersburg, Ros. gos. akad. tip., 1922, vol. 1. 968 p.
45. Andreyev I.A., Ulyanov N.I., eds. *Sbornik materialov po istorii Kolskogo poluostrova v XVI–XVII vv.* [Collection of Materials on the History of the Kola Peninsula in the 16th – 17th Centuries]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1930. 191 p.
46. Skrynnikov R.G. *Rossiiya posle oprichniny. Ocherki politicheskoy i sotsialnoy istorii* [Russia After the Oprichnina. Essays on Political and Social History]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1975. 224 p.
47. Skrynnikov R.G. *Tsarstvo terrora* [The Reign of Terror]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 572 p.
48. Solovyev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Saint Petersburg, Tip. Tov-va «Obshchestv. polza», 1854, book 2, vol. 6, pp. 1–344.
49. Stanislavskiy A.L. Opyt izucheniya boyarskikh spisokov kontsa XVI–XVII vv. [An Experience of Studying Boyar Lists from the Late 16th – 17th Centuries]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1971, no. 4, pp. 97–110.
50. Stanislavskiy A.L. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov* [Works on the History of the Sovereign’s Court in Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, RGGU Publ., 2004. 506 p.
51. Sukhotin L.M. *K peresmotru voprosa ob oprichnine* [On the Revision of the Question of the Oprichnina]. Belgrade, s. n., 1935, iss. V–VI. 200 p.
52. Fedotov-Chekhovskiy A.A. *Akty, otnosyashchiesya do grazhdanskoy raspravy Drevney Rossii* [Acts Related to the Civil Reprisals of Ancient Russia]. Kiyev, Tip. I. i A. Davidenko, 1860, vol. 1. 407 p.
53. Frolov A.A. K voprosu o vzyatii v oprichninu volostey Rzhhevskogo uyezda [On the Question of Taking the Volosts of the Rzhhevsky District into the Oprichnina]. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Time of Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia in the 16th – 18th Centuries]. Moscow, s. n., 2013, p. 34.
54. Shlyapin V.P. *Akty Veliko-Ustyuzhskogo Mikhaylo-Arkhangelskogo monastyrya* [Acts of the Veliko-Ustyug Mikhailo-Arkhangelsky Monastery]. Velikiy Ustyug, Tip. I.N. Lagireva, 1912, pt. 1. 274 p.

55. Schmidt S.O. Neizvestnye dokumenty XVI v. (po istorii Rossiyskogo gosudarstva) [Unknown Documents of the 16th Century (On the History of the Russian State)]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 1961, no. 4, pp. 149-158.

56. Yushkov A.A. *Akty XIII–XVIII vv., predostavlennye v Razryadny prikaz predstaviteliyami sluzhilykh familiy posle otmeny mestnichestva* [Acts of the 13th – 18th Centuries, Submitted to the Discharge Prikaz by Representatives of Service Families After the Abolition of Localism]. Moscow, Universitetskaya tip., 1898, pt. 1 (1257–1613 gg.). 415 p.

Information About the Author

Alexander L. Korzinin, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Srednii V. O., 57/43, 199178 Saint Petersburg, Russian Federation, alex.kor77@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3249-1249>

Информация об авторе

Александр Леонидович Корзинин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Средний просп. В. О., 57/43, 199178 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, alex.kor77@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3249-1249>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.12>

UDC 94:930.2(470+571)“1598”

LBC 63.3(2)43-33

Submitted: 21.07.2025

Accepted: 17.12.2025

THE ELECTORAL ZEMSKY SOBOR OF 1598: A “REREADING” OF THE SOURCES

Igor O. Tyumentsev

Southern Research Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to a comprehensive analysis of the office materials of the electoral Zemsky Sobor of 1598. *Methods and materials.* The dates of the “Cathedral Definition,” the “Ladder of Cathedral Ranks,” the “Order of Boris Godunov’s Coronation,” and the “Crucifixion Record” are being clarified. The dependence of the texts of the Sobor Order and the Approved Letter is confirmed, and the use of the texts of the Patriarch’s March District Letters by the authors of the Approved Letter is revealed. *Analysis and results.* A comparison of the texts of the first and second editions of the Approved Letter allowed the author of the article to identify important details related to the Naming of Boris Godunov to the kingdom. A comprehensive analysis of the documents allows us to conclude that all attempts to justify the rights of the Godunovs to the inheritance of the Muscovite kingdom by the wife of Feodor Ivanovich, Tsarina Irina, failed. The turning point of Boris Godunov’s election campaign was his supplication by members of the “Ecumenical” Council of the icon of the Mother of God of Vladimir and other Moscow shrines, which was interpreted as a clear manifestation of God’s will, and this was confirmed by the ruler’s successful campaign against the Crimean Khan Kaza Giray. It is no coincidence that in the journalism of the time of the Godunovs, the supplication of the icon of the Vladimir Mother of God took a central place, and a holiday was approved in honor of the icon on March 9, 1598. *Funding.* The publication was prepared as part of the implementation of the Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, State No. 124012200178-4.

Key words: History of Russia, Time of Troubles, Electoral Zemsky Sobor of 1598, Godunovs, Romanovs, Shuiskys, office materials, journalism.

Citation. Tyumentsev I.O. The Electoral Zemsky Sobor of 1598: A “Rereading” of the Sources. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 135–155. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.12>

УДК 94:930.2(470+571)“1598”

Дата поступления статьи: 21.07.2025

ББК 63.3(2)43-33

Дата принятия статьи: 17.12.2025

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 г.: «ПЕРЕПРОЧТЕНИЕ» ИСТОЧНИКОВ

Игорь Олегович Тюменцев

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена комплексному анализу сохранившихся делопроизводственных материалов избирательного земского собора 1598 года. *Методы и материалы.* Уточняются датировки Соборного определения, «Лествицы соборных чинов», «Чина венчания Бориса Годунова на царство» и «Крестоприводной записи». Подтверждается зависимость текстов Соборного определения и Утвержденной грамоты между собой и обнаружено использование авторами Утвержденной грамоты текстов Окружных мартовских грамот патриарха. *Анализ и результаты.* Сопоставление текстов первой и второй редакции Утвержденной грамоты позволило выявить важные детали, связанные с Наречением Бориса Годунова на царство. Комплексный анализ документов позволяет прийти к выводу, что все попытки обосновать права Годуновых путем

наследования Московского царства женой Федора Иоанновича царицей Ириной потерпели неудачу. Поворотным событием избирательной кампании Бориса Годунова явилось его умоление членами «Вселенского» собора иконой Богородицы Владимирской и другими московскими святынями, которое трактовалось как явное проявление воли Бога, а подтверждением этого явился успешный поход правителя против крымского хана Казы-Гирея. Неслучайно в публицистике времен Годуновых умоление иконой Владимирской Божией матери заняло центральное место, а в честь иконы утвержден праздник 9 марта 1598 года. *Финансирование.* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гр. проекта 124012200178-4.

Ключевые слова: история России, Смута, избирательный земский собор 1598 г., Годуновы, Романовы, Шуйские, делопроизводственные материалы, публицистика.

Цитирование. Тюменцев И. О. Избирательный земский собор 1598 г.: «перепрочтение» источников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 135–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.12>

Введение. В курсе лекций по источниковедению Р.Г. Скрынников постоянно обращал внимание на то, что информация для реконструкции и осмысления исторических событий достигается не столько за счет ввода в научный оборот новых источников, сколько за счет перепрочтения уже известных. В справедливости этого постулата убеждают труды историка, прежде всего его дискуссия с профессором Э. Кинаном [47].

Историография. Первый в истории России избирательный земский собор 1598 г. привел к власти династию Годуновых, которая не смогла удержать ее в своих руках, и Россия оказалась ввергнутой в Смуту. Именно поэтому историки в след за современниками склонны видеть в борьбе за власть на Соборе 1598 г. начало Смутного времени, завершившегося другим избирательным земским собором 1613 г., приведшим к власти проигравших в борьбе Годуновым Романовых [5; 6; 15; 24; 31; 40, с. 148–157].

Историки, изучавшие борьбу за власть на избирательном земском соборе 1598 г., писали о крестных ходах, устроенных патриархом Иовом в Новодевичий монастырь «умолять» (просить) Бориса Годунова принять царские скипетр и державу. Они обращали внимание лишь на то, добровольно ли народ шел к правителю или его туда загоняли силой [17, с. 212–240; 18, ст. 126–135; 19, с. 22–23; 41, с. 148–157; 49, с. 335–349; 66, с. 168–178]. Лишь в 70-х гг. прошлого века С.П. Мордовина впервые критически проанализировала Утвержденную грамоту Борису Годунову и некоторые другие документы и материалы, а также выяснила представительство на избирательном земском соборе. Исследовательница сделала целый ряд цен-

ных текстологических и просопографических наблюдений над материалами соборной документации, что позволило ей предложить свою версию избирательной кампании 1598 г. [27–31]. А.П. Павлову, посвятившему специальное исследование персональному составу Боярской думы, Государева двора и Освященного собора, удалось внести существенные коррективы в построения С.П. Мордовиной [35–37]. Р.Г. Скрынников, высоко оценивший наблюдения и выводы сначала С.П. Мордовиной, а затем А.П. Павлова, дополнил и развил их с помощью дошедших до нас источников разных видов и жанров и сумел восстановить хронологию и некоторые перипетии борьбы за власть в Москве и деятельности земского собора 1598 г. [46; 48, с. 120–150]. Недавно Я.Г. Солодкин попытался уточнить наблюдения коллег с помощью памятников поздней публицистики Смуты [51–56]. На наш взгляд, такой подход не имеет перспектив, так как нельзя с одинаковым доверием относиться к ранним и поздним свидетельствам современников. Такие мемуаристы, как дьяк Иван Тимофеев [8] или келарь Авраамий Палицын [44], двадцать лет спустя оценивали события 1598 г. сквозь призму пережитого в Смуту и помнили только самые яркие детали из прошлого.

Более перспективным представляется проведенный Р.Г. Скрынниковым критический анализ документов и публицистики времени царствования Бориса Годунова и критика с их помощью поздних мемуаров современников [46; 48, с. 120–150]. Анализируя историю земского собора, В.Н. Козляков опирался главным образом на Утвержденную грамоту Борису Годунову, данные которой уточнял и конкре-

тизировал с помощью свидетельств летописцев, поздних компиляций («Иное сказание») и иностранцев. За «чистую монету» историк принял палицынские обвинения царя «в лицемерии и лукавстве» во время венчания на царство. На умоление иконами Бориса Годунова исследователь внимания не обратил [20, с. 166–190; 21, с. 21–39]. Не отметила этот главный акт избирательной кампании 1598 г. и М.А. Шмыкова в статье, посвященной изучению идеологического обоснования прав Бориса Годунова на Московское царство [67]. Ранее В.А. Аракчеев, А.П. Павлов подвели итоги исследованиям и обобщили накопленные знания о земском соборе 1598 г. и воцарении Бориса Годунова [2].

Методы и материалы. В результате многолетних разысканий исследователями выявлен, опубликован и введен в научный оборот комплекс документальных источников по политико-идеологической борьбе на избирательном земском соборе, в который входят: Соборное определение об избрании царем Бориса Годунова [1, с. 12–13], две Окружные грамоты патриарха Иова 15 марта 1598 г. [1, с. 1–6; 50, с. 144–150], Ответное извещение датским послам 17 марта 1598 г. [34], переписка царя Бориса Годунова и патриарха Иова во время похода против крымского хана Гази-Гирея в июне 1598 г. и приветственная речь патриарха Иова царю Борису Годунову по его возвращении из Серпуховского похода [1, с. 6–12], Утвержденная грамота Борису Годунову 1598 г., дошедшая до нас в двух редакциях и шести списках [1, с. 16–52; 9–14], «Лествица о соборных властях, кои были на соборе на Москве у Иева патриарха в 107» [21–23], «Чин венчания Бориса Годунова на Царство» [57; 64], «Подкрестная запись на верность службы царю Борису Годунову» [1, с. 57–61], Окружная грамота царя Бориса Годунова 14 сентября 1598 г. [1, с. 56–57]. Ко времени царствования Бориса Годунова относятся два произведения публицистики: дошедшая до нас в составе «Нового летописца» «Повесть о честном житие царя Федора Иоанновича» [33] и сохранившееся в одной из частных разрядной книг «Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова» [4; 45]. Исследователи, как видно из анализа историографии, сосредоточились главным образом

на изучении Утвержденной грамоты как главного источника, тогда как другим документам уделили гораздо меньше внимания. Критический анализ каждого из этих источников различен. Текстологический анализ всего комплекса дошедших до нас документов и материалов избирательного собора 1598 г. не проводился. Выполненный нами комплексный источниковедческий анализ позволил прийти к выводу, что «Лествица...» и «Чин венчания...» являются поздними выборками из Утвержденной грамоты и оригинала «Чина венчания Бориса Годунова» [23; 59; 65]. Р.Г. Скрынников прав, что «Лествица...» не содержит ценной информации при изучении истории Собора. «Чин венчания», напротив, сохранил важные детали протографа [57; 58].

Анализ. После разгрома в союзе с Романовыми назначенного царем Иваном Грозным при царе Федоре Иоанновиче регентского совета в 1584–1586 гг., в который входили князь И.Ф. Мстиславский, князь И.П. Шуйский, Б.Я. Бельский и др., и учреждения патриаршества в 1589 г. царский шурин Борис Годунов, получив чин боярина и конюшева, возглавил Боярскую думу и фактически правил страной при тяготившимся делами царе Федоре Иоанновиче [44, с. 250]. Казалось, он прочно держал в своих руках все нити государственной власти в России. Преданный ему патриарх Иов возглавлял Освященный собор, все члены которого, как установил А.П. Павлов, были обязаны повышениями в церковной иерархии патриарху и правителю [36]. Более половины членов Боярской думы, по наблюдению исследователя, составляли родня и выдвиженцы Бориса Годунова [35; 37]. После смерти боярина Н.Р. Юрьева Борис Годунов «воспитывал» и оказывал покровительство его сыновьям боярину Ф.Н. Романову, благосклонно относился к князю В.И. Шуйскому с братией – родственникам по жене, которые доказали свою лояльность в ходе Угличского следственного дела 1591 г. [48, с. 55–85].

Черная кошка в отношениях между Романовыми и Годуновыми пробежала в 1595 году. Молодой и не имевший политического опыта двоюродный брат царя Федора Ф.Н. Романов явно не смог скрыть своих политических амбиций [48, с. 116–117]. Болельщик царя Федора Иоанновича не была быст-

протекающей, а смерть в ночь на 6 января 1598 г. – неожиданной. Тем не менее отличавшемуся набожностью царю не дали соблюсти давнюю традицию московских государей – принять пострижение перед смертью. Его спешно похоронили 7–8 января в Архангельском соборе рядом с отцом в светской одежде [1, с. 1; 45, с. 173–174; 48, с. 125–126; 63, с. 215]. Борис Годунов, судя по всему, неверно оценил расклад политических сил в руководстве страны. Яростное сопротивление бояр – претендентов на трон: Романовых, Шуйских, группировки князя Ф.И. Мстиславского и ставшего непримиримым врагом Годуновых после мятежа 1584 г. Б.Я. Бельского, как установил Р.Г. Скрынников, началась еще до смерти последнего царя из династии Калиты [48, с. 114–119, 129–130].

Письменного завещания царь Федор Иоаннович, судя по полному отсутствию ссылок на него в источниках, не оставил. Власть в стране находилась в руках второго лица после царя – у конюшего, боярина и слуги – правителя Бориса Годунова. Он, патриарх Иов и царица Ирина, видимо, действовали по задуманному ранее плану. Они объявили, что на смертном одре последний Калитич будто бы устно завещал престол жене царице Ирине. «Смиранный Иев Патриарх Московский, и сыновы своими, с Митрополитом и со Архиепископы и Епископом и со всем Освященным собором, которые в то время в царствующем граде Москве прилучились» [1, с. 1], то есть решение о престолонаследии принималось узким кругом лиц. Даже Освященный собор, как видно из процитированных строк, оказался неполным по составу. Народ пытались успокоить и убедить тем, что все остается «по-прежнему»: царица Ирина будет «царствовать», а править страной будет ее родной брат боярин и конюшей Борис Годунов [16, с. 12].

Этот политико-идеологический конструкт отразился в «Повести о честном житии царя Федора Иоанновича». Неслучайно в произведении ничего не говорится об уходе царицы Ирины Годуновой в монастырь [33, с. 19]. Памятник сохранился благодаря тому, что был использован в раннем летописании Романовых, поскольку соответствовал идеологеме «Сказания кийх ради грех...» Авраамия Палицына: богоугодный царь Федор, из-за которого Бог

даровал 14 лет немятежья и процветания России, в то время как страной правил и ее защищал «мудрый в правлениях» Борис Годунов [44, с. 101, 250]. В стране была объявлена амнистия, патриарх Иов санкционировал крестное целование царице Ирине. От ее имени произведены «внеурочные» воеводские назначения, вследствие которых были удалены неугодные лица из Москвы [29; 32; 38; 43; 44, с. 175–176; 48, с. 126].

В провинции присяга прошла без эксцессов. В Москве 10 января 1598 г. неожиданно для патриарха и правителя произошли волнения народа. Москвичи ворвались в Кремль и вынудили царицу Ирину Федоровну последовать традиции и объявить об уходе в монастырь [16, с. 12; 26, с. 47; 32; 38; 39]. Исследователи, ссылаясь на информацию, собранную зарубежной агентурой, считают, что главными боярами-оппозиционерами являлись бывший фаворит Ивана Грозного – Б.Я. Бельский, боярин Ф.Н. Романов и его братья, князь Ф.И. Мстиславский. Р.Г. Скрынников отметил, что лазутчики не называли князей Шуйских, которые, по его предположению, не успели восстановить свои позиции при дворе после разгрома в 1586 г. [48, с. 129–130]. Примечательно, что застрельщиками народных волнений являлись верхи московского посада, купцы и богатые торговцы. Самые тесные связи с московским посадом и неизменную поддержку имели князья Шуйские. Московские гости и торговцы поддерживали князя И.П. Шуйского в 1586 г., а затем в течение всего правления царя Василия Шуйского (1606–1610) [48, с. 33; 60, с. 290–292, 310–316, 462–464]. Автор проромановского «Нового летописца» прямо говорит, что главными зачинщикам антигодуновских выступлений были именно князья Шуйские, действовав тайно [33, с. 50].

Справив девятидневную тризну царю Федору 15 января 1598 г., царица Ирина, согласно официальной версии, несмотря на мольбы патриарха и народа, уехала в Новодевичий монастырь, где вскоре приняла постриг [1, с. 1, 20–21; 10, с. 40; 14, с. 79–80]. Патриарх и правитель были вынуждены скорректировать свой политический миф, утверждая, что ушедший царь будто бы устно завещал свое царство и царицу Борису Годунову. Однако и этот политико-идеологический конст-

рукт, как видно из Окружных грамот и обеих редакций Утвержденной грамоты, также не прошел [1, с. 14; 10, с. 77; 14, с. 38]. Претендовавший на престол двоюродный брат царя Федор Никитич Романов с братиею противопоставил годуновскому мифу свой вариант предсмертных слов царя Федора Иоанновича. Последний Калитич будто бы передал царство «брату Федору». Поговаривали, что в гневе брат Федора Михаил Романов бросился на правителя с ножом [39, с. 341–346]. В страхе за свою жизнь Борис Годунов был вынужден покинуть Москву и уехать к сестре в Новодевичий монастырь, где, исходя из версии автора «Сказания о смерти царя Федора и воцарении Бориса Годунова», по приказанию царицы-иноки должен был ей служить [45; 48, с. 131]. Первый тур борьбы за власть Борис Годунов явно проиграл.

В сложившейся ситуации функцию главы государства был вынужден взять на себя патриарх. В соответствии с обеими редакциями Утвержденной грамоты он санкционировал созыв избирательного земского собора и в дальнейшем руководил его работой, сыграв важную роль в избрании царя Бориса Годунова [10, с. 92; 14, с. 50]. Неслучайно в первой редакции Утвержденной грамоты в ответе на мольбу патриарха отказом от принятия царства Борис Годунов предлагал святителю править царством вместе с Освященным собором и Боярской думой [10, с. 83; 14, с. 43]. В междоцарствие 1610–1613 гг. аналогичным образом действовал патриарх Гермоген, отрешивший русский народ от присяги королевичу Владиславу и благословивший ополченцев на борьбу с захватчиками и новыми самозванцами Лжедмитрием III и «Воренком» [61, с. 211–213; 62, с. 324, 326–327]. Под предлогом траура по Федору Иоанновичу вопрос о царском избрании был отложен до сороковин царя Федора 16 февраля 1598 г. [1, с. 14; 10, с. 91; 14, с. 49; 33, с. 50]. Один из самых осведомленных мемуаристов капитан царских мушкетеров Жак Маржарет в своих мемуарах сообщил, что в города Российского государства было предложено направить в Москву по 5–8 представителей, при этом приверженцы Бориса Годунова якобы выставили заставы, чтобы не пустить своих врагов. В условиях противостояния с Боярской думой пос-

леднее явно было домыслом мемуариста, предавшего в 1605 г. Годуновых [25]. Собор созывался полного состава для принятия судьбоносного для страны решения. В Москву съехалось множество дворян, детей боярских и прочих служилых людей в ожидании раздачи земельного и денежного жалования по случаю восшествия нового царя на престол, которого они ждали с нетерпением. Именно они, а не москвичи, теперь оказывали мощное давление на членов земского собора и задавали тон на народных манифестациях, чем не преминули воспользоваться патриарх Иов и Борис Годунов.

Самым ранним документом, дошедшим до нас от избирательного земского собора 1598 г., начавшего работу 17 февраля 1598 г., считается «Соборное определение об избрании Бориса Годунова на царство». Документ не датирован, но исследователи обычно относят его составление к марту 1598 года [28, с. 131]. Р.Г. Скрынников уточнил датировку, отметив, что в документе нет описания «манифестации» в Новодевичий монастырь 20 февраля 1598 г. [46, с. 149; 48, с. 129]. Действительно, умоление Бориса Годунова иконой Богоматери Владимирской как ключевое судьбоносное для новой династии событие вошло непременным сюжетом во все последующие документы избирательной кампании, начиная с Окружных грамот 15 марта 1598 года. Собор, согласно обеим редакциям Утвержденной грамоты, начал свою работу 17 февраля 1598 г. [1, с. 24–28; 10, с. 92–111; 14, с. 50–65]. Р.Г. Скрынников совершенно справедливо считает, что Соборное определение к началу работы избирательного земского собора к 20 февраля 1598 года. Образовавшуюся паузу в борьбе за власть патриарх Иов и Борис Годунов, по мнению историка, использовали для выработки новой стратегии борьбы за власть, которую сформулировали в Соборном определении [48, с. 129, 131].

Неслучайно по сравнению со всеми материалами избирательной кампании Бориса Годунова Соборное определение – самый «сырой» документ и явно написан «наспех». Центральное место в нем занимает миф о завещании Московского царства Борису Годунову. Царь Иван Грозный, воспитавший в своей семье Ирину и Бориса Годуновых, будто бы

провидчески завещал Московское царство, сына Федора и его жену Ирину Борису Годунову, который якобы должен был блюсти их как зеницу ока, а если у них не будет наследников – принять царство. Далее авторы постарались представить Бориса Годунова истинным православным правителем: благочестивым и угодным Богу, мудрым в управлении государством и народом, грозным воителем («страшным») соседним и всем иноземным государем [1, с. 12–13]. В дальнейшем все эти аргументы и частично тексты, как установила С.П. Мордовина, вошли в обе редакции Утвержденной грамоты [28, с. 131–132].

Судя по полному отсутствию подписей, Соборное определение, предъявленное патриархом, не получило поддержки у членов Собора. Исследователи обратили внимание на рассказ имперского посланца в Москву М. Шилья, в котором говорится о том, что в первый день работы Собора «канцлер» В.Я. Щелкалов обратился к его членам с предложением целовать крест «князьям и боярам», которые явно не смогли противопоставить правителю «единого кандидата» [16, с. 12–13]. Р.Г. Скрынников оценил это выступление как попытку думской оппозиции захватить власть в стране [48, с. 134]. С этим наблюдением трудно согласиться. М. Шилья не был очевидцем событий, так как добрался до столицы только 10 сентября 1598 г., после венчания нового царя. Согласно посольской традиции того времени, к нему был назначен пристав, который сводил до минимума его общение с внешним миром, поэтому информацию М. Шилья черпал со слов самого «канцлера» В.Я. Щелкалова и его ближайшего соратника дьяка А.И. Власьева. Немыслимо, чтобы люди, занимавшие столь высокие должности после венчания Бориса Годунова, стали рассказывать зарубежному дипломату, как в разгар борьбы за власть выступили против нынешнего царя. Анализ всего донесения обнаруживает, что информаторы М. Шилья представили пережитое в 1598 г. в максимально выгодном для Годуновых свете, тщательно затушевывая выступления оппозиции. Так, 10 января 1598 г. ворвавшиеся в Кремль москвичи будто бы умоляли и требовали, чтобы царица Ирина не отказывалась от царства и не уходила в

монастырь. Два предложения В.Я. Щелкалова целовать крест неким князьям и боярам завершились возгласами: «Мы уже один раз присягнули Великой Княгине – за нею и остаемся, пока она жива!» [16, с. 12–13]. Данные заявления таким образом являлись провокационными и были сделаны для получения максимально возможной поддержки кандидатуры Бориса Годунова [1, с. 1, 26–28; 10, с. 106–111; 14, с. 61–65; 50, с. 144–145]. Цитируемые строки не оставляют сомнений, что присяга царице Ирине считалась проведенной и законной. Даже после ухода в монастырь она воспринималась как «Государыня Царица и Великая Княгиня инока – владычица Московского царства» [1, с. 1, 31; 10, с. 123; 14, с. 123; 50, с. 146]. Без передачи ею царства другому лицу какое-либо иное «восшествие на престол» являлось бы незаконным. Ее ближайшим родственником и наследником, несмотря на все происки оппозиции, являлся брат Борис Годунов.

В обеих редакциях Утвержденной грамоты сообщается, что 18 февраля 1598 г. члены Собора будто бы приняли решение добиваться у Бориса Годунова согласия занять царский престол, принести ему присягу. В первой редакции Утвержденной грамоты пересказано содержание этой присяги, повторяющей по смыслу позднюю крестоцеловальную запись. Бояре, дворяне, приказные люди, дети боярские и гости должны были:

- 1) присягнуть на верность династии Годуновым «родом в род»;
- 2) против Бориса Годунова жены, детей и «детей которые будут» лихо не замышлять;
- 3) зарубежных Царей и Королей, «никого из здешних» на Московское государство не хотеть;
- 4) зарубеж не отъезжать и иноверных на Православное царство не наводить;
- 5) «под Годуновыми царства не искать» [10, с. 107–108; 14, с. 62–63].

Далее в Утвержденной грамоте первой редакции приводится речь патриарха 9 марта 1598 г., в которой он постоянно ссылается на «прежнее крестное целование» и кратко перечисляет почти все указанные выше пункты (кроме отъезда служилых людей зарубеж наведение на страну иноверных). При этом очень много распространяется о клятве бояр, дво-

рян, приказных, детей боярских и гостей не требовать чести выше положенной по рождению и службе, беспрекословно принимать назначения и верно исполнять все приказы и распоряжения Бориса Годунова [10, с. 139–146; 14, с. 87–92]. В Утвержденной грамоте второй редакции речь патриарха была сильно сокращена и выхолощена [1, с. 38–39].

Не добившись принятия избирательным земским собором Соборного определения, патриарх объявил трехдневный пост и молитву, за время которого Годуновская партия нашла выход из сложившейся ситуации. 20 февраля 1598 г. по призыву патриарха Иова состоялось первое шествие членов Собора и народа («Вселенского» собора) в Новодевичий монастырь. Примечательно, что решено было умолять царицу-инокиню Арину (Ирину Годунову) благословить брата Московским царством, а Бориса Годунова – принять его по воле Бога [10, с. 106–107; 11; 14, с. 61–65].

Шествие возглавил патриарх Иов с членами Освященного собора и боярин князь Ф.И. Мстиславский с частью членов Боярской думы. А.П. Павлов считает, что понятия «Освященный собор» и «Вселенский» собор в выборной документации означают одно и то же [35]. В действительности Освященный собор и Боярская дума составляли высшую «курию» земского собора, в выборные из Москвы и провинции – низшую. Помимо членов земского собора в манифестации участвовали дворяне и дети боярские, прочие служилые люди, собравшиеся в столицу в ожидании коронационных праздников, москвичи и торговые люди из провинции. Поскольку члены земского собора составляли лишь часть народного шествия, патриарх Иов назвал его в обеих редакциях Утвержденной грамоты «Вселенским» собором [1, с. 40; 10, с. 87; 14, с. 46] и тем самым, по-видимому, хотел подчеркнуть, что Борис Годунов избран не одними членами земского собора, а «Вселенским» собором, представляющим всенародное множество русских людей.

Первое шествие не достигло цели. Правитель Борис Годунов отказался принять бремя царской власти, а царица-инокиня Александра – благословить его на Московское царство. Видимо, шествие оказалось не столь предста-

вительным, как рассчитывали Борис Годунов и патриарх Иов [1, с. 28–29; 10, с. 111–113; 14, с. 65–66]. 21 февраля 1598 г., во время повторного шествия в Новодевичий монастырь, в ход пошли новые весьма веские аргументы. Патриарх Иов приказал взять с собой для умоления царицы-инокини и ее брата чудотворную икону Богоматери Владимирской, написанную по преданию евангелистом Лукой, но не ее одну, о чем умолчал в «Сказании кних ради грех...» Авраамий Палицын. Члены «Вселенского» собора, как видно из ранней редакции Утвержденной грамоты, несли также чудотворные иконы Богоматери, кисти митрополита Петра и Вознесенского монастыря, а еще чудотворные иконы святых митрополитов Московских Петра, Алексея и Ионы. Из собора Новодевичья монастыря была вынесена чудотворная икона Богоматери Смоленская [1, с. 2–3, 29–30; 10, с. 114; 14, с. 66]. Авраамий Палицын в «Сказании ради кних ради грех...» заявил, что нельзя было выносить икону Богоматери Владимирской из столицы ради умоления «смертного», что это страшный грех [44, с. 252]. В действительности она выносилась в экстренных случаях, например, во время нашествия на Русь Тимура. Затянувшееся междоусобице как раз и было таким случаем. Именно поэтому «вся святость» была вынесена из Москвы, лишая всех проигнорировавших крестный ход в Новодевичий монастырь «крамольников»-бояр благодати Божией.

В «Сказании кних ради грех...» Авраамий Палицын пытался убедить читателя, что все случилось из-за того, что Борис Годунов будто бы «божественного писания не навывк». Он допустил, чтобы его умоляли принять скипетр и державу Московского царства иконой Богоматери Владимирской, тогда как ему самому впору было пасть перед иконой ниц и просить у нее благодати Божией [44, с. 250–253].

В Окружных грамотах 15 марта 1598 г. в обеих редакциях Утвержденной грамоты патриарх и члены «Вселенского» собора с иконами умоляли прежде всего царицу-инокиню Александру дать на престол брата, что она и сделала: «Божия спасения ради нашего, и вашего ради всеосвященного собора толиково подвига» [50, с. 147]. Перед решением принять скипетр и державу Московского царства Борис Годунов падает ниц у иконы Богомате-

ри Владимирской и просит у нее милости, и заступничества, и помощи [1, с. 2–3, 31; 10, с. 120–121; 14, с. 72; 50, с. 147–148].

Вероятно, описание моления Бориса Годунова у иконы Богоматери Владимирской в келье у сестры в Новодевичьем монастыре было написано в ответ на обвинения оппозиции Бориса Годунова в греховности происшедшего, которые Авраамий Палицын воспроизвел в «Сказании киих ради грех...». Примечательно, что сам факт «умоления» смертного иконой Богоматери Владимирской патриархом Иовом и оппозицией трактовались по-разному. Патриарх на попытки царицы-иноки Александры уклониться от благословения брата и самого правителя Бориса Годунова отказаться от воцарения пригрозил им анафемой и отлучением от церкви за противление божьей воле и неприятие его благодати. Только это, по версии Окружных и Утвержденной грамот, сломило последнее сопротивление царицы-инокини и правителя [1, с. 2–3, 31–35; 10, с. 120–129; 14, с. 72–79; 45, с. 177–178; 50, с. 145–148].

Добившись благословения и согласия Бориса Годунова, патриарх Иов поспешил отвести его в Собор Смоленской иконы Божией матери Одигитрии в Новодевичевом монастыре. Здесь, по данным первой редакции Утвержденной грамоты и «Сказания о смерти царя Федора и воцарении Бориса Годунова», в присутствии членов Освященного и «Вселенского» собора с чудотворными иконами «нарек» правителя на царство [10, с. 131; 14, с. 80; 45, с. 180].

26 февраля 1598 г. в Прощенное воскресенье «нареченный» царь Борис Годунов, по двум редакциям Утвержденной грамоты 1598 г., торжественно въехал в столицу, вместе с патриархом Иовом, членами Освященного и «Вселенского» собора участвовал в службе в Успенском, Архангельском и Благовещенском соборе Московского Кремля. Во время службы в Успенском соборе патриарх, в соответствии с Окружными и Утвержденными грамотами, «благословил» Бориса Годунова «честным крестом» митрополита Петра, что являлось официальным подтверждением «наречения» в Новодевичьем монастыре [1, с. 3, 35–37; 10, 130–131 с.; 14, 80–81 с.; 50, с. 148–149]. После службы в соборах Кремля Борис Годунов отправился в свои «царские палаты». Тут

«что-то пошло не так», поскольку «нареченный царь» неожиданно спешно покинул Кремль и уехал в Новодевичий монастырь, затем вернулся и заперся вместе с патриархом в его покоях в Чудовом монастыре, где долго совещался, после чего церемония продолжилась как ни в чем не бывало. «Нареченный» царь вышел к народу и просил прощения у всех присутствующих духовных и светских лиц, и сам их в свою очередь всех простил и... Уехал опять в Новодевичий монастырь к сестре [1, с. 37; 10, с. 137; 14, с. 85–86]. В Окружных грамотах, написанных 15 марта 1598 г., о внезапном отъезде «нареченного» царя нет ни строчки. Пояснения появились в Утвержденной грамоте. Авторы первой редакции Утвержденной грамоты объяснили возвращение Бориса Годунова в Новодевичий монастырь необходимостью ухода за заболевшей от горя по мужу иноки Александры и благочестивым желанием соблюсти очистительный пост и тем самым подготовиться к принятию царской власти. Первое объяснение никого не могло обмануть, поэтому было полностью удалено из второй редакции Утвержденной грамоты [1, с. 37; 10, с. 138–139; 14, с. 85–86].

Данные обеих редакций Утвержденной грамоты наводят на мысль, что в 1598 г. в Новодевичьем монастыре 21 февраля, а затем 26 февраля в Москве во исполнение Соборного определения патриарх Иов и приверженцы Годуновых пытались провести присягу Борису Годунову и его семье (табл. 1) [1, с. 35; 10, с. 131; 14, с. 80]. Предположение Р.Г. Скрынникова, что она была сорвана боярами-«крамольниками», выглядит весьма правдоподобным и объясняет нервозные действия «нареченного» царя 26 февраля 1598 года. Видимо, значительная часть членов Боярской думы – высшей курии избирательного земского собора отказалась присягнуть «нареченному» царю, без чего решение «Вселенского» собора не имело силы [47, с. 135, 137]. Видимо, «говоря правду, но не всю», редактор, правя первую редакцию Утвержденной грамоты для второй, не мог умолчать об этом факте и постарался изложить его в максимально выгодном для Годуновых свете: ссылку на желание правителя ухаживать за больной сестрой после 26 февраля 1598 г. заменил на желание завершить великий пост и подготовиться духовно к приня-

тию царской власти [1, с. 27, 39; 10, с. 85–92; 14, с. 62–63; 48, с. 137]. Патриарх и правитель вновь столкнулись с серьезными проблемами. Вскоре выяснилось, что боярская оппозиция смогла наконец преодолеть разногласия и выдвинула в цари Симеона Бекбулатовича [39, с. 345]. В отличие от только что «нареченного» царя Бориса Годунова, он «формально сидел» 11 месяцев на Московском престоле в 1575–1576 годы. Реставрация царя Симеона, скорее всего, должна была дезавуировать «наречение» Бориса Годунова на царство. Ситуация, по всей видимости, была настолько критической, что, позже, одержав победу в борьбе за власть, Борис Годунов лишил «царя» Симеона удела и сослал «на житье» в небольшую вотчину в тверское село Кушалино [3]. В тексте крестоцеловальной записи царю Борису появилось прямое указание: «Царя Симеона Бекбулатовича и его детей и иного никого на Московское царство “не хотети”» [1, с. 57–61].

Годуновых вновь спасли патриарх Иов и Освященный собор, решительно выступившие за царя Бориса на основании того, что он угоден и избран Богом. Новокрещенный Чингизид, в прошлом бывший марионеткой в руках царя Ивана Грозного, лишенный благодати Божией, благословения патриарха, без поддержки Освященного собора не получил одобрения «Вселенского» собора и не мог достичь реальной власти в стране. Его выдвижение явилось роковой ошибкой оппозиции. Патриарх и Освященный собор с прогoduновской частью Боярской думы и Государева двора в течение двух недель смогли переломить ситуацию в пользу своего кандидата. Главным аргументом в его пользу явилось его «богоизбранность», доказательством которой стало «умоление» правителя чудотворными иконами и

крестным ходом «всенародного множества». 9 марта 1598 г. инициатива вновь принадлежала патриарху Иову и Годуновым, когда было принято решение о составлении вместо Соборного определения Утвержденной грамоты Борису Годунову ее подписании членами Освященного собора, Боярской думы и Государева двора, а день «умоления» Бориса Годунова чудотворными иконами был объявлен государственным праздником. По аналогии с Уложенной грамотой об учреждении патриаршества в России новая династия утверждалась на Руси, как и патриаршество по Божьей воле [1, с. 37–39; 10, с. 139–140; 14, с. 87]. 15 марта 1598 г. патриарх Иов впервые отправил духовенству Окружные грамоты об избрании царем Бориса Годунова, Разрядный приказ начал сообщать об этом по дипломатическим каналам за рубеж [1, с. 1–6; 36; 50, с. 144–150]. 19–22 марта 1598 г. появились первые документы, написанные и утвержденные царем Борисом Федоровичем. 9 и 16 апреля 1598 г. Борис Годунов официально участвовал в праздновании Вербного воскресения и Пасхи 16 апреля в качестве «нареченного» царя [48, с. 138].

После Пасхи желание «нареченного» государя, о котором сообщается в обеих редакциях Утвержденной грамоты, постом и молитвой в Новодевичьем монастыре подготовиться к исполнению царских дел исполнилось и, казалось бы, он мог начать царствовать в Москве. Неслучайно в первой редакции Утвержденной грамоты появились слова «совершенно б сел на своем государстве»! Вместо этого он вновь уехал к сестре, несмотря на слезные молитвы патриарха Иова и всех участников торжеств. Во второй редакции Утвержденной грамоты процитированный выше фрагмент был удален редактором [10, с. 150–151; 14, с. 94–96].

Таблица 1. Сопоставление текстов двух редакций Утвержденной грамоты (фрагмент молитвенного обращения к Богородице)

Table 1. Comparison of the texts of the two editions of the Approved Letter (fragment of a prayerful appeal to the Mother of God)

Утвержденная грамота 1598 г. первой редакции	Утвержденная грамота 1598 г. второй редакции
О Милосердая Царице, Пречистая Богородице, Мати Христа Бога нашего! Почто толик подвиг сотворила еси? И чудотворный свой образ воздвиже с честными кресты и со иными множества чудотворных образов: тем Пресвятая Богородице сама мя прими и помилуй, все упование мое к тебе возлагаю мати Божия, сохрани мя во своем си крове	О, милосердая Царице пречистая Богородице, Мати Христа Бога нашего! Почто толик подвиг сотворила еси, и чудотворный свой образ воздвиже с честными кресты и со иными множества чудотворных образов? Тем, пречистая Богородица, помолися о мне и помилуй мя

В первой редакции Утвержденной грамоты сообщается, что царь Борис Федорович с семьей переехал из Новодевичия монастыря в «царские палаты» в Москве 1 апреля 1598 г., «в третью неделю по Пасце» [10, с. 156; 14, с. 100]. Во второй редакции Утвержденной грамоты этой даты нет, но повествование, как и в первой редакции, завершается возвращением царской семьи в Москву. А.П. Павлов отметил несуразность этой записи. Православная Пасха в тот год была 16 апреля, поэтому 1 апреля не может быть третьей неделей после Пасхи и приходится на 30 апреля. Причиной этой явной ошибки, судя по всему, по мнению историка, явилось неверное прочтение рукописи издателями, которые приняли «Л» за «А» [35, с. 215–216]. Именно эту дату возвращения Годуновых в Москву привел автор разрядного «Сказания о смерти царя Федора Иоанновича и воцарении Бориса Годунова» – 30 апреля 1598 г. [45, с. 180], что подтверждает факт въезда царя Бориса с семьей в кремлевские палаты в тот день.

Сделав важное наблюдение над текстом ранней первой редакции Утвержденной грамоты, А.П. Павлов приходит к заключению, что текст Утвержденной грамоты первой редакции был составлен и готов к подписанию 30 апреля, но подписание было прервано буквально через неделю 7 мая 1598 г. в связи с началом Серпуховского похода царя Бориса Годунова. На следующей странице, не замечая неточности, исследователь пишет, что текст ранней редакции «отразил процесс составления и подписания Утвержденной грамоты с 30 апреля по 7 мая 1598 г.» [35, с. 215–216]. Прямое указание в тексте Утвержденной грамоты, что 9 марта 1598 г. было принято решение написать этот документ свидетельствует, что работа над ранней редакцией началась после этой даты и на нее понадобилось несколько недель [1, с. 37–39; 10, с. 139–140; 14, с. 87].

Стоит обратить внимание на то, что «наречение» на царство Бориса Годунова 21 февраля 1598 г. в Новодевичьем монастыре в первой редакции Утвержденной грамоты названо «наречением на царство», а во второй – эти слова заменены на «благословение на царство» [1, с. 3, 35–37; 10, с. 130–131; 14, с. 80–81].

Автор «Сказания о смерти царя Федора и воцарения Б. Годунова» подтверждает свидетельство автора первой редакции Утвержденной грамоты, что после «умоления» иконами Борис Годунов был **«наречен» на царство крестом святого митрополита Петра**, а венчаться царским венцом до времени будто бы «не захотел» (табл. 2). Публицист сообщил, что Борис Годунов продолжал жить в Новодевичьем монастыре у сестры со своей семьей, отсюда «царствовал» и не желал возвращаться в Москву [50, с. 148–149].

Как свидетельствуют авторы первой редакции Утвержденной грамоты и «Сказания о смерти царя Федора и воцарении Бориса Годунова», патриарху Иову пришлось в конце апреля организовывать новое хождение «Вселенского» собора с молением к царю приехать в Москву и отсюда царствовать. Примечательно, что на этот раз чудотворные иконы и кресты с собой не брали. Борис Годунов вновь стал отказываться от власти, чем ввел в замешательство членов «Вселенского» собора. Он явно переигрывал, публично демонстрируя страх взять бремя власти. Инока Александра действовала более решительно. Она сразу же отменяла все показные попытки «нареченного» царя вновь отказаться от власти и потребовала управлять полученным из ее рук царством [10, с. 153–158; 14, с. 98–102; 50, с. 148–149]. Затем события развивались по февральскому сценарию. Патриарх и сопровождающие его члены «Вселенского» собора в окружении толп народа торжественно встретили «нареченного» царя и его семью у монастыря Николы Зарайского на Неглинной. Затем последовало торжественное богослужение в Успенском соборе Кремля, где патриарх, по свидетельству авторов первой редакции Утвержденной грамоты, **«благословляет его Государя честным же и животворящим крестом Петра Митрополита Киевского и всеа Руси чудотворца, и возлагает на него той честный крест Петра чудотворца, еже есть начало Царскаго его Государева венчания и скипетродержания** [10, с. 158; 14, с. 101]. Здесь так же, как и во второй редакции Утвержденной грамоты в записи 21 февраля 1598 г., «наречение» заменено на «благословение», так как «наречением» в документе

считаются февральские события. В обоих случаях патриарх Иов «нарекает» на царство Бориса Годунова крестом митрополита Петра, после чего они совершают богомолье в храмах Московского Кремля. Затем царь въезжает в свои царские палаты. На этот раз без эксцессов, и с этого времени будто бы начинается его царское венчание. Причем так же, как и в феврале, Борис Годунов венчаться «не захотел», на этот раз не из-за болезни сестры, а до победы над крымским ханом, которая будет являться подтверждением того, что на него снизошла благодать Божия [10, с. 153–158; 14, с. 98–102; 50, с. 148–149]. Сделанные наблюдения не оставляют сомнений, что 30 апреля 1598 г. состоялось повторное «наречение» Бориса Годунова на царство. Прежних государей нарекали на царство в Успенском соборе Кремля, в феврале 1598 г. патриарх Иов «нарек» Бориса Годунова в храме Смоленской иконы Божией матери «Одигитрия» и попытался провести обряд в Успенском соборе Кремля, но не смог довести его до конца из-за выступления Боярской думы. В конце апреля 1598 г. патриарх Иов и Борис Годунов исправили свой просчет. Сделанное наблюдение позволяет вернуться к майской датировке завершения работы над первой редакцией Утвержденной грамоты.

В начале мая 1598 г. «нареченный» царь, по мнению Р.Г. Скрынникова, сделал сильный ход, окончательно сломивший боярскую оппозицию. 3 мая 1598 г. было объявлено, что

на Русь с огромным войском идет крымский хан Гази-Гирей. 3 мая 1598 г. Борис Годунов заявил, что лично поведет против него русское войско [48, с. 181]. В Разрядном приказе был составлена роспись воевод, по которой в подчинении у Бориса Годунова оказались все бояре-«крамольники». Оппозиционеры попались в ловко расставленный капкан. Им нужно было выбирать: либо по местническому счету признать себя ниже Бориса Годунова не зависимо от того признают ли они его «нареченным» царем или только правителем при сестре, либо стать изменниками Родины и лишиться всего [48, с. 140]. Мобилизация в Серпуховский поход была максимально широкой. Помимо значительного русского войска привлекли даже Войско Донское [42, с. 163–164].

Дипломатические материалы русско-крымских отношений за это время в Российском Государственном архиве древних актов не сохранились. Специалист по истории русско-крымских отношений в конце XVI – XVII в. А.М. Виноградов установил, что после неудачного похода Газы-Гирея на Москву, отраженного правителем Борисом Годуновым, между ними в 1594–1597 гг. установились тайные доверительные отношения и в 1594 г. был подписан мирный договор. По предположению исследователя, сразу же после смерти царя Федора Иоанновича в Крым был направлен гонец Иван Бунаков, затем выехало посольство Л. Лодыженского, время отправки которого в литературе считается неустановленным [7, с. 163–165].

Таблица 2. Сопоставление текстов двух редакций Утвержденной грамоты (фрагмент о «наречении» Бориса Годунова)

Table 2. Comparison of the texts of the two editions of the Approved Letter (fragment on the “naming” of Boris Godunov)

Утвержденная грамота 1598 г. первой редакции	Утвержденная грамота 1598 г. второй редакции
И Великий Господин святейший Иев Патриарх Московский и всеа Руси со всеми сыновы своими, Митрополиты, и со Архиепископы, и Епископы, и со всем Освященным собором, с Божиею помощию по благодати данней от пресвятаго и животворящаго Духа, у чудотворных образов на государство Владимирское, и Московское, и Новгородское, и Казанское, всему Росийскому Царству, честным и животворящим крестом благословил Великаго Государя, богом дарованнаго Царя и Великаго Князя Бориса Федоровича, всеа Руси Самодержца, и нарекли Царем на великое государство	И великий господин святейший Иев Патриарх Московский и всеа Руси, со всеми сыновы своими с Митрополиты, и с Архиепископы, и Епископы, и со всем Освященным собором, по благодати данней от пресвятаго и животворящаго Духа, у чудотворных образов, на государьство Владимирское, и Московское, и Новгороцкое, и Казанское, и Асторохаиское и на все великие государьства Росийскаго царьства, честным и животворящим крестом благословил великого Государя Богом дарованнаго Царя и Великого Князя Бориса Федоровича, всеа Руси Самодержца

В источниках нет и намека на отправку гонцов за рубеж с известием о смерти царя Федора Иоанновича в январе – феврале 1598 года. В условиях неопределенности и острой борьбы за власть это было невозможно, так как границы закрыли. В «Сказании о смерти царя Федора Иоанновича и воцарении Бориса Годунова» прямо говорится: «И как государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Росии **наречен бысть царем** и государем на Московском Российском государстве, и послал государь тотчас в Крым гонца своего Леонтья Лодыженского ко крымскому царю Каз-Гирею объявить свое государево царство» [45, с. 180].

Поскольку по прямому указанию автора произведения «наречение» на царство произошло 21 февраля в Новодевичьем монастыре, посольство Л. Лодыженского было отправлено после этой даты, скорее всего 15–17 апреля, когда страну и власти соседних стран публично известили о воцарении Бориса Годунова [34]. В апреле – июне 1598 г. хан Газы-Гирей, как установил А. Виноградов, по приказу Порты участвовал в боевых действиях в Европе, аудиенцию русскому посольству он не давал и ни о каком походе на Москву не помышлял [7, с. 163–165].

Переписка «нареченного» царя и патриарха во время Серпуховского похода позволяет сделать любопытные наблюдения. Перечисляя своих небесных покровителей в Серпуховском походе, Борис Годунов называет среди прочих покойного царя Федора Иоанновича. По возвращении в Москву в первую очередь жаждал встречи с сестрой царицей-инокиней Александрой, которую по-прежнему называет «государыней своей» и использует полный царский титул. Что еще более любопытно, называя себя «самодержцем», царь говорит о патриархе Иове как о «сопрестольнике» и «государе», то есть говорит о нем как о соправителе как это потом будет при царе Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете! Наконец, царь Борис пишет, что в Москве жаждал увидеть лица членов Освященного и «всего Вселенского» соборов [1, с. 6–12]. Сделанные наблюдения наводят на мысль, что положение «нареченного» царя оставалось шатким. Он был вынужден опираться на поддержку передавшей ему царство сестры ино-

ки и патриарха, поскольку до венчания междуцарствие преодолено не было, и он по-прежнему сохранял часть функций главы государства переходного периода. Апелляция к членам «Вселенского» собора свидетельствует, что он, видимо, после февральских заседаний распущен не был и, как это будет в первые годы царствования Михаила Романова, продолжал свою работу, подпирая своим авторитетом еще слабую царскую власть.

Авраамий Палицын в «Сказании кних ради грех...», оценивая 14-летнее правление царя Федора Иоанновича, указал, что благодаря его святости «даровал земли Русской немнятежное пребывание» [44, с. 250]. Молясь за Бориса Годунова и Русскую землю на небесах, царь Федор Иоаннович продолжал обеспечивать Божью благодать правителю, которому по официальной версии вручил царицу и царство. Однако и сам правитель, как прямо говорится в переписке, обрел благодать после «умоления» иконами. Ярким свидетельством тому, по мнению царя и патриарха, является отказ крымского хана от похода на Москву, замирение с Крымом, покой и «немнятежье» в России [1, с. 6–12].

По возвращении из Серпуховского похода 2 июля 1598 г. Бориса Годунова, видимо, не удовлетворило содержание первой редакции Утвержденной грамоты. В двух экземплярах была подготовлена новая вторая редакция Утвержденной грамоты, которую ее создатели датировали 1 августом 1598 года. А.П. Павлов доказал подлинность этой грамоты и подтвердил достоверность, указанной в ней даты [35]. Сопоставление двух редакций Утвержденной грамоты обнаруживает, что во второй редакции из текста убрали все записи после 9 марта 1598 года. Оставлены были только короткие сообщения о решении написать и утвердить грамоту об избрании Бориса Годунова. Из документа исчезли повторные «умоления» Б. Годунова, повторный торжественный въезд в столицу и «наречение» на царство 30 апреля 1598 года. Первое наречение, как уже говорилось выше, было заменено на «благословение» [1, с. 37–41; 10, с. 140–171; 14, с. 87–111]. Главным событием в познании Божией воли правителем, членами «Вселенского» собора и народом и воцарении Бориса Годунова стало его «умоление» ико-

нами. Описание этого судьбоносного для страны и народа события было расширенно и драматизировано.

Была расширена вводная часть первой редакции Утвержденной грамоты, в которой кратко рассказывалось о правлении на Руси государей из династии Рюриковичей, от Рюрика до Федора Иоанновича. Расширены сообщения о правлении святого Владимира Крестителя и благоверного Федора Иоанновича, которые как истинные православные государи обрели благодать Божию для Российского государства [1, с. 16–19; 10, с. 74–77; 14, с. 36–38]. Особое внимание уделено повествованию о выдающихся правителях при царях, которые волею судеб затем занимали царский престол.

Сопоставление двух редакций Утвержденной грамоты и «Подкрестной записи на верность службы Царю Борису Федоровичу 15 сентября 1598 г.» позволяет прояснить вопрос о крестном целовании. Я.Г. Солодкин, посвятивший этому вопросу специальное исследование, подверг критике вывод Р.Г. Скрынникова о двух крестных целованиях. По мнению Янгеля Гутмановича, присяга была только одна – 21 февраля 1598 г., так как повторная присяга по идеологическим причинам была невозможной [52]. Тогда выходит, что «Подкрестная запись на верность службы Царю Борису Федоровичу 15 сентября 1598 г.» – подлог? В обеих редакциях Утвержденной грамоты и других документах и публицистических сочинениях ничего не говорится о присяге провинции Борису Годунову в феврале – августе 1598 года. Анализ Подкрестной записи обнаруживает любопытный фрагмент: «А как Государь Царь и Великий Князь Борис Федорович всеа Русии **пришлет к вам** ¹ **в город кого,** обыскивать про свои государевы и про земские про которые дела...» [1, с. 57–61]. Документ явно использовался для присяги российской провинции, которая была проведена после венчания Бориса Годунова на царство 3 сентября 1598 года. Неслучайно из документа были удалены все тонкости, касающиеся боярской чести и дворянской и приказной службы, а все усилия были направлены на защиту царя и его семьи от отравления, колдовства и измены. В преамбуле документа кратко сообщалось о смерти благочестивого царя Федора, который завещал Москов-

ское царство жене Ирине, но та ушла в монастырь и передала «Московское царство» своему ближайшему родственнику – брату Борису Годунову, которому теперь российская провинция присягает [1, с. 57–61].

Подводя итог сопоставления двух редакций Утвержденной грамоты, можно констатировать, что основным направлением редакторской работы являлось стремление все действия и поступки Бориса Годунова в ходе избирания объяснить личными причинами и непониманием смертным уготованной ему Богом судьбы, и только будто бы в ходе «умоления» чудотворными иконами Борис Годунов с помощью патриарха, царицы и «Вселенского» собора смог постичь Божию волю и не без страха принял из рук сестры «вдовое» царство.

В августе 1598 г. патриарх Иов публично зачитал текст второй редакции Утвержденной грамоты, после чего ее подписали члены Освященного собора, бояре, дворяне, приказные и московские гости и все члены «Вселенского» собора. Прямые неоднократные указания в тексте, что следует исполнять клятву Борису Годунову и его семье принесенную «утверждением» и «скреплением» Утвержденной грамоты, свидетельствуют о роли главного документа царского избрания в качестве «крестоцеловальной записи» для светских и духовных лиц в Москве [1, с. 41]. Именно поэтому власти добивались подписей от всех членов государева двора. Неслучайно начавшееся в августе 1598 г. подписание двух экземпляров этого документа растянулось до начала 1599 года. После утверждения царем и патриархом оба экземпляра были взяты ими на хранение в царский архив и патриархию ризницу. Первую редакцию Утвержденной грамоты патриарх Иов так же забрал к себе в ризницу [1, с. 41; 10, с. 166; 14, с. 108]. Назвав избирательный земский собор «Вселенским», патриарх Иов и царь Борис Федорович тем самым подчеркивали всенародный характер царского избрания. Максимально возможное число подписантов независимо от того участвовал человек в работе собора или нет, служило для этого подтверждением.

3 сентября 1598 г. патриарх Иов венчал «нареченного» царя на царство. Речи царя и патриарха в чине венчания содержат раз-

ные интерпретации событий. Оба заявили, что на Руси от поколения к поколению русские государи передавали Российское государство своим сыновьям. Царь Федор Иоаннович сына не имел, поэтому царство оставил «кому Бог благословит». Царица Ирина ушла в монастырь. Патриарх Иов созвал «Собор», который постигнув Божью волю избрал царем Бориса Годунова, затем добился благословения у царицы для него и упросил его дать согласие занять царский престол. В ответ патриарх Иов изложил аналогичную версию событий с той лишь разницей, что царь Федор передал царство царице Ирине, а уже она, уходя в монастырь, оставила царство тому, «кого Бог благоволит». Правда, когда решение созванного патриархом Собора показало, что «Бог благоволит» Борису Годунову, она «благословила» брата на царство, и патриарх его благословил. Анализ свидетельствует, что из чина венчания Бориса Годунова на царство были убраны все фрагменты о завещании Иваном Грозным и царем Федором Ивановичем государства Российского Борису Годунову [1, с. 54–56; 58]. Из всех аргументов, обосновывающих права Бориса Годунова и законность его воцарения, остался один – он угоден Богу и Господь добился того, что русские люди осознали это и возвели его на престол. Поворотным моментом явилось «умоление» Бориса Годунова чудотворными иконами 21 февраля 1598 года.

Документы и публицистические сочинения избирательного земского собора 1598 г. положили начало публицистике Смуты. Их авторы были убеждены, что с избранием Бориса Годунова кризис преодолен и наступило благоденствие, но затем беды и напасти обрушились на Русскую землю. Осмысление происходящего потребовало много духовных сил прежде чем народ и его руководители смогли найти выход из «всенародной беды».

Авраамий Палицын знал Утвержденную грамоту 1598 г. в деталях, так как являлся «главным идеологом» группировки Романовых на избирательном соборе 1613 года. Перед ним стояла трудная задача доказать, что в 1598 г. Российское государство допустило страшную ошибку: истинная воля Бога не была понята и на русский престол вместо угодного Богу истинного православного государя

Ф.Н. Романова возведен грешник – Борис Годунов, из-за чего в России будто бы началась Смута. Келарь во многом усвоил и переосмыслил идеи, изложенные в Утвержденной грамоте. Неслучайно он назвал главное из своих сочинений «История в память предидущим родам, да незабвенна будут...», то есть как в Утвержденной грамоте 1598 г.: «...да незабвенно будет писано в ней в роды и роды...», «...в род и род, и во веки», – а главной благодетельницей заблудшего в Смуте российского стада выступает «Мати слова Божия» [1, с. 38; 10, с. 140–141; 14, с. 87–88; 44, с. 101].

Проведенный комплексный анализ документов и публицистических сочинений избирательного земского собора во многом подтвердил выводы и наблюдения Р.Г. Скрынникова и позволил выявить важные детали в ходе борьбы за власть. Реализация Борисом Годуновым и патриархом Иовом сразу после смерти царя Федора проекта возведения на престол царицы Ирины, несмотря на проведенную присягу, был отвергнут Боярской думой, которая вынудила с помощью волнений москвичей царицу Ирину соблюсти традицию – уйти в монастырь. Патриарх Иов впервые в российской истории был вынужден взять на себя функции главы государства и созвать избирательный земский собор, который должен был решить судьбу трона. Попытки обосновать права Бориса Годунова на престол ссылками на устные завещания царей Ивана Грозного и Федора Иоанновича и родством с царицей Ириной были отвергнуты Боярской думой и не получили поддержки членов земского собора. В конечном итоге главным аргументом в пользу избрания Бориса Годунова явилось организованное патриархом Иовом шествие в Новодевичий монастырь и «умоление» Годунова чудотворной иконой Владимирской Богоматери, что трактовалось церковными властями как явное проявление Божественной воли. Отказ Боярской думы присягнуть «нареченному» царю, попытка трактовать умоление как большой грех и выдвижение в качестве кандидата на престол Симеона Бекбулатовича не дали желаемого результата. Опираясь на авторитет церкви, Борис Годунов в ходе повторного наречения и назначения бояр в поход против Казы-Гирея сломил сопротивление оппозиции. Мнимый от-

каз Казы-Гирея от вторжения в Московское царство был истолкован как явное доказательство богоизбранности Бориса Годунова. В связи с этим умоление иконой Богоматери во второй редакции Утвержденной грамоты было представлено как главный аргумент в пользу избрания нового царя и поворотный

пункт в борьбе Бориса Годунова и его приверженцев за власть.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В тексте «нам».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук: в 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1836. 413 с.
2. Аракчеев В. А., Павлов А. П. Внутренняя и внешняя политика царя Бориса Годунова // История России: в 20 т. Т. 5. Кн. 1. Российское государство в первой половине XVII века (1598–1645 гг.). М.: Наука, 2024. С. 41–49.
3. Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб.: Нестор-История, 2022. 408 с.
4. Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 263 с.
5. Васенко П. Г. Две редакции первых шести глав «Сказания А. Палицына» // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 32. 1919–1922. Петроград, 1923. С. 1–38.
6. Васенко П. Г. Забелинская редакция первых шести глав «Сказания А. Палицына» // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.: Акад. наук СССР, 1928. С. 100–101.
7. Виноградов А. В. Русско-крымские отношения (1598–1619). М.: Весь мир, 2024. 360 с.
8. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 512 с.
9. Грамота избранная и утвержденная первая на царство царю Борису Федоровичу. Июль 1598 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 197. Портф. 4. № 27. 55 л.
10. Грамота избранная и утвержденная первая на царство Царю Борису Федоровичу 1598 г. // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающиеся, изданная Н. И. Новиковым. Ч. 7. № 3. 2-е изд. М.: Тип. Компании Типограф., 1788. С. 74–171.
11. Грамота утвержденная Борису Годунову 1 августа 1598 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 717. № 852/962. Л. 128–228.
12. Грамота утвержденная Борису Годунову 1 августа 1598 г. (без окончания) // Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Музейное собр. 737. Л. 622–665.
13. Грамота утвержденная Борису Годунову 1 августа 1598 г. // ОР РНБ. О.IV.17. Л. 86–210.
14. «Грамота избранная и утвержденная первая» на царство царю Борису Федоровичу, изданная И.А. Навроцким // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Т. 3. № 7. М.: Унив. тип., 1774. С. 36–111.
15. Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 16–63.
16. Донесение о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шиля в 1598 году / пер. с нем. А. Н. Шемякина. М., 1875. 22 с.
17. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 333 с.
18. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 кн. Кн. 3. М.: Книга, 1989. 732 с.
19. Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории // Сочинения. В 9 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 416 с.
20. Козляков В. Н. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М.: Молодая гвардия, 2011. 311 с.
21. Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М.: Омега, 2007. 528 с.
22. Лествица о соборных властях, кои были на выборах в Москве у Иева Патриарха в 107 году // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1912. Кн. 2. Отд. 3. С. 39–41.
23. Лествица о соборных властях, кои были на выборах в Москве у Иева Патриарха в 107 году // ОР РНБ. О.IV.17. Л. 44–49.
24. Любомиров П. Г. Новая редакция первых шести глав «Сказания А. Палицына» // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Пг.: Тип. им. Гуттенберга, 1922. С. 226–245.

25. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (тексты, комментарии, статьи). М.: Яз. слав. культур, 2007. 550 с.
26. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер. А. А. Морозова. М.: Соцгиз, 1937. 206 с.
27. Мордовина С. П. Земский собор 1598 года: Источники. Характер представительства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 29 с.
28. Мордовина С. П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Наука, 1970. С. 127–141.
29. Мордовина С. П. Указ об амнистии 1598 г. // Советские архивы. 1970. № 4. С. 84–86.
30. Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 55–63.
31. Морозова Л. Е. Смута начала XVII века глазами современников. М.: ИРИ РАН, 2000. 463 с.
32. Московские вести из Пскова 18 (28) февраля 1598 г. // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 298–300.
33. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 286 с.
34. Ответное извещение бывшим в Москве датским послам Стеню Матцену и Юргену Свабу, в котором содержатся сообщение об избрании Бориса Федоровича Годунова на царство и ответ русского правительства на сделанный послами представления по лапландскому вопросу 17 марта // Русские акты Копенгагенского государственного архива. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1897. № 75. Стб. 309–326.
35. Павлов А. А. Соборная Утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л.: Наука, 1978. С. 206–225.
36. Павлов А. П. Церковная иерархия в системе власти в России и учреждение патриаршества // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Band: Religion und Integration im Moskauer Russland. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2010. S. 65–81.
37. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1684–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 278 с.
38. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 31–220.
39. Письмо А. Сапеги Х. Радзивиллу // Русский Архив. 1910. Т. 134. № 11. С. 345–346.
40. Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 372 с.
41. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М.: Памятники ист. мысли, 1995. 470 с.
42. Попов Х. Материалы для истории Войска Донского // Сборник Областного Войска Донского Статистического комитета. Вып. 13. Новочеркасск: Част. дон. тип., 1915. С. 160–169.
43. Псковские летописи: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 1. 146 с.; 1955. Т. 2. 364 с.
44. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 344 с.
45. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. 1957. Вып. 19. С. 167–186.
46. Скрынников Р. Г. Земский собор 1598 года и избрание на Царство Бориса Годунова // История СССР. 1977. № 3. С. 141–157.
47. Скрынников Р. Г. Переписка Грозного с Курбским. Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, 1973. 136 с.
48. Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с.
49. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. В 18 кн. Кн. 4. Т. 7–8. М.: Мысль, 1989. 752 с.
50. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. В 4 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Селивановского, 1819. 399 с.
51. Солодкин Я. Г. Из истории воцарения Бориса Годунова (почему его коронация состоялась через шесть с лишним месяцев после избрания на трон?) // Клио. 2010. № 49 (2). С. 38–39.
52. Солодкин Я. Г. Из истории земского собора 1598 г. (сколько раз и когда «целовали крест» Борису Годунову?) // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 75–79.
53. Солодкин Я. Г. Когда начал царствовать Борис Годунов? (К истории последнего земского собора XVI века) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 164–168.
54. Солодкин Я. Г. Московское государство накануне Смуты. Спорные проблемы политической истории рубежа XVI–XVII веков. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2013. 126 с.
55. Солодкин Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» А. Палицына // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 32. Л.: Наука, 1977. С. 290–304.
56. Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века (спорные проблемы истории и историографии). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. 162 с.

57. Тюменцев И. О. Датировка и атрибуция первых шести глав «Сказания А. Палицына» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 27. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 64–70.
58. Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е. «Лествица о соборных властях, кои были на соборе на Москве у Иева патриарха в 107» как исторический источник // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 2 (30). С. 121–128. DOI: 10.47132/2618-9674_2025_2_121
59. Тюменцев И. О., Тупикова Н. А., Тюменцева Н. Е. Чин венчания Бориса Годунова на царство // Христианское чтение. 2025. № 2. С. 270–285.
60. Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII века. Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
61. Ульяновский В. И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 808 с.
62. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М.: Индрик, 2005. 416 с.
63. Фонкич Б. Л. Греческо-русские связи в XV–XVII вв. М.: Наука, 1977. 247 с.
64. Чин венчания на царство Бориса Годунова Кон. XVI – нач. XVII(?) вв. // ОР РНБ. Ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря). № 1184/1294. 40 л.
65. Чин венчания на царство царя Федора Ивановича // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 4 ч. Ч. 2. М.: Тип. Всеволожского, 1819. № 51. С. 72–85.
66. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 420 с.
67. Шмыкова М. Л. Избирательная кампания 1598 года и обоснования прав Бориса Годунова на престол // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7. С. 136–144.

REFERENCES

1. *Akty, sobrannyye v bibliotekah i arkhivah Rossiiskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiyey Imperatorskoy akademii nauk: v 4 t. T. 2* [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye.I.V. kantselyarii, 1836. 413 p.
2. Arakcheev V.A., Pavlov A.P. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika tsarya Borisa Godunova [Domestic and Foreign Policy of Tsar Boris Godunov]. *Istoriya Rossii: v 20 t. T. 5. Kn. 1. Rossiiskoye gosudarstvo v pervoy polovine XVII veka (1598–1645 gg.)* [The History of Russia. In 20 Vols. Vol. 5. Book 1. The Russian State in the First Half of the 17th Century (1598–1645)]. Moscow, Nauka Publ., 2024, pp. 41–49.
3. Belyakov A.V. *Simeon Bekbulatovich: primer adaptatsii vykhodtsev s Vostoka v Rossii XVI v.* [Simeon Bekbulatovich: An Example of Adaptation of Immigrants from the East in 16th Century Russia]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022. 408 p.
4. Buganov V.I. *Razryadnye knigi posledney chetverti XV – nachala XVII v.* [Service Category Books of the Last Quarter of the 15th – Early 17th Century]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. 263 p.
5. Vasenko P.G. Dve redaktsii pervykh shesti glav «Skazaniya A. Palitsyna» [Two Editions of the First Six Chapters of the “Tale of A. Palitsyn”]. *Letopis zanyatiy Arkheograficheskoy komissii. Vyp. 32. 1919–1922* [Chronicle of the Activities of the Archeographic Commission. Iss. 32. 1919–1922]. Petrograd, 1923, pp. 1–38.
6. Vasenko P.G. Zabelinskaya redaktsiya pervykh shesti glav «Skazaniya A. Palitsyna» [The Zabelin Edition of the First Six Chapters of the “Tale of A. Palitsyn”]. *Sbornik statei v chest akademika A.I. Sobolevskogo* [Collection of Articles in Honor of Academician A.I. Sobolevsky]. Leningrad, Akad. nauk SSSR, 1928, pp. 100–101.
7. Vinogradov A.V. *Russko-krymskiye otnosheniya (1598–1619)* [Russian-Crimean Relations (1598–1619)]. Moscow, Ves mir Publ., 2024. 360 p.
8. *Vremennik Ivana Timofeyeva* [Chronicler of Ivan Timofeyev]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 512 p.
9. Gramota izbrannaya i utverzhennaya pervaya na tsarstvo tsaryu Borisu Fedorovichu. Iyul 1598 g. [The First Elected and Confirmed Charter for the Kingdom to Tsar Boris Fedorovich. July 1598]. *Rossiiskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov* (hereinafter – RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 197, briefcase 4, no. 27, 55 l.
10. Gramota izbrannaya i utverzhdenaya pervaya na tsarstvo Tsaryu Borisu Fedorovichu 1598 g. [The First Elected and Confirmed Charter for the Kingdom to Tsar Boris Fedorovich in 1598]. *Drevnyaya Rossiyskaya Vivliofika, sodержashchaya v sebe sobraniye drevnostey rossijskikh, do istorii, geografii i genealogii rossijskiye kasayushchiesya, izdannaya N. I. Novikovym. Ch. 7. № 3. Izd. 2* [The Ancient Russian Bibliography, Which

Contains a Collection of Russian Antiquities Related to Russian History, Geography and Genealogy, Edited by N. I. Novikov. Pt. 7. No. 3, Ed. 2]. Moscow, Tip. Kompanii tipograf., 1788, pp. 74-171.

11. Gramota utverzhennaya Borisu Godunovu 1 avgusta 1598 g. [Confirmed Charter to Boris Godunov on August 1, 1598]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki* (hereinafter – OR RNB) [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 717, no. 852/962, l. 128-228.

12. Gramota utverzhennaya Borisu Godunovu 1 avgusta 1598 g. (bez okonchaniya) [Confirmed Charter to Boris Godunov on August 1, 1598]. *Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka* (hereinafter – RGB) [Russian State Library], museum coll. 737, l. 622-665.

13. Gramota utverzhennaya Borisu Godunovu 1 avgusta 1598 g. [Confirmed Charter to Boris Godunov on August 1, 1598]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], O.IV.17, l. 86-210.

14. «Gramota izbranaya i utverzhennaya pervaya» na tsarstvo tsaryu Borisu Fedorovichu, izdannaya I.A. Navrockim [“The First Elected and Confirmed Charter” for the Kingdom to Tsar Boris Fedorovich Published by I.A. Navrotsky]. *Opyt trudov Volnogo Rossiiskogo sobraniya pri Imperatorskom Moskovskom universitete. T. 3. № 7* [The Experience of the Free Russian Assembly at the Imperial Moscow University. Vol. 3. No. 7]. Moscow, Univ. tip., 1774, pp. 36-191.

15. Derzhavina O.A. «Skazaniye» Avraamiya Palitsyna i yego avtor [The “Tale” of Avraamy Palitsyn and Its Author]. *Skazaniye Avraamiya Palitsyna* [Tale of Avraamy Palitsyn]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955, pp. 16-63.

16. Shemyakin A.N., ed. *Doneseniye o poyezdke v Moskvu pridvornogo rimskogo imperatora Mihaila Shilya v 1598 godu* [Report on the Trip to Moscow of the Courtier of the Roman Emperor Michael Schil in 1598]. Moscow, 1875. 22 p.

17. Zimin A.A. *Vkanun groznyh potryasenii* [On the Eve of Terrible Upheavals]. Moscow, Mysl Publ., 1986. 333 p.

18. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 4 kn. i 12 t. Kn. 3* [History of the Russian State. In 4 Books and 12 Vols. Book 3]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 732 p.

19. Klyuchevskii V.O. Kurs lektsiy po russkoy istorii [A Course of Lectures on Russian History]. *Sobraniye sochineniy. V 9 t. T. 3* [Collected Works. In 9 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1988. 416 p.

20. Kozlyakov V.N. *Boris Godunov: Tragediya o dobrom tsare* [Boris Godunov: The Tragedy of a Good Tsar]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 311 p.

21. Kozlyakov V.N. *Smuta v Rossii. XVII vek* [The Time of Troubles in Russia. 17th Century]. Moscow, Omega Publ., 2007. 528 p.

22. Lestvitsa o sobornyh vlasteh, koi byli na vyborah v Moskve u Iyeva Patriarha v 107 godu [The Ladder of the Councilor Authorities Who Were at the Elections in Moscow with Patriarch Job in the Year 107 (1599)]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiiskih* (hereinafter – ChOIDR) [Readings at the Society of Russian History and Antiquities], 1912, book 2, pt. 3, pp. 39-41.

23. Lestvitsa o sobornyh vlasteh, koi byli na vyborah v Moskve u Iyeva Patriarha v 107 godu [The Ladder of the Councilor Authorities Who Were at the Elections in Moscow with Patriarch Job in the Year 107 (1599)]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], O.IV.17, l. 44-49.

24. Lyubomirov P.G. Novaya redaktsiya pervyh shesti glav «Skazaniya A. Palitsyna» [A New Edition of the First Six Chapters of the “Tale of A. Palitsyn”]. *Sbornik statei po russkoy istorii, posvyashchenny S.F. Platonovu* [Collection of Articles on Russian History Dedicated to S.F. Platonov]. Petrograd, Tip. im. Guttenberga, 1922, pp. 226-245.

25. Margeret Zh. *Sostoyaniye Rossiiskoi imperii. Zh. Margeret v dokumentah i issledovaniyah: (teksty, kommentarii, statyi)* [The State of the Russian Empire. J. Margeret in Documents and Research: (Texts, Comments, Articles)]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., 2007. 550 p.

26. Massa I. *Kratkoye izvestiye o Moskovii v nachale XVII v.* [A Brief Account of Muscovy at the Beginning of the 17th Century]. Moscow, Sotsegiz, 1937. 206 p.

27. Mordovina S.P. *Zemskiy sobor 1598 goda: Istochniki. Harakter predstavitelstva: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [The Zemsky Sobor of 1598: Sources. The Nature of Representation. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1971. 29 p.

28. Mordovina S.P. K istorii utverzhdennoy gramoty 1598 g. [On the History of the Confirmed Charter of 1598]. *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1968 god* [The Archaeographic Yearbook for 1968]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 127-141.

29. Mordovina S.P. Ukaz ob amnistii 1598 g. [The Decree on Amnesty of 1598]. *Sovetskiye arhivy*, 1970, no. 4, pp. 84-86.

30. Mordovina S.P. Harakter dvoryanskogo predstavitelstva na zemskom sobore 1598 g. [The Nature of Noble Representation at the Zemsky Sobor of 1598]. *Voprosy istorii*, 1971, no. 2, pp. 55-63.

31. Morozova L.Ye. *Smuta nachala XVII veka glazami sovremennikov* [The Time of Troubles at the Beginning of the 17th Century Through the Eyes of Contemporaries]. Moscow, IRI RAN, 2000. 463 p.

32. Moskovskie vesti iz Pskova 18 (28) fevralya 1598 g. [Moscow News from Pskov on February 18 (28), 1598]. *ChOIDR* [Readings at the Society of Russian History and Antiquities], 1893, book 1, pp. 298-300.
33. Novy letopisets [The New Chronicler]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (PSRL). T. 14* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14]. Saint Petersburg, tip. M.A. Aleksandrova, 1910. 286 p.
34. Otvetnoye izveshcheniye byvshim v Moskve datskim poslam Stenyu Mattsenu i Yurgenu Svabu, v kotorom sodержatsya soobshcheniye ob izbranii Borisa Fedorovicha Godunova na tsarstvo i otvet russkogo pravitelstva na sdelayny poslami predstavleniya po laplandskomu voprosu 17 marta [Response Notification to the Danish Ambassadors Sten Matzen and Jorgen Svabo Who Were in Moscow, Containing the Announcement of the Election of Boris Fedorovich Godunov to the Throne and the Response of the Russian Government to the Representations Made by the Ambassadors on the Lapland Issue on March 17]. Shcherbachev Yu.N., ed. *Russkiye akty Kopengagenskogo gosudarstvennogo arkhiva* [Russian Acts of the Copenhagen State Archives]. Saint Petersburg, Pechatnya S.P. Yakovleva, 1897, no. 75, col. 309-326.
35. Pavlov A.A. Sobornaya Utverzhennaya gramota ob izbranii Borisa Godunova na prestol [The Councilor Confirmed Charter on the Election of Boris Godunov to the Throne]. *Vspomogatelnye istoricheskiye distsipliny. T. 10* [Auxiliary Historical Disciplines. Vol. 10]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 206-225.
36. Pavlov A.P. Tserkovnaya iyerarhiya v sisteme vlasti v Rossii i uchrezhdeniye patriarshstva [Church Hierarchy in the System of Power in Russia and the Establishment of the Patriarchate]. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Band: Religion und Intergration im Moskauer Russland*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2010, S. 65-81.
37. Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya borba pri Borise Godunove (1684–1605 gg.)* [The Sovereign's Court and Political Struggle under Boris Godunov (1684–1605)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 278 p.
38. Piskarevskiy letopisets [The Piskarev Chronicler]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 34* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 31-220.
39. Pismo A. Sapegi H. Radzivilu [Letter from A. Sapieha to K. Radziwili]. *Russkii Arhiv*, 1910, vol. 134, no. 11, pp. 345-346.
40. Platonov S.F. *Drevnerusskiye skazaniya i povesti o Smutnom vremeni kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian Tales and Stories About the Time of Troubles as a Historical Source]. Saint Petersburg, Tip. V.S. Balasheva, 1888. 372 p.
41. Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve v XVI–XVII vv.: Opyt izucheniya obshchestvennogo stroya i sotsialnykh otnosheniy v Smutnoe vremya* [Essays on the History of the Time of Troubles in the Moscow State in the 16th – 17th Centuries: An Experience in Studying the Social System and Class Relations During the Time of Troubles]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 1995. 470 p.
42. Popov H. Materialy dlya istorii Voyska Donskogo [Materials for the History of the Don Host]. *Sbornik Oblastnogo Voyska Donskogo Statisticheskogo komiteta. Vyp. 13* [Collection of the Regional Army of the Don Statistical Committee. Iss. 13] Novocheerkassk, Chast. don. tip., 1915, pp. 160-169.
43. *Pskovskie letopisi: v 2 t.* [Pskov Chronicles. In 2 Vols.]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1941–1955.
44. *Skazaniye Avraamiya Palitsyna* [The Tale of Avraamy Palitsyn]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. 344 p.
45. Skazaniye o smerti tsarya Fedora Ivanovicha i votsarenii Borisa Godunova (Zapisi v razryadnoi knige) [The Tale of the Death of Tsar Fedor Ivanovich and the Accession of Boris Godunov (Records in the Category Book)]. *Zapiski Otdela rukopisey Gosudarstvennoy biblioteki SSSR im. V.I. Lenina* [Notes of the Manuscript Department of the V.I. Lenin State Library of the USSR], 1957, iss. 19, pp. 167-186.
46. Skrynnikov R.G. Zemskiy sobor 1598 goda i izbraniye na Tsarstvo Borisa Godunova [The Zemsky Sobor of 1598 and the Election of Boris Godunov to the Throne]. *Istoriya SSSR*, 1977, no. 3, pp. 141-157.
47. Skrynnikov R.G. *Perepiska Groznogo s Kurbskim. Paradoksy Edvarda Kinana* [The Correspondence of Grozny with Kurbsky. Paradoxes of Edward Keenan]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 136 p.
48. Skrynnikov R.G. *Rossiya nakanune «smutnogo vremeni»* [Russia on the Eve of the “Time of Troubles”]. Moscow, Mysl Publ., 1981. 205 p.
49. Solovyev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishih vremen* [History of Russia from Ancient Times]. *Sochineniya. V 18 kn. Kn. 4. T. 7–8* [Essays. In 18 Books. Book 4. Vols. 7–8]. Moscow, Mysl Publ., 1989. 752 p.
50. *Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, hranyashchih v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del. V 4 ch. Ch. 2* [Collection of State Charters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs. In 4 Pts. Pt. 2]. Saint Petersburg, Tip. Selivanovskago, 1819. 399 p.
51. Solodkin Ya.G. *Iz istorii votsareniya Borisa Godunova (pochemu ego koronatsiya sostoyalas cherez shest s lishnim mesyatsev posle izbraniya na tron?)* [From the History of Boris Godunov's Accession (Why Did His Coronation Take Place More Than Six Months After His Election to the Throne?)]. *Klio*, 2010, no. 49 (2), pp. 38-39.

52. Solodkin Ya.G. Iz istorii zemskogo sobora 1598 g. (skolko raz i kogda «tselovali krest» Borisu Godunovu?) [From the History of the Assembly of the Land of 1598 (How Many Times and When Did People Swear Allegiance to Boris Godunov?)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 7, pp. 75-79.
53. Solodkin Ya.G. Kogda nachal tsarstvovat Boris Godunov? (K istorii poslednego zemskogo sobora XVI veka) [When Did Boris Godunov's Reign Begin? (A Look into the Last Assembly of the Land of the 16th Century)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 4 (25), pp. 164-168.
54. Solodkin Ya.G. *Moskovskoye gosudarstvo nakanune Smuty. Spornye problemy politicheskoy istorii rubezha XVI–XVII vekov* [The Moscow State on the Eve of the Time of Troubles. Controversial Problems of Political History at the Turn of the 16th – 17th Centuries]. Nizhnevartovsk, Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2013. 126 p.
55. Solodkin Ya.G. O datirovke nachalnykh glav «Istorii» A. Palitsyna [On the Dating of the Initial Chapters of A. Palitsyn's "History"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. T. 32* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 32]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 290-304.
56. Solodkin Ya.G. *Zemskiye sobory Moskovskoy Rusi kontsa XVI veka (spornye problemy istorii i istoriografii)* [Zemsky Sobors of Muscovite Rus at the End of the 16th Century (Controversial Problems of History and Historiography)]. Nizhnevartovsk, Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2010. 162 p.
57. Tyumentsev I.O. Datirovka i atributsiya pervykh shesti glav «Skazaniya A. Palitsyna» [Dating and Attribution of the First Six Chapters of the "Tale of A. Palitsyn"]. *Vspomogatelnye istoricheskiye distsipliny. T. 27* [Auxiliary Historical Disciplines. Vol. 27]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, pp. 64-70.
58. Tyumentsev I.O., Tyumentseva N. Ye. «Lestvitsa o sobornykh vlasteh, koi byli na sobore na Moskve u Ieva patriarha v 107» kak istoricheskiy istochnik [“The Ladder of Councilor Authorities Present at the Council in Moscow Under Patriarch Job in 107” as a Historical Source]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Paleorosiya. Ancient Rus in Time, in Personalities, in Ideas], 2025, no. 2 (30), pp. 121-128. DOI: 10.47132/2618-9674_2025_2_121
59. Tyumentsev I.O., Tupikova N.A., Tyumentseva N. Ye. Chin venchaniya Borisa Godunova na tsarstvo [The Rite of Coronation of Boris Godunov]. *Khristianskoye chteniye*, 2025, no. 2, pp. 270-285.
60. Tyumentsev I.O. *Smutoye vremya v Rossii nachala XVII veka. Dvizheniye Lzhedmitriya II* [The Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century. The Movement of False Dmitry II]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 686 p.
61. Ulyanovskiy V.I. «Svyashchenstvo» i «tsarstvo» v nachale Smuty: Moskovskiy Patriarhi, rossiyskiye monastiri, duhovenstvo Vostoka [“Priesthood” and “Kingdom” at the Beginning of the Time of Troubles: Moscow Patriarchs, Russian Monasteries, Clergy of the East]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 808 p.
62. Florya B.N. *Polsko-litovskaya interventsia v Rossiyu i russkoe obshchestvo* [The Polish-Lithuanian Intervention in Russia and Russian Society]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 416 p.
63. Fonkich B.L. *Grechesko-russkiye svyazi v XV–XVII vv.* [Greek-Russian Ties in the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 247 p.
64. Chin venchaniya na tsarstvo Borisa Godunova Kon. XVI – nach. XVII (?) vv. [The Coronation Rite of Boris Godunov. Late 16th – Early 17th (?) Centuries]. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 717, no. 1184/1294. 40 l.
65. Chin venchaniya na tsarstvo tsarya Fedora Ivanovicha [The Coronation Rite of Tsar Fedor Ivanovich]. *Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, hranyashchih v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del: v 4 ch. Ch. 2* [Collection of State Charters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs. In 4 Pts. Pt. 2]. Moscow, Tip. Vsevolozhskogo, 1819, pp. 72-85.
66. Cherepnin L.V. *Zemskiye sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobors of the Russian State in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 420 p.
67. Shmykova M.L. Izbiratel'naya kampaniya 1598 goda i obosnovaniya prav Borisa Godunova na prestol [The Election Campaign of 1598 and the Justification of Boris Godunov's Rights to the Throne]. *Vestnik udmurtskogo universiteta*, 2005, no. 7, pp. 136-144.

Information About the Author

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Cossack Laboratory, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Director of the Research Institute of Regional Social Development, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, tumentsev_io@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Информация об авторе

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Южный научный центр РАН, ул. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; директор НИИ социального развития региона, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, tumentsev_io@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.13>

UDC 94(47)046

LBC 63.3(2)4

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 22.11.2025

ON THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF ZHILECKIE LISTS OF THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

Andrej P. Pavlov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The main source for studying the composition of the court rank of zhiltzy in the 17th century is the zhiletskie lists. Despite the existence of special works devoted to the study of zhiletskie lists (works by M.P. Lukichev, E.N. Gorbатов, and other researchers), questions about their composition and classification remain controversial and not fully resolved. This article is devoted to consideration of these questions. **Methods and materials.** The article is written on the basis of the involvement of the entire complex of surviving zhiletskie lists of the time of Mikhail Fedorovich's reign and other sources. The article uses methods of prosopography and historical genealogy. A comparative study of the zhiletskie lists and boyar lists was carried out. **Analysis.** The author of the article identified and analyzed 35 zhiletskie lists and compared them with the data of the Inventory of the Archive of the Charge Prikaz of 1668. **Results.** The author came to the conclusion that about two thirds of the zhiletskie lists from the reign of Mikhail Romanov have survived to date. The article provides a classification of various types of "salary" zhiletskie lists and examines their relationship with "land" zhiletskie lists. The article shows the widespread practice of listing zhiltzy by "halves" ("Moscow" and "vacation") and the creation of corresponding lists of zhiltzy, similar to the "available" boyar lists. The generally similar cyclical nature of the service of zhiltzy and Moscow nobles by "halves" was demonstrated.

Key words: zhiletskie lists, zhiltzy, Sovereign's court, boyar lists, Charge Prikaz.

Citation. Pavlov A.P. On the Question of Classification of Zhiletskie Lists of the First Half of the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 156-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.13>

УДК 94(47)046

ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 18.08.2025

Дата принятия статьи: 22.11.2025

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЖИЛЕЦКИХ СПИСКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Андрей Павлович Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Главным источником для изучения состава придворного чина жильцов в XVII в. являются жилецкие списки. Несмотря на наличие специальных трудов, посвященных изучению жилецких списков (работы М.П. Лукичева, Е.Н. Горбатова и других исследователей), вопросы об их составе и классификации остаются спорными и не вполне решенными. Именно эти вопросы были нами рассмотрены. **Методы и материалы.** Основой научной работы являются привлечение всего комплекса сохранившихся жилецких списков времени царствования Михаила Федоровича и других источников с использованием методов просопографии и исторической генеалогии. Произведено сравнительное изучение жилецких списков и боярских списков. **Анализ.** Выявлены и проанализированы 34 жилецких списка, произведено их сопоставление с данными Описи архива Разрядного приказа 1668 года. **Результаты.** Исследование привело к выводу, что к настоящему времени сохранилось примерно две трети жилецких списков времени царствования Михаила Романова. Дана

классификация различных типов «окладных» жилецких списков, рассмотрено их соотношение с «земляными» жилецкими списками, показано широкое распространение практики росписи жильцов по «половинам» («московской» и «отпускной») и создание соответствующих списков жильцов, наподобие «наличных» боярских списков, представлена сходная в целом цикличность службы по «половинам» жильцов и московских дворян.

Ключевые слова: жилецкие списки, жильцы, Государев двор, боярские списки, Разрядный приказ.

Цитирование. Павлов А. П. К вопросу о классификации жилецких списков первой половины XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 156–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.13>

Введение. В структуре Государева двора особое место занимали жильцы, являвшиеся нижним и наиболее многочисленным московским придворным чином. Главной документацией для учета состава жильцов в XVII в. являлись жилецкие списки [6]¹, и лишь в некоторых боярских списках первой половины XVII в. встречаем списки жильцов [1, I, л. 1–14; 1, II, л. 109–157]². Оформление жилецких списков в результате вычленения перечней жильцов из боярских списков и книг было связано с быстрым увеличением этого чина, ставшего самым многочисленным в составе Государева двора. Источниковедению жилецких списков посвящены работы М.П. Лукичева [8] и Е.Н. Горбатова [2; 4; 5]. Однако вопросы о составе и классификации жилецких списков остаются спорными и не вполне решенными. Рассмотрению данных вопросов посвящена настоящая статья.

Методы и материалы. Статья написана на основе привлечения всего комплекса сохранившихся жилецких списков времени царствования Михаила Федоровича, а также ряда других источников. Почти все жилецкие списки рассматриваемого времени не

опубликованы и выявлены по материалам фонда Разрядного приказа Российского Государственного архива древних актов (ф. 210). Некоторые жилецкие списки были заново атрибутированы на основании анализа помет и биографических сведений о записанных в них лицах. При написании статьи использованы методы историко-генеалогических разысканий и просопографического анализа. Для определения степени сохранности жилецких списков рассматриваемого времени произведено сопоставление дошедших до нас списков с данными описей архива Разрядного приказа XVII века. При изучении вопроса о чередовании службы жильцов «по половинам» было осуществлено сравнение списков жильцов с данными «наличных» боярских списков.

Анализ. О степени сохранности дошедшего до нас комплекса жилецких списков за время царствования Михаила Федоровича можно судить на основании сравнения известных нам текстов с данными о жилецких списках Описи архива Разрядного приказа 1668 г. [10, с. 155–157]. Результаты этого сопоставления представлены в таблице.

Сохранность жилецких списков 1614–1645 гг. в сравнении с описью архива Разрядного приказа 1668 года

Correspondence between the lists of zhiltzy (service people) from 1614–1645 and the inventory of the archive of the Charge Prikaz (Military Affairs Chancellery) of 1668

Год	Опись 1668 г.	Сохранились к настоящему времени
1614/15 (7123)	«Список 123-го году, кому что по сыску поместной и денежной оклад и с придачами, с начала отодран по Михайлово имя Рчинова, а снизу по Иваново имя Лобанова»	[6, I] ³
1616/17 (7125)	«Список 125-го году, за приписью дьяка Марка Поздеева»	[6, II; 8, с. 173–174]
1617/18 (7126)	«Список 126-го году»	[6, III; 8, с. 175]
	«Да книжица в полдесть роздачи государева денежного жалования жильцом 126-го ж году, за приписью дьяка Ивана Грамотина»	[6, IV] ⁴

Продолжение таблицы

Continuation of Table

Год	Опись 1668 г.	Сохранились к настоящему времени
1619/20 (7128)	«Список с оклады, с начала отодрано по Микифорово имя Крюкова, а в нем помета над Игнатьевым именем Карсакова 128-го году»	– *
1620/21 (7129)	«Список с оклады, с начала отодрано по Тимофеево имя сына Желябовского, а в нем помета над Васильевым именем Волкова 129-го году, за приписью дьяка Марка Поздеева»	[6, V] ⁵
1622/23 (7131)	«Список подлинной 131-го году, с помесными оклады»	–
	«Да два списка с помесными ж и денежными оклады, один за приписью дьяка Федора Степанова, с начала отодран по Лвова имя Микулина»	[6, VI; 8, с. 174]
	«У другою с начала ж отодрано по Степаново имя Богданова сына Унковского, а пометы в них 131-го ж году»	–
1623/24 (7132)	«Два списка, один с помесными и з денежными оклады, за приписью дьяка Федора Степанова, с начала отодрано по Иваново имя Огарева»	–
	«Другой с помесными оклады, с начала отодрано по князь Иваново имя Сеитова, а тех списках пометы 132-го году»	[6, VII; 8, с. 176]
1624/25 (7133)	«Три списка, и из них один с помесными и з денежными оклады, да два с помесными оклады; у двух с начала отодрано по Иваново имя Бегичева, у третьего по князь Осипово имя Вяземского, все за приписью дьяка Федора Степанова, а пометы в них 133-го году»	[6, VIII] ⁶
		[6, IX; 8, с. 177–178]
		[6, X; 8, с. 178]
1625/26 (7134)	«Два списка с помесными оклады, у одного с начала отодрано по Богданово имя Нарбекова, пометы в нем 134-го году»	–
	«Другой которые жильцы жили на Москве з генваря по май и были за великим государем в троецком походе 134-го ж году»	–
1626/27 (7135)	«Два списка, и из них один с помесными и з денежными оклады, с начала отодрано по Иваново имя Борисова, у другою по Семеново имя Корсакова, а пометы в них 135-го году»	[6, XI] ⁷
1627/28 (7136)	«Три списка, и из них один с помесными и з денежными оклады, с начала отодрано по Лвова имя Микулина»	–
	«Другой с помесными ж оклады и что за кем по скасам поместей, и вотчин, и крестьянских, и бобыльских дворов, с начала отодрано по Григорьево имя Облязова»	–
	«Третьей с оклады ж, с начала отодрано по Васильево имя Александрова, а в них пометы 136-го году»	[6, XII] ⁸
1628/29 (7137)	«4 списка, и из них один подлинной, с началом»	[6, XVI] ⁹
	«Другой что за кем поместей, и вотчин, и крестьянских дворов, с начала отодрано по Васильево имя Маркова»	[6, XIII] ¹⁰
	«Третьей с начала отодран по Тихоново имя Хоненева»	[6, XIV] ¹¹
	«Четвертой с начала отодран по Обрамово имя Засецкого, а в них пометы 137-го году, все с помесными оклады»	[6, XV] ¹²
1629/30 (7138)	«Три списка, и из них один с помесными и з денежными оклады, с начала отодран по Семеново имя Давыдова»	[6, XVII] ¹³
	«Другой с начала отодран по Григорьево имя Неронова»	
	«Третьей что за кем поместей, и вотчин, и крестьянских, и бобыльских дворов, с начала отодран по Васильево имя Симонова, а в них пометы 138-го с помесными ж оклады»	[6, XVIII] ¹⁴
1630/31 (7139)	«Два списка подлинных 139-го году, с помесными ж оклады, и из них в одном что за кем и в которых городех поместей, и вотчин, и крестьянских дворов»	[6, XIX] ¹⁵
	«Третьей с помесными и з денежными оклады, с начала отодран по Тимофеево имя Змеева, а в нем пометы 139-го ж году»	[6, XX] ¹⁶

Продолжение таблицы

Continuation of Table

Год	Опись 1668 г.	Сохранились к настоящему времени
1631/32 (7140)	«Два списка с помесными оклады и с помесными, и с вотчинными дачами, и с крестьянскими двора против сказок из розбору, в одном и денежные оклады и хто каков на государево службе будет, розборной, с начала отодран по князь Осипово имя Вяземского, чьего розбору, того неведомо» «Другой с начала отодран по Андреево имя Посевьева»	[6, XXI] ¹⁷ —
1631/32 (7140)	«Два ж списка с помесными ж оклады, один и з денежными, с начала отодран по Петрова имя Налянова» «Другой по Васильево имя Албычева, а в них пометы 140-го году» «Да столпик житецких сказок, каковы подавали у розбору бояром князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому да князю Борису Михайловичю Лыкову, 140-го ж году»	[6, XXII] ¹⁸ — [6, XXIII] ¹⁹
1632/33 (7141)?	«Два ж списка с помесными оклады, один и з денежными, и с розбором, что за кем поместей и вотчин, и хто на чем на государеве службе будет, с начала отодран по Сергеево имя Скобелцына» «Другой с начала отодран же по Иваново имя Новосилцова»	[6, XXIV] ²⁰ —
1633/34 (7142)	«Два ж списка с помесными и з денежными оклады, один писан с службами против сказок, с начала отодран по Григорьево имя Мотовилова» «У другою по Петрово имя Налянова, а пометы в них 142-го году»	— [6, XXV] ²¹
1634/35 (7143)	«2 ж списка с помесными оклады, в одном и денежные, с начала отодран по Семеново имя Давыдова» «Другой по Артемьево имя Огибалова, а пометы в них 143-го году»	[6, XXVI] ²² —
1635/36 (7144)	«3 списка с помесными и з денежными оклады, один подлинной 144-го году» «Другой 144-го ж году, опричь тех, которые написаны з города и которые в гусарех и в рейтарех» «Третьей с начала отодран по Петрово имя Налянова, а пометы в нем 144-го ж году»	[6, XXVIII] ²³ [6, XXVII] ²⁴ [6, XXI] ²⁵
1636/37 (7145)	«Два списка с помесными оклады, в одном и денежные, с начала отодран по Степаново имя Скрыпина» «У другою по Степаново имя Татьянина, пометы в них 145-го году»	— —
1637/38– 1639/40 (7146– 7148)	«Список с помесными оклады, каков взят у подьячего у Дмитрея Протопопова и отдан подьячему ж Дмитрею Шубину, за приписью дьяка Григорья Ларионова, с начала отодран по Александрово имя Карпова, а пометы в нем 146-го, и 147-го, и 148-го году»	—
1638/39 (7147)	«2 списка 147-го году, один подлинной, с помесными и з денежными оклады» «Другой которые были на Москве с помесными ж оклады»	[6, XXX] ²⁶ [6, XXXI] ²⁷
1639/40 (7148)	«Список с помесными и з денежными оклады, с начала отодран по Игнатьево имя Палицына, а пометы в нем 148-го году»	—
1640/41 (7149)	«Список с помесными и з денежными оклады, с начала отодран по Семеново имя Давыдова, а на нем помечено 149-го году»	—
1641/42 (7150)	«Список подлинной с помесными и з денежными оклады 150-го году, каков взят у подьячего у Дмитрея Протопопова во 151-м году и отдан подьячему Григорью Семенову, за приписью дьяка Григорья Ларионова»	—

Окончание таблицы

End of Table

Год	Опись 1668 г.	Сохранились к настоящему времени
1642/43 (7151)	«Список с помесными и з денежными оклады 151-го году, подлинной, по нему ж смотрили июня в II день дьяки думной Иван Гавренев да Григорей Ларионов, за Григорьевою приписью Ларионова» «Да четыре списка розборные розбору боярина князя Юрья Андреевича Сицкого да дьяка Григорья Ларионова, и из них один с помесными и з денежными оклады, начала нет по Петрову имя Нальянова» «Другой за приписью дьяка Григорья Ларионова» «Да их ж розбору 2 списочка, один белой, которым быть в житье по прежнему, за приписью дьяка Григорья ж Ларионова» «Другой черной, которые написаны в первую статью» «Да того ж розбору список черной, которым быть в житье по прежнему и которых написать з города» «Да 2 столпа жилецких, челобитных и сказок того ж розбору, собраны в розни»	[6, XXXII] ²⁸
1643/44 (7152)	«2 списка 152-го году с помесными и з денежными оклады, один подлинной» «Другой которым велено быть на Москве з генваря месяца»	[6, XXXIII] ²⁹
1644/45 (7153)	«Список 153-го году с помесными и з денежными оклады, подлинной»	[6, XXXIV] ³⁰

Примечание. * – прочерк означает, что упомянутый в Описи 1668 г. документ не сохранился или еще не обнаружен.

Всего в Описи 1668 г. за 1614/15–1644/45 (7123–7153) гг. значится около 55 жилецких списков (за исключением столпов жилецких челобитных и сказок 1640 и 1643 гг.); за этот же период нам известны тексты 34 жилецких списков (не считая материалов жилецких сказок 1632 г.) ³¹. Хотя это, очевидно, далеко не все реально дошедшие до нас жилецкие списки. Выявление и атрибуция сохранившихся жилецких списков (в частности, просмотр недатированных столбцов Разрядного приказа) требует дальнейшего исследования.

Рассматривая вопрос о классификации жилецких списков (на материалах жилецких списков первой четверти XVII в., до пожара 1626 г.), М.П. Лукичев выделил «окладные» и «земляные» жилецкие списки. Кроме того, ученый высказал предположение, что жилецкие списки, как и боярские, делились на «подлинные» и «наличные» [8, с. 168–180].

Проблема классификации жилецких списков на «подлинные» и «наличные» состоит, однако, в том, что сам термин «наличный» (список «налицо») применительно к жилецким спискам (в отличие от боярских списков) мы не встречаем в документах рассматриваемого времени. Предположение о существовании

«наличных» жилецких списков М.П. Лукичев обосновывает на примере только одного «дожарного» жилецкого списка – списка 1623 г., в котором содержится помета о написании жильца Д.Д. Шенгурского «в другой половине» [8, с. 174]. Между тем мы имеем многочисленные списки жильцов, фиксирующие чередование их службы «по половинам», подобно дворянам московским. Так, в разрядном столбце 1637/38–1643/44 гг. встречаем список жильцов 1640/41 г. с заголовком «Жильцы, в нынешнем в 149-м году сентября с 1 числа до Рождества Христова велено им жить на Москве, а с Рождества Христова июня по 1 число быть им в отпуску» [11, I] ³². Однако наибольший интерес для рассматриваемого вопроса представляет разрядный столбец о службах жильцов 7144–7164 (1635/36–1655/56) гг. [11, II]; очевидно, о нем в Описи архива Разрядного приказа 1668 г. говорится: «Столп, а в нем списки жилецкие 144-го, и 146-го, и 49-го, и 50-го, и 152-го, и 153-го, и 154-го, и 156-го, и 157-го, и 158-го, и 159-го, и 162-го, и 64-го году, которым велено жить на Москве по третям и по четвертям» (здесь идет речь о чередовании службы жильцов «московкой» и «отпускной» «половин», которое осуществлялось раз в три

или в четыре месяца) [10, с. 159]. В столбце содержатся, в частности, списки жильцов со следующими заглавиями: «Список жильцов, которым быть на Москве с сентября по генварь нынешнего 153-го году» [11, II, л. 643]; «Список жильцов, которым быть на Москве з генваря по май нынешнего 153-го году» [11, II, л. 660]³³; «Список жильцов, которым жити на Москве мая месяца нынешнего 153-го году» [11, II, л. 684–730]³⁴; «Список жильцов, которым быть на Москве з генваря по май нынешнего 152-го году» [11, II, л. 730]³⁵; «Список жильцов по государеву ц. и вел. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу быть им на Москве с сентября по генварь нынешнего 152-го году» [11, II, л. 749]; «Список жильцов, которым быть на Москве з генваря по май нынешнего 152-го году» [11, II, л. 768]; «Жилцы в нынешнем во 149-м году сентября с 1 числа по Рождество Христово жить им на Москве, а с Рождества Христова июня по 1 число быть в отпуску» [11, II, л. 806]³⁶; «Список жильцов. Быть им в отпуске сентября с 1 числа по Рождество Христово, а с Рождества Христова быти им на Москве по июнь месяц нынешнего 149-го году» [11, II, л. 825]; «Список жильцов с поместными оклады, которым по государеву указу велено быть на Москве оприч тех, которые з государем в походе и на Волуйке и в отсылках и в отпуске октября с 1 числа нынешнего 147-го году» [11, II, л. 844]³⁷ и следующие.

Результаты. Мы, таким образом, наблюдаем широкое распространение практики росписи жильцов по «половинам» («московской» и «отпускной») и создание соответствующих списков жильцов, наподобие «наличных» боярских списков; сходная в целом с «наличными» боярскими списками была и цикличность чередования московской и отпускной «половин» (сентябрь – декабрь, январь – апрель / май, май – август)³⁸. Тем не менее, в отличие от «наличных» боярских списков, рассматриваемые нами списки жильцов не именовались «наличными» (списками «на лицо») и, как правило, не являлись отдельными документами, а располагались в столбцах вместе с другими документами (росписями жильцов по полкам и др.). Впрочем, упоминаются и отдельные жилецкие списки, фиксировавшие службы жильцов по «половинам» – в Описи 1668 г. в рубрике «Списки жилецкие» под 7152 г. за-

писано: «2 списка 152-го году с помесными и з денежными оклады, один подлинной, другой которым велено быть на Москве з генваря месяца» [10, с. 157].

Среди «окладных» жилецких списков существовали разные типы. Наряду с жилецкими списками, содержащими сводные списки жильцов с поместными и денежными окладами, встречаем и другую разновидность жилецких списков, в которых в конце выделялась особая рубрика о службе жильцов вне Москвы (например: «Жилцы по приказом, в городех и по челобитью по службам с послы и в городех с отцы и з дядьями, и з братьями, отпущены в розных годех») и указывались только поместные оклады [6, VII; 6, X; 6, XV; 6, XXII]. При этом обе разновидности фиксировали вновь пожалованных в жилцы. М.П. Лукичев высказал мнение, что «подлинные» жилецкие списки содержат указание лишь на поместные оклады. Однако «подлинными» именовались также жилецкие списки с указанием и на поместные, и на денежные оклады (см.: [5, с. 10]). Кроме того, существовали «земляные» жилецкие списки. Разные типы жилецких списков составлялись в течение одного года. Так, в 1624/25 (7133) г., согласно Описи 1668 г., было составлено 3 жилецких списка: «Три списка, и из них один с помесными и з денежными оклады, да два с помесными оклады...» [10, с. 155]. Все эти списки сохранились. Один из них относится к первому типу – фиксирует как поместные, так и денежные оклады и содержит сводный перечень жильцов [6, IX]; другой указывает только поместные оклады и содержит в конце рубрику «Жилцы на службах в городех и посылках» [6, X]; третий список содержит указание на поместные оклады и данные о поместном и вотчинном землевладении жильцов [6, VIII] и сочетает в себе черты окладных и земляных списков [8, с. 177].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При ссылках на [6] использована данная нумерация списков. Жилецкие списки: I. 1614/15 г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 900. Столпик 1. 103 л.; II. 1616/17 г. // Там же. № 900. Столпик 2. 49 л.; III. 1617/18 г. // Там же. № 900. Столпик 3. 80 л.; IV. 1617/18 г. // Там же. Оп. 4. № 150. 74 л.; V. 1620/21 г. // Там же. Оп. 9. № 10. Стол-

пик 3, л. 135–166; **VI**. 1622/23 г. // Там же. № 1070. Столпик 7. 85 л.; **VII**. 1623/24 г. // Там же. № 17. Столпик 6. 70 л.; **VIII**. 1624/25 г. // Там же. № 888. Столпик 3. 122 л.; **IX**. 1624/25 г. // Там же. № 897. Столпик 1. 97 л.; **X**. 1624/25 г. // Там же. № 888. Столпик 1. 86 л.; **XI**. 1626/27 г. // Там же. № 888. Столпик 2. 93 л.; **XII**. 1627/28 г. // Там же. № 886. Столпик 1. 64 л.; **XIII**. 1628/29 г. // Там же. № 43. Столпик 5. 63 л.; **XIV**. 1628/29 г. // Там же. № 42. Столпик 2. 81 л.; **XV**. 1628/29 г. // Там же. № 43. Столпик 2. 52 л.; **XVI**. 1628/29 г. // Там же. № 878. 148 л.; **XVII**. 1629/30 г. // Там же. № 842. Столпик 1. 54 л.; **XVIII**. 1629/30 г. // Там же. № 842. Столпик 2. 121 л.; **XIX**. 1630/31 г. // Там же. № 852. Столпик 1. 124 л.; **XX**. 1630/31 г. // Там же. № 842, Столпик 3. Л. 6–62; **XXI**. 1631/32 г. // Там же. № 846. Столпик 2. Л. 1–67; **XXII**. 1631/32 г. // Там же. № 852. Столпик 2. Л. 1–55; **XXIII**. 1631/32 г. // Там же. № 851. 615 л.; **XXIV**. 1632/33 г. // Там же. № 846. Столпик 1. Л. 1–156; **XXV**. 1633/34 г. // Там же. № 846. Столпик 3. Л. 1–61; **XXVI**. 1634/35 г. // Там же. № 837. Столпик 1. 65 л.; **XXVII**. 1635/36 г. // Там же. № 837. Столпик 2. 65 л.; **XXVIII**. 1635/36 г. // Там же. № 837. Столпик 3. Л. 1–85; **XXIX**. 1635/36 г. // Там же. № 840. Столпик 2. 48 л.; **XXX**. 1638/39 г. // Там же. № 1111, л. 1–49; **XXXI**. 1638/39 г. // Там же. № 1080, л. 563–584; **XXXII**. 1642/43 г. // Там же. № 830, столпик 2. 96 л.; **XXXIII**. 1643/44 г. // Там же. № 1069. Столпик 5. 54 л.; **XXXIV**. 1644/45 г. // Там же. № 829. Столпик 6. Л. 1–72.

² При ссылах на [1] использована данная нумерация списков. Боярские списки «наличные»: **I**. 1626/27 г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 1129. Столпик 2. Л. 1–119; **II**. 1630 г. // Там же. № 1135. Столпик 2. 300 л.; **III**. 1649 г. // Там же. № 1137, л. 148–164, 179–183, 185–187, 191–221.

³ Как показал М.П. Лукичев, первая часть документа (л. 6–42) представляет собой перечень жильцов 1614/15 г., которые «выписаны из поместного столпа» в результате сыска окладов; вторая часть (л. 43–103) – земляной жилецкий список 1614/15 г. без начала [8, с. 172–173].

⁴ На л. 1 заголовок «Лета 7126 июля в 7 день г. ц. и вел. кн. Михаил Федорович в. Р. приказал диаку Ивану Грамотину с товарищи дати государева жалованья жильцам две тысячи рублей...».

⁵ Начала не сохранилось. Начинается с оклада 550 четв. (с имени Ждана Послова с. Кондырева). Нет денежных окладов. Над именем Небогатого Тихонова с. Желтухина стоит помета «129-го отставлен» (л. 140), что дает основание датировать список 7129 годом.

⁶ Опубликовано Е.Н. Горбатовым [4]; см. также: [8, с. 177].

⁷ Начала нет. Читается с имени Евграфа Семенова с. Елизарова (оклад 550 четв. и

20 руб.). На л. 90–93 списки вновь пожалованных в 7135 г. (с сентября по август). Всего упоминается около 1 080 имен. На обложке позднейшего времени надпись: «Жилецкий 135 г. с поместными оклады» [9, с. 379].

⁸ Начала нет. С имени Тимофея Степанова с. Владычкина (оклад 550 четв. и 20 руб.). Список с поместными окладами. На л. 56–60 списки вновь пожалованных в жильцы; на л. 61–64 рубрика «Жильцы ж по службам в городех и у приказов». Скорее всего относится к третьему из упомянутых в Описи 1668 г. списков – согласно Описи, первый список начинался с имени Льва Андреева с. Микулина, оклад которого еще в 7131 г. был 700 четв. [6, VI, л. 1]; второй список содержал перечисление поместий и вотчин, которое отсутствует в сохранившемся списке 7136 г.; третий список начинался с имени Василия Никитина с. Александрова, оклад которого (по жилецкому списку 7133 г. [6, IX, л. 8]) был, как и у Т.С. Владычкина, 550 четв. и 20 руб.

⁹ Опубликовано Е.Н. Горбатовым [2].

¹⁰ Начала нет, начинается с имени Тихона Семенова с. Хоненева. На л. 61–63 список вновь пожалованных в 7137 г., но доводится он до мая. Список более ранний, чем два других списка за 7137 год. Вновь пожалованные в чин жильцы упомянуты с уменьшительными именами, тогда как в других списках – с полными именами.

¹¹ Начала нет. С имени князя Дмитрия Васильева с. Борятинского (500 четв., 16 руб.). На л. 79–81 список вновь пожалованных в 7137 г. (сентябрь – июль).

¹² Начала нет, начинается с имени Тихона Семенова с. Хоненева. На л. 48–49 список вновь пожалованных в 7137 г. (октябрь – июль). На л. 50–52 – рубрика «Жилцы ж по службам в городех и у приказов и в отпуске с отцы и з дядьями по подписным челобитным». Список самый поздний из трех сохранившихся за 7137 год. Так, в нем не упоминается имя Федора Сидорова с. Бунакова, над именем которого в двух других списках стоят пометы о пожаловании его в декабре 7137 г. в Московские дворяне [6, XIII, л. 5; 6, XIV, л. 14]; не упоминается имя Дмитрия Иванова с. Федорова, над которым в других списках стоят пометы «137-го умре» [6, XIII, л. 8; 6, XIV, л. 18]; нет имени Гаврилы Владимиров с. Пушкина, который, согласно пометам в других списках, был пожалован в апреле 7137 г. в стольники патриарха Филарета [6, XIII, л. 9; 6, XIV, л. 18], и т. д.

¹³ Начала нет. С имени Петра Смышляева с. Айгустова (550 четв. и 21 руб.). Поместные и денежные оклады. На л. 51–53 список вновь пожалованных в 7138 г. (сентябрь – август). – Трудно сказать, к какому из двух первых жилецких списков, упомянутых в Описи 1668 г., относится данный документ.

¹⁴ «Земляной» жилецкий список с указанием помимо поместных окладов сведений о поместьях и вотчинах. Начала нет, с имени Степана Иванова с. Толстого (оклад 500 четв.). На л. 118–121 список вновь пожалованных (сентябрь – август). На обложке позднейшая (XVIII в.) надпись «138 г. список жилецкий с окладами, начала нет»; на л. 75 против имени Гаврилы Петрова с. Приклонского помета «138-г. умре» [9, с. 365].

¹⁵ «Земляной» жилецкий список с указанием сведений о поместьях и вотчинах. Начала нет, с имени Льва Андреева с. Микулина (оклад 750 четв.). На л. 2 содержится запись, указывающая, что этот список с указанием поместий и вотчин «подлинный». На л. 117–124 список вновь пожалованных в жильцы (сентябрь – июль; список пожалованных в августе не сохранился, нижний край листа оборван).

¹⁶ Начала нет, с имени Данила Смирнова с. Мотовилова (оклад 500 четв. и 25 руб.). Список с поместными и денежными окладами. На л. 58–62 список вновь пожалованных (сентябрь – август). На обложке позднейшая запись: «Жилецкий список 139 г. с поместными и денежными оклады, начала нет, оторван по имя Степана Иванова сына Толстова» [9, с. 365]. Но имя С.И. Толстова стоит здесь после Данилы Смирнова с. Мотовилова [6, XX, л. 6].

¹⁷ Начала нет, с имени князя Осипа Семенова с. Вяземского (оклад 600 четв. и 25 руб.). Список с поместными и денежными окладами. На л. 9 запись XVII в. «Жилецкой 140-го». На л. 72 об. запись XVII в. «Список жилецкой 140-го года с поместными и денежными оклады, начала нет по имя князь Осипа княж Семенова сыны Вяземского». На л. 65–68 список пожалованных в жильцы в 7140 г. с сентября по август (листы перепутаны).

¹⁸ Начала нет, с имени Федора Петрова с. Обернибесова (оклад 500 четв.). Список с поместными окладами, без денежных. На л. 49–50 список пожалованных в жильцы в 7140 г. (с сентября по август). На л. 51–55 рубрика «Жилцы по службам в городех и у приказов, и в отпусках с отцы и з дяди и з братьи по подписным челобитным и по именному государеву приказу».

¹⁹ Материалы столбца представлены в виде таблицы А. Изюмовым [7]; опубликованы Е.Н. Горбатовым [3].

²⁰ Начала нет. Начинается с имени Богдана Иванова с. Огарева (400 четв. и 16 руб.). Жилецкий список («земляной») с поместными и денежными окладами и перечислением земельных владений. На л. 152–154 рубрика «Да после розбору приказаны в житье в том же 140-м году розбор им не был». На л. 154–156 список вновь пожалованных в жильцы в 7141 г. (сентябрь – август). Очевидно, данный список относится к первому списку, упомянутому в Описи 1668 года.

²¹ Начала нет, с имени Гаврилы Корманова с. Мясного (450 четв. и 16 руб.). Список с поместными и денежными окладами. На л. 9 об. запись «Жилецкой 142-го». Л. 10–12, 57 перепутаны. На л. 53–56 рубрика: «В список написаны после розбору во 140-м году и в 141-м году, и в нынешнем в 142-м году розбор им не был». На л. 56–61 список вновь пожалованных в жильцы в 7142 г. (сентябрь – июнь / июль). Список действовал до конца года. Так, встречается помета от 25 августа 1634 г. (л. 60).

²² Начала нет, с имени Семена Поликарпова с. Давыдова (600 четв. и 22 руб.). Список с поместными и денежными окладами. На л. 68 об. запись XVII в.: «Жилецкой список 143-го, начала нет, отодрано по имя Семена Поликарпова с. Давыдова». На л. 44–52 рубрика «Блаженные памяти у великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича М. и в. Р. в стольниках, ныне по государеву указу велено им быть в житье». На л. 53–65 рубрика «Поместными оклады и денгами не верстаны». На л. 65 список вновь пожалованных в жильцы в 7143 г. (всего упомянуто 5 чел.).

²³ Начала нет, с имени Степана Иванова с. Скрыпина (650 четв. и 20 руб.). На л. 92 об. запись почерком XVII в.: «Жилецкой список 144-го года, начала нет, отодрано по имя Степана Иванова с. Скрыпина». Жилецкий список с поместными и денежными окладами. На л. 52–55 рубрика «Жилцы ж были блаженные памяти у великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича М. и в. Р. в стольниках, а поместными оклады и денгами не верстаны». На л. 56–72 рубрика «Приказаны в житье вновь, а поместными и денежными оклады не верстаны». На л. 73–77 список вновь пожалованных в жильцы в 7144 г. (сентябрь – август). На л. 78–85 рубрика «Жилцы ж написаны в гусарскую и в рейтарскую службу».

²⁴ На л. 1 заголовок «Список жильцов с поместными и денежными оклады нынешнего 144 году, оприч тех, которые написаны з городы и которые в гусарех и рейтарех». Начинается с оклада 800 четв. и 60 руб. (Степан Иванов с. Татянин с пометой «У крюка»). На л. 44–49 рубрика «Жилцы ж были блаженные памяти у великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича М. и в. Р. в стольниках, а поместными оклады и денгами не верстаны». На л. 49–61 рубрика «Приказаны в житье вновь, а поместными и денежными оклады не верстаны». На л. 62–65 список вновь пожалованных в жильцы в 7144 г. (сентябрь – август).

²⁵ Списки жильцов с поместными окладами, без начала с имени Ивана Прокофьева Жемчужникова (550 чети). На л. 7 над именем Кузьмы Иванова с. Сьянова помета «144-го убит от своих крестьян»; на л. 9 над именем Якова Микитина с. Трегубова помета «144-го октября в 15 день

по памяти из Поместного приказа за приписью диака Бажена Степанова велено служить по Суздалью». На л. 29–39 упоминаются также денежные оклады. На л. 39–45 (до конца) рубрика «Были блаж. памяти у в.г.св. патриарха Филарета Никитича М. и в. Р. в стольниках, а ныне в жильцах».

²⁶ Начала нет, с имени Ивана Васильева с. Кабанова (400 четв. и 9 руб.). Список с поместными и денежными окладами. Пометы 7146 и 7147 гг. На л. 19 «Жильцы ж поместными и денежными оклады не верстаны». На л. 41–45 списки вновь пожалованных в жильцы (сентябрь – август), перепутаны; на л. 43 заголовок «В нынешнем 146 году государь пожаловал в житье». Вероятно, жилецкий список 7147 г., но точно атрибутировать документ не представляется возможным.

²⁷ Вероятно, фрагмент жилецкого списка с поместными окладами. Содержит многочисленные пометы 7147 года. Начала и конца нет. Начинается с оклада 500 четв. (с имени Степана Иванова с. Толстого). На л. 573 заголовок «Поместными оклады не верстаны». Заканчивается именем Семейки Тимофеева с. Рубцова (л. 584). Многие пометы говорят об отправке жильцов на службы вне Москвы. Так над именем Афанасия Иванова с. Левшина стоит помета «147-го по челобитью отпущен с отцом к засекам» (л. 578).

²⁸ Жилецкий список с поместными и денежными окладами. По склейкам скрепа дьяка Григория Ларионова. Начала нет, с имени Федора Семенова с. Изъединова (оклад 550 четв. и 30 руб.). На л. 1 об. записи: «Список жилецкого списку в верстанье 151 году», «Список жилецкой 151-го». На л. 88–96 об. список вновь пожалованных в жильцы в 7151 г. (сентябрь – июнь). Листы перепутаны, их порядок восстанавливается по размерам окладов и при сравнении с другими жилецкими списками в следующей последовательности: л. 1–8, 48–72, 27–47, 15–26, 73–96.

²⁹ Список с поместными и денежными окладами. Начала нет, с имени Ивана Фомина с. Шестакова (оклад 450 четв. и 17 руб.). На л. 42–54 рубрика «В нынешнем в 152-м году по государеву указу велено быть в житье» (пожалования с сентября по август). В описи [9, с. 418] список ошибочно датирован 7142 годом.

³⁰ На л. 1 заголовок «Список жильцов с поместными и денежными оклады нынешнего 153 году подлинной». Начинается с оклада 750 четв. и 50 руб. (с имени Петра Нелюбова с. Нальянова). Листы перепутаны. Так, список вновь пожалованных в жильцы в 7153 г. начинается на л. 70, затем продолжается на л. 6, 7, 4, 3, 2, 72, 71, 44, 45, 43, 42, 41, 40, 48, 49, 46.

³¹ Е.Н. Горбатовым выявлены еще два жилецких списка времени царствования Михаила Федоровича (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 1061. Столпик 5. Л. 1–79; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 64. Л. 96–119) [4, с. 301, примеч. 2].

³² Столбцы Разрядного приказа: 1637/38–1643/44 гг. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 1833, л. 110–133.

³³ Над именем Матвея Григорьева с. Беклемишева помета: «в 1-й (половине. – А. П.)» (л. 662).

³⁴ На л. 684 об.: «153-го году мая в день принес жилецкой список в Верх розрядной подъячей Василий Олексеев».

³⁵ Над именем Захара Федорова с. Рагозина помета «в 1-й (половине. – А. П.)» (л. 732).

³⁶ Упоминаются жильцы с пометами «в отпуску» (л. 806, 818).

³⁷ На л. 844 об.: «Список жилецкой с оклады, которым за службами велено быть на Москве 147-го году».

³⁸ Иногда чередование службы жильцов осуществлялось раз в три, а не в четыре месяца, так же, как и высших московских чинов (стольников, стряпчих и дворян московских), по «наличным» боярским спискам. Характерно совпадение заголовков списков жильцов за 1649 г. в столбце № 854 («Жильцы третьей четверти по государеву ц. и вел. кн. Алексея Михайловича указу жить им на Москве июля с 1 числа нынешнего 157-го году октября по 1 число 158-го году») [11, II, л. 223] и в «наличных» боярских списках 1649 г. («Стольники и стряпчие, и дворяне московские. Быть им на Москве апреля с 1 числа июля по 1 число нынешняго 157-го году» и «Стольники и стряпчие, и дворяне московские. По государеву указу быть на Москве с ыюля 157-го году по октябрь 158-го году») [1, III, л. 183, 220].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боярские списки «наличные», 1626/27–1649 гг. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 9. № 1129, 1135, 1137.
2. Горбатов Е. Н. «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. // Российская генеалогия: науч. альм. Вып. 6. М.: Старая Басманная, 2019. С. 105–162.
3. Горбатов Е. Н. Жилецкие сказки 1632 года // Российская генеалогия: науч. альм. Вып. 7. М.: Старая Басманная, 2020. С. 53–193.
4. Горбатов Е. Н. Жилецкий список 7133 г. // Очерки феодальной России. Вып. 19. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. С. 300–363.

5. Горбатов Е. Н. Титулованное дворянство в жилецких списках 1616–1636 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXIII Междунар. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 109–112.
6. Жилецкие списки 1614/15 – 1644/45 гг. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10, 17, 42, 43, 829, 830, 837, 840, 842, 846, 851, 852, 878, 886, 888, 897, 900, 1069, 1070, 1080, 1111; Оп. 4. № 150.
7. Изюмов А. Ф. Жилецкое землевладение в 1632 году. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1913. 230 с.
8. Лукичев М. П. Окладные и «земляные» жилецкие списки первой четверти XVII в. // М. П. Лукичев. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М.: Древлехранилище, 2004. С. 168–180.
9. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1899. Кн. 11. С. 1–509, 1–55.
10. Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 808 с.
11. Столбцы Разрядного приказа: I. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 833; II. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 854.

REFERENCES

1. Boyarskiye spiski «nalichnyye», 1626/27–1649 gg. [Boyar Lists “Available”, 1626/27–1649]: *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (hereinafter – RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 9, no. 1129, 1135, 1137.
2. Gorbatov Ye.N. «Zemljanoj» zhileckij spisok 1628/29 g. [Zhileckij “Land” List of 1628/29]. *Rossiyskaja genealogija: nauch. alm. Vyp. 6* [Russian Genealogy. Scientific Almanac. Iss. 6]. Moscow, Staraja Basmannaja Publ., 2019, pp. 105–162.
3. Gorbatov Ye.N. Zhileckije skazki 1632 goda [Lists of Zhiltsy of 1632]. *Rossiyskaja genealogija: nauch. alm. Vyp. 7* [Russian Genealogy. Scientific Almanac. Iss. 7]. Moscow, Staraja Basmannaja Publ., 2020, pp. 53–193.
4. Gorbatov Ye.N. Zhileckij spisok 7133 g. [Zhileckij List of 7133]. *Ocherki feodalnoj Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow; Saint Petersburg, Aljans-Arkheo Publ., 2016, iss. 19, pp. 300–363.
5. Gorbatov Ye.N. Titulovannoye dvorjanstvo v zhileckih spiskah 1616–1636 gg. [Titled Nobility in the Lists of Zhiltsy of 1616–1636]. *Vspomogatelnye istoricheskiye discipliny v sovremenном nauchnom znanii: materialy XXXIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge. Proceedings of the 33rd International Scientific Conference]. Moscow, IVI RAN, 2020, pp. 109–112.
6. Zhiletskiye spiski 1614/15 – 1644/45 gg. [Lists of Zhiltsy]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 9, no. 10, 17, 42, 43, 829, 830, 837, 840, 842, 846, 851, 852, 878, 886, 888, 897, 900, 1069, 1070, 1080, 1111; inv. 4, no. 150.
7. Izjumov A.F. *Zhileckoye zemlevladieniye v 1632 godu* [Land Ownership of Zhiltsy in 1632]. Moscow, T-vo Pechatnja S. P. Jakovleva, 1913. 230 p.
8. Lukichev M.P. Okladnye i «zemljanye» zhileckije spiski pervoj chetverti XVII v. [Salary and “Ground” Lists of Zhiltsy of the First Quarter of the 17th Century]. Lukichev M.P. *Bojarskiye knigi XVII veka. Trudy po istorii i istochnikovedeniju* [Boyar Books of the 17th Century. Works on History and Source Studies]. Moscow, Drevlehranilishe Publ., 2004, pp. 168–180.
9. *Opisaniye dokumentov i bumag, hranjaschihsja v Moskovskom arkhive Ministerstva justicii* [Description of Documents and Papers Stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Moscow, Tip. t-va I.N. Kushnerev i K°, 1899, book 11, pp. 1–509, 1–55.
10. *Opisi arkhiva Razryadnogo prikaza XVII v.* [Inventory of the Archive of the Charge Prikaz of the 17th Century]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2001. 808 p.
11. Stolbtsy Razryadnogo prikaza: I [Columns of the Charge Prikaz: 1]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 9, no. 833; II [2]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 9, no. 854.

Information About the Author

Andrej P. Pavlov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian History from the Ancient Times to the Twentieth Century, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, a.pavlov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-0858>

Информация об авторе

Андрей Павлович Павлов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.pavlov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-0858>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.14>

UDC 94(470+571)“16”:336.22

LBC 63.3(2)45-2

Submitted: 02.10.2025

Accepted: 15.11.2025

ORGANIZATION OF THE COLLECTION OF MONETARY INCOME FOR THE SOVEREIGN TREASURY IN GREAT PERM IN 1605–1608

Natalia V. Rybalko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the organization of the collection of monetary income for the sovereign treasury in Great Perm in 1605–1608. The identified regional features of Eastern Pomorye, where state peasants predominated, are of interest, as well as an idea of the office management system, types of fees and duties, legislative regulation of taxation in the Perm Region, and the problems faced by local managers and in Moscow's administrative institutions. **Methods and materials.** The source base consists of legislative documents and statutory material extracted mainly from the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Preliminary research work was carried out on the reconstruction of the archive of the order hut of Great Perm by the method of mutual correspondence of documents. **Analysis.** Changes in the taxation system of Great Perm have been clarified, which occurred at the end of the 16th century and beginning of the 17th century. The information of the decree letters from the Novgorod quarter to Great Perm, the memoirs from Cherdyn to the county towns of Sol Kamskaya and Kaigorodok, and the correspondence of the zemstvo elders from Cherdyn to the ordered people is compared. **Results.** It has been established that before September 1, 1605, the monetary collections of Great Perm were received by the Nizhny Novgorod Quarter Order; after its abolition, by the Novgorod chet. At the beginning of the 17th century, certain legal norms of the Great Perm Charter of 1553 continued to apply, in particular, on customs duties, from February 1606. The rules for the payment of court fees according to the all-Russian judicial code were introduced, which indicates the ongoing process of centralization of the state. Problems with arrears constantly arose in Great Perm in 1603–1608. Audits in Moscow and investigative measures on the ground indicate strict control in the central departments over the revenues of the sovereign treasury.

Key words: history of Russia, Great Perm, zemstvo self-government, central government, taxation, beginning of the 17th century, Time of Troubles.

Citation. Rybalko N. V. Organization of the Collection of Monetary Income for the Sovereign Treasury in Great Perm in 1605–1608. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 167–181. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.14>

УДК 94(470+571)“16”:336.22

ББК 63.3(2)45-2

Дата поступления статьи: 02.10.2025

Дата принятия статьи: 15.11.2025

ОРГАНИЗАЦИЯ СБОРА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ ГОСУДАРЕВОЙ КАЗНЫ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ В 1605–1608 ГОДАХ

Наталья Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию вопроса об организации сбора денежных доходов государственной казны в Перми Великой 1605–1608 годов. Интерес вызывают выявленные региональные особенности Восточного Поморья, где преобладало черносошное население, а также представление о системе делопроизводства, разновидностях сборов и пошлин, законодательном регулировании налогообложения в Пермском крае, проблемах, с которыми сталкивались управленцы на местах и в приказных учреждениях Москвы. **Методы и материалы.** Базу источников составляют законодательные документы и актовый

материал, извлеченный преимущественно из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Предварительно была проведена исследовательская работа по реконструкции архива Великопермской приказной избы методом взаимного соответствия документов. *Анализ.* Выявлены и изучены факты сбора налогов и пошлин, относящиеся к 1605–1608 гг., выяснены изменения в системе налогообложения Перми Великой, произошедшие на законодательном уровне, сопоставлена информация указных грамот из Новгородского четвертного приказа в Пермь Великую, памятей из Чердыни в уездные города – Соль Камскую и Кайгородок, отписки земских старост в Чердынь приказным людям. *Результаты.* Установлено, что до 1 сентября 1605 г. денежные сборы Перми Великой поступали в Нижегородскую четь, после ее упразднения – в Новгородский четвертной приказ. В начале XVII в. продолжали действовать отдельные нормы права Великопермской уставной грамоты 1553 г., в частности о таможенных пошлинах. С февраля 1606 г. были введены правила уплаты судебных пошлин по общерусскому Судебнику, что свидетельствует о продолжавшемся процессе централизации государства. Выяснено, что в Перми Великой в 1603–1608 гг. возникали проблемы с недоимками. Ревизии в Москве и следственные мероприятия на местах свидетельствуют о строгом контроле в центральных ведомствах за доходами государственной казны.

Ключевые слова: история России, Пермь Великая, земское самоуправление, центральное управление, налогообложение, начало XVII века, Смутное время.

Цитирование. Рыбалко Н. В. Организация сбора денежных доходов государственной казны Перми Великой в 1605–1608 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 167–181. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.14>

Введение. Налогообложение жителей Перми Великой в начале XVII в. представляло собой сложную систему денежных и натуральных сборов. Сборы и пошлины в исторической науке принято разделять на окладные (прямые и косвенные) и неокладные [9, с. 200–222]. Фискальная политика Московского государства постоянно менялась – вводились новые и упразднялись старые сборы, происходила их унификация, при этом в каждом регионе имелись свои особенности, основанные на традициях и специфике хозяйствования.

В числе главных особенностей Перми Великой было земское самоуправление и община с преобладанием черносошного населения, управление территориями монастырей и Строгановых осуществлялось отдельно. Не менее важным являлось геополитическое положение: в отличие от центральных, южных и западных земель России, Восточное Поморье в начале XVII в. не было охвачено разорительными военными действиями Смутного времени, что делало его потенциально более стабильным источником пополнения государственной казны.

Цель статьи – выяснить, что представляли собой денежные доходы государственной казны в Перми Великой 1605–1608 гг., как был организован их сбор. Соликамские акты позволяют изучить данный вопрос с 1605 г. – времени, когда в Московском государстве воцарился Лжедмитрий I. Верхняя граница приходится на сере-

дину правления царя В.И. Шуйского – в феврале 1608 г. произошла смена приказных людей в Перми Великой вместе с переходом к новым экономическим условиям военного времени.

Историография. Историки А.С. Лаппо-Данилевский, составивший одним из первых общее представление о фискальной политике в Московском государстве XVII в., и М.М. Богословский, изучавший организацию налогообложения в Поморье XVII в., пришли к близким выводам о том, что невозможно провести унифицированную классификацию сборов и пошлин: в XVII в. терминология еще не выработалась [14, с. 43], наблюдалось «полное отсутствие какого-либо единства» по разновидностям налогов, постоянству, размерам, формам их уплаты [3, с. 105–117, 126].

На основании самых ранних из сохранившихся писцовых книг И.И. Яхонтова 1579 г. и М.Ф. Кайсарова 1623–1624 гг., в которых описаны Чердынский и Соликамский уезды, А.А. Дмитриев дал характеристику социально-экономического положения Перми Великой [6], а по данным опубликованных актов и летописных свидетельств рассмотрел деятельность «великопермских воевод» периода Смуты, касаясь и вопросов сбора налогов и пошлин [5].

Функции приказной и выборной администрации Перми Великой в XVI–XVII вв. изучал О.В. Семенов [29]. Общие черты фискальной системы в Перми Великой периода Смуты были затронуты А.А. Космовской [12], коли-

чественные подсчеты окладных и неокладных сборов, расходов Чердынского и Соликамского уездов исследовательнице удалось сделать за период с 1614 г. и до конца XVII в. по сохранившимся приходным книгам, сметным и счетным спискам [10; 11; 13].

В целом можно отметить, что на фоне других регионов Московского государства, в частности Сибири, Новгородской земли, Яренского уезда и отдельных крупных монастырских хозяйств, историки в своих работах только касались налоговой политики Перми Великой начала XVII в., опираясь на документы, опубликованные в XIX веке. Специальных исследований по вопросу организации сбора денежных доходов государственной казны Перми Великой периода Смуты не проводилось.

Методы и материалы. Книги сбора налогов и пошлин Перми Великой начала XVII в., как и приходо-расходные книги Нижегородского четвертного приказа, не сохранились. В распоряжении историков есть только книги Новгородского четвертного приказа с 1614 года. В основу настоящего исследования положен один из немногих дошедших до нас, а потому уникальный комплекс документов Великопермской приказной избы в составе коллекции актов Соликамского уездного суда «Акты Соликамские» № 122 Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Это указные грамоты из Новгородского четвертного приказа, отписки в Москву пермских приказных людей, памяти приказных людей из Чердыни в уездные города Перми Великой, отписки земских выборных людей уездных городов в Чердынь. Часть документов дошла в подлинниках, часть – в виде черновых отпусков, иногда отрывочно сохранившихся. Актовый комплекс реконструирован с учетом информации о несохранившихся документах по их упоминаниям методом взаимного соответствия документов, уточнены названия документов, их датировка и атрибуция [24].

Анализ. Общее управление Пермью Великой в начале XVII в., включая организацию сбора налогов и пошлин, осуществляли в Москве дьяки и подьячие четвертных приказов: с 1601 по 1605 г. – в Нижегородском, с 1605 г. – в Новгородском [23]. Средним звеном системы управления до 1610 г. были приказный человек Перми Великой и подьячий,

которые назначались в Москве на 2–3 года, они отвечали за исполнение царских указов и организацию необходимых для этого мероприятий [21]. На уездном уровне из числа местного населения избирались земские старосты и целовальники, одним из направлений деятельности которых было взимание налогов и пошлин [12, с. 169, 176–178; 29, с. 119–222].

В писцовых книгах Чердынского и Соликамского уездов 1579 г. И.И. Яхонтовым зафиксирован посошный принцип прямого обложения в уезде, «положено в соху по 64 двора» [19, л. 45; 20, с. 175]. Оброк шел в государственную казну с торговых лавок, соляных варниц, мельниц и с рыбной ловли в денежном выражении, с оброка податное население платило пошлины казначеям и дьякам. Был установлен размер корма наместнику в натуральном и денежном выражении, ему же по Уставной грамоте (о чем также сообщается в писцовой книге) собирали убрисную, лесную пошлины, «присудную» и «пятно», корм с рыбной ловли рыбой и деньгами [20]. Дополнительно чердынским посадским и волостным крестьянам было велено «платить в государе[ву] казну дани за ямские наприметные деньги на городовое на засечное дело на ямчужное с сохи по 12 руб., да пошлин казначеевых и дьячьих по 11 алтын по 4 деньги» [19, л. 45].

По мере освоения Сибири возрастала роль Перми Великой как транзитного пункта, и еще М.М. Богословский обратил внимание на то, что налогообложение в этой земле в конце XVI в. изменилось. При царях Иване Васильевиче и Федоре Ивановиче за ямскую повинность Пермь Великая была освобождена от денежных сборов: дани, оброка, судебных пошлин, таможенных и кабацких доходов [3, с. 93]. Однако в государственной указной грамоте от 11 июля 1606 г., на которую ссылался М.М. Богословский, речь идет не об освобождении от сборов, а о том, что с 1582/83 г. эти средства оставались в Перми Великой и шли на обеспечение перевозок в Сибирь – «сибирские отпуски». С 1599/1600 г. «все доходы» и «разводные деньги» царь Б.Ф. Годунов велел собирать «на себя», при этом ямская повинность сохранялась и, по словам пермичей, обходилась им каждый год в «5–6 тысяч [рублей] или больше» [2, № 54, с. 123].

Особым видом тягла в Перми Великой наряду с другими регионами Поморья был сбор хлебных запасов на жалование сибирским служилым людям. Он устанавливался ежегодно в Москве, собирался по разводу, за отвезенное в Сибирь зерно земские миры получали из государственной казны в Перми Великой деньги и самостоятельно доставляли их в Москву в четвертной приказ [25]. Фактически государство покупало зерно у населения ближайших к Сибири регионов и одновременно облачивало натуральные тягловые сборы. Для государственной казны Перми Великой это следует относить к категории расходов.

Основной податной единицей в Перми Великой, как отметил А.А. Дмитриев со ссылкой на писцовую книгу И.И. Яхонтова 1579 г., была дворовая соха, причем безразлично посадские это были дворы или уездные (в 1579 г. 1 соха – 64 двора) [6, с. XX]. В документах начала XVII в. также упоминается, что сборы взимались с сох [1, № 78, с. 106–107].

Организация сбора государственных денежных доходов имела годовой цикл, рубежом была дата 1 сентября – начало нового года, что и определяет порядок дальнейшего рассмотрения изучаемого вопроса.

Управление Пермью Великой, а, следовательно, вопросы сбора налогов и пошлин были в ведении приказного человека Петра Васильевича Пивова (начало службы – не позднее 4 февраля 1605 г., окончание – не ранее 27 марта 1606 г.), а не позднее 13 апреля 1606 г. – в компетенции князя Семёна Юрьевича Вяземского [21, с. 105].

1605/06 год. В 1605 г. после реорганизации Нижегородского четвертного приказа, то есть после 1 сентября 1605 г., в Новгородский четвертной приказ был передан «доимочный список» с указанием общей суммы недоимок неокладных сборов в размере 361 рубля, 22 алтына, полтрети деньги [24, № 24, с. 211–213]. В предшествующем отчетном году, 28 февраля 1605 г., 107 рублей 5 алтын полчетверти деньги были отправлены в Москву в казну Нижегородской чети с целовальниками Костей Степановым и Поспелком Корякиным, а в Новгородскую четь из Нижегородской «те деньги присланы в доимке», о чем говорится в указной грамоте от 20 сентября 1607 г. со ссылкой на пермский смет-

ный список за приписью подьячего И. Федорова [24, № 24, с. 211–213]. Соответственно, указанная сумма по какой-то причине не была учтена в Нижегородской чети. В 1605/06 г. (день и месяц не известны) в Новгородскую четь в счет недоимок 1604/05 г. из Перми Великой поступило 208 рублей с деньгою [24, № 24, с. 211–213]. В отписке пермского подьячего И. Федорова перечислены и разновидности неокладных сборов: «С судных дел, и пятенных, и убрусных, и с рыбные ловли, и с продажных земель, и з дворов записные пошпины» [24, № 24, с. 211–213].

Задолженность Перми Великой накопилась, как минимум, с 1603/04 г., пермскому приказному князю С.Ю. Вяземскому было поручено разыскать целовальников и финансовые документы в уездах Перми Великой в ноябре 1607 г., начиная с 1603/04 г. [24, № 34, с. 226–227].

Кроме ситуации с налоговыми сборами, проявляется существующий в науке вопрос о времени реорганизации Нижегородского четвертного приказа. Ранее определено, что Нижегородский приказ прекратил свою деятельность между январем 1605 г. и апрелем 1606 г. [23, с. 181] или, по предположению Д.В. Лисейцева, был объединен с Новгородской четью летом 1605 г. [15, с. 136]. Теперь становится ясно, что Нижегородский приказ функционировал до конца финансового периода 7113 г. (31 августа 1605 г.), когда подвели итоги года и составили вышеупомянутую недоимочную ведомость, переданную в Новгородский четвертной приказ после 1 сентября 1605 года.

Одним из важных неокладных сборов были судные пошлины. Сохранилась указная грамота из Новгородской чети, адресованная приказному человеку Перми Великой князю С.Ю. Вяземскому и подьячему И. Федорову, в которой дано разъяснение порядка взимания судных пошлин: судные пошлины с Перми – с чердынцев, усольцев и кайгородцев – следует брать «с рубля по гривне, да пересуду 6 алтын, четыре деньги, да правого десятка 4 деньги против Соли Камские, а кто ищет меньше рубля, и с тех людей пошлины имати по розчету, а пересуда и правого десятка не имати». Судные пошлины было велено писать приказным людям «при себе» в книги, «да те книги и пошлинные деньги» следовало присы-

лать в Москву ежегодно, «безпереводно», «с данными, и с оброчными деньгами вместе» в государеву казну [2, № 46, с. 103–104]. Грамота написана от имени царя В.И. Шуйского, в конце документа указан май 1606 г., числа нет. По времени начала правления царя В.И. Шуйского (20 мая 1606 г.) документ следует датировать между 20 и 31 мая 1606 года. Грамота составлена в ответ на отписку приказных людей Перми Великой Петра Пивова и подьячего Ивана Федорова, которые, как известно, вместе находились на службе между февралем 1605 г. и апрелем 1606 г. [21, с. 105]. В отписке приказные просили у дьяков Новгородской чети разъяснения информации из полученной ими указной грамоты относительно новой нормы взимания судной пошлины «по Судебнику». Ранее, как они писали, в Чердыни судные пошлины брали по Уставной грамоте «на виноватом пошлин с рубля по гривне, и пересуд, и правой десяток» [2, № 46, с. 103–104], с кайгородцев пошлин по Уставной грамоте не брали. С учетом того, что весенний путь между Москвой и Чердынью составлял около 45 дней, а зимний – около 30, и что на государевы указы приказные люди реагировали своевременно, можно предположить, что грамота была составлена в феврале – не позднее начала марта 1606 г., в царствование Лжедмитрия I.

В Великопермской Уставной грамоте 1553 г. действительно указан упомянутый в грамоте 1606 г. размер судной пошлины: «...а досудитца виноватой, и наместник нашу пошлину емлет на виноватом с рубля по гривне, насколько хто взыщет» [28, с. 306]. Только какой именно судебник имелся ввиду в указной грамоте? Приведенная цитата лишь частично коррелирует с нормами права из Судебников 1550 г. [30, ст. 62, с. 161], 1589 г. [30, ст. 101, 102, с. 390] и опубликованного списка Судебника 1606 г. [27, грань 1, гл. 1, ст. 62, с. 485], однако полное текстологическое совпадение имеется со статьей Соборного уложения 1649 г.: «А пошлин в государеву казну по судным делам имати... с рубля по гривне, да с суда пересуду по шти алтын по четыре денги, да праваго десятка четыре денги» [31, ст. 124, с. 118], – что не решает вопрос о цитируемом Судебнике, но подтверждает суждение в историографии о том, что источника-

ми права для Соборного Уложения были и документы начала XVII в. [32, с. 186]. Судебник 1606 г. в настоящий момент считается наименее изученным по сравнению с судебниками XVI века. В.Д. Назаров, проводя в 1967 г. обстоятельный палеографический и текстологический анализ пяти известных на тот момент списков, согласился с убеждением В.И. Корецкого о составлении судебного в царствование Лжедмитрия I и к тому же отметил, что вопрос о целях и месте создания Сводного Судебника все еще до конца не решен [16, с. 76].

На особый статус Кайгородского уезда обратил внимание А.А. Дмитриев: этот уезд «по какой-то причине» не попал в писцовое описание ни И.И. Яхонтова в 1579 г., ни М.Ф. Кайсарова в 1624 г. [7, с. 137]. Как отметил О.В. Семенов, до 1585/86 г. Кайгородок входил в состав Вымской земли [29, с. 120]. Приведенный выше документ показывает, что в отношении взимания судных пошлин до 1606 г. Кайгородский уезд не был введен в единое правовое поле с двумя другими уездами Перми Великой – Чердынским и Соликамским.

1606/07 год. Отправка государевых налоговых сборов регулировалась грамотами из Москвы только при необходимости. Осенью 1606 г. возникла задержка денег и в указной грамоте царя В.И. Шуйского от 30 декабря 1606 г., полученной в Чердыни 4 февраля 1607 г., велено было приказному Перми Великой князю С.Ю. Вяземскому отправить пермского подьячего Ивана Федорова с «всяких дел денежными доходами и с судных дел пошлинными деньгами» в Москву в Новгородскую четь к дьяку Нечаю Федорову [24, № 16, с. 196–197]. Зимнее время использовали для пересылки казенных денег как более удобное и быстрое из-за передвижения по замерзшим рекам. Между тем до 10 марта 1607 г. в Москву ничего не поступило, что вынудило дьяков Новгородской чети направить в Пермь Великую недельщика Звягу Коротнева за денежными доходами «с пермских пригородов, посадов и уездов с сох данных и оброчных, кормовых, таможенных, кабацких и всяких неокладных доходов» [1, № 78, с. 107]. Было велено сопровождать деньги в Москву целовальникам и самому князю С.Ю. Вяземскому «для береже-

няя». Требовалось также прислать роспись всем доходам. Целовальнику же надлежало «в Перми доправить денежного сбора на старостах и целовальниках за ослушание... по дорожной, что ему даны прогоны» [1, № 78, с. 106]. Следовательно, земские выборные люди должны были возместить затраты, понесенные целовальником в ходе данной поездки.

Объяснение случившейся задержке государевых доходов нашел А.А. Дмитриев: с пермичей в то время «насильством доправляли» деньги верхотурские воеводы С.С. Годунов и А.Ф. Загрязский, правительство было вынуждено их ограждать особой грамотой [5, с. 75]. Данное объяснение историка, впрочем, вряд ли можно считать оправданием. В грамоте от 14 января 1607 г., адресованной великопермскому приказному князю С.Ю. Вяземскому, речь идет о его жалобе на пристава, отправленного верхотурскими воеводами в Чердынь в сентябре 1606 г. «доправить десятую пошлину с товару» (с меда, воска, хмеля) на крестьянах-чердынцах, которые торговали на Сылве и на Ирени, не имея государственной грамоты и даже воеводского наказа [2, № 66, с. 148]. Сложившаяся ситуация не касалась и тем более никак не оправдывала задержку доставки в Москву годовых государевых денежных доходов.

Хищения, вероятно, имели место – усолец Матюшка Карпов в 1606/07 г. написал извет в Новгородскую четь на пермских таможенных голов и кабацких целовальников А. Паламожново, С. Новикова, О. Дубровина «с товарищи» об их воровстве из государственной таможенной и кабацкой казны, когда они были «в головстве и в целовальниках» в 1605/06 и 1606/07 гг. более 300 рублей [1, № 97, с. 130–131]. За этим последовало долгое разбирательство, в ходе которого Матюшка Карпов даже был посажен в тюрьму, затем выпущен, и в октябре 1608 г. пермскому приказному Ф.П. Акинфому было предписано провести расследование о расхищении казны [22]. Чем оно закончилось, к сожалению, остается неизвестным.

Военная обстановка в стране требовала новых ресурсов. В мае 1607 г., не позднее 19 числа, в Пермь Великую была отправлена указная грамота о сборе со всех уездов Перми Великой 70 человек ратных людей с оружием (луками, пищальями, топорами, рогати-

нами, бердышами), не наймитов, выдать им запас «на все лето и до осени». В то же время если пермские люди начнут просить для похода по 3–4 рубля на месяц, и это будет дорого для Перми Великой, то вместо ратных людей собрать деньги за 70 человек на 3 месяца из расчета 2 рубля человеку в месяц и отправить в Москву для найма ратных людей в Москве и по городам. Деньги было велено прислать вместе с таможенными, кабацкими и другими государевыми доходами [2, № 70, с. 162]. Таким образом, требовалась сумма 420 рублей. Грамота с аналогичным содержанием была отправлена в Пермь Великую 26 мая 1607 г., и поводом для ее отправки стало известие от боярина и воеводы Ф.И. Шереметьева о принесении присяги царю астраханцами-изменниками [2, № 72, с. 163–164].

При царе В.И. Шуйском в административное подчинение территорий вносились коррективы, что, впрочем, было свойственно постоянно эволюционировавшей приказной системе Московского государства. Так, по государственной грамоте от 10 марта 1607 г. (доставлена 7 мая 1607 г.) крестьянам Зюздинской волости, входившей в состав Кайгородского уезда и платившей налоги через Пермь Великую, разрешено было заменить все государственные денежные сборы за «посадские службы», «сибирские отпуски», «рыбные ловли», «бобровые гоны» на единую сумму в 60 руб. и с 1 сентября 1607 г. платить ее 1 раз в год на «Евдокиин день» (1 марта) напрямую в Новгородскую четь. В поданной ранее челобитной крестьяне-зюздинцы аргументировали это тем, что от Кайгородка живут большое 200 верст, на их волость составлены отдельные писцовые книги, все люди пришлые, поставили дворы «на диком черном лесу», а от кайгородцев испытывают большие притеснения в грабеже, насильстве и излишнем тягле. За 1606/07 г. денежные сборы зюздинцы должны были собрать и отвезти, как и раньше, в Чердынь князю С.Ю. Вяземскому для отправки в Москву. От уплаты таможенной пошлины при этом освобождения не было: в указной грамоте говорится, что когда зюздинцы «станут приезжать на торг к кайгородцам», с них брать таможенную пошлину так же, как с других кайгородцев, «по нашей по уставной грамоте» [2, № 69, с. 161].

Здесь фиксируется 2 правовых момента: 1) практика замены ряда податей единой денежной суммой – она имела место и в других регионах Поморья, к примеру, в 1608 г. применялась в Яренском уезде [3, с. 115]; 2) в отношении сбора таможенных пошлин продолжали действовать нормы права Великопермской уставной грамоты. Следует заметить, что одно из подтверждений текста Уставной грамоты на ее обороте было сделано в 1607 г. дьяком Новгородского четвертного приказа Нечаем Федоровым [4, с. 543; 26, с. 180–183; 28, с. 310].

1607/08 год. Трудности и промедления в доставке в Москву «всяких денежных доходов» весной 1607 г. стали основанием провести полную ревизию государевых денежных сборов Перми Великой в Новгородском четвертном приказе за 1605/06–1606/07 годы.

25 августа 1607 г. в Пермь Великую князю С.Ю. Вяземскому была отправлена указная грамота, полученная 28 октября 1607 г., в которой говорилось о необходимости прислать в приказ годовой сметный список на 1606/07 г. и доимочный на 1605/06 год. Требовалось сообщить о том, сколько в Перми Великой и в Пермских пригородах у него самого (князя С.Ю. Вяземского), и у земских таможенных и кабацких целовальников государевых доходов на 1606/07 г. в сборе, сколько «помечено по оклады взяти», какие «доимки» собраны за прошлые годы, сколько еще не взято и почему, на какие расходы пошли деньги из государственной казны, сколько доходов не велено брать с пустошей по государевым грамотам и дозорным книгам. Помимо этого, была нужна информация о том, сколько «против прежних годов прибрано» «таможенных, и кабацких, и всяких неокладных доходов», а выяснится, что какие-то доходы «в недоборе», то их следовало расписать «порознь» и расспросить таможенных и кабацких целовальников о причинах недобора [24, № 20, с. 202–203]. Целовальников «с книгами всяких денежных сборов» предписывалось прислать в Москву в Новгородский приказ к дьякам Григорию Елизарову и Андрею Иванову после «Семенова дни» (1 сентября) до Рождества (25 декабря) 1607 года. В конце документа имеется санкция: если не будет это исполнено, то дьяки пришлют пристава для «доправки» сметного списка, возьмут двой-

ную оплату расходов на его проезд с князя С.Ю. Вяземского, с него же взыщут недостающие деньги и наложат на него царскую опалу [24, № 20, с. 202–203].

Таким образом, указная грамота от 25 августа 1607 г. свидетельствует, что в Перми Великой таможенные и кабацкие пошлинные сборы были как окладные, так и неокладные: сначала дьяки Новгородского приказа справляются у таможенных и кабацких целовальников о доходах, помеченных «по оклады», а затем просят сообщить, сколько поступило таможенных и кабацких неокладных сборов, сопоставив с суммами аналогичных доходов за предыдущие годы. Если в текущем году неокладных сборов было собрано меньше предыдущего, эта сумма считалась недоимочной.

Через месяц, 20 сентября 1607 г., из Новгородской чети за приписями дьяков Г. Елизарова и А. Иванова дана грамота в Пермь Великую приказному человеку князю С.Ю. Вяземскому (получена 19 ноября 1607 г.), в которой приведена вся информация о недоимках по неокладным сборам, история с которыми тянулась еще со времени реорганизации Нижегородской чети в 1605 году. К концу финансового 7115 г. (31 августа 1607 г.) в соответствии со сметным списком из Перми Великой 1605/06 г. (не сохранился) у кабацких целовальников, выбранных на 1606/07 г., осталось в кабацких запасах за 1604/05 г. и 1605/06 г. 104 рубля 5 алтын 4 деньги. Князю С.Ю. Вяземскому велено было эти доходы прислать в Москву со сметным списком вместе с денежными доходами 1606/07 г. [24, № 24, с. 211–213]. К тому же велено было разыскать целовальников К. Степанова и П. Корякина, которые должны были отвезти деньги в казну Нижегородской чети 28 февраля 1605 г. в сумме 107 рублей 5 алтын полчетверти деньги, поставить их «перед собой» и расспросить, посланы ли были с ними эти деньги в Москву, «сполна ли их заплатили», при каком дьяке и кто из подьячих у них те деньги отсчитал, есть ли у них или у князя С.Ю. Вяземского «отпись в тех деньгах», «с дьячьей или без дьячьей приписи». Отпись и запись речей следовало прислать в Новгородскую четь. «А если не приплешь, – грозили дьяки князю С.Ю. Вяземскому, – то те деньги велим взять на тебе» [24, № 24, с. 211–213].

Вторая грамота из Новгородской чети от 20 сентября 1607 г., полученная 19 ноября 1607 г., была посвящена недоимкам по окладным сборам, которые имелись за несколько предшествовавших отчетных периодов. Было велено «на Николин день» (6 декабря) прислать «данные и оброчные деньги и всякие денежные доходы... с Перми и Пермских пригородов с посадов и с уездов» на 1607/08 г., «взять по окладу против прошлого 1606/07 г.», а также к Рождеству «собрать сполна» и прислать «доимочные деньги» за 1604/05, 1605/06 и 1606/07 гг., не дожидаясь приставов из Москвы. В случае если не будут собраны деньги и присланы все сполна, то «быть» князю С.Ю. Вяземскому «в опале» [24, № 25, с. 213–215].

Вместе с тем, еще не получив указанных двух грамот из Москвы о недоимках, после 1 сентября 1607 г. князь С.Ю. Вяземский сам начал ревизию государевых сборов в уездах. В его памяти в Соль Камскую от 12 сентября 1607 г. речь идет о необходимости прислать в Чердынь прежнего старосту Соли Камской Семена Шубина и дьячка Якима Недякова с пошлинными деньгами и с книгами после перевыборов 1 сентября. Надлежало при этом выяснить, почему в привезенных ранее книгах Ивана Евдокимова не хватает сведений за март [24, № 21, с. 203–204].

27 сентября 1607 г. князь С.Ю. Вяземский написал память в Кайгородок с требованием срочно выбрать новых судью, старосту и целовальников «лутчих людей», «одноконно» (единодушно. – *Н. Р.*), выбрать таможенного целовальника (в черновом отпуске слова «и кабацкого» зачеркнуты) и прислать пошлинные деньги, «и тем деньгам книги», «что у прошлого старосты в сборе». «А не выберете, – грозил князь С.Ю. Вяземский, – и мне на вас писать к государю» [24, № 27, с. 218–219]. В Кайгородке, как следует из документа, в то время функционировала таможня, а должности таможенного и кабацкого целовальников были разделены.

До 2 декабря 1607 г. в Новгородский четвертной приказ никакой информации о неокладных сборах за 1604/05 г. не поступило, что вынудило дьяков Г. Елизарова и А. Иванова писать повторную грамоту князю С.Ю. Вяземскому о необходимости прислать расспросные речи целовальников К. Степанова и П. Ко-

рякина. В грамоте говорилось, что если отпись у них будет без дьячьей приписи и скажут, что такую им дали в Нижегородской чети, или скажут, что с ними такие деньги в Москву не посылали, то взять их на поруки и прислать в Москву. Далее шла санкция: в случае, если князь С.Ю. Вяземский не отпишет об этом, грозили «доправить на нем деньги и опалу наложить» [24, № 35, с. 227–229]. Эта указная грамота была доставлена в Пермь Великую 5 января 1608 года. Однако следует заметить, что предыдущие две грамоты из Москвы от 20 сентября 1607 г. были получены в Чердыни 19 ноября 1607 г., что вполне соответствует времени осеннего пути, и князь С.Ю. Вяземский просто физически не смог бы, проведя розыскные мероприятия, до 2 декабря сообщить об их итогах в Москву.

Действительно, спустя 9 дней после получения князем С.Ю. Вяземским двух сентябрьских указных грамот, 28 ноября 1607 г., в Соль Камскую была доставлена память из Чердыни о необходимости провести розыск таможенных и кабацких целовальников, занимавших должности в 1603/04, 1604/05, 1605/06, 1606/07 гг., с распоряжением взять их на поруки и прислать в Чердынь. Причина ясна – за все указанные годы имелись недоимки денежных государевых сборов. В ответной отписке старосты Соли Камской Иван Никитин сообщил, что он «с товарищами» ходил в таможню, и таможенный дьячек Ефим Степанов дал перечень имен целовальников, кто занимал эту должность в предыдущие три года, за своей рукою. Про 1603/04 г. он сказал на словах, что были целовальники Перша (Перфилий) Кочергин, но он умер, Максим Чернобровкин лежит без памяти, а Нечай Шубин постригся в монахи. Сообщил и то, что книги у них взял таможенный голова Степан Каплин, он же отсылал деньги в Москву. За оставшиеся 3 года целовальников с их именными списками разыскали и послали в Чердынь к Николину дню (6 декабря) вместе с Осипом Толстым, с ним же послали 100 рублей данных и оброчных денег на текущий 1607/08 г., за 2 месяца присудных и искомных пошлинных денег 9 рублей 10 алтын полтreti деньги, а по таможенным деньгам таможенные целовальники Третьяк Желобов с товарищами дали Осипу память [24, № 34, с. 226–227].

Вместе с тем нет информации о том, удалось ли князю С.Ю. Вяземскому отыскать и расспросить целовальников К. Степанова и П. Корякина. Из других документов коллекции «Соликамские акты» удастся установить, что Константин Степанов сын Килкин в 1605 г. был разрубным целовальником чердынцем [24, № 5, с. 170]. О Пospеле Корякине пока в документах начала XVII в. сведений не выявлено, но он упоминается как пермитин в грамоте из Устюжской четверти на Тотьму от 5 февраля 1623 г. [8, № 115], а фамилия Корякиных встречается в Чердынском уезде в 1623–1624 гг. [33, с. 215], на этом основании можно предположить, что П. Корякин тоже, как и К. Степанов, был чердынцем.

Применительно к 1607 г. фиксируются факты запроса пермским приказным человеком собранных пошлин из уездных городов несколько раз в течение года. В дальнейшем такая практика продолжилась. В отписке кайгородского земского судьи Худяка Светлокова и бывшего старосты Андрея Максимова в Чердынь приказному человеку князю С.Ю. Вяземскому, составленной между 15 и 22 января 1608 г., перечислены суммы собранных с 1 сентября 1607 г. по 1 января 1608 г. судебных пошлин: «31 алтын 4 деньги пересуду, 20 алтын правого десятка, 2 алтына скунного с кабал, 5 алтын 5 денег хоженое с кабал и с судебных дел, 14 алтын поголовных денег, с убитые головы Иванка Филимонова сына Астахина прозвище с Шубы – 4 рубля 4 алтына, смотреново – 4 алтына полторы деньги, и всех тех денег 6 рублей 15 алтын с полушкою». Эти деньги были посланы из Кайгородка в государственную казну в Чердынь с прежним старостой с Кузьмою Старковым [18; 24, № 42, с. 238–240]. Первый налоговый период для Кайгородка в 1607/08 г. составил 4 месяца.

В связи с военной обстановкой в стране 10 декабря 1607 г. в Пермь Великую была снова отправлена грамота от царя В.И. Шуйского о запросных деньгах за 70 ратных людей на 3 месяца «к зимнему походу» по 2 рубля на месяц за человека, заменивших на время отсылку самих ратных людей в войско ввиду отдаленного расположения региона. С грамотой был отправлен и недельщик для доставки денег, было велено прислать их вместе с собранными к тому моменту оброчными, таможенными,

кабацкими и другими государственными доходами. В грамоте имеется санкция: за неисполнение требования князю С.Ю. Вяземскому «быти в опале» [1, № 84, с. 113–114].

После получения государственной грамоты 9 января 1608 г., приказный Пермь Великой князь С.Ю. Вяземский разослал памяти от своего имени об этом в уезды. 12 января 1608 г. в Соли Камской получили такую память, в ней говорилось о необходимости собрать с Соли Камской, с их доли, деньги за 10 человек на 3 месяца по 2 рубля (то есть 60 рублей. – Н. Р.) и отправить вместе с другими денежными доходами «таможенными, и кабацкими, и пошлинными, и данными, и оброчными достальными деньгами» с целовальниками в Чердынь. Наряду с этим нужно было прислать целовальника, который бы отвез эти деньги в Москву. В Соли Камской собрали «за ратных людей деньги, данные, оброчные, достальные... государевы присудные и искунные пошлинные денги 11 рублей без десяти алтын и без двою денег» и 20 января 1608 г. послали с Давыдом Кондратьевым (целовальником [24, № 21, с. 203–204]), о чем староста Соли Камской Иван Никитин Пядышев сообщил князю С.Ю. Вяземскому в отписке [24, № 41, с. 236–238]. Таможенные и кабацкие сборы вез сам таможенный и кабацкий целовальник Иван Анофреев. Таким образом, недоход Соли Камской составил около 49 рублей.

Кроме проблем с организацией сбора государевых денежных доходов, князю С.Ю. Вяземскому в 1607 г. не удалось устроить и Соликамский ям [25]. В феврале 1608 г. князя С.Ю. Вяземского на должности приказного человека Пермь Великой сменил Федор Петрович Акинфов [21, с. 105], а князь С.Ю. Вяземский вместе с сыном перешел на сторону Лжедмитрия II, в январе 1609 г. после сражения во главе тушинского войска с нижегородцами попал в плен [1, № 136, с. 158] и был повешен «без государева ведома» [17, с. 86].

Результаты. Решение научной проблемы, обозначенной А.С. Лаппо-Данилевским и М.М. Богословским, о сложностях классификации сборов и пошлин заключается не в широком территориальном и временном охвате, как это сделали исследователи, попытавшись создать представление обо всем XVII в. в масштабах Московского государства или обширной территории Русского Се-

вера, а в поэтапном систематическом изучении отдельных регионов в конкретные исторические периоды. Тогда реально установить и размеры налоговых сборов по их разновидностям, постоянству и формам уплаты, и их динамику в зависимости от конкретных исторических условий и правительственной политики. Можно согласиться с мнением А.А. Космовской, что даже выстроив график прихода и расхода в местной казне за весь XVII в., разделив доходы на окладные и неокладные, «информация не будет слишком полезной», поскольку «нужно учитывать инфляционные процессы», налоговые реформы и региональные особенности порядка фиксации конкретных сборов в учетной документации в разные исторические периоды [13, с. 14].

Исследование показало, что в начале XVII в. на законодательном уровне в системе налогообложения в Перми Великой произошли важные изменения: в 1606 г. по вопросам сбора судебных пошлин было велено руководствоваться общерусским Судебником. Предположительно, речь идет о Судебнике 1606 г., и в этом вопросе необходимо специальное исследование всех сохранившихся списков. Данная судебная реформа не только создавала единое правовое поле в трех уездах (Чердынском, Кайгородском и Соликамском), но и сделала шаг в сторону централизации Российского государства. Одновременно с Судебником продолжала действовать Великопермская уставная грамота: в 1607 г. в соответствии с ней было указано собирать таможенные пошлины. Чрезвычайный налог за ратных людей запрашивался специальными указными грамотами на ближайшие 3 месяца. В начале XVII в. Кайгородский уезд еще продолжал административно интегрироваться в состав Перми Великой, самостоятельный упрощенный порядок налогообложения в нем получила Зюздинская волость.

Сбор налогов и делопроизводство осуществлялись по установившейся практике. На уездном уровне земские старосты, судьи, дьячки, таможенные головы, таможенные и кабацкие целовальники вели книги сборов и пошлин по их разновидностям, приказные люди Перми Великой запрашивали эти книги для сверки вместе с собранными деньгами, составляли сметные списки с указанием видов и сумм сборов. Смет-

ные списки и государевы денежные доходы отвозились в Москву в Нижегородский четвертной приказ, а после его реорганизации, с 1 сентября 1605 г., – в Новгородский четвертной приказ. Принявшие деньги дьяк или подьячий приказа должны были сделать отметку на втором экземпляре отписки пермского приказного в качестве подтверждения факта передачи конкретной суммы. Отписку следовало хранить в местной приказной или земской избе в зависимости от того, где служил человек, отвозивший сборы. Учет поступлений и недоимок по окладным и неокладным сборам осуществлялся раздельно. При необходимости дьяки четвертного приказа проводили ревизии: запрашивали для сверки все вышеуказанные документы, включая первичные книги.

Дьяки четвертного приказа в Москве осуществляли общее управление и контроль за сборами налогов. На приказном человеке Перми Великой лежала финансовая и личная ответственность за своевременность отправки сборов в Москву и недобор. Деятельность местных выборных должностных лиц была под контролем приказного человека Перми Великой, но в административном и финансовом отношении они подчинялись дьякам четвертного приказа. В случае неисполнения государевых указов выборными должностными лицами на местах приказный человек мог только уведомить об этом дьяков четвертного приказа в Москве, но не принимать самостоятельные решения о мерах их наказания.

Общей суммы ежегодных сборов государевых доходов Перми Великой начала XVII в. выяснить не удастся ввиду утраты прихода-расходной и отчетной документации как великопермской канцелярии, так и в московских приказах за этот период, в нашем распоряжении лишь упоминания отдельных сумм некоторых видов пошлин в сохранившейся деловой переписке.

Установлено, что в период с 1605 по 1608 г. в Перми Великой собирали окладные денежные сборы: данные, оброчные, кормовые, кабацкие деньги, таможенные сборы, за посадские службы, за сибирские отпуски, за бобровые гоны, рыбные ловли; и неокладные денежные доходы: с судебных дел, пятенные, убранные, искунные, с продажных земель и дворов, записные пошлины, с новоженых,

с рыбной ловли, таможенные сборы. Таможенные сборы и сборы за рыбные ловли были как окладные, так и неокладные. В 1607 г. собирались чрезвычайные запросные сборы – за ратных людей. Вероятно, этим списком разновидностей сборов не ограничивались. Дальнейшее изучение актового материала может дать дополнительную информацию об этом.

Финансовый год заканчивался вместе с календарным 1 сентября, государственные доходы в Москву предписывалось отвозить 1 раз в год. В самой Перми Великой государственные денежные доходы собирали дважды в год, а с переходом на режим военного времени и введением дополнительных денежных сборов за ратных людей – трижды, рубежом были 1 января, 1 марта, 1 сентября; при необходимости – 4 раза.

В Перми Великой в 1603–1608 гг. возникали проблемы с недоимками, что могло иметь разные причины. Так, подозрения о присвоении денежных средств падали на дьяков и подьячих четвертных приказов, земских старост и целовальников, земских посыльных, имели место и материальные затруднения у населения, особенно при введении дополнительных запросных сборов. К сожалению, сохранившиеся документы не всегда дают однозначный ответ об этом.

В целом, судя по строгому контролю за суммами и регулярностью налоговых поступлений в Новгородском четвертном приказе, денежные доходы Перми Великой в начале XVII в. являлись важным источником пополнения государственной казны в условиях мирного и особенно военного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1841. 438 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской Академии наук: в 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1836. 392 с.
3. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: в 2 т. Т. 2: Деятельность земского мира; Земство и государство. М.: Изд. Императ. о-ва ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1912. 311 с.
4. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
5. Дмитриев А. А. Первые годы после Ермака и Смутное время // Пермская старина: сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Перм. крае. Вып. VI. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1895. С. 1–128.
6. Дмитриев А. А. Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. // Пермская старина: сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Перм. крае. Вып. 3. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1891. С. I–XXVII; 1–159.
7. Дмитриев А. А. Древняя Пермь Великая в современном научном освещении // Пермская старина: сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Перм. крае. Вып. I. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889. С. 1–186.
8. Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2003. 218 с. URL: https://statehistory.ru/books/S-N—Kisterev_Normativnye-dokumenty-tamozhennykh-uchrezhdeniy-gorodov-Ustyuzhskoy-chetverti-kontsa-XVI—nachala-XVII-veka/122
9. Ключевский В. О. Курс русской истории // Собрание сочинений. В 9 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 414 с.
10. Космовская А. А. Местное население и воеводы Пермского Прикамья: институциональный анализ взаимоотношений // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 4 (39). С. 5–14.
11. Космовская А. А. Эффективность налоговой политики Московского государства (проблемы недоимочности в Соликамском уезде в XVII–XVIII веках) // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 4 (43). С. 77–87.
12. Космовская А. А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2015. 254 с.
13. Космовская А. А. Расходы местных учреждений Прикамья в XVII в. // Былые годы. 2022. № 17 (1). С. 6–16. DOI: 10.13187/bg.2022.1.6
14. Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразования. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 566 с.
15. Лисейцев Д. В. Нижегородская четь начала XVII в.: спорные вопросы истории четвертных приказов // Мининские чтения: тр. науч. конф. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 130–138.

16. Назаров В. Д. Палеографический и текстологический анализ списков Сводного Судебника // Вестник Московского университета. Серия IX, История. 1967. № 1. С. 54–76.
17. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. 1-я половина. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. С. 23–154.
18. Отписка кайгородского земского судьи Х. Светлокова и бывшего старосты А. Максимова в Чердынь (приказному человеку) князю С.Ю. Вяземскому о посылке к нему... судебных пошлин, 1608 г. (между 15–22 янв.) // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 71. 3 сст.
19. Писцовая книга Чердыни с уездом писцов Ивана Яхонтова и Михаила Кайсарова 1579 г. // Писцовые книги Соликамска и Чердыни (Рукопись, список XIX в.). Российская государственная библиотека. Рукописная коллекция Н.П. Румянцева. Ф. 256. № 306. Л. 13–46. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/piscovye-knigi-solikamska-i-cherdyni-spisok-s-perepisnyh-knig-gorodov-solikamska-i-cherdyni-s-uezdami-uchinennyh-piscami-ivanom-yahontovym-7087-1579-i-mihailom-kaysarovym-s-tovarishchi-7151-i-7152-1623-i-1624-godov>
20. Писцовая книга Яхонтова 1579 года по городу Усолью Камскому и Усольскому уезду // Пермская старина: сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Перм. крае. Вып. 3. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1891. С. 161–176.
21. Рыбалко Н. В. Управление в Перми Великой конца XVI – начала XVII века: от приказных людей к воеводской власти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>
22. Рыбалко Н. В. Челобитные пермичей 1605–1608 годов как источник по истории центрального и местного управления Московского государства (по материалам Соликамского архива) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 5. С. 68–83. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.5>
23. Рыбалко Н. В. Указные грамоты из московских четвертных приказов в Пермь Великую 1605–1608 гг. // Шмидтовские чтения. Вып. I. Сигурд Оттович Шмидт. Педагог. Ученый. Просветитель: к 100-летию со дня рождения: сб. ст. по материалам Междунар. конф. М.: ИЦ РГГУ, 2023. С. 179–183.
24. Рыбалко Н. В., Дмитриева Е. Г. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 гг.): монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 354 с.
25. Рыбалко Н. В. Организация обеспечения служилых людей Сибири хлебными запасами на пути из Соли Камской до Верхотурья в 1598–1605 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 5. С. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.2>
26. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смуту начала XVII века. М.: Квадрига: МБА, 2011. 656 с.
27. Сводный судебник // Памятники русского права. Вып. 4. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. С. 482–542.
28. Семенов О. В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. Екатеринбург: Волот, 2008. С. 295–333.
29. Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2006. 292 с.
30. Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 615 с.
31. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
32. Чупова М. Д. Забытые судебники (1589 и 1606/07) // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 2 (123). С. 184–207. DOI: [10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207)
33. Шумилов Е. Н. Тимошка Пермьтин из деревни Пермьяки. Географические названия и фамилии Пермского края. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 272 с.

REFERENCES

1. *Akty istoricheskiye, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu: v 5 t. T. 2 (1598–1613 gg.)* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 2 (1598–1613)]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye.I.V. kantselyari, 1841. 438 p.
2. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arhivakh Rossijskoj imperii arheograficheskoyu ekspediciyeu Imperatorskoj Akademii nauk. V 4 t. T. 2* [Acts Collected from Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye.I.V. kantselyari, 1836. 392 p.
3. Bogoslovsky M.M. *Zemskoye samoupravleniye na Russkom Severe v XVII v.: v 2 t. T. 2: Deyatel'nost zemskogo mira; Zemstvo i gosudarstvo* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the 17th Century. In 2 Vols. Vol. 2. Activities of the zemstvo World; Zemstvo and the State]. Moscow, Izd. Imperat. o-va ist. i drevnostey ros. pri Mosk. un-te, 1912. 311 p.

4. Veselovsky S.B. *Dyaki i podyachie XV–XVII vv.* [Clerks and Sub-Clerks of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 607 p.
5. Dmitriyev A.A. *Pervye gody posle Ermaka i Smutnoye vremya* [The First Years after Yermak and the Time of Troubles]. *Permskaya starina: sb. ist. st. i materialov preimushchestvenno o Perm. kraye. Vyp. VI* [Permskaya Starina. Collection of Historical Articles and Materials Primarily on the Perm Region. Iss. 6]. Perm, Tip. P.F. Kamenskogo, 1895, pp. 1-128.
6. Dmitriyev A.A. *Ekonomicheskiye ocherki Permi Velikoj: Cherdynskij i Solikamskij kraj na rubezhe XVI i XVII vv.* [Economic Essays on Great Perm: The Cherdyn and Solikamsk Regions at the Turn of the 16th and 17th Centuries]. *Permskaya starina: sb. ist. st. i materialov preimushchestvenno o Perm. kraye. Vyp. III* [Permskaya Starina. Collection of Historical Articles and Materials Primarily on the Perm Region. Iss. 3]. Perm, Tip. P.F. Kamenskogo, 1891, pp. I-XXVII; 1-159.
7. Dmitriyev A.A. *Drevnyaya Perm Velikaya v sovremennom nauchnom osveshchenii* [Ancient Perm the Great in Modern Scientific Understanding]. *Permskaya starina: sb. ist. st. i materialov preimushchestvenno o Perm. kraye. Vyp. I* [Perm Starina. Collection of Historical Articles and Materials Primarily on the Perm Region. Iss. 1]. Perm, Tip. P.F. Kamenskogo, 1889, pp. 1-186.
8. Kisterev S.N. *Normativnye dokumenty tamozhennykh uchrezhdenij gorodov Ustyuzhskoj chetverti konca XVI – nachala XVII veka* [Regulatory Documents of Customs Institutions of the Cities of the Ustyug Quarter from the End of the 16th – Beginning of the 17th Century]. Moscow, Drevlehranilishche, 2003. 218 p. URL: https://statehistory.ru/books/S-N—Kisterev_Normativnye-dokumenty-tamozhennykh-uchrezhdeniy-gorodov-Ustyuzhskoj-chetverti-kontsa-XVI—nachala-XVII-veka/122
9. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoj istorii* [Course in Russian History]. *Sobraniye sochineniy. V 9 t. T. 3* [Collected Works. In 9 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1988. 414 p.
10. Kosmovskaya A.A. *Mestnoye naseleniye i voyevody Permskogo Prikamya: institucionalnyj analiz vzaimootnoshenij* [Local Population and Voivodes of the Perm Kama Region: An Institutional Analysis of Relationships]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2017, iss. 4 (39), pp. 5-14.
11. Kosmovskaya A.A. *Effektivnost nalogovoj politiki Moskovskogo gosudarstva (problemy nedoimochnosti v solikamskom uyezde v XVII–XVIII vekah)* [Efficiency of the Tax Policy of the Moscow State (Problems of Arrears in the Solikamsky District in the 17th – 18th Centuries)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2018, iss. 4 (43), pp. 77-87.
12. Kosmovskaya A.A. *Voyevodskoye upravleniye v Permskom Prikamye v konce XVI–XVII vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Voivodeship Administration in the Perm Kama Region in the Late 16th – 17th Centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Perm, Perm. gos. in-t kultury, 2015. 254 p.
13. Kosmovskaya A.A. *Raskhody mestnykh uchrezhdenij Prikamya v XVII v.* [Expenditures of Local Institutions of the Kama Region in the 17th Century]. *Bylye gody*, 2022, no. 17 (1), pp. 6-16. DOI: 10.13187/bg.2022.1.6
14. Lappo-Danilevsky A.S. *Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremeni Smuty do epokhi preobrazovaniya* [Organization of Direct Taxation in the Muscovite State from the Time of Troubles to the Era of Transformation]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1890. 566 p.
15. Liseyev D.V. *Nizhegorodskaya chet nachala XVII v.: spornye voprosy istorii chetvertnykh prikazov* [Nizhny Novgorod Chet at the Beginning of the 17th Century: Controversial Issues in the History of Quarter Prikaz]. *Mininskiye chteniya: tr. nauch. konf* [Minin Readings. Proceedings of the Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNSU, 2007, pp. 130-138.
16. Nazarov V.D. *Paleograficheskij i tekstologicheskij analiz spiskov Svodnogo Sudebnika* [Paleographic and Textual Analysis of the Lists of the Consolidated Judicial Code]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya IX. Istoriya* [Vestnik of the Moscow University. Series 9. History], 1967, no. 1, pp. 54-76.
17. *Novyj letopisec* [The New Chronicler]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisej. T. 14. 1-aya polovina* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14, 1st Half]. Saint Petersburg, Tip. M.A. Alexandrov, 1910, pp. 23-154.
18. *Otpiska kajgorodskogo zemskogo sudyi H. Svetlokov i byvshego starosty A. Maksimova v Cherdyn (prikaznomu cheloveku) knjazju S. Yu. Vyazemskomu o posylke k nemu... sudebnykh poshlin, 1608 g. (mezhd 15–22 yanv.)* [Letter from Kaigorod Zemstvo Judge H. Svetlov and Former Headman A. Maksimov to Cherdyn (Clerk) Prince S. Yu. Vyazemsky About Sending to Him... Court Fees, 1608 (Between January 15–22)]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences], f. 122, inv. 1, no. 71. 3 scrolls.
19. *Piscovaya kniga Cherdyni s uyezdom piscov Ivana Yakhontova i Mikhaila Kajsarova 1579 g.* [Cadastre Book of Cherdyn with the District of Cadastre Scribes Ivan Yakhontov and Mikhail Kaisarov, 1579]. *Piscovye knigi Solikamska i Cherdyni (Rukopis, spisok XIX v.). Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka. Rukopisnaya*

kollekcija N.P. Rumyantseva [Cadastre Books of Solikamsk and Cherdyn (Manuscript, 19th Century List). Russian State Library. Manuscript Collection of N.P. Rumyantseva], f. 256, no. 306, l. 13–46. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/piscovye-knigi-solikamska-i-cherdyni-spisok-s-perepisnyh-knig-gorodov-solikamska-i-cherdyni-s-uezdami-uchinennyh-piscami-ivanom-yahontov-7087-1579-i-mihailom-kaysarovym-s-tovarishchi-7151-i-7152-1623-i-1624-godov>

20. Piscovaya knigya Yakhontova 1579 goda po gorodu Usolyu Kamskomu i Usolskomu uyezdu [Yakhontov's 1579 Cadastre Book for the Town of Usolye-Kama and Usolye District]. *Permskaya starina: sb. ist. st. i materialov preimushchestvenno o Perm. kraje. Vyp. 3* [Permskaya Starina. Collection of Historical Articles and Materials Primarily on the Perm Region. Iss. 3]. Perm, Tip. P.F. Kamenskogo, 1891, pp. 161–176.

21. Rybalko N.V. Upravleniye v Permi Velikoj konca XVI – nachala XVII veka: ot prikaznykh lyudej k voyevodskoj vlasti [Great Perm Governance in the Late 16th – Early 17th Century: From Administrators to Voivodes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

22. Rybalko N.V. Chelobitnye permichej 1605–1608 godov kak istochnik po istorii centralnogo i mestnogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva (po materialam Solikamskogo arkhiva) [Petitions of the Perm People in 1605–1608 as a Source on the History of the Central and Local Government of the Moscow State (By the Materials of the Solikamsk Archive)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 68–83. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.5>

23. Rybalko N.V. Ukaznye gramoty iz moskovskikh chetvertnykh prikazov v Perm Velikuyu 1605–1608 gg. [Decree Charters from Moscow Quarterly Orders to Perm the Great in 1605–1608]. *Shmidtovskie chteniya. Vyp. I. Sigurd Ottovich Shmidt. Pedagog. Uchenyj. Prosvetitel: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya: sb. st. po materialam Mezhdunar. konf.* [Schmidt Readings. Iss. 1. Sigurd Schmidt. Teacher. Scientist. Educator: On the 100th Anniversary of His Birth. Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference]. Moscow, IC RGGU, 2023, pp. 179–183.

24. Rybalko N.V., Dmitriyeva Ye.G. *Solikamskij arkhiv: rekonstrukciya i istochnikovedcheskij analiz (1605–1608 gg.): monografiya* [Solikamsk Archive: Reconstruction and Source Analysis (1605–1608). Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 354 p.

25. Rybalko N.V. Organizaciya obespecheniya sluzhilykh lyudej Sibiri khlebnymi zapasami na puti iz Soli Kamskoj do Verhoturya v 1598–1605 godakh [Organization of Providing State People of Siberia with Grain Reserves on the Way from Sol Kamskaya to Verkhoturys in 1598–1605]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.2>

26. Rybalko N.V. *Rossiyskaya prikaznaya byurokratiya v Smutu nachala XVII veka* [Russian Prikaz Bureaucracy During the Time of Troubles of the Early 17th Century]. Moscow, Quadriga Publ.; MBA, 2011. 656 p.

27. Svodnyj sudebnik [Consolidated Code of Law]. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 4* [Documents of Russian Law. Iss. 4]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. lit., 1956, pp. 482–542.

28. Semenov O.V. Velikopermskaya ustavnaya namestnichya gramota 1553 g. [Great Perm Statutory Viceroyal Charter of 1553]. *Problemy istorii Rossii. Yekaterinburg, 2008. Vyp. 7: Istochnik i yego interpretacii* [Problems of Russian History. Yekaterinburg, 2008. Iss. 7. The Source and Its Interpretations]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2008, pp. 295–333.

29. Semenov O.V. *Stanovleniye i evolyuciya sistemy mestnogo upravleniya na Urale vo vtoroj polovine XV – pervoj polovine XVII v.* [Formation and Evolution of the Local Government System in the Urals in the Second Half of the 15th – First Half of the 17th Century]. Yekaterinburg, Bank kultur. inform., 2006. 292 p.

30. Grekov B.D., ed. *Sudebniki XV–XVI vekov* [Codes of Law of the 15th – 16th Centuries]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952. 615 p.

31. Tikhomirov M.N., Yepifanov P.P. *Sobornoye ulozheniye 1649 goda* [The Cathedral Code of 1649]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 444 p.

32. Chupova M.D. Zabytye sudebniki (1589 i 1606/07) [Forgotten Codes of Law (1589 and 1606/07)]. *Lex Russica (Russkij zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 2017, no. 2 (123), pp. 184–207. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207

33. Shumilov Ye.N. *Timoshka Permitin iz derevni Permyaki. Geograficheskiye nazvaniya i familii Permskogo kraja* [Timoshka Permitin from the Village of Permyaki. Geographical Names and Surnames of the Perm Region]. Perm, Perm. kn. izd-vo, 1991. 272 p.

Information About the Author

Natalia V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Рыбалко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.15>

UDC 339.543(470.324)“16”

LBC 63.3(2)45-2ю11

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 06.12.2025

VORONEZH CUSTOMS AND TAVERN BOOKS OF THE 50–70s OF THE 17th CENTURY AS A HISTORICAL SOURCE

Alexey I. Razdorsky

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
National Library of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Customs and tavern books are the main mass sources on the history of trade, customs, and the drinking business of the 17th – the first half of the 18th century. In Voronezh, one of the largest cities in southern Russia, 18 such documents have been preserved. The article analyzes the structure and content of ten Voronezh customs and tavern books in the 50s and 70s of the 17th century, which have so far been ignored in Russian historiography. *Methods and materials.* The Voronezh customs and tavern books, which are kept in the Russian State Archive of Ancient Acts and the Department of Manuscripts of the Russian State Library, have been scanned. Their analysis was carried out using traditional methods of historical source studies: historical-diplomatic, historical-comparative, and historical-typological. *Analysis.* The information available in Voronezh customs records is extremely concise and contains only summary reports on the amounts collected from traders. Based on these data, it is possible to trace seasonal fluctuations in the activity of the local market. In addition, the weather indicators of customs collection are comparable in dynamics and comparable with similar data for other cities, which makes it possible to indirectly assess the scale of trade carried out in Voronezh. The records of the tavern business are more detailed and allow you to establish the volume of production and sale of alcoholic beverages, their cost, selling prices, and the size of the drinking profit. *Results.* An analysis of Voronezh customs and tavern books indicates that, firstly, these documents, which even belonged to the same region and were compiled in neighboring cities, usually had more or less significant differences in their formulas and, secondly, that the local traditions of maintaining customs and tavern books were characterized by significant stability.

Key words: customs books, tavern books, source studies, archeography, Voronezh.

Citation. Razdorsky A.I. Voronezh Customs and Tavern Books of the 50–70s of the 17th Century as a Historical Source. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 182–190. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.15>

УДК 339.543(470.324)“16”

ББК 63.3(2)45-2ю11

Дата поступления статьи: 18.08.2025

Дата принятия статьи: 06.12.2025

ВОРОНЕЖСКИЕ ТАМОЖЕННЫЕ И КАБАЦКИЕ КНИГИ 50–70-х гг. XVII в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Алексей Игоревич Раздорский

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Таможенные и кабацкие книги – основные массовые источники по истории торговли, таможенного и питейного дела XVII – первой половины XVIII века. По Воронежу – одному из крупнейших городов юга России – сохранилось 18 таких документов. В статье проанализированы структура и содержание десяти воронежских таможенных и кабацких книг 50–70-х гг. XVII в., которые до сих пор были обойдены вниманием в отечественной историографии. *Методы и материалы.* Произведен полистный просмотр воронежских таможенных и кабацких книг, хранящихся в Российской государственной библиотеке. Их анализ проведен

с применением традиционных методов исторического источниковедения: историко-дипломатического, историко-сравнительного, историко-типологического. *Анализ.* Сведения, имеющиеся в воронежских таможенных записях, предельно лаконичны и содержат только итоговые сводки о суммах, собранных с торгующих. На основании этих данных можно проследить сезонные колебания в деятельности местного рынка. Кроме того, погодные показатели таможенного сбора сравнимы между собой в динамике и сопоставимы с аналогичными данными по другим городам, что дает возможность косвенным образом оценить масштабы торговли, производившейся в Воронеже. Записи о кабацком деле более подробны и позволяют установить объемы производства и реализации алкогольных напитков, их себестоимость, отпускные цены и размеры питейной прибыли. *Результаты.* Анализ воронежских таможенных и кабацких книг свидетельствует о том, что, во-первых, эти документы, относившиеся даже к одному региону и составленные в соседних городах, имели, как правило, более или менее существенные различия в своем формуляре и, во-вторых, что местные традиции ведения таможенных и кабацких книг отличались значительной устойчивостью.

Ключевые слова: таможенные книги, кабацкие книги, источниковедение, археография, Воронеж.

Цитирование. Раздорский А. И. Воронежские таможенные и кабацкие книги 50–70-х гг. XVII в. как исторический источник // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 182–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.15>

Введение. Таможенные книги – приходо-расходные документы финансового характера, содержащие сведения о сборе таможенных пошлин с торгующих, и расходах, произведенных из полученных сумм на различные казенные нужды (в том числе на обеспечение деятельности таможен, в которых они составлялись), являются основным массовым источником по истории торговли России раннего Нового времени. Эти документы, возникшие еще в XVI в. (самая ранняя дошедшая до наших дней таможенная книга датируется 1599 г. [13]), бытовали вплоть до середины 50-х гг. XVIII столетия, когда их ведение прекратилось вместе с упразднением внутренних таможен в ходе таможенной реформы 1753–1757 годов. За полтора столетия сохранилось свыше 4 тыс. таможенных книг по более чем 300 населенным пунктам европейской части России и Сибири [12]. Взимание таможенных пошлин в русских городах в большинстве случаев было совмещено со сбором питейной прибыли, получаемой от реализации алкогольных напитков населению. Данные на этот счет заносились в особые кабацкие книги (или, как они официально назывались после 1653 г., книги кружечных дворов), которые нередко составляют с таможенными книгами общие комплексы казенной отчетной документации, представлявшей вместе с собранными денежными суммами для проверки в центральные правительственные учреждения (приказы, а позднее в коллегии).

В настоящей статье анализируются таможенные и кабацкие книги Воронежа, который в XVII в. относился к числу важнейших и крупнейших городов на юге России. Согласно подсчетам В.Н. Глазьева, к концу 1670-х гг. в Воронеже имелось в общей сложности свыше 1,5 тыс. дворов посадских и служилых людей, в которых проживало около 9 тыс. чел., при этом с конца 1640-х гг. население города возросло примерно на 2 тыс. жителей [4, с. 84]. Воронеж имел большое значение в южнорусской торговле, в частности в торговых связях с Доном. По этому городу сохранилось 18 таможенных книг, из которых 14 относятся к XVII в. и 4 – к XVIII веку.

Воронежские таможенные книги первой половины 1620-х гг., принадлежащие к числу одних из наиболее ранних дошедших до нас источников данного вида, неоднократно привлекали внимание как историков, так и лингвистов (см., например: [6; 7; 15]). Все четыре книги этого времени опубликованы [8, с. 21–45]. Обращались исследователи и к воронежским таможенным книгам первых двух десятилетий XVIII в., которые хранятся в Государственном архиве Воронежской области (см., например: [5; 9]), опубликован ряд отрывков из этих документов [3, с. 29–34]. В отношении же таможенных книг Воронежа 1650–1670-х гг., которых насчитывается десять, в историографии существует лакуна. Эти источники не были, в частности, использованы Ю.А. Мизисом при подготовке фундамен-

тальной монографии о формировании рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII в. [7]. В.М. Важинский, занимавшийся изучением истории торговли южнорусских городов во второй половине XVII в., воронежские таможенные книги к исследованию также не привлекал, отметив, что они «содержат только глухие записи о суммах собранных пошлин» [1, с. 305]. В данной ситуации актуальной задачей представляется анализ структуры и содержания таможенных книг Воронежа 1650–1670-х гг. с целью определения их источникового потенциала.

Методы и материалы. При подготовке статьи был произведен полистный просмотр всех десяти воронежских таможенных книг указанного хронологического периода: за 1653/54, 1656/57, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1667/68, 1669/70, 1670/71, 1677/78 годы. Девять из них хранятся в Российском государственном архиве древних актов, в том числе восемь в составе книг Денежного стола Разрядного приказа и одна в фонде Сибирского приказа, еще одна книга находится в конвolute, входящем в Музейное собрание Отдела рукописей Российской государственной библиотеки [14]¹. Анализ документов проведен с применением традиционных методов исторического источниковедения: историко-дипломатического, историко-сравнительного, историко-типологического.

Анализ. В первой половине 1620-х гг. в воронежских таможенных книгах в календарном порядке фиксировались поденные записи, в которых указывались дата явки в таможене, пункт, откуда прибыл торговец, его имя и фамильное прозвище или отчество, название и количество товара и сумма взятых пошлин. Например: «Июля в первыи на десять дн приехал ис Курско Дружино Москвитин, товару у нег[о] восм пуд пороху, пошлин взято тритцать алтын три алтына две де[ньги]», «Июля в восмыи на десят дн приехал з Данково Хорлан Никитин, товару у него двенатцать мешков соли, пошлин взято шеснатцать алт[ы]н четыре де[ньги]» [8, с. 22]. Такой формуляр в целом более или менее сходен с формуляром записей, встречающихся в таможенных книгах большинства других городов, но при этом воронежский имеет свою спе-

цифику. Во-первых, в таможенных записях чаще всего указывалось место жительства торговца, а не пункт, откуда он приехал (как в воронежских записях), и, во-вторых, в книгах обычно показывалась таможенная оценка зарегистрированной товарной партии, чего воронежские таможенники первой половины 1620-х гг. не делали (хотя на практике такую оценку, на основании которой взимались пошлины с торгующих, они, разумеется, производили).

К 1650-м гг. формуляр записей, включенных в таможенные книги Воронежа, претерпел радикальные изменения. Определить, когда именно это произошло, у нас нет возможности, так как в ряду воронежских книг между 1622/23 и 1653/54 гг. лежит тридцатилетняя лакуна. Суть произошедших перемен сводится к следующему. Поденные записи, содержащие сведения об отдельных торговцах и товарных партиях, в таможенные книги перестали заноситься, и вся информация о ходе таможенного сбора была сведена к обобщенным итоговым сводкам с указанием сумм, поступивших в течение месяца со всех оптовых товарных партий стоимостью свыше 1 руб. («пошлинные деньги»), с розничного торгова («ящичный сбор»), с продавцов и покупателей лошадей, а также с лиц, изготовлявших частным образом для домашнего потребления пиво и кислый мед («явочные деньги»). При этом сумма конских пошлин в течение месяца в одних книгах показана отдельно, в других же объединена вместе с пошлинными и явочными деньгами.

Таким образом, получить сколько-нибудь подробную информацию о состоянии торговли Воронежа за 1653/54–1670/71 гг. на основании таможенных книг этого города указанного хронологического периода невозможно. Воронежские таможенники, максимально упростив для себя ведение отчетной документации, фактически лишили будущих историков ценнейшего источника сведений на этот счет. Вместе с тем даже тот минимум данных, который присутствует в рассматриваемых документах, все же можно попытаться использовать. Во-первых, на основании помесечных итоговых сводок о суммах таможенного сбора реально проследить сезонные колебания в торговой деятельности (чем выше сбор, тем

больше товаров в стоимостном выражении поступало на рынок). Во-вторых, погодные показатели таможенного сбора можно сравнить между собой в динамике, а кроме того, сопоставить с аналогичными данными по другим городам, что даст возможность хотя бы косвенным образом оценить масштабы торговли, производившейся в Воронеже. Такого рода подсчеты по материалам воронежских таможенных книг 1653/54–1670/71 гг., насколько нам известно, до сих пор не предпринимались. При этом следует учитывать, что показатели о суммах собственно таможенного сбора («пошлинных денег»), приведенные в воронежских источниках, «загрязнены» объединенными с ними сведениями о поступлении «явочных денег» и (в некоторых случаях) пошлин с конского торгога. Однако, принимая во внимание сравнительно небольшую долю, приходившуюся на эти сборы относительно общего таможенного дохода, основные тенденции в динамике торговой активности уловить все же вполне возможно.

8 июля 1671 г. воеводе Белгородского полка Глебу Степановичу Юрьеву из Москвы была послана грамота, которая предписывала усилить контроль за поступлением таможенных и питейных доходов в городах Белгородского разряда (к числу которых относился и Воронеж) и, в частности, более детально фиксировать приход и расход казенных сумм в таможенных и кабацких книгах. После этого структура воронежских таможенных записей претерпела определенные изменения. В книге 1677/78 г. помимо итоговых сводок о суммах пошлинных и явочных денег, собранных за месяц, присутствуют и поденные записи о поступлении этих доходов, при этом суммы конского сбора отдельно не выделены (например: «Ноября с первого числа декабря по первое число собрано пошлинных и явочных деняг и конских пошлин восемьдесят два рубли десять алтын чатыря денги»). Однако возвращения к формуляру записей 1620-х гг., в которых содержалась предметная информация о торговцах и товарах, так и не произошло.

В воронежской таможенной книге 1677/78 г. имеется особый раздел, которого нет в источниках более раннего времени. В нем зарегистрированы таможенные выписи, выданные торговцам, отправлявшимся с товарами на Дон

(«в донской отпуск»). Везли они туда преимущественно хлебное вино, закупленное на воронежском кружечном дворе. Всего в данный раздел, насчитывающий 15 листов (л. 1246–1260), внесено 79 записей. Типичная запись выглядит следующим образом: «Сентября в 20 день дана выпись воронежскому посацкому человеку Афанасью Савостьянову в донской отпуск в бударе на двесте на сорок на один рубль на шеснатцать алтын на чатыря денги, да он же, Афанасей, взял с воронежского кружечного двора дватцать семь ведр вина повольною ценою по чатырнатцати алтын по две денги ведро» [14, X, л. 1246].

Таможенные записи в воронежских книгах рассматриваемого периода объединены с записями о поступлении питейных доходов, которые значительно более пространны и подробны. В книгах 1653/54–1670/71 гг. приведены итоговые сводки за каждый месяц, в которых показан объем проданного вина в ведра, в кружки (1/10 ведра) и в чарки (1/100 ведра), отпускная цена ведра и полученный доход, а также данные о производстве и реализации кислого меда и пива с указанием расходов на изготовление этих напитков (объем и стоимость сырья – меда, хлеба, хмеля, выплаты наемным работникам, покупка дров), объеме выработки и реализации готовой продукции, ее себестоимости, отпускных ценах и полученном доходе. В книге 1677/78 г. данные о реализации питей, как и сведения о поступлении таможенных сборов, приведены по дням. Например: «Сентября в 18 день продано куреного вина в чарки две четверти с осмушкою. Того ж числа продано приимочного вина в кружки и в четверти и полуведра ведро. Того ж числа собрано пошлинных и явочных деняг девять алтын з денгою» [14, X, л. 1175].

Отдельные записи о производстве кислого меда и пива выглядят, например, следующим образом (цитируем книгу 1677/78 г.): «Октября с первого числа ноября по первое число ставлено меду две ставки, а в ставки по полтора пуда, куплен тот мед по дватцати по одном алтыну пуд, а на тот мед изошло хмелю и дров, работнику и водовозу пять алтын чатыря денги, и с тех ставок вышло кислого меду дватцать ведр две четверти с полуосмушкою, а в ставки тот кисло[й] мед пришол по три алтына по две денги ведро, про-

дан тот кислой мед по шти алтын по чатыря денги ведро, прибыли у ведра великому государю по три алтына по две денги, и с тех ставок вышло воску пять гривенак и две четверти» [14, X, л. 1184]; «Генваря с первого числа февраля по первое число затирано пива адна варя, а в ней солоду семь чети, на ту варю изашло хмелю и дров и работником сорок три алтына две денги, и с той вари вышло пива восемьдесят шесть ведр адна четверть, а с вари то пива пришло по десяти денег ведро, продано то пива по три алтына по две денги ведро, прибыли у ведра великому государю по десяти денег» [14, X, л. 1202].

Таким образом, рассматриваемые источники дают возможность составить довольно полное представление о состоянии питейного дела в Воронеже в 1650–1670-е годы. На основании этих документов можно установить объемы продажи алкогольных напитков, их себестоимость, отпускные цены и размер полученного казенного питейного дохода, а также объемы выработки пива и кислого меда.

Содержащиеся в воронежских книгах материалы позволяют сделать ряд интересных наблюдений, касающихся истории питейного дела как в Воронеже, так и на юге России в целом. Во-первых, в Воронеже, в отличие, например, от Курска и Белгорода, в 1650–1670-е гг. основной объем хлебного вина, сбывавшегося на кружечном дворе, выкуривался на местных казенных винокурнях (в источниках упоминаются «верхняя» и «нижняя» винокурни), а не закупался у частных подрядчиков. Данный факт особо показателен в связи с тем, что во второй половине XVII в. казенное винокурение в России оказалось в кризисе, во многих городах «государевы» винокурни приходили в упадок и прекращали свое существование (см. об этом: [2, с. 45]). Во-вторых, в Воронеже имело место казенное производство и реализация пива, чего в рассматриваемый период совершенно не было в Белгороде и почти не было в Курске (факты пивной продажи отмечены в этом городе только в начале 1620-х и в первой половине 1650-х гг.). При этом выработка пива, в отличие от кислого меда, осуществлялась в Воронеже не каждый месяц. Весьма любопытны данные об отпускных ценах на хлебное вино, сбывавшееся на воронежском кружечном дворе в период фи-

нансового кризиса, связанного с обесцениванием медных денег. В ноябре 1658 г. стоимость ведра вина в продаже составляла здесь (в зависимости от формы отпуска в мелкий и крупный розлив) от 80 коп. до 1 руб., в ноябре 1660 г. – 2 руб., в январе 1661 г. – 4 руб., в декабре того же года – 5 руб., в мае 1662 г. – 8 рублей. Примечательно, что отпускная цена кислого меда в это время оставалась неизменной (20 коп. за ведро).

Заключительную часть воронежских таможенных и кабацких книг составляет расходный раздел, в котором приведены записи о произведенных из собранных денежных сумм расходах на обеспечение деятельности таможни (покупка писчей бумаги, свечей для освещения и дров для отопления таможенной избы, сена для казенной лошади), а также на ремонт казенных винокурен, приобретение питейного инвентаря и др. Формуляр записей предельно краток: указана дата покупки, название и количество товара и его цена.

В некоторых книгах приведены записи об отпуске денежных средств на различные казенные расходы, которые производились на основании полученных государевых грамот и воеводских наказных памятей. Так, 7 апреля 1654 г. из таможенной и питейной прибыли было выдано 9 руб. трем людям, «что послонны в донскую посылку в гребцах з донскими козоки», а 20 мая того же года – 151 руб. на жалованье воронежским стрельцам и казакам. В мае же 1654 г. с кружечного двора было отпущено два ведра вина и два полотна ветчины дьякону Петру Захарьеву, который послан «на Дон в войска для церковных службы». В расходном разделе книги 1669/70 г. зафиксирована выплата 400 руб. на жалованье воронежским стрельцам и 5 руб. на жалованье же попу соборной Благовещенской церкви Евтропию, там же говорится о выделении и отправке в Новый Оскол в полк Г.Г. Ромодановского 600 руб. (для перевозки денег была нанята подвода за 1 руб.).

Подобные записи не всегда заносились в расходный раздел. Так, в книге 1657/58 г. их не имеется, но есть отметка, в которой сказано: «А что по твоим государевым указным грамотам и по памятям воеводы за ево руками каму что выдано государева жалованья и с таможенного и кружечного двора даходов

и таму расходу привезены те воеводския памети каму что выдоно и то писано в паметях» [14, III, л. 49 об. – 50].

Воронежские таможенные и кабацкие книги, как и другие подобные документы, являются также ценными источниками по истории таможенного и питейного дела, в частности в них зафиксированы имена выборных «верных» голов, отвечавших за сбор таможенного и питейного дохода. В начале книги обычно приведены записи, в которых зафиксирован прием казенных запасов (в том числе алкогольных напитков), полученных «в завод» от предыдущего головы, иногда отмечена также их передача новому голове. Поэтому, помимо действующего головы в одной книге могут быть упомянуты также его предшественник и сменщик. По данным воронежских книг 1653/54–1677/78 гг. установлены имена 13 голов, их перечень приведен в приложении к настоящей статье. Сам перечень может быть впоследствии дополнен за счет привлечения информации, содержащейся в приходо-расходных книгах Разрядного приказа, а биографические данные о головах – за счет данных, имеющихся в переписных книгах, десятиных и других источниках.

Результаты. Выполненный обзор структуры и содержания воронежских таможенных и кабацких книг 50–70-х гг. XVII в. в очередной раз подтверждает уже не раз высказывавшееся автором представленной работы мнение о том, что, во-первых, подобные документы, относившиеся даже к одному региону и составленные в соседних городах, имели, как правило, более или менее существенные различия в своем формуляре (это следует из сравнения воронежских источников с курскими и белгородскими; см., например: [10; 11]) и, во-вторых, что местные традиции ведения тамо-

женных и кабацких книг отличались значительной устойчивостью и их не могли сколько-нибудь существенно изменить даже указания центральных властей, направленные на унификацию и повышение степени подробности этих документов (отметим в этой связи, что проведение кабацкой реформы 1652 г., таможенной реформы 1653 г. и принятие Новоторгового устава в 1667 г. фактически не оказали сколько-нибудь заметного влияния на принятую на местах практику составления таможенной и кабацкой документации).

Воронежские таможенные записи отличается предельная лаконичность. Вместе с тем содержащаяся в них информация о размерах таможенных сборов способна хотя бы косвенным образом дать представление о масштабе и динамике происходивших в городе торговых операций. Материалы о производстве и реализации алкогольной продукции, имеющиеся в этих источниках, более подробны и позволяют выполнить сравнительно полный анализ состояния питейного дела в Воронеже в рассматриваемый период.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Таможенные и кабацкие книги Воронежа – I. 1653/54 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 6-ж (Книги Денежного стола). Кн. 104. Л. 1–53; II. 1656/57 г. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 405. Л. 5–41; III. 1657/58 г. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 319. Л. 4–50; IV. 1658/59 г. Там же. Кн. 342. Л. 4–53; V. 1660/61 г. Там же. Кн. 329. Л. 3–29; VI. 1661/62 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 178. № 9988. Л. 1–26; VII. 1667/68 г. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 189. Л. 111–121; VIII. 1669/70 г. Там же. Кн. 356. Л. 72а–117; IX. 1670/71 г. Там же. Кн. 354. Л. 257–307; X. 1677/78 г. Там же. Кн. 371. Л. 1169–1264.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Головы таможи и кружечного двора Воронежа 1653/54–1677/78 гг.
(по данным воронежских таможенных и кабацких книг)**

**Heads of Voronezh customs and drinking yard 1653/54–1677/78
(according to Voronezh customs and tavern books)**

1652/53 г.	Асминин Сергей
1653/54 г.	Прибытков Мина сын Иванов
1655/56 г.	Павлов Левонтий сын Иванов
1656/57 г.	Кочапин Тимофей сын Игнатъев
1657/58 г.	Митрофанов Петр сын Тимофеев
1658/59 г.	Донской Тимофей сын Анофриев
1659/60 г.	Шишкин Леонтий (Левонтий) сын Прокофьев
1660/61 г.	Горожанкин Сидор сын Лукьянов
1661/62 г.	Дмитриев Федор сын Мартинов
1667/68 г.	Петров Семен
1669/70 г.	Дмитриев (Дмитреев) Федор сын Мартинов, воронежский сын боярский
1670/71 г.	Струков Федор сын Григорьев, воронежский сын боярский
1677/78 г.	Полозов Никита

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Важинский В. М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России: сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М.: Наука, 1966. С. 298–307.
2. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России, вторая половина XVII – первая половина XVIII в.: Винокурное производство. М.: Наука, 1979. 335, [1] с.
3. Воронежский край в XVIII веке: Документы и материалы по истории края / сост. и авт. пояснит. текста В. М. Проторчина. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 176 с.
4. Глазьев В. Н. Города на юге России в XVII веке: состав и численность населения // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 80–85.
5. Жиброва Т. В. Записная книга таможенных сборов по г. Воронежу за 1705 год как исторический источник // Белгородская черта: сб. ст. и материалов по истории Белгород. оборонит. черты. Вып. 5. Белгород: Константа, 2020. С. 161–166.
6. Жиброва Т. В. Книги кабацкие и таможенные Воронежского уезда XVII века // Край Воронежский: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2009. С. 23–28.
7. Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Юлис, 2006. 815 с.
8. Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М.: Наука, 1982. 343 с.
9. Проторчина В. М. Торговые связи Воронежа по таможенной книге 1706 года // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 93–103.
10. Раздорский А. И. Белгородские таможенные и кабацкие книги XVII века // Белгородская черта: сб. ст. и материалов по истории Белгород. оборонит. черты. Вып. 3. Белгород: Константа, 2018. С. 114–123.
11. Раздорский А. И. Таможенные книги Курска XVII века // Источниковедение: поиски и находки: сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. С. 79–100.
12. Раздорский А. И. Таможенные книги России XVI–XVIII вв.: количественный, хронологический и географический состав // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX веках : сб. науч. тр. Новосибирск: Издат.-полиграф. центр Новосиб. гос. ун-та, 2023. С. 9–34.
13. Раздорский А. И. «Того ж дни продал старорушанин два луба соли без розмеры»: Таможенная книга Моревской слободы 1599 г. // Исторический архив. 2011. № 5. С. 155–171.
14. Таможенные и кабацкие книги Воронежа 1653/54–1677/78 гг. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 104, 189, 319, 329, 342, 354, 356, 371; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 405; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178. № 9988.
15. Чистякова Е. В. Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в. // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж, 1954. Т. 25. С. 46–62.

REFERENCES

1. Vazhinskij V.M. Torgovyje svyazi juzhnyh gorodov Rossii v tretyej chetverti XVII v. [Trade Relations of the Southern Cities of Russia in the Third Quarter of the 17th Century]. *Goroda feodalnoj Rossii: sb. st. pamjati N. V. Ustjugova* [Cities of Feudal Russia. Collection of Articles in Memory of N.V. Ustyugov]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 298-307.
2. Volkov M.Ja. *Očerki istorii promyslov Rossii, vtoraja polovina XVII – pervaja polovina XVIII v. Vinokurennoye proizvodstvo* [Essays on the History of Russian Crafts, the Second Half of the 17th – First Half of the 18th Century. Distillery Production]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 335, 1 p.
3. Protorchina V.M., ed. *Voronezhskij kraj v XVIII veke. Dokumenty i materialy po istorii kraja* [Voronezh Region in the 18th Century. Documents and Materials on the History of the Region]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1980. 176 p.
4. Glazyev V.N. Goroda na juge Rossii v XVII veke. Sostav i chislennost naselenija [Cities in the South of Russia in the 17th Century. Composition and Population]. *Vestnik VGU. Serija Istorija. politologija. sociologija* [Bulletin of Voronezh State University. Series History. Political Science. Sociology], 2020, no. 2, pp. 80-85.
5. Zhibrova T.V. Zapisnaja kniga tamozhennyh sborov po g. Voronezhu za 1705 god kak istoricheskij istochnik [The Register of Customs Duties in Voronezh for 1705 as a Historical Source]. *Belgorodskaja cherta: sb. st. i materialov po istorii Belgorod. oboronit. cherty. Vyp. 5* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Iss. 5]. Belgorod, Konstanta Publ., 2020, pp. 161-166.

6. Zhibrova T.V. Knigi kabackiye i tamozhennye Voronezhskogo uezda XVII veka [Tavern and Customs Books of the Voronezh District of the 17th Century]. *Kraj Voronezhskij: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 5* [Voronezh Region. Interuniversity Collection of Scientific Papers. Iss. 5]. Voronezh, Voronezh. gos. ped. un-t, 2009, pp. 23-28.
7. Mizis Ju.A. *Formirovaniye rynka Centralnogo Chernozemja vo vtoroj polovine XVII – pervoj polovine XVIII vv.* [The Formation of the Central Chernozem Region Market in the Second Half of the 17th – First Half of the 18th Centuries]. Tambov, Yulis Publ., 2006. 815 p.
8. Kotkov S.I., Kotkova N.S., eds. *Pamjatniki juzhnovelikorusskogo narechija. Tamozhennye knigi* [Monuments of the South Great Russian dialect. Customs Books]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 343 p.
9. Protorchina V.M. Torgovye svyazi Voronezha po tamozhennoj knige 1706 goda [Trade Relations of Voronezh According to the Customs Book of 1706]. *Istorija zaselenija i hozjajstvennogo osvovenija Voronezhskogo kraja v epohu feodalizma* [The History of Settlement and Economic Development of the Voronezh Region in the Era of Feudalism]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta Publ., 1987, pp. 93-103.
10. Razdorskij A.I. Belgorodskiye tamozhennye i kabackiye knigi XVII veka [Belgorod Customs and Tavern Books of the 17th Century]. *Belgorodskaja cherta: sb. st. i materialov po istorii Belgorod. oboronit. cherty. Vyp. 3* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Issue 3]. Belgorod, Konstanta Publ., 2018, pp. 114-123.
11. Razdorskij A.I. Tamozhennye knigi Kurska XVII veka [Customs Books of Kursk of the 17th Century]. *Istochnikovedeniye: poiski i nakhodki: sb. nauch. tr. Vyp. 1* [Source Studies. Searches and Finds. Collection of Scientific Papers. Iss. 1]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2000, pp. 79-100.
12. Razdorskij A.I. Tamozhennye knigi Rossii XVI–XVIII vv. Kolichestvenny, hronologicheskij i geograficheskij sostav [Customs Books of Russia of the 16th – 18th Centuries: Quantitative, Chronological and Geographical Composition]. *Torgovlja, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI–XX vekakh: sb. nauch. tr.* [Trade, Merchants and Customs Business in Russia in the 16th – 20th Centuries. Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, Izd.-poligraf. tsentr Novosib. gos. un-ta, 2023, pp. 9-34.
13. Razdorskij A.I. «Togo zh dni prodal starorushanin dva luba soli bez rozmary»: Tamozhennaja kniga Morjovskoj slobody 1599 g. [“On the Same Day, an Old Russian Sold Two Barrels of Salt Without Measurements”: Customs Book of Morevskaya Sloboda, 1599]. *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive], 2011, no. 5, pp. 155-171.
14. Tamozhennye i kabackiye knigi Voronezha 1653/54–1677/78 gg. [Customs and Tavern Books of Voronezh]. *Rossiyskij gosudarstvennyy arhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 6-zh, books 104, 189, 319, 329, 342, 354, 356, 371; f. 214, inv. 1, book 405; *Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the State Library of Russia], f. 178, no. 9988.
15. Chistjakova Ye.V. Remeslo i torgovlja na Voronezhskom posade v seredine XVII v. [Craft and Trade on Voronezh Posad in the Middle of the 17th Century]. *Trudy Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Papers of Voronezh State University]. Voronezh, 1954, vol. 25, pp. 46-62.

Information About the Author

Alexey I. Razdorsky, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation; Head of the Federal Center for Regional Studies, National Library of Russia, Sadovaya St, 18, 191069 Saint Petersburg, Russian Federation, razdor@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2506-7714>

Информация об авторе

Алексей Игоревич Раздорский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; руководитель Федерального центра регионалистики, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, razdor@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2506-7714>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.16>

UCD 94(470)“16/18”

LBC 63.3(2)45-2

Submitted: 25.07.2024

Accepted: 28.02.2025

THE SERVICE LAND OWNERSHIP OF OSKOL COUNTY IN THE CONTEXT OF STATE PATROL AND LAND MANAGEMENT SCRIBAL DESCRIPTIONS OF THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

Elena V. Kamarauli

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation;
I.A. Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. Introduction. In line with the social history of the outskirts of the Russian state, the growth of military land ownership in a remote area of the southern borderland – in Oskol County, in the period after the Troubles before the initial stage of construction of the Belgorod line – is studied. For the first time, the dynamics of land development in a county populated almost exclusively by the service class are analysed. **Methods and materials.** The research is based on the application of comparative historical and problem-chronological methods and a systematic approach. It is based on the documents of the Pomestny Prikaz – the patrol and scribe books of the Oskol County, which allow us to study land ownership and land development at the level of two chronological sections: in 1615 and 1643. **Analysis.** The most important land indicators are analysed in comparison of chronological sections at the level of local estates, settlements, camps, and counties to identify factors and trends in the growth of service land ownership and land development in the context of administrative-territorial transformations. **Results.** It has been established that the expansion of the fund of service lands was due to an increase in the number of Oskol service corporations, while government policy after 1615 did not envisage the expansion of land rights of local boyar children. Demographic processes led to the development of the economic potential of the owner's yard, which, coupled with the beginning of peasant settlement of the county, ensured a continuous increase in the ploughing of local lands. **Funding.** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) on the basis of the Bunin Yelets State University.

Key words: southern counties, 17th century, scribal books, land ownership, service class.

Citation. Kamarauli E.V. The Service Land Ownership of Oskol County in the Context of State Patrol and Land Management Scribal Descriptions of the First Half of the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 191–202. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.16>

УДК 94(470)“16/18”

ББК 63.3(2)45-2

Дата поступления статьи: 25.07.2024

Дата принятия статьи: 28.02.2025

СЛУЖИЛОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ОСКОЛЬСКОГО УЕЗДА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОЗОРНЫХ И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ПИСЦОВЫХ ОПИСАНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Елена Владимировна Камараули

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация;
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Исследование выполнено в русле изучения государственной политики по освоению окраин России и превращению их в государственную территорию. Внимание уделено распростране-

нию на южные уезды общегосударственных порядков – правительственных дозоров и писцовых описаний. Вектор изучения направлен на понимание того, как адаптируется в государственных реалиях Юга сложившаяся в центральных уездах практика наделения земель за службу. Исследуется динамика в развитии служилого землевладения на отдаленном от центра участке южного пограничья – в Оскольском уезде, в период после Смуты до начального этапа строительства Белгородской черты. Впервые анализируются факторы земельного освоения, достоверность показателей распаханности сельскохозяйственных угодий в уезде, заселенном исключительно служилыми людьми, без крестьянского населения. *Методы и материалы.* Исследование базируется на применении сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов и системного подхода. В его основе лежат документы Поместного приказа – дозорная книга 1615 г. и писцовая книга 1643 г. Оскольского уезда. *Анализ.* Важнейшие поземельные показатели 1615 и 1643 г. анализируются в сравнении на уровне поместных владений, поселений, станов и уезда для выявления факторов и тенденции роста служилого землевладения и земельного освоения в контексте административно-территориальных преобразований, изменений в системе расселения. *Результаты.* Установлено, что расширение фонда служилых земель было обусловлено увеличением численности оскольской служилой корпорации, в то время как правительственная политика после 1615 г. не предполагала расширения земельных прав местных детей боярских. Естественные демографические процессы привели к развитию хозяйственного потенциала владельческого двора, что вкупе с крестьянским заселением уезда могло обеспечить рост распаханности поместных земель. Рост показателя регулярной распашки был связан также с более точной и реалистичной фиксацией в писцовой книге 1643 г. показателя «пашня паханая». *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Ключевые слова: южные уезды, XVII век, писцовые книги, землевладение, служилые люди.

Цитирование. Камараули Е. В. Служилое землевладение Оскольского уезда в контексте государственных дозорных и землеустроительных писцовых описаний первой половины XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 191–202. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.16>

Введение. В исторической литературе большое внимание уделено хозяйственному освоению южных окраин [1; 5; 12; 16], специфике социальной истории региона, заселяемого как вольным казачеством [10; 13; 18], так и приборными служилыми людьми в городах-крепостях [2; 9; 15; 19, с. 29; 25], строительству Белгородской черты [4; 11; 23; 24]. Слабее изучено проникновение на окраины государственных институтов и порядков, сложившихся в центральных уездах старинного освоения. Эти порядки, распространяясь на пограничные области, претерпевали изменения, адаптировались к реалиям Юга. Перспективным представляется изучение таких трансформаций через призму правительственных мероприятий, дозоров и писцовых описаний, регулировавших сферу служилого землевладения. В конце XVI в. правительство проводило на южном пограничье лояльную к служилым людям земельную политику. В Елецком уезде в 90-х гг. XVI в. дети боярские получили земельные «дачи» по 100–200 четвертей [26, с. 195–208]. После Смуты на Юге, в Воронежском и Ливенском

уездах, земельные дачи помещиков в лучшем случае наполовину соответствовали окладам [7, с. 77; 14], но в Оскольском уезде в 1615 г. за детьми боярскими – однодворцами, преимущественно поверстанными окладами по 100 чети, было укреплено количество земли, равное окладам их поместного жалованья.

Цель исследования – показать вектор развития служилого землевладения в Оскольском уезде в контексте проведения правительственных дозорных и землеустроительных мероприятий. Задачами исследования стали выявление факторов роста землевладения, оценка достоверности сведений источников о распаханности земель и установление возможных искажений при фиксации поземельных показателей. Оставляя за рамками изучение функционирования служилой корпорации, мы проанализировали динамику численности оскольского служилого сообщества, владевшего землями в уезде.

Методы и материалы. Сравнительно-исторический метод позволил изучать служилое землевладение Оскольского уезда на

уровне двух хронологических срезов. Системный подход обеспечил комплексный анализ землевладения как основы социальной истории средневековой России. Проблемно-хронологический метод усилил акцент исследования на хронологии выделяемых этапов. В основу работы легли опубликованные документы Поместного приказа: дозор 1615 г. [20] и писцовая книга 1643 г. [21] Оскольского уезда. Дозор сохранился в списке первой половины XVII в., писцовая книга – в подлиннике. Особенностью дозорных книг была фиксация владений не на основе реального измерения земли, а на основе «сказок» – показаний землевладельцев [27, с. 17]. Публикатор источников, оскольский краевед А.П. Никулов, снабдил материалы комментариями, приведя данные о географии региона, топонимике, особенностях природного ландшафта, составил географический и именной указатели. Поземельные данные публикатором не рассматривались.

Анализ. Изучим численность уездных служилых землевладельцев. По данным дозора в 1615 г. землями владели: 215 детей боярских, включая недорослей и новиков, в том числе с их вдовыми матерями и сестрами-девицами; 1 вдова (без родственников мужчин); 20 станичных атаманов (в деревнях Атаманской, Другой Атаманской); станичные казаки во главе с атаманом П. Денюхиным – 35 человек (в селе Голубино).

При проведении писцового описания 1643 г. в качестве приправочной книги использовался перечневый список с писцовой книги 1626/27–1627/28 гг. (далее – книга 1627 г.), список и книга не сохранились до нашего времени [21, с. 6]. Писцовая книга 1643 г. содержит около 80 отсылок к приправке – перечневому списку с книги 1627 года. По этим отсылкам можно судить о запустении многих поместий к 20-м гг. XVII века. Возвращение таких земельных владений из «пуста» зафиксировано описанием 1643 года.

По некоторым сметам русского войска можно установить, что до начала 30-х гг. XVII в. увеличения оскольской корпорации не происходило. Согласно смете 1631 г. детей боярских осколян было 201 человек [8, с. 102; 30, с. 19], по смете 1632 г. – 249 детей боярских,

станичных атаманов и казаков, испомещенных в уезде: 32 голубинских казака, 20 станичных атаманов [29, с. 66]. Выборных дворян, дворовых и городских детей боярских в Осколе не было [28, с. 25; 29; 30].

По данным писцовой книги в 1643 г. в уезде владели землями 596 человек детей боярских, новиков и недорослей. Многие поместья были в коллективном совладении родственников (братьев, племянников и пр.), реже – не родственников. Большинство совладений касалось детей боярских – 118 случаев. В совокупности к совладельцам можно отнести 204 человека, нередко в их числе наблюдаем недорослей и новиков. Подчеркнем, что речь именно о совместном владении одним помещением несколькими служилыми людьми, обычно братьями, а не об отдельных владениях в виде поместных жеребьев. Также в 1643 г. среди уездных землевладельцев было 5 вдов (без родственников мужчин), 1 иноземец, 1 казачий есаул, 23 станичных атамана, включая 3 совладельца.

К 40–50-м гг. XVII в. стал заметен численный рост корпорации оскольских детей боярских. Отчасти он объясняется демографическим приростом. К 1643 г. на отцовых жеребьях сидело по несколько сыновей, включая недорослей и новиков. Во-вторых, наблюдается приток нововерстанных детей боярских и параллельно рост числа поселений. Дозор 1615 г. зафиксировал 48 поселений, 7 пустошей. К 1643 г. возникло еще 18 поселений, пустошей стало 30. Как минимум, 10 новых поселений были основаны в промежутке после 1632/33 г. и до 1643 г. Появились дети боярские в тех поместьях, которые были записаны «в пусе» в перечневом списке с книги 1627 г. Рост численности оскольской корпорации нашел отражение и в смете 1651 г., зафиксировавшей 664 сына боярских, включая недорослей и новиков [8, с. 113; 28, с. 16].

Оценка роста и убыли служилого землевладения Оскольского уезда была произведена с учетом административно-территориальных изменений. Часть поселений была отпущена от Оскольского уезда. В 1639 г. в Яблоновский уезд было передано с. Голубино, в 1644 г. – с. Халань, д. Ковыльная, д. Прилепы [3, с. 44–45; 21, с. 523–524].

Сравнение показателя «общее количество земли» (табл. 1, 2) по состоянию на 1615 г. и 1643 г. доказывает, что ведущими были процессы роста землевладения.

В 1615 г. служилых земель было 23587,83 ч. (здесь и ниже в тексте мы приводим четвертную пашню в одном поле). Переведя эту землю в десятины в трех полях, с учетом, что десятина равнялась 2 ч. [31, с. 324], получим 35 382 десятины (здесь и далее в скобках десятины всегда указаны в трех полях). В 1643 г. служилых земель стало 34422,48 ч. (51 634 десятины), после передачи халанских поселений в Яблоново осталось 30989,48 ч. (46 484 десятины).

К 1643 г. прирост земли составил 11887,98 ч. (17 832 десятины). Половина прироста (47 %) фиксируется в 18 новых поселениях, возникших после 1615 года. Остальные земли (53 %) прибавились у помещиков в 26 старых поселениях.

Сравним данные о служилых землях в 1615 г. и в 1643 г. на уровне поселений (см. табл. 3, 4).

Дозор 1615 г. описал «дикое поле» и «дуброву» как отдельные категории земли.

«Дикое поле» подразумевало свободные от леса участки целины [6, с. 39], «дуброва» подразумевала как дубраву, так и чернолесье в целом [20, с. 132]. Земля в уезде определялась как «добрая», наивысшего качества по плодородию. В писцовых книгах «добрая» упоминалась наряду с «средней» и «худой» земель [17, с. 61]. Писцовая книга 1643 г. использовала, во-первых, слитный термин «дуброва и дикое поле». Иногда наименование «черный пашенный лес». Например, в д. Бударной в Большом городском лесу, д. Песковатой Поляне и д. Котовой в Ублинском лесу, д. Чмутовой в Истобном лесу, поч. Токмачеве в Околенском лесу, поч. Терновом в Орлицком лесу, пустошах, лежавших в Околенском лесу. Для описания земель в поч. Беляеве, Незнамове, деревнях Котовой и Чмутовом озере, подразумевая безлесные «поляны», использовался термин «дикое поле». Незнамов поч. лежал на Отводной поляне. Пустоши названы «полянами»: Бобрищева, Мокрищева, Песковатая, Песковатый луг, Порток, Порточная, Таволжаная.

Таблица 1. Служилое землевладение в Оскольском уезде в 1615 году ¹

Table 1. Service land ownership in Oskol County in 1615 ¹

№ п/п	Стан	Пашня паханая	Общее количество земли
1	Окологородный	123,1775	2 300
2	Ублинский	15,375	3 555
3	Чуфичевский	135,6875	6 776,83
4	Дубенский	127,205	3 512
5	Орлицкий	213,9725	7 444
Всего		615,4175	23 587,83

Таблица 2. Служилое землевладение в Оскольском уезде в 1643 году

Table 2. Service land ownership in Oskol County in 1643

№ п/п	Стан	Пашня паханая	Общее количество земли
1	Окологородный	80,92	3 000
2	Ублинский	430,32	6 736,99
3	Чуфичевский	1 174,32	7 449,99
4	Дубенский	370,25	3 800
5	Орлицкий	1 085,66	13 435,5
Всего		3 141,47	34 422,48

Таблица 3. Служилые земли и показатель регулярной распахки в виде «пашни паханой» в поселениях Оскольского уезда по дозору 1615 года

Table 3. Service lands and the indicator of regular plowing (*pashnya pakhanaya*) in the settlements of Oskol County, according to the 1615 survey

Стан	№ п/п	Название поселения	Всего земли (в ч.)	Распахано (в ч.)	% распахки (округлен до 0,1)
Окологородный	1	Караваево (Геросим)	2 300	123,1775	5,4
Ублинский	2	Ублинское	100	0,125	0,1
	3	Чернышов	100	0,125	0,1
	4	Подгорная Поляна	400	1,5	0,4
	5	Подкопаев	100	0	0
	6	Подмокрая Поляна	285	6,3125	2,2
	7	Выползова	300	0,3125	0,1
	8	Елистратовский	400	3,5	0,9
	9	Курская	400	0,6875	0,2
	10	Кладовая	250	1,25	0,5
	11	Лапыгина	300	0,5	0,2
	12	Болоцкий	100	0,125	0,1
	13	Березовый	100	0,125	0,1
	14	Боровая Поляна	40	0	0
	15	Яблоновая	400	0,8125	0,2
	16	Верховой	100	0	0
Чуфичевский	17	Атаманская (Нижняя)	160	40	25
	18	Другая Атаманская (Верхняя)	1 200	24	2
	19	Нижнее Чуфичево	1 400	2,3125	0,2
	20	Верхнее Чуфичево	1 271,83	17,9375	1,4
	21	Сорокодумов	200	0,5	0,3
	22	Монаков	100	0,1875	0,2
	23	Околенский	100	0,125	0,1
	24	Сенков	100	5	5
	25	На Правороте	100	0,1875	0,2
	26	Великий Перевоз	330	5,75	1,7
	27	Прокудина	300	0,75	0,3
	28	Сапрыкин	100	0,1875	0,2
	29	Котенева (Долгая Поляна)	850	20,4375	2,4
	30	Казачья Прость	555	18,3125	3,3
Дубенский	31	Егорьевское	1 338	51,8125	3,9
	32	Губин	430	15,6875	3,6
	33	Дурнева	542	3,6875	0,7
	34	Ендовище	300	39	13
	35	Сапрыкин на Дубенке	150	16,25	10,8
	36	Окольная Поляна	40	0,33	0,8
	37	Полянка Русская Плесо	150	0	0
	38	Комаревцева	400	0,4375	0,1
Орлицкий	39	Халань	1 240	16,125	1,3
	40	Ковыльная	300	0,375	0,1
	41	Ольшанец	780	1,3125	0,2
	42	Яблоновое	2 350	83,2225	3,5
	43	Сараева Поляна (Завалишина)	165	20	12
	44	Фатеев (Алпеев)	255	0,1875	0,1
	45	Хмелевая	750	1,25	0,2
	46	Волкова	1 350	45,5	3,4
	47	Мокрищев	30	0	0
	48	Голубино	224	46	20,5

Таблица 4. Служилые земли и показатель регулярной распашки в виде «пашни паханой» в поселениях Оскольского уезда по писцовой книге 1643 года

Table 4. Service lands and the indicator of regular plowing in the settlements of Oskol County, according to the 1643 scribal book

Стан	№ п/п	Название поселения	Всего земли (в ч.)	Распашка (в ч.)		Распашка в % (округление до 0,1 %)	
				Всего (паханая, перелог, наезд)	Только пашни паханой	Всего (паханая, перелог, наезд)	Только пашни паханой
Ок ол.*	1	Караваево (Геросим), с.	2 900	290,5	80,25	9,7	2,7
	2	Рогожников, поч.	100	0,67	0,67	0,7	0,7
Ублинский	3	Ублинское (Никольское), с.	200	41	31	20,5	15,5
	4	Чернышов, поч.	30	3	3	10	10
	5	Подгорная Поляна (Сорокина), д.	400	52	47	13	11,8
	6	Подкопаев, поч.	86,67	18	16	20,8	18,5
	7	Подмокрая Поляна, д.	325	32	16	9,8	4,9
	8	Выползово, поч.	260	11	0	4,2	0
		Елистратовский, поч.	250	8,5	8,5	3,4	3,4
	10	Курская, д.	1 740	166	99	9,5	5,7
	11	Кладовая, д.	800	62	60	7,8	7,5
	12	Лапыгина, с.	600	63	39	10,5	6,5
	13	Болоцкий, поч.	100	7	7	7	7
	14	Боровая Поляна (Одоевское), поч.	150	12	0	8	0
	15	Яблонная (Меньшая Поляна), д.	400	36	36	9	9
	16	Верховой (Крыгин), поч.	150	11,5	11,5	7,7	7,7
	17	Бударная, д.	83,33	0	0	0	0
	18	Русанов, поч.	350	6,33	4	1,8	1,1
	19	Песковатая Поляна, д.	30	8	8	26,7	26,7
	20	Незнамов (Отводная Поляна), поч.	13	4	4	30,8	30,8
	21	Котова, д.	270	8	8	3	3
	22	Подвислый (другой Чернышов), поч.	200	30,33	28,33	15,2	14,2
	23	Прилепы, поч.	3,99	3,99	3,99	100	100
Чуфичевский	24	Нижняя Атаманская, д.	300	300	300	100	100
	25	Верхняя Атаманская, д.	1 000	200	200	20	20
	26	Нижн. Чуфичево (Архангельское), с.	1 400	170	165	12,1	11,8
	27	Верхнее Чуфичево (Никольское), с.	1 310	135,3	129,3	10,3	9,9
	28	Сорокодумова, д.	400	51	30	12,8	7,5
	29	Монаков, поч.	100	20	20	20	20
	30	Околенский, поч.	200	25	25	12,5	12,5
	31	Сенков, поч.	100	10	10	10	10
	32	На Правороте, поч.	100	35	0	35	0
	33	Великий Перевоз, д.	440	69,17	58	15,7	13,2
	34	Прокудина, д.	300	50	50	16,7	16,7
	35	Сапрыкин, поч.	100	20	20	20	20
	36	Котенева (Долгая Поляна), д.	900	99,99	97,99	11,1	10,9
	37	Казачья Прость, д.	505	55,5	49,5	11	9,8
	38	Чмугово озеро, д.	135	13,5	13,5	10	10
	39	Токмачев, поч.	65	6	6	9,2	9,2
Дубенский	40	Егорьевское (Дубенское), с.	1 248	133	122	10,7	9,8
	41	Губина, д.	430	39,5	34	9,2	7,9
	42	Дурнева, д.	600	83	60	13,8	10
	43	Ендовище, поч.	192	15,25	15,25	7,9	7,9
	44	Сапрыкин (на р. Дубенке), поч.	196	18	0	9,2	0
	45	Окольная Поляна (Бекетов), поч.	66	25	25	37,9	37,9
	46	Полянка Русская Плесо (Коростово), д.	250	5	0	2	0
	47	Комаревцева, д.	450	62	59	13,8	13,1
	48	Малахова (Большая Поляна), д.	250	50	50	20	20
	49	Беляев, поч.	30	0	0	0	0

Окончание таблицы 4

End of Table 4

Орлицкий (включая поселения на р. Халани)	50	Халань (Афанасьевское), с.	1 440	158,3	158,3	11	11
	51	Ковыльная (Поляна), д.	783	85,83	68,33	10,9	8,7
	52	Прилепы, д.	1 190	82	78	6,9	6,6
	53	Нижняя Ольшаница (Ольшанец), д.	800	77	77	9,6	9,6
	54	Яблоновое, с.	2 525	252	233	9,9	9,2
	55	Сараева Поляна (Завалишина), д.	162	20	18	12,3	11,1
	56	Фатеев (Алпеев), поч.	425	43	39	10,1	9,2
	57	Хмелевое, с.	850	93	93	10,9	10,9
	58	Волкова (Приезжая Поляна), с.	2 250	220	208	9,7	9,2
	59	Мокрищев, поч.	25	15	15	60	60
	60	Огибная Поляна, д.	1 030	19,67	19	1,9	1,8
	61	Копцова	230	15	8	6,5	3,5
	62	Верхняя Ольшаница (поч. Савенков)	675	57	38	8,4	5,6
	63	Подымов, поч.	550	51,5	31,5	9,4	5,7
	64	Терновой, поч.	62,5	1,5	1,5	2,4	2,4

Примечание. * Окол. – Окологородный.

Note. * Okol. – Okologorodny.

Перейдем к анализу показателя «пашни паханой», в писцовой терминологии означавшему регулярную запашку вблизи живущих поселений. По наблюдениям А.А. Новосельского, разоряемые татарами Оскольский, Белгородский уезды, Валуйка не привлекали крестьянское население [22, с. 164–166]. В Оскольском уезде в 1615 г. было 3 тяглых двора. Распашка осуществлялась населением владельческих дворов (261 дв.). В 1615 г. «пашни паханой» учтено 615 ч. (923 десятины). На уровне конкретных владений и поселений запашка выглядит крайне неравномерной. Регулярная запашка показана для 248 владений: 145 владений (59 %) пахали от 0,0625 до 0,75 ч.; 80 владений (32 %) – от 1 до 9,75 ч.; 10 владений (9 %) – от 10 до 18 четвертей. Маловероятным было пропитание двора с полчетверика (0,0625 ч., или 0,09 десятин) или четверика (0,125 ч., или 0,2 десятины) пашни. Между тем 25 владений распахиовало полчетверики, 61 владение – четверики.

Неравномерность наблюдается в 1615 г. и на уровне поселений (см. табл. 3). В 5 поселениях распашка отсутствовала, в 25 поселениях составляла менее 1 % от площади служилой земли. Остальные 16 поселений пахали от 1 до 13 % земли, но важно подчеркнуть одно любопытное обстоятельство. В этих поселениях одновременно существовали как владения, пахавшие площади от 2 до 18 ч. (от 3 до 27 десятин), так и владения, обрабатывавшие малые участки, – от 0,0625 до 0,875 ч.

(от 0,09 до 1,3 десятин). Учитывая, что дозор имел целью установить платежеспособность владений, выскажем осторожную догадку по поводу неравномерных цифр «пашни паханой» и возможных их искажений в сторону занижения. В ряде случаев цифра «пашни паханой» в дозоре может выступать как достоверный хозяйственный показатель, отражающий реальную площадь распашки. В других случаях, когда дозорщик фиксировал заниженные показатели в виде распахиоваемых полчетвериков и четвериков, мизерных площадей, показатель «пашни паханой» может выступать неким условным выражением облагаемости поместного владения в системе поземельного налогообложения с «живущей» пашни.

Проанализируем распаханность в 1643 г. (см. табл. 2). По классификации Л.В. Милова, писцовая книга 1643 г. может быть отнесена к типу книг «с неразделенной пашней», то есть с крестьянской и помещичьей запашкой, данной «слитно», содержавших сведения о реальных площадях сельскохозяйственных угодий [17, с. 155]. Если мы обратимся к цифрам, то увидим, что показатель «пашня паханая» в уезде вырос в пять раз, составив 3141,47 ч. (4 712 десятин). Цифры говорят о том, что в уезде регулярно распахиовалось 9 % служилой земли (по сравнению с 2,6 % в 1615 г.). Очевидно, что распаханность должна была расти, это логически вытекает из нижеперечисленных обстоятельств, но мы не можем точно определить кратность этого ро-

ста из-за возможных искажений в показателях дозора. В 1643 г. появились тяглые дворы (64 крестьянских, 8 бобыльских), выросло количество владельческих дворов, включая атаманские и казачьи (с 261 до 440 дв.), увеличился численный состав оскольской корпорации детей боярских (с 215 до 596 человек). С 20-х гг. XVII в. окладной единицей становится живущая (дворовая) четверть [17, с. 111]. В оскольском писцовом описании 1643 г. четвертная пашня не привязана к налогодоброению, по сути, она становится второстепенным показателем, но по-прежнему фиксируется писцом. Цифры «пашни паханой» в книге 1643 г. представляются реалистичными по сравнению с данными о распашке в дозоре 1615 г., где привязка к обложению могла деформировать поземельные показатели.

В 1643 г. «пашня паханая» зафиксирована в 422 владениях. Сократилась доля владений, пахавших менее 1 ч. (16 владений, 4 %). Большинство владений обрабатывало от 1 до 9,75 ч. (251 владение, 59 %). Выросла группа владений, пахущих от 10 до 38 ч. (155 владений, 37 %). Похожие тенденции наблюдаются и на уровне поселений (см. табл. 4). В 27 поселениях распахивалось от 1 до 10 % земли, еще в 27 – от 11 до 21 %. Починки на Правороте, Бекетов, Мокрищев, Незнамов и д. Песковатая Поляна обрабатывали большую часть земли (25–60 %). Починок Рогожников пахал менее 1 %, поч. Беляев и д. Бударная не имели «пашни паханой», все три поселения возникли незадолго до 1643 года. Писцовая книга 1643 г. учла также нерегулярную распашку – перелог в 25 поселениях, наезжую пашню в 22 поселениях. Появление перелогов отчасти было связано с запустением тяглых дворов: 302 пустых двора в 1643 году. Наездом обрабатывали пашню в поселениях те помещики и их крестьяне, которые постоянно жительствова­ли в других населенных пунктах. Перелог и наезжая пашня при отсутствии «пашни паханой» отражали запустение поселений: починков на Правороте, Выползова, Боровой Поляны (Одоевского), Сапрыкина на р. Дубенке.

Результаты. Дозор 1615 г. и писцовое описание в 1643 г. зафиксировали служилое землевладение Оскольского уезда в системе

государственных земельных кадастров, поставили служилые земли под контроль правительства. Одновременно произошло укрепление владельческих прав оскольских помещиков. В рамках лояльной земельной политики правительства за оскольскими детьми боярскими в 1615 г. были закреплены права на владение земельными «дачами», равными окладам поместного жалованья. Вместе с тем отметим виртуальный характер этой земли, не подвергнутой реальному измерению и размежеванию, что предполагало проведение дальнейших землеустроительных правительственных мероприятий. В последующий период происходил неуклонный рост служилых земель, заметный, несмотря на административно-территориальные изменения, уменьшившие территории Оскольского уезда в пользу новых городов Белгородской черты. Рост служилого землевладения к 1643 г. произошел за счет увеличения разными путями, численности оскольской служилой корпорации. Расширения владельческих земельных прав оскольских детей боярских при этом не произошло. Началось дробление и измелъчание ранее крупных, по меркам южных уездов, поместий. При оценке поземельного показателя «пашни паханой» важно понимать, что дозорщик, оценивая платежеспособность владений, опирался на показания землевладельцев о площадях регулярной распашки и руководствовался принципом посильности обложения, в результате могли возникать случаи искажения поземельных показателей, привязанных к налогодоброению. По данным дозора 1615 г. представляется невозможным достоверно оценить реальные площади распахиваемой четвертной пашни. Более реалистично первые итоги хозяйственного освоения служилых земель в Оскольском уезде отражает писцовое описание 1643 года. Фиксация владельческой «пашни паханой» в 1615 г. может свидетельствовать о правительственном намерении включить служилые земли Оскольского уезда в государственную систему поземельного налогодоброения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Земля здесь и далее, в таблицах 2–4, дана в четвертях в одном поле.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

д. – деревня.
дв. – двор.

поч. – починок.
р. – река.
с. – село.
ч. – четверть (единица земельной площади).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев В. Н. Освоение Центрального Черноземья в конце XVI – первой половине XVII века: государственное воздействие // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Социология. Политология. 2023. № 4. С. 62–65.
2. Глазьев В. Н. Города-крепости Российского Черноземья в 1604–1618 гг.: гражданская война и ее преодоление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 103–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.9>
3. Евсюков Д. Е. Оскольский уезд: административно-территориальные преобразования после основания города Яблонова (конец 1630-х – начало 1650-х гг.) // Белгородская черта: сб. ст. и материалов по ист. Белгород. оборонит. черты. Вып. 2. Белгород: Константа, 2017. С. 43–47.
4. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
5. Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М.: Памятники ист. мысли, 2008. 223 с.
6. Камараули Е. В. Вовлечение южного русского «дикого поля» в орбиту служилого землевладения в первой половине XVII века (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 39–44.
7. Камараули Е. В. Поместное землевладение на Юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 76–81.
8. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения). Ярославль: Ид-во ЯГПУ, 2000. 208 с.
9. Курбатов О. А. Разряды ратных людей на юге Русского государства накануне создания Белгородской черты в первой трети XVII века // От Донца до Ворсклы: сб. ст. и материалов по ист. Белгород. оборонит. черты. Белгород: Константа, 2016. С. 37–44.
10. Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 447 с.
11. Ляпин Д. А. Социальный состав и динамика численности сельского населения региона Белгородской черты во второй половине XVII века // *Filo Ariadne*. 2022. № 2 (26). С. 136–150.
12. Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Сельское население исторического региона Белгородской черты в контексте хозяйственного освоения пространств «дикого поля» в XVII–XVIII вв. // *Былые годы*. 2023. № 18 (2). С. 525–535. DOI: [10.13187/bg.2023.2.525](https://doi.org/10.13187/bg.2023.2.525)
13. Малов А. В., Никитин Н. И. Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века): исследование, справочные материалы, источники. М.: Снеж. Ком, 2023. 758 с.
14. Мацук М. А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Сыктывкар: Ин-т языка, лит. и ист. Коми, 2002. 436 с.
15. Мизис Ю. А. Система комплектования служилых людей на юге России в XVII в. // *История: факты и символы*. 2021. № 1 (26). С. 76–87. DOI: [10.24888/2410-4205-2020-26-1-76-87](https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-26-1-76-87)
16. Мизис Ю. А., Напольникова П. К. На южных рубежах Московского государства: монография: в 3 кн. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 г.). Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. 236 с.
17. Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М.: Изд-во МГУ, 1986. 301 с.
18. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 510 с.
19. Никитин Н. И. Служилые «по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века // *Исторические записки*. 2022. № 21 (139). С. 9–48.
20. Никулов А. П. Серия «Оскольские древности» (архивные материалы XVII века). В 4 ч. Ч. 1. Оскольская дозорная книга 1615 г. (текст и комментарии): документал. материалы. Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2004. 216 с.

21. Никулов А. П. Серия «Оскольские древности» (архивные материалы XVII века). В 4 ч. Ч. 2. Писцовая книга 1643 г. (текст и комментарии): документал. материалы. Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2004. 600 с.
22. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.: Л.: АН СССР, 1948. 452 с.
23. Папков А. И. Белгородская черта в контексте формирования государственной стратегии обороны южной окраины России // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 46–58. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-46-31
24. Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиапрост, 2020. 264 с.
25. Петрухинцев Н. Н. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // Cahier du Monde Russe. 2015. № 56. С. 137–174.
26. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. / предисл. А. Д. Прякина; подгот. текста и коммент. В. Н. Глазьева, А. В. Новосельцева; вступит. ст. В. Н. Глазьева, Н. А. Тропина. Елец: Елец. гос. ун-т, 2001. 274 с.
27. Седашев В. Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1912. 225 с.
28. «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. / сост. Я.Е. Водарский, О.А. Шватченко; отв. ред. Е.И. Индова. М.: АН СССР, Ин-т истории СССР, 1989. С. 8–33.
29. Смета военных сил Московского государства на 1632 г. (Сметный список 140-го года). Сообщ. Е. Сташевский // Военно-исторический вестник, изд-й при Киевском отделе имп. Русского военно-исторического общества. 1910. № 9–10. С. 49–85.
30. Сметный список 7139 года // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. IV. 1849. С. 18–51.
31. Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. Т. 19. М.: АН СССР, 1946. С. 294–348.

REFERENCES

1. Glazyev V.N. Osvoeniye Centralnogo Chernozemja v konce XVI – pervoj polovine XVII veka: gosudarstvennoye vozdejstviye [Development of the Central Chernozem Region at the End of the 16th – First Half of the 17th Century: State Influence]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Sociologija. Politologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2023, no. 4, pp. 62–65.
2. Glazyev V.N. Goroda-kreposti Rossijskogo Chernozemja v 1604–1618 gg.: grazhdanskaja vojna i yeye preodoleniye [Fortress Cities of the Russian Black Earth Region in 1604–1618: Overcoming the Civil War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 103–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.9>
3. Evsjukov D.Ye. Oskolskij uyezd: administrativno-territorialnye preobrazovaniya posle osnovaniya goroda Jablonova (konec 1630-h – nachalo 1650-h gg.) [Oskolsky District: Administrative and Territorial Transformations After the Founding of the City of Yablonov (Late 1630s – Early 1650s)]. *Belgorodskaja cherta: sb. st. i materialov po ist. Belgorod. oboronit. cherty. Vyp. 2* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line]. Belgorod, Constanta Publ., 2017, pp. 43–47.
4. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1969. 304 p.
5. Zenchenko M.Yu. *Yuzhnoye rossiyskoye porubezhye v kontse XVI – nachale XVII v.* [Southern Russian Border in the Late 16th – Early 17th c.]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 2008. 223 p.
6. Kamarauli E.V. Vovlecheniye juzhnogo russkogo «dikogo polja» v orbitu sluzhilogo zemlevladieniya v pervoj polovine XVII veka (po materialam Voronezhskogo uezda) [The Involvement of the Southern Russian “Wild Field” into the Orbit of Military Land Ownership in the First Half of the 17th Century (Based on the Materials of the Voronezh District)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Sociologija. Politologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2018, no. 4, pp. 39–44.
7. Kamarauli E.V. Pomestnoye zemlevladieniye na Juge Rossii v XVII veke (po materialam Voronezhskogo uezda) [Local Land Ownership in the South of Russia in the 17th Century (Based on the Materials of the Voronezh District)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Sociologija. Politologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2015, no. 1, pp. 76–81.

8. Kozljakov V.N. *Sluzhily «gorod» Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty do Sobornogo Ulozhenija)* [The Military “City” of the Moscow State of the 17th Century (From the Troubles to the Cathedral Situation)]. Yaroslavl, Izd-vo YaGPU, 2000. 208 p.
9. Kurbatov O.A. Razrjady ratnyh ljudej na jube Russkogo gosudarstva nakanune sozdaniya Belgorodskoj cherty v pervoj tretej XVII veka [Ranks of Military Men in the South of the Russian State on the Eve of the Creation of the Belgorod Line in the First Third of the 17th Century]. *Ot Donca do Vorskly: sb. st. i materialov po ist. Belgorod. oboronit. cherty* [From Donets to Vorskla. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line]. Belgorod, Constanta Publ., 2016, pp. 37-44.
10. Kuc O.Ju. *Donskoye kazachestvo v period ot vzjatija Azova do vystuplenija S. Razina (1637–1667)* [The Don Cossacks in the Period from the Capture of Azov to the Performance of Stepan Razin (1637–1667)]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009. 447 p.
11. Ljapin D.A. Socialnyj sostav i dinamika chislennosti selskogo naselenija regiona Belgorodskoj cherty vo vtoroj polovine XVII veka [The Social Composition and Dynamics of the Rural Population of the Belgorod Line in the Second Half of the 17th Century]. *Filo Ariadne*, 2022, no. 2 (26), pp. 136-150.
12. Ljapin D.A., Zhiron N.A. Selskoe naseleniye istoricheskogo regiona Belgorodskoj cherty v kontekste hozjajstvennogo osvoenija prostranstv «dikogo polja» v XVII–XVIII vv. [The Rural Population of the Historical Region of the Belgorod Line in the Context of the Economic Development of the Territories of the “Wild Field” in the 17th – 18th Centuries]. *Bylye gody*, 2023, no. 18 (2), pp. 525-535. DOI: 10.13187/bg.2023.2.525
13. Malov A.V., Nikitin N.I. *Rossiyskoye kazachestvo na zare svojej istorii (XV–XVII veka): issledovaniya, spravochnye materialy, istochniki* [The Russian Cossacks at the Dawn of their History (15th – 16th Centuries): Research, Reference Materials, Sources.]. Moscow, Snezh. Kom Publ., 2023. 758 p.
14. Macuk M.A. *Gorod Livny i Livenskij uyezd v 1615/16 godu* [The City of Livny and the Livensky District in 1615–1616]. Syktyvkar, In-t yazyka, lit. i istorii Komi, 2002. 436 p.
15. Mizis Ju.A. Sistema komplektovaniya sluzhilyh ljudej na jube Rossii v XVII v. [The Recruitment System for Military Personnel in the South of Russia in the 17th Century]. *Istorija: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2021, no. 1 (26), pp. 76-87. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-76-87
16. Mizis Ju.A., Napolnikova P.K. *Na juzhnykh rubezhakh Moskovskogo gosudarstva: monografija: v 3 kn. Kn. 1. Istorija zaselenija i osvoenija Tambovskogo i Kozlovskogo uyezdov XVI–XVII vv. (do 1635 g.)* [On the Southern Borders of the Moscow State: Monograph: In 3 Books. Book 1. The History of Settlement and Development of Tambov and Kozlovsky Counties of the 16th – 17th Centuries (Before 1635)]. Tambov, Izd. dom «Derzhavinskij», 2022. 236 p.
17. Milov L.V., Bulgakov M.B., Garskova I.M. *Tendencii agrarnogo razvitija Rossii pervoj poloviny XVII stoletija. Istoriografija, kompjuter, metody issledovaniya* [Trends in the Agricultural Development of Russia in the First Half of the 17th Century. Historiography, Computer, Research Methods]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1986. 301 p.
18. Mininkov N.A. *Donskoye kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekovja (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the Late Middle Ages (Before 1671)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 1998. 510 p.
19. Nikitin N.I. Sluzhilye «po priboru» kak osobaja socialnaja gruppa Moskovskogo gosudarstva XVII veka [Employees “On the Pribor” as a Special Social Group of the Moscow State of the 17th Century]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes], 2022, no. 21 (139), pp. 9-48.
20. Nikulov A.P. *Seriya «Oskolskie drevnosti» (arkhivnye materialy XVII veka). V 4 ch. Ch. 1. Oskolskaja dozornaja kniga 1615 g. (tekst i kommentarii): dokumentalnye materialy* [The Series “Oskol Antiquities” (Archival Materials of the 17th Century). Pt. 1. Oskol Watch Book of 1615 (Text and Comments): Documentary Materials]. Stary Oskol, OOO “TNT”, 2004. 216 p.
21. Nikulov A.P. *Seriya «Oskolskiye drevnosti» (Arhivnye materialy XVII veka). V 4 ch. Ch. 2. Piscovaja kniga 1643 g. (tekst i kommentarii): dokumentalnye materialy* [The Series “Oskol Antiquities” (Archival Materials of the 17th Century). Pt. 2. The Scribe’s Book of 1643 (Text and Comments): Documentary Materials]. Stary Oskol, OOO “TNT”, 2004. 600 p.
22. Novoselskiy A.A. *Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v.* [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1948. 452 p.
23. Papkov A.I. Belgorodskaja cherta v kontekste formirovaniya gosudarstvennoj strategii oborony juzhnoj okrainy Rossii [The Belgorod Line in the Context of the Formation of the State Defense Strategy of the Southern Outskirts of Russia]. *Istorija: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2020, no. 2 (23), pp. 46-58. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-46-58
24. Papkov A.I., Petruhincev N.N., Hitrov D.A. *Belgorodskaja cherta: istorija, fortifikacija, ljudi* [Belgorod Line: History, Fortification, and People]. Rybinsk, Mediarost Publ., 2020. 264 p.

25. Petruhincev N.N. Struktura, dinamika i iyerarhija sluzhilyh «gorodov» v XVII veke [The Structure, Dynamics and Hierarchy of Service “Cities” in the 17th Century]. *Cahier du Monde Russe*, 2015, no. 56, pp. 137-174.
26. Glazyev V.N., Tropin N.A., Novoseltsev A.V., eds. *Rossiyskaya krepost na yuzhnykh rubezhakh. Dokumenty o stroitelstve Yeltsa, zaselenii goroda i okrestnostey v 1592–1594 gg.* [Russian Fortress on the Southern Frontiers. The Documents on the Construction of Yelets and Neighborhood Settlement in 1592–1594]. Yelets, Yelets. gos. un-t, 2001. 274 p.
27. Sedashev V.N. *Ocherki i materialy po istorii zemlevladieniya Moskovskoy Rusi v XVII veke* [Essays and Materials on the History of the Land of Moscow Russia in the 17th Century]. Moscow, Typo-lit. V. Richter, 1912. 225 p.
28. Vodarskiy Ya.Ye., Shvatchenko O.A., Indova Ye.I., eds. «Smetnyj spisok» voennykh sil Rossii 1651 g. [The “Estimated List” of the Military Forces of Russia in 1651]. *Dvorjanstvo Rossii i yego krepostnye krestjane, XVII – pervaya polovina XVIII veka* [The Nobility of Russia and its Serfs, 17th – The First Half of the 18th Century]. Moscow, AN SSSR, In-t istorii SSSR, 1989, pp. 8-33.
29. Smeta voennykh sil Moskovskogo gosudarstva na 1632 god (Smetnyj spisok 140-go goda) [The Estimate of the Military Forces of the Moscow State for 1632 (Estimated List of the 140th Year)]. *Voenno-istoricheskij vestnik, izdavaemy pri Kiyevskom otdel imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshhestva* [Military Historical Bulletin, Published at the Kiev Department of the Imperial Russian Military Historical Society], 1910, no. 9-10, pp. 49-85.
30. Smetny spisok 7139 goda [The Estimated List of 139]. *Vremennik Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh. Kn. IV* [The Temporary of the Moscow Society of Russian History and Antiquities. Book 4], 1849, pp. 18-51.
31. Ustjugov N.V. Ocherk drevnerusskoj metrologii [An Essay on Ancient Russian Metrology]. *Istoricheskiye zapiski. T. 19* [Historical Notes. Vol. 19]. Moscow, AN SSSR, 1946, pp. 294-348.

Information About the Author

Elena V. Kamarauli, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political History, Voronezh State University, University Sq., 1, 394018 Voronezh, Russian Federation; Researcher, I.A. Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, kamarauli@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4432-1323>

Информация об авторе

Елена Владимировна Камаули, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, 394018 г. Воронеж, Российская Федерация; научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, kamarauli@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4432-1323>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.17>

UDC 94(47).045

LBC 63.3(2)44

Submitted: 30.10.2025

Accepted: 12.01.2026

“SERVANT CITY” AS A PROFESSIONAL RESERVE FOR CONDUCTING MILITARY AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES DURING THE DEFENSE OF SMOLENSK IN 1609–1611

Dmitry Yu. Ladygin

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The events of the defense of Smolensk in the early 17th century make it possible to trace the role of the “servant city” in solving administrative and military tasks at the local level and to show what orders the military men received from the commanders during the siege. This is unique information about the administrative practices of the city voivodes of the Muscovite state in the 17th century. *Materials and methods.* The study is based on documents from the Smolensk Archive, most of which relate to the period of the city’s defense in 1609–1611. The military and administrative appointments of servicemen can be traced through administrative documents, primarily through voivode orders, reports, and, less frequently, through various lists. *Analysis.* The article examines the role of people who served in the fatherland in the implementation of local government measures to organize the defense of Smolensk in 1609–1611. It reconstructs a list of individuals from this group whom the Smolensk voivodes entrusted with carrying out their orders alongside prikaz clerks. It is shown that both noble lineage and previous “service” were taken into account in appointments. A selection system (“personnel policy”) of the voivodes has been identified, such that servicemen who performed poorly in organizing border outposts in 1609 were not subsequently assigned to special official duties. *Results.* Service classes were involved not only in military operations but also in administrative activities. Their particular role in food distribution is noted. The “servant city” was a kind of “personnel reserve” for the defense; voivodes actively recruited “appointees” from among the service people who did not hold formal commissioned posts. For example, “overseers” belonging to the city’s elite were responsible for maintaining order. This practice was made possible by the fact that the voivodes held both military and administrative authority in Smolensk. Certain nobles who had previously served the impostors were “pardoned” and enlisted to help organize the defense, as they had professional and familial ties to the “servant city.”

Key words: Time of Troubles, defense of Smolensk 1609–1611, local administration of the Muscovite state, servant city, prikaz clerks.

Citation. Ladygin D.Yu. “Servant City” as a Professional Reserve for Conducting Military and Administrative Activities During the Defense of Smolensk in 1609–1611. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 203–212. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.17>

УДК 94(47).045

ББК 63.3(2)44

Дата поступления статьи: 30.10.2025

Дата принятия статьи: 12.01.2026

«СЛУЖИЛЫЙ ГОРОД» КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ПЕРИОД ОБОРОНЫ СМОЛЕНСКА 1609–1611 ГОДОВ

Дмитрий Юрьевич ЛадыгинНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* События обороны Смоленска начала XVII в. позволяют проследить роль «служилого города» в решении административных и военных задач на местном уровне, показать, какие поручения получали служилые люди от воевод во время осады. Это уникальные сведения об управленческих практиках городских воевод Московского государства XVII века. *Материалы и методы.* Исследование основано на документах «Смоленского архива», большая часть которых относится к периоду обороны города в 1609–1611 годах. Военно-административные назначения служилых людей возможно проследить по делопроизводственным документам, в первую очередь, наказным воеводским памятям, отпискам, реже – по различным росписям. *Анализ.* Рассмотрена роль служилых людей по отчеству в реализации мероприятий местной власти по организации обороны Смоленска 1609–1611 годов. Реконструирован перечень лиц из этой среды, которым смоленские воеводы поручали выполнение своих распоряжений наряду с приказными служащими. Показано, что при назначении учитывались как родовитость, так и предыдущие «службы». Выявлена система отбора («кадровая политика») воевод, так служилые люди, которые неудачно действовали при организации приграничных застав в 1609 г., в дальнейшем к особым служебным поручениям не привлекались. *Результаты.* Служилые люди участвовали в реализации не только военных, но и административных мероприятий. Отмечена их особая роль в распределении продовольствия. «Служилый город» был своеобразным «кадровым резервом» обороны, воеводы активно привлекали «выдвиженцев» из служилых людей, которые формальных приказных должностей не занимали. К примеру, за поддержанием порядка следили «объездчики», принадлежавшие к верхушке «города». Эта практика стала возможной благодаря тому, что воеводам принадлежала как военная, так и административная власть в Смоленске. Отдельные дворяне, ранее принимавшие сторону самозванцев, были «амнистированы» и привлечены к организации обороны, имея служебные и родственные связи с «служилым городом».

Ключевые слова: Смутное время, оборона Смоленска 1609–1611 гг., местное управление Московского государства, служилый город, приказные служащие.

Цитирование. Ладыгин Д. Ю. «Служилый город» как профессиональный резерв для проведения военных и административных мероприятий в период обороны Смоленска 1609–1611 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 203–212. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.17>

Введение. «Служилые города» (военно-территориальные объединения) в России XVII в. являлись важной частью социальной структуры и войска. На текущий момент уже существуют комплексные работы о служилых людях с акцентом на земельные отношения [8], государственную службу [9], а также историю корпорации в отдельном уезде [7]. Исследование вклада служилых людей по отчеству в организацию обороны Смоленска 1609–1611 гг., которая проходила в кризисных условиях Смутного времени, позволяет на конкретном материале в ограниченных рамках одного военного события проследить не только их военную роль как части гарнизона, но и административную деятельность, показать совместную работу, по выражению Н.Ф. Демидовой, «государственных учреждений» и «институтов сословных служб-повинностей» [5, с. 15] (приказных служащих и «служилого города») под руководством местной власти – смоленских воевод.

В гарнизоне Смоленска, по подсчетам С.В. Александрова, к началу обороны горо-

да, осени 1609 г., насчитывалось примерно 5 300 человек, причем большую часть (2 971 человек) составляло ополчение из посадских людей, служилых людей по отчеству было только 500 (примерно 370 из Смоленска, остальные – «иногородние» из Брянска, Вязьмы, Серпейска, Дорогобужа, Почепа и Мещовска) [2]. В этих условиях особенно большое значение приобретали именно служилые люди, так как они являлись военными профессионалами, составляли «ядро» гарнизона. Необходимо проследить, как смоленские воеводы М.Б. Шеин и П.И. Горчаков привлекали их для организации обороны Смоленска.

Историография. Изучать роль служилых людей по отчеству стало возможно после публикации в 1912 г. «Памятников обороны Смоленска», сохранившихся документов смоленской воеводской избы, осуществленной Ю.В. Готье. Ученый поставил задачу исследовать «мероприятия по обороне города» в целом. Относительно дворян Ю.В. Готье предлагал извлечь из источников информацию скорее генеалогического характера, «сведения о со-

ставе смоленских дворян и детей боярских перед тем, как часть их переселилась во внутренние области государства» [18, с. XIII–XV].

Впервые роль служилых людей в обороне Смоленска рассмотрел В.П. Мальцев в работе 1940 года. На основе смоленской десятины 7114 (1606) г. была прослежена структура «города», выяснено что преобладали «средние и верхние слои» служилых людей по отечеству «с окладами от 300 до 500 четвертей и от 500 четвертей и выше» [10, с. 148–149]. Был разработан вопрос о распределении должностей голов башен среди смоленских и «иногородних» дворян, выделено два признака: 1) «личная политическая благонадежность»; 2) «ориентация М.Б. Шеина» на «помещиков, принадлежавших к средним окладам и к чину городских, то есть это были люди из неродовитых и сравнительно небогатых кругов господствующего класса» [10, с. 232–233]. Тем не менее наблюдения В.П. Мальцева были относительно поверхностны, так как исследователь исходил из концепции руководства обороной со стороны «крестьянско-посадского блока» («народной армии»), которому противостояла «пропольская партия» «смоленского дворянства» [10, с. 7, 18, 99, 228, 250–251, 280]. В рамках этой концепции невозможно было установить вклад служилых людей по отечеству в реализацию мероприятий воевод.

В 1941 г. была защищена кандидатская диссертация В.Б. Донского «Оборона Смоленска 1609–1611 гг.» [6]. Автор не согласился с «слишком односторонней характеристикой позиции смоленского дворянства» в работе В.П. Мальцева, также не поддерживал гипотезу о «крестьянско-посадском блоке» [6, с. 7, 76]. Несмотря на эти более сдержанные оценки, В.Б. Донской специально не рассматривал вопрос о роли служилых людей по отечеству в обороне города, научная работа представляет собой построенный по хронологическому принципу очерк осады Смоленска.

На рубеже 80-90-х гг. XX в. значительный вклад в изучение обороны внес П.А. Медведев. На основе воеводских памятей, росписей раздач хлеба им было установлено, что продовольствием в первую очередь обеспечивались «дворяне и дети боярские», «которые служили» на стене, а также стрельцы, «бед-

ные люди голодные» из состава городского ополчения. Вместе с тем П.А. Медведев обратил внимание на отсутствие «каких-либо известий, указывающих на выдачу хлеба крестьянам» [12]. Его исследование демонстрирует, что распределение продовольствия в Смоленске проводилось в первую очередь в пользу служилых людей.

В 2011 г. С.В. Александров подверг критике концепцию В.П. Мальцева о ведущей роли «крестьянско-посадского блока», ученый считал организатором обороны Смоленска «земский союз сословий», который был сформирован вокруг воеводы М.Б. Шеина и дворян [3, с. 17–19, 26–28, 97, 187–188, 269]. При этом С.В. Александров не согласился с гипотезой В.П. Мальцева о распределении должностей башенных голов, подчеркнул, что воевода М.Б. Шеин ориентировался не на какую-либо группу, а на смоленское дворянство в целом [3, с. 172]. Основное внимание в монографии С.В. Александрова, так же, как и в предшествующей историографии, было уделено военным действиям и связи их с политическим событиям в Русском государстве, роль служилых людей по отечеству в реализации мероприятий смоленских воевод не затрагивалась.

Специальным исследованием о смоленском «служилом городе» является диссертация А.М. Молочникова [15]. Историк удалось реконструировать внутреннюю структуру служилой корпорации – выделить группу лидирующих родов, дать новое объяснение ряду политических событий в 1608 и 1610 гг. в Смоленске, проследив связи участников «заговора И.И. Зубова» и «заговора Морткина-Сущева» с «городом», наметить вопрос о военной структуре гарнизона, выделив дворянские сотни. В дальнейшем он подробнее рассмотрел службу дворян различных «городов» в гарнизоне [13]. Его работы очень важны для дальнейшего изучения роли служилых людей по отечеству в обороне Смоленска, поднятые в них вопросы требуют более детального освещения.

Методы и материалы. «Смоленский архив» начала XVII в. – это комплекс документов смоленских приказных учреждений, преимущественно, делопроизводства Смоленской воеводской избы [19], также в нем случайно отложились некоторые церковные документы [14] и частные письма. Главными

особенностями «Смоленского архива» являются его локальность и четкий временной срез: большая часть документов относится к периоду обороны Смоленска в 1609–1611 годах. Условно его можно назвать «архивом чрезвычайного времени».

Важным источником о социальном статусе смоленских дворян является военно-учетный документ – смоленская десятина 7114 (1605/6) г., опубликованная В.П. Мальцевым [10, с. 362–391]. Для исследования вопроса о роли служилых людей первоочередное значение имеют памяти смоленских воевод. Это исполнительные документы, в которых есть нарративная часть с описанием сути распоряжения, назначались ответственные за его реализацию из числа подчинявшихся воеводам приказных служащих, военного гарнизона, лиц из среды посадских людей [4, с. 107–108]. В отдельных случаях памяти не сохранились, информацию о них содержат отписки – информационные документы, отчеты исполнителей перед воеводами [4, с. 90–91]. Большое значение имеют росписи (перечневые списки [4, с. 248]) хлебных раздач, по составлению они объединялись в один столбец с воеводской памятью о раздаче. К тому же сохранились челобитные, которые подавались на имя московских бояр в воеводскую избу, отразившие условия жизни крестьян и холопов.

Документы XVII в. анализируются при помощи выработанных в отечественной историографии принципов логического анализа их структуры и текстологических связей в рамках архивного собрания. Методологическим ориентиром выступают современные исследования местного управления в период Смутного времени, в частности основанные на так называемом Новгородском оккупационном архиве. Исторические источники понимаются как отражение материальных условий жизни общества через субъективное восприятие автора.

Анализ. Первые важные «кадровые» решения смоленские воеводы должны были принять весной 1609 г., когда на Смоленский уезд с территории Речи Посполитой совершили набеги «литовские люди» под командованием Александра Гонсевского. Для борьбы с ними были организованы три пограничные заставы.

Одним из «заставщиков» был назначен Василий Румянцев, его отчество в документах воеводской избы не указано. Этим служилым человеком мог быть В.М. Румянцев или В.И. Румянцев, каждый из них принадлежал к верхнему слою служилого города: имел чин дворового сына боярского с окладом 500 и 450 четвертей соответственно [10, с. 366, 368]. По наблюдению А.М. Молочникова, Румянцевы принадлежали к старинным служилым родам «города» [15, с. 84–85]. Застава была организована в середине марта 1609 г., был достигнут ряд успехов, но уже в начале апреля подчиненные В. Румянцеву дети боярские «разъехались», а крестьяне «разбежались» [3, с. 148–150]. В отписке от 7 мая 1609 г. В. Румянцев сообщал: «...А я стою в Щучейской волости, в деревне Торасовой, один...» [1, № 209 (IV), с. 243–244]. По всей видимости застава была расформирована, так как в более поздних документах она не упоминалась. Точных сведений об участии В. Румянцева в обороне Смоленска нет. Согласно косвенным данным, он мог быть еще жив в ноябре 1610 г., так как в одном из дел о побеге упоминался дежуривший на стене «человек Василия Румянцева» [18, № 190, с. 113]. Наиболее вероятно, что В. Румянцев в дальнейшем не привлекался смоленскими воеводами к военным или административным поручениям из-за неудачного руководства заставой весной 1609 года.

Сходное положение сложилось на заставе И.И. Башмакова, Г.А. Чебышева, Д.Ф. Дементьева. Как и В. Румянцев, они принадлежали к верхнему слою «служилого города»: И.И. Башмаков был выборным дворянином с окладом 500 четвертей [10, с. 365], Д.Ф. Дементьев – дворовый сын боярский с таким же окладом [10, с. 366]. Статус Г.А. Чебышева неизвестен (не указан в десятне), но он выдвинулся по «службе» в 1608 г., когда был назначен вторым головой вспомогательного отряда, который был отправлен в распоряжение воевод С.Г. Ададунова и Я.С. Барятинского [1, № 140, с. 162]. Действия этих трех «заставщиков» в целом были неудачны, наиболее показательным являются факты убийства крестьянина [18, № 26, с. 17] и грабежа монастырских деревень [18, № 16, с. 12–13] со стороны подчиненных им детей боярских, застава была распущена [3, с. 150–151]. В пе-

риод обороны Смоленска И.И. Башмаков, Г.А. Чебышев и Д.Ф. Дементьев каких-либо назначений не получили.

По-другому сложилась служилая биография третьего «заставщика» – Ивана Юрьевича Жидовинова. Его личный статус неизвестен (в десятне не указан). Позиции его рода в «городе» были относительно слабее, чем у других «заставщиков», так как ни один из Жидовиновых не имел чина выше, чем городской сын боярский [10, с. 370]. Застава И.Ю. Жидовинова действовала весной – летом 1609 г. вплоть до второй половины августа (осада самого города началась в сентябре). Она столкнулась с аналогичными трудностями (самовольные отъезды), но осуществляла свою деятельность дольше других [3, с. 153–155]. Кроме того, именно этой заставе удалось разбить «воров» Ивана Лесуна (отряд крестьян Щучейской волости, ограбивший ряд деревень Порецкой волости [18, № 8 (I). С. 5–6]); об этом свидетельствует сбор сведений о нем И.Ю. Жидовиновым: «Прислали ко мне обыскные речи про изменников с Щучейской волости крестьян про Иванка Лесунова...» [18, № 36, с. 23]; «записка о смерти» Ивана Лесуна в смоленской тюрьме [11, № 59, с. 138]. В дальнейшем смоленские воеводы использовали И.Ю. Жидовинова для реализации различных мероприятий, в частности, на начальном этапе обороны города осенью 1609 г. он был вторым командиром «резервного отряда» [3, с. 178; 18, № 232, с. 151].

Уже в период подготовки обороны Смоленска воеводы стали проводить целенаправленную политику отбора служилых людей по отчеству при служебных назначениях. Если первоначальным мотивом при назначении были предыдущая выслуга и родовитость, все «заставщики» принадлежали к «верхушке» «города», то в дальнейшем воеводы выдви-

нули одного из них, И.Ю. Жидовинова, деятельность которого весной – летом 1609 г. была наиболее эффективной.

После начала обороны Смоленска осенью 1609 г. смоленские воеводы стали привлекать служилых людей по отчеству для проведения различных военных и административных мероприятий. Особенно ярко «кадровую политику» периода осады города характеризуют два документа 1610 г., которые Ю.В. Готье озаглавил «роспись полицейских разъездов» (табл. 1) и «наказ полицейским объездчикам». Согласно памяти, «объездчикам» поручалось применять меры для поддержания общественного порядка [18, № 133, с. 77–78]. Подобная практика уже была известна в Русском государстве на уровне центральных органов власти: Москва, как правило, делилась на участки, ответственными за которые назначались «комиссии» из двух служилых людей и приказного дьяка [16, с. 211–212].

Пять из шести «объездчиков» принадлежали к «верхушке» «служилого города», за исключением новика Ивана Довотчикова (он был поверстан на службу в 1606 г.). Обращает на себя внимание, что трое из пяти служилых ранее уже были «выдвиженцами» смоленских воевод: Курбат Коптяжин в 1608 г. верстал государственные повинности на посадских людей [20], помимо того, руководил участком стены от Лазоревских ворот до круглой Крылошевской башни [18, № 232, с. 152]; Федор Жидовинов в 1609 г. собирал даточных людей в уезде [18, № 49, с. 30]; Кузьма Довотчиков был головой круглой башни у Еленских ворот [18, № 229, с. 146]. В период обороны Смоленска 1609–1611 гг. воеводы опираются на служилых людей по отчеству из верхнего слоя «города», но стараются назначать тех из них, кто уже зарекомендовал себя в выполнении их приказов с положительной стороны.

Таблица 1. Список «объездчиков», 21 апреля 1610 года

Table 1. List of “overseers,” April 21, 1610

Служилый человек	Статус	Источники
К.П. Коптяжин	Городовой сын боярский, оклад в 350 четв.	[18, № 132, с. 76; 10, с. 375]
К.И. Довотчиков	Дворовый с. б., 500 четв.	[18, № 132, с. 76; 10, с. 366]
Т.А. Кошелев	Дворовый с. б., 500 четв.	[18, № 132, с. 77; 10, с. 366]
Ф.И. Жидовинов	Городовой с. б., 500 четв.	[18, № 132, с. 77; 10, с. 370]
Д.Л. Сназин	Дворовый с. б., 450 четв.	[18, № 132, с. 77; 10, с. 368]
И.М. Довотчиков	Новик, 200 четв.	[18, № 132, с. 77; 10, с. 386]

Один из «выдвиженцев» смоленских воевод особенно выделяется. В 1608 г. в Смоленск прибыл Иван Игнатьевич Зубов, смоленский служилый человек по отчеству, перешедший на сторону Лжедмитрия II. Он попытался склонить смолян к присяге самозванцу, противостоял смоленским воеводам М.Б. Шеину и П.И. Горчакову, в конечном счете потерпел неудачу и был посажен в тюрьму, о чем говорится в отписке М.Б. Шеина [1, № 140, с. 161–162]. В историографии «заговор И. И. Зубова» рассматривался с точки зрения политической ориентации смоленского дворянства [10, с. 169–173; 3, с. 129–132]. С новой стороны к этому событию подошел А.М. Молочников, он обратил внимание, что И.И. Зубов рассчитывал на свои родственные связи, так как являлся представителем старейшей ветви Зубовых в смоленском «служилом городе» [15, с. 124–126]. Наряду с этим А.М. Молочников обнаружил, что М.Б. Шеин, несмотря на службу И.И. Зубова в Тушинском лагере, позволил ему служить «на стене», до-

верил ему ряд важных поручений [13, с. 142]. По всей видимости, этот уникальный случай от противостояния до службы смоленским воеводам произошел именно из-за родственных и служебных связей И.И. Зубова с «городом».

Документы воеводской избы позволяют проследить совместную работу приказных служащих (подьячих) и служилых людей по отчеству в ходе реализации различных военных и административных мероприятий в осажденном городе (табл. 2).

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: 1) служилые люди по отчеству действовали в тесном контакте с подьячими, а в некоторых случаях им оказывалось такое же доверие (И.Ю. Жидовинов и К.П. Коптяжин действовали самостоятельно); 2) большая часть поручений касалась распределения продовольствия, одного из ключевых вопросов обороны; 3) в решении продовольственного вопроса участвовали не только смоленские служилые люди, но и «иногородние».

Таблица 2. Выполненные служилыми людьми по отчеству поручения воевод в 1610–1611 годах

Table 2. The orders of the voivodes carried out by service people in the fatherland in 1610–1611

Мероприятие	Приказный служащий	Служилый человек	Статус	Источники
Перепись запасов хлеба, март 1610 г.	Не назначено	И.Ю. Жидовинов	Неизвестно	[18, № 245, с. 206–208]
Ремонт раската у церкви, 12 апреля 1610 г.	Не назначено	К.П. Коптяжин	Городовой с. б., оклад 350 четв.	[18, № 129, с. 75; 10, с. 375]
Сбор «людей» с церкви для рытья канавы к Днепру, 27 апреля 1610 г.	Не назначено	Фома Соколов, Яков Обухов	Неизвестно	[18, № 136, с. 78–79]
Хлебная раздача дорогобужанам, 13 июня 1610 г.	Иван Давыдов	В.Ф. Бестужев	Выборный дворянин, 550 четв.	[18, № 247, с. 210; 10, с. 364; 15, с. 82, 140]
Хлебная раздача вязьмичам и дорогобужанам, 9 октября 1610 г.	Василий Ильин	Ефрем Хитрой	Неизвестно (дорогобужский служилый человек по отчеству)	[18, № 252, с. 222]
Перепись запасов соли, 6 ноября 1610 г.	Не назначено	А.Ф. Давыдов	Неизвестно (серпейский служилый человек по отчеству)	[18, № 185, с. 109–110]
Захоронение палых лошадей, 22 ноября 1610 г.	Не назначено	Г.И. Кубаров, К.Д. Уланов	Городовой с. б., 150 четв.; городской с. б., 350 четв. (с отцовского поместья)	[18, № 84, с. 46–47; 10, с. 377, 384]
Раздача соли, 5 января 1611 г.	Василий Ильин	В.А. Давыдов	Неизвестно (серпейский служилый человек по отчеству)	[18, № 253, с. 222]
«Выемка» (конфискация) соли, январь 1611 г.	Не назначено	Ратман Чечетов, Ф.Б. Захаров	Неизвестно; дворовый с. б., 450 четв.	[18, № 211, с. 124; 10, с. 368]
Раздачи соли, январь 1611 г.	Не назначено	И.Ю. Жидовинов	Неизвестно	[18, № 211, с. 124]
Раздача «отписного» хлеба, май 1611 г.	Яков Петров	Иван Коптяжин	Неизвестно	[18, № 256, с. 225]

Продовольственная политика смоленских воевод охватывала не только гарнизон, служащих «на стене». Как заметил А.А. Селин, хлебом снабжали дочерей, жен и вдов служилых людей по отчеству, в семьях которых не было служащих родственников [17, с. 212–213]. Например, известны «жена Григория Измайлова Домна», «вдова Семена Тютчева Авдотья», «дочь Игнатия Тухачевского Марья» и т. д. [18, № 251, с. 217–218]. Несомненно, раздача хлеба женщинам из числа семей служилых людей по отчеству выражала долговременную политику поддержки этого слоя населения, надежду на успешное завершение обороны города и дальнейшее функционирование смоленского «служилого города». Проведение этой меры поддержки тем более закономерно, что большую роль в распределении продовольствия играли служилые люди по отчеству.

Отношение местной власти к ним видно из того, как именно их холопы привлекались к военной службе. С одной стороны, они были поставлены «на стену», об участии холопов в боевых действиях известно из таких документов, как росписи убитых и т. д. [13, с. 149; 18, № 77, с. 44]. С другой стороны, за пределами «стены» все остальные отношения между холопами и их владельцами сохранялись без изменений. Холопы стали частью гарнизона города, но продовольствие им выдавалось не напрямую, а через их хозяев [18, № 237, с. 165–166; 18, № 247, с. 210–212]. Приказная администрация старалась не вмешиваться в отношения между холопами и хозяевами, «мобилизация» зависимых людей на оборону Смоленска считалась временным явлением, которое не влекло изменений в их статусе, что соответствовало действовавшим нормам права.

Характерные черты положения зависимых людей – помещичьих крестьян, холопов – оказавшихся в осажденном Смоленске, отразились в челобитной смоленского служилого человека Федора Ивановича Климова. В каталоге архива она была отнесена к королевскому лагерю, но обращение в начальном протоколе не к «королевицу» Владиславу или «королю» Сигизмунду III, а к «Московского государства боярам и всей земли» обнаруживает, что проситель находился в Смоленске и подал челобитную в воеводскую избу. Из со-

держания документа следует, что выставить для работы в подземных ходах Ф.И. Климов никого не мог, «крестьяне мои в осаде всякую государеву службу служили, да все померли и людишки померли»; «...а иных дать некого, и наймовать нечем, людей крестьян нет» [21]. Документ подтверждает, что в Смоленске служилые люди продолжали нести ответственность за крестьян из их поместья, приказная администрация не вмешивалась в эти отношения (иначе бы ей было известно о смерти «людей» Ф.И. Климова). Невмешательство приказной администрации в отношения между зависимыми людьми и их хозяевами доказывает, что в условиях осады смоленские воеводы продолжали использовать «обычные» практики управления.

Результаты. В период обороны Смоленска 1609–1611 гг. служилые люди по отчеству сыграли большую роль в укреплении местного управления, были своеобразным «кадровым резервом». Это особенно важно, так как большинство воинов гарнизона состояло из городского ополчения (посадских людей). Дворяне были составной частью профессионального ядра обороны. Смоленские воеводы ориентировались на верхний слой «города», выделили из его среды доверенных лиц, таких как И.Ю. Жидовинов, К.П. Коптяжин и т. д. Отбор достаточно способных служилых людей по отчеству начался еще с подготовительного этапа обороны, с весны и лета 1609 года.

«Выдвиженцы» из служилых людей наравне с приказными служащими участвовали в реализации военных и административных мероприятий, проводимых воеводами, в первую очередь, в распределении продовольствия и поддержании общественного порядка. Это повышало легитимность местной власти, сплачивало вокруг нее служилых людей по отчеству и приказных служащих.

В отдельных случаях смоленские воеводы шли на определенный риск и привлекали к выполнению служебных поручений не вполне надежных служилых людей по отчеству, о чем говорит случай с И.И. Зубовым, который ранее пытался передать город Лжедмитрию II. Такие решения смоленских воевод можно считать вынужденными в условиях периода междуцарствия – отсутствие ле-

гитимного правительства, осада. В таких ситуациях можно было «вспомнить» о родственных и служилых связях человека с смоленским «городом».

Невмешательство смоленских воевод в отношения между служилыми людьми по отечеству и зависимыми от них «людьми» и крестьянами, отсутствие «чрезвычайных» мероприятий в этой сфере показывает, что в Смоленске сохранялись традиционные социальные отношения, на которые не повлия-

ли даже тяжелые условия Смутного времени и осады города королевским войском. Совместная работа смоленского «служилого города» и приказных служащих (подьячих) в период обороны Смоленска 1609–1611 гг. отражала качественное свойство растянутого во времени процесса бюрократизации государственного управления, когда наравне с «государственными учреждениями» сосуществовали «институты сословных служб-повинностей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1598–1613 гг.). СПб.: Тип. П. Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1841. VI, 438, 29, [2] с.
2. Александров С. В. Смоленская армия обороны в 1609 г. // Смоленская крепостная стена. 2024. № 8. С. 16–21.
3. Александров С. В. Смоленская осада, 1609–1611. М.: Вече, 2011. 298 с.
4. Государственность России: словарь-справочник. Кн. 6: Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного управления и частнопроводные акты: конец XV века – февраль 1917 года. Ч. 2. М.: Наука, 2009. 397 с.
5. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.
6. Донской В. Б. Оборона Смоленска 1609–1611 гг.: (из истории борьбы с польской интервенцией в Московском государстве в начале XVII века): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1941. 204 с.
7. Кирпичников И. А. Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 376 с.
8. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018. 540 с.
9. Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. 593 с.
10. Мальцев В. П. Борьба за Смоленск. (XVI–XVII вв.). Смоленск: Смолгиз, 1940. 424 с.
11. Мальцев В. П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609–1610 гг. // Исторический архив. 1960. № 5. С. 129–139.
12. Медведев П. А. К вопросу о регулировании внутренней жизни в осажденном Смоленске в 1609–1611 гг. Хлебное распределение // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб.; Киев: Київ. кн. друкарня наук. кн., 1993. С. 44–56.
13. Молочников А. М. Дворяне разных городов в осажденном Смоленске. Состав, численность и характер службы // Исследователю русской служилой знати А.П. Павлову – 70 лет: сб. науч. ст. в честь юбилея ученого. СПб.: Деан, 2025. С. 137–155.
14. Молочников А. М. Приходная книга Смоленского монастыря 1609–1610 годов // Novogardia. 2019. № 4. С. 420–426.
15. Молочников А. М. Смоленский служилый город в Смутное время: 1605–1612 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 236 с.
16. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2, вып. 1. М.: Ин-т истории СССР, 1976. 241 с.
17. Селин А. А. Женщины в осажденном Смоленске // Да веселится Новъгардъ. Må Novgorod fröjda sig. Hyllningsskrift till Elisabeth Löfstrand (= Stockholm Slavic Papers 26). 2016. P. 207–219.
18. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. Вып. 6: Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.) / под ред. Ю.В. Готье. М.: Синод. тип., 1912. XVII, 282 с.
19. Тюменцев И. О. Архив Смоленской приказной палаты Смутного времени: перспективы изучения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 402–408.
20. Челобитная посадского человека Загородной Новой Слободы Степана Павлова об освобождении его от работы по колесному делу, которого он не умеет делать, 8 сентября 1608 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Колл. 124. Оп. 1. Ед. хр. 404. 1 л.

21. Челобитная Федора Климова на имя бояр Московского государства и всей земли об освобождении его от правежа за непоставку людей «в слухи» в виду того, что все его крестьяне во время осады Смоленска умерли, 1611 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 124. Оп. 1. Ед. хр. 513. 1 л.

REFERENCES

1. *Akty istoricheskiye, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiyey. T. 2 (1598–1613 gg.)* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 2 (1598–1613)]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstven. Ye.I.V. kantselyarii, 1841. IV, 438, 29, (2) p.
2. Aleksandrov S.V. Smolenskaya armiya oborony v 1609 g. [Smolensk Garrison in 1609]. *Smolenskaya krepostnaya stena* [Smolensk Fortress Wall], 2024, no. 8, pp. 16–21.
3. Aleksandrov S.V. *Smolenskaya osada, 1609–1611* [Siege of Smolensk, 1609–1611]. Moscow, Veche Publ., 2011. 298 p.
4. *Gosudarstvennost Rossii: slovar-spravochnik. Kn. 6: Dokumentatsiya gosudarstvennykh i tserkovnykh uchrezhdeniy, soslovnykh organov, organov mestnogo upravleniya i chastnopravovye akty: konets XV veka – fevral 1917 goda. Ch. 2* [The Statehood of Russia. Reference Dictionary. Book 6: Documentation of State and Church Institutions, Estate Bodies, Local Government Bodies and Private Law Acts: The End of the 15th Century – February 1917. Pt. 2]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 397 p.
5. Demidova N.F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i yeye rol v formirovanii absolutizma* [The Service Bureaucracy in Russia in the 17th Century and Its Role in the Formation of Absolutism]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 225 p.
6. Donskoy V.B. *Oborona Smolenska 1609–1611 gg.: (iz istorii borby s polskoy interventsiei v Moskovskom gosudarstve v nachale XVII veka): dis. ... kand. ist. nauk* [The Defense of Smolensk 1609–1611: (From the History of the Struggle Against the Polish Intervention in the Moscow State at the Beginning of the 17th Century). Cand. hist. sci. diss.]. Leningrad, 1941. 204 p.
7. Kirpichnikov I.A. *Ryazanskaya sluzhilaia elita v kontse XV – pervoy trety XVII veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The Ryazan Service Elite at the End of the 15th Century – the First Third of the 17th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2021. 376 p.
8. Kozliakov V.N. *Sluzhilye lyudi Rossii XVI–XVII vekov* [Service People of Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Kvadriga Publ., 2018. 540 p.
9. Lapteva T.A. *Provintsialnoye dvoryanstvo Rossii v XVII veke* [Provincial Nobility of Russia in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2010. 593 p.
10. Maltsev V.P. *Borba za Smolensk. (XVI–XVII vv.)* [The Struggle for Smolensk (16th – 17th Centuries)]. Smolensk, Smolgiz, 1940. 424 p.
11. Maltsev V.P. Zapiski o smerti «tyuremnykh sideltsev» v smolenskikh tyurmakh v 1609–1610 gg. [Notes on the Death of “Prison Inmates” in Smolensk Prisons in 1609–1610]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 1960, no. 5, pp. 129–139.
12. Medvedev P.A. K voprosu o regulirovanii vnutrenney zhizni v osazhdennom Smolenske v 1609–1611 gg. Khlebnoye raspredeleniye [On the Issue of Regulating Internal Life in Besieged Smolensk in 1609–1611. Grain Distribution]. *Rossiya ot Ivana Groznogo do Petra Velikogo* [Russia from Ivan the Terrible to Peter the Great]. Saint Petersburg: Kiev, Kyiv. knyzh. drukarnia nauk. kn., 1993, pp. 44–56.
13. Molochnikov A.M. *Dvoryane raznykh gorodov v osazhdennom Smolenske. Sostav, chislennost i kharakter sluzhby* [Nobles from Various Cities in Besieged Smolensk. Composition, Numbers, and Nature of Service]. *Issledovatelyu russkoy sluzhiloy znati A. P. Pavlovu – 70 let: sb. nauch. st. v chest yubileia uchenogo* [A. P. Pavlov, a Researcher of the Russian Service Nobility, Turns 70. Collection of Scientific Articles in Honor of the Scientist’s Anniversary]. Saint Petersburg, Dean Publ., 2025, pp. 137–155.
14. Molochnikov A.M. *Prikhodnaya kniga Smolenskogo monastyrja 1609–1610 godov* [Income-Expenditure Book of the Smolensky Monastery of 1609–1610]. *Novogardia*, 2019, no. 4, pp. 420–426.
15. Molochnikov A.M. *Smolenskiy sluzhily gorod v Smutnoye vremya: 1605–1612 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Smolensk Servant City During the Time of Troubles: 1605–1612. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2014. 236 p.
16. *Razriadnaya kniga 1550–1636 gg. T. 2, vyp. 1* [The Discharge Book of 1550–1636. Vol. 2, Iss. 1]. Moscow, Institut istorii SSSR, 1976. 241 p.
17. Selin A.A. *Zhenshchiny v osazhdennom Smolenske* [Women in Besieged Smolensk]. *Da veselitsya Novgard. Mâ Novgorod fröjda sig. Hyllningsskrift till Elisabeth Löfstrand (Stockholm Slavic Papers)* [Let Novgorod Rejoice. Me Novgorod frujda sig. Hyllningsskrift Until Elisabeth Lufstrand (Stockholm Slavic Papers)], vol. 26, 2016, pp. 207–219.

18. Gotje Ju.V., ed. *Smutnoje vremya Moskovskogo gosudarstva. 1604–1613 gg.: materialy, izd. Imp. O-vom istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te. Vyp. 6: Pamjatniki oborony Smolenska (1609–1611 gg.)* [The Time of Troubles of the Moscow State. 1604–1613. Proceedings of Imp. Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University. Iss. 6, Monuments of the Defense of Smolensk (1609–1611)]. Moscow, Sinod. tip., 1912. XVII, 282 p.

19. Tyumentsev I.O. Arkhiv Smolenskoj prikaznoj palaty Smutnogo vremeni: perspektivy izucheniya [The Smolensk Prikaznaya Chamber Archives of the Time of Troubles: Prospects for Study]. *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas], 2017, no. 8, pp. 402–408.

20. Chelobitnaya posadskogo cheloveka Zagorodnoj Novoy Slobody Stepana Pavlova ob osvobozhdenii yego ot raboty po kolesnomu delu, ktorogo on ne umeyet delat, 8 sentiabrya 1608 g. [Petition of Stepan Pavlov, a Townsman of Zagorodnaya Novaya Sloboda, for His Release from Work on Wheels, Which He Does Not Know How to Do, September 8, 1608]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN Arkhiv* (hereinafter – Arkhiv SPbII RAN) [Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 124, inv. 1, no. 404. 1 l.

21. Chelobitnaya Fedora Klimova na imya boyar Moskovskogo gosudarstva i vsey zemli ob osvobozhdenii yego ot pravezha za nepostavku lyudey «v slukhi» v vidu togo, chto vse yego krestyane vo vremya osady Smolenska umerli, 1611 g. [Petition of Fyodor Klimov to the Name of the Boyars of the Moscow State and All the Lands for His Release from the Right for Failure to Deliver People “v slukhi” in View of the Fact That All His Peasants Died During the Siege of Smolensk, 1611]. *Arkhiv SPbII RAN* [Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 124, inv. 1, dep. item 513. 1 l.

Information About the Author

Dmitry Yu. Ladygin, Postgraduate Student, National Research University Higher School of Economics, Sojuza Pechatnikov St, 16, 190121 Saint Petersburg, Russian Federation, dima_2001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4879-597X>

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Ладыгин, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, 16, 190121 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, dima_2001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4879-597X>

РОССИЯ И ЕВРОПА

XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.18>

UDC 94(367)

LBC 63.3(2)4

Submitted: 14.09.2025

Accepted: 11.01.2026

**THE POLITICAL SIGNIFICANCE OF “MUSCOVY”
AS ASSESSED BY ANTHONY SHIRLEY IN HIS TREATISE
“PESO POLITICO DE TODO EL MUNDO” (1622)**

Inessa V. Magilina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the political treatise “Peso politico de todo el mundo” (The Political Weight of the Whole World), written in 1622 by an English nobleman in the service of the Spanish monarchs. *Introduction.* The treatise “Peso politico de todo el mundo” was introduced into historical circulation by Xavier-André Le Flores, using a handwritten text from the personal library of Philip IV. *Methods and materials.* The treatise consists of 27 chapters; the 12th chapter is devoted to the description of the Russian state – “Muscovy,” where Shirley spent six months in 1600. Using hermeneutic and historical-critical methods, the author attempted to recreate Shirley’s intentions regarding the prospects of “Muscovy” in the international arena after the Time of Troubles. *Analysis.* The overall tone of the work is quite objective; the description of Muscovy contained fairly complete information about the state and political capabilities of the state, from the point of view of European politics of the early 17th century. *Results.* Shirley presented the Spanish government with a ready-made project designed to crush the dominance of Spain’s two main enemies – England and the Netherlands – not by force of arms, but by breaking their trade monopolies. In a sense, the treatise represents a summary of numerous Spanish projects of the time, proposing a revival of the former might of the Iberian Empire. “Peso politico de todo el mundo” is a global geostrategic project for international, trade, and economic relations, centered on the interests of the Spanish monarchy. Analyzing the capabilities of various global powers based on their socioeconomic potential, Shirley reveals the likely benefits for the Spanish crown, including distant “Muscovy.”

Key words: political treatise, Anthony Shirley, Muscovy, international politics, Spanish crown, economic potential.

Citation. Magilina I.V. The Political Significance of “Muscovy” as Assessed by Anthony Shirley in His Treatise “Peso politico de todo el mundo” (1622). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 213-222. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.18>

УДК 94(367)

ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 14.09.2025

Дата принятия статьи: 11.01.2026

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «МОСКОВИИ» В ОЦЕНКЕ ЭНТОНИ ШИРЛИ
В ТРАКТАТЕ «PESO POLITICO DE TODO EL MUNDO» 1622 ГОДА**

Инесса Владимировна Магилина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается политический трактат «Peso político de todo el mundo» (Политический вес всего мира), написанный в 1622 г. английским дворянином, состоявшим на службе испанских монархов. Этот источник ввел в исторический оборот Ксавьер-Андре Ле Флорес, используя рукописный текст из личной библиотеки Филиппа IV. *Методы и материалы.* Трактат состоит из 27 глав, 12-я глава посвящена описанию Русского государства – «Московии», в которой Ширли провел шесть месяцев в 1600 году. Используя герменевтический и историко-критический методы, автор предпринял попытку воссоздать мнение Ширли относительно перспектив «Московии» на международной арене после периода Смуты. *Анализ.* Общий тон произведения достаточно объективен, описание Московии содержало достаточно полную информацию о состоянии и политических возможностях государства с точки зрения европейской политики начала XVII века. *Результаты.* Ширли предлагал испанскому правительству готовый проект, призванный нивелировать доминирование двух главных врагов Испании – Англию и Нидерланды, причем не силой оружия, а путем разрушения их торговой монополии. В некотором смысле трактат представляет собой обобщение многочисленных испанских идей того времени, предлагавших возрождение былого могущества Иберийской империи. «Peso político de todo el mundo» – это глобальный геостратегический проект международных и торгово-экономических связей отношений, в центре которого находились интересы Испанской монархии. Анализируя возможности различных мировых держав, основанных на социально-экономическом потенциале, Ширли раскрывает вероятные выгоды для испанской короны, в число таких стран входила далекая «Московия».

Ключевые слова: политический трактат, Энтони Ширли, Московия, международная политика, испанская корона, экономический потенциал.

Цитирование. Магилина И. В. Политическое значение «Московии» в оценке Энтони Ширли в трактате «Peso político de todo el mundo» 1622 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 213–222. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.18>

Введение. Политический трактат «Peso político de todo el mundo», забытый на несколько веков, вернул в исторический оборот Ксавьер-Андре Флорес, ученик Фернана Броделя. Флорес готовил публикацию с величайшей тщательностью, используя и сверяя рукописные копии текста под № 10580 и № 10581, находившиеся в личной библиотеке Филиппа IV. По воспоминаниям К.-А. Ле Флореса, на публикации настоял сам Фернан Бродель, который курировал работу и давал ценные рекомендации. По иронии судьбы «Peso político...» стало последней публикацией Высшей практической школы (École Pratique des Hautes Études) в серии работ, посвященных путешественникам и купцам XVI века [4].

Материалы. Произведение Э. Ширли интересно и важно по нескольким причинам. Во-первых, тем, как глубоко и подробно простой английский дворянин рассмотрел движущие силы средиземноморской и восточной политики начала XVII в. с использованием социально-экономического анализа. Во-вторых, описанием многих стран – Испании, Франции, Германии, Венеции, Генуи, Савойи, Австрии и вотчинных государств императора, Польши, Московии, Швеции, Англии, Голландии, Берберии, Турцию; Африки; Персии, Индии Великих Мо-

голов; Цейлона; Суматры, Бенгалии, Сиам, Борнео и всех портов вплоть до Китая и Японии, Филиппин и Малайзии... и, наконец, «портов, которые англичане и повстанцы могут захватить в Южном море, в дополнение к тем, которые они пересекли на Магеллановом пути вдоль всего побережья Бразилии и на архипелаге Западной Индии, вплоть до устья реки Баама и материковой части Флориды» [4, р. 17]. Некоторые из этих стран Ширли посетил лично или имел сведения из проверенных источников информации. Это описание не географа, а скорее экономиста и социолога. Ширли рассматривал характер известных ему государств и народов, их ресурсов и потребностей, а также возможные способы эксплуатации этих ресурсов на благо Испании. Сын своего авантюрного века, Энтони Ширли мыслил категориями близкого будущего: меркантилистскими терминами производства, потребления и обмена. Он как бы тщательно «и терпеливо плетет свою паутину над мировой торговлей, предлагая Испании ее путеводную нить» [4, р. 34]. Трактат состоит из обширного предисловия, посвященного Гаспару де Гусман графу-герцогу Оливаресу¹, 27 глав, в каждой из которых рассматривается отдельно взятая страна, а в конце трактата вместо заключения аналитичес-

кое обобщение, адресованное Оливаресу. Глава 12 посвящена описанию Русского государства – Московии, в которой Ширли провел шесть месяцев в 1600 году.

Методы. Возникает закономерный вопрос, каким образом простой английский дворянин сумел приобрести такой значительный вес и авторитет, чтобы давать политические прогнозы королевскому правительству Испании? Используя герменевтический и историко-критический методы автор предпринял попытку воссоздать в максимально возможной степени мнение Энтони Ширли относительно перспектив «Московии» на международной арене после периода Смуты.

Анализ. Энтони Ширли был настоящим сыном XVI в., эпохи географических открытий и становления национальных государств, когда ломались старые политические и социально-экономические стереотипы и рождалось понятие Нового времени. Личность и бурная жизнь Ширли едва ли удивляла современников, примеров взлетов и падений отдельных волюнтаристов в это время было множество, стоит вспомнить «жизнь и приключения» знаменитых Уолтера Рэли и Фрэнсиса Дрейка, современников Ширли. Энтони Ширли тоже был англичанином из старинного, но обедневшего дворянского рода. Ширли окончил Оксфорд, некоторое время был солдатом на службе королевы Елизаветы в Нидерландах, а затем путешествовал по миру в поисках возможностей, где бы он смог достойно реализовать свои незаурядные способности. Сначала Ширли возглавляет экспедицию в Вест-Индию (1596–1597), затем в Венецию, где он, ярый протестант, становится католиком. В Венеции рождается план экспедиции в Персию, которая считалась потенциальным союзником европейцев по антиосманской борьбе. Миссия в Персию носила скорее разведывательный, а не официальный характер, состояла из 29 человек, главным образом англичан, профессиональных военных. В Персию Энтони Ширли отправился вместе с младшим братом Робертом, которому на тот момент едва исполнился 21 год. В Персию миссия добралась в 1599 г. в самый удачный момент, шах Аббас Сефевид только что разгромил государство узбеков-шейбанидов, давних врагов Сефевидов. Теперь Аббас мог полностью заняться

войной с Османской империей. Ширли завоевывает доверие шаха Аббаса, хитрого и расчетливого политика. Ширли умело манипулировал желанием шаха получить в союзники европейских государей, интересы которых он представлял, несмотря на свой неофициальный статус. В результате Ширли получает от Аббаса полномочия представлять шаха на переговорах с христианскими государями по вопросу «союза против османов». Брат Ширли – Роберт, остался при дворе шаха в качестве почетного заложника, до возвращения посольства обратно в Персию.

Персидское посольство Ширли, которое он осуществлял в компании с представителем шаха Хусейн Али Бекком Байатом, – тема отдельного рассмотрения² [3]. В силу разного рода причин и интриг посольство не достигло желаемого результата – создания антиосманского союза европейских государей с персидским шахом, но и неудачным его назвать нельзя³. В 1601 г. Ширли, деятельность которого вызвала гнев английской королевы, поступает на службу сначала к императору Священной Римской империи Рудольфу II, который дает ему титул графа, а затем в 1603 г. переходит на службу к его племяннику, испанскому королю Филиппу III. Король поручает ему в 1606 г. миссию в Марокко и наделяет титулом генерала испанского флота в Средиземном море. Ширли придумывает грандиозный проект: перенаправить мировой торговый трафик – Ормузский пролив – Багдад-Алеппо-Стамбул, через Персию и Русское государство. Таким образом, решались сразу две стратегические задачи: османы лишались основного источника богатства, а Испания становилась монополистом восточноазиатского торгового пути [7, р. 31]. Но для осуществления такого проекта у испанской короны уже не было ни сил, ни средств.

Энтони Ширли признавали при дворе экспертом по международным отношениям, особенно если они касались восточных проблем – отношений с Индией, Османской империей, Персией и Московией, которую считали «Тартарией», «Скифией», но только не частью европейского христианского сообщества. Далекая Московия (несмотря на то что дипломатические контакты между Великим князем Василием III и императором Карлом V нача-

лись еще в 20-х гг. XVI в.) оставалась своеобразной «terra incognita» для испанской монархии. В 1606 г. скоропостижно скончался царь Борис Годунов, в России началась гражданская война и иностранная интервенция – Смута. Герцог Лерма⁴, фаворит Филиппа III, поручил Э. Ширли разъяснить настоящее положение вещей касательно «хаоса» происходящего в «Московии». Стоит отметить, что Э. Ширли еще осенью 1600 г., пребывая в Праге при дворе императора Рудольфа II Габсбурга, вступил в орден иезуитов. Тесные контакты с английскими и польскими иезуитами позволили Ширли иметь довольно свежую информацию о том, что происходило между Речью Посполитой и Россией. Мнение Ширли имело исчерпывающий характер:

Московия, когда это была спокойная и устойчивая Монархия, всегда подвергалась риску татарских набегов: сейчас она в замешательстве и удерживается силой нового завоевания, как поляки смогут сохранить ее, а очень просто – разрушая, или, по крайней мере, ослабляя всеми способами и силами татарских набегов. Кто будет сеять, кто садить, или кто будет населять землю, если люди не защищены от наводнения татарского, и кто не предвидит, что это благодеяние поляков, состоящее в завоевании Московии, состоит только в том, чтобы сделать эту землю бесплодной и без жителей [9, р. 81].

Таким образом, далекая Московия продолжая оставаться объектом международных отношений, перестала на некоторое время быть субъектом таковых.

В 1621 г. умер Филипп III и на престол взошел его сын Филипп IV, который имел своего фаворита (valido) – Гаспара де Гусман, графа-герцога Оливареса. Ширли, к этому времени почетный пенсионер испанской короны, решил напомнить о себе и о своих аналитических способностях [5, р. 77]. В 1622 г. Ширли посвящает всесильному министру политический трактат на испанском языке «Peso politico de todo el mundo», полное название которого содержало графский титул Энтони Ширли: «Conde Bon Antonio Xerley». Трактат «Peso politico de todo el mundo» представляет собой подробный обзор и комментарии о географическом положении, ресурсах, системах политического устройства, военных союзах

и коммерческих возможностях различных европейских, азиатских и африканских государств. Энтони Ширли оценивал «вес» (в смысле политического значения) каждой страны с позиции ее способности удовлетворять свои потребности и степени зависимости от более сильных держав.

Стоит отметить, что описание делалось для конкретного адресата – первого министра испанского короля с определенным спектром политических и экономических интересов, свойственных испанской монархии в начале XVII в., и Ширли, как искусный дипломат и тонкий аналитик, расставил акценты в нужных для Оливареса местах. Если бы Ширли делал подобный анализ-описание для французского или английского короля, акценты были бы смещены в нужном для их внешнеполитических интересов направлении. Военно-политические и коммерческие возможности государств рассматривались в трактате с точки зрения выгод для испанской монархии к моменту прихода к власти Филиппа IV. Содержание трактата демонстрировало исключительную эрудицию автора и то, в какой степени этот предприимчивый джентльмен, посвятивший себя служению Испании, стал отождествлять себя с этой страной. Ширли отмечал:

Рост числа коммерческих операций увеличивает власть за морем... если Ваше Величество увеличит и расширит уже имеющиеся у него контракты в торговле пряностями, то именно это расширение связей увеличит число коммерческих операций на этих морях, а вместе с ними и власть на морях [4, р. 32].

«Peso politico de todo el mundo», являясь проектом своеобразной «иберийской глобализации», должен был послужить всесильному Оливаресу подробной инструкцией для восстановления былого «величия» испанской монархии.

Общий тон произведения достаточно объективен, хотя временами Ширли дает волю своей личной неприязни к некоторым странам, где с ним обращались жестоко, – это Россия и Венеция⁵. Несмотря на личную неприязнь, описание «Московии» содержало достаточно полную информацию о состоянии и политических возможностях государства. Ширли действи-

тельно обладал аналитическими способностями и рассматривал любые сведения с точки зрения практической выгоды для положения того или иного государства. Поэтому описание «Московии», сделанное Ширли, позволяет взглянуть на состояние и политическое значение России с точки зрения европейской политики и дипломатов начала XVII века.

«Московия», ее политика и экономика, были далеки от интересов испанской монархии в начале XVII века. Единственное, что их связывало – общий враг – османы, непосредственный для испанских территорий и достаточно опосредованный для Москвы, особенно в момент восстановления после «смутного лихолетья». И Ширли это хорошо понимал, поэтому его описание «Московии» носит скорее характер аналитической справки, а не практических рекомендаций для испанского правительства. Во вступительной части описания «Московии» Ширли подчеркивал, что:

Хотя кажется, что знания Московии мало касаются этой Монархии (Испании. – И. М.), она во многом представляет интерес, потому что ее государства настолько обширны, что они объективно представляют как косвенные, так и абсолютные права всех монархов и властей в мире [4, р. 57].

Ширли также подчеркивает, что, несмотря на дальность расстояний между Испанией и Москвией, торговый обмен между странами не просто существует, но и является взаимовыгодным:

Многие вина из Испании и Канарских островов: с Мадейры привозят сласти и пряности разного вида. И в обмен на эти товары вывозят много сырой кожи, воска, большие и малые рыболовные снасти, много меду, языки и солонину, рыбу, деготь, сало, дорогие меха различных животных, зубы морских коньков, шкуры бобров и икру [4, р. 57].

Ширли дал характеристики четырем важнейшим торгово-транспортным узлам Русского государства, в которых «заключаются сделки». Это прежде всего:

Сан-Николае = Св. Николай (Архангельск. – И. М.), куда прибывают англичане и мятежники⁶ с тонкими и толстыми сукнами, ворсальными, льняными полотнами, тушами, бархатами, кам-

чатными тканями, разноцветной тафтой, с крупным и мелким жемчугом в изобилии, с золотом, которое ценится очень высоко в Московии...

Второе перевалочное место – это Новгород, где заключают сделки с приезжими из Швеции, товар которых – медь, а в обмен забирают шкуры животных разных типов, одни – обычные, другие – дорогие.

Третий пункт – Эстасиан (Астрахань. – И. М.), расположенный в устье великой реки Волги, где она впадает в Каспийское море. Туда приезжают персы и армяне с золотом, бархатами, тафтой и камчатными тканями из Индии, из Бомбея, с тканями, расшитыми золотом и серебром, произведенными в Персии, с мелким жемчугом и драгоценными камнями, такими, как рубины, гиацинты и другие. В обмен забирают шкуры разных животных, воск и какие-то кожи, что они называют segri (шагрень), годные для ножен турецких сабель, налучников и колчанов для стрел.

Четвертое место деловых сделок – это Круир (Груир. – И. М.) [4, р. 57].

Четвертое место очень трудно определить географически, но вероятнее всего это древний Гургандж (Ургенч) – столица Хорезмского государства. Гургандж был важным торговым узлом на Великом Шелковом пути, соединяющим Восток и Запад. Важнейшими опорными пунктами большого отрезка Великого шелкового пути были Тана (Азов на Дону) – Сарай (Волга) – Гургандж (Джейхун-Амударья) – Отрар (Сейхун-Сырдарья) – Алмалык (Семиречье) и далее Китай. Все торговые города были одновременно речными или морскими портами⁷. Это отмечает и Ширли, что восточнее: «Круира, прямой путь в Катаю» [4, р. 58].

Далее Ширли начинает раскрывать особенности менталитета русских «москвичей» – социально и политически замкнутых, склонных к самоизоляции, и, главное, столь враждебных «истинным христианам», то есть католикам. Самоизоляция москвичей проявляется следующим образом:

А в Китай, из-за страха смерти, не отправляется ни один москвитин из государства, ни для того, чтобы посмотреть страну, ни для торговых сделок; разве только лишь какой-нибудь посол, отправляющийся по поручению государя или в Польшу по причине общих границ, или в Англию, или к мятежникам по делам торговых сделок [4, р. 58].

Подобная ситуация, на взгляд Ширли, кажется совершенно неприемлемой для развития «свободной торговли». Ширли не мог объяснить ее с рациональной, прагматической точки зрения, и поэтому он выносит вердикт, который в общем служит некоторым европейцам объяснением российского менталитета и в настоящее время:

Это происходит из-за варварства, там существующего, каковое самое большое и самое зверское в мире [4, р. 58].

Подобное умозаключение Ширли можно было бы объяснить с точки зрения неприязни к москвитам как «схизматикам», которых часть католических деятелей этого периода считала хуже турок-османов. Турки мусульмане были однозначно чужие, а «схизматики», с одной стороны, христиане, но не такие, как «мы» – истинные христиане – «*respublica Christiana*». «Мы» – это европейское сообщество, многонациональное, но имевшее общие культурно-исторические и политические корни. Поэтому, несмотря на то что «москвиты» были христианами, идентификация их с европейцами была почти невозможной. Отсюда «варварство», еще и «самое зверское в мире».

Однако «варварству» русских можно найти и другое объяснение, которое собственно дает сам Ширли.

Их религия – греческая, хотя и очень искаженная, и, хотя они не склонны ни к какой другой секте, кроме как к своей, они с еретиками⁸ обращаются неплохо. ... Среди всех религий им наиболее всех ненавистна – католическая, они считают, что отцы Компаний⁹ были теми, кто подвиг поляков к жесточайшей войне с ними, в которой погибли более миллиона человек [4, р. 58].

Именно такой красноречивой цифрой Ширли оценивает людские потери в период Смуты. Она тем более ценна, что звучит из уст иностранца, не испытывавшего симпатий к жертвам.

Важны и любопытны рассуждения Ширли по поводу того, почему Московия, государство, состоящее из множества «разных полномочий»¹⁰, потерпело поражение от поляков. Он полемизирует с османским военачальником Мустафой-пашой, с которым был лично знаком.

Мустафа Паша, хотя он был великим человеком среди турок в области знаний, весьма восхваляя общие государственные договоры, ошибся, считая существование этого государства вечным и крах его невозможным, потому что оно является столь сильно сплоченным, что ни один вассал не мог перебежать в приграничное государство, из-за чего кажутся непреодолимыми и неправопособными какие-либо взаимопонимания с другими властителями, из-за чего отвергаются стремления к другим привычкам и обычаям, кроме своих родных; не видя другого правителя, правления других царей в этих государствах, они питают к своему государю великое почтение и поклонение, а своих подчиненных держат в рабском послушании [4, р. 59].

Но в отличие от османского генерала как раз эту особенность Ширли считал слабым местом в политическом устройстве Русского государства. Он утверждал, что:

...Манера держать их (подданных. – И. М.) в изоляции полностью лишает их знаний; и имея столь большое количество подданных в столь большом государстве, не ведая об изменениях в других местах, кроме своих, все это стало причиной того, что поляки одолели их в войне; и в другие времена, по этой же самой причине, другие государства делают то же самое и еще больше [4, р. 59].

С этим утверждением Ширли трудно не согласиться, однако поведению русского народа издревле была чужда всякая логика, поэтому, несмотря на «рабское послушание» и «варварство», приобретенное в результате самоизоляции, русские поляков не только выгнали из страны, но и через 50 лет воссоединились с древнерусскими землями, которыми несколько сот лет владела Речь Посполитая. Кроме того, Ширли противоречит сам себе, когда говорит об ужасах изоляции и тут же утверждает, что: «у них изобилие продуктов питания, и есть очень дешевые» [4, р. 59].

Отношения с главным врагом христианского мира в XVI–XVII вв. также не осталось без внимания Ширли.

Время от времени москвиты имеют краткие перемирия с турками, и оба государства имеют общие границы; со стороны реки Танаис¹¹, перекопские татары¹² доставляют москвитам постоянные неприятности. И татары из Орды¹³ платят им (москвитам. – И. М.) дань, и являются их вассалами из-за разрешения пользоваться про-

ездом по реке Волге между Казанью и Астраханью... [4, р. 59].

Ширли отметил и еще одну особенность социально-политического устройства Российского государства: «Государь – абсолютный деспот, он хозяин жизни и имущества» [4, р. 59].

И это по-настоящему страшно для Ширли, так как «имущество-собственность» для англичанина – это тот основополагающий социальный стержень, без которого человек в Европе не мог по-настоящему считаться полноценным, в смысле дееспособности и правоспособности. Собственность свята и никакой король или император не мог на нее покушаться, если это только не уголовное преступление, которое должно быть законодательно установлено. Московиты, по мнению Ширли, «живут без законов, слова не держат» [4, р. 59]. Но, несмотря на это, к удивлению Ширли «столь преданы своим государям, что их можно назвать зверски послушными» [4, р. 59].

Стоит подчеркнуть, что последняя деталь может «смутить» именно Ширли и его адресатов, но не османского Мустафу-пашу или подданных шаха Аббаса.

Не обходит Ширли вниманием и состояния вооруженных сил «абсолютного деспота»:

Его армия состоит из конницы и пехоты. Конница имеет то же оружие, что и татары: луки, сабли и множество оружия, мало копий и щитов. Его пехота – ни большие, ни меньшие, как лучники с малым количеством аркебуз в три и менее пядей. И ополчение вооружено хорошо [4, р. 59].

После такой нелестной характеристики, в чем же могла, по мнению Ширли, состоять выгода отношений Испании с далекой Московией? Здесь стоит упомянуть о заветной мечте Ширли, которую он лелеял всю жизнь, – это Индия и ее богатства. Даже не долго находясь при дворе шаха Аббаса, Ширли самым невероятным образом вступил в переписку с наместником императора Акбара в Лахоре, который до 1598 г. был столицей Великих Моголов, и собирался после окончания персидского посольства отправиться туда в качестве военного советника [3, р. 87]. Именно торговый путь из Индии и Персии через

Московию, в обход османских владений, мог серьезно пошатнуть экономическое могущество Блистательной Порты. Именно на этом моменте Ширли делает акцент, и чтобы графу-герцогу Оливаресу было более понятно, каким образом можно пользоваться торговыми преимуществами в связях с Москвой, приводит пример английской «Московской компании» (Muscovy Company), которая начала свою деятельность в Москве еще при Иване Грозном и успешно пользовалась своим положением не только для торговли непосредственно в России, но и в Персии и Индии.

Торговля, которую они имеют с англичанами и бунтовщиками, столь велика и выгодна, что первая купеческая компания, которая возникла и укоренилась в Англии, была с участием Московии, что послужило образцом и формой при учреждении многих компаний, представляющих оба народа в своем составе [4, р. 59].

И далее:

Но так же, как он (Монарх. – И. М.) дал разрешение англичанам привозить товары из Персии по Волге, таким же образом могут дать разрешение открыть навигацию в Восточную Индию, к Южному морю и в Китай; я говорю об этом, зная, что они уже договорились об этом, и с большим риском, во дни Бориса Фёдоровича, великого князя Московского [4, р. 59].

Стоит пояснить, что имел в виду Ширли, когда говорил, что Борис Годунов восстановил деятельность английской «Московской компании». В 1550-х гг. Иван IV дал английским купцам большие привилегии: беспоплатную торговлю многими товарами, устройство торговых дворов в важных городах, право экстерриториальности. Англичане, воспользовавшись такими привилегиями, развернули активную транзитную торговлю с Персией и сделали Архангельск местом своего постоянного пребывания. Однако вскоре Иван IV понял, что подобная деятельность английских купцов вредит его собственной торговле, так как англичане не платили торговых пошлин, а вся международная торговля являлась монополией Русского государства. Вот как это описал Ширли:

...Около пятидесяти лет тому назад московиты дали разрешение англичанам на заключение

деловых сделок на товары из Персии, в чем Монарх ошибся. Договор довольно быстро был разорван из-за большой алчности англичан и их желания повышать цены на товары из Персии в Московии [4, р. 59].

Борис Годунов, который успешно позиционировал себя посредником между европейскими монархами и шахом Аббасом [6, р. 212], восстановил право англичан на беспощадную торговлю, но с серьезными ограничениями. Купцам «Московской компании» было разрешено торговать только оптом и только английскими товарами, а не перекупленными, что делало невозможным беспощадный провоз через Россию товаров из Индии и Персии.

Результаты. «Peso politico de todo el mundo», написанное в 1622 г., давало Оливаресу готовый план, призванный сокрушить двух главных врагов Испании – Англию и непокорные Нидерланды, причем не силой оружия, а путем разрушения их торговли. Это было тем более важно, потому что в 1622 г. Испания потеряла о. Ормуз. Шах Аббас, которому надоело ждать помощи европейцев в войне с турками-османами, с помощью небольшого английского флота уничтожил португальской гарнизон на о. Ормуз. Португальцы контролировали Ормуз со времен его аннексии генералом Альфонсу д'Албукерки в 1507 году. Владение Ормузом давало иберийской монархии полный контроль над торговлей между Индией и Европой через Персидский залив. Однако захват Ормуза персидскими войсками полностью изменил баланс сил евроазиатской морской торговли¹⁴ [2, р. 216]. План Ширли по перенаправлению торговых потоков из Индии через Московию мог бы, по его мнению, восстановить былое «величие» испанской монархии.

До настоящего времени нет убедительных доказательств, читал ли Оливарес трактат Ширли. Вероятнее всего – да, потому что сочинение находилось в личной библиотеке Филиппа IV. Однако советами Ширли ни Филипп IV, ни его правительство во главе с Оливаресом не воспользовались [8, р. 91]. Испания вступила в эпоху экономической и политической стагнации, а остальная Европа уже четыре года вела кровопролитную войну, вошедшую в историю как «Тридцатилетняя война». Тем не менее деятельность Энтони Ширли и его брата Роберта оказала значительное влияние

на формирование представлений европейцев о шахе Аббасе и Персидской державе в целом [1, р. 39]. Московское государство также переживало тяжелый период экономического и политического восстановления, пытаясь вернуть статус, приобретенный при Борисе Годунове. К сожалению, на это потребовалось гораздо больше времени, чем длилась «Тридцатилетняя война». В прежнем виде статус Российского государства, достигнутый при царе Борисе Годунове, удалось восстановить только в эпоху Петра I [6, р. 320]. Однако мнение о русских-москвитях, составленное Энтони Ширли, оставалось неизменным на протяжении нескольких веков. «Московиты» так и не стали европейцами, но что более важно, мало изменили в глазах европейцев свой облик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаспар де Гусман-и-Пиментель Ривера-и-Веласко де Товар, граф-герцог Оливарес (1587–1645) – испанский государственный деятель. С восшествием на испанский престол в 1621 г. Филиппа IV Оливарес стал грандом Испании и получил титул герцога Санлукар ла Майор, сохранив при этом титул графа. С 1622 г. являлся ближайшим доверенным лицом и советником короля (*valido*). С 1622 по 1643 г., действуя от имени короля (официально не занимая государственных должностей), играл ключевую роль в управлении Испанской монархией и определении ее внешней политики.

² Все подробности путешествия персидского посольства через Россию детально описаны непосредственным участником посольства Орудж Бек Байат, племянником главы посольства Али Кули Бека Байата. В Испании он и еще три перса – члены посольства – стали ренегатами и приняли христианство. Орудж Бек стал Дон Жуаном Персидским (подробно об этом см.: [3]).

³ Являясь послом шаха Аббаса I, в результате интриг августинского монаха о. Мело, Ширли вызвал у Бориса Годунова подозрения в шпионаже в пользу поляков. Шесть месяцев пребывания в Москве были наполнены для Ширли драматическими событиями и невероятным нервным напряжением, память о котором выражалась в откровенной антипатии к русским (см.: [3, с. 67–70]).

⁴ Франсиско Гомес де Сандоваль-и-Рохас, 1-й герцог Лерма (1553–1625), всемогущий фаворит («валидо») короля Филиппа III, поручившее ему ведение всех государственных дел.

⁵ Во время прибытия персидского посольства в Венецию Ширли был арестован и посажен на два

месяца под домашний арест, а его полномочия в качестве посла шаха Аббаса не были признаны. Ширли был лишен возможности продолжить путь с основным составом посольства. Поэтому, давая характеристику венецианцам и их политическому устройству, Ширли категорически заявлял, что их Республика «самая тираническая из когда-либо существовавших» и является «смертельным» врагом Испанской монархии.

⁶ Имеются в виду голландцы, с которыми Испания вела войну 80 лет. В историю она вошла как Нидерландская война за независимость (1572–1609, 1621–1648).

⁷ В самом конце XVI в. р. Амударья, изначально впадавшая в Аральское море, соединенное с Каспийским морем, изменила свое русло и столицей Хорезма становится Хива.

⁸ Имеются в виду голландцы и англичане.

⁹ Имеется в виду орден иезуитов.

¹⁰ Под «полномочиями» Ширли понимает власть над определенной территорией. Суверенитет Московских государей представлял собой власть над различными территориями, это было отражено в титуле правителя: «Божиею милостию, Государь Царь и Великий Князь Федор Иванович всея России, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Вятский,

Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгородской Низовской земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондийский, и Обладатель всея Сибирской земли и великия реки Оби, и Северныя страны Повелитель и иных многих земель Государь».

¹¹ Река Дон.

¹² Имеются в виду татары Крымского ханства.

¹³ Имеется в виду Ногайская Орда (Мангытский юрт), образовавшаяся в результате распада Золотой Орды. С Ногайской Ордой Русское государство имело «особые» отношения в рассматриваемый период. Ногаи не были вассалами русского государя в полном смысле слова. Дани (ясак) ногаи не платили, но при необходимости присылали в Москву войска. Это были отношения не вассалитета, а протектората.

¹⁴ Изгнание португальцев из Ормуза создало для англичан благоприятные условия для развития торговли персидским шелком. Англичане обменивали сукна, кружево и другие изделия на шелк. Не последнюю роль в союзе шаха Аббаса с английской монархией сыграл младший брат Энтони Ширли Роберт, который провел на службе шаха более двадцати пяти лет, периодически исполняя посольские поручения шаха к европейским монархам (см.: [1]).

REFERENCES

1. Blow D. *Shah Abbas: The Ruthless King Who Became an Iranian Legend*. S.l., I.B. Tauris, 2009. 288 p.
2. Chaudhuri K.N. *The English East India Company: The Study of an Early Joint-Stock Company 1600–1640 (Reprint)*. London, Taylor & Francis, 1999. 465 p.
3. Efendiev O., Farzaliev A., eds. *Rossiya i Evropa glazami Orudzh-beka Bayata – Don Zhuana Persidskogo* [Russia and Europe Through the Eyes of Oruj-bek Bayat – Don Juan of Persia]. Saint Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University; Publishing House of St. Petersburg State University, 2007. 211 p.
4. Le Flores X.-A. *“Peso politico de todo el Mundo” d’Anthony Sherley, ou un aventurier au service de l’Espagne*. Paris, S.E.V.P.E.N., 1963. 198 p. Portrait, carte (Bibliothèque generale de l’Ecole pratique des hautes Etudes, VI-e section).
5. López-Cordyn Cortezo M.V. *De Moscovia a Rusia: Caracteres nacionales y limites Europeos en el imaginario Espanol de los siglos XVII y XVIII*. Saitabi, vol. 55 (2005), pp. 77-98.
6. Magilina I.V. *Rossiya i proyekt antiosmanskoy ligi v konce XVI – nachale XVII vv.* [Russia and the Project of the Anti-Ottoman League in the Late 16th – Early 17th Centuries]. Volgograd, MIRIA, 2012. 372 p.
7. Rudi Matthee. Iran’s Relations with Europe in the Safavid Period. Diplomats, Missionaries, Merchants and Travel. *The Fascination of Persia: The Persian-European Dialogue in Seventeenth-Century Art & Contemporary Art from Tehran*. Zürich, Verlag, 2013, pp. 6-40.
8. Schwartz G. The Sherleys and the Shah Persia as the Stakes in a Rogue’s Gambit. *The Fascination of Persia: The Persian-European Dialogue in Seventeenth-Century Art & Contemporary Art from Tehran*. Zürich, Verlag, 2013, pp. 78-99.
9. Sir Denison Ross E., ed. *Sir Anthony Sherley and His Persian Adventure, Including Some Contemporary Narratives Relating Thereto*. London, G. Routledge & Sons, Ltd., 1933. 293 p.

Information About the Author

Inessa V. Magilina, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, in.magilina@yandex.ru, magilina@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8221-0332>

Информация об авторе

Инеcса Владимировна Магилина, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, in.magilina@yandex.ru, magilina@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8221-0332>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.19>

UDC 94:930.253(470+571)

LBC 63.3(2)51

Submitted: 22.08.2025

Accepted: 13.11.2025

**“A DETAILED CHRONICLE OF THE HISTORY OF RUSSIA
FROM ANCIENT TIMES TO THE BATTLE OF POLTAVA,” THE SO-CALLED “NOTES”
BY COUNT A.A. MATVEYEV AND “A BRIEF DESCRIPTION
OF THE BLESSED DEEDS OF EMPEROR PETER THE GREAT” BY P.N. KREKSHIN**

Alexey I. Alekseev

Russian National Library, Saint Petersburg, Russian Federation;

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Collections of historical content of the 18th century retain in their compositions a sufficient number of little-studied monuments of historical narrative with stories about the Peter the Great era. “A detailed chronicle from the beginning of Russia to the Battle of Poltava” is one of the largest projects of late chronicle writing and a valuable source on the history of Russia in the late 17th – early 18th centuries. *Methods and materials.* Since its introduction into scientific circulation in 1798–1799, N.M. Karamzin, K.N. Bestuzhev-Ryumin, A.N. Nasonov, M.V. Nikolaeva, A.V. Sirenov, and others have turned to the study of this monument. In the collections of the OR RNB, it was possible to identify a copy of the “Detailed Chronicle,” which, based on the watermarks on the paper, should be dated to 1720. *Analysis.* The discovery of this list allows us to significantly change traditional ideas about the work of the compilers of the “Detailed Chronicle.” We have to admit that work on its compilation began during the life of Peter the Great. Comparison of the texts of “The History of Two Tsars in the Russian Tsardom and the First Revolt from the Streltsy” according to the list we identified with later lists allows us to discover important discrepancies. The early copy does not include the story of Simeon Polotsky’s miraculous prediction of the conception and birth of Peter, the speech of the dying Tsar Alexei Mikhailovich, or the story of the Streltsy revolt, which does not mention the attempts of Princess Sophia to persuade the Patriarch to elect Ivan as Tsar, etc. *Results.* A comparative analysis of the texts of the early edition in the list from the Collection of the St. Petersburg Theological Academy No. 300 with the “Story of the Streltsy Revolt” published by A.P. Bogdanov allows us to discover that the text of the latter is a greatly abbreviated account of the corresponding places of the early version of the “Detailed Chronicle.” Priest I.L. Poborsky, when compiling the “History of the Streltsy Revolt,” knew about the existence of the “Detailed Chronicle.” P.N. Krekshin, in his work dated June 1742, used the text of the “Detailed Chronicle” as the main source. *Funding.* The study was financially supported by the Russian Science Foundation under project No. 23-18-00420, “New People of New Russia: Anthropology of a Sea Power in the First Half of the 18th Century.”

Key words: Peter I, “A Detailed Chronicle of the History of Russia Before the Battle of Poltava”, “Notes” by Count A.A. Matveyev, “History” by P.N. Krekshin, Moscow uprising of 1682, source study, textual criticism.

Citation. Alekseev A.I. “A Detailed Chronicle of the History of Russia from Ancient Times to the Battle of Poltava”, the So-Called “Notes” by Count A.A. Matveyev and “A Brief Description of the Blessed Deeds of Emperor Peter the Great” by P.N. Krekshin. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 223-231. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.19>

**«ПОДРОБНАЯ ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИИ РОССИИ ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИИ», ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ЗАПИСКИ»
ГРАФА А.А. МАТВЕЕВА И «КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ БЛАЖЕННЫХ ДЕЛ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО» П.Н. КРЕКШИНА**

Алексей Иванович Алексеев

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Рукописные сборники светского содержания XVIII столетия сохраняют в своих составах достаточное количество малоизученных памятников исторического нарратива с рассказами о Петровской эпохе. «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» является одним из самых масштабных проектов позднего летописания и ценным источником по истории России конца XVII – начала XVIII века. *Методы и материалы.* Со времени ее введения в научный оборот в 1798–1799 гг. к изучению этого памятника обращались Н.М. Карамзин, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Н. Насонов, М.В. Николаева, А.В. Си-ренев и др. В фондах ОР РНБ удалось выявить список «Подробной летописи», который по водяным знакам бумаги следует датировать 1720 годом. *Анализ.* Обнаружение этого списка позволяет существенно изменить традиционные представления о работе составителей «Подробной летописи». Приходится признать, что работа над ее составлением началась еще при жизни Петра Первого. Сравнение текстов «Истории о двух царях на российском царствии и о первом бунте от стрельцов» по выявленному нами списку с позднейшими списками позволяет обнаружить важные разночтения. В раннем списке отсутствует рассказ о чудесном предсказании Симеоном Полоцким зачатия и рождения Петра, речи умирающего царя Алексея Михайловича, в рассказе о стрельцком бунте не говорится о попытках царевны Софьи уговорить патриарха на избрание царем Ивана и др. *Результаты.* Сравнительный анализ текстов ранней редакции в списке из Собрания СПбДА № 300 с «Повестью о стрельцком бунте», опубликованной А.П. Богдановым, позволяет обнаружить, что текст последней представляет собой сильно сокращенный рассказ соответствующих мест раннего вида «Подробной летописи». Священник И.Л. Поборский, составляя «Историю стрельцкого бунта», знал о существовании «Подробной летописи». П.Н. Крекшин в своем сочинении, датированном июнем 1742 г., использовал текст «Подробной летописи» в качестве основного источника. *Финансирование.* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-18-00420 «Новые люди Новой России: антропология морской державы в первой половине XVIII в.».

Ключевые слова: Петр I, «Подробная летопись истории России до Полтавской баталии», «Записки» графа А.А. Матвеева, «История» П.Н. Крекшина, Московское восстание 1682 г., источниковедение, текстология.

Цитирование. Алексеев А. И. «Подробная летопись истории России от древнейших времен до Полтавской баталии», так называемые «Записки» графа А.А. Матвеева и «Краткое описание блаженных дел императора Петра Великого» П.Н. Крекшина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 223–231. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.19>

Введение. К изучению исторического нарратива об эпохе Петра Великого специалисты обращались довольно редко. По этой причине сборники исторического содержания XVIII столетия сохраняют в своих составах достаточное количество малоизученных или же совсем неизученных текстов [2]. К ним приходится отнести и весьма объемное сочинение в жанре позднего летописания. «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» яв-

ляется одним из самых масштабных проектов позднего летописания и ценным источником по истории России конца XVII – начала XVIII века. Текст «Подробной летописи» был издан первый и единственный раз Н.А. Львовым по списку, обнаруженному в Спасо-Евфимьеве монастыре [21]. В настоящее время местонахождение списка, изданного Н.А. Львовым, неизвестно, но исследователями выявлено еще не менее семи списков этого памятника.

Методы и материалы. Согласно выводу М.В. Николаевой, «Подробная летопись» – «значительный и мало изученный памятник петровской и послепетровской историографии, составленный из разнородного исторического и литературного материала, относящегося к XVI – первой половине XVIII столетия» [13]. Со времени ее введения в научный оборот в 1798–1799 гг. к изучению этого памятника обращались сравнительно немногие исследователи. Можно назвать имена Н.М. Карамзина, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.Н. Насонова, М.В. Николаевой, А.В. Сиренова. Тем не менее приходится констатировать, что к настоящему времени этот памятник нуждается в дальнейшем изучении. Не выявлены все источники этой грандиозной компиляции, остаются неизвестными основные факты ее текстологической и творческой истории, не проследжено ее влияние на другие сочинения.

На роль авторов «Подробной летописи» примеривались кандидатуры Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Г.Г. Скорнякова-Писарева. Гипотезу о трех этапах составления «Подробной летописи» предложил А.В. Сиренов. Согласно его выводу, первый этап истории текста Подробной летописи отразился в списках РГАДА: Ф. 181. № 358; БАН. 21.6.8. При этом, на его взгляд, «самый ранний вариант Подробной летописи был составлен, вероятно, в 1744 г. по распоряжению А.П. Бестужева-Рюмина» [23, с. 473–474]. Вторым этапом истории текста «Подробной летописи» отразился: в списках БАН Собрание С.Г. Строганова. № 60; РНБ. Собрание М.П. Погодина № 1431; РНБ. Собрание А.А. Титова № 1967, а также в списке, изданном Н.А. Львовым [23, с. 479]. Третья группа списков представлена двумя рукописями 1760-х гг.: БАН. 32.13; БАН. 16.3.8 (1766 г.), – которые написаны одним почерком [23, с. 481]. При этом большинство списков завершаются известиями о событиях 1697–1700 г., последнее из которых – объявление войны Швеции. Список БАН. 16.3.8 продолжает изложение событий до 1725 года. В фондах ОР РНБ удалось выявить еще два списка «Подробной летописи»: РНБ. Ф. 166. Собрание П.П. Вяземского. Ф. 115 и РНБ. Ф. 573. Собрание СПбДА № 300. Исследование «Подробной летописи» с привлечением всех известных списков, выявляе-

ние ее источников должно стать предметом будущих исследований.

Анализ. По мнению А.П. Богданова, «Подробная летопись» – одно из немногих сочинений, рассматривающих Московское восстание в целом, к тому же основанное, как говорилось выше, на солидных подборках документов по истории царствования Петра. Именно она, а не сравнительно беглые «Записки» Матвеева, должна быть центральным объектом анализа при сопоставлении «петровского» взгляда на события с версиями более ранних памятников [3, с. 48].

Характерно, что авторы новейшего исследования о жизни и деятельности Петра Великого совершенно игнорируют «Подробную летопись», но при этом активно используют сочинения, которые к ней каким-либо образом восходят. Например, они указывают, что одним из источников «Истории» П.Н. Крекшина являются воспоминания графа А.А. Матвеева [4, с. 46]. Сочинение П.Н. Крекшина, как и приписанная авторству графа А.А. Матвеева «История стрелецкого бунта», была некорректно издана И.П. Сахаровым. В своей работе я привел доказательства в пользу того, что настоящим автором «Истории» являлся священник Иван Лаврентьевич Поборский [1].

Сравнительный анализ текстов «Записок Андрея Артамоновича графа Матвеева» с текстом «Подробной летописи» позволяет заключить, что автор «Записок» был хорошо знаком с ее текстом. В «Записках» А.А. Матвеева есть прямая отсылка к «Подробной летописи»: «В Москве и в подмосковном селе Коломенском чинились бунты, первой от стрельцов, а другие два от подлой самой черни с великим волнением наглых их мятежей и бунтов» [8, с. 1]. В соответствующем месте «Подробной летописи» говорится: «В царство царя Алексея Михайловича было два бунта, один в Москве, в котором чернь, или простолудие, богатого гостя, прозванием Шорина убить хотели за то, будто он соль поднял в высокую цену. А другой такой же бунт от черни в селе Коломенском, отстояше от Москвы на семь верст» [21, с. 8–9]. Это наблюдение позволяет утверждать, что, по крайней мере, в своей ранней редакции «Подробная летопись» существовала к моменту написания «Истории о стрелецком бун-

те». Вопрос о дате написания последнего является не до конца выясненным, но, судя по наиболее раннему известному нам списку, это сочинение следует датировать временем не позднее 1721–1722 гг. [1, с. 20]. Следовательно, первоначальный вид «Подробной летописи» был составлен к этому времени. К этому же выводу склоняет и список «Подробной летописи» из фондов БАН, в котором читается запись: «Сия Лествица из книг митрополита Стефана Рязанского, равно и вся история ево рукой писанная» [19, л. 482 об.].

Решающим аргументом в пользу того, что работа над составлением «Подробной летописи» велась в 1720-х гг., является список, хранящийся в фондах Отдела рукописей в Собрании СПбДА [14, с. 296–297; 20]. Рукопись представляет собой исторический сборник-конволют, написанный на бумаге разного времени. Листы сборника, на которых помещена «История о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и о наследниках его» [20, л. 155–205], датируются по водяному знаку «Герб Амстердама» с литерами «D PERIE» 1719 г. [7, с. 100]. Сравнение этих текстов с текстом «Подробной летописи» позволяет установить, что в списке из собрания Петербургской Духовной академии мы имеем раннюю редакцию «Подробной летописи».

Обнаружение этого списка заставляет существенно изменить традиционные представления о работе составителей «Подробной летописи». Приходится признать, что работа над ее составлением началась еще при жизни Петра Первого. Сравнительный анализ текстов, повествующих об истории стрелецкого восстания 1682 г., обнаруживает существенные отличия ранней редакции «Подробной летописи» от более поздних. Эти отличия ярче всего проявляются на отношении к тем, кого автор считает зачинщиком стрелецкого бунта.

Сравнение текстов «Истории о двух царях на российском царствии и о первом бунте от стрельцов» по списку СПбДА с позднейшими списками позволяет выявить важные разночтения. В раннем списке отсутствует рассказ о чудесном предсказании Симеоном Полоцким зачатия и рождения Петра, отсутствуют и речи умирающего царя Алексея Михайловича, далее в рассказе о стрелецком бунте не говорится о попытках царевны Со-

фьи уговорить патриарха на избрание царем Ивана. Вообще о Софье как об организаторе стрелецкого мятежа в ранней редакции не говорится вовсе. На ее причастность к мятежу содержится лишь намек, когда автор сообщает, что мятежные стрельцы не искали своих врагов лишь в ее чертогах [20, л. 178 об.].

В рассказе о восстании 1682 г. главным подстрекателем стрельцов выставлен боярин Иван Михайлович Милославский и его неназванные по имени советники. При описании событий 15 мая сообщается о неких крамольниках, которые возмущали народ, разъезжая по стрелецким слободам на лошадях [20, л. 177 об.]. В более поздних редакциях «Подробной летописи» говорится, что этими всадниками были «посланные от Милославского и Петра Толстого борзо по полкам скачущее» [21, с. 84].

А.П. Богданов опубликовал «Повесть» о стрелецком бунте 1682 г. в списке 1743 г., которая существенно отличалась от текста «Подробной летописи» [3, с. 56–62]. Он обратил внимание на то, что в повести «нет ни слова о Софье и ее клеветках, об их мифических интригах». По мнению А.П. Богданова, «позднейшая Повесть существенно исправляет и уточняет пространную, основанную на документах Летопись, подтверждая в то же время необходимость обращаться при изучении Московского восстания 1682 г. к повествовательным памятникам вплоть до 1740-х гг.» [3, с. 52]. Сравнительный анализ текстов ранней редакции в списке из Собрания СПбДА № 300 с «Повестью» позволяет установить, что текст последней составлен с использованием ранней редакции «Подробной летописи». Можно утверждать, что «Повесть» не является оригинальным произведением, но представляет собой сильно сокращенный рассказ соответствующих мест ранней редакции «Подробной летописи».

Информативную ценность «Подробной летописи» не следует переоценивать. Даже в ранней редакции, которая составлялась в 1720-х гг., содержатся совершенно неверные сведения. Составители плохо ориентировались в событиях, происходивших в конце XVII столетия. Так, в числе организаторов заговора 1682 г. указаны «онаго бунта прямые уставщики и зачинщики Иван Милославский, Федор Щегло-

витой, Иван Цыклер» [20, л. 178 об.]. Таким образом, в одну группу были объединены фигуранты стрелецкого бунта 1682 г. и заговорщики 1689 и 1697 годов.

Практически все исследователи, обращавшиеся к истории царствования Петра до начала Северной войны, широко используют известия из сочинения П.Н. Крекшина. Анализ «крекшинских» известий о детстве и юности Петра Великого был предпринят в статье М.Б. Плюхановой, которая показала неоднозначность этого источника [18, с. 20–22]. При этом степень достоверности сообщаемых им сведений оценивается различно. Например, авторы новейшего исследования, оценивая достоверность сочинения П.Н. Крекшина заключают: «Можно предполагать, что в работе Крекшина, хотя и несколько искаженно, отражен подлинный факт» [4, с. 27]. Однако вопрос об источнике, из которого эти известия заимствовал сам П.Н. Крекшин, никогда не был поставлен.

Публикация И.П. Сахарова выполнена по неполному списку, который заканчивается описанием событий первого похода под Азов, завершение которого ошибочно датировано октябрём 1696 года. Полный список сочинения П.Н. Крекшина хранится в фондах Российского государственного архива древних актов [11]. Сочинение П.Н. Крекшина в этом списке завершается изложением событий 1705 года.

Предварительный анализ опубликованных текстов «Подробной летописи» и сочинения П.Н. Крекшина о детстве и юности Петра Первого позволяет заключить, что основным источником для Крекшина являлась «Подробная летопись». Ее авторы составили предсмертные речи царя Алексея Михайловича, которые дошли до нас в ее тексте и в сочинении П.Н. Крекшина. Источником для этих речей, вероятно, послужил стихотворный «Глас последний» Симеона Полоцкого [15–17].

Именно в «Подробной летописи» находится рассказ о чудесном предсказании Симеоном Полоцким и Дмитрием Ростовским зачатия и рождения Петра Великого. В основу этого рассказа было положено стихотворение, которое Симеон Полоцкий посвятил рождению царевича Петра Алексеевича [5; 9, с. 12; 12, с. 398]. Составители «Подробной летописи» со всей определенностью указали, что

этот текст был найден при составлении описи после смерти святителя Дмитрия Ростовского [21, с. 23–24]. В сочинении Крекшина вторым автором «прогностика» указан Епифаний Грек [9, с. 12]. Из «Подробной летописи» Крекшин заимствует и «пикантный» сюжет об юродивом, якобы хотевшем целовать утробу царицы, нарекшем царевича Петра прозвищем «Пахом» и предсказавшим, что царственный младенец будет владеть «великим костылем», то есть «императорским посохом», и в соответствии с ростом в младенчестве 53 сантиметра проживет 53 года [9, с. 11; 21, с. 24–26].

Обстоятельства смерти царя Алексея Михайловича описаны практически одинаково в обоих источниках. Единственное важно различие обнаруживается в перечне лиц, присутствовавших при смерти царя. В «Подробной летописи» указывается, что царь призвал к себе «Кирилу Полуехтовича Нарышкина, и Петра Ивановича сына Прозоровского, Федора Алексеева сына Головина, Гаврилу Иванова сына Головкина» [21, с. 35–36]. В то же время в сочинении Крекшина вместо Головкина назван боярин А.С. Матвеев [9, с. 17].

Следует вспомнить, что Г.И. Головкину на момент смерти царя Алексея Михайловича было всего 16 лет [25, с. 327, 328]. Несмотря на то обстоятельство, что он являлся родственником Нарышкиных, о его присутствии в узком круге царедворцев в официальном описании кончины царя Алексея Михайловича не сообщается [6, стб. 1635–1656].

Появление имени Г.И. Головкина, вероятно, маркирует его причастность к работе над «Подробной летописью» на раннем этапе ее составления. А.В. Сиренов пишет: «Видимо, в том же 1716 г. Петр поручил составление труда по истории России начальнику Посольской канцелярии Г.И. Головкину, который доверил это своему сотруднику, подьячему Посольского приказа Ивану Юрьевичу Юрьеву» [23, с. 371–372]. Ситуацию с попытками организовать написание российской истории в 1717–1722 гг. очертил Д.О. Серов. Он, в частности, отмечал: «Замыкает же развитие правительственной историографии первых десятилетий XVIII в. попытка создания истории жизни Петра I “от дней рождения” по 1700 г., порученная весной 1725 г. указом Екатерины I

возвращенному из ссылки П.П. Шафирову» [22, с. 93]. Предположительно, это распоряжение должно было завершить историографическую работу, начатую в окружении Г.И. Головкина.

Из «Подробной летописи» Крекшин заимствует и рассказ о том, как в четырехлетнем возрасте по совету боярина Федора Соковнина в учителя царевичу был назначен Н.М. Зотов, который затем по «навету» в 1680 г. был отправлен в Крым с «думным дяком Тяпкиным» [9, с. 24–25; 21, с. 76–79]. Примечательно, что в опубликованном списке «Подробной летописи» вместо Крыма упомянут «Рим» [21, с. 79].

Одинаковым образом в «Подробной летописи» и в сочинении П.Н. Крекшина изложена история смерти царя Феодора Иоанновича и избрание на престол царевича Петра [9, с. 25; 21, с. 80–81]. Затем в обоих источниках следует рассказ о том, как царевна Софья призвала патриарха и уговаривала его отменить избрание Петра в обход старшего брата Иоанна [9, с. 32; 21, с. 81]. И в «Подробной летописи», и в истории Крекшина почти одинаково описан Стрелецкий бунт 1682 г. [9, с. 32–41; 21, с. 83–99]. Причем инициаторами бунта выставлены царевна Софья, боярин И.М. Милославский и в большинстве списков Петр Толстой [9, с. 32; 21, с. 83]. Одинаковым образом описаны прения с раскольниками в Грановитой палате и последующие события Хованщины [9, с. 41–46; 21, с. 99–108], а также мероприятия правительства Софьи по сбору дворянского ополчения, подавления мятежа [9, с. 46–52; 21, с. 109–115], изъявление покорности стрельцами и царское прощение [9, с. 52–53; 21, с. 115–116].

Рассказ о прении с раскольниками в Грановитой палате во всех списках «Подробной летописи» совершенно фантастичен. Согласно ему, главным героем спора о вере стал 10-летний царь Петр Алексеевич: «Царь Петр Алексеевич по востатии с престола своего, снем с главы своей венец свой царский, и рек со слезами: “Пока сей на главе моей, и душа в теле моем, не дам мать мою церковь злодеям воевати, и правую веру неправую нарицати, и всем повелеваю вам, держу и нарицаю церковь матерью, и веру в ней ныне пресвятую и истинною”» [20, л. 181; 21, с. 100–105]. Между тем достоверно известно, что на прениях с рас-

колоучителями в Грановитой палате цари не присутствовали. В «Увете духовном», который был составлен непосредственным участником прений архиепископом Афанасием Холмогорским, перечислены представители царской фамилии, присутствовавшие на прениях: «И тамо председоша их царское величество благоверная государыня царица и великая княгиня Наталья Кирилловна, и благородная государыня царевна и великая княжна Татьяна Михайловна, и благородная государыня царевна и великая княжна София Алексеевна, и благородная государыня царевна и великая княжна Мария Алексеевна» [24, л. 61 об., 62]. Эти же представители указаны и в сочинении Сильвестра Медведева [10, с. 24]. Однако составитель «Подробной летописи», не считаясь с фактами, предпочел выставить главным героем прений с раскольниками, отсутствовавшего в Грановитой палате юного царя Петра.

Следует отметить, что в опубликованном тексте «Подробной летописи» пропущено изложение событий за октябрь 1682 г., которые представлены у Крекшина [21, с. 53–56]. Описание событий с 1 ноября 1682 г. до известия о том, что «Царевна Софья повеле имя свое с великим государи в указах и в книгах писати и на монетах тиснити», в обоих текстах совпадают [9, с. 56–63; 21, с. 116–129].

По крайней мере, в ранней редакции и в опубликованном списке «Подробной летописи» отсутствует описание переговоров с Польшей о заключении Вечного мира, которое читается у Крекшина [9, с. 63–72]. К тому же более подробно у Крекшина описаны Первый Крымский поход [9, с. 72–77; 21, с. 130–133], Второй Крымский поход [9, с. 77–79; 21, с. 133–135], и последующие события [9, с. 80–99; 21, с. 135–146]. Публикация «Записок П.Н. Крекшина» завершается событиями Первого Азовского похода, который ошибочно датируется 1696 г. [9, с. 114–115]. Список ранней редакции, как и публикация «Подробной летописи», включает описание Второго Азовского похода [20, л. 195–205 об.; 21, с. 154–160], при этом таблица строительства корабельного флота в Воронеже есть только в опубликованном списке [21, с. 161–165], а завершают повествование известия о заключении мира с Турцией и о объявлении войны Швеции [20, л. 258; 21, с. 175].

Результаты. Важнейшим итогом изучения «Подробной летописи» на предварительном этапе является вывод о том, что работа по составлению этой грандиозной компиляции началась в 1720-х гг. в кругу сотрудников канцлера Г.И. Головкина. В пользу этого свидетельствует список из Собрания СПбДА. Священник И.Л. Поборский, работая над «Историей стрелецкого бунта», знал о существовании «Подробной летописи». П.Н. Крекшин в своем сочинении, датированном июнем 1742 г., использовал текст «Подробной летописи» в качестве основного источника. Исследование текстологической и творческой истории «Подробной летописи», а также выявление

ее источников должно стать задачей будущих исследований. Вместе с тем необходимо проводить работу по изучению места и значения, которое этот памятник занимал в литературе и книжности XVIII века.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.

СПбДА – Санкт-Петербургская Духовная Академия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. История бунта московских стрельцов и «История о невинном заточении боярина А.С. Матвеева». Проблема авторства // Восемнадцатые Загребинские чтения: сб. ст. по итогам науч. конф. с междунар. участием. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2024. С. 9–21.
2. Алексеев А. И. Памятники исторического нарратива петровского времени в фондах отдела рукописей РНБ: исследовательские очерки // А. И. Алексеев, И. А. Поляков. Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. М.: Индрик, 2022. С. 195–280.
3. Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М.: Ин-т рос. истории, 1996. С. 39–63.
4. Болотина Н. Ю., Кононова А. Ю., Болотина М. О. Петр I в кругу семьи: Исследование и документы: коллектив. моногр. М.: Связь Эпох, 2023. 872 с.
5. Голубев И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24. Л.: Наука, 1969. С. 258–259.
6. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярией. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1854. 484 стб.
7. Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М.: Гос. ист. музей, 1998. 166 с.
8. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. С. 1–67.
9. Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. С. 1–115.
10. Записки Сильвестра Медведева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. С. 1–48.
11. Крекшин П. Н. Краткое описание блаженных дел великого государя, императора Петра Великого, самодержца всероссийского // Российский Государственный архив древних актов. Ф. 17. Ед. хр. 4. 439 л.
12. Леонид, архим. К биографии Симеона Полоцкого // Древняя и Новая Россия. Т. 1. СПб., 1876. № 4. С. 398–402.
13. Николаева М. В. Малоизвестная «петровская» История России и ее рукописные копии // Герценовские чтения. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Филологические науки. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1966. С. 67–68.
14. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб.: Тип. А.О. Башкова, 1893. 427 с.
15. Основное собрание рукописной книги // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Q.XIV.11. Сборник сочинений Симеона Полоцкого. 59 л.
16. Основное собрание рукописной книги // ОР РНБ. Q.XIV.12. Сборник сочинений Симеона Полоцкого. 65 л.
17. Основное собрание рукописной книги // ОР РНБ. Q.XIV.13. Сборник сочинений Симеона Полоцкого. 45 л.
18. Плюханова М. Б. История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского университета. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1981. Вып. 513. С. 17–39.
19. Подробная летопись истории России с древнейших времен // Библиотека Российской академии наук. Собрание С.Г. Строганова. № 60. 482 л.

20. Подробная летопись истории России с древнейших времен // ОР РНБ. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии. Ед. хр. № 300. 405 л.
21. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Т. 4. СПб.: И.К. Шнор, 1799. 206 с.
22. Серов Д. О. Юрьевская степенная книга: рукописная традиция, история создания, автор, текстология // И. Ю. Юрьев. Известия о житии и действиях державствующих великих князей российских. М.: ОГИ, 2013. 366 с.
23. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
24. Увет духовный. М., 1682. 272 л.
25. Федорченко В. Императорский дом. Выдающиеся сановники: энцикл. биогр. В 2 т. Т. 1. Красноярск: Бонус; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 672 с.

REFERENCES

1. Alekseev A.I. Istoriya bunta moskovskikh streltsov i «Istoriya o nevinnom zatochenii boyarina A.S. Matveyeva». Problema avtorstva [The History of the Revolt of the Moscow Streltsy and the “History of the Innocent Imprisonment of the Boyar A.S. Matveyev”. The Problem of Authorship]. *Vosemnadtsatye Zagrebinskiye chteniya: sb. st. po itogam nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [The Eighteenth Zagreb Readings. Collection of Articles from a Scientific Conference with International Participation]. Saint Petersburg, Izd-vo Ros. nats. b-ki, 2024, pp. 9–21.
2. Alekseev A.I. Pamyatniki istoricheskogo narrativa petrovskogo vremeni v fondakh otdela rukopisej RNB: issledovatel'skiye ocherki [Monuments of the Historical Narrative of the Peter the Great Era in the Collections of the Manuscripts Department of the Russian National Library: Research Essays]. Alekseev A.I., Polyakov I.A. *Dokumenty i materialy Petrovskoy epokhi v Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki* [Documents and Materials of the Peter the Great era in the Manuscript Department of the Russian National Library]. Moscow, Indrik Publ., 2022, pp. 195–280.
3. Bogdanov A.P. Narrativnye istochniki o Moskovskom vosstanii 1682 goda [Narrative Sources About the Moscow Uprising of 1682]. Muravyeva L.L., ed. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sb. st.* [Research on Source Studies of Russian History (Before 1917). Collection of Articles]. Moscow, In-t ros. ist., 1996, pp. 39–63.
4. Bolotina N.Yu., Kononova A.Yu., Bolotina M.O. *Petr Iv krugu semyi: Issledovaniye i dokumenty: kollektiv. monogr.* [Peter I in the Family Circle: Research and Documents: Collective Monograph]. Moscow, Svyaz Epokh Publ., 2023. 872 p.
5. Golubev I.F. Zabytye virshi Simeona Polotskogo [Forgotten Verses of Simeon Polotsky]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 24* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. 24]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 258–259.
6. *Dvorczovye razryady, po vysochajshemu poveleniyu izdannye II-m Otdeleniyem Sobstvennoj Yego Imperatorskogo Velichestva kancelyarij. T. 3* [Palace Orders, Issued by the Highest Order by the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery. Vol. 3]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye.I.V. kancelyarii, 1854. 484 cols.
7. Dianova T.V. *Filigrani XVII–XVIII vv. «Gerb goroda Amsterdama»* [Filigree 17th – 18th Centuries “Coat of Arms of the City of Amsterdam”]. Moscow, Gos. ist. muzej, 1998. 166 p.
8. Zapiski Andrey Artamonovicha grafa Matveyeva [Notes of Andrey Artamonovich Count Matveyev]. *Zapiski russkikh lyudej. Sobytiya vremen Petra Velikogo* [Notes of Russian People. Events of the Times of Peter the Great]. Saint Petersburg, Tip. Sakharova, 1841, pp. 1–67.
9. Zapiski novgorodskogo dvoryanina Petra Nikiforovicha Krekshina [Notes of the Novgorod Nobleman Pyotr Nikiforovich Krekshin]. *Zapiski russkikh lyudej. Sobytiya vremen Petra Velikogo* [Notes of Russian People. Events of the Times of Peter the Great]. Saint Petersburg, Tip. Sakharova, 1841, pp. 1–115.
10. Zapiski Silvestra Medvedeva [Notes of Sylvester Medvedev]. *Zapiski russkikh lyudej. Sobytiya vremen Petra Velikogo* [Notes of Russian People. Events of the Times of Peter the Great]. Saint Petersburg, Tip. Sakharova, 1841, pp. 1–48.
11. Krekshin P.N. Kratkoe opisanie blazhennykh del velikogo gosudarya, imperatora Petra Velikogo, samoderzhca vserossijskogo [A Brief Description of the Blessed Deeds of the Great Sovereign, Emperor Peter the Great, Autocrat of All Russia]. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov* (hereinafter – RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 17, dep. item 4. 439 l.
12. Leonid, arkhim. K biografii Simeona Polotskogo [To the Biography of Simeon Polotsky]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya. T. 1* [Ancient and New Russia. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1876, no. 4, pp. 398–402.

13. Nikolayeva M.V. Maloizvestnaya «petrovskaya» Istoriya Rossii i yeye rukopisnye kopii [Little-Known “Petrine” History of Russia and Its Handwritten Copies]. *Gercenovskije chteniya. LGPI im. A.I. Gercena. Filologicheskiye nauki* [Herzen Readings. LGPI Named After A.I. Herzen. Philological Sciences]. Leningrad, Izd-vo LGPI im. A.I. Gertsena, 1966, pp. 67-68.
14. *Opisaniye 432-kh rukopisej, prinadlezhashchikh S.-Peterburgskoj Dukhovnoj akademii i sostavlyayushchikh yeye pervoye po vremeni sobraniye* [Description of 432 Manuscripts Belonging to the St. Petersburg Theological Academy and Constituting Its First Collection]. Saint Petersburg, Tip. A.O. Bashkova, 1893. 427 p.
15. Osnovnoye sobraniye rukopisnoj knigi [The Main Collection of Manuscript Books]. *Otdel rukopisej Rossijskoy nacionalnoy biblioteki* (hereinafter – OR RNB). Q. XIV. 11. *Sbornik sochinenij Simeona Polotskogo* [National Library of Russia. Manuscript Department. Q. XIV. 11. Collected Works of Simeon Polotsky]. 59 l.
16. Osnovnoye sobraniye rukopisnoj knigi [The Main Collection of Manuscript Books]. OR RNB. Q. XIV. 12. *Sbornik sochinenij Simeona Polotskogo* [National Library of Russia. Manuscript Department. Q. XIV. 12. Collected Works of Simeon Polotsky]. 65 l.
17. Osnovnoye sobraniye rukopisnoj knigi [The Main Collection of Manuscript Books]. OR RNB. Q. XIV. 13. *Sbornik sochinenij Simeona Polotskogo* [National Library of Russia. Manuscript Department. Q. XIV. 13. Collected Works of Simeon Polotsky]. 45 l.
18. Plyuhanova M.B. Istoriya yunosti Petra I u P.N. Krekshina [The Story of Peter I’s Youth by P.N. Krekshin]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [Scientific Notes of the University of Tartu]. Tartu, Izd-vo Tart. un-ta, 1981, iss. 513, pp. 17-39.
19. Podrobnaya letopis istorii Rossii s drevnejshikh vremen [A Detailed Chronicle of the History of Russia from Ancient Times]. *Biblioteka Rossijskoj akademii nauk. Sobranije S.G. Stroganova* [Library of the Russian Academy of Sciences. Collection of S.G. Stroganov], no. 60. 482 l.
20. Podrobnaya letopis istorii Rossii s drevnejshikh vremen [A Detailed Chronicle of the History of Russia from Ancient Times]. OR RNB. *Sobranie Sankt-Peterburgskoj Dukhovnoj akademii* [National Library of Russia. Manuscript Department. Collection of the St. Petersburg Theological Academy], dep. item no. 300. 405 l.
21. *Podrobnaya letopis ot nachala Rossii do Poltavskoj batalii. T. 4* [A Detailed Chronicle from the Beginning of Russia to the Battle of Poltava. Vol. 4]. Saint Petersburg, pechatano u I.K. Shnora, 1799. 206 p.
22. Serov D.O. Yuryevskaya stepennaya kniga: rukopisnaya tradiciya, istoriya sozdaniya, avtor, tekstologiya [Yuriev’s Degree Book: Handwritten Tradition, History of Creation, Author, Textual Criticism]. Yuryev I. Yu. *Izvestiya o zhitii i dejstvakh derzhavstvuyushchikh velikikh knyazej rossijskikh* [News About the Lives and Deeds of the Ruling Great Princes of Russia]. Moscow, OGI, 2013. 366 p.
23. Sirenov A.V. *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl XVI–XVIII vv.* [The Book of Degrees and Russian Historical Thought of the 16th – 18th Centuries]. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2010. 552 p.
24. *Uvet duhovnyj* [Spiritual Greeting]. Moscow, 1682. 272 l.
25. Fedorchenko V. *Imperatorskij dom. Vydayushchiesya sanovniki: encikl. biogr.: v 2 t. T. 1* [Imperial House. Distinguished Dignitaries: Encyclopedia of Biographies. In 2 Vols. Vol. 1]. Krasnoyarsk, Bonus Publ.; Moscow, OLMA-PRESS, 2003. 672 p.

Information About the Author

Alexey I. Alekseev, Doctor of Sciences (History), Deputy Director General for Research, Russian National Library, Sadovaya St, 18, 191069 Saint Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, a.alexeev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

Информация об авторе

Алексей Иванович Алексеев, доктор исторических наук, заместитель генерального директора по научной работе, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.alexeev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.20>

UDC 94(470)

LBC 63.3(2)511

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 15.11.2025

KOTLIN ISLAND – THE SEA GATE OF PETER THE GREAT'S SAINT PETERSBURG: ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE TRADING PORT

Tatyana A. Bazarova

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Kotlin Island played a significant role in Peter I's plans related to the foundation and development of an international trading port and a base for the Baltic Fleet. The location of the island, near the southern shore of which the only shipping channel passed, provided opportunities for their implementation. *Methods and materials.* The source base was based on the reports of the Kotlin commandant V.I. Poroshin to the Saint Petersburg governor A.D. Menshikov, stored in the Russian State Archive of Ancient Acts (f. 198), as well as published materials: decrees and instructions of Peter I, his correspondence with his associates, and eyewitness accounts. An analysis of a set of archival and published sources made it possible to establish the role of the Kotlin commandant in solving problems related to the implementation of the sovereign's plan to create an international trading port. *Analysis.* At the beginning of the Great Northern War, due to the Swedish blockade, foreign merchant ships rarely entered the Neva Delta. The victories of the Russian fleet and the lifting of the Swedish blockade in 1713 opened up opportunities for the development of international shipping. In 1714, Peter I signed instructions determining the procedure for the actions of the Kotlin commandant, V.I. Poroshin, when foreign merchant ships approached the island. He was charged with organizing the inspection of merchant ships, escorting them to the Neva Delta, collecting information about the route, crew, and goods, and delivering reports with information received from skippers to the St. Petersburg governor. Reports of the commandant allow us to trace the gradual development of international trade relations of the new Russian capital and their geography. The *brandvachta*, created by the Tsar's decree, carried out control and inspection of all ships. A merchant harbor was built on the island, and the necessary infrastructure for receiving and servicing foreign merchant ships was created. After the end of navigation, skippers could leave their ships for the winter in a protected harbor. *Results.* An analysis of Peter I's decrees and instructions allows us to assert that he did not have a project to create an independent trading port on Kotlin. The fortress city of Kronstadt, founded on the island, became the outer port of St. Petersburg, where large merchant ships, whose draft did not allow them to enter the Neva, were received and serviced.

Key words: Peter I, A.D. Menshikov, V.I. Poroshin, Kotlin, Kronstadt, merchant shipping, international seaport, Northern War.

Citation. Bazarova T.A. Kotlin Island – The Sea Gate of Peter the Great's Saint Petersburg: On the History of the Formation of the Trading Port. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 232-243. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.20>

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 18.08.2025

Дата принятия статьи: 15.11.2025

ОСТРОВ КОТЛИН – МОРСКИЕ ВОРОТА ПЕТРОВСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТОРГОВОГО ПОРТА

Татьяна Анатольевна Базарова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Остров Котлин играл значительную роль в замыслах Петра I, связанных с основанием и развитием международного торгового порта и базы Балтийского флота. Возможности для их реализации давало местоположение острова, близ южного берега которого проходил единственный судоходный фарватер. *Методы и материалы.* Основу источниковой базы составили донесения котлинского коменданта В.И. Порошина петербургскому губернатору А.Д. Меншикову, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (ф. 198), а также опубликованные материалы: указы и инструкции Петра I, его переписка со сподвижниками, записки очевидцев. Анализ источников позволил установить роль котлинского коменданта в решении задач, касавшихся воплощения замысла государя о создании международного торгового порта. *Анализ.* В начале Северной войны из-за шведской блокады иноземные торговые корабли редко заходили в дельту Невы. Победы русского флота и снятие шведской блокады в 1713 г. открыли возможность развития международного судоходства. В 1714 г. Петр I подписал инструкции, определявшие порядок действий котлинского коменданта В.И. Порошина при подходе к острову иностранных торговых судов. На него возложили обязанность организации осмотра торговых кораблей, их прохода в Невскую дельту, сбора сведений о маршруте, экипаже, товаре, доставку донесений с полученной от шкиперов информацией петербургскому губернатору. Донесения коменданта позволяют проследить развитие международных торговых связей новой российской столицы и их географию. Контроль и проверку всех судов осуществляла созданная по царскому указу брандвахта. На острове возвели Купеческую гавань и создали необходимую инфраструктуру для приема и обслуживания иноземных торговых судов. После окончания навигации шкиперы могли оставить свои суда на зимовку в защищенной гавани. *Результаты.* Анализ указов и инструкций Петра I позволяет утверждать, что у царя не было проекта создания на Котлине самостоятельного торгового порта. Основанный на острове город-крепость Кронштадт стал аванпортом Санкт-Петербурга, где принимали и обслуживали крупные торговые суда, осадка которых не позволяла входить в Неву.

Ключевые слова: Петр I, А.Д. Меншиков, В.И. Порошин, Котлин, Кронштадт, торговое судоходство, международный морской порт, Северная война.

Цитирование. Базарова Т. А. Остров Котлин – морские ворота петровского Санкт-Петербурга: к истории становления торгового порта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 232–243. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.20>

Введение. Остров Котлин играл значительную роль в замыслах Петра I, связанных со строительством новой российской столицы, основанием и развитием международного торгового порта и базы Балтийского флота. Возможности для воплощения амбициозных планов царя-реформатора открывали природные условия и местоположение острова. Вдоль южного берега Котлина, находившегося примерно в 25 верстах от Санкт-Петербурга, пролегал южный морской фарватер. Извилистый и сложный, он в петровское время оставался единственным водным путем из Балтийского моря в Неву и далее в Ладожское озеро. Второй, северный, фарватер (через Большую Невку) сильно обмелел, был занесен песком и уже в конце XVII в. перестал использоваться. Все суда, направлявшиеся в дельту Невы, проходили близ Котлина. Идея Петра I о создании «морских ворот» Санкт-Петербурга, которые можно широко открыть для торговых судов дружественных держав или закрыть перед неприятелем, стала одной

из определяющих в развитии острова. Государь уделял воплощению своего замысла особое внимание, что нашло отражение в его переписке со сподвижниками, распоряжениях, указах и инструкциях.

Как правило, морскими воротами Санкт-Петербурга называют заложенную Петром I в 1723 г. город-крепость Кронштадт. Появление определения «морские ворота» связано с той ролью, которую играли форт Кроншлот и укрепления на Котлине для обороны новой российской столицы [13, с. 42]. Данная проблема имеет обширную историографию. Исследователи также уделяли внимание становлению военного и коммерческого портов на Котлине, разделение которых началось уже в петровское время. Грузооборот торгового порта (развитие которого оказывало значительное влияние на жизнь Кронштадта) постоянно увеличивался вплоть до постройки в 1885 г. Морского канала [1, с. 141, 219–220; 13, с. 47–48; 24, с. 233–248]. Ранняя история кронштадтского порта, как правило, рассмат-

ривается только в связи с петербургским портом [12; 14]. Сохранившиеся до наших дней источники зачастую не позволяют провести разделение и выявить их специфику. Становление аванпорта ¹ петровского Санкт-Петербурга на Котлине, у берегов которого русские власти встречали иностранные суда, направлявшиеся в новую российскую столицу, изучено еще фрагментарно.

Методы и материалы. Основу источниковой базы исследования составляют указы и инструкции Петра I и донесения котлинского коменданта В.И. Порошина петербургскому губернатору А.Д. Меншикову. Инструкция Петра I 1704 г. (коменданту Кроншлота) и указ 1718 г. (котлинскому коменданту) еще в XIX – начале XX в. привлекли внимание ученых, которые неоднократно их цитировали и публиковали целиком или в извлечениях. Менее известны инструкции и «пункты» 1714 года. Они увидели свет на страницах четырнадцатого тома «Писем и бумаг императора Петра Великого» [17, № 6807–6810, с. 303–306]. Одним из первых сравнил и проанализировал их содержание Н.Р. Славнитский ², поставивший цель определить функции и обязанности комендантов и обер-комендантов петровского времени. При этом ученый сфокусировался главным образом на задачах комендантов, касавшихся обороны вверенных им крепостей и территорий [23].

Помимо указов государя круг обязанностей котлинского коменданта во многом определяли распоряжения губернатора А.Д. Меншикова. В.И. Порошин вел с губернатором частую и регулярную переписку, что позволяло сообщать о возникших проблемах и оперативно их решать. Донесения котлинского коменданта за 1717–1727 гг. (с лакунами) сохранились до наших дней в Российском Государственном архиве древних актов (Ф. 198 «Походная и домовая канцелярия А.Д. Меншикова»). Эти материалы мало известны ученым, занимающимся историей Кронштадта. В первую очередь историки и краеведы обращаются к документам, хранящимся в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Наиболее содержательные из них еще в XIX в. были опубликованы в многотомном издании «Материалы для истории русского флота». Между тем в числе стоявших пе-

ред В.И. Порошиным задач были не только строительство военных и портовых сооружений, но организация встреч и прохода в Неву иноземных торговых кораблей, сбор и отправка сведений о них в Санкт-Петербург и т. п. Анализ донесений коменданта дает возможность проследить изменение роли Котлина в реализации замысла Петра I создать крупный международный морской торговый порт на землях отвоеванной у шведов Ингерманландии.

Анализ. По мнению С.Р. Долговой, перспективы освоения острова в Финском заливе первым показал государю находившийся в шведском плену посол А.Я. Хилков. 9 декабря 1702 г. он отправил в Москву письмо, где поделился полученной от русских купцов информацией: «...от Канец в море 27 верст есть Котлин остров, которого никакому судну, кроме лодок, обойти невозможно, от Канец идучи в море, и из моря к Канцам ради песков и мелкости. А ход только подле самого берегу того острова, как канал, и ежели-де, на том острове кто учинит крепость, тот силен будет в пропуске того места» [27, с. 12, 136, 326].

Петр I увидел берег Котлина только через несколько месяцев после закладки Петербургской крепости. 1 октября 1703 г. шведский вице-адмирал Г. фон Нумерс увел свои корабли на зимнюю стоянку в Выборг. Спустя несколько дней царь на яхте в сопровождении галиота вышел в Финский залив, подошел к Котлину и, «вымеряв фарватер и осмотря, положили там делать в море крепость» [6, с. 106, 235].

Небольшой деревянный форт для контроля входа в Неву начали возводить на отмени зимой 1703/04 года. 7 мая 1704 г. еще недостроенную крепость освятили и нарекли Кроншлотом («...и торжество в ней было тридневное»). На следующий день на форте установили артиллерийские орудия [6, с. 106, 235].

Первым комендантом Кроншлота стал полковник Тимофей Иванович Трейден. 3 мая 1704 г., то есть за несколько дней до освящения форта, он получил от Петра I инструкцию из пяти пунктов, начинавшуюся наказом: «Содержать сию ситадель <...> хотя до последнего человека» [16, № 647, с. 55]. Вместе с тем государь определил порядок действий при подходе к новой крепости вражеских или нейтральных судов. Коменданту предписывалось не подпускать их к Кроншлоту, «удержать за

караулом честно» прибывшего на шлюпке к крепости шкипера и сопровождавших его людей, направить к судну солдат для осмотра и выявления «нет ли каких людей тайно скрытых, также и ружья и иных всяких припасов; и когда не найдется противного, отпустить оных и велеть иттить, придав лоцманов». В целях безопасности людей для осмотра подошедшего к крепости судна следовало посылать только после прибытия с него шлюпки со шкипером [16, № 647, с. 56].

Инструкция 1704 г. не предусматривала особую встречу европейских купцов. Надо полагать, такие суда попадали под категорию «неустранные». По-видимому, комендант руководствовался царской инструкцией, когда 9 июля 1704 г. к Кроншлоту подошло небольшое английское судно с грузом сукна и табака. Корабль, имевший команду из одиннадцати человек и вооруженный двумя малыми пушками, досмотрели и пропустили в Санкт-Петербург. В сентябре с грузом смолы и дегтя он отправился в обратный путь [20, с. 271, 364]. В первые годы строительства Санкт-Петербурга из-за шведской блокады иноземные торговые корабли редко заходили в дельту Невы. Следующее английское судно доставило товар в петровский «Парадиз» только осенью 1710 года [12, с. 268; 14, с. 425].

Петр I и губернатор А.Д. Меншиков уделяли значительное внимание контролю над фарватером. Оборону Котлина возложили на вице-адмирала К.И. Крюйса, под руководством которого на острове построили несколько батарей и перекрыли рогатками проход между Котлином и Кроншлотом. В 1704 и 1705 гг. солдаты, размещенные на батареях на острове, при поддержке русских военных судов и орудий Кроншлота не подпустили к Котлину шведскую эскадру и отразили попытку высадки десанта. В 1706 г. на западной стороне острова возвели Александровскую крепость (крепость Святого Александра). На Котлине появились избы солдат и офицеров гарнизона. В его юго-восточной части построили дома для Петра I, А.Д. Меншикова и морских офицеров, казармы, склады, церковь. Однако стоявшие близ Котлина русские военные суда К.И. Крюйс после окончания навигации по-прежнему уводил на зимовку в Санкт-Петербург [1, с. 33–39; 3, с. 84–87;

4, с. 17; 11, с. 6–9; 26, с. 24–44]. В 1710 г. все оборонительные сооружения на острове перешли под надзор котлинского коменданта В.И. Порошина [23, с. 52; 26, с. 59].

После Полтавской победы (1709) и взятия Выборга (1710) Котлин стал играть более масштабную роль в планах Петра I. В ноябре 1709 г. царь указал строить на Котлине «гавань, пристани и магазейны» [6, с. 325]. Новая гавань в первую очередь предназначалась для круглогодичной стоянки военных кораблей. По воле государя остров постепенно превращался в базу Балтийского флота, для которой в течение нескольких лет создавалась необходимая инфраструктура.

В 1712 г. Петр I решил заложить на Котлине регулярный город, возможно, будущую столицу Российского государства, и переселить туда 3 000 семей дворян, купцов и ремесленников [18, № 2467, с. 778]. После снятия шведской блокады в 1713 г. и указов царя о переносе торговли из Архангельска в Санкт-Петербург стало увеличиваться число прибывших к Котлину западноевропейских купеческих судов. 3 июля царь отправился на буере в Кроншлот к стоявшему за вежами голландскому кораблю, который первым прибыл в новую российскую столицу («а при приезде господина контра-адмирала на том корабле, и как за обедом пили про здоровье, стреляли из пушек») [21, с. 32–33]. По данным П.А. Кротова, если в 1713 г. в Невскую дельту вошло по крайней мере семь европейских судов, то в следующем году их было уже шестнадцать [14, с. 427].

С прорывом шведской блокады и открывшимися перспективами развития международной торговли связано не только начало строительства благоустроенных специализированных гаваней, но и появление новых инструкций котлинскому коменданту В.И. Порошину. 2 июня 1714 г. были подготовлены «пункты» о встрече, приветствии и осмотре судов, а также инструкция о боевой готовности приморских крепостей³. В документах, которые были написаны еще до Гангутской победы, по-прежнему основное внимание уделялось обороне острова и задаче не пропускать неприятеля к Санкт-Петербургу.

Н.Р. Славнитский обратил внимание на сходство инструкций 1704 и 1714 гг. и посчи-

тал, что первая «в более развернутом виде была продублирована в июне 1714 г.» [23, с. 54]. Однако через десять лет после закладки Кроншлота потребовались важные уточнения. Изменилось место осмотра всех прибывавших к Котлину судов («под каким ни будь флагом оне будут»). Его перенесли дальше в Финский залив от Кроншлота, строившихся гаваней, канала, казарм и жилых домов. Отныне от коменданта требовали в течение всего навигационного периода держать «в готовности» фрегат близ Александровской крепости. Капитану фрегата было поручено останавливать все суда. Неприятельское судно следовало «арестовать при себе и дать знать». Если задержать его не представлялось возможным, то следовало предупредить гарнизон Кроншлота – поднять красный флаг и стрелять из пушек [17, № 6809, с. 305]. Таким образом, по распоряжению Петра I появилась постоянная брандвахта.

В 1719 г. после жалобы В.И. Порошина петербургскому губернатору, что судно и команда не назначены, у Александровской крепости как брандвахту стали использовать шняву «Поллукс» (имевшую 24 пушки), которая была захвачена у шведов в 1717 г. у Аландских островов. Она находилась под командой поручика Бориса Лебядникова. Шнява, возможно, была не в том состоянии, чтобы участвовать в военных походах. 31 октября 1719 г. В.И. Порошин докладывал о течи в днище «Поллукса»: «Во время погоды и великаго шторма являетца течь, и воды-де в поварне под конатами и сверх баласту бывает множество» [8, л. 60 – 60 об.].

Внимательное прочтение «пунктов» 1714 г. позволяет предположить, что определенный государем порядок действий при подходе к острову судов («под каким ни будь флагом оне будут, под нашим или под аглинским, галанским или протчих государств») предназначался для встречи не военных, а торговых кораблей. В тот же день, 2 июня 1714 г., были подготовлены «пункты» и для Адмиралтейской канцелярии, определявшие порядок приветствия прибывавших в Санкт-Петербург торговых судов или военных кораблей дружественных держав ⁴ [17, № 6808, с. 304].

Итак, «пункты» 1714 г. в первую очередь разъясняли порядок встречи торговых кораблей. К подошедшему к Котлину и остановив-

шемуся после сигнального выстрела судну следовало «з доброй осторожностью» направить шлюпку с солдатами и с владевшими немецким языком двумя офицерами (морским и сухопутным). В их задачу входило установить численность экипажа и пассажиров, произвести тщательный осмотр всех помещений на судне (за исключением товаров). Шкипера надлежало доставить на берег, где изложить полученные сведения «на письме». Еще до пропуска судна данные о нем следовало отправить в Санкт-Петербург, «чтоб мы наперед о приезде их здесь были известны» [17, № 6807, с. 304].

Подписанные государем 2 июня 1714 г. «пункты» и инструкция дополняли друг друга. Через четыре года они легли в основу именно того указа от 1 мая 1718 г. бригадир В.И. Порошину [19, № 3199, с. 565–566], в пятом разделе которого упоминались «приходящие торговые корабли». К тому времени они уже перестали быть «редкими гостями» в Санкт-Петербурге. С 1713 г. между новой российской столицей и западноевропейскими портовыми городами развивалось регулярное морское судоходство.

Указ 1718 г. (в отличие от «пунктов» 1714 г.) уже не содержал требования присылать сведения по каждому судну в Санкт-Петербург, но комендант продолжал это делать (так как предыдущая инструкция, по-видимому, отменена не была). Вероятно, В.И. Порошин от губернатора А.Д. Меншикова получил еще одно распоряжение – при осмотре судна выявлять больных членов экипажа или пассажиров, чтобы предотвратить угрозу эпидемии. В сентябре 1721 г. брандвахта остановила у Александровской крепости два прибывших из Англии купеческих судна, в экипажах которых предположительно находились заболевшие. Для их освидетельствования с острова был направлен полковой лекарь, установивший, что больных на судах не было и опасность эпидемии Санкт-Петербургу не грозила [8, л. 289 – 289 об.].

На Котлине существовала лоцманская служба. Л.И. Амирханов писал, что «официальное образование лоцманской службы Петербургского порта относится к 16 апреля 1709 г., почти одновременно появились лоцманы и в Кронштадте» [1, с. 45]. Отметим, что первое упоминание о них содержится в инст-

рукции коменданту Кроншлота 1704 года. Лоцманы не только показывали безопасный путь в невскую дельту. Они устанавливали вехи и бакены по границам фарватера, очищали его от мусора и помогали капитанам снимать суда с мели. В Финском заливе в непогоду, при сильном ветре торговые суда нередко уносило на мелководье. Так, 30 апреля 1712 г. Петр I, вернувшись с Котлина в Санкт-Петербург, написал К.И. Крюйсу, что «у первых вех нашел еще 4 самых больших карбософ, которых вбок занесло погодою, аднакож сим вечером и утром, чаю, выдут конечно» [2, 30.04.1712].

Ввод в строй Купеческой гавани (1718–1721), строительство гостиного двора, амбаров и австерий открывали больше возможностей для приема и обслуживания иноземных торговых судов, а также удовлетворения потребностей их экипажей. Оценивая преимущество порта на Котлине перед петербургским, исследователи отмечали глубоководную гавань и более продолжительный (до трех недель) период навигации [24, с. 238]. Главным недостатком петербургского порта являлась мелководность. Из-за мелководья песчаного бара тяжелогруженные суда не могли проходить в Неву. Порт в Санкт-Петербурге не имел возможности принимать суда с осадкой более 8 футов (2,44 м). По мнению В.Я. Крестьянинова, котлинская гавань становится аванпортом Санкт-Петербурга уже в 1713 г., поскольку именно там «иностранные суда или частично разгружались, или сдавали груз полностью» [13, с. 16].

Однако в 1710-х годах в новую российскую столицу из Западной Европы приходили небольшие торговые суда – галиоты, пинки, флейты, фрегаты, шмаки. Их экипаж, по отчетам В.И. Порошина, как правило, состоял из 6–8 человек. Сведений об их полной или частичной разгрузке на Котлине в донесениях коменданта не содержалось. Очевидно, суда входили в Большую Неву и разгружались уже в Санкт-Петербурге. Скорее всего, ситуация изменилась в начале 1720-х гг., когда в новую российскую столицу стали приходиться более крупные корабли (с 8–12 матросами). По подсчетам П.А. Кротова, осадка только половины из прибывших в 1722 и 1723 гг. судов позволяла им войти с грузом в Неву [14, с. 430].

Судя по сохранившимся до наших дней донесениям В.И. Порошина, как правило, уже

в день осмотра судна у Котлина, сведения о нем отправляли губернатору А.Д. Меншикову в Санкт-Петербург⁵. Комендант указывал точное время прибытия судна, порт его отправки, тип судна и название, имя шкипера, число матросов и пассажиров, а также груз (при необходимости и кому он предназначался). Например, 31 мая 1717 г. губернатору сообщили, что «после полуночи в ысходе 10 часа» к Котлину пришел галиот «Мати Крестина» из Любека со шкипером Мелхиором Велманом, шестью матросами и четырьмя пассажирами. Галиот доставил груз – «государевы сады» [7, л. 170 – 170 об.].

Не позднее 1717 г. В.И. Порошин также получил задание сводить данные о прибывших торговых судах в отдельные ведомости (комендант называет их рапортами) и ежемесячно отправлять их А.Д. Меншикову. Так, в июле 1717 г. комендант доложил, что в этом месяце к Котлину подошло 20 иноземных судов. Одиннадцать из них доставили уголь, остальных были свинец, сукна, «разное питье», сельдь, стулья и «постели»; три судна пришли с балластом [7, л. 199–200]. Однако В.И. Порошин не отмечал, прошли ли они дальше в Санкт-Петербург или остались у Котлина.

Должно быть, со временем формуляр документа и периодичность его отправки изменились, что было связано с развитием торгового судоходства. В 1721 г., судя по рапортам В.И. Порошина, в один день к Котлину стали приходить несколько судов из разных государств. После описания доставленных на судне товаров приводились полученные от шкиперов ответы на вопросы: 1) к кому следовало судно (владельцу или получателю груза); 2) не видели ли в пути военных кораблей; 3) не было ли болезней в портах, в которые они заходили; 4) сколько времени судно провело в пути; 5) кем выдан «пас» [8, л. 221–224 об.]. Так, 15 июля 1721 г. в кроншлотский порт вошли сразу пять судов: три из Великобритании, одно из Дании и одно из Любека. Последнее – это флейт «Санкт-Петр» с грузом, предназначавшимся разным купцам. Шкипер судна показал, что «из Любика до кроншлотского порту 6 недель, и путем идучи никаких военных карабли не видел. А пас дан оному шкипару из Любика за печатью горац-

кою за рукою секретаря Герненц» [8, л. 222 об.]. 18 июля к Котлину подошли еще три иностранных судна – гукор, пинк и бригантина [8, л. 227–228]. К сожалению, до наших дней такие ведомости дошли с большими лакунами и установить точное число судов, прибывавших ежегодно к Котлину, только по их данным не представляется возможным. Тем не менее донесения и сводные ведомости В.И. Порошина являются ценнейшими источниками, позволяющими проследить постепенное развитие международных торговых связей, их географию, загруженность петербургского порта в первые два десятилетия его существования, уточнить уже имеющиеся в распоряжении ученых статистические данные, касающиеся прибытия иностранных купеческих судов в новую российскую столицу.

Сходные сведения содержатся в брандвахтенных журналах, в которых регистрировали иностранные суда. Однако, как справедливо отметил В.Н. Захаров, они начали составляться лишь в 1720-х гг. и сохранились фрагментарно [12, с. 264]. П.А. Кротов писал, что нет точных данных о прибытии иностранных торговых судов в 1723 г. в петербургский порт. Он попытался восстановить это число по материалам брандвахты и дневнику голштинского камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. П.А. Кротов предположил, что в том году столичный порт России посетило 383 купеческих судна [14, с. 428]. В.Н. Захаров на основе анализа данных об уплате зундской пошлины установил, что в 1723 г. в Санкт-Петербург через Зунд прошло 75 судов, в обратном направлении – 107 [12, с. 270]. Анализ донесений В.И. Порошина дает другие цифры. По подсчетам котлинского коменданта с 23 апреля по 16 октября 1723 г. к Котлину прибыло 266 судов, в том числе 3 российских (больше всего голландских (83) и английских (81)). Из них к 16 октября «пошло в море» 172 судна, в Санкт-Петербурге находилось 54, и еще 40 оставались «при Кроншлоте» [8, л. 543].

Грузу на иноземных торговых судах в донесениях В.И. Порошина 1710-х гг. давалась только общая характеристика – балласт, «государевы сады», «аглинское уголье», вино и т.п. (как упоминалось выше, в инструкции 1714 г. направленным на иноземное судно офи-

церам не разрешалось досматривать товары). Однако в ведомостях 1721 г. уже указывали число тюков, бочек, коробов и ящиков. Логично было бы объяснить это следствием учреждения на Котлине таможни. В литературе встречается дата ее создания – 23 мая 1720 г. – и приводится цитата из указа Петра I: «...у которых шкиперов, матросов на приходящих купеческих кораблях в кронштадтский порт и Санкт-Петербург будут какие-либо товары и о тех товарах брать у них в таможнях расписки, и по тем росписям, осмотрев и переписав, продавать их с кораблей, кому они похотят при той продаже брать с них пошлину по торговому уставу» [1, с. 42; 10, с. 6–7]. Устоявшуюся в историографии дату можно поставить под сомнение. Ссылки в литературе на место хранения или полную публикацию петровского указа отсутствуют. В процитированном выше фрагменте упоминается «Кронштадтский» порт (топоним появился в 1723 г.)⁶ и Торговый устав (утвержден в 1724 г.). В «Биохронике Петра Великого» нет сведений о том, что 23 мая 1720 г. государь подписывал именной указ о котлинской таможне [2, 23.05.1720].

Не всем торговым судам удавалось отправиться в обратный путь до начала замерзания Невы и залива, в таких случаях они оставались дожидаться весны в котлинской гавани. По-видимому, самое раннее упоминание о «зимовке» иноземных судов у Котлина относится к 1715 году. 30 апреля этого года Петр I отправил на Котлин капитану Эдварду Лейну указ: «...аглинские торговые три фрегата <...> отпустите в их отечество без задержания с первым способным ветром» [25]. Разрешение на выход в море зимовавших у Котлина иноземных судов также давал губернатор А.Д. Меншиков. 2 мая 1718 г. В.И. Порошин написал: «Которые чужестранные торговые галиоты и фрегаты зимовали при Кроншлоте, и оные галиоты и фрегаты в путь свой збираютца. А оных галиотов и фрегатом без вашей высококняжой светлости указу отпускать не смею» [7, л. 432]. К концу 1719 г. основные работы по строительству благоустроенной Купеческой гавани⁷ в основном закончились. Однако, как доносил В.И. Порошин, иностранные суда в том году на зимовку в ней не оставались. 16 октября 1719 г. последние стоявшие «при

Кроншлоте» девять английских и голландских торговых судов отправились в обратный путь [8, л. 55]. В декабре 1719 г. в Купеческой гавани находилась только шнява «Поллукс» [15, с. 448]. Спустя пять лет, в 1724 г., в Кронштадте и Санкт-Петербурге зимовало уже 51 судно (в том числе 6 российских). 27 апреля одиннадцать из них продолжили путь в Балтийское море, а десять еще находились «при Кронштате» [9, л. 89].

Не все суда задерживались в котлинской гавани по решению шкипера. 15 сентября 1717 г. В.И. Порошину доставили известие, что из Санкт-Петербурга совершили побег двенадцать военнопленных шведов. Власти полагали, что беглецы намеревались покинуть Россию на одном из иностранных торговых судов. В ходе поиска сбежавших арестантов по приказу коменданта были осмотрены вернувшиеся к Котлину из Санкт-Петербурга английские корабли. Однако шведов на них не нашли [7, л. 268]. Через несколько дней из Санкт-Петербурга к коменданту привели одного из задержанных беглецов – Ягана Экермана, который намеревался отплыть на голландском корабле. Арестанта доставили к стоянке торговых судов, и он указал на «Санкт-петербургский Галей», штурмана которого задержали и допросили. Голландскому кораблю не только запретили выходить в море без распоряжения А.Д. Меншикова, но и поставили караул из четырех солдат [7, л. 269–270]. 21 сентября, в конце навигации, задержавшиеся у Котлина иноземные шкиперы вышли в море, однако вышеупомянутый голландский корабль российские власти непустили. Шкипера «Санкт-петербургского Галея» Гейспера Ярца и экипаж продолжали расспрашивать об обстоятельствах «увоза» шведа, пытались выявить сообщников.

С задержанного судна на берег вывезли весь имевшийся на нем порох, а само судно ввели в гавань. 11 ноября, когда наступили холода, голландских морских служителей перевели на квартиру на Котлине, при которой поставили караул. Сам корабль сторожили восемь солдат под началом сержанта. Шкипер же покинул свою команду и без разрешения караульных «сехал» в Санкт-Петербург [7, л. 319–320]. Судя по показаниям голландцев и самого шведа Я. Экермана, он проник на суд-

но без ведома шкипера и матросов. Его обнаружили, когда судно уже находилось в море. «Санкт-петербургский Галей» вернулся к Котлину, и шведа высадили на пристани. Обвинения с голландцев сняли и в следующем году позволили продолжить свой путь на родину.

В 1720 г. в Балтийском море появился объединенный англо-шведский флот, поэтому были приняты дополнительные меры для обеспечения безопасности котлинских гаваней. 25 апреля 1720 г. Петр I внимательно осмотрел вооружение на их стенах. По указу государя на стенах Купеческой гавани установили сто орудий. 18 мая шаутбенахт П.И. Сиверс получил от Петра I задание: «Оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота яко наиглавнейшее дело» [15, с. 482]. В 1721–1724 гг. для дополнительной защиты с моря Купеческой гавани по петровскому указу построили форт «Цитадель», который вооружили 106 орудиями [22, с. 48; 26, с. 73].

Посещавшие в конце царствования Петра I Кронштадт иностранцы обращали внимание на удобство и безопасность его гаваней. В августе 1724 г. камер-юнкер Ф.В. Берхгольц записал в своем дневнике, что «кронштадтская гавань укреплена так, что может считаться одною из безопаснейших и лучших в Европе» [5, с. 296].

Результаты. Итак, в годы Северной войны Петр I уделял значительное внимание строительству и поддержанию боеготовности Кроншлота и укреплений на Котлине. Основной задачей кроншлотского и котлинского комендантов было не пропустить шведские корабли в дельту Невы. После снятия шведской блокады (1713) у царя появилась возможность реализовать замысел о создании международного торгового порта в Санкт-Петербурге. В 1714 г. был определен порядок действий комендантов приморских крепостей при встрече иноземных торговых судов. На котлинского коменданта В.И. Порошина возложили обязанность организации осмотра торговых кораблей, их прохода в Невскую дельту, сбора сведений о маршруте, экипаже, доставленном товаре, наряду с задачей передать полученную информацию петербургскому губернатору А.Д. Меншикову. Первые иностранные суда были небольшими и могли доставить товар прямо в Невскую дельту. После

того как в Санкт-Петербург стали прибывать торговые корабли с осадкой, не позволявшей пройти неглубоким фарватером, их стали разгружать на Котлине. Для них построили хорошо защищенную Купеческую гавань, где при необходимости можно было остаться на зимовку. По сравнению с Санкт-Петербургом порт на Котлине обладал преимуществами – это глубокоководность и более длительный период навигации. Однако анализ указов и инструкций Петра I позволяет утверждать, что у него не было проекта создания там самостоятельного торгового порта. Основанный на Котлине город-крепость Кронштадт стал аванпортом Санкт-Петербурга, где принимались и обслуживались крупные торговые суда, осадка которых не позволяла входить в Невскую дельту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аванпорт – здесь один из двух парных портов, который сооружают для приема судов, осадка которых не позволяет подниматься вверх по реке в порт, находящийся на расстоянии от моря.

² Статья Н.Р. Славнитского [23] была опубликована до выхода четырнадцатого тома «Писем и бумаг императора Петра Великого». Он работал с копиями документов, отложившимися в фонде «Комиссии по изданию писем и бумаг императора Петра Великого» (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 270).

³ В четырнадцатом томе «Писем и бумаг императора Петра Великого» документы опубликованы с заголовками «“Пункты” о встрече и осмотре прибывающих в Кронштадт судов» и «Инструкции о боевой готовности кронштадтских крепостей» (две редакции) [17, № 6809–6810, с. 303–306]. Отметим, что оригиналы не имеют названия, а топоним «Кронштадт» появился только в 1723 году.

⁴ В «Письмах и бумагах императора Петра Великого» «пункты» от 2 июня опубликованы как разные документы (руководство для комендантов морских крепостей сохранилось в копии, а «пункты» Адмиралтейской канцелярии – это черновик с правкой Петра I). Между тем среди бумаг А.Д. Меншикова отложились копия 1717 г. заверенная подписью В.И. Порошина, в которой вслед за «котлинскими» следовали «адмиралтейские» «пункты» [7, л. 197–198]. Можно предположить, что они рассматривались современниками как единый документ и общее руководство.

⁵ 22 июля 1717 г. В.И. Порошин настойчиво просил губернатора прислать переводчика с немецкого языка, так как на Котлине таковых не имелось [8, л. 201 – 201 об.].

⁶ С 1719 г. в донесениях В.И. Порошина встречается «кроншлотский порт». В 1723 г. учреждена должность главного командира Кронштадтского порта, в ведении которого находились гарнизонные части и морские служители. Первым командиром стал вице-адмирал П.И. Сиверс, занимавший эту должность в 1724–1727 годах.

⁷ Вероятно, самое раннее упоминание «Купецкой гавани» на Котлине встречается 2 июня 1714 г. в инструкции Петра I [17, № 6810, с. 306].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Л. И. Кронштадт. Город-крепость. От основания до наших дней. М.: Центрполиграф, 2008. 704 с.
2. Анисимов Е. В. ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672–1725 гг. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246485771>
3. Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. СПб.: Гйоль, 2014. 408 с.
4. Базарова Т. А. «В котлинской работе не учинить остановки»: А.Д. Меншиков и каменное строительство на Котлине в начале 1720-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 3. С. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.2>
5. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 3–5 // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9–324.
6. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004. 632 с.
7. Донесения, письма и рапорты В. И. Порошина с острова Котлин А. Д. Меншикову, 1717–1718 гг. // Российский Государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 198. Оп. 1. Д. 858. 508 л.
8. Донесения, письма и рапорты В. И. Порошина с острова Котлин А.Д. Меншикову, 1719–1723 гг. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 859. 565 л.
9. Донесения, письма и рапорты В. И. Порошина с острова Котлин А. Д. Меншикову, 1724–1727 гг. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 860. 279 л.

10. Дорогов Н. Н. Исторический очерк и описание Кронштадта. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1908. 19 с.
11. Елагин С. И. Начало Кронштадта. Кронштадт: Тип. т-ва «Кронштадтский вестник», 1866. 31 с.
12. Захаров В. Н. Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: сб. ст. СПб.: Ист. ил., 2019. С. 262–284.
13. Крестьянинов В. Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб.: Остров, 2014. 208 с.
14. Кротов П. А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга: тр. II Междунар. конф. СПб.: БЛИЦ, 2001. С. 423–433.
15. Материалы для истории русского флота. Ч. 2. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1865. 734 с.
16. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. СПб.: Гос. тип., 1893. 1065 с.
17. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 14. Вып. 1 (январь – июнь 1714 г.). М.: Древлехранилище, 2022. 926 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 4: 1700–1712. 881 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 5: 1713–1719. 780 с.
20. Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова (1703–1705) / авт.-сост. Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, К. Н. Лемешев, М. Е. Проскурякова. СПб.: Ист. ил., 2022. 944 с.
21. Походный журнал 1713 года. СПб.: [б. и.], 1854. 67 с.
22. Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, 1988. 420 с.
23. Славнитский Н. Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 50–59.
24. Тимофеевский Ф. А. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта. Кронштадт: Тип. т-ва «Кронштадтский вестник», 1913. 288 с.
25. Указ Петра I капитану Э. Лейну об отпуске английских судов, 30 апреля 1715 г. (копия) // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 298.
26. Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт: Тип. газеты «Котлин», 1904. 236 с.
27. Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А.Я. Хилкова. 1676–1717: сб. док. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. 394 с.

REFERENCES

1. Amirkhanov L.I. *Kronshtadt. Gorod-krepost. Ot osnovaniya do nashih dnei* [Kronstadt. Fortified City. From the Foundation to the Present Day]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2008. 704 p.
2. Anisimov Ye.V. *ITINERA PETRI. Biokhronika Petra Velikogo: den za dnem. 1672–1725 gg.* [ITINERA PETRI. Biochronology of Peter the Great: Day by Day. 1672–1725]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246485771>
3. Bazarova T.A. *Sozdaniye «Paradiza»: Sankt-Peterburg i Ingermanlandiya v epokhu Petra Velikogo* [Creation of “Paradise”. St. Petersburg and Ingria in the Age of Peter the Great]. Saint Petersburg, Gjol Publ., 2014. 408 p.
4. Bazarova T.A. «V kotlinskoy rabote ne uchinit ostanovki»: A. D. Menshikov i kamennoye stroitelstvo na Kotle v nachale 1720-kh godov [“There Is No Stopping in Kotlin’s Work”: A.D. Menshikov and Stone Construction on Kotlin in the Early 1720s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.2>
5. Bergholtz F.W. *Dnevnik kamer-yunkera Fridriha Vilgelma Berhgoica. 1721–1725. Ch. 3–5* [Diary of the Chamber Junker Friedrich Wilhelm Bergholtz. 1721–1725. Pts. 3–5]. *Yunost derzhavy* [Youth of the State]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 2000, pp. 9–324.
6. Maykova T.S., ed. *Gistoriya Sveyskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [The History of the Swedish War (Daily Notes of Peter the Great)], iss. 1. Moscow, Krug Publ., 2004. 632 p.
7. Doneseniya, pisma i raporty V. I. Poroshina s ostrova Kotlin A. D. Menshikovu, 1717–1718 gg. [Reports, Letters, and Dispatches of V. I. Poroshin from Kotlin Island to A. D. Menshikov, 1717–1718]. *Rossiiskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov* (hereinafter – RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 858. 508 l.

8. Doneseniya, pisma i raporty V.I. Poroshina s ostrova Kotlin A. D. Menshikovu, 1719–1723 gg. [Reports, Letters, and Dispatches of V. I. Poroshin from Kotlin Island to A. D. Menshikov, 1719–1723]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 859. 565 l.
9. Doneseniya, pisma i raporty V. I. Poroshina s ostrova Kotlin A. D. Menshikovu, 1724–1727 gg. [Reports, Letters, and Dispatches of V. I. Poroshin from Kotlin Island to A.D. Menshikov, 1724–1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 860. 279 l.
10. Dorogov N.N. *Istoricheskij ocherk i opisaniye Kronshtadta* [Historical Essay and Description of Kronstadt]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1908. 19 p.
11. Yelagin S.I. *Nachalo Kronshtadta* [Beginning of Kronstadt]. Kronstadt, Tip. t-va «Kronshtadtskij vestnik», 1866. 31 p.
12. Zakharov V.N. Stanovleniye torgovogo sudokhodstva v Peterburgskom portu pri Petre Velikom (po dannym zapisej o vzimanii Zundskoj poshliny) [The Formation of Trade Shipping in the Port of Saint Petersburg during the Reign of Peter the Great (According to Sound Toll Registers)]. *Pyotr Velikij, rossijskaya vlast i obshchestvo v epokhu peremen: sb. st.* [Peter the Great, Russian Power and Society in the Era of Change. Collection of Articles]. Saint Petersburg, Ist. ill. Publ., 2019, pp. 262–284.
13. Krestyaninov V.Ya. *Kronshtadt. Krepost, gorod, port* [Kronstadt. Fortress, City, Port]. Saint Petersburg, Ostrov Publ., 2014. 208 p.
14. Krotov P.A. Peterburgskij port pri Petre I [The Petersburg' Port During the Reign of Peter I]. *Fenomen Peterburga: tr. II Mezhdunar. konf.* [The Phenomenon of St. Petersburg: Proceedings of the Second International Conference]. Saint Petersburg, BLITs, 2001, pp. 423–433.
15. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Ch. II* [Materials for the History of the Russian Navy. Pt. 2]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1865. 734 p.
16. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 3* [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 3]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1893. 1065 p.
17. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 14. Vyp. 1 (yanvar – iyun 1714 g.)* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 14. Iss. 1 (January – June 1714)]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2022. 926 p.
18. *Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoj imperii. Sobraniye 1-ye. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. From 1649 to December 12, 1825]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye.I.V. kantselyarii, 1830, vol. 4: 1700–1712. 881 p.
19. *Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoj imperii. Sobraniye 1-ye. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. From 1649 to December 12, 1825]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye.I.V. kantselyarii, 1830, vol. 5: 1713–1719. 780 p.
20. Anisimov Ye.V., Bazarova T.A., Lemeshev K.N., Proskuryakova M.Ye., eds. *Pokhodnaya kancelyariya Aleksandra Danilovicha Menshikova (1703–1705)* [Field Chancellery of Alexander Menshikov (1703–1705)]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 2022. 944 p.
21. *Pokhodny zhurnal 1713 goda* [Route Journal of 1713]. Saint Petersburg, s. n., 1854. 67 p.
22. Razdolgin A.A., Skorikov Yu.A. *Kronshtadtskaya krepost* [Kronstadt Fortress]. Leningrad, Stroyizdat, 1988. 420 p.
23. Slavnitsky N.R. Funkcii komendantov i ober-komendantov krepostej v gody Severnoj vojny [The Functions of Commandants and Chief-Commandants of Fortresses During the Great Northern War]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, 2018, no. 2 (18), pp. 50–59.
24. Timofeyevskij F.A. *Kratkij istoricheskij ocherk dvukhsotletiya goroda Kronshtadta* [Brief Historical Essay on the Bicentennial of the City of Kronstadt]. Kronstadt, Tip. t-va «Kronshtadtskij vestnik», 1913. 288 p.
25. Ukaz Petra I kapitanu E. Lejnu ob otpuske anglijskikh sudov, 30 aprelya 1715 g. (kopiya) [Decree of Peter I to Captain E. Lane on the Release of English Ships, April 30, 1715 (Copy)]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], f. 270, inv. 1, d. 78, l. 298.
26. Shelov A.V. *Istoricheskij ocherk kreposti Kronshtadt* [Historical Sketch of the Kronstadt Fortress]. Kronstadt, Tip. gazety «Kotlin», 1904. 236 p.
27. Dolgova S.R., Yakushkin G.R., eds. *Epistolyarnoye naslediye russkogo rezidenta v Shvecii A. Ya. Hil'kova. 1676–1717: sb. dok.* [The Epistolary Heritage of the Russian Resident in Sweden A.Ya. Khilkov. 1676–1717. Collection of Documents]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2015. 394 p.

Information About the Author

Tatyana A. Bazarova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Базарова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.21>

UDC 94(47).05

LBC 63.3(2)511

Submitted: 09.09.2025

Accepted: 03.11.2025

INTERROGATION SPEECHES AS INFORMATION ON THE ORGANIZATION OF THE INTELLIGENCE OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE GREAT NORTHERN WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF THE NAVY)

Sergey A. Ivanyuk

Central Museum of Communications named after A.S. Popov, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Great Northern War (1700–1721) had a significant impact on the development of military affairs in the Russian Empire, where intelligence played an important role in the course of military operations. One of the sources revealing the organization of military intelligence in the army of Peter I is the so-called interrogation speeches. The funds of the Russian State Archive of the Navy contain a large array of such sources. The study and analysis of these archival materials allows us to make a significant contribution to understanding the development of the domestic intelligence service. *Methods and materials.* The methodological apparatus of this work is based on a comprehensive approach, including source and formula analysis, as well as systematization of archival materials. *Analysis.* The study of interrogation speeches for the period 1710–1720 makes it possible to form a certain system in the compilation of such documents and the peculiarities of interrogating various prisoners of war. During the analysis of the surviving sources, it was possible to identify the main blocks of questions of interest to the Russian command, depending on the combat situation. *Results.* The study of interrogation speeches allowed for a comprehensive examination of the Russian army's intelligence mechanisms during the Great Northern War and an assessment of their practical significance. It was determined that interrogation speeches had a clear structure, including an introductory and a main section. The content varied depending on the source of information but always focused on current intelligence objectives. The status of the interviewee directly influenced the nature and value of the information. The data obtained was not a formality; rather, it directly influenced the strategic and tactical decisions of the command, ultimately contributing to the success of military campaigns.

Key words: Peter I, Great Northern War, intelligence, small war, Russian State Archive of the Navy.

Citation. Ivanyuk S.A. Interrogation Speeches as Information on the Organization of the Intelligence of the Russian Army During the Great Northern War (Based on the Materials of the Russian State Archive of the Navy). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 244–253. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.21>

УДК 94(47).05

ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 09.09.2025

Дата принятия статьи: 03.11.2025

РАССПРОСНЫЕ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДКИ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАВМФ)

Сергей Александрович Иванюк

Центральный музей связи им. А.С. Попова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация: *Введение.* Северная война (1700–1721 гг.) оказала существенное влияние на развитие военного дела России, где важную роль в ходе военных действий играла организация разведки. Одним из источни-

ков, раскрывающим организацию военной разведки петровской армии, являются так называемые расспросные речи. *Методы и материалы.* Данное исследование основано на анализе расспросных речей, отложившихся в фонде 233 Российского государственного архива Военно-Морского Флота с привлечением 117 документов. Их изучение позволяет внести существенный вклад в понимание особенностей развития отечественной разведывательной службы. Использованы общесторические методы исследования и источниковедческий – формулярный анализ. *Анализ.* В ходе изучения расспросных речей за 1710–1720 гг. удалось выделить основные блоки вопросов, интересующих русское командование, в зависимости от боевой обстановки, особенностей допроса различных военнопленных. *Результаты.* Проведенное исследование расспросных речей позволило комплексно изучить механизмы ведения разведки русской армией во время Северной войны и оценить их практическую значимость. Определено, что расспросные речи имели четкую структуру, которая включала вводную и основную части. Содержание варьировалось в зависимости от источника информации, но всегда фокусировалось на актуальных разведывательных задачах. Статус опрашиваемого лица обуславливал характер и ценность информации. Полученные данные не были формальностью, а напрямую влияли на стратегические и тактические решения командования, что в итоге способствовало успеху военных кампаний.

Ключевые слова: Петр I, Северная война, разведка, малая война, Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

Цитирование. Иванюк С. А. Расспросные речи как источник по организации разведки русской армии во время Северной войны (по материалам РГАВМФ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 244–253. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.21>

Введение. Северная война (1700–1721) оказала существенное влияние на развитие военного дела России эпохи Петра I. Важную роль в ходе боевых действий играла организация разведки. Она давала возможность своевременно получать значимую информацию о противнике, что позволяло оперативно реагировать на изменения боевой обстановки.

Одним из источников, раскрывающим организацию военной разведки петровской армии во время Северной войны, являются так называемые расспросные речи. Это записи допросов военнопленных, перебежчиков-дезертиров, выходцев из плена и местных жителей. Расспросные речи фиксировали важные сведения о состоянии войск противника, гарнизонов, намерениях его командования и настроениях населения неприятельских территорий.

«Краткий словарь видов и разновидностей документов» определяет расспросные речи следующим образом: «запись свидетельских показаний» [6, с. 75]. В российских архивах расспросные речи отложились как отдельные документы, но наиболее часто они входили в состав судебных дел. Подобные документы уже становились объектом изучения. Однако исследователи фокусировались, как правило, на анализе делопроизводства XVII–XVIII вв. в контексте судебных

разбирательств [5, с. 221–222; 8, с. 101; 22, с. 474–475].

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ) в собрании документов о деятельности генерал-адмирала Ф.М. Апраксина сохранился значительный массив расспросных речей (Ф. 233. Оп. 1. Д. 7, 33, 47, 73, 80, 93, 94, 137, 144, 159, 179, 180, 186 и др.). В деле 7 хранятся 24 расспросные речи, в 33 – 2, в 47 – 13, в 77 – 4, в 80 – 9, в 93 – 6, в 94 – 8, в 137 – 8, в 144 – 6, в 159 – 3, в 179 – 4, в 180 – 3, в 186 – 27. Все они связаны с боевыми действиями в 1710–1720 гг. в ходе Северной войны. Это комплекс источников, которые характеризуются похожим происхождением, однородностью и повторяемостью информации, имеют сходный формуляр. Данные свойства позволяют рассматривать расспросные речи как массовые источники.

Расспросные речи военнопленных и дезертиров увидели свет на страницах сборников документов по истории Северной войны [7, с. 451–453, 456–463, 487–490; 9, с. 509–510, 532–538, 620–623, 631–635, 640–643, 652–655; 10, с. 445–446, 647–648, 672–673]. В ряде случаев расспросные речи были опубликованы фрагментарно, из-за чего теряется полнота и целостность информации [10, с. 445–446, 672–673]. Отечественные историки в рабо-

тах, посвященных Северной войне, в состав источниковой базы включали и расспросные речи из фондов РГАВМФ [1, с. 48, 50; 7, с. 97, 301, 356, 362; 11, с. 468, 472–475, 480; 12, с. 69; 13, с. 107, 240, 287; 23, с. 309, 376]. Но специального исследования, анализа и полной публикации этих документов до настоящего времени нет.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения этих источников для всестороннего анализа ведения разведки русской армией в начале XVIII века. Выявление и описание сохранившихся в фонде 233 РГАВМФ расспросных речей дает возможность определить структуру и содержание расспросных речей, их отличительные черты в зависимости от статуса опрашиваемого лица, выявить способы сбора информации и установить степень влияния результатов опросов на принятие последующих решений командованием русской армии. Привлечение обширного комплекса документальных свидетельств позволит существенно расширить знания о механизмах ведения разведки русской армии начала XVIII века.

Методы и материалы. Основу источниковой базы составили материалы РГАВМФ. Особое внимание уделено 117 документам фонда 233 «Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина» (1699–1726 гг.). Материалы подвергались тщательному исследованию с целью оценки достоверности содержащейся в них информации, анализа характера изложенного материала и установления уровня его объективности применительно к разведывательным целям русской армии в ходе боевых действий Северной войны. Помимо общеисторических методов в работе использован метод формулярного анализа. Подчеркнута важность метода допроса как эффективного инструмента разведки в условиях ограниченной технической оснащенности войск того времени.

Анализ. Победа русской армии под Полтавой в 1709 г. ознаменовала переход Северной войны в качественно иную стадию, характеризовавшуюся активизацией военных усилий России против Швеции с целью закрепления на берегах Балтийского моря. 1710–1720 гг. стали временем активного наступле-

ния русских войск, обеспечивших себе превосходство на театре военных действий. В условиях постоянных боевых действий особое значение всегда занимала эффективная организация разведывательной службы. Среди важнейших методов получения сведений, необходимых для последующего планирования боевых операций русской армии, был сбор сведений о противнике, его планах и силах из устных источников.

В годы Северной войны одним из ключевых методов разведывательной деятельности являлся поиск, представлявший собой специальные действия небольших конных подразделений в тылу, на флангах либо на территориях расположения неприятельских сил. В отечественных источниках начала XVIII в. такие акции назывались «партиями». Основной целью поиска был захват пленного («языка») с последующим его допросом [4, с. 35]. Как отмечал военный историк А.З. Мышлаевский, «главным средством для сбора сведений была высылка легучих разъездов, а затем разспрос захваченных ими пленных» [13, с. 105]. Информация, добытая подобным образом, позволяла командованию русской армии своевременно раскрывать обстановку на театре военных действий и успешно планировать дальнейшие боевые операции.

Как правило, в кратчайший срок после захвата «язык» передавался командиру разведывательного отряда, который проводил допрос плененного лица. На основании полученной в ходе опроса информации составлялось ее описание на бумаге (расспросные речи), которое как можно скорее отправлялось вышестоящему военачальнику. Как гласил Артикул воинский 1715 г. «командиру зело потребно есть, чтоб он тотчас пленных получил, и <...> о состоянии неприятеля и его намерении уведомится возмог» [4, с. 36–37]. Сохранившиеся источники указывают на то, что чаще всего расспросные речи прикладывались к письмам, направляемым в ставку командования [14].

Документы, сохранившиеся в государственных архивах РФ, свидетельствуют о том, что в начальный период Северной войны (1700–1710 гг.) записи показаний военнопленных (расспросные речи) представляли собой текст, составленный в произвольной форме

со слов опрашиваемого лица. Их структура не подчинялась четкому формату «вопрос – ответ», а представляла собой изложение полученной информации о том, что знал и видел подвергавшийся допросу [14; 16]. Однако с 1710-х гг., когда начинаются активные боевые действия в Финляндии, расспросные речи стали приобретать строгую структуру. Подобная тенденция обусловлена процессом унификации документации, предпринятым с целью повышения удобства восприятия письменных свидетельств. Впоследствии эта практика нашла свое отражение в Генеральном регламенте 1720 г., утвердившем систему делопроизводства.

Изучение документов канцелярии генерал-адмирала Ф.М. Апраксина за 1710, 1712–1717, 1719 и 1720 гг., когда русская армия и флот действовали в Финляндии, в Балтийском море и на побережье Швеции, дает возможность определить эту сложившуюся систему. В частности, удастся выявить, какая информация интересовала русское командование на том или ином этапе боевых действий, какие вопросы задавались различным категориям пленников, какие сведения вызывали наибольший интерес и как их сбор отражался на принятии решений и оперативной обстановке на разных этапах военной кампании 1710–1720 годов.

Каждый из таких документов представлял собой условный опросник (формуляр), состоявший из вопросов и ответов на них допрашиваемых лиц. В заголовок расспросного листа выносилась дата проведения опроса пленного и его статус. Например, «1717 августа в 20 день взятой швецкой афицер допрашиван» [17, л. 5]. Иногда здесь же указывалось, кем и при каких обстоятельствах был захвачен «язык» и отправлен к вышестоящему командованию: «1715 году декабря в день присланной от генерала-маеора Чекина швецкий прапорщик в допросе сказал» [20, л. 67]. Иногда текст допроса начинался с подробного рассказа об обстоятельствах захвата пленного. Например, вступление к расспросным речам шведского солдата Якоба Симанова содержит следующие сведения: «1713 генваря в 21 день <...> послан был из Выборха Шувалова полку одьютант Малютин с казаками 50 человек, которой наехал на <...>

партию в деревне Кавкиха, от Выборха к Векскалксу морем 8 миль, салдат человек с 40, при которой был капитан, да прапорщик, и бил на них, и оные пехотою пошли отводом, и убили от наших одного казака, дву лошадей ранили, от швецкой партии взято: один салдат, дву человек наших харчевников, которые были взяты в полон, 8 лошадей с санными, 4 фузеи, 4 суммы патронные, убили 2-х человек, и приводной салдат допрашиван, а в допросе сказал» [21, л. 350].

Расспросные речи содержали ряд стандартных вопросов, повторяющихся во всех источниках такого типа. Именно с них начинался допрос. Это имя пленника, воинское звание, принадлежность к воинскому подразделению, происхождение, при каких обстоятельствах и кем он был схвачен. Так, уже упоминаемый выше прапорщик, захваченный партией генерал-майора Ф.Г. Чекина, в допросе сообщал следующее. На вопрос: «Как тебя зовут и какова чину?» – он ответил: «Зовут ево Петр Линд, отставной прапорщик», а на вопрос: «Давно ли ты служишь прапорщиком, и в котором полку был?» – сообщил, что «в прапорщики он пожалован тому ныне шестой год, а прежде сего в ундер афицерах, в салдатах, и в барабанщиках в розных полках служил лет с сорок». На вопрос «кто тебя взял, и в которых местах?» был дан ответ, что «взяли ево казаки у кирхи Кеми» [20, л. 67].

Остальные вопросы формулировались в зависимости от обстоятельств пленения или боевой обстановки, сложившейся на театре военных действий, а также статуса захваченного «языка». При этом формуляр допроса мог быть как коротким и малоинформативным, так и объемным в зависимости от осведомленности опрашиваемого. Чаще всего военным служащим шведской армии спрашивали о численности и расположении вражеских сил, планах противника и направлении движений его войск, предпосылках прибытия подкреплений («сикурса»), о состоянии снабжения шведской армии (провиант, фураж и денежное жалованье), политической обстановке, моральном духе и настроениях внутри вражеского лагеря.

Например, тот же прапорщик П. Линд на заданные ему вопросы дал следующие ответы [20]:

Допрос шведского прапорщика П. Линда

Interrogation of Swedish ensign P. Lind

Вопрос	Ответ
Зачем ты у кирхи Кеми был с командой, или в доме своем жил?	Жил при кирхе Кеми и получил указ из армии от Генерала, чтоб собрать мужиков и быть при оной кирхе на карауле, и собрано было в команду ево мужиков полтора человека с ружьем
Есть ли где в других местах какие караулы?	Караул есть в местечке именуемом Торне, стоит капитан Нальстет, при нем мужиков 400 человек с ружьем
Оные мужики правянт откуда себе получали, и есть ли в которых местах правянтские магазинны?	Правянт те мужики имели всяк из своего дому, токмо в кирхах было приказано, чтоб жители с каждого мантеля готовили по 4 бочки хлеба, да по 100 пуд сена
Армия ваша где ныне обретается, и в одном ли месте стоит или порознь?	Пехота ныне з Генералом Армфелтом в местечке Уме, а ковалерия з Генералом маеором Лабаром в месте Луле, да писал к нам ис Торна капитан, что прислано будет в Торн рейтар 600 человек
О королевском величестве имеет ли ведомость, где ныне обретается?	Напред сего слышал он, что королевское величество был в Стральзунте, а ныне где обретается про то он не слышал
В армии вашей правянт какое имеют довольство?	В армии правянт какое довольство имеют, про то он не знает, токмо летним временем правянт привозили из Стокгольма на судах

Показания военнопленных давали русскому командованию возможность оперативно реагировать на изменения ситуации и принимать взвешенные решения. Из процитированных расспросных речей русское командование получило ряд важных разведывательных сведений. Например, информацию о местах расположения сторожевых постов противника и их количественный состав, что давало возможность планировать атакующие операции. К тому же находившиеся там «мужики» имели более низкий моральный дух в сравнении с военнослужащими регулярных войск. Кроме того, были получены не менее полезные сведения о расположении главных сил шведской армии, нахождении короля Карла XII в Штральзунде (Померания), а также о состоянии системы снабжения провиантом в войсках противника.

В зависимости от боевой ситуации и обстановки формировался дополнительный комплекс вопросов к военнопленному. Так, во время осады русской армией Выборга 6 июля 1710 г. был захвачен шведский капитан Франц Фариол. «В роспросе» он сообщил обстоятельства своего пленения: «был он на пекете для

выручки постов, которые в равелине и в капонирах, и как пришли неприятельские люди, и напали на оной капонир, и оной овладели, в котором был урядник и 15 человек салдат, и он с своими людьми пошел к ним на выручку, и как сошлись с нашими людьми, прапорщик, которой с ним был, и салдаты ево команды, ево покинули, и сами ушли назад, и тут ево взяли» [19, л. 39]. Русское командование в это время интересовало вопросы, связанные с оборонительными сооружениями города, состоянием его гарнизона, наличием провианта и боеприпасов, настроением среди местного населения.

Именно на получение этих сведений делался упор при допросе Ф. Фариола, в ходе которого он сообщил важную информацию о положении дел в осажденной Выборгской крепости. В частности, о наличии в гарнизоне 4 полков, 2 батальонов и «4 рот посацких людей, в которых больша 130 человек не будет, да одна рота мужиков, которые от работы почти все замучены». Здесь же отмечались большие потери в личном составе гарнизона и их низкое моральное качество: «из оных полков и баталионов <...> многия побиты и ранены, <...> в городе у них сначала стояли по

100 человек на пекете для выручки, а ныне за малолюдством токмо по 100 человек стоят». От него же русское командование получило ответы на вопросы:

– о состоянии фортификационных укреплений крепости («Которой деревянной бастион у них от воды сначала нашего приходу строили, и после згорел, во время одного бастиона строения побито большаи 400 человек»);

– о наличии провианта в городе («О провианте... слышел, что еще будет на два месяца, а дают салдатом по 2 капы ржи, да 6 кап ячменю, <...>. Съесных припасов у них в крепости... гораздо мало, и купить достать невозможно»);

– о морально-психологическом состоянии жителей Выборга, находившихся в осаде («Бедные люди, которые ныне в городе, мужеска и женска полу, помирают з голоду на всякой день человеку по 20 и по 30, також зело много бьет бомбами и ис пушек»);

– о количестве боеприпасов в гарнизоне («Пороху и прочей амуниции у них довольно, только бомб малое число, всего с 40 будет») [19, л. 40].

Указанные выше ответы капитана Ф. Фариола в комплексе с допросами других военнопленных давали русскому командованию информацию об оборонительных возможностях гарнизона Выборга. Полученные в ходе расспроса сведения учитывались при формировании плана дальнейшего силового воздействия на город, который в итоге был захвачен.

В 1714–1717 гг. Россия активно действовала на море и проводила сухопутные атаки на прибрежные территории противника. Для совместных операций русской армии и флота необходимы были разведывательные сведения, чтобы военные акции имели максимальную эффективность. Например, в «Журнале» князя М.М. Голицына (1716–1718 гг.), который командовал русским корпусом, действовавшим в Финляндии как на суше, так и на море, неоднократно упоминалась отправка специальных отрядов для захвата «языков», а также успешные результаты их действий [2, с. 165].

Расспросные речи пленников, захваченных в это время, содержали не только ряд важных сведений, но и информацию о ведении разведки вражеской армией. Например, в 1717 г. шведский драгун из Вербованного

полка Юрья Юрьин, захваченный партией капитана Я. Елагина «у кирки Кюро», в ходе допроса сообщил: «командировал их из Ум генерал-лейтенант Лабарт, с капитаны Керкой, Гейкилем, 120 человек. И как прибыли в Вазской уезд, к кирке Нерпис, командировали оные капитаны от себя прапорщика Лембилей до кирки, изо Кюро в 15 человеках для сыскания российских людей. И у оной кирки их взяли, а прапорщик з достальными ушел в лес, а где велено оному прапорщику с капитаны случитца, и как возвратитца в Швецию, того не знает, а российских людей в полон никого при нем не взяли». Кроме этого, драгун сообщил информацию о численности гарнизона города Ума и его командире («3 000 человек, командует оными генерал-лейтенант Лабарт») [18, л. 111]. Из вышеизложенного документа становится понятно, что русские партии не только захватывали «языков», но и проводили контрразведывательные действия против шведских партий. При этом интерес командования вызывали места стоянок таких отрядов и пути их перемещения. Подобные сведения позволяли спланировать нападения на пикеты противника или устроить засады на маршрутах их движения.

Среди сохранившихся источников встречаются расспросные речи служащих шведского морского флота. Получив точные данные о численности кораблей противника и их местоположении, русский флот мог выбирать наиболее выгодные позиции для атак. Типология задаваемых вопросов отличалась от допросов представителей сухопутной армии. Например, захваченный 20 августа 1717 г. поручик шведского флота Петр Грипенмарк в ходе опроса сообщил обстоятельства своего пленения: «Взят в море около Финских шхер, против Бухшхер к зюйдной стороне, на брегантине “Полюк”, <...> ...И погодою занесло ево к Езелю, и как от Езеля пошел он к старому своему месту, и близ того места взят». Кроме этого в ходе «распроса» он рассказал о цели своей миссии и поставленной перед ним боевой задаче: «Когда шквадра швецкая стояла 12 миль от Стекгольма между Капельшхер и Фурусунд, тогда от виц адмирала Эрифелта дан был ему указ, чтоб он шел к финским шхерам, и смотрел посланного порутчика морского флота Сандера, которой послан был для

уведомления о неприятеле к Готланду на французском взятом судне барке... и повелено ему было, ежели увидит помянутого порутчика Сандерса, поворотить, понеже имели опасение от росийского флота». На вопрос «где обретаетца Стеггольмская шквадра, и сколько в оной караблей, фрегатов, брегантин и галер?» П. Грипенмарк ответил, что «ныне обретаетца в Стеггольме, разснащена вся, <...> для того, будто состоялся мир, однако же подлинно о том сказать не может». Здесь же он дал информацию об известных ему 6 кораблях, входивших в эскадру, их названия, наличие пушек на вооружении, командирах и численном составе команд [17, л. 5 – 5 об.]. Русское командование получило информацию о районах действий шведских разведывательных кораблей и составе находившейся на этом участке вражеской эскадры.

С 1718 г. у русского правительства появились надежды на завершение затянувшейся войны. Для того, чтобы подтолкнуть негговорчивых шведских дипломатов к миру, был проведен ряд разведывательно-диверсионных операций на шведском побережье с высадкой на берег десантов и разрушением вражеской инфраструктуры [3, с. 298–309]. Подготовка и планирование с последующей реализацией таких военных акций требовали получения разведывательных сведений. Так, с прибывших в середине июля 1719 г. к берегам Швеции (30 км от Стокгольма) русских галер Ф.М. Апраксиным к столице была отправлена партия казаков, чтобы «достать знатного языка и зажечь город» [3, с. 302]. Несмотря на то что диверсия у города не удалась, казаки захватили 9 пленных, одним из которых был драбант Эвер Густавбое [15].

Из его расспросных речей видно, что интересовало русское командование. Драбанту задавались следующие вопросы: «Сколько ныне полков, как кавалерии, так и инфантерии, и в какой силе стоят?», «В которых местех она кавалерия и инфантерия стоит?», «При Стокгольме много ль караблей обретаетца, и как велики?», «У Далар остров есть ли крепости, и в какой силности имеютца?», «Есть ли где в которых местех собранные магазины?», «Швеция имеет ли известие партии росийской, которая в нордную сторону командрована?» и др. [15, л. 60–63]. Благодаря ответам Э. Гус-

тавбое из этих расспросных речей русское командование получило сведения о том, какими силами располагали шведы на данном участке и под чьим командованием, о местах расположения пехоты и кавалерии, о военных планах врага, силе крепостей, наличии провианта, какими данными о русской армии и флоте располагал противник. Наиболее важной была информация о наличии кораблей у Стокгольма, их количестве и расположении, нахождении королевской эскадры в море, а также сведения о флотах шведских союзников. Успешное планирование и реализация диверсионных операций в 1719 и 1720 г., которые формировались на основе полученных разведывательных сведений, в итоге привели к достижению желаемого результата, и в 1721 г. со Швецией был заключен мирный договор.

Стоит добавить, что источниками разведывательной информации для русской армии были не только военнослужащие вражеских войск. Сохранились также оформленные подобным же образом расспросные речи местных жителей тех регионов, где велись боевые действия (мещан, пасторов, рыбаков, торговцев и многих других), дезертиров, покинувших войска противника, а также русских соотечественников, вернувшихся из плена. Собранные в ходе допросов сведения, содержавшие часто немаловажную для русского командования информацию, обрабатывались и сверялись с уже полученными данными от военнопленных.

Результаты. Расспросные речи, хранящиеся в собрании РГАВМФ, представляют значительный научный интерес для изучения методов разведки начала XVIII века. Анализ рассматриваемых документов позволяет выявить изменения формуляра расспросных речей в ходе Северной войны. Постепенно, ближе к завершающему этапу конфликта, расспросы приобретали единую форму, содержали перечень типичных вопросов, а также дифференцированных в зависимости от статуса и уровня информированности допрашиваемых лиц.

Проведенное исследование расспросных речей позволило комплексно изучить механизмы ведения разведки русской армией во время Северной войны и оценить их практическую значимость. Определено, что расспросные

речи имели четкую структуру, которая включала вводную (дата, данные об опрашиваемом лице, обстоятельства пленения) и основную части (ответы на вопросы о численности, расположении, передвижениях войск противника, состоянии укреплений, запасах провианта и т. д.). Содержание варьировалось в зависимости от источника информации, но всегда фокусировалось на актуальных разведывательных задачах. Статус опрашиваемого лица напрямую влиял на характер и ценность информации. Для каждой категории вводились дополнительные специальные вопросы, учитывающие их осведомленность и мотивацию. Данные, полученные из расспросных речей, играли ключевую роль в оперативном планировании (корректировка маршрутов маршей; выбор

позиций для сражений и укреплений; распределение сил для прикрытия направлений; организация снабжения и фуражировки и т. д.).

Изучение расспросных речей в период Северной войны демонстрирует, что русская армия начала XVIII в. обладала развитой системой разведки, сочетавшей разнообразные методы сбора информации и процедуры ее проверки. Полученные данные не были формальностью, а напрямую влияли на стратегические и тактические решения командования, что в итоге способствовало успеху военных кампаний. Исследование документальных источников подтверждает высокую степень организации разведывательной деятельности, которая стала одним из факторов укрепления военной мощи России в этот период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базарова Т. А. Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Принчевье (нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы VII ежегод. науч. конф. (14–16 апреля 2005 г.). СПб.: РХГА, 2006. С. 48–56.
2. Иванюк С. А. «Журнал» М.М. Голицына (1716–1718) как источник сведений о событиях Северной войны // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 118: Петровское время в лицах – 2023: К 350-летию со дня рождения Александра Даниловича Меншикова (1673–2023): материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2023. С. 162–170.
3. Иванюк С. А. Диверсионные операции русской армии на побережье Швеции (1719–1720) // Петр I у истоков Российской империи: материалы Малого Северного Петровского конгресса, Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. Архангельск: [б. и.], 2022. С. 298–314.
4. Иванюк С. А. Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Ист. ил., 2019. 352 с.
5. Калашникова А. А., Проскурякова М. Е. Следственное делопроизводство России: какие документы составлялись в ходе допросов в XVII веке // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 27–29 апреля 2023 года. Т. 1. Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2023. С. 221–223.
6. Краткий словарь видов и разновидностей документов / отв. ред. А. С. Малитиков. М.: [б. и.], 1974. 79 с.
7. Кротов П. А. Виктории Флота Петра Великого. СПб.: Ист. ил., 2024. 528 с.
8. Кузнецова Т. А. К изучению формуляра документации судебно-следственных дел по «непригодным речам» до Соборного уложения // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 100–107.
9. Материалы для истории Гангутской операции. Вып. 1. Донесения и письма. Петроград: Арх. Мор. м-ва, 1918. 964 с.
10. Материалы для истории русского флота. Ч. 1 / ред. С. И. Елагин. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1865. 720 с.
11. Мельнов А. В. Действия русских войск на подступах к Выборгу в 1710 г. // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 464–486. URL: <http://www.milhist.info/2012/07/16/melnov>
12. Мошник Ю. И. Гарнизон и население Выборга весной-летом 1710 г. // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 280-летию со дня заключения Ништадт. мира. СПб.: Акционер и К, 2001. С. 68–70.
13. Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб.: Воен. тип., 1896. 672 с.
14. Письмо К. Э. Рёне А.Д. Меншикову, с приложением расспросных речей священника Николаевского монастыря, 19 декабря 1708 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 2367. Л. 2 – 2 об.

15. Расспросные речи девяти шведских военнослужащих, 16 июля 1719 г. // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 186. Л. 60–65.
16. Расспросные речи драгуна Г.Г. Переезчикова, отправленные с письмом генерал-лейтенанта К.Э. Ренне к А.Д. Меншикову, 7 мая 1706 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1 – 1 об.
17. Расспросные речи поручика шведского флота П. Грипенмарка, 20 августа 1717 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 159. Л. 5 – 5 об.
18. Расспросные речи шведского драгуна Ю. Юрьина, 1717 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 144. Л. 111.
19. Расспросные речи шведского капитана Ф. Фариола, 6 июля 1710 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 39–40.
20. Расспросные речи шведского прапорщика П. Линда, декабрь 1715 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 93. Л. 67 – 67 об.
21. Расспросные речи шведского солдата Я. Симанова, 21 января 1713 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 33. Л. 350–352.
22. Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Яз. слав. культуры, 2003. 688 с.
23. Шкваров А. Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим. СПб.: RME Group Oy: Алтейя, 2012. 416 с.

REFERENCES

1. Bazarova T.A. Sbor svedenij o neprijatele russkoj i shvedskoj armijami vo vremja voennyh dejstvij v Prinevye (nach. XVIII v.) [Collection of Information About the Enemy by the Russian and Swedish Armies During Military Operations in the Neva Region (Early 18th Century)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: materialy VII ezhegod. nauch. konf. (14–16 aprelja 2005 g.)* [St. Petersburg and the Nordic Countries: Proceedings of the Seventh Annual Scientific Conference (April 14–16, 2005)]. Saint Petersburg, RHGA, 2006, pp. 48–56.
2. Ivanjuk S.A. «Zhurnal» M.M. Golitsyna (1716–1718) kak istochnik svedenij o sobytijah Severnoj vojny [“Journal” of M.M. Golitsyn (1716–1718) as a Source of Information About the Events of the Great Northern War]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 118: Petrovskoye vremya v litsakh – 2023: K 350-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Danilovicha Menshikova (1673–2023): materialy nauch. konf.* [Transactions of the State Hermitage Museum. Vol. 118. Peter the Great’s Time in Persons – 2023. On the 350th Anniversary of the Birth of Alexander Menshikov (1673–2023). Proceedings of a Scientific Conference]. Saint Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitaga, 2023, pp. 162–170.
3. Ivanjuk S.A. Diversionnyye operacii russkoj armii na poberezhye Shvecii (1719–1720) [Sabotage Operations of the Russian Army on the Coast of Sweden (1719–1720)]. *Petr I u istokov Rossijskoj imperii: materialy Malogo Severnogo Petrovskogo kongressa, Arhangelsk, 20–23 aprelja 2022 g.* [Peter I at the Origins of the Russian Empire: Proceedings of the Small Northern Peter the Great Congress, Arkhangelsk, April 20–23, 2022]. Arkhangelsk, s.n., 2022, pp. 298–314.
4. Ivanjuk S.A. *Malaja vojna russkoj armii v period podgotovki Poltavskogo srazhenija* [The Small War of the Russian Army During the Preparation of the Battle of Poltava]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 2019. 352 p.
5. Kalashnikova A.A., Proskurjakova M.Ye. Sledstvennoye deloproizvodstvo Rossii: kakiye dokumenty sostavljalis v khode doprosov v XVII veke [Investigative Records in Russia: What Documents Were Compiled During Interrogations in the 17th Century]. *Aktualnye problemy istochnikovedeniya: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vitebsk, 27–29 aprelja 2023 goda. T. 1* [Current Issues of Information Sources: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. Vitebsk, April 27–29, 2023. Vol. 1]. Vitebsk, Viteb. gos. un-t, 2023, pp. 221–223.
6. Malitkov A.S., ed. *Kratkij slovar vidov i raznovidnostej dokumentov* [A Brief Dictionary of Types and Varieties of Documents]. Moscow, s. n., 1974. 79 p.
7. Krotov P.A. *Viktorii Flota Petra Velikogo* [Victoria of the Fleet of Peter the Great]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 2024. 528 p.
8. Kuznecova T.A. K izucheniju formuljara dokumentacii sudebno-sledstvennyh del po «neprigozhim recham» do Sobornogo ulozhenija [Registry Card of Investigatory Court Cases on “Indecent Words” Before Council Code (“Sobornoe ulozhenie”)]. *Vestnik RGGU. Serija «Istoricheskiye nauki. Istoriografija, istochnikovedeniye, metody istoricheskikh issledovanij»* [RGGU Bulletin, Scientific History. Historiography, Source Study, Methods of Historical Researches], 2009, no. 4, pp. 100–107.
9. *Materialy dlja istorii Gangutskoj operacii. Vyp. 1. Donesenija i pisma* [Materials for the History of the Gangut Operation. Iss. 1. Reports and Letters]. Petrograd, Arkh. Mor. m-va, 1918. 964 p.
10. Yelagin S.I., ed. *Materialy dlja istorii russkogo flota. Ch. 1* [Materials for the History of the Russian Fleet. Pt. 1]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1865. 720 p.

11. Melnov A.V. Dejstvija russkikh vojsk na podstupakh k Vyborgu v 1710 g. [Actions of Russian Troops on the Approaches to Vyborg in 1710]. *Istoriya voyennogo dela: istoriya i istochniki*, 2012, vol. I, pp. 464-486. URL: <http://www.milhist.info/2012/07/16/melnov>
12. Moshnik Ju.I. Garnizon i naseleniye Vyborga vesnoj-letom 1710 g. [The Garrison and Population of Vyborg in the Spring and Summer of 1710]. *Ot Narvy k Nishtadtu: petrovskaja Rossiya v gody Severnoj vojny 1700–1721 gg.: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvjashch. 280-letiju so dnja zakljuchenija Nishtadtskogo mira* [From Narva to Nystad: Peter the Great's Russia During the Great Northern War of 1700–1721. Collection of Materials from the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 280th Anniversary of the Conclusion of the Nystad Peace Treaty]. Saint Petersburg, Aktsioner i K Publ., 2001, pp. 68-70.
13. Myshlaevskij A.Z. *Petr Velikij. Vojna v Finljandii v 1712–1714 godakh. Sovmestnaja operacija sukhoputnoj armii, galernogo i korabelnogo flotov* [Peter the Great. The War in Finland in 1712–1714. A Joint Operation of the Land Army, Galley Fleet, and Naval Fleet]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1896. 672 p.
14. Pismo K.E. Renne A.D. Menshikovu, s prilozheniyem rasprosnnykh rechej svyashhennika Nikolaevskogo monastyrya, 19 dekabrya 1708 g. [Letter from Lieutenant General C.E. Rönne to A.D. Menshikov, with the Attached Interrogation Speeches of the Priest of the Nikolaevsky Monastery, December 19, 1708]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* (hereinafter – Arkhiv SPbII RAN) [Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 83, inv. 1, d. 2367, l. 2-2r.
15. Rasprosnnye rechi devyati shvedskikh voyennosluzhashhih, 16 iyulya 1719 g. [Interrogation Speeches of Nine Swedish Soldiers, July 16, 1719]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota* (hereinafter – RGAVMF) [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 186, l. 60-65.
16. Rasprosnnye rechi draguna G.G. Pereezchikova, otpravlennyye s pismom general-lejtenanta K.E. Renne k A.D. Menshikovu, 7 maja 1706 g. [Interrogation Speeches of Dragoon G.G. Pereezchikov, Sent with a Letter from Lieutenant General C.E. Rönne to A.D. Menshikov, May 7, 1706]. *Arkhiv SPbII RAN* [Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 83, inv. 1, d. 1113, l. 1-1 r.
17. Rasprosnnye rechi poruchika shvedskogo flota P. Gripenmarka, 20 avgusta 1717 g. [Interrogation Speeches of the Swedish Navy Lieutenant P. Gripenmark, August 20, 1717]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 159, l. 5-5 r.
18. Rasprosnnye rechi shvedskogo draguna Ju. Juryina, 1717 g. [Interrogation Speeches by the Swedish Dragoon Yu. Yuryin, 1717]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 144, l. 111.
19. Rasprosnnye rechi shvedskogo kapitana F. Fariola, 6 iyulya 1710 g. [Interrogation Speeches of the Swedish Captain F. Fariol, July 6, 1710]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 7, l. 39-40.
20. Rasprosnnye rechi shvedskogo praporshhika P. Linda, dekabr 1715 g. [Interrogation Speeches of the Swedish Ensign P. Lind, December 1715]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 93, l. 67-67 r.
21. Rasprosnnye rechi shvedskogo soldata Ja. Simanova, 21 janvarja 1713 g. [Interrogation Speeches by the Swedish Soldier J. Simanov, January 21, 1713]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 33, l. 350-352.
22. Tikhomirov M.N. *Trudy po istorii Moskvy* [Works on the history of Moscow]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2003. 688 p.
23. Shkvarov A.G. *Kazachestvo epohi Petra Velikogo. Konec «volnostjam» kazachyim* [Cossacks in the Era of Peter the Great. The End of Cossack "Liberties"]. Saint Petersburg, RME Group Oy, Aletheia Publ., 2012. 416 p.

Information About the Author

Sergey A. Ivanyuk, Candidate of Sciences (History), Director, Central Museum of Communications named after A.S. Popov, Pochtamtsky Lane, 4, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, cms_museum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

Информация об авторе

Сергей Александрович Иванюк, кандидат исторических наук, директор, Центральный музей связи им. А.С. Попова, Почтамтский пер., 4, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, cms_museum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.22>

UDC 94(47+57)«16»:929.5
LBC 63.3(2)44-7

Submitted: 29.08.2025
Accepted: 15.11.2025

“INDOMITABLE TO HIS KIN”: GAVRILA GRIGORIEVICH PUSHKIN AND HIS DESCENDANTS IN THE 17th CENTURY

Pavel V. Sedov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the history of the Pushkin family during the Time of Troubles, especially its outstanding representative, Gavrila Grigorievich, who was one of the first to go over to the side of False Dmitry I. By order of the impostor, he participated in the overthrow of the royal Godunov family and the murder of Tsar Feodor Godunov and his mother. *Methods and materials.* This article utilizes genealogical, anthropological, and memorial approaches. Biographical data on members of the Pushkin family in the 17th century is clarified, particularly regarding the family of Gavrila Grigorievich Pushkin: his children and grandchildren. A significant continuity in the commemoration of Gavrila Grigorievich, who was condemned by the cathedral during the Time of Troubles, is established. Records on early printed books uncovered by the author revealed that G.G. Pushkin's descendants, for three generations, deposited liturgical books in their patrimonial churches for the perpetual remembrance of their father and grandfather. *Analysis and results.* Even before False Dmitry entered Moscow, Patriarch Job anathematized his supporters, which was lifted from all subjects after the impostor's death. However, the memory of Gavrila Grigorievich's betrayal and his direct participation in the massacre of the royal family was alive, and contemporaries reminded Pushkin of this in local conflicts. After the Time of Troubles, Gavrila Grigorievich went blind and retired from the court to his patrimony and, together with his son Grigory, tried to whitewash his actions in the troubled years in a private discharge book. Before his death, concerned about the salvation of his soul, he made contributions to monasteries. His children and grandchildren continued the memorial practice. The author discovered this family tradition based on the records of Pushkin's direct descendants in early printed books, which they put into their patrimonial churches for decades. This fact can be compared with the tradition in the family of Alexander Sergeevich Pushkin: the Pushkin family kept a sacred relic – a piece of the Lord's Robe, passed on to the eldest son with the obligation of an annual service in its honor. According to the testimony of the poet's descendants, he and his father invariably followed this covenant.

Key words: Time of Troubles of the early 17th century, Pushkin family, A.S. Pushkin, False Dmitry I, memorial practice, genealogy.

Citation. Sedov P.V. “Indomitable to His Kin”: Gavrila Grigorievich Pushkin and His Descendants in the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 254-263. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.22>

УДК 94(47+57)«16»:929.5
ББК 63.3(2)44-7

Дата поступления статьи: 29.08.2025
Дата принятия статьи: 15.11.2025

«В РОДНЮ СВОЮ НЕУКРОТИМ»: ГАВРИЛА ГРИГОРЬЕВИЧ ПУШКИН И ЕГО ПОТОМКИ В XVII ВЕКЕ

Павел Владимирович Седов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена истории рода Пушкиных в Смутное время, в особенности ее выдающемуся представителю – Гавриле Григорьевичу, который одним из первых перешел на сторону Лжедмитрия I. По приказу самозванца он участвовал в свержении царской семьи Годуновых и умерщвлении царя Федора Годунова и его матери. **Методы и материалы.** В статье использованы генеалогический, антропологический и мемориальный подходы. Уточнены биографические данные о членах семьи Пушкиных XVII в., в частности о семье Гаврилы Григорьевича Пушкина – его детях и внуках. Установлена существенная преемственность в поминании Гаврилы Григорьевича, осужденного собором в Смутное время. Записи в обнаруженных автором старопечатных книгах свидетельствуют о том, что потомки Г.Г. Пушкина на протяжении трех поколений хранили богослужебные книги в своих родовых церквях в вечную память об отце и деде. **Анализ и результаты.** Еще до вступления Лжедмитрия в Москву патриарх Иов предал его сторонников анафеме, которая уже после гибели самозванца была снята со всех подданных. Однако память об измене Гаврилы Григорьевича и его непосредственном участии в расправе над царской семьей была жива, и современники напоминали об этом Пушкину в местнических конфликтах. После Смуты Гаврила Григорьевич ослеп и удалился от двора в свою вотчину и вместе с сыном Григорием пытался в частной разрядной книге обелить свои действия в смутные годы. Перед кончиной, заботясь о спасении своей души, он делал вклады в монастыри. Его дети и внуки продолжили поминальную практику. Автор обнаружил эту семейную традицию на основе записей прямых потомков Пушкина на старопечатных книгах, которые они на протяжении десятилетий вкладывали в свои вотчинные храмы. Этот факт уместно сопоставить с традицией в семье Александра Сергеевича Пушкина: в роду Пушкиных хранилась святыня – частица Ризы Господней, передаваемая старшему сыну с обязательством ежегодной службы в ее честь. По свидетельству потомков поэта, он вместе с отцом неизменно следовал этому завету.

Ключевые слова: Смута начала XVII в., Пушкины, А.С. Пушкин, Лжедмитрий I, поминальная практика, генеалогия.

Цитирование. Седов П. В. «В родню свою неукротим»: Гаврила Григорьевич Пушкин и его потомки в XVII веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 254–263. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.22>

Введение. Изучение истории рода Пушкиных в современном пушкиноведении не учитывает многочисленные работы историков по этой теме, в особенности это относится к допетровскому времени. После классической работы 1969 г. выдающегося историка и специалиста по генеалогии С.Б. Веселовского «Род и предки А.С. Пушкина» влияние исследований профессиональных историков на работы пушкинистов по истории рода Пушкиных допетровского времени малозаметно. Так, в фундаментальном обобщающем труде 2020 г. по истории рода [15, с. 582–589] не учтены достижения историков в изучении генеалогии Пушкиных за первую половину XVII в. [8; 12 (см. именной указатель); 17; 18].

Непродуктивное разделение гуманитарного знания на исторические и филологические штудии привел к появлению в последнее время работ по истории рода Пушкиных, к которым у профессиональных историков не может не возникнуть критического отношения. Например, в книге Андрея Андреевича и Ларисы Андреевны Черкашиных «Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона» (1998 г.)

и других их работах утверждается, что Пушкины ведут свой род от Рюрика, который был славянского происхождения, и даже еще дальше – от Гостомысла [20, с. 15–16]. Между тем многовековая дискуссия о достоверности поздних свидетельств относительно новгородского старейшины (посадника) Гостомысла и Вадима Храброго, якобы убитого Рюриком, привела исследователей к выводу о том, что это легендарные, а не исторические персонажи (обзор историографической традиции по этой проблеме см.: [16, с. 121–125]). Еще больше вопросов вызывает подход А.А. и Л.А. Черкашиных, согласно которому Пушкины происходят от Рюрика на том основании, что на протяжении веков представители рода женились на дочерях княжеских родов. В быту родством и свойством по женской линии всегда считались. Однако происхождение рода в русской традиции велось исключительно по мужской линии: в родословных росписях XVI–XVII вв. женщин вообще не записывали – ни жен, ни дочерей. В случае, если у главы семьи были только дочери и не было сыновей, то в родословной росписи указывали «бездетен». В до-

петровской Руси, как и во времена А.С. Пушкина, счет рода по женской линии вызвал бы недоумение. Если распространить столь странный подход на другие дворянские роды, то получится, что едва ли не все дворяне России происходят от Рюрика.

Методы и материалы. В статье использованы методы генеалогического, антропологического и каммеморального подходов. Уточнены биографические данные о представителях рода Пушкиных в XVII в., в особенности относительно семьи Гаврилы Григорьевича Пушкина: его детей и внуков. Установлена важная для этой семьи преемственность в поминании Гаврилы Григорьевича, преданного в годы Смуты соборному проклятию. Выявленные записи на старопечатных книгах позволили установить, что потомки Г.Г. Пушкина на протяжении трех поколений вкладывали богослужебные книги в свои вотчинные храмы для вечного поминания своего отца и деда.

Анализ. В исторической литературе давно обсуждается вопрос об опале рода Пушкиных при царе Борисе. Эта дискуссия идет вокруг того, какая историческая реальность стоит за пушкинскими словами, вложенными в уста Бориса Годунова: «Противен мне род Пушкиных мятежный».

Среди пушкинистов принято отталкиваться от пушкинского восприятия истории его рода: находясь в ссылке, поэт искал сближений своего опального состояния с царской немилостью его предков. В автобиографических набросках он сделал такую запись: «Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я». Так сложилась тенденциозная традиция, идущая от раздумий литератора над положением рода Пушкиных, подстраивать исторические факты под восприятие их Александром Сергеевичем.

Предлагаем иной порядок изложения и иную логику: сначала свидетельства исторических источников, а потом их оценка по этому и интерпретации исследователей.

Наим поставлена цель проследить на основе новых данных историю семьи одного из самых выдающихся представителей рода Пушкиных эпохи Смуты – Гаврилы Григорьевича. Его исключительная роль в свержении династии Годуновых в 1605 г. привлекла к нему

внимание современников и потомков, включая и Александра Сергеевича, который сделал его одним из героев драмы «Борис Годунов».

Обратим внимание не только на службы Гаврилы Григорьевича, но и на другую немаловажную сторону его жизни – оценку современниками того, что он совершил. Историки по-разному оценивают причины перехода Гаврилы Григорьевича на службу к самозванцу. Полемика идет вокруг того, была ли опала на весь род Пушкиных при Борисе Годунове, а значит, их выступление против Годуновых было своего рода ответом на действия правителя (так считал В.И. Корецкий) или же были опалы на двух представителей рода по частным причинам, а все остальные Пушкины оставались у царя в милости (этой точки зрения придерживались С.Б. Веселовский, Р.Г. Скрынников, А.П. Павлов).

Полагаем, что современное состояние вопроса позволяет сказать, что опала Бориса Годунова на двух Пушкиных не позволяет однозначно утверждать, что она коснулась всего рода. Гаврила Пушкин был послан воеводой в сибирский город Пелым без всякого упоминания о том, что это была опала. Его троюродный брат, думный дворянин Евстафий Пушкин, был послан вторым воеводой в главный город Сибири Тобольск, что для него было почетным назначением. Там Евстафий и умер в 1601 г.; Борис Годунов тотчас пожаловал думное дворянство его родному брату Ивану Большому. Такая благосклонность противоречит предположению о царской опале на всех Пушкиных.

По окончании сибирской службы Гаврилы Григорьевича был отозван в Москву и в 1605 г. послан воеводой в Белгород [4, с. 28]. Это назначение имело место, когда южные города переходили на сторону Лжедмитрия I. В таких условиях назначение свидетельствует в пользу доверия со стороны Бориса Годунова. В Белгороде гарнизон перешел на сторону самозванца и воеводу Гаврилы Григорьевича пленником привезли к Лжедмитрию I в Путивль. К тому времени все сторонники самозванца были преданы анафеме патриархом Иовом и церковным собором, их всех «соборне и всенародне проклинали и вперед проклиinati велели, да будут они вси прокляты в сем веце и в будущем» [1, с. 80–81].

Таким образом, когда самозванец поручил Гавриле Пушкину вести в Москву грамоты от имени «истинного царя Дмитрия Ивановича», его посланец был проклят патриархом Иовом. В советское время исследователи не придавали особенного значения церковному проклятию сторонникам самозванца. Между тем служба Лжедмитрию I была одной из самых ярких в биографии Гаврилы Григорьевича и в дальнейшем легла несмываемым пятном на карьеру всей семьи.

Грамоты Лжедмитрия были зачитаны в народ, и столица перешла на сторону самозванца. В описании этого события Н.М. Карамзин опирался на свидетельство «Нового летописца», составленного около 1630 года. А.С. Пушкину она была известна в карамзинском изложении. В XX столетии в научный оборот были введены новые источники, которые иначе оценивали этот поступок Гаврилы Пушкина. Важно отметить, что они были созданы раньше «Нового летописца».

В официальных разрядных записях, современных описываемому событию, эта служба изложена следующим образом: самозванец «к Москве послал для смуты Гаврила Григорьева сына Пушкина да Наума Михайлова сына Плещеева...»; к ним «пристал народ многий, и учили на Лобном месте грамоты честь... а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили. И Гаврила Пушкина Рострига за то пожаловал, что назвался у него к Москве и государство Московское смутил, пожаловал сокольничество и в Думу» [4, с. 5, ср.: с. 28, 116, 173, 182, 194, 201].

Официальные разряды выделяют Г.Г. Пушкина как главное действующее лицо и отмечают, что он сам напросился («назвался») у самозванца на эту службу, за что и был пожалован думным дворянством и ближним чином сокольничего. Вероятно, Наум Плещеев тоже был как-то пожалован Лжедмитрием I, но составитель разрядной записи ничего об этом не сообщает. После Смуты Плещеевы пытались обелить своего родственника и утверждали, что Наум Плещеев отказался от этой службы и вся вина за свержение законной царской семьи Годуновых лежит исключительно на Гавриле Пушкине. Во время местнического спора с В.Н. Пушкиным в 1627 г. М.А. Плещеев

утверждал, что Наум Плещеев, «узнав вора Растригу, к Москве для ради прелести от Растриги не поехал. И в ту, государь, пору Гаврила Пушкин у Ростриги к Москве на воровство напросился, над царицею Марьею и над царевичем Федором промышлять и московских людей прельщать и на Ростригино имя к крестному целованью Москву приводить. И в ту, государь, пору Рострига велел Гаврилу Пушкину Наума Плещеева, связав, отвезть к Москве и на Лобном месте Наума Плещеева велел объявить, что ему, Ростриге, низовые города добились челом, и низовых воевод и Наума Плещеева, связав, к нему, Ростриге, прислали. И Гаврила, государь, Пушкин, приехав от Растриги к Москве, Московское государство прельстил и на Растригино имя к крестному целованью привел» [19, с. 64–65]. Трудно сказать, действительно ли Пушкин «напросился» на эту службу и вез с собой Плещеева связанного или же Плещеевы задним числом хотели обелить себя и всю вину в том деле валили на Гаврилу Григорьевича. Несомненно другое: этот эпизод и после Смуты ставили Пушкиным в упрек как утрату их родовой чести.

Эти же события сходно изложены в «Пискаревском летописце», составленном в конце Смуты, около 1615 года. В этом источнике главная роль в низвержении Годуновых отведена не Гавриле Пушкину и Науму Плещееву, а разным чинам столичных жителей («москвичам»), которые и низвергли и арестовали царевича Федора и его мать.

В «Новом летописце» эта история описана с важным оценочным добавлением. В этом обширном летописном тексте была изложена концепция событий Смуты, которая воспринималась современниками как одобренная властью, включая и оценку деятельности ее участников. Самозванец «начат думати, как бы ему послати к Москве. Ту же бысть дьяволом научены Наум Плещеев да Гаврило Пушкин. Те же у него вора на то назвахуся. Он же их пожаловал и отпусти их к Москве» [10, с. 64]. В «Новом летописце» Наум Плещеев и Гаврил Пушкин действуют по научению дьявола. В XVII в. такие упреки не были пустым звуком. Это было напоминание о том, что сторонники самозванца были преданы церковному проклятию. Впрочем, в феврале 1607 г. эта анафема была снята для всех, поскольку после вступ-

ления Лжедмитрия в Москву ему присягнула вся страна. Описание ревностной службы самозванцу Гаврилы Пушкина выделяла его среди других изменивших присяге, бросало тень на его детей.

Другой факт, который после Смуты Гавриле Пушкину не хотелось бы вспоминать, был связан с насильственным пострижением 19 июля 1610 г. царя Василия Шуйского, который решительно отказался принять иноческий чин. Гаврила Пушкин и князь Федор Волконский насильно держали низвергнутого государя, пока князь Василий Тюфякин произносил положенные при пострижении слова. За этот дерзновенный поступок патриарх Гермоген отлучил князя Тюфякина от церкви. В тот раз Гаврила Пушкин не удостоился анафемы, но после Смуты подобные деяния не могли служить к чести рода, и что не менее важно могли наводить участника столь громкого события на мысли о спасении души.

После окончания Смуты и воцарения новой династии пришло время дать оценку тем, кто нарушал крестоцелование и служил самозванцам. Около 1626 г. Гаврила Пушкин и его сын Григорий удаляются от двора в свою вотчину. Исследователи по-разному оценивают этот факт. Одни считают это опалой, а другие видят причину в том, что Гаврила ослеп и его вместе с сыном отпустили из столицы. С 1626 г. в боярских списках напротив имени Гаврилы Григорьевича делали помету «ослеп», и за ним закрепилось прозвище Слепой. Одно время сын Григорий по прозвищу Косой сопровождал своего ослепшего отца.

В своей вотчине Гаврила с сыном Григорием редактируют частную разрядную книгу, в которой происходит ослабление роли Гаврилы Пушкина в событиях Смуты. Этот вопрос был детально проанализирован В.И. Корецким. Он привел убедительные аргументы в пользу признания авторства частной разрядной книги за Григорием Гавриловичем Пушкиным. В этой разрядной книге была сделана запись о посылке при Борисе Годунове в 1601 г. князя Василия Мосальского и Савлука Пушкина «в Тонбусы» с добавлением выгодного для Пушкиных поворота в местническом противостоянии между ними. Против этой записи позднее кто-то сделал помету «Косой солгал». Таким образом, автор пометы считал

Григория Гавриловича Косого автором этой разрядной книги. В.И. Корецкий обратил внимание на то, что в пушкинской разрядной книге всячески обелялись действия Гаврилы Пушкина, а поведение всего рода Пушкиных было выставлено в выгодном для них свете в контексте придворной конъюнктуры после воцарения Михаила Федоровича. Сведения о ссылке двух Пушкиных в Сибирь при Борисе Годунове были обобщены до утверждения об опале всего рода, действия Гаврилы Пушкина и Наума Плещеева, склонивших Москву на сторону Лжедмитрия I, описаны нейтрально, а упор сделан на то, что все чины столицы сами целовали крест самозванцу. В деталях изложено положительное влияние Гаврилы Пушкина во время Клушинской битвы 1610 г., а совершенно неприглядное его поведения во время насильственного пострижения царя Василия Шуйского в том же году и вовсе замалчивается. Последние записи разрядной книги относятся к 1631 г., когда, по-видимому, была закончена работа по ее составлению [8, с. 237–265].

Что могло заставить Григория Пушкина сделать пристрастные записи о своем отце в годы Смуты? В 1627 г. случился местнический конфликт между Василием Никитичем Пушкиным и Андреем Осиповичем Плещеевым. В качестве одного из доказательств старшинства Пушкиных над Плещеевыми Василий Никитич привел случай посылки Лжедмитрием I Гаврилы Пушкина и Наума Плещеева в Москву. Однако в 1627 г. Андрей Плещеев отвел этот аргумент, назвав службу самозванцу «воровской» и заявил, что Наума Плещеева привели к Росстриге насильно («связав»), он же отказался ехать с Гаврилой Пушкиным в Москву и потому последний повез Плещеева в столицу опять же насильно и вновь связанного, что уже совсем неправдоподобно. Всю вину за признание самозванца в Москве Андрей Плещеев переложил на одного Гаврилу Пушкина [8, с. 262–264].

В деревне Гаврила Пушкин и его сын Григорий занялись составлением семейной разрядной книги с целью противопоставить клевете враждебного рода Плещеевых свою версию событий. Пушкиными двигала не столько любовь к исторической истине, сколько необходимость защитить служебные заслуги рода. Анафема патриарха Иова 1605 г.

и осуждение патриархом Гермогеном участников самовольного пострижения низвергнутого царя Василия Шуйского в 1610 г. стали еще одним мотивом для обеления действий Гаврилы Пушкина. На склоне дней анафема патриарха Иова, хотя формально и снятая после гибели Лжедмитрия, и публичное осуждение патриарха Гермогена должны были особенно волновать ослепшего Гаврилу Пушкина, который мог толковать свой недуг как божий гнев за былые дела. Важно подчеркнуть, что перед смертью Гаврила Пушкин принял схиму под именем Герасима. Так поступали далеко не все дворяне, еще реже они решались на более строгую форму покаяния. Такое поведение новоявленного схимомонаха Герасима свидетельствует о его глубоком раскаянии. За два года до кончины, 31 августа 1636 г., он вложил в Троице-Сергиев монастырь «покров бархат черной, крест на нем шит серебром» [7, с. 106].

А.С. Пушкин не мог не заметить роль своих предков в низвержении двух царей эпохи Смуты – Федора Годунова и Василия Шуйского. В черновике стихотворения «Моя родословная» он использовал неожиданное выражение: «Возились Пушкины с царями; / Из них был славен не один, / Когда тягался с поляками / Нижегородский мещанин». В академическом издании сочинений писателя М.А. Цявловский посчитал слово «возились» опиской, хотя в черновике слово читается совершенно ясно. В окончательном варианте автор заменил это слово, подходящее к событиям Смуты, на более обобщенное, приложимое к возвышению рода при первых Романовых, – «водились» [17, с. 11–14]. То, что для поэта было предметом гордости, для его предка Гаврилы Григорьевича стало настоящим испытанием.

До сих пор исследователи не обратили внимание на поминальную практику в семье Пушкиных. Начало ей было положено самим Гаврилой Григорьевичем, который следовал в этом отношении заведенной традиции. Еще при первом самозванце, 4 ноября 1605 г., у него умерла жена Мария, которую он похоронил в Троице-Сергиевом монастыре, сделав по ней вклад 50 рублей [7, с. 287]. Всякое несчастье воспринималось в христианском мире как божья кара за грехи, о которых Гавриле Григорьевичу еще не раз придется вспоминать.

Новые данные о поминальной практике в семье Гаврилы Пушкина сохранились в виде вкладных записей на старопечатных книгах. Эти сведения уже введены в научный оборот специалистами по истории книжности XVII в., но никогда не использовались применительно к истории рода Пушкиных. В церковь своей касимовской вотчины Гаврила Григорьевич сделал вклад – Служебник московской печати 1633 г. издания. На нем сделана следующая вкладная запись с требованием «за Гаврилу Григорьевича и за его дети, и за весь дом его Богу молить и родители их помянуть». На той же книге сделана еще одна запись по приказу его сына: «Служебник акольничева Степана Гавриловича в дом Пречистыя Богородицы Знаменью да к Николе чудотворцу в Касимов» [13, с. 87]. Таким образом, поминание Гаврилы Пушкина и служба о его спасении, завещанная слепым Гаврилой, исполнялись и при его детях.

После смерти Гаврилы Григорьевича Григорий и Степан Гавриловичи сделали вклад по душе отца в кремлевский Чудов монастырь, в котором все в роду Пушкин были вкладчиками. В синодике монастыря находим следующую запись: «Род Григорья да Стефана Гавриловичих Пушкина. Инока схимника Герасима, Марию, Анну, убиенна Афонасия, Феодора, Пелагию» [2, с. 43]. Здесь поминаются их отец Гаврила Григорьевич, принявший перед смертью схиму под именем Герасима. Далее в синодике следует имя матери Марии, умершей в 1605 г., и мачехи Анны Васильевны, урожденной Колтовской, умершей в 1645 году. Убиенный Афанасий – это, по-видимому, двоюродный внук Гаврилы Григорьевича, сражавшийся против Лжедмитрия I и убитый в 1605 г. под Кромами [5, с. 208]. Во всяком случае, других «убиенных» Афанасиев в роде Пушкиных в то время не известно. Поминание Афанасия Ивановича можно объяснить тем, что вместе с ним схимомонаху Герасиму было бы легче получить посмертное прощение за службу самозванцу. Верный присяге Годуновым Афанасий должен был помочь Гавриле и на том свете. Федора в поминальном списке можно отождествить с Федором Семеновичем Пушкиным – двоюродным племянником Гаврилы Григорьевича. Смерть Ф.С. Пушкина в 1629 г. могла стать

причиной его поминания среди узкого круга родственников.

Дети Гаврилы Григорьевича год за годом поминали умершего отца. В 1648 г. Григорий Гаврилович с женой Ульяной Осиповной сделал вклад по своим родителям в Троице-Сергиев монастырь. Условием вклада была мена монастырского сельца Мамонова 335 четвертей на приданную вотчину Ульяны Осиповны, сельцо Степково с пустошами 290 четвертей, с тем, что после смерти Григория и его жены сельцо Мамоново тоже навечно отошло бы обители за помин вкладчиков и их родителей [22, с. 295–296, 310, 452].

22 октября 1650 г. за успешную посольскую службу царь Алексей Михайлович пожаловал Григорию Гавриловичу, тогда уже боярину и оружейнику, подмосковную вотчину село Троицкое-Голенищево. Это было патриаршее село, и за два года до пожалования его Г.Г. Пушкину в нем была построена Троицкая церковь – замечательный памятник шатровой архитектуры, сохранившийся до наших дней. Новый хозяин сделал в свой храм вклад – Требник нового издания 1651 года. На нем вотчинник велел сделать запись: «Лета 7160-го году (1652) генваря в 30 день сию книгу Потребник дал боярин и оружейничий Григорей Гаврилович Пушкин в свою вотчину в село Голенищево в церковь Рождества Богородицы» [6, с. 387]. Вероятно, эта же книга упомянута в описи храма 1701 г. [21, с. 314].

Другой сын Гаврилы Григорьевича – Степан – сделал аналогичный вклад в принадлежавшей ему муромской вотчине. На Триоде цветной издания 1640 г. была сделана следующая вкладная запись 1 марта 1652 г.: «...а х-то по ней станет говорить, и за наше бы здорovia Бога молит и родители наши поминал...» [14, с. 86].

Следующее поколение в семье Гаврилы Григорьевича – его внуки, бояре Матвей и Яков Степановичи – продолжили поминальную практику. После смерти своего отца Степана Григорьевича и дяди, бездетного Григория Гавриловича Косого, они дополнили запись в синодике Чудова монастыря новыми именами своей родни. Поскольку перечень имен завершается именами Григория и Стефана, следует полагать, что запись была

сделана после смерти Григория Косого и Степана Гавриловичей – оба умерли в 1656 г. [9, с. 173–174].

Относительно Степана Гавриловича можно указать точную дату. В отписке мая 1656 г. глава надворной комиссии в Москве боярин князь Г.С. Куракин доносил царю, что назначенный с ним ведать столицу окольных Степан Гаврилович Пушкин «лежал недели две» и умер 24 мая [11, л. 23]. Предположительно, оба сына Гаврилы Григорьевича умерли от чумы, занесенной в Россию с театра военных действий русско-польской войны.

В роду Александра Сергеевича хранилась святыня – частица Ризы Господней, передаваемая старшему сыну в семье с обязательством ежегодной службы в ее честь. По свидетельству потомков литератора, он с отцом неизменно следовал этому завету [3, с. 56]. Можно сделать предположение, что перед кончиной одну из частей Ризы Господней могли принести в дом ближайшего к царю боярина для причащения и последнего прощания. Практика того времени была такова, что больные и умирающие высокого социального статуса имели возможность оставить у себя частицу Ризы Господней как домашнюю святыню. В 1681 г. патриарх Иоаким запретил носить Ризу Господню по дворам знати, чтобы предотвратить подобное умаление святыни и ее неканоническое присвоение. Установившаяся в роду Пушкиных традиция почитания обретенной в семье частицы Ризы Господней стала еще одним вкладом в заботе об устройении души сородичей.

Результаты. Таким образом, поминальная практика Гаврилы Григорьевича Пушкина, его детей и внуков существенно отличалась от интерпретации поэта, основанной на его интересе к истории своего рода. В XVII в. поминовение усопших предков было частью церковного обихода, заботой о спасении их души. Средневековый человек стремился угадать в историческом событии божий промысел и с ним соотносил свою посмертную судьбу. Для А.С. Пушкина, сына века Просвещения, история совершалась выдающимися людьми, среди которых он с гордостью отыскивал предков, ощущая сопричастность славным страницам Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 2. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. 392 с.
2. Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4 (55/56). С. 5–239.
3. Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская: к семейной хронике жены А.С. Пушкина. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. М.: Моск. тип. № 13, 1994. 123 с.
4. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Имп. О-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1907. 311 с.
5. Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина. М.: Наука, 1990. 336 с.
6. Гордеев С. П. Новые поступления рукописей и старопечатных книг в Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 32: Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. Л.: Наука, 1977. С. 383–387.
7. Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М.: Индрик, 2008. 519 с.
8. Корецкий В. И. Пушкины в смутное время и летописец из их рода // В. И. Корецкий. История русско-го летописания второй половины XVI – начала XVII в. М.: Наука, 1986. С. 231–265.
9. Маршалл По. Российская элита в XVII веке: в 2 т. Хельсинки: Vammalan Kirjapaino Oy, 2004.
10. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. М.: Наука, 1965. С. 23–154.
11. Отписка боярина кн. Г.С. Куракина с товарищами царю Алексею Михайловичу 1656 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 307. 323 л.
12. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
13. Поздеева И. В. Русские рукописи и старопечатные книги в личных собраниях Москвы и Подмосковья. М.: Книга. Город, 1983. 160 с.
14. Полетаев А. В., Полетаева Е. А. Записи на старопечатных книгах кирилловской традиции XVI–XVII вв. Из собрания Лаборатории археографических исследований ИГНИ УрФУ // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 1 (17). С. 38–112.
15. Пушкины: генеалогическая энциклопедия / отв. ред. О. Н. Наумов. М.: РОССПЕН, 2020. 592 с.
16. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Акад. проект, 2003. 735 с.
17. Седов П. В. «Водились Пушкины с царями»: род Пушкиных и придворное общество второй половины XVII века // Пушкин и придворная среда его времени. Беляевские чтения: сб. науч. ст. Вып. 5. СПб.: Всерос. музей А.С. Пушкина, 2015. С. 11–30.
18. Селин А. А. Новгородцы Пушкины в годы Смуты // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. Вып. 16 (26). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. С. 223–238.
19. Счетное дело Василия Никитина Пушкина с Ондреем Осиповичем Плещеевым // Временник Московского общества любителей древностей российских. Кн. 14. М.: Унив. тип., 1852. С. 19–192.
20. Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона. М.: Либерия, 1998. 198 с.
21. Холмогоров В. И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 3. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. 388 с.
22. Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 4. М.: Унив. тип., 1917. 688 с.

REFERENCES

1. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arhivakh Rossijskoj imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiyeyu*. T. 2 [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye. I. V. kantselyarii, 1836. 392 p.
2. Alekseev A.I. Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremlе [Synodicon of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2019, no. 3/4 (55/56), pp. 5-239.
3. Arapova A.P. *Natalya Nikolayevna Pushkina-Lanskaya: k semejnoy khronike zheny A. S. Pushkina. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pushkina* [Natalya Pushkina-Lanskaya: On the Family Chronicle of A. S. Pushkin's Wife. On the 200th Anniversary of A. S. Pushkin's Birth]. Moscow, Mosk. tip. № 13, 1994. 123 p.

4. Belokurov S.A. *Razryadnye zapisi za smutnoye vremya (7113–7121 gg.)* [Discharge Records for the Time of Troubles (7113–7121)]. Moscow, Imp. O-vo ist. i drevnostej ros. pri Mosk. un-te, 1907. 311 p.
5. Veselovskij S.B. *Rod i predki Pushkina* [The Family and Ancestors of Pushkin]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 336 p.
6. Gordeev S.P. Novye postupleniya rukopisej i staropechatnykh knig v Gosudarstvenny obyedinenny Vladimiro-Suzdalskij istoriko-arkhitekturny i khudozhestvenny muzej zapovednik [New Acquisitions of Manuscripts and Early Printed Books in the State United Vladimir-Suzdal Historical, Architectural and Art Museum-Reserve]. *Trudy otдела drevnerusskoj literatury. T. 32: Tekstologija i poetika russkoj literatury XI–XVII vv.* [Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 32: Textual Criticism and Poetics of Russian Literature of the 16th–17th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 383–387.
7. Kirichenko L.A., Nikolayeva S.V. *Kormovaya kniga Troice-Sergieva monastyrya 1674 g.* [The Feed Book of the Trinity-Sergius Monastery of 1674]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 519 p.
8. Koreckij V.I. Pushkiny v smutnoe vremya i letopisec iz ih roda [The Pushkins in the Time of Troubles and the Chronicler from Their Family]. Koreckij V.I. *Istorija russkogo letopisaniya vtoroj poloviny XVI–nachala XVII v.* [History of Russian Chronicling of the Second Half of the 16th–Early 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 231–265.
9. Marshall Po. *Rossijskaya elita v XVII veke: v 2 t.* [The Russian Elite in the 17th Century. In 2 Vols.]. Helsinki, Vammalan Kirjapaino Oy, 2004.
10. Novy letopisec [New Chronicler]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisej. T. 14* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 23–154.
11. Otpiska boyarina kn. G. S. Kurakina s tovarishchami caryu Alekseju Mihajlovichu 1656 g. [Letter from the boyar Prince G. S. Kurakin and his comrades to Tsar Alexei Mikhailovich, 1656]. *Rossijskij gosudarstvenny arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, Stolbey Moskovskogo stola [Columns of the Order Table], no. 307. 323 l.
12. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi carya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoye issledovaniye: v 2 t.* [Duma and Chamber People of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographical Study. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2018.
13. Pozdeyeva I.V. *Russkiye rukopisi i staropechatnye knigi v lichnykh sobraniyakh Moskvy i Podmoskovya* [Russian Manuscripts and Early Printed Books in Private Collections of Moscow and the Moscow Region]. Moscow, Kniga. Gorod Publ., 1983. 160 p.
14. Poletayev A.V., Poletayeva Ye.A. Zapisi na staropechatnykh knigakh kirillovskoj tradicii XVI–XVII vv. Iz sobraniya Laboratorii arkhograficheskikh issledovanij IGNI UrFU [Records on Early Printed Books of the Cyrillic Tradition of the 16th–17th Centuries. From the Collection of the Laboratory of Archaeographic Research of the Ural Federal University Institute of Historical and Cultural Studies]. *Vestnik Yekaterinburgskoj dukhovnoj seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2017, iss. 1 (17), pp. 38–112.
15. Naumov O.N., ed. *Pushkiny: genealogicheskaya enciklopediya* [The Pushkins: A Genealogical Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN, 2020. 592 p.
16. Sverdlov M.B. *Domongolskaya Rus: knyaz i knyazheskaya vlast na Rusi VI – pervoj treti XIII v.* [Pre-Mongol Rus: The Prince and Princely Power in Rus from the 6th to the First Third of the 13th Century]. Saint Petersburg, Akad. proekt Publ., 2003. 735 p.
17. Sedov P.V. «Vodilis Pushkiny s caryami»: rod Pushkinyh i pridvornoye obshchestvo vtoroj poloviny XVII veka [“The Pushkins Mixed with the Tsars”: The Pushkin Family and the Court Society of the Second Half of the 17th Century]. *Pushkin i pridvornaya sreda yego vremeni: Belyayevskiye chteniya: sb. nauch. st. Vyp. 5* [Pushkin and the Court Environment of His Time: Belyaev Readings. Collection of Scientific Articles. Iss. 5]. Saint Petersburg, Vseros. muzej A.S. Pushkina, 2015, pp. 11–30.
18. Selin A.A. Novgorodcy Pushkiny v gody Smuty [The Novgorod Pushkins During the Time of Troubles]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik: sb. nauch. tr. Vyp. 16 (26)* [Novgorod Historical Collection. Iss. 16 (26)]. Velikij Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2016, pp. 223–238.
19. Schetnoye delo Vasilya Nikitina Pushkina s Ondreyem Osipovichem Pleshcheevym [The Accounting Case of Vasily Nikitin Pushkin with Ondrey Osipovich Pleshcheyev]. *Vremennik Moskovskogo obshchestva lyubitelej drevnostej rossijskikh. Kn. 14* [Vremennik of the Moscow Society of Lovers of Russian Antiquities. Book 14]. Moscow, Univ. tip., 1852, book 14, pp. 19–192.
20. Cherkashin A.A., Cherkashina L.A. *Tysyacheletneye drevo A. S. Pushkina: korni i krona* [The Millennial Tree of A. S. Pushkin: Roots and Crown]. Moscow, Libereya Publ., 1998. 198 p.
21. Kholmogorov V.I. *Istoricheskiye materialy dlya sostavleniya cerkovnykh letopisej Moskovskoj eparkhii. Vyp. 3* [Historical Materials for Compiling Church Chronicles of the Moscow Diocese. Iss. 3]. Moscow, Tip. L.F. Snegireva, 1886. 388 p.
22. Shumakov S.A. *Obzor «Gramot kollegii ekonomii». Vyp. 4* [Review of the “Charter of the College of Economy”. Iss. 4]. Moscow, Univ. tip., 1917. 688 p.

Information About the Author

Pavel V. Sedov, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-0108>

Информация об авторе

Павел Владимирович Седов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-0108>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.23>

UDC 930.85

LBC 63.211

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 15.11.2025

**“WHO WAS IT WHO TRIED TO PAY OFF CHEPCHUGOV?”
(ADDITIONAL COMMENTARY ON THE DRAMA BY A.S. PUSHKIN,
“BORIS GODUNOV”)**

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article examines the sources of A.S. Pushkin’s drama “Boris Godunov.” It is widely believed that the poet drew on N.M. Karamzin’s “History of the Russian State,” considering his work a response to it. The literature also contains comments on A.S. Pushkin’s use of 17th-century historical works, including The New Chronicler and “The Chronicle of Many Rebellions.” *Methods and materials.* The article, using the comparative method, identifies instances of the possible direct and indirect influence of The New Chronicler on the content of “Boris Godunov.” *Analysis.* The influence of The New Chronicler is evident in the structure of the text, including the chapter on the death of Tsarevich Dmitry, the praise of the victim, and the account of assassins sent. The names of the boyars mentioned in the drama as victims of Tsar Boris are taken from The New Chronicler. It is also no coincidence that Pushkin included Semyon Godunov among his characters, who is described in detail in The New Chronicler as the instigator of Boris Godunov, responsible for the death of the princess’s fiancé. In Pushkin’s version, he brings the tsar denunciations from Shuisky’s slaves. In a number of other instances, the general narrative logic in The New Chronicler and Pushkin coincides. The article also demonstrates a number of direct textual borrowings in five fragments: the preparation for the assassination of Tsarevich Dmitry, the listing of the Tsarevich’s killers, the account of the events in Uglich and the resulting uprising of the townspeople, the description of the death of Tsar Feodor Ivanovich, and the description of the origin of the Impostor. *Results.* Through comparison, the author concludes that many passages in the drama could not have been taken from N.M. Karamzin’s work and demonstrates that they undoubtedly originate in the Nikonovskaya redaction of The New Chronicler. *Funding.* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, No. 25-78-20012 “From the Medieval Scriptorium to the Chancellery of the Modern Age: Writing Practices of Russia and Western Europe”, <https://rscf.ru/project/25-78-20012/>.

Key words: A.S. Pushkin, “Boris Godunov”, N.M. Karamzin, The New Chronicler, “The Chronicle of Many Rebellions”.

Citation. Vovina-Lebedeva V.G. “Who Was It Who Tried to Pay Off Chepchugov?” (Additional Commentary on the Drama by A.S. Pushkin, “Boris Godunov”). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 264-274. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.23>

УДК 930.85

ББК 63.211

Дата поступления статьи: 18.08.2025

Дата принятия статьи: 15.11.2025

**«КТО ПОДКУПАЛ НАПРАСНО ЧЕПЧУГОВА?»
(ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ДРАМЕ А.С. ПУШКИНА
«БОРИС ГОДУНОВ»)**

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье разбирается вопрос об источниках драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов». Справедливо принято считать, что поэт опирался на «Историю Государства Российского» Н.М. Карамзи-

на, считая свое произведение своеобразным ответом на него. В литературе также встречаются замечания об использовании А.С. Пушкиным исторических сочинений XVII в., в том числе Нового летописца и «Летописи о многих мятежах». *Методы и материалы.* В статье при помощи сравнительного метода выявляются случаи возможного прямого и косвенного влияния Нового летописца на содержание «Бориса Годунова». *Анализ.* Влияние Нового летописца проявлялось в структуре текста, в том числе в главе о смерти царевича Дмитрия, похвале жертве и сообщении о подосланных убийцах. Именно из Нового летописца взяты имена бояр, которые упоминаются в драме как пострадавшие от царя Бориса. Не случайно и то, что Пушкин ввел в число персонажей Семена Годунова, о котором подробно рассказано в Новом летописце как о подстрекателе Бориса Годунова, виновном в смерти жениха царевны, а у Пушкина он приносит царю доносы слуг Шуйского. Вряд ли других случаев общая логика повествования в Новом летописце и в поэме Пушкина совпадает. В статье показан также ряд прямых текстуальных заимствований в пяти фрагментах: о подготовке убийства царевича Дмитрия, в перечислении убийц царевича, в рассказе о событиях в Угличе и вспыхнувшем восстании горожан, описании смерти царя Федора Ивановича, описании истории появления Самозванца. *Результаты.* Можно сделать вывод о том, что многие места драмы не могли быть взяты из сочинения Н.М. Карамзина, и показать, что они, без сомнения, восходят к Новому летописцу Никоновской редакции. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-20012 «От средневекового скриптория к канцелярии Нового времени: Письменные практики России и Западной Европы», <https://rscf.ru/project/25-78-20012/>.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Борис Годунов», Н.М. Карамзин, Новый летописец, «Летопись о многих мятежах».

Цитирование. Вовина-Лебедева В. Г. «Кто подкупал напрасно Чепчугова?» (дополнительный комментарий к драме А.С. Пушкина «Борис Годунов») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 264–274. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.23>

Введение. Эта статья посвящена памяти моего учителя Руслана Григорьевича Скрынникова, в семинаре которого на историческом факультете Ленинградского университета я занималась в студенческие годы. Темой семинара была история России XVI–XVII вв. и исторические источники по этому периоду. Р.Г. Скрынников поручил мне заниматься Новым летописцем, и я продолжала исследовать этот памятник следующие пятнадцать лет, результатом чего явилась книга [3]. Вместе с Р.Г. Скрынниковым мы читали и анализировали Следственное дело о гибели царевича Дмитрия. Он отвергал (по разным основаниям) свидетельства о насильственной гибели царевича, полагая последнюю результатом несчастного случая [20; 21]. А.А. Зимин же считал Следственное дело тенденциозным источником, подозревая, что сохранившиеся материалы не позволяют однозначно оценить ее причину, но склонялся скорее к версии убийства [5, с. 153–182]. Это стало одним из первых уроков того, что существуют вопросы, ответы на которые, возможно, всегда будут расходиться у разных исследователей.

Занятия историей текста Нового летописца (далее – НЛ) подвели к необходимости

анализировать рассказ памятника об Угличской трагедии и показали, что разные редакции его содержали различные чтения некоторых мест [3, с. 46, 266–269]. И когда спустя много лет, в октябре 2021 г., Всероссийский музей А.С. Пушкина совместно с Санкт-Петербургским Федеральным исследовательским центром РАН организовали VIII Международные Беляевские чтения, на которых обсуждались темы, связанные с творчеством А.С. Пушкина, возникла мысль исследовать отношение текста Нового летописца и трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», поскольку давно уже есть ощущение, что поэтический текст в некоторых местах зависел от текста Нового летописца больше, чем обычно считается. Данная статья является переработанным вариантом доклада, прочитанного на Беляевских чтениях.

По этому поводу пушкинисты высказывались еще в 1930-х гг., Б.П. Городецкий подчеркнул, что А.С. Пушкин нашел фигуру бунтаря и тему для драмы на этот сюжет после выхода в 1824 г. десятого и одиннадцатого томов «Истории Российской» Н.М. Карамзина, однако признавался, что кроме нее еще «изучение... старых наших летописей» поддало мысль писать на тему Смуты [4, с. 15,

27]. К моменту создания «Бориса Годунова» были уже опубликованы и, следовательно, доступны поэту два издания Нового летописца – крупнейшего памятника позднего летописания эпохи первых Романовых: еще в XVIII в. вышли из печати Никоновская летопись, в одной из редакций дополненная НЛ, а также дважды издавалась поздняя переработка НЛ, называемая «Летописью о многих мятежах» (далее – ЛММ) [10; 11; 12]. Таким образом, А.С. Пушкин мог воспользоваться одним из этих изданий, а, возможно, и обоими, хотя ни одно из них не значится в его библиотеке [9], в которой «История Государства Российского» Н.М. Карамзина, включая тома X, XI и XII числится под № 177. Б.П. Городецкий считал, что «количество фактов, взятых Пушкиным из летописей, совершенно ничтожно по сравнению с «хлынувшим» из томов Карамзина» [4, с. 28]. Однако он не проводил полного сопоставления и не выявил всех мест у Пушкина, которые могли быть взяты из летописей.

А.Л. Слонимский подчеркивал, что объяснение Смуты у Пушкина иное, чем у Карамзина, в частности, был сделан акцент на то, что «всегда народ к смятенью тайно склонен» [22, с. 65, 67]. Несмотря на это, он не развил эту мысль далее, и не пояснил, откуда Пушкин мог почерпнуть такие оценки. Г.О. Винокур обратил внимание на сознательную архаизацию языка в некоторых местах «Бориса Годунова», но признавал, что «поэт в Пушкине постоянно побуждает стилизатора» и заимствования имеют «не столько документальный, сколько поэтический характер» и что Пушкин «угадывал в своих источниках то, что ему было нужно как художнику». При этом Г.О. Винокур повторил, что «почти всю фактическую основу своей трагедии» поэт взял у Карамзина, приведя новые примеры почти точных текстуальных заимствований [2, с. 136, 142, 143]. Тем не менее именно он заметил, что эпизод с предсмертным видением царю Федору Ивановичу взят из «Повести о честном житии» царя Федора Ивановича [2, с. 144–145], хотя не развил эту мысль.

Последней крупной работой, в которой затрагивается интересующий нас вопрос, является совместная работа Честера Даннинга с Кэрл Эмерсон, Сергеем Фомичевым, Ли-

дией Лотман и Энтони Вудом [23]. Во введении подчеркивается, что А.С. Пушкин читал источники для лучшего информирования об историческом Самозванце [23, р. 8]. Авторы учитывали, что существуют известные различия между рукописью 1825 г. и изданием 1831 г., включая опущенные сцены, которые далее издавались отдельно в качестве приложения [19, с. 281–285; 23, р. 11, 29, 203–218]. В дальнейшем сверяем текст первоначальной рукописи (по публикации Ч. Даннинга) [23, р. 245–453] с первым изданием «Бориса Годунова» [18].

В комментариях, написанных Ч. Даннингом совместно с Л. Лотман и Э. Вудом, отмечается, что использование Пушкиным имени Никифора Чепчугова как лица, которому предлагали убийство царевича, а также имен мамки Василисы Волоховой и ее сына, совпадают с текстом НЛ. Дьяк Михайло Битяговский с сыном и племянником Никитой Качаловым, о которых в драме рассказывает князь Шуйский, упоминаются в Угличском следственном деле [23, р. 458, 466]. Комментаторы согласны, что чудесное видение умирающему царю Федору Ивановичу отсутствует у Карамзина [23, р. 466], и признают, что летописью, в наибольшей степени повлиявшей на Пушкина, была ЛММ, а также признают использование Сказания Авраамия Палицына [23, р. 62], сочинения П.-Ш. Левека и М.М. Щербатова и, вероятно, неоконченной пьесы Фр. Шиллера «Деметриус» [23, р. 70].

Итак, в литературе высказывались различные мнения относительно исторических повестей, которые использовал А.С. Пушкин при написании «Бориса Годунова», и поэтому этот вопрос нуждается в уточнении.

Методы и материалы. «Борис Годунов» был закончен в ноябре 1825 г., на следующий год после выхода томов Карамзина на эту тему. Последний том был издан уже в 1829 г. по черновикам Н.М. Карамзина [8]. Таким образом, основным источником при написании «Бориса Годунова» Пушкиным могли быть лишь X и XI тома, где рассказ доходит до избрания в цари Василия Шуйского [23, р. 51–61].

До сих пор не проводилось сплошного сопоставления текста драмы и тех памятников письменности XVII в., которые предположи-

тельно стали ее источниками. Остается неясным вопрос не только о том, какое именно сочинение о Смуте главным образом использовал Пушкин в добавление к «Истории государства Российского» Карамзина, но и то, как, что и почему заимствовалось. Нет и полной ясности в вопросе о том, чем объяснялся ввод Пушкиным в число действующих лиц определенных исторических персонажей.

Целью нашего исследования является выявить, который из летописцев (с уточнением редакции) стал основным источником сведений для Пушкина. Вместе с этим поставлена задача понять, как именно работал с ним поэт. Это будет сделано путем сплошного сравнительного анализа текстов А.С. Пушкина, М.Н. Карамзина, НЛ и ЛММ.

Анализ. Издание драмы, увидевшей свет в 1831 г., было посвящено памяти Н.М. Карамзина, «драгоценной для россиян» [19, с. 187]. По словам Б.П. Городецкого, посвящение Карамзину не имело «какого бы то ни было решающего значения» для системы образов пьесы, хотя нельзя отрицать ее зависимость «от фактического материала» Карамзина, причем можно найти даже примеры прямой текстуальной зависимости [4, с. 30–31, 40].

Что касается НЛ и ЛММ, следует пояснить, что эти опубликованные в XVIII в. памятники являются вариантами одного и того же сочинения, восходящего к ранней редакции НЛ, которую мы в свое время называли редакцией Ундольского [3, с. 100, 112–121]. НЛ к пушкинскому времени был издан в составе Никоновской летописи, а эта редакция имеет свои характерные отличия [3, с. 42–52]. Все это не было известно пушкинистам, которые писали об использовании Пушкиным НЛ или ЛММ. Сразу отметим, что «Сказание Авраамия Палицына» не находит прямых параллелей с текстом А.С. Пушкина, хотя могло в каком-то смысле повлиять на его общее восприятие Смуты начала XVII века.

Интерес поэта к НЛ объясним. Этот памятник содержит рассказ о деятельности русских царей, царского двора и остальных служилых людей, начиная со смерти царя Ивана IV и до 1630 года. А.С. Пушкин принадлежал к одному из тех родов, о которых имеются сведения в этом памятнике.

Попробуем сначала выявить возможное непосредственное влияние НЛ на содержание «Бориса Годунова».

Почему, например, драма начинается беседой князей Воротынского и Шуйского? Василий Шуйский был нужен поэту как человек, непосредственно причастный к делу царевича Дмитрия, и будущий царь. Читатели Карамзина знали, что князь Иван Михайлович Воротынский, один из знатнейших думцев этого времени, являлся сторонником князей Шуйских в борьбе против Бориса Годунова в 1580-е гг., что одним из первых присягнул на верность Самозванцу, что был послан в Углич для перенесения мощей царевича Дмитрия. Таким образом, для читателей пьесы начиналась разговором двух лиц, одно из которых расследовало в Угличе смерть царевича, а второму будет суждено переносить из Углича его прах.

У Карамзина специально об И.М. Воротынском нет подробностей. В НЛ¹ он упомянут несколько раз, но, скорее, вскользь. Так, сообщается, что он был послан с боярами из Москвы встречать «Расстригу», но подчеркивается, что «послали» его московские люди, причем Самозванец унижил бояр, так что они оказались даже пострадавшими [17, с. 65]. Затем И.М. Воротынский упомянут уже при Василии Шуйском как царский воевода, который был послан под Тулу против «воровских людей», от которых «едва ушел» [17, с. 73]. Сомнительное поведение его при поляках не показано, в отличие от других бояр. Эти и некоторые другие детали позволяют предположить, что составитель НЛ, возможно, не хотел компрометировать князя И.М. Воротынского, поэтому предпочел подробности о нем не сообщать [3, с. 347–349].

Пушкин показал князя Воротынского нравственно выше, чем князя Шуйского, и заставил его восклицать о последнем: «Лукавый царедворец!» [19, с. 198]. Можно подумать, что он был избран для начала драмы не за собственные заслуги, а за великое имя (напомним, что именно его словами «наряжены мы вместе город ведать...» [19, с. 187] открывается действие). Всем, кто читал предыдущие тома «Истории Российской», был хорошо знаком его отец – герой битвы при Молодях, спаситель Москвы, впоследствии убитый по приказу Ивана Грозного. Ходили слу-

хи (об этом писал князь Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском»), что князь М.И. Воротынский был казнен по доносу холопа. Это обстоятельство могло подспудно усилить звучание темы холопских доносов на бояр, возникающей у Пушкина далее.

Оба князя, диалогом которых начинается действие – представители несправедливо пострадавших от власти славных семей. Василий Шуйский упоминает в разговоре своего дядю, то есть князя Ивана Петровича Шуйского, также героя, оборонявшего Псков, и погибшего в ссылке после того, как попытался выступить против Бориса Годунова, о чем сообщает и НЛ [10, с. 8; 11, с. 12²; 17, с. 37]. В драме Василий Шуйский говорит, что его дядю «в глухой тюрьме тихонько... задавили» [19, с. 189]. Это могло быть взято из Карамзина, но также и напрямую из НЛ, где о гонениях на Шуйских есть отдельное известие и сказано, что князь И.П. Шуйский «удавлен бысть» на Белоозере [17, с. 36–37]. Возможно, поэту, интересовавшемуся историей своих героев, был известен слух, что и дед Василия Шуйского был затравлен псрами Ивана Грозного.

Писатель, как известно, вывел в драме собственных предков, «род Пушкиных мятежный». Гаврило Пушкин, согласно с исторической реальностью, показан соратником Самозванца и активным противником Бориса Годунова. Об этом писал Н.М. Карамзин, и в НЛ Гаврило Пушкин также выведен как один из отрицательных лиц. Что касается человека, названного в пьесе его дядей, Афанасием Михайловичем Пушкиным, то в истории известен только Остафий Михайлович Пушкин. Вряд ли перемена имени была допущена автором сознательно, скорее, это ошибка. Афанасий Пушкин рассказывает Василию Шуйскому о появлении самозванца со слов своего племянника Гаврилы, который видел его в Кракове [19, с. 220]. Он тоже противник Бориса Годунова, ему принадлежат слова: «Он правит нами, как царь Иван, не к ночи будь помянут...» [19, с. 222]. В НЛ сообщается, что Остафий Пушкин послан в Астрахань расследовать смерть верного царю крымского царевича Малат-Гирея, но и Василий Шуйский был послан расследовать смерть царевича Дмитрия. Остафий Пушкин по НЛ пытал «ве-

дунов», которых подозревали в убийстве царевича, и не смог ничего у них добиться, пока к делу не был привлечен некий «лекарь Арап» [10, с. 15–16; 11, с. 17–19; 19, с. 39–40]. Любопытно, что глава о смерти царевича Дмитрия следует в НЛ сразу после главы о смерти крымского царевича. Обе главы имеют сходство и в структуре: сначала там помещена похвала жертве и сообщение о присланных убийцах, затем описание болезни (в случае крымского царевича) и смерти, далее сообщение о посылке некоего лица (Остафия Пушкина в первом случае, Василия Шуйского во втором), которые проводят расследование. Возможно, Пушкин тоже обратил на это внимание, и может быть, поэтому в драме именно эти двое беседуют о появившемся Самозванце?

В случае с рассказом о смерти царевича Дмитрия важно учитывать, что в Никоновской редакции НЛ в этом месте имеется лакуна, в результате которой получается, что Василий Шуйский «плакася», увидев убитого царевича, «помянув свое согрешение», о котором до того не было речи [3, с. 46; 17, с. 42]. На самом деле в первоначальном варианте текста «плакался» другой участник следствия окольничий Андрей Клешнин, о котором в самом начале этой главы НЛ сказано, что он был «советником» Бориса Годунова, тогда как об участии Василия Шуйского в подготовке убийства не сказано. Разумеется, НЛ использовал и Н.М. Карамзин, в распоряжении которого находилось и само Следственное дело о смерти царевича. Однако соседство в НЛ известия об Остафии Пушкине и о трагедии в Угличе также следует учитывать. Таким образом, Пушкин мог воспользоваться текстом как Карамзина, так и прямо НЛ.

Афанасий Пушкин в пьесе упоминает холопы доносы: «...мы дома, как Литвой / осажены неверными рабами...» [19, с. 222]. Разумеется, это прямая отсылка к главе НЛ «О доводах холопских на бояр» [17, с. 52] (в ЛММ: «О ссоре царя Бориса меж Московских людей, и о доводах холопей на господ своих» [10, с. 54]). Конечно, этот сюжет есть и у М.Н. Карамзина, но вполне мог быть взят Пушкиным прямо из НЛ. В частности, фраза «правительством подкупленные воры» восходит к НЛ, где говорится, что это Борис Годунов тайно велел одного из холопов «научити доводить» на

господина, затем его прилюдно наградил, и других доносчиков жаловал «великим жалованьем», поместьями и казною [17, с. 52].

Понятно, откуда взяты имена других бояр, которых упоминает Афанасий Пушкин как пострадавших от царя Бориса, когда восклицает: «Где Сицкие князья, где Шестуновы, Романовы...» [19, с. 222]. Речь идет о деле Романовых, о котором подробно рассказано в НЛ в главе «О Федоре Никитиче с братьею» [10, с. 56–61; 17, с. 52–54], где упомянуты гонения на Романовых и князей Сицких, а в предыдущей главе («О доводах холопных на бояр») рассказано о доносе холопа на князя Шестунова [10, с. 54–56; 17, с. 52].

Семен Годунов по НЛ – отрицательный советник, подстрекатель Бориса Годунова. Не случайно в драме он приносит царю доносы слуг князя Шуйского и Пушкина на своих хозяев, причем входит в тот момент, когда царь разговаривает с царевной Ксенией, тоскующей по умершему жениху. Ведь по НЛ именно Семен Годунов был виноват в смерти датского королевича [17, с. 56–57], поэтому его появление в данный момент особенно зловеще! Семен Годунов сообщает царю, кого угощал у себя дома кн. Василий Шуйский: «...Обоих Милославских / Бутурлиных, Михайла Салтыкова / да Пушкина...» [19, с. 226]. Набор данных лиц и соединение их вместе не совсем понятно. В НЛ в эти годы упомянут окольничий Михаил Михайлович Салтыков, который делал обыск у Романовых [17, с. 53], и он же был одним из первых думцев, изменивших царевичу Федору. Тем не менее Иван Михайлович Бутурлин в НЛ назван храбрым воеводой в битве при Тарках, где погиб его сын Федор Иванович [17, с. 57–58]. Что касается Милославских, во времена Бориса Годунова этот род еще не был возвышен, как впоследствии, хотя они упомянуты в Тысячной книге и Дворовой тетради [13, с. 235]. Нельзя точно сказать, кем могли быть «обои Милославские», но видимо, имя появилось не случайно. Известно, что близость с Милославскими ставилась в 1697 г. в вину казненным участникам «заговора Циклера», в числе которых был «пращур» А.С. Пушкина, правнук персонажа драмы Гаврилы Пушкина – Федор Матвеевич Пушкин.

Любопытно и процитированное А.Л. Слонимским замечание П.А. Катенина о том, что

у Пушкина «лучшая по истории сцена, где он (Самозванец. – В. В.-Л.) на духу солгал и выдал себя за Дмитрия, пропущена» [22, с. 68]. Во-первых, ни Катенин, ни Слонимский не определили, что это за сцена. Между тем это глава НЛ «О Гришке, како назвася царевичем лестию будто перед смертью», где подробно изложен этот сюжет [10, с. 77–78; 17, с. 60–61²]. Во-вторых, об этой сцене вкратце рассказывает Афанасий Пушкин, когда говорит Василию Шуйскому: «Известно то, что он слугою был / У Вишневецкого, что на одре болезни / Открылся он духовному отцу...» [19, с. 221].

По поводу слов Афанасия Пушкина «Попробуй самозванец / Им посулить старинный Юрьев день, / Так и пойдет потеха...» [19, с. 223] на память приходит глава НЛ «О разбойницах и о посылке на разбойников» [17, с. 58]. Хотя там «Юрьев день» не упомянут (источником Пушкина тут был явно Карамзин), только мятеж, но важно, что эта глава предшествует главе о появлении Самозванца «О настоящей беде Московскому государству, о Гришке Отрепьеве» [10, с. 72–73; 17, с. 58]. Таким образом, у Пушкина воспроизведена та же логическая связь событий (недовольства народа и появления Самозванца), что и в НЛ. Б.П. Городецкий обратил внимание на то, что первоначальное название пьесы Пушкина содержало слова: «О настоящей беде Моск[овскому] Госуд[арству]. О царе Борисе и о Гришке Отрепьеве – Летопись о многих мятежах и пр.» [4, с. 28]. Исследователь заметил, что это заглавие указывает на использование Сказания Авраамия Палицына и ЛММ, но не увидел, что Пушкин здесь просто воспроизвел название главы НЛ.

Еще одна параллель состоит в том, что царевич Федор Борисович у Пушкина называет идущих к нему бояр-убийц: Голицын и Мосальский. Далее в авторской ремарке перечислены еще Молчанов и Шерефединов. Ч. Даннинг справедливо заметил, что список убийц у Пушкина совпадает с НЛ [10, с. 93; 11, с. 95; 17, с. 66; 23, р. 509]. Правда, у Карамзина он также присутствует, но со ссылкой на НЛ [7, с. 205].

Итак, в ряде случаев общая логика повествования в НЛ и у Пушкина совпадает, как и некоторые действующие лица. В то же время мы выявили также ряд прямых текстуаль-

ных заимствований в нескольких фрагментах. Первый из них касается подготовки убийства царевича Дмитрия.

Как видим из таблицы 1, сведения могли быть взяты Пушкиным как у Карамзина, так прямо из НЛ. Впервые на близость Загряжских и Чепчуговых ко двору Михаила Федоровича вскользь указал Е.А. Белов [1]. В го-

ды написания НЛ 11 Загряжских были на службе в Государевом дворе в 1625–1630 годы. Видимо, по этой причине в НЛ в истории с убийством царевича Дмитрия указаны в положительном смысле Загряжские и Никифор Чепчугов [3, с. 266–269; 13, с. 143, 147–148; 14, с. 32, 53, 63–65, 70, 77, 150, 186, 237, 747; 15, с. 228].

Таблица 1. Сходные фрагменты НЛ, текстов Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина

Table 1. Similar fragments from the New Chronicler, texts by N.M. Karamzin and A.S. Pushkin

Новый летописец, (аналогичное чтение ЛММ)	Карамзин	Пушкин
1-й фрагмент		
Сии же советницы Борисовы умыслиша ему послати, ковоизбрав, и ево праведново убить; и избраша Володимера рекомого Загряжского да Микифора Чепчугова , и от них единово послати. И им же то, Володимеру и Никифору, известиша, они же, люди богобоязливый, не токмо что над ним зделати, и помыслити над своим государем не хотяху... [10, с. 18–19; 11, с. 21; 12, с. 16]	Выбор пал на двух чиновников, Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова , одолженных милостями Правителя; но оба уклонились от сделанного им предложения: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубством... [6, с. 131]	Кто подкупал напрасно Чепчугова ? [19, с. 188]
2-й фрагмент		
...и вниде дьявол в единово от них престоющих рекомого Михайло Битяговский . И яко же воиде сатана во Июду Скаринотского ... Борис же тово Михаила повеле привести с великою радостью и обещаея ему воздати великую честь и, одарив ево, отпусти на Углич, да с ним же отпустил сына ево Данилка да Микитку Качалова , и велел им ведати на Угличе все [10, с. 19; 11, с. 22 ³ ; 12, с. 16–17]	Окольный Андрей Лупп-Клешнин представил... дьяка Михайла Битяговского , означенного на лице печатю зверства, так что дикий вид его ручался за верность во зле... <...> ...вместе с ним приехали в Углич сын его, Данило, и племянник Никита Качалов ... [6, с. 131]	Кто подослал обоих Битяговских / с Качаловым ? [19, с. 188]
3-й фрагмент		
Они же, окаянные, посоветовавшись с мамкой его с Марией Волоховой да с сыном ее Данилкой... О чюдо праведно и ужасно, како мертвенное тело трепеташа на велик час, аки голубь! ... <...> ...един же соборной понамарь, видя такую пагубу и заприся на колоколнице и бити начат в колокол ... <...> ...и все люда града Углича збегошася на ево государев двор и видеша себе пагубу, государя своего лежаща мертва, мати же его и кормилица тут же у тела его лежащи аки мертвы ; они же над телом ево вопияху и сих убойцов Михаила Битяговского и з женою и с их советники побиша камением. Той же Микитка и Данилко побежа и отбежа дванадцать верст; кровь же праведнаго вопияше к Богу, не попусти их; они же окаянии возвратишася назад . Граждане же и тех побиша камением ... [10, с. 20–24; 12, с. 17–18]	...а мамка Дмитриева с сыном помогала им советом и делом ... Девятилетний Святой Мученик лежал окровавленный в объятиях той, которая воспитала и хотела защитить его своею грудью: он трепетал, как голубь, испуская дух , и скончался... <...> ...понамарь Соборной церкви – сам ли, как пишут, видев убийство, или извещенный о том слугами Царицы – ударил в набат ... <...> ...увидели Царевича мертвого на земле: подле него лежали мать и кормилица без памяти ... Михайло Битяговский ... бесстрашно явился на месте злодеяния... «Душегубец!» – завопили толпы; камни посыпались на злодея... народ схватил, убил их; также и сына Михайлова, и Никиту Качалова... злодеи, издыхая... наименовали и главного виновника Дмитриевой смерти: Бориса Годунова [6, с. 133–135]	Вдруг слышу звон, ударили в набат , / Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я / Спешу туда ж – а там уже весь город. / Гляжу: лежит резанный царевич; / Царица-мать в беспамятстве над ним, / Кормилица в отчаяньи рыдает, / А тут народ, остервенясь волочит / Безбожную предательницу-мамку ... / Вдруг между их, свиреп, от злости бледен, / Является Иуда Битяговский . / Вот, вот злодей!» – раздался общий вопль, / И вмиг его не стало. Тут народ / Вслед бросился бежавшим трем убийцам; / Укрывшихся злодеев захватили / И привели пред теплый труп младенца, / И чудо – вдруг мертвец затрепетал – / «Покайтесь!» – народ им завопил: / И в ужасе под топором злодеи / Покаялись – и назвали Бориса [19, с. 203–204]

Второй фрагмент касается перечисления убийц царевича. Сравнение показывает, что А.С. Пушкин мог знать о дьяке Битяговском с сыном и Качалове как из Карамзина, так и напрямую из НЛ. Однако характеристика Битяговского как «Иуды» есть только в НЛ, и она же появляется далее у Пушкина: «Является Иуда Битяговский...». Таким образом, источником здесь являлся НЛ.

Третий фрагмент касается продолжения рассказа о событиях в Угличе и вспыхнувшем восстании горожан, в ходе которого были убиты царский дьяк, его сын и несколько других лиц, посланных в Углич из Москвы.

Н.М. Карамзин заимствовал из НЛ слова о том, что тело царевича трепетало «аки голубь». Тем не менее в НЛ трепетало уже «мертвенное» тело, что расценивается как «чудо». У Карамзина же царевич трепетал, испуская дух, и чуда тут никакого нет. Пушкин берет вариант НЛ: у него «мертвец затрепетал», и это – «чудо». Между тем в драме усилено значение момента, добавлено то, чего нет в НЛ: мертвец затрепетал, когда к нему подвели его убийц! Однако у Пушкина, как и у Карамзина, пойманные убийцы перед смертью винят Бориса Годунова, чего нет в НЛ.

Четвертый фрагмент касается описания смерти царя Федора Ивановича. По Пушкину, о ней рассказывает Пимен, но его рассказ не восходит ни к НЛ, ни к Карамзину. В НЛ читаем следующее: «...он же, государь, возрев к дверем прежним и вопроси патриарха Иева: “Кто

сие два за святителя стояща у дверей? Яз их не знаю, а пришли с тобою”. Патриарх же сказываше ему, государю, про всех властей, кои с ним придоша. Он же отвечал ему: “Всех сих знаю, про них же сказуеши ми; сих только двух не знаю”. Мы же все мнемом, яко видит он, государь, ангелов» [10, с. 45–46; 12, с. 34–35]. Итак, в НЛ сообщается о предсмертном видении царю двух святителей, тогда как у Пушкина видение описано иначе и совпадает с «Повестью о честном житии» царя Федора Ивановича (табл. 2).

Следовательно, у Карамзина сюжет с предсмертным видением отсутствует, в НЛ он изложен иначе. Так как «Повесть о честном житии» предшествовала НЛ в Никоновской летописи (но не в ЛММ!), она была опубликована в одном томе с ним. Следовательно, А.С. Пушкин пользовался в данном месте не ЛММ, а изданием Никоновской летописи с НЛ и «Повестью о честном житии».

Наконец, пятый фрагмент (см. табл. 3) касается уже описания истории появления Самозванца. Из сопоставления видно: фраза о том, что грамотность была дана Григорию Отрепьеву «не от Бога», Пушкиным, несомненно, взята из НЛ. И дальнейшие слова патриарха, который решает не беспокоить царя, а доложить обо всем «дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву» [19, с. 206], также восходят к сообщению НЛ, где сказано, что «дьяку Смирнову Васильеву» повелели выслать Гришку на Соловки, и тот сообщил об этом дья-

Таблица 2. Сходные фрагменты «Повести о честном житии», текстов Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина

Table 2. Similar fragments from “The Tale of an Honest Life”, texts by N.M. Karamzin and A.S. Pushkin

Повесть о честном житии	Карамзин	Пушкин
4-й фрагмент		
Прежде же пришествия патриархова видел некакова пришедша к нему мужа светла во святительских одеждах, и глаголет благочестивый царь внезапу предстоящим бояром своим, повелевает отступити от одра его, да устроят место некоему, патриархом нарица я его и честь достойную ему воздати повелевая. Они же глаголаше ему: «Благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всея Руси! Ково, государь, зриши и с ким глаголеши? Еще бо отцу твоему, Иеву патриарху, не пришедши , и кому повелеваеши место устроить?» Он же, отвечав, рече им: «Зрите ли, одра моего предстоит муж светел во одежди святителей , итти ми глаголя за собою повелевает... Федор Иванович всея Руси ко Господу отъиде; тогда убо просветися лице его, яко солнце... [16, с. 348–350]	Первосвятитель Иов дрожащим голосом сказал: «Свет в очах наших меркнет; праведный отходит к Богу... Государь! кому приказываешь Царство, нас сирых и свою Царицу?» Федор тихо отвечствовал: «в Царстве, в вас и в моей Царице волен Господь Всевышний... оставляю грамоту духовную»... Федор испустил дух, без судорог и трепета, незаметно, как бы заснув тихо и сладко [6, с. 213–214]	К его одру, царю едину зримый / Явился муж необычайно светел , / И начал с ним беседовать Федор / И называть великим патриархом . / И все кругом объяты были страхом, / Уразумев небесное виденье, / Зане святый владыка пред царем / Во храмине тогда не находился . / Когда же он преставился, палаты / Исполнились святым благоуханьем / И лик его как солнце просиял [19, с. 203]

Таблица 3. Сходные фрагменты НЛ, текстов Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина

Table 3. Similar fragments from the New Chronicler, texts by N.M. Karamzin and A.S. Pushkin

Новый летописец, (аналогичное чтение ЛММ)	Карамзин	Пушкин
5-й фрагмент		
...и дашеево на Москве в учение грамоте. Грамота ж ему дася не от Бога... И во младости пострижеся на Москве, не вем где, и прииде в Суздаль в Спасской Еуфимьев монастырь. Архимандрит же Левкея, сво видя юна суща и даде его под начал духовному старцу. Он же жил в том монастыре год, ис того ж монастыря уйде...и прииде в Чюдов монастырь и в Чюдове монастыре живушу ему... [10, с. 75; 11, с. 74; 12, с. 55]	Галичанин Юрий Отрепьев... служил в доме у Романовых и Князя Бориса Черкасского; знал грамоте; оказывал много ума, но мало благоразумия; ...постриженный Вятским Игуменом Трифоном и названный Григорием, сей юный Чернец скитался из места в место; жил несколько времени в Суздале, в обители Св. Евфимия, в Галицкой Иоанна Предтечи и в других; наконец в Чудове монастыре... [7, с. 124–125]	Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец, пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену... но, зная, грамота далася ему не от Господа Бога... [19, с. 205]

ку «Семейке Еуфимьеву» [17, с. 59]. В итоге оба имени дьяков находят свой источник в НЛ.

Результаты. Проведенный сравнительный анализ подтверждает и конкретизирует уже высказанные ранее мнения, что А.С. Пушкин пользовался при написании «Бориса Годунова» изданием НЛ. Кроме прямых заимствований некоторые логические связи были взяты из него. Этот памятник объясняет и то, почему те или иные персонажи были введены писателем в число действующих лиц. И хотя в ряде случаев трудно сказать, был ли источником НЛ или текст Н.М. Карамзина (поскольку последний сам опирался на НЛ), удалось показать, какие именно места написаны Пушкиным на основании НЛ, и объяснить, почему они не могли быть заимствованы у Н.М. Карамзина. Сравнение показало, что первоначальное заглавие драмы включало как слова о «многих мятежах», так и прямую цитату из названия главы НЛ. Во всех исследуемых местах позднейшая редакция НЛ (ЛММ), также изданная ко времени Пушкина, полностью совпадает с НЛ Никоновской редакции, однако только последний при издании был сопровожден «Повестью о честном житии царя Федора Ивановича»

(в отличие от ЛММ), а одно из мест у Пушкина (рассказ Пимена о смерти царя Федора Ивановича) определенно взято из этой Повести.

Таким образом, А. С. Пушкин более широко, чем было принято считать ранее, пользовался памятниками эпохи Смуты, но опирался в основном на НЛ в Никоновской редакции, изданный в 1792 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее при сравнении с текстами М.Н. Карамзина и А.С. Пушкина ссылки сделаны на то издание НЛ, которым мог пользоваться А.С. Пушкин (1792 г.), но в других случаях, когда речь идет о простом изложении содержания НЛ, ссылки идут на издание НЛ в ПСРЛ (1910 г., все позднейшие издания его воспроизводят), поскольку в издании XVIII в. имеется много мелких ошибок в прочтении и воспроизведении слов.

² Поскольку 1-е и 2-е издания ЛММ в целом идентичны, но различаются номерами страниц, в данном случае указываем страницы по обоим, а дальше даем страницы по первому изданию.

³ В ЛММ дается ошибочное чтение «Чевчугов» вместо «Чепчугов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов Е. А. О смерти царевича Дмитрия // Журнал Министерства Народного просвещения. 1873. Июль. С. 1–44.
2. Винокур Г. О. Язык «Бориса Годунова» // «Борис Годунов» А.С. Пушкина: сб. ст. Б.П. Городецкого, А.Л. Слонимского, М.П. Алексеева, Г.О. Винокура и А.Н. Глумова. Л.: Тип. им. Лоханкова, 1936. С. 125–158.
3. Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 400 с.
4. Городецкий Б. П. «Борис Годунов» в творчестве Пушкина // «Борис Годунов» А.С. Пушкина: сб. ст. Б.П. Городецкого, А.Л. Слонимского, М.П. Алексеева, Г.О. Винокура и А.Н. Глумова. Л.: Тип. им. Лоханкова, 1936. С. 7–42.

5. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 333 с.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. X. СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. 291, [1], 166, [2] с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. XI. СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. 321, [1], 153, [1], II, [2] с., 9 л.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. XII. СПб.: Тип. Н. Греча, 1829. VII, [1], 330, [2], 243, [3] с.
9. Каталог библиотеки А.С. Пушкина. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps9/ps93001-.htm>
10. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича. СПб.: М.М. Щербатов, 1771. 386 с.
11. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича. 2-е изд. М.: Тип. Компании Типограф., 1788. 366 с.
12. Новый летописец // Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1792. 422 с.
13. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 280 с.
14. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 784 с.
15. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 624 с.
16. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси // Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1791. С. 316–359.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 14. Ч. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 154 с.
18. Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Тип. Департамента народ. просвещения, 1831. 142 с.
19. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. 527 с.
20. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. 2-е изд. М.: Наука, 1979. 192, [8] с.
21. Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». 2-е изд. М.: Мысль, 1985. 206 с.
22. Слонимский А. Л. «Борис Годунов» в драматургии 20-х годов // «Борис Годунов» А.С. Пушкина: сб. ст. Б.П. Городецкого, А.Л. Слонимского, М.П. Алексева, Г.О. Винокура и А.Н. Глумова. Л.: Тип. им. Лоханкова, 1936. С. 43–78.
23. Dunning Ch., Emerson C., Fomichev S., Lotman L., Wood A. The Uncensored Boris Godunov. The Case of Pushkin's Original Comedy, with Annotated Text and Translation. Madison: The University of Wisconsin press, 2006. 550 p.

REFERENCES

1. Belov E.A. O smerti tsarevicha Dmitriya [On the Death of Tsarevich Dmitry]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1873, July, pp. 1-44.
2. Vinokur G.O. Yazyk «Borisa Godunova» [The Language of «Boris Godunov»]. Derzhavin K.N., ed. «Boris Godunov» A.S. Pushkina: sb. st. B.P. Gorodeckogo, A.L. Slonimskogo, M.P. Alekseeva, G.O. Vinokura i A.N. Glumova [«Boris Godunov» by A.S. Pushkin. Collection of Articles by B.P. Gorodetsky, A.L. Slonimsky, M.P. Alekseev, G.O. Vinokur and A.N. Glumov]. Leningrad, Tip. im. Lohankova, 1936, pp. 125-158.
3. Vovina-Lebedeva V.G. *Novyj letopisec. Istoriya teksta* [The New Chronicler. History of the Text]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2004. 400 p.
4. Gorodeckij B.P. «Boris Godunov» v tvorchestve Pushkina [«Boris Godunov» in Pushkin's Works]. «Boris Godunov» A.S. Pushkina: sb. st. B.P. Gorodeckogo, A.L. Slonimskogo, M.P. Alekseeva, G.O. Vinokura i A.N. Glumova [«Boris Godunov» by A.S. Pushkin. Collection of articles by B.P. Gorodetsky, A.L. Slonimsky, M.P. Alekseev, G.O. Vinokur and A.N. Glumov]. Leningrad, Tip. im. Lohankova, 1936, pp. 7-42.
5. Zimin A.A. *Vkanun groznyh potryasenij* [On the Eve of Terrible Upheavals]. Moscow, Mysl Publ., 1986. 333 p.
6. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo: v 12 t. T. X* [The History of the Russian State. In 12 Vols. Vol. 10]. Saint Petersburg, Tip. N. Grecha, 1824. 291, (1), 166, (2) p.
7. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo: v 12 t. T. XI* [The History of the Russian State. In 12 Vols. Vol. 11]. Saint Petersburg, Tip. N. Grecha, 1824. 321, (1), 153, (1), II, (2) p., 9 l.
8. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo: v 12 t. T. XII* [The History of the Russian State. In 12 Vols. Vol. 12]. Saint Petersburg, Tip. N. Grecha, 1829. VII, (1), 330, (2), 243, (3) p.

9. *Katalog biblioteki A.S. Pushkina* [Catalogue of the A.S. Pushkin Library]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps9/ps93001-.htm>
10. *Letopis o mnogih myatezhah i o razorenii Moskovskogo gosudarstva ot vnutrennih i vneshnih nepriyatelej i ot prochih togdashnih vremen mnogih sluchaev, po prestavlenii carya Ioanna Vasilyevicha* [The Chronicle of Many Rebellions and the Destruction of the Moscow State from Internal and External Enemies and from Many Other Cases of That Time, After the Death of Tsar Ivan Vasilyevich]. Saint Petersburg, M.M. Scherbato, 1771. 386 p.
11. *Letopis o mnogih myatezhah i o razorenii Moskovskogo gosudarstva ot vnutrennih i vneshnih nepriyatelej i ot prochih togdashnih vremen mnogih sluchaev, po prestavlenii carya Ioanna Vasilyevicha. 2-e izd.* [The Chronicle of Many Rebellions and the Destruction of the Moscow State from Internal and External Enemies and from Many Other Cases of That Time, After the Death of Tsar Ivan Vasilyevich. The 2nd Ed.]. Moscow, Tip. Kompanii Tipograf., 1788. 366 p.
12. *Novyj letopisec* [The New Chronicler]. *Russkaya letopis po Nikonovu spisku. Ch. 8* [The Russian Chronicle According to Nikon's spisok. Pt. 8]. Saint Petersburg, Pri Imp. Akad. nauk, 1792. 422 p.
13. Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya borba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.)* [The Tsar's Court and Political Struggle Under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 280 p.
14. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi carya Mihaila Romanova: prosopograficheskoye issledovaniye: v 2 t.* [The Duma and Chamber People of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographical Study: In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2019, vol. 1. 784 p.
15. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi carya Mihaila Romanova: prosopograficheskoye issledovaniye: v 2 t.* [The Duma and Chamber People of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographical Study: In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2019, vol. 2. 624 p.
16. *Povest o chestnom zhitii carya i velikogo knyazya Feodora Ioannovicha vseya Rusii* [The Tale of the Honest Life of the Tsar and Grand Duke Feodor Ivanovich of All Russia]. *Russkaya letopis po Nikonovu spisku. Ch. 7* [The Russian Chronicle According to Nikon's spisok. Pt. 7]. Saint Petersburg, Pri Imp. Akad. nauk, 1791, pp. 316-359.
17. *Polnoe sobraniye russkih letopisej. T. 14. Ch. 1* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14. Pt. 1]. Saint Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1910. 154 p.
18. Pushkin A.S. *Boris Godunov*. Saint Petersburg, Tip. Departamenta narod. prosveshcheniya, 1831. 142 p.
19. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochinenij: v 10 t. T. 5* [Complete Works in 10 Vols. Vol. 5]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 527 p.
20. Skrynnikov R.G. *Boris Godunov. 2-e izd.* [Boris Godunov. 2nd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 192, 8 p.
21. Skrynnikov R.G. *Rossiya nakanune «Smutnogo vremeni»* [Russia on the Eve of the “Time of Troubles”]. Moscow, Mysl Publ., 1980. 206 p.
22. Slonimskij A.L. «Boris Godunov» v dramaturgii 20-h godov [“Boris Godunov” in the Drama of the 20s]. «Boris Godunov» A.S. Pushkina: sb. st. B.P. Gorodeckogo, A.L. Slonimskogo, M.P. Alekseeva, G.O. Vinokura i A.N. Glumova [“Boris Godunov” by A.S. Pushkin. Collection of Articles by B.P. Gorodetsky, A.L. Slonimsky, M.P. Alekseev, G.O. Vinokur and A.N. Glumov]. Leningrad, Tip. im. Lohankova, 1936, pp. 43-78.
23. Dunning Ch., Emerson C., Fomichev S., Lotman L., Wood A. *The Uncensored Boris Godunov. The Case of Pushkin's Ordinal Comedy, with Annotated Text and Translation*. Madison, The University of Wisconsin Press, 2006. 550 p.

Information About the Author

Varvara G. Vovina-Lebedeva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Deputy Director for Academic Cooperation, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaja St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

Информация об авторе

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зам. директора по научному сотрудничеству, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истори. Регионовед. Междунар. отнош. 2026. Том 31. № 1. 1–276.